

Василий Чернышев

КРУГ СЕДЬМОЙ

ИСПОВЕДЬ ПАСЫНКА ВЕКА

книга первая

ВСПРЕЧИ НА ДОРОГАХ

«Первою моею мыслью был Бог, второю – Человечество, третью и последнею – Человек»: эта знаменитая фраза Фейербаха определяет собою общий закон развития человеческой мысли.»

Цитируется по книге Иванова-Разумника "Творчество и Критика"

Санкт-Петербург
«NAPISANO PEROM»

2018

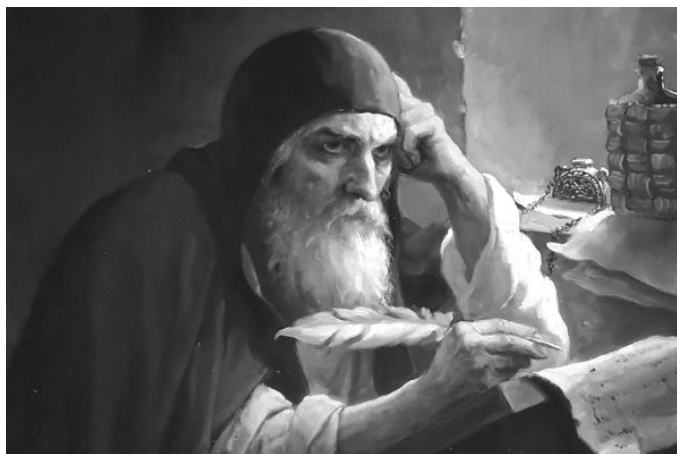
УДК 82/821
ББК 84-4
Ч-49

ISBN 978-5-00071-969-5

© В. И. Чернышев, Записки, 2018
© «NAPISANO PEROM», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПОИСКИ ФОРМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

2 октября 2012 г., вторник, 23-00. Так как Я и Мир почти неотделимы, почти одно, то почти всё, что я хочу понять и объяснить во внешнем мире, я могу понять и объяснить, найдя и объяснив это прежде в себе. Поэтому мне и не обязательно писать историю и философию мира, но можно ограничиться своим собственным жизнеописанием.

Правда, многое зависит от искренности, буду ли я писать правду или ложь. Но и правда – это не всё. Не все укладывается в правду, ограничивается ею, таковы любовь и сострадание.

Но я человек раздвоенный, что во многом определяется тем, что я и частный человек, как все, но и литературный герой, в котором сосредоточены ожидания и намерения многих людей близкой судьбы. Я развивался не как дикое растение, сам по себе, а словно приставленные ко мне садовники старались меня развивать и воспитывать для высшего назначения. Но и многие из окружающих влияли на меня, стараясь меня развить и возвысить, только по сочувствию ко мне и по ощущению того, что я человек не обычный, что мне, возможно, предстоит высокое будущее.

Да, лет с шести-семи окружающие уже стали думать и говорить, что «мне многое дано», и в дальнейшем «с меня многое спросится», по известной поговорке.

Третьих сталкивала со мною судьба или случай, но они проникались ко мне сочувствием и в меру сил способствовали моему развитию и возвышению, стараясь мне даже помочь. Например, буфетчица тетя Люба в студенческом общежитии подкладывала в мою тарелку лишний кусочек масла. Экзаменатор подсказывал мне на вступительных экзаменах (чтобы я, не дай Бог, не споткнулся по дороге к *светлому будущему*).

Конечно, большинство людей сталкивались со мною случайно, как девушки в трамвае, но далее вшивалась судьба и воля.

Или Я сам осматривался в трамвайном вагоне и мои взгляды встречались с взглядами самой красивой из попутчиц. Или учительница оглядывала класс, замечала бледного мальчика «с взором горящим», и потом уделяла ему большую часть своего внимания. Или другой паренек заговаривал со мною по случайному поводу, а потом уже нам становилось интересно разговаривать и по всякому поводу, и так на протяжении пятидесяти лет.

Разумеется, хочется спросить, отличались ли все эти люди большими достоинствами, нежели другие, едущие в другом трамвае, или оглядывающие другой класс, или заговаривающие с другими мальчиками? И как ни удивительно, но и впрямь ко мне притягивались выдающиеся люди.

Возможно, я был не более примечательный, чем другие, но они вложили в меня свою душу, любовь, знания, умения, они меня возвращали как огородный овощ, и я развивался, и должен был сам стать необычным.

Именно: должен был *стать*... Но происходило мое развитие не всегда как должно, я и ленился, и боялся, покорялся слабостям, прикасался к порокам.

Стал ли я в итоге действительно выдающимся человеком?

Я стал человеком, осознающим свою ответственность перед Россией и направляющим иногда свою духовную энергию для ее спасения.

В семь лет ночью во сне Некто сказал мне, что мне предстоит великое будущее, *что я должен спасти Россию*, и с тех пор я жил не только как все, но и по другому, помня об этой моей миссии.

Я знал, что мне нужно понять в мире то, что другим не удастся, и написать книги, в которых высказать свое особенное понимание о мире.

И с помощью своих книг я должен был подвигнуть свою Родину к преобразению и спасению.

Удалось ли мне это?

Нет. Почему?

На этот вопрос я и пытаюсь ответить в лежащей перед тобою книге, мой читатель, отчасти пытаюсь осознать сущность моего поражения.

Но зачем же писать эту книгу, если я потерпел поражение, если мои сочинения и моя жизнь оказались никчемными?

Затем же, зачем встречаются в последний раз влюбленные, даже если судьба их разводит. В последней встрече, в Последнем слове, быть может, больше смысла, чем в предшествующей жизни.

Совершающееся – иррационально. Прощание не менее важно, чем встреча.

Итак, меня созидал русский мир и мировая культура, множество людей, всегда примечательных, даже выдающихся. Меня созидали родные и друзья, учителя, ученые, писатели, философы, красивые или просто любящие девушки, и каждый передал мне частичку себя.

Но почему результат столь многих усилий не достиг необходимого совершенства? Что пошло впрок, а что нет, в чем я ошибся, в чем разочаровался – об этом я и пишу.

До десяти лет я жил в глухой деревушке, не видел электричества, паровоза, автомобиля, читал при свете лучины, потом при "коптилке", то есть керосиновой лампе без "стекла" (стеклянного футляра), закрывающего горящий фитиль, который без него коптил.

Книг было мало, и все же, как ни удивительно, я сумел познакомиться с литературой довольно основательно – так иной грибник и в захудалом лесу набирает полную корзину.

Деревенские жители, родом из многих мест немилосердной родины, из Украины, Белоруссии, а то и из родной Сибири, были людьми сметливыми, мыслящими, независимыми, это воспитывало меня даже больше, чем книги, свободу я впитывал как солнечный свет и воздух.

Да и моя семья была для меня живительным воздухом.

А сколько сказок и песен, былин и небывальщин витало в окружающем воздухе!

Затем мы переехали в лагерный поселок рядом с деревушкой, в пятнадцати километрах от него была средняя школа, там я жил на квартире, пристрастился к игре в лото с «девушками на выданье», слушал их вольные разговоры, а они подчас при мне передевались, вот с тех пор бес и начал соблазнять меня женскими прелестями.

Но больше всего меня все таки воспитывали и соблазняли книги. В пятом классе (зимой с 52-го на 53-й год) я прочитал Джонатана Свифта и Даниэля Дефо (то есть Гулливера и Робинзона) в академическом издании 30-х годов, пристрастился к Джеку Лондону, а многое читал без разбора.

Перед Новым годом я заболел и отвезли меня как лучшего ученика в санаторий в сибирскую Швейцарию, там уже в одиннадцать лет я читал "Анну Каренину" Льва Толстого и безумные сочинения «вождя мирового пролетариата».

Обо всем этом я уже, правда, писал, повторяюсь, чтобы внятнее сформулировать следующее: мне всю жизнь казалось, что я живу не сам по себе, а народ и Бог имеют обо мне некий Замысел.

Возможно, впрочем, что это не так, но все же от других граждан моей страны отличаюсь я тем, что я еще не забыл, что я **русский**, и не покорялся преступной банде, завоевавшей мою Россию, и растлившей мой русский народ. И хотя все уже сдались и прекратили сопротивление (как русские), я еще не сдался, хотя надежды мои на победу безумны. Но, увы, теперь и я понимаю, что поражение окончательно, и впереди только смерть.

Но до последнего времени я верил, что в течение своей жизни я собирал, сосредоточивал, *накапливал* духовную энергию своих воспитателей.

И что же? Где эта накопленная духовная энергия? Где та сила, которая в череде физических и духовных предков должна была во мне, как в острие копья, найти свое оружие? Древко сломалось или острие затупилось? Или дело в том, что хотя сквозь меня словно бы бежал быстрый и сильный поток, но он вымывал из меня знания быстрее, чем они в меня прибывали.

А, впрочем, по настоящему образованными могут быть только немцы и евреи, с их усидчивостью и основательностью. Русские словно бы не глупее, но они легкомысленны, вспыхивают быстро, но горят не глубоко, хотя нередко самобытнее основательных немцев и евреев, особенно в литературе. А литература – это "наше всё", это наша философия, история, социология и религия.

Мне казалось, что я – особое изделие русского деревенского мессианства, на мне – миссия, замысел народный или Божий. Отец мой и мать, потомки ермаковского казака и ссыльного русского крестьянина, не смогли получить образование, но чтение книг им заменила родовая крестьянская память, общение с самобытными людьми, с которыми соприкоснулись они в Сибири, превращенной большевиками в концлагерь.

Я воистину родился от корней русского народа.

Но почему же теперь расхожусь я и с народной верой и с самим народом, который, по обету, я должен был спасти?

Возможно, дело в том, что народ распадается на две части, на два народа – духовную часть, творческую, и "нищих духом" – и я *пришел спасти МОЙ народ*, то есть людей духа – как и Христос заявлял, что Он *пришел спасти Свой народ*, имея в виду "избранный народ", к коему причисляли себя евреи.

Вспомним, кстати, известную притчу о самаритянке, прикоснувшейся к одежде Христа, чтобы Его силой спасти своего сына. Христос же ей пенял, заявляя, что пришел только для своих. *Но ведь и собаке перепадает крошки от хозяйского стола!* – коротко возразила несчастная мать. ...

Ну, вот, не говорит ли это о презрении христиан (или евреев?) к другим, о высокомерии их? И не сохранилось ли это высокомерие и до сего дня?

В этой книге я словно бы "*выясняю отношения*" – и со "своим" народом, культурным и образованным, и с городскими обывателями, стоящими перед властью на коленях, любящими *власть прежде*, а *Россию потом*, даже восхищающимися жестокостью власти, несправедливостью, неправедностью. *Да, мы таковы*, говорят они, *и хорошо, что и власть такова, а умников и праведников и вовсе бы следовало истребить, они нам укор!*

В спорах моих с этой "посконной" безграмотной темной силой чувствую я словно бы ненависть ее ко всему выделяющемуся. *Мы мелкие, так будь же и ты мелок, мы нищие, так будь же и ты нищ!*

«*Нам темно, так ничто не гори!*» (Маяковский)

Они истребили русскую Белую Гвардию, аристократов, писателей и поэтов, философов, ученых, поставили во главе России невежд и негодяев, часто просто убийц и насильников, вместо дворян – партийных чиновников, а теперь чиновничье-ментовскую стаю, вместо купцов отдали Россию в откуп ворами и казнокрадам. И вся наша нынешняя власть – воровская, и вот истребят они последних свободных людей и все мы передо́хнем в смрадном болоте, в который превращается Россия.

Но не закончилась еще моя горестная разборка и с таким народом, многими нитями он связан и с моей *народной аристократией*.

Быть может, когда-нибудь и он опомнится, и вдруг воскликнет: А что же я наделал? Почему это я все норовлю по зову власти таскать хворост в костры, на которых сжигают праведников?

Ильин говорит: Но не *этот ли народ*, на который я так негодую и обзываю *черню*, *засыпал* своими телами болота и рвы, леса и пашни на бескрайних просторах от Волги до Берлина?

Да, по большей части он, хотя и лежат среди них и наши отцы.

Но если бы он так яростно не любил преступную власть, наши отцы, быть может, не все бы и погибли. Только почему они так любят злодеев и ненавидят высокое и доброе, светлое и блаженное – этого я не узнаю...

Хотя и этот презираемый мною народ многими нитями связан со мною, и я его часто жалею в его несчастьях.

1 декабря 2012 г., Работа, увлечение (страсть), **мания** (болезнь) – вот три основные формы взаимоотношений человека и мира, любовь существует в соединении с тем или другим. Блажен, у кого работа одухотворена любовью, семьей и заботой о близких. Несчастливы те, у кого *увлечение* переходит границы и становится всепоглощающей страстью – игроки, отвергнутые влюбленные, безудержные собиратели. Еще несчастнее те, у кого и сама любовь становится *манией*, любовь ли это к Богу, к женщине, к власти или богатству; у кого и любовь превращается в болезнь, как у Отелло, Скупого рыцаря, Макбета.

Соль придает вкус пище, *любовь – это соль мира*. Надо только заботиться о том, чтобы ее не было чрезмерно, ибо хотя мир без соли пресен, но и только соль несъедобна.

Преподавание было для меня не только работой, но и увлечением, и я счастлив, что я свою работу любил. Но заодно я любил и тех, кого я учил математике, и они тоже любили меня. Наша взаимная любовь была той солью, которая черствый хлеб математики делала вкусным.

То же самое было и с дружбой, в ней всегда была и любовь, и я называл такую дружбу *влюбленной*.

То же происходило с моими увлечениями, правда, трезвую границу я часто в самозабвении переходил. Играл в карты я страстно, собирал книги с еще большей страстью, и еще с большей страстью увлекался девушками.

Редактирование книг тоже почти сразу превратилось в увлечение, подобное учительствованию, или стало его новой формой.

Но главное мое увлечение – *разговор с женщиной*.

Вот теперь для меня объединились все грани мира в одно целое. Моя работа, т.е. *редактирование* текста – это разговор с Книгой. В нем я пытаюсь понять самого себя. *Но и разговор с женщиной не таков же ли? Она для меня и текст и ученица, я и редактор и учитель.*

Я посмотрел внимательнее на свою юную собеседницу и воскликнул: Наконец-то я понял самое главное: *женщина – это река, протекающая через жизнь*, и эта река тоже является нашим редактором. Это не я учу своих подруг и их редактирую, это они меня в течение жизни переписывают, совершенствуют, преображают для какой-то неведомой высшей цели. Они меня учат пониманию любви, а значит – пониманию Бытия и Человека.

Существует разрыв, пропасть между декларациями и объяснениями, которые приводят люди, представляя свои мировоззренческие мифологемы, и их бытовым поведением.

Вот *А.*, *христианин*. Как только разговор заходит о христианстве, он несет какой-то бред, который я понять не могу. Он оправдывает Варфоломеевскую ночь и сожжение Жанны Д*Арк, казни раскольников, дворцы у патриарха и епископов, их издомство, он оправдывает власть жуликов и воров, запреты митингов и демонстраций, ссылаясь на то, что властители представляют собою особую касту, что евреи Христа распяли, что масоны Россию погубили, что существует у христианства своя нравственность, у ислама другая, у коммунистов третья, что западная философия нам не годится, и западная математика тоже... И я с унынием понимаю, что правы те, кто учит, что между людьми непроходимая пропасть, что взаимопонимание невозможно, и этот *А.* непостижим, и я *никогда* не пойму, на чем основаны его убеждения.

И так же, встречаясь с *В.*, *махрово советским*, я с унынием слышу панегирики Сталину, сожаления, что мало он *пятую колонну* расстреливал, не всех еще перебил, был недостаточно решителен и слишком милосерд.

Или *С.* – *патриот*. Молится Яриле и Дажьбогу, русских производит от этрусков, эллинскую письменность из славянской, в правительстве видит оплот государственности, в России родину слонов, в «пусях» врагов человечества и природы.

Нет, диалог невозможен, понимаю я.

Но ведь я с ними уже не один пуд соли съел. Мы читали одни и те же книги, пользуемся западной арифметикой, подсчитывая, сколько надо купить закуски, с помощью западной техники передвигаемся в метро и в трамвае, слушаем западную музыку, жалуемся на жен и детей, и проблемы те же, и жалобы одинаковы, негодуем на повышение квартплаты, не учитывая, что патриарху и президенту и их друзьям не хватает на яхты, на бриллианты для любовниц; негодуем на поборы ментов, забывая, что они оплот государственности, носим передачу брату и племяннику, которых ни за что посадили (хотя они только что доказали, что «ни за что» не сажают), красивые девушки вызывают у нас восторг, прекрасные стихи вдохновляют, чужие страдания исторгают слезы, героические поступки возвышают... Одинаков у нас язык, одинаковы логика, этика и эстетика.

Начальник у него хапуга, сослуживец лентяй, сосед скандалист. Но только обмолвился я о том, что три миллиарда украл военный министр, еще пять гражданский, и у правительства их немеряно – В чужом кармане не считай, зло на меня он набросился, значит, так надо, кому положено, те разберутся, *a правительство нас бережет.*

Или неосторожно заговорил я о судьях, которые сажают и выпускают по приказу или за деньги. Или о пытках в Сизо. Или о взятках. Или о том, что высокопоставленные дают людей на улицах. О падении образования. Разрушении науки и культуры. Вырождении народа...

Сами виноваты, отвечают и *A* и *B* и *C*. Мало молимся. Не надо было свергать советскую власть. Виноваты масоны.

Я пишу свои горестные Записки, с изумлением понимаю, что ближние мои их читать не будут. Возможно, прочтет кое-кто из масонов. Или скучающий еврей. Или красивая девушка, разочарованная в кавалерах.

Ну, во всяком случае, несколько читателей у меня может найтись, скорее всего, из тех, кого я упомянул.

Ну, что ж, думаю я, попытаюсь писать для них, для тайного масона, умного еврея (впрочем, евреи почти все умные), печальной красавицы. Но не для тех русских, которые верят, что кроме молитвы больше ничего не надо, ни слез, ни рыданий, ни книг, ни рассуждений, ни баррикад, ни революций. Бог, дескать, сам решает, надо ли нас спасать, и если посчитает нужным, спасет... а если не спасет, значит недостойны... или мало молились...

Так возможен ли диалог? Два человека разговаривают – по телефону, в автобусе, в электричке, иногда – прогуливаясь по улице. Я вижу, как они наклоняют голову в знак согласия или улыбаются, или довольны смеются. Разговаривают помногу, бывает, что и часами, и только что расставшись после занятий в школе или в институте, тут же хватаются за мобильник. Какой-то ненасытимый разговорный голод, и кажется, что эти говорящие «проговорят» в своей жизни всё: первую и последнюю любовь, рассвет и закат, концерты в филармонии и театральные спектакли, и самое ужасное – проговорят *чтение книг.*

Разговаривать нравится и мне, точнее, тянет и меня выговориться, излить

душу, высказать наболевшее или то, о чем я размышляю, поэтому, когда представляется случай, пускаюсь в разговоры и я.

Но редко удается вступить в диалог, в котором собеседники выслушивают дру друга, не прерывая, и нить разговора не теряется, а собеседники подхватывают ее и продолжают сматывать клубок.

Разговариваю я и в бане и в электричке и по телефону, в гостях за столом, но весьма смущают меня эти разговоры, собеседники словно бы не учились в школе, и мы застреваем на том, что известно школьнику начальных классов. Уж и я то не слишком образован, но сталкиваясь часто с поразительным невежеством и неумением мыслить.

Разговоры эти ничего не стоят, они бессодержательны.

Начинаем говорить о бездарном правительстве, собеседник спрашивает: *А кого вместо них? Разве есть альтернатива?*

Но ведь он мог бы подумать, что помимо тех нескольких человек, которые мелькают перед ним на экране телевизора, и в которых он не видит достойных конкурентов правительству, есть еще парламентарии, губернаторы, сенаторы, академики, ректоры вузов, бизнесмены и просто умные люди, и их в России миллионы?! Разве он не знает, что на вакантные должности руководителей устраивается конкурс, и появляются достойные претенденты?

Разве он не помнит из уроков истории, что после важных изменений в жизни страны появляются из небытия тысячи новых фигур, и после французской революции, и после февральской, и после недавней революции девяностых годов премьеры менялись как мужья Элизабет Тейлор?

Случаются разговоры о коммунизме и христианстве, но собеседники ни Капитала не читали, ни Нового Завета!

Правда, это делало их еще более безапелляционными. Критику марксизма они не принимали, потому что это было *единственно верное учение*, а о христианстве рассуждать и вовсе не надо, надо просто ходить в церковь, молиться и верить.

Может быть, для разговора написать Книгу?

Правда, не удастся узнать, что думает читатель, он молчит. Иногда мне кажется, что читателей у меня нет вовсе, даже двух, как у Страхова, которого читали только Толстой и Достоевский.

Напиши роман, чтобы он был интересен читателю из народа! – советуют мне, но написать лучше, чем «Война и Мир», я не могу, а хуже писать бессмысленно, ибо и «Войну и Мир» сегодня тоже уже не читают.

Впрочем, список того, что сегодня не читают, охватывает всю человеческую культуру, **не читают** Гомера и Данте, Вергилия и Платона, Сервантеса и Рабле.

Так что я в хорошей компании, среди *нечитаемых великих!*

Следовательно, я обречен на одиночество, несмотря на то, что у меня есть друзья, и в баню хожу и выпиваю я не один.

Средний человек не только не читает, но не знает истории и ею уже не интересуется, он уже почти никого из известных в прошлом не может вспомнить. Не помнит он уже даже Герострата, наконец-то его забыли, сбылось пожелание греков!

Но меня интересует только одно: готов ли мой народ, мой *малый* народ, который я восхваляю (увы, не уверен, что справедливо): люди творчества, писатели, ученые, музыканты – спасти Россию, а для этого ходить на митинги и шествия, рискуя простудиться?

Увы, нет.

Так кто же тогда ее будет спасать?

Я бы совсем пал духом, но рассуждаю о причинах потрясений в истории и природе, и появляется надежда.

Тектонические сдвиги происходят не потому, что горé надоело стоять, – а что магма в вулкане поднимается даже против своей воли.

Если Россия не только больна, но в глубинах ее созревает последняя магма, тогда не надо отчаиваться и не надо умолять ни малый, ни большой народ. Надо только *слушать музыку революции*, как говорил Блок, и идти на улицы и баррикады.

Революция не спрашивает у народа, быть ей или не быть, как и буря не спрашивает у моря, бушевать ли ей на его пространстве.

И в свой водоворот она затянет всех! И аристократов и чернь. И царя и рабов! Я, впрочем, не даю обещаний, что мы не потонем в пучине.

Но диалог НЕ возможен, и нет смысла в спорах.

Письмо и книга – пример монолога, мнение читателя автор услышит только после того, как выскажется, он не беседует с ним, а излагает.

Монологом являются и так называемые «Беседы» Сократа, нет спора или диалога и в Новом Завете.

«И пусть слово ваше будет да-да и нет-нет!» – говорит Христос Своим ученикам, и Пилату он отвечает одно: *Ты сказал.*

Диалог не возможен, взгляды на жизнь у большинства имеют чувственное происхождение, а чувства, как известно, не подчиняются словам.

Образ мыслей современного человека восходит чаще всего к марксизму или православию, и по существу является *не образом мыслей, а Верой.*

Человек верит, что жизнь и течение вещей подчиняются независимым от человека Законам Природы (вроде Всемирного тяготения), в другом случае – что они определяются Божьей волей.

Но в обоих случаях мир уже объяснен (в существенном), и мало что в нем зависит от нас.

Вот в студенческом клубе юная романистка представляла свою книгу, которую я редактировал, сдуру пригласил я маститого писателя, и по дороге еще назвал ее гениальной. Уже он начал кипеть, затем прочитал на обложке *похвалы свободе* и вскипел окончательно.

Что такое истина и свобода? – спросил он. – И что значит «жить по человечески», если и что такое человек, не известно?

И тут мне стало ясно, что диалог возможен только в том случае, когда собеседники говорят на одном языке, когда понятия, которыми они пользуются, интуитивно представляются им сходными, то есть и добро и зло для них одинаковы.

Что есть истина? – об этом мы спорим уже давно, но могут ли собеседники о чем либо договориться, *если они не умеют в ней сомневаться?*

И я понял уже окончательно, что бессмысленны всякие споры о смысле жизни, о сущности мира, о свободе и красоте, о любви, о правде и справедливости – и с марксистами и с христианами. У них уже *«всё схвачено»*, – взвешено, измерено и сформулировано на века.

Если выводы *религиозного чувства* (христианского или марксистского) словно бы встроены в человека, он дышит и говорит так, как это определено партией или церковью – что ему можно сказать – что он дышит неправильно?! Возможно ли и влюбленного убедить в том, что надо влюбиться в другую?

И следующие мои "пассажи" (рассуждения) – о постижимости или непостижимости того, о чем мы рассуждаем.

Несомненно, что рассуждения наши должны быть *обоснованы*. Не все может быть доказано, но обоснование необходимо для диалога с читателем. Философия, обосновывающая свои претензии на исследование мира и человека, неба и жизни достаточно серьезна, чтобы с нею разговаривать абы как. Так не следует ли теми, кто заявляет о *непостижимости* мира и Бога, но не подкрепляет свои заявления серьезными основаниями, совсем пренебрегать, разговаривая только с вдумчивым читателем?

Обычно говорят о *непостижимости Бога*, и на этом основании подвергают осмеянию всякие рассуждения тех религиозных людей, которые пытаются исследовать Историю, Бытие, Мироздание и их метафизические Основания, да и основания Бога. Так как Бог бесконечно превосходит человека (как и мир, осмелюсь я добавить), то наши рассуждения о Нем то же самое, что рассуждения гусеницы, взвизгивающей на башмак огородника, о том, что такое человек, говорят мне в ответ. Остроумный этот довод, однако же, просто нелеп. Если мои рассуждения о Боге – это рассуждения гусеницы, то и религия невозможна, и всякие рассуждения моего оппонента на религиозные темы тоже ничего не стоят, в том числе и утверждение о бессмысленности моих рассуждений. Человека превосходит, в том или ином отношении, и одно и другое, и третье, и мир его превосходит, и история, и математика, но существует удивительная согласованность сущего и его частей, и как око взвизгивает и сообщает свои впечатления человеческому сознанию, хотя оно малó, так и человек наблюдает и мыслит, наблюдает бесконечно удаленные звездные скопления и кое-что узнает о них, рассуждает о Боге и многое о нем узнает тоже – скорее всего потому, что Бог нуждается в собеседнике и Сам жаждет *взаимопонимания*. Иначе нелепо думать, что вот Бог нас создал, столько с нами возился, даже в рай сгоряча поместил, потом опомнился, из рая изгнал, потом опомнился, и Сына Своего послал на смертные муки ради нашего спасения, – и при этом создал нас как безмозглую гусеницу, не способную хоть что-то понять. Или даже не хочет, чтобы мы что-нибудь понимали:?. Так что же тогда человек – любимое его творение или НИЧТО?

На этом объяснения со сторонниками *непостижимости* пора и закончить, пусть они веруют во что угодно. Есть люди, выслушивающие чужие доводы, размышляющие над ними, принимающие из них то, что в них глубокого. Но есть и те, кто размышлять не хочет. Ну и пусть их... Надо отойти в сторону и разговаривать с желающими говорить и слушать.

Подводя итоги.

Я надеюсь, что мои «Записки редактора», посвященные Литературе, это все же Роман (может быть, и бессмысленный, но на это замечание должны ответить другие), а не *поток мыслей*, это особая форма романа – ФУГА, в которой присутствует несколько голосов, каждый из которых повторяет ТЕМУ – мелодию, проходящую через всю фугу. Да, роман мой затянут – но ведь и некоторые композиторы (например, Бах) писали много, а мы даже благодарны им за это. *Кто знает, вдруг...* так я себя утешаю... пока снова не впадаю в отчаяние от мысли о ненужности своих писаний...

Но, однако, если уже и так ясно, что я графоман, не буду тратить времени на оправдания, а продолжу свои графоманские затеи.

Кстати ведь и Лев Толстой сначала был великим писателем, а в старости стал графоманом. Он доказывал, что красота условна, и каждому нравится то, что нравится, что она всегда относительна, не существует сама по себе, а мы приписываем по произволу тому или иному явлению имя красивого.

У нас в деревне поют соловьи, моя жена, любуясь их пением, объясняет мне, что поют самцы и приманивают самок, и те выбирают того, чье пенье им нравится больше. Но самое поразительное состоит в том, что нравится и человеку и соловьихе наилучший соловушка один и тот же, и наш вкус оказывается с соловьиною одинаков. Но еще поразительнее то, что птицы слушают и нашу музыку тоже, и заслушиваются, а прошлым летом я переговаривался с неизвестною птицей (может быть, это была чья то душа), подражая ее голосу (как бы передразнивая), а она отвечала мне то так то этак, и пока я шел по дороге, все за мною летела.

Следовательно, красота существует объективно, и критерии ее объективны, и даже они шире человеческого сознания. (Как, кстати, и понятие о достойном и недостойном, то есть нравственность, о чем **этологи** уже давно написали, и что доказывает не только то, что, мол, природа отбирает лучших, но что и принципы построения жизни вложены уже в логику мироздания, *а потому мир сотворен, а не случаен.*)

Я уже с Богом в разводе – но я иногда прошу Его помощи. Вдруг я заболелаю (а болею я часто, некий злой рок преследует меня), и я взмаливаюсь: Господи, прости и помилуй, *продли мои муки*, оставь еще здесь, – и происходит чудо, я остаюсь. Так было в одиннадцать лет, когда уже на стене, побеленной известкой, являлись мне фигуры из неизвестного мира, но меня отправили в санаторий, и болезнь отступила; через четыре года вернулась болезнь, но я *заставил себя не болеть* (хотя и пришлось *съесть собаку* и есть мед с горьким алоэ – о, моя святая деревенская мама! На какие чудеса она не была способна для меня в дикой и нишей деревушке!) Потом по мелочам, желтуха, дифтерит, аппендикс и гланды... В 97-м году я шел по зимней дороге ночью в деревню и вдруг началась аритмия. Я взмолился, нет, не слышит, я умираю... О, сколько брани накричал я ему в его седую бороду! Если бы Бог был так тщеславен и злопамятен, как его проповедники, уж Он бы меня помучил! Но нет, вдруг смотрю, тихая ночь, сердце забилося ровно, светит луна, а вот уже и освещенное окно деревенского дома!

В 99-м умирал еще пуше, но поминать не буду, пусть читатель откроет мой роман «Боль и любовь», который тогда и родился.

Потом, в нулевые, по мелочам, в тюрьме на погрузке сорвал живот, пришлось зашивать, потом вдруг заболело так, что криком кричи, пришлось сдаться на милость врачей, но я, уже лежа на столе, уговорил двух хирургов *подождать до утра* (пока сам не умру), к утру и прошло!

В прошлом году и вовсе начались чудеса, «врач резал вдоль и поперек» – да их было даже двое, и две сестрички гладили меня по голове, «пуля прошла навывлет»... Значит, Бог не против, чтобы я продолжал писать свои неблагонадежные книги.

Следовательно, не надо отчаиваться. Мы не совсем одиноки, каждый из нас существует не сам по себе, а соединен с внешним миром и имеет действительного или *воображаемого* собеседника.

Во-первых, человек соединен с Богом (с Высшими силами, Создателем, Источником жизни), – отличным от физического мира и общества.

Во-вторых, человек соединен с окружающими людьми, с обществом, народом, государством,...

Государство и народ наделяют личность двумя важнейшими качествами: гражданство и национальная принадлежность (то есть, по крайней мере, языком и культурой). И то и другое его соединяют с целым и ограничивают – в годы испытаний, в годы смуты, кризиса, духовного падения и войны гражданин обязан защищать свою родину, свое государство, себе самому он уже не принадлежит.

И здесь заканчиваются наши рассуждения о возможности или невозможности диалога, ибо начинается монолог государства. Отказываясь защищать родину, человек ее предает – но и себя, и друзей, и общество...

12 июня 2018 года. «День России». НЕСКОЛЬКО СЛОВ ВДОГОНКУ.

Уже сорок дней, как я, не отпев еще «клоняющуюся к упадку Россию» и давно погибший, погрязший в пьянстве и равнодушии народ, печатаю и раздаю свою «Исповедь» (а точнее «Проповедь и Обличение») знакомым и неизвестным, друзьям и ... хотел по привычке добавить «недругам», да спохватился: когда у меня были недруги, если и следователи меня защищали, и психиатры не лечили а лелеяли, и девушки любили? И это ведь не только потому, что я **хорош** – хотя не так уж я и хорош! – а больше потому, что **этот народ**, на обличении которого я застрял еще с девяностых годов, воистину подобных годам сталинизма, **не так и плох**, как я его представляю. Все, что он делает, он делает для того, чтобы себя сохранить хотя бы для грядущих детей. Он пьет, чтобы меньше впитывать чужеродную агитацию, чтобы забыться в иллюзии, он не следует за пророками, потому что они еще недостойны его за собою вести (и я тоже), он плохо работает, потому что лучше меня знает, что у него все отберут или украдут. И я опомнился. Эту книгу мне уже не переписать, но я напишу вторую книгу, которую назову «Русской философией народности», и в ней я народ и пойму и почти оправдаю. Может быть, и он меня поймет и прислушается к моим словам. Поэтому, читатель, пропусти мои обличения, сразу переходи ко второй книге... Или выбрось их обе, ибо я еще не знаю, научился ли я уже писать...

ПОРУГАНИЕ НАРОДА

Ругался с Богом, пора уже поругаться с народом.

Так что же представляет собою русская история, начиная с семнадцатого года, с так называемой Великой революции? Сегодня все обвиняют во всех русских несчастьях евреев и инородцев, они мол и революцию учинили, и комиссарами были, в ЧК, ГПУ, НКВД, в тюрьмах и лагерях.

Читал воспоминания сына архитектора, построившего Мариинский дворец в Киеве. Ему было 14 лет, на его глазах большевистские орды, предводительствуемые *бывшим капитаном царской армии, русским*, из крестьян, вошли в Киев, и расстреляли тысячи офицеров, стекшихся в Киев с развалившихся фронтов. А в двадцатом году не Тухачевский ли травил восставших крестьян газом и брал в заложники матерей с младенцами (а он был из *русских поляков*)? Так что не одни евреи чинили бойню, в которой истребляли лучших! Или хорош был "народ-богоносец", выкопав труп Корнилова из могилы, привязавший к лошадиному хвосту и волоча три дня по улицам Екатеринодара? А и живых волочили тоже, и реки вспухали от крови убитых!

А---в на это возражает: евреи эту *чернь* возбудили, и в нее вошли бесы, как в свиней, вот она и бросилась с обрыва в пропасть.

Но ответствен за свои дела и за свою веру (которая без дел мертва, как говорит апостол Петр), и сам русский народ, *от Адама до Евы*, как и во все времена. Разве не теснит он высокое, выдающееся, поднявшееся над серединой?

Достоевский говорил, что народ наш богоносец, велик и праведен, а у многих из народа *руки по локоть в крови* лучших (как признал это даже Хрущев, "бывший начальник конвоя").

Товарищ мой кричит: *Дайте мне нож, я его зарежу!* – и он не поколеблется обогреть руки своей кровью.

Разницу между *охранителями* и *критиками* показываю на примере.

У некоей скупщицы краденого сыночек Вовочка учится в школе. По русскому языку у него двойка, по поведению единица, он – гроза учеников и мука учителям. Вызывают в школу его бандершу-маму и говорят ей, что ее Вовочка худший. «Да как он может быть худшим, *когда это мой сыночек?* Да я за него вашу школу по бревнышку раскатаю!»

Вот так же меня, укоряющего русский народ в раболепии, невежестве, самомнении, ненависти к непохожим – готовы по косточкам раскатать даже мои приятели-субутыльники. Из-за них-то Россия и погибнет, потому что тот худший ученик, сын бандерши, и оседлал ее. Ума и культуры у него нет, только хитрость и изворотливость и ненависть к другим. Россия гибнет, все в ней рушится, промышленность, наука, образование, культура, право и справедливость. А большой народ требует, чтобы ему подчинялись и его славословили, а лучших русских, создавших великие романы, написавших стихи и музыку, совершивших научные открытия и учившихся у эллинов и у немцев, и даже у евреев разуму и уму, он уже расточил и сам клонится к упадку.

Мне темно – так ничто не гори! – не отгадка ли это ненависти к нам, отмеченным дыханием Бога? *Они ведь обездолены*, даже и те, кто ездит в дорогих автомобилях. **Что делать?** Вот главный вопрос моей метафизики.

Сегодня в России плохо не всё ли? Когда же правда и справедливость восторжествуют в этой стране?

Но пытаются ли православные помочь торжеству справедливости? Нет, они меня спрашивают: а разве у тебя нет грехов? Ну так и исправляй их, что ты мешаешь бандитам наслаждаться своей безнаказанностью?

Бог, мол, наказывает и народ за его грехи. Если в Отечественной войне погибло сорок миллионов, то это не возмездие ли за бесчинства в Гражданской войне, в коллективизации и в терроре – впрочем, как и в Содоме с Гоморрой погибли дети грешников. Бог не отделял виноватых от невиновных (или он отделил в Содоме от грешников их детей? А даже сам лютей Сталин лицемерно вешал, что *"дети за родителей не отвечают"*.)

Так и сегодня страдает мой «малый народ», народ ученых, поэтов, композиторов и музыкантов, искусных ремесленников, философов и просто свободомыслящих, а торжествуют и грабят страну **хозяева жизни**, не имеющие в ней корней, и их холуи, корни которых отгнили.

Это **мы** писали книги, исследовали небесный свод, научились выплавлять железо и растить хлеб, изобрели колесо и компьютер. Но что же мы так разобщены и бессильны, что терпим иго и платим дань? – нашим трудом, талантом, нашей свободой и нашей жизнью? Они унижают нас, а мы молчим. Они растлевают наших дочерей, а мы молчим. Они разрушают нашу культуру, а мы молчим. Они убивают науку и образование, а мы молчим. Так и канем в вечность вместе с Россией, которая когда-то принадлежала нам.

Но не из-за нас ли, даже и тех, которых называю *я лучшими*, превращается она в пустыню? Из-за нашей трусости, страха потерять относительно сытую жизнь в «шарашке» и оказаться в тюрьме или на поле боя.

И если и вправду *«лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой»*, то мы не достойны ни свободы, ни жизни.

А ведь мы победили бы, ибо нам противостоит ничтожная горстка воров и казнокрадов. Даже их воинство не будет за их сытость и благополучие жертвовать своей жизнью и разбежится с первыми неудачами.

Грядет революция "малого народа" против власти тупого большинства (хотя власть его иллюзорна, это большинство идет за вожаками, как стадо идет за пьяным и безумным пастухом, ведущим его к волкам или на скотобойню.)

Плоды нашей революции – не только наша свобода, но освобождение и преобразование страны, спасение России, новая достойная жизнь для всех, и даже для забитого и темного народа, который получит хорошее образование, квалифицированный труд, достойную заработную плату и возможность создавать полноценную семью. Возможно, я буду понятнее, если этот свой *малый народ* назову *духовной аристократией*. Она не является классом или сословием, но содержится во всех слоях общества как соль содержится в хлебе. *Как и Бог во всем и дьявол во всем (даже в мелочах), а не сами по себе.*

(Слово «аристократ» – метафора, так я называю человека, отвечающего нашему идеальному представлению о *лучших*.)

Итак, наша революция преимущественно *аристократическая*, но она же одновременно будет и революцией *национально-освободительной*.

Аристократизм и национализм, а не одно против другого или отдельно от другого. *Аристократия должна быть национальной, а национализм – аристократическим.*

Вот почему мне не по пути ни с коммунистическими патриотами, ни с псевдо-национализмом правящей банды, ни с кичливостью черни. Аристократизм и национализм должны быть вместе, и неслиянно и нераздельно, как *национализм и аристократизм.*

С ними вместе, как третья ипостась Русского Бога – сама целостная личность, свободный человек.

Аристократизм символизирует культурное начало личности, национализм – его народное начало; целостная **личность** – это человек в своей самобытности, соединяющий общее (*духовное и народное*) с *субъективным.*

Но что же в таком случае Бог? И есть ли Он?

Он присутствует и в человеке и в народе. Если Бог создал человека как самодостаточное бытие, то возникает вопрос о происхождении семьи, рода, народа, национальной идеи. Человек вне рода невозможен – кроме, быть может, "безродных космополитов"... Только это не евреи, их-то как раз Бог выделил в свой «избранный» народ и заключил с ним завет. Евреи, следовательно, и природно связаны со своим народом, и онтологически, и религиозно.

Человек содержит в себе пол, а значит, уже и род и народ, частью которого он является. Человека ВНЕ пола и племени не существует, таким образом, Бог создавал человека и как пол и как народ вместе.

Вот так же и в семени уже заключено развитие, и содержание и направление его. Из семени пшеницы с необходимостью вырастает пшеница, значит, с такой же необходимостью из семени человека вырастает все то, что обуславливает человека. Может ли быть синий цвет, если нет никакого другого цвета? Может ли единственный синий цвет быть синим? Является ли он цветом? И существует ли левое без правого? Обнаруживает ли себя уму твердое, если нет мягкого? Всякое является собою лишь в сравнении с другим. Ева является женщиной лишь в сравнении с Адамом (как и Добро является добром лишь тогда, когда существует Зло). Акт творения должен быть творением всего человека, с его миром, чувствами, мышлением, духом. С его полом и народом (нацией). И человечество существует лишь потому, что существуют народы, как цвет существует через разделение *белого света* на его частности, так что очевидно, что существуют именно частности. И как свет исходит и необъятным солнцем и самым маленьким светлячком, так и *народное* дышит " и в гордых детях славян и в уже не диких тунгусах ".

А «человек мира» (как и «человек лунного света») – лишь исключение, ибо мир существует через народы.

И возможно ли слияние народов в одно *общечеловечество*, чтобы «отныне не было ни еллина ни иудея», как сказал апостол Павел, как и слияние мужчины и женщины в единую личность (смотри у Вл. Соловьева) я даже обсуждать не буду, это за пределами нашей истории. Ибо Бог существует в человеке, в народе в культуре. Ибо как человек вмещает в себя Бога, то и его народ и его культура содержат в себе Бога *от начала слова.*

Так что вселенская Троица в отношении к национальной идее: это народ, с его самомнением, порождающий и государство и общество; аристократия, исходящая из народа; и личность, в которой содержится не только свое особенное, но и народное и аристократическое.

В Писании сказано, что Бог сначала создал Адама, а потом Еву, но так как Ева создана во всем согласно Адаму, и с способностью деторождения, то и Адам, каким он сошел с гончарного круга, уже предполагает себе дополнение, в нем, как и в Еве, все целесообразно!

Все уже было предопределено, предусмотрено Творцом, Он, как и всякий строитель, затеяв постройку, сначала в уме определил ее план: и *любовь* во всем ее многообразии, не исключаящем ни душу ни тело, и труд, и творчество, и детство, и юность, и даже старость, а значит, и смерть, следовательно, уже в Акте творения присутствовал план будущей человеческой жизни не порознь, а в семье, а значит, и в роде-племени, и в народе, следовательно, человек порождает народ, как и народ порождает человека. Они соотносятся друг с другом как часть и целое и одновременно как две целостности, ибо и человек и народ – личности. В народе содержится человек, в человеке – народ. Особенно ясно это видно в единстве пола и личности. Пол отдельно от человека не существует, но и *мужчина* и *женщина* существуют лишь через пол. Следовательно, проповедь отказа от семьи и детей, от прикасания к женщине не только абсурдна, но и кощунственна, она является восстанием против Божественного замысла строения мира. И возвращаясь к Розанову, у него находим ответ: кто восстает против того мира, который был создан Богом – только Противобог, то есть бес (или известный нам бунтовщик, Дьявол.)

НАЧИНАЮ ПИСАТЬ НОВУЮ КНИГУ

21 марта 2013. Сплю плохо, каждую ночь думаю уже о смерти. Всё почти болит, поясница, шея, ноги, даже ступни и пальцы на ногах ломит. Болят глаза, днем капаю разные капли, временно помогает, ночью глаза ломит.

Итак, я столкнулся с рядом проблем, некоторые как будто имеют чисто личный характер, во-первых, наступает старость, во-вторых, одолели немощи – сами по себе они на меня набросились или же в следствие старости, а тогда с ними ничего нельзя сделать?.. Но лучше пока не отчаиваться, а искать средства преодоления того, что меня под собою подмяло.

Вдруг да удастся что-нибудь путное выдумать и хотя бы частично проблемы мои решить или их тлетворное на меня воздействие ослабить?

Пишу об этом потому, что не один я мучаюсь немощами, и не только они моя личная проблема, а, можно сказать, всеобщая, некоторые болеют и в детстве и в юности. Возможно, нам поможет «здоровый образ жизни», и о нем следует поразмыслить и даже, может быть, применить к себе вместо или наряду с мазями и микстурами.

Что же до старости, то начну-ка я с нее и попробую разобраться, что в ней меня тяготит и мешает жить как надо.

Вижу хуже и ломит в глазах, хотя и без очков смотрю на милые девичьи лица так же, как в юности, и вижу и блеск в очах, и румянец на нежных ланитах, и колыханье груди при дыхании.

Правда, меня они видят хуже. Не так пристально всматриваются. Меньше стараются. Да и охоты всматриваться, по правде сказать, уже не испытывают. Но и это меня не мучает, а подчас умиляет.

Вот такая история случилась со мной недавно.

Потерял очки. Пришлось пойти в оптику и попросить очаровашечку подобрать мне что-нибудь подешевле. Было со мною семьсот рублей, на эту сумму она мне очки подыскала, примерила, заставив читать то одно то другое. Естественно, я в нее влюбился.

– Скажите мне честно, есть ли у меня шансы привлечь Ваше внимание, может быть, даже встретиться с Вами, заинтересовать, оболстить?

– Нет! – почти испуганно она ответила. – Ни одного шанса!

– Замечательно! – воскликнул я. – О Вас я и мечтал. Мне хотелось влюбиться в красавицу, но так, чтобы не было надежд, чтобы я уже словно отброшен за Волгу и до Рейхстага мне не дойти! Или словно бы мне предстояло пешком отправиться на Северный полюс или взбираться на высочайшую гору в мире! И все бы с изумлением смотрели на меня, что я туда отправился. И сам бы я себе изумлялся.

Но зато, взобравшись на ледяной неприступный пик или дойдя по торосам до вершины земной оси, я бы оглянулся окрест себя и воскликнул: «Небываемое бывает!» А Вы одели бы мне на голову лавровый венок и запечатлели горячий поцелуй на холодной щеке!

– Нет, этого никогда не будет! – воскликнула красавица. – К тому же я передумала. Я ошибалась Я Вам не подхожу. Все таки со мною у вас есть шансы. Так что Вам придется искать другую.

– Но переигрывать я не разрешаю. Придется играть с теми картами, которые уже розданы. Однако, Вы не волнуйтесь. Я не буду Вам досаждать. Пока я Вас покину и буду размышлять о том, чем вас увлеч. И только потом продолжу военные действия. Или если потеряю и эти очки.

– И что же, мне теперь придется вздрагивать каждый раз, как будет входить очередной посетитель, не Вы ли это?

– Да, придется. Но я Вас за это вознагражу. Я подарю Вам хрустальный дворец. Сочиню стихи. Может быть, напишу о Вас книгу.

...Так что, как видите, с возрастом я не становлюсь рассудительнее и не озабочен тем, что выгляжу хуже, не привлекаю вниманья девиц, не могу так отчаянно бежать за автобусом, как раньше. Зато за девицами "бегаю" как всегда, а что теперь я их не догоняю, так и раньше не всегда догонял тоже.

Пожалуй, старость как проблему я пока отставляю, и остаются только хвори и немощи, о них я и буду размышлять и делиться своими размышлениями с читателем.

Но будет ли у меня читатель?

Сплю плохо, каждую ночь думаю уже о смерти. И все же продолжаю писать, словно хватаюсь за корни и камни на склоне, с которого сползаю.

Все на чем-нибудь растет, из чего-нибудь произрастает. Бывает, что сеют на камне, бывает, что и на камне что-то вырастает, недаром в лесу встречаем мы замшелые валуны, на каменных россыпях березки и кусты, по склонам каменистых гор лепятся деревья, а иногда вырастают среди каменных завалов даже могучие кедры – на крутых скалистых берегах сибирских рек.

Но все-таки крестьянин, надеющийся прокормить и семью и себя самого, не только сеет в благодатную почву, но и пашет ее, и удобряет, и очищает от сорняков, и очищает от неудобного мусора.

Из почвы произрастает, – если в широком, метафорическом смысле применять это слово, – все на свете, произрастает культура, произрастает литература, произрастает народ.

Слово «почва» часто заменяется другими терминами, например, *основание, культура, традиции, история*; даже и слово «народ» может означать почву, ибо в некотором смысле мы все из него истекаем, как из моря, и вся наша история и культура из него истекают, а он истекает, можно сказать, сам из себя.

Я показывал неразделимость языка и письменности, для последней язык и есть почва, но в литературных языках и сам язык истекает из письменности, и даже этнос из нее истекает, то есть народ. Ортодоксальные евреи отделяют ли себя от Завета, данного им в Торе? Нет. Можно сказать, что еврей и иудей – это тождество, то есть еврей-иудей и человек, основой бытия которого является Тора – это тождество.

Но это, правда, и так и не так. Для иудеев это так, но существуют еще еврей-христиане, еврей-атеисты, «русские» еврей-революционеры времен Революции и Гражданской войны, в злодеяниях которых мы ныне обвиняем всех евреев, требуя от них покаяния, и советские евреи, которые, как и советские русские, пытались создать новый народ, а отчасти и ощущали себя этим новым народом.

К советским русским я отношусь иногда как к изменникам – так ли относятся «истинные» евреи к советским евреям?

Но я ушел слишком в сторону.

О евреях в данном контексте я заговорил лишь затем, чтобы напомнить мою точку зрения, что национальность – понятие, характеризующее не только и не столько племенную принадлежность, сколько принадлежность к определенной *культуре*, в том числе к языку, религии, исторической памяти.

И русская литература – это литература национальная, произрастающая на национальной почве, которой как раз и являются культура, язык, религия, историческая память, а в последние три столетия язык и культура, отдельно от религии.

Сбивчивость в разговоре, в выражении точки зрения и взаимопонимании возникает оттого, что понятие культуры может употребляться и в широком и в узком смысле этого слова.

Культура в широком смысле включает язык и «преданья старины глубокой», музыку, песни, танцы, традиции бытовой жизни, пищу и одежду, жилища и природу, праздники и верования, взгляд на мир и принадлежность к тому или иному мировоззрению – и тогда русская литература произрастает *на почве культуры*. Но так как уже в девятнадцатом веке светская литература отделилась от литературы православной, и они пахли разное, светская пахла природой, солнцем, «пахла женщиной», страстью, азартом, чувственной любовью, иногда завистью и ненавистью, иногда блинами и настойкой... а православная пахла елеем, ладаном, свечами, старыми иконами, лампадным маслом, постом и молитвой – то необходимо стало выделить и употреблять понятие культуры в узком смысле, отделив от нее религию и идеологию. О религиозной литературе я уже сказал, но есть еще литература идеологическая, «партийная», по определению Ленина. Он-то думал, что всякая литература партийна, но партийной была только литература советская.

Вся же остальная литература, сколько бы ни была она тенденциозна, входит или не входит в русскую литературу в соответствии с другими признаками. Я и сам бываю то социалист, то сторонник аристократии, хотя ни в той, ни в другой партии не состою, но все, что пишу (часто противоположное), относится к русской литературе (хотя бы потому, что язык русский у меня превосходен).

(Но все же надо еще сказать о пресловутой «партийности». Эта идея была инструментом, с помощью которого разделяли писателей по старому принципу, еще христианскому: *кто не с нами, тот против нас*. У писателя есть, разумеется, некоторый взгляд на мир, на добро и зло, и на любовь, и его взгляды в той или иной мере отличаются от марксистских, а близки взглядам множества разных философов. И разных взглядов, в некотором смысле, столько, сколько хороших писателей. Да даже и не в этом дело, а еще в старом христианском принципе *тоталитарного мышления*: существует одна только *правильная*, истинная точка зрения, все остальное – сектантство, уклон, искривление. Писатель и мыслитель запуган был этим принципом партийности, потому что ему надо было постоянно доказывать лояльность к правящей религии и идеологии, иначе следовало: шаг в сторону, конвой стреляет без предупреждения! А конвой стрелял две тысячи лет, начиная с Христа. Сократа, правда, тоже судили за «левый» уклон, но существовал СУД, без *предупреждения* не стреляли!)

Но вернемся к культуре. Положение современной литературы в духовном пространстве (начиная с 18-го века) следует определять по отношению к культуре в узком смысле этого слова, и тогда будем говорить о том, что литература произрастает из национальной почвы (культуры) и национального языка (включающего логос и эйдос), и она народна (национальна), если из них произрастает.

Четверг, 30 мая 2013, 9-29. Сплю еще хуже, каждую ночь по-прежнему думаю о смерти. И все же продолжаю писать, потому что это последнее, что меня еще удерживает на склоне, с которого я сползаю.

Легко объяснить ошибки в математических рассуждениях даже среднему студенту, но не удастся объяснить изъяды и глупости в мировоззрении. Вероятно, идеология скрепляется не логикой, и не наборы силлогизмов лежат в ее основании, а нечто другое.

Поэтому, кто способен мыслить, тот в моих объяснениях не нуждается...

Ибо вот так же, когда подгорает на кухне, тот, кто не слышит запаха, не отставит сковородку, пока не увидит дым; тогда только всплеснет он руками: *Ах, батюшки!*

Так вот и наша страна прогоркла, кроме как в яму свалить и землей засыпать ни на что она скоро не будет годна, но вокруг все довольны, все улыбаются, разве что кто-то из оппозиции морщит нос – да, мол, чем-то слегка воняет... А все уж прогнило в датском королевстве, что еще может гнить! И мелочи ли разделяют нас у пропасти или баррикады?

Моя вина, что я не знаю и не умею найти, что надо делать, чтобы хоть что-нибудь объяснить своему народу; вина народа, что он пьет и веселится, пока его мать-Россия заживо догнивает.

И это я говорю не о черни, Бог с ней, не она определяет национальную историю. Я говорю и об избранных, о тех, которые творят науку, литературу, философию, продуктивную хозяйственную жизнь.

Но поторопитесь! Бьет двенадцатый час. Тьма уже нас поглощает.

Если лес существует, и в нем его деревья, и существуют горы, и песок на берегу моря, и песчинки, и множество песчинок, и все это есть материя, и именно она породила сознание (в широком смысле этого слова, как способ чувствовать, воображать, представлять...) – то все же всякое *существование* объекты можно считать *обнаруженными*, если *доказано* их существование.

Но исключением являются Бог, Дьявол, демоны и духи.

Только личный духовный опыт мистического взаимодействия с высшими силами является способом обнаружения и доказательства их существования...

Воздействие художественного слова на бытие тройственно: во-первых, *метафорическое* (дополняет, или расширяет реальность, насыщая ее и *преобразуя*, делая глубже, возвышеннее, утонченнее, пересоздавая в новую подлинность (например, крестьянин возделывает участок земли, превращая его в огород или в поле, в сад или в парк; вождение, *похоть*, *жажда женщины преобразуется в любовь*, в которой остается и похоть, но само притяжение уже не является похотью и даже похоть уже преобразенна); *метонимическое* (распространяет художественное содержание вовне, на другие предметы, например, «перо художника» становится тождественно самому пишущему – хотя не принадлежит ли это тому, что уже есть в метафоре?); и *магическое* (в действительность входит чудо и она не следствие одних только усилий). Если ограничиться тройным воздействием художественности на мир, то надо еще продумать сами термины этой троицы, точно ли они **метафора**, **метонимия** и **магия**, а не назвать ли их иначе: *творчество* (то есть дополнение, сотворение), *преобразование*, *чудо*?

9 декабря 2016, второй час ночи. Часто **символ** – это знак, образ, обозначающий намек, ассоциацию, признак, связывающий явление или предмет с напомнимым о нем, представляющим вторичную особенность, как мундир или выправка военного, шляпка светской дамы, татуировка каторжника или вора, золотая цепь «нового русского», то есть это отличительный знак для узнавания, но не сущностный символ как имя и образ. Но вот эта вторичная «символическая» ассоциативность и послужила основой символизму. Символистское высказывание чрезвычайно сложно, слишком много связей и намеков, в том числе **подтекст** и **недоговоренность**. Но разве, стремясь к глубине и пониманию, не стремишься и к окончательной договоренности. Современный модернизм ассоциативен и потому усложнен, иногда даже словно бы «зашифрован», благодарное поле для исследователя, классический автор высказывается весь и до конца в каждой своей вещи. (Еще о пресловутой *недоговоренности* – художник стоит перед барьером, его словно стремится застрелить все враждебное, непонятое и непроявленное, о какой недоговоренности можно молотить, когда понимания и так не хватает, чтобы прояснилось повествование, а не было застрелено прежде жизнью?!

Ясное и понятое и так недостаточно ясно и недостаточно понято, если не выдавать за понимание вздор, поэтому если и не договаривать, то мы и до конца света не успеем ничего прояснить, не только до собственного конца!)

Кризис начала двадцатого столетия был одновременно и духовным и социально-общественным, он продолжил и вобрал в себя и не до конца разрешенные кризисы девятнадцатого столетия и новые кризисы двадцатого. В 19-м столетии Русская самобытность и ученичество у Запада разрешились Войной 1812-го года, нашей победой в этой войне и взятием Парижа; декабризм разрешился двояко, сначала политическим поражением, затем поздней амнистией, громадным духовным влиянием на общество и, наконец, своим нравственным и историческим оправданием; раскол дворянского общества, начавшийся с горького Пушкинского «*Свободы сеятель пустынный, я вышел [увы, слишком] рано...*», продолжившийся эмиграцией Герцена, сатирами Салтыкова-Щедрина, разрешился отрезвляющим поражением в Крымской кампании, в отмене, наконец-то, крепостного права, в общественных волнениях и подпольном политическом движении и терроре – но при этом Россия была на подъеме и динамично развивалась, а дворянство создало великую культуру, соблюдая чисто внешние символы принадлежности к христианству.

Но и буржуазия требовала власти, и народ подрастал в лице крестьян и рабочих, да подрастали окраины в лице евреев и инородцев, и – верить в Бога или не верить – было еще не решено. Богоискательство Достоевского, Толстого, Владимира Соловьева, Розанова, Мережковского, Бердяева, Лосского и всего «Серебряного века» русской литературы завершилось победой марксизма, разгромом христианства, и, как казалось, полным и окончательным **разгромом России**. Но неожиданно в 1989-м году, через двести лет после Французской Революции, марксизм рухнул, остатки России вместе с ним рухнули снова, возродилась вдруг Православная церковь и христианство вновь подменило

философию. Начался *Духовный кризис начала двадцать первого века*. Старые философы, ушедшие еще сто лет назад, собрались у меня за Круглым столом, и я заставил их высказаться заново о духовной свободе и преодолении смерти. Они ничего нового сказать не смогли, да и я объяснить обществу бесперспективность старых путей для спасения России не смог. Кончился наш разговор тем, что несколько страниц моей книги кое кто из моих знакомых прочёл и они перестали со мной разговаривать, а Власть постановила заткнуть мне рот кляпом.

Но я еще не умер и пришел к спасительному выводу, что так как старый Кризис не преодолен, и не выяснены отношения временной феноменальной жизни и гипотетической вечности в Роде, Народе и Культуре, ибо ведь и личная душа к ней стремится – то надо ли ставить точку в наших спорах?

Время не заканчивается, не наступает разрыв, после которого оно исчезает и наступает только вечность, но вместе с нею утрата личного (индивидуального) бытия – нет, **время продолжится, но будет течь иначе**, обретет новую форму своего существования, пока нам неведомую.

Читаю сегодня в газете о гибели буровой платформы в Охотском море, о нежелании спасать нефтяников, пока не придут деньги на счет МЧС, а затем – траты безумных денег для показухи, для демонстрации усилий по спасению. Автор замечает, что в нашей стране это система – *в катастрофах в среднем количество спасенных в десятки раз меньше, чем в Европейских странах*. У нас ведь и *в автокатастрофах гибнет на сто тысяч автомобилей в десять раз больше народу, чем у них*, а в целом 400 тысяч. А перед этим читаю, что от пьянства погибает в год 600 тысяч человек – учитывая, что численность народа сокращается на полтора миллиона в год, мы видим, что в автокатастрофах и от пьянства погибают больше половины из этих полутора миллионов.

Что же происходит и с нами и со страной, разве не очевидно, что так жить нельзя, разве мы все уже слепые? – но только единицы вопиют, остальные или спят в наркотическом сне, или служат неправде и злу. Доколе?

И в тысячный раз оглядываю я основания мира.

Я уже говорил, что целью жизни является созидание личности. *Надо стать человеком* – сформулировал в этих словах я свою нравственную цель. А Серафим Саровский говорит: «Спаси свою душу и тысячи спасутся около тебя». Отчасти наши призывы сходны. Но *спасем ли мы, спасая собственную душу, те полтора миллиона, которые ежегодно гибнут в России из-за того, что у нас у власти татаро-монгольская орда*, не заботящаяся о сбережении народа, а только о его ограблении?

Спасем ли мы, спасая собственную душу, три миллиона беспризорных детей? И что в моей душе настолько плохо или недостаточно хорошо, чтобы необходимо было душу мою спасти *вместо беспризорных детей?*

Единственное зло, которое я в ней вижу, это страх смерти, отсутствие готовности пожертвовать жизнью для благого дела, для спасения ближнего, для спасения Родины, то есть той готовности, которая была у моего отца и его поколения. Мы, дети, *слишком занялись собою, собственным благом, в том*

числе и духовным, то есть спасением собственных душ, но даже на рождение детей у нас уже не достает силы и жертвенности.

Страх смерти необходимо преодолеть, жертвенность необходимо созидать. Но пойдя на столп, на котором Серафим Саровский просидел сорок лет, и просидя на нем остаток своей жизни, я не успею уже до конца "спасти" даже собственную душу, и не сделаю к тому же ничего благого для моего народа и Родины. А значит, *не спасением своей души надо заниматься, а возделыванием огорода*, как крестьяне, *прополкой его от сорняков, от нечистой силы, от партии жуликов и воров*, чтобы вырастить урожай и прокормить детей, да и нарожать их еще для будущей жизни!

И как бы ни мало было в моей душе "святости, но я уже достоин того, чтобы сражаться с злом. Более того, только сражаясь с злом я и достигну святости, ибо святые и те, кто защищал Родину и погиб, и те, кто ходил в атаки под пули и чудом остался жив, и те из третьего батальона, которых отвели с Безымянной высоты за день до того, как туда на погибель перевели второй батальон и взвод моего отца.

Я уже достаточно хорош, и гораздо лучше и сатанинской власти в нашей стране, и тех, кто ее защищает.

Даже на мелких примерах я это могу показать. В этой же статье о гибели буровой читаю, что жена погибшего позвонила в МЧС психологу, и этот *специально обученный* (ибо иначе зачем они там сидят и получают наши деньги и сыто живут? Но не лезут на Буровую, пока она тонет, а потом только позируют перед телекамерами, получая ордена? Так, может быть, *специально растленный?*) – но продолжаю... этот психолог только ей навредил.

А что сделал я, когда меня случай столкнул с чужим горем?

В 99-ом году привезли меня на скорой помощи в больницу, из Приемного покоя надо было перетащить меня через занесенный снегом двор (а метель все так же мела) до грузового лифта, жена нашла с трудом какого-то человека, который согласился ей помочь, меня положили на одеяло и потащили по снегу, и слабая женщина тащила изо всех сил рядом с сильным мужчиной, на что он ей заметил, что один бы не справился.

Я очнулся и думаю: жив или уже видения? Посередине двора, метель заносит голое пузо и забивается дальше... и вижу, что снег на пузе тает, а значит оно еще теплое, и я, следовательно, жив... – так я подумал, еще не утратив способности к силлогизмам.

На шестом этаже уложили меня на белую снежную простыню, ангел-сестричка побежала по этажам искать обезболивающие лекарства, потом уколола меня в попу, и я лежал на кровати на правом боку, глядя на умирающего старика. К утру он умер. А я не мог от него повернуться.

Утром пришла жена умирающего, горе ее было велико, но глаза были страшными и сухими.

– Поговорите со мной, – сказал я ей, – ведь я провел с Вашим мужем последнюю ночь и смотрел в его глаза.

Умница, она послушалась.

– Ваш муж почти не страдал, ему ввели то обезболивающее лекарство, которое было у меня и которое мне не помогало, поэтому я отдал его

сестричке для него. И Вашему мужу оно помогло. Кроме того, и это главное... Он не мог говорить, но когда пришел в сознание, силился что-то передать мне глазами, и я его спросил: Вероятно, Вы хотите, чтобы я сказал Вашей жене, что Вы о ней думали этой ночью?

Он несколько раз закрыл и открыл глаза и по щеке его скатилась слезинка. Я думаю, он был счастлив в это мгновение, как ни странно это звучит. Видимо, он Вас очень любил.

– Да, у него это был поздний брак, он меня любил и как жену и как дочь, и я его любила.

И она заплакала.

Я думаю, что хотя я не психолог, и не получаю зарплату от МЧС, которое не только не умеет нас спасать, но даже не хочет утешить в горе, я уже не должен спасать свою душу, а должен просто жить и бороться с нечистой силой.

Правда, мне еще необходимо преодолеть страх смерти. А для этого надо посмотреть в глаза тех дубиномордых, которые будут нас избивать, когда мы выйдем на улицы.

Слышу голос моего народа (он ведь не идет протестовать, мой народ, даже и вымирая, зубами он защищает *свою народную власть!* Идет-то ведь молодежь, идут-то из десяти миллионов всего сто тысяч, один из ста – что же делают остальные девяносто девять?)... Но слышу голос моего народа:

Ну, ты развякался, язык бы тебе вырвать! Мало вас перебили при нашей власти! Как будто ты лучше всех, и кроме тебя нет достойных?!

– Есть, – отвечаю, – достойные, и я расскажу о них в нижеследующих очерках. Я не самый лучший, мне просто много в жизни везло. Но, к счастью, встречал я замечательных людей, и вели они себя наилучшим образом, но как раз не так, как обычно себя ведет толпа, то есть тот обычный народ, который чаще всего уподобляется толпе.

Тех, достойных, часто совсем простых, но не опустившихся долу, я понимаю, а вас никогда не пойму. Вот, например, *власти и ее министрам-капиталистам, обирателям земли русской, принадлежат зарубежные дворцы и наши недра, а вы-то нищие – за что же вы любите эту власть?* Может быть за одно только то, что и они, как и вы, *нищи духом*, и говорят на вашем языке, а я хотя и при свете лунины учился читать, но смотрю на звезды, которые сияют и над вашими головами, и иногда разговариваю с звездами?

Когда у матери родился второй ребенок, и захотела она выделиться из нашей большой дедовой семьи, перевезли ей на окраину деревни старый хлев, прорубили в нем окно, поставили печку, провели трубу, и младенчество, до двенадцати лет, провел я, значит, в хлеву. *Родился я не в яслях*, работала тогда моя мать шофером в военном поселке, пошла заводить полторку, на которой работала, только до избы добежать успела. *Но вырос я в хлеву*. За что же Бог, возвысивший мое детство до *символа*, отделил от меня мой народ, заставил его поклоняться ничтожным?

Но, к счастью, все же есть и *достойные*, и я о них напишу!

Они удерживают нас (не Христос, а наши *достойные*), и они же ***пристыжают недостойных, равнодушным растлевающих нашу страну.***

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ВСТРЕЧИ И СУДЬБЫ

От автора

Но всё ли общество растлилось или есть и *достойные*? И, может быть, даже там, где нам и во сне не виделось, в мечтах не мнилось? В нижеследующих очерках я и попытаюсь ответить на этот вопрос.

НЕГОДНАЯ ЯБЛОНЬКА

Глава первая

ВНУЧКИ

Если несомненно, что у животных есть привычки, поведение, характер, привязанности, так можно ли говорить (хотя бы в каком-нибудь смысле), что у животного есть и *судьба* или отдельные ее элементы? Слышим ведь мы иногда поразительные истории о верности собак своим хозяевам... а то вот, например, слышал я про кота, который ходил на речку ловить рыбу, и половину добычи приносил старому больному хозяину...

Не сто́ит, конечно, переносить на четвероногих понятия и обобщения, выработанные нами в отношении двуногих, но все же и отделять их от нас непроходимой пропастью – тоже не совсем правильно.

Животное может быть и храбрым и трусливым, опрятным и грязнулей, благородным или низким... инстинкты ли формируют его характер, воспитание или воля, обладает ли животное элементами самосознания или никогда не ведает, "чье сало съело" – не буду об этом распространяться, я не естествоиспытатель, да даже и не философ, но сталкивался тоже иногда с явлениями и событиями, о которых мне естественнее думать, что они не случайны, что и в них присутствует душа или мировой Дух, который ведь "*дышит где хочет*".

Автобус остановился. Я бы сказал, что он *переполнен*, если бы не помнил, какой смысл имело это слово ровно сорок пять лет назад в этих же местах – сидел я с товарищем в Бологом, каким-то чудом он влез в автобус и открыл окно и втащил через открытое окно сначала рюкзак, потом уже и меня; в соседнее окно так же втащили двух девиц, но долго им не удавалось приземлиться – над головами свободное пространство еще было, но ниже телá уже так были спрессованы, что втиснуться между ними было почти невозможно.

А теперь-то в "переполненный" автобус мы вошли через дверь, жена немного протиснулась между сиденьями вглубь, а меня водитель усадил на небольшую приступочку рядом со своим креслом, лицом к пассажирам; напротив меня сидел его напарник.

– На электричку подыдем?

– Что ж вы так рискуете? Мы ведь могли б и не остановиться.

– Так ведь и живем-то мы, как говорят, в зоне рискованного земледелия, картошка растет, а помидоры только зреть начинают – и заморозки их прихлопывают, каждый год в одно время, 31-го августа.

– Яблоки-то хоть собираешь?

– Хм... за десять лет с десятков яблок всего и уродилось. В соседней деревне всё усыпано, а у нас даже и цветут не всегда, неудачное место... Конечно, лес рядом, ягоды, грибы, но ни слив, ни яблок, увы, не видим... У меня всего-то и было два деревца, посаженные еще прежним хозяином, одно я уже спилил, да и второе на днях спилил тоже – весной было начали цвести, да тоже мороз ударил, так ни одного яблочка и не завязалось.

– Отец мой из яблок самогонку гнал, – отозвался водитель. – Ох, и попил же я её, особенно после этой проклятой Чечни и двух ранений, какая-то пустота в душе была, ничем, кроме самогонки, заполнить ее не мог.

А все же есть Бог на свете, ткнул Он меня мордой в кирпичную стену, пришлось и опомниться.

Расстроился я как-то шибко, жена к другому ушла (хотя, по моему поведению, правильно поступила, пьянка была мне женой... или любовницей...) – ну, я и зঁпил! Три дня пил. Очнулся, смотрю, надо мною бутылка висит, горлышком книзу, и капельки из нее на меня капают... а я пошевелиться не могу... Как жив остался, не знаю. Так веришь ли, даже молока ни из бутылки, ни из стакана пить не мог – из треугольного пакета мог пить, а как увижу бутылку – вся природа наружу.

Как-то гаишник меня останавливает...

"Что случилось, командир?"

"Да морда твоя после балдежа будто..."

"Оно-то может и так, но только после балдежа пять лет уже прошло. Ты сегодня, спрашиваю, когда встал?"

"В восемь утра..."

"Ну, вот! А я в четыре. И так четыре ночи подряд. Понял разницу?"

– А жена-то как? Или на другой женился?

– Я ее простил. Вернулась.

– Нет, ну до чего мужчины, всё таки, сволочи! Даже ангелы... А я думаю, что женщина виноватой никогда не бывает. Если она себя ведет плохо, то и тогда не она тому виною. Или муж пьет. Или жизнь не сложилась. Вы уж меня простите, братцы, но я женщину всегда защищаю, всегда готов простить. Правда, подлую и я однажды встретил, но она, видно, женщиной никогда и не была, а сразу судьёй родилась, да еще и продажной... Но да Бог с ней, по своему и она несчастлива, возможно, на нее никто не польстился, вот она и злобствовала...

– Ну и как бабы? Воздавали тебе за твою любовь к ним – если не считать судейского крапивного семени?

– Да, кстати, я вас, может быть, удивлю, вот вы о крапиве вспомнили, а ведь меня как раз все растения любят, конечно, кроме крапивы... Я деревце, бывало, варварски даже выдерну весной в лесу, рябинку, черемуху, принесу на огород, жена ругается, загубишь, говорит, деревце... дак, отвечаю, ты разве когда-нибудь видела, чтобы дерево не прижилось у меня? У меня и цветы не вянут...

А крапиву я уничтожаю по всему огороду. И вот однажды как-то так случилось, что и поверить в это трудно. Выдирал я крапиву вдоль канавы, а в

глубине ее громадный крапивный куст, надо, думаю, и его извести... и тут мне чудится, будто крапивище говорит мне: ты что это, гад, на чужую территорию лезешь? Канавка-то – межа, ничейная полоса! Отклоняется этот куст от меня – словно бы как хулиган руку для удара отводит – да как шарахнет по морде! Три дня полыхало, отмываться не мог.

Ну а что касается женщин...

С ними у меня сложные отношения. Девицы, молодые женщины – словно бы и не были ко мне равнодушны, но как-то так получалось, что ... любили они меня мучить. И даже когда любили, даже и тогда мучили. Но, правда, и когда мучили, тоже, как ни странно, любили.

Но зато дети – дети любили всегда, и когда я сам был дитя, и когда борода побелела – а тогда еще пуще любить стали. Ну, например, еду я в электричке, в соседнем купе орет младенец, полутора лет нет. Ты чего орешь, спрашиваю, заигрываешь, что ли?

Головой кивнул и ко мне на руки лезет... Да, потом пришлось его мамашу с двумя детьми да тремя сумками провожать, комната у нее, правда, от вокзала недалеко, в общежитии ... Кстати, приглашала чаю попить, в двенадцатом часу ночи...

Так вот, про женщин... точнее, про их детей...

Я в соседнюю деревню за молоком хожу, детишки со мной здороваются, иногда я конфеты им, пряники даю, а то и просто спросишь, как жизнь, как дела... И вот в прошлом году был такой случай: подхожу к околице, молочница на краю села, смотрю, ватага ребятишек хватается одну девчущку, заламывают ей руки за спину, и ко мне ведут.

Мы, говорят, на чистую воду ее вывести хотим, а то она врет, говорит, что вы ее дедушка...

Я растерялся, а дитя смотрит на меня, и глаза полны слез, у меня прямо душа вздрогнула.

Атаманша, лет десяти, будущая гроза кавалеров, красавица, синеглазая, чернобровая, осанка гордая, взгляд смелый.

"Тебя как зовут", спрашиваю.

"Диана".

"Прекрасное имя, и ты ему подстать, только лука и стрел не хватает, ведь Диана – богиня охоты. Ну а ты хотела бы быть моей внучкой?"

"Хотела б".

"Ну, так вот, давай возьмемся за руки, и обойдем три раза вокруг березы, а после этого, по обычаю, два человека становятся или мужем и женой, или дедушкой и внучкой".

Мы подошли к березе, и атаманша вдруг говорит лукаво: Только ты смотри, не загадывай, чтоб мы стали мужем и женой!

"Ладно, – отвечаю, – хотя и намеревался, но так уж и быть, не стану".

Мы обошли, теперь, говорю, я твой дедушка, а Анечку я еще раньше увнучил, так что она правду говорит, не врет.

– А теперь видишь внучку свою? – спросил водитель.

– Да теперь-то история совсем запуталась, точно как в античной

пословице: «посеешь случай, пожнешь привычку, посеешь привычку, пожнешь характер, посеешь характер, пожнешь судьбу».

У этой девочки, Ани, оказалось, есть еще сестренка, семи лет, да еще двоюродная сестренка, четырех лет, и пришлось мне их тоже увнучать. И у них, естественно, две мамы на троих, не-путевые, как говорят, девахи, и дети у них разутые-раздетые, да и некормленные...

И что же делать? Тут осень наступала, привез я им сапожки резиновые. Потом курточки. А за молоком я хожу к молочнице, которая работает в Детском Саду, и всех местных детишек знает, и прошлых детсадовских, и нынешних. И начал я возить мешки и рюкзаки разной обуви-одежки и прочего, у меня в Питере друзей много, у них дети подрастают, да у жены на работе, да и подруги мои подключились к доброхотному делу, можно сказать, по всему университету начали мы вещи собирать, и даже игрушки, и книжки, и сережки, и пояски-сумочки, приезжаю с мешком, как дед-мороз, я к Антонине Дмитриевне, вываливаю добро, что-то для внучек отбираем, а остальное она среди других нуждающихся детей раздает.

Народ в селе на два лагеря разделился, одни прямо в лицо мне говорят: Чего тебе от наших детей надо? Может ты их души таким образом соблазняешь? Или сам столько нагрешил, что теперь за счет наших детишек хочешь в рай попасть?

А другие поддерживают, руки при встрече пожимают, хотя пьют по-прежнему, и дети их также по-прежнему разуты-раздеты, да и некормлены...

О Лильке, матери моих внучек, хорошего слова я не слышал, все ее только осуждали, непутевую. Я хотел на нее посмотреть, а к ним в дом стеснялся зайти.

Спрашиваю свою молочницу: Да где же она, и какая из себя, может, я ее и видел когда?

– Да вот не она ли по улице идет, песни горланит? Ага, она и есть, пьяная, с тремя кавалерами сразу в обнимку идет.

Издаലെка я разглядел ее плохо, ближе подойти тоже постеснялся, но показалось мне, что летом я с нею встречался, она полола огород через межу от нашего, и когда я проходил мимо, попросила спичек. Молодая и привлекательная женщина сразу меня зацепила, и конечно я стремглав бросился за спичками, а потом часто поглядывал в сторону соседского огорода.

А в этом сентябре, приехав в село с мешком подарков, слышу вдруг, что дочек своих и она и сестра ее, две лахудры, сдали в Беруничский приют

– Ага, ты уже бросил баб защищать!

– Да пожалуй что нет. Я вам изложу сейчас свою философию, как уже на днях ее излагал двум девушкам в электричке. Стояли мы на полустанке, техническая остановка на десять минут, я пошел воздухом подышать, и зацепился разговором за двух очаровашек.

"Что это, спрашиваю, кавалеры вокруг вас не выются, возле таких прелестниц?"

"Ну, как же, один уже начал *витья*!"

"Если вы на меня намекаете, то я – не совсем из таких кавалеров... Вот иногда молоденькие девочки, ожёгшись на молоке, восклицают: *все мужчины – сволочи!* Если это правда, то тогда справедливо, что и все сволочи – это мужчины. Но есть ведь еще романтики, философы, мечтатели, и я когда-то надеялся, что я прежде всего человек (философ или романтик), и только потом мужчина. Хотя, правда, поскольку и философам ничто человеческое не чуждо, то и философ отчасти мужчина, а следовательно немного сволочь. Так что не очень-то вы мне верьте, может быть и я сволочь в шкуре философа, а речи мои – серенады волка около невинных овечек."

– Жаль, что станция уже, – вздохнул водитель. – Не успею уже узнать, как у тебя в зоне рискованного земледелия огурцы растут. Внучки, как я понял, *растут*, хотя на огороде крестьянки их даже не поливают...

Г л а в а в т о р а я

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

6 сентября 2006 года, позднее утро, Прилоги. Вчера в три часа дня мы уже были в деревне, сбежали в лес, набрали корзину белых и красных грибов, потом я сбежал за молоком, а в одиннадцать мы уже парились в бане.

8 сентября, полночь, Прилоги. День сырой и прохладный, правда, трещат дрова в печке, и в избе даже жарко. Ходил в Вошилово за молоком, встретил "внучку" Аню, идет грустная, в мелкой курточке, в каких-то стоптанных тапочках на босу ногу.

Я, правда, и сам ходил в таких тапочках на первом курсе аж до ноября, но осень была тогда необычно теплой.

Однако, вначале я на ее тапочки внимания не обратил, достал из кармана два пряника и спрашиваю:

– А ты за грибами нынче не ходила?

– Не-а... У меня сапог нету...

Тут только я посмотрел на ее ноги.

14 сентября, полночь, Прилоги. Притащили вчера молочнице вместе с милкой два рюкзака разных вещей для детишек – а нуждающихся, говорит она, полдеревни.

Вещи эти собрали милкины университетские сотрудницы.

Для Ани мы положили в рюкзак сапожки и куртку.

Сегодня я встретил обеих сестричек, они шли, светясь, от тети Тони, с большой полиэтиленовой сумкой, держа ее за углы с двух сторон.

– Ну, как обновки?

– Куртка мне мала оказалась, – вздохнула Аня, – но зато Тане как раз. А сапожки я уже надела, – и она протянула ногу.

– Поздравляю! Что-нибудь еще постараюсь привезти. А как в школе успехи?

– Нормально!

И они радостно потащили сумку дальше.

августа 2007г. Принес молочнице вещи для Ани, и узнал грустную новость: мама Лиля деток своих сдала в Приют в Беруничах.

На следующий день я туда приехал, встретила она меня сдержанно. Да и сам я не сразу ее узнал, прошел почти год, как видел ее в последний раз. Сестренку ее, как оказалось, забрала какая-то бабушка, и она в приюте с другой сестренкой, двоюродной, Лилей, дочкой Лилиной сестры Арины. Девочке только четыре года, она какая-то замученная, сжалась в комочек, голову боится поднять.

... сентября 2007г. Ездил к девочкам в Беруничи дважды, Аня уже встретила радостно, а во второй раз даже бросилась мне на грудь. Лилия уже не так боится, но голову еще поднять не решается, смотрит в пол. Но пожелание высказала, когда я спросил ее, что ей привезти, попросила жвачку.

А когда я уходил, она вдруг, не поднимая головы, сказала сестренке: Я к бабушке хочу...

3 октября. Возвращаясь из приюта, встретил в автобусе двух беспутных сестер, они перепугались, стушевались, младшая, как мне показалось, чуть не бухнулась на колени.

– Простите нас! – залепетали они. – Мы уже на работу устроились, заявление подали, чтобы нам детишек вернули, а то в деревне житья уже нету, все нас срамят! В пятницу будет суд в Новгороде наше заявление рассматривать, сельские говорят, что приедем без детей, в село не пустят. А это же от нас не зависит, как суд решит. Может, Вы в приюте попросите, чтобы за нас они в суде похлопотали? Вас ведь там любят, Вы и им подарки привозили...

23 октября, полночь. Час назад пришел в деревню, по дороге заходил к внучкам, принес им подарки.

Столько всего произошло за неполных три недели!

Приезжал я в приют, говорил с начальством, разговаривал долго с Анейкой.

– Если меня не отдадут маме, я убегу отсюда.

– Да куда же ты убежишь? У мамы найдут, а я скоро в Питер уеду, некуда бежать-то?!

– Да, правда, некуда бежать, – вздохнула Аня. – Я и сама это понимаю...

Через два дня прибегает ко мне почтальонша.

– Ой, В.И., что у нас тут случилось, что случилось, боюсь и рассказывать! Аня-то учудила, ой, тоже беспутная, оторва, в мамку пошла!

– ?

– Да заперлась она в чулане с младшей сестренкой, а за дверь записку выбросила, крупными буквами, матерными словами, мне и не повторить... Если, мол, вы меня сегодня же мамке не отдадите, я ваш ...ный приют весь сожгу, у меня канистра с бензином и спички, я уже тут всё облила! Вот сейчас чиркать начну!

И действительно, вонища от бензина, а там всякой ветоши полная кладовка, полыхнет сразу, и сами сгорят, и приют сгорит за минуту, он же деревянный, старый и трухлявый, от одной искры полыхнет, а тут бензин!

Через час из Новгорода на вертолете начальство прилетело, переговоры через дверь вели, маленькая плачет, пúсать, кричит хочу, а Анька, слышно, спичками чиркает... или изображает... Но да она и вправду оторва, всех девчонок, которые ее сестру обижали, била, одной пригрозила, что убьет, если та хоть пальцем сестру тронет!

Начальство всех расспросило, и ей бумагу под дверь подсунули, что требования ее удовлетворят, и всех сестер вернут мамам.

Но, правда, потом Аньку увезли в Новгород, в психушку.

Сегодня мама ее оттуда привезла, поэтому я и зашел.

Аня уже лежала на кровати калачиком, ей мама только что снотворного лекарства давала, но услышала мой голос, голову подняла, взяла меня за руку, плюшевую куклу к боку прижала, и так я просидел рядом до одиннадцати часов, гладил ее по головке...

Что же с ними потом происходит, что из ангелов они черт его знает во что превращаются?!

А может быть не превращаются, а сама жизнь во всем виновата?

27 октября, десять часов вечера. Баню сегодня топил рано, попарился хорошо, но после бани выпил водки, как бы плохо ночью не стало!

А водку пил от печали.

Утром проснулся в слезах. Вчера я срубил вторую яблоню, никаких яблок на ней не выросло, зря она только место под окном занимает. А я уже собираюсь на зиму в город, и все лишнее извожу, всякий мусор в костре сжигаю.

Упала яблоня, и словно об землю что-то еще брякнулось. Посмотрел я вокруг, и нашел два яблока, которые как-то сразу на ней не разглядел, а тут они с ветки сорвались и стукнули об землю.

Мне как-то и не по себе стало, виноватым перед яблоней я себя почувствовал, прости, говорю, поторопился я тебя осудить...

А ночью приснилось мне, будто эта яблоня приходит ко мне в слезах, я, говорит, для тебя старалась, из последних сил два яблока налила, посадили меня изначально в негодное место, почва тут глинистая, и вода близко, и место низкое, не пригорок, и деревня наша ниже села, и холоднее зимой, чем в селе, так что я вся дрожу в мороз, чуть не замерзаю, и руки мерзнут, и ноги, хоть и в земле, промерзают. Но я все вытерпела, хотела тебе угодить! Весной зацвела, цветиков было мало, но все же два яблочка завязалось...

28 октября 2007г. Сегодня уезжаю, почти все собрал. Деревня уже обезлюдела. Умерла Оксана Дмитриевна, которая прежде наш дом протапливала, и мы, бывало, ей позвоним, что собираемся приехать, приедем, а дом уже горячий.

А то я зайду к ней, она и чарочку нальет.

Умерла Анна Ефимовна, а муж ее, который мне косу подарил и колун для раскопки дров, умер еще раньше.

Умерла баба Дуся, через дорогу.

Дуню, у которой я ягоды покупал, задрал, видно, медведь, пропала в лесу.

Умер Юра, который дрался из-за меня с Серегой. А дрались они из-за того, что я не тому из них рюмку первому поднес.

Горячев, который на своей лошади пахал нам огороды, умер внезапно, склонившись над ручьем остудить разгоряченное лицо.

Умерла Елена Сергеевна, в девяносто семь лет она ходила на огород полоть картошку.

Полная женщина умерла тоже, в больнице, история ее смерти такая нелепая, что я об этом и писать не буду.

Умерла баба Шура, и не приходит она ко мне больше жаловаться на жизнь и просить чаю.

Что-нибудь хорошего я для них сделал? Необыденного, отличного от того, чтобы занять десятку на бутылку или дать чаю?

Дуню однажды пригласил во двор, там у колодца стоял обеденный стол, и я поставил тарелку с закуской, и две рюмки, и мы с нею посидели, а она поставила на стол бутылку пива, от меня, говорит, тоже угощение. Соседи меня осуждали, дескать что ж ты пьянчужку грязную за стол посадил?

А она, как я позже узнал, была когда-то первой работницей в деревне и певуньей, когда еще деревня была с деревенскими, а не с нашими, городскими. Деревенские то уже поумирали!

Муж ее, Юра, умер после нее, полгода только пополучал пенсию, которую уж ждал и не мог дожждаться. Он все приходил и с улицы кричал мне: *Васёк!*

За что они меня все любили, не знаю...

А потом зимой замерз ее сын, не дополз до крыльца два метра, говорят, он в лагере долго сидел за убийство, и все его боялись, ко мне он тоже как-то приходил попросить на бутылку и тоже отдал.

Только у Ани почтальоншиной ребенок родился, девочка, будет потом еще кому рожать, если она здесь будет жить.

Приходит Серега просить в долг.

Приходит Вова...

Этого Вову я тащил на себе полночи от Вошилова, всего в крови. Брошу, он тут же об асфальт мордой брякается, пришлось тащить.

Как-то к нам залезли в дом, пока мы в городе были. Стащили что-то из еды, больше ничего стоящего в доме не нашлось.

Ох, как Вова сокрушался! Он стоял посереде улицы и восклицал:

– Да как же это можно? К кому залезли? К Василию Иванычу! Да я их, гадов, из-под земли достану! Я посмотрю им в глаза, я спрошу их, знали ли они, к кому залезли?!

А давно ли у Льва костер горел, шашлык шипели, три девицы с танцев пробегали под моим окном, и каблучки их дробно стучали об камень?! И Лида и Вася приходили в гости, и Вася сгинул, а Лида за морем, а у Льва нет больше сил...

Вова сложил печку в бане, печка хорошая. Жар держится долго, и печка даже утром пышет жаром.

Он же помогал прежнему печнику сложить печь в нашем доме, вместо старой русской печи, и эта печь уже пятнадцать лет пышет жаром, и весело ночью трещат в ней дрова и огненные блики мечутся по стенам. Не хочешь, а начнешь стихи сочинять.

Но прежнего печника уже нет, говорят, он повесился...

Г л а в а т р е т ь я

БЕСПУТНАЯ ЛИЛЬКА

Прошел еще год, жизнь была однообразной, «внучки» подрастали, мамы их почти взялись за ум, то есть напивались уже редко, но даже с похмелья ехали на работу и держались за нее крепко, хотя работа была тяжелая, мужская, и платили за нее не в пример меньше, чем Питере. Мы с женой продолжали возить «подарки» детям, и не только уже *увнученным*, но и тем, которые были рядом с ними... а то и поодаль. Там тоже было множество историй, но я их опускаю, и продолжу рассказ о беспутной Лильке, как я ее про себя называл.

В середине августа встретил я ее под вечер, идя в свою деревню.

– Ну как, все пишешь?

– Да, все пишу, да никто не читает.

– А ты бы написал что-нибудь про нас, для народа, а то я попробовала читать, полторы страницы только осилила, а я ведь и школу кончила, и по литературе у меня была пятерка.

Пишешь ты, честно скажу, такую хугню (она выразилась энергичнее, не стесняясь, из чего я заключил, что она была слегка выпивши!)

Хочешь, я расскажу тебе про себя, всю правду, а ты потом напишешь книгу? Все будут читать, особенно девки... и бабы...

А мужикам и необязательно, все они дерьмо... я про тебя не говорю, ты особенный, стукнутый, что ли? Кто тебя знает, может и ты себе на уме?

– Если хочешь знать, какой я, то я тебе скажу, чем от других отличаюсь. Мне жалко людей... правда, видимо, только тех, кто несчастен... особенно женщин. И я не могу человека обидеть, даже если он мне сказал что-нибудь и не самое приятное... или сделал...

Вот, например, когда-то давно мой старый товарищ согласился против меня на следствии дать показания, чтобы меня за антисоветчину можно было посадить. И что, ты думаешь, я на него зло держал? Нет, я переживал только за то, чтобы не посадили никого из моих друзей и знакомых из-за меня.

– Да, знаю, и про то, что ты сидел, я прочитала, и что людей ты любишь, могу допустить, ну а что женщин любишь, в этом не сомневаюсь! – и она засмеялась. – Так если хочешь, я к тебе приду, только ты стакан водки мне сначала налей, чтоб я не стеснялась рассказывать.

– А не собью я тебя с пути?

– Не, я теперь держу себя в руках. Как освобожусь, я тебе позвоню, только про водку не забудь.

Конечно, купил я и водки, и шампанского, приготовил разной закуски и, не дождавшись звонка, все выходил за околицу.

Наконец, уже в двенадцатом часу, сгустились сумерки, раздался звонок.

– Бегу, прости, сено скирдовали, нельзя было бросить.

Я пошел ей навстречу.

Вижу, вдалеке на каменистой дороге показалась ее фигура в легком плаще (вечера и ночи уже стали прохладными). Она шла легко, и как будто припрыгивала.

Я ускорил шаг и, подойдя, сделал неосторожное движение. Вообще, я склонен оправдывать многие свои действия обстоятельствами, обстановкой, внешними причинами. И, конечно, теплый летний вечер, пепельный свет, запах свежего сена, светлая дорога, темный лес по обе стороны ее, привлекательная молодая женщина, да притом и беспутная... Короче говоря, мы чуть ли не бросились друг другу в объятия... Да так и дошли до дому, полуобнявшись.

Шампанское она пить не стала, выпила стакан водки, мгновенно опьянела, и рассказывала свою историю довольно развязно; впрочем, скрывая за развязностью стеснение.

– Начала я гулять не шибко рано, в шестнадцать лет, Анька моя как бы раньше меня не загуляла (так оно потом и оказалось).

В юности я была девушкой совсем красивой, бегали за мною многие, да я, дура, не догуляла, и выскочила замуж чуть не за первого кавалера.

Вела я себя прилично, ты не думай, что я всегда была такой, как теперь. А кстатi, что обо мне в деревне говорят? Что я девушка легкого поведения, да?

– Говорят, пожалуй, даже хуже, но ты не расстраивайся, мое отношение к тебе от этого не зависит, я почему-то в тебя верю, и дети, слава Богу, теперь и сыты и одеты.

– Ну, одел их ты... Но и вправду я о них теперь стала заботиться. Знаешь, у меня сначала не было материнского чувства, они все равно как котятa для меня были, первую я в восемнадцать родила, и ощущала ее как помеху, как будто с чемоданом тяжелым ходишь. Да и папашка ее начал пить, да и на меня стал руку поднимать.

Она выпила еще стакан водки, я выпил шампанского, закуску ковыряла она слабо, видно, хотелось ей выговориться.

– Я хотя девка и сильная, но он был сильнее меня namного, швырнет, так я чуть стену не проломлю.

Дрались мы так дрались, а потом он берет бич, которым скотину погоняют, и на меня. Мне бы, дура, в комнате оставаться, а я во двор побежала, а там-то легче размахнуться, вот он меня бичом и огрел три раза, кожу в трех местах пробил, рубцы до сих пор остались, хошь посмотреть?

Она подняла рубашку и повернулась спиной, были отчетливо видны красивые полосы.

– Пошла я по дороге, и иду шатаюсь, будто пьяная, а я тогда ведь совсем не пила, это позже. Потом я домой вернулась, он уже спать лег.

И ни обиды, ни страха, ни зла... или, скорее, если и зло, то какое-то холодное, как у лунатика. Взяла я утюг, и повернулась к нему, вставай

говорю, он встал, и даже руку не успел вскинуть, не поверил, три раза и я его тюкнула. А что об камень головой удариться, что об утюг, одна х---ня, доказать ничего нельзя, а как он пил, то все так и решили...

Выволокла я его на крыльцо, положила, будто он в дом пытался войти, и тогда уже скорую помощь вызвала.

Три недели он был еще живой, в больнице и помер.

А я уже второй дочкой была в положении, следовательно справку представила.

Но он все пытался что-то исследовать, экспертизу хотел назначить.

Я тогда рубашку сняла, вот как теперь, и спину ему показываю. Если ты, говорю, человек, то брось покойника экспертизой мучить, ему уже не поможет, а кто его дочек воспитывать будет?

А если тебе этого мало, я к тебе на ночь приду.

Он согласился.

Я отнял у нее стакан, и хотя пить мне тяжело, сердце болит, но почти все оставшееся себе налил, ей уже немножко осталось, я, говорю, тоже выпить хочу. И выпил.

– Ну и глупый ты, – мне она потом сказала, – думаешь сделать добро, а выходит зло. Так бы я водку допила, и мне лучше было бы, а теперь мы с тобой шампанское пьем, меня уже с него развозить стало. Я же тебе только малую часть расказала.

Начала я с тех пор пить. Ведь я обычная девушка, раньше городская была, мне его родня потом пригрозила, что убьют, и чтобы я на край света схоронилась, вот я на край света и побежала. Так вот, не каждый день я тюкала утюгом по головам, как Раскольников, и было мне худо, ой как худо!

Она заплакала.

– Вот тогда я и пить начала, и травкой баловаться, и с мужиками гулять.

А потом всё все равно стало... А сестренка моя не то чтобы с меня пример брала, а просто юзом пошла в канаву, вот как одна машина по глинистой дороге сползет, а следом за нею по этой колее и другая сползает, никакими силами ее не удержат. И все то же самое, так же ее мужик пил, и ее бил, сапогами по животу...

Жизнь моя после того совсем стала нескладной. Прошло два года, нашелся парень, с двумя дочками брал. Так полгода мы с ним погуляли, только расписаться надумали, его в пьяной драке зарезали. А пил и меньше других, но другие целы, а он на кладбище.

А в прошлом году видел, как в соседней деревне полыхало? Трое парней пили, два брата и сосед, я с одним братом жила, хотела уже к нему в дом переезжать, парень был хороший, ты его знаешь, и на меня руку не поднимал... Да или так уж перепились, или самогонка была плохая, или печь рано закрыли и угорели... а я было с вечера еще хотела к ним придти, да что-то сильно уставшая была, они меня звали, а я не пошла.. В пять часов утра вышла во двор, и вижу, что полыхает, как была в ночной рубашке, так и побежала, лесной дорожкой, два километра. Пожарная

приезжала, у них в цистерне воды не было. Рядом ручеек, так у них и шланга длинного не было.

И она заплакала.

И ее гладил по лицу и голове и утешал как мог.

Она на плече у меня заснула.

Пришлось мне ее раздеть и уложить в постель.

Поправлял ей подушку, тут она словно бы очнулась...

– Верить, нет, я к тебе шла, и хотела, из благодарности за детей, с тобой переспать. А теперь думаю: какая благодарность, когда я уже пьяная? А главное в другом: я чего-то боюсь. Словно проклятье на меня наложено... Ты со мной пересподишь, и пойдет с тобой что-нибудь наперекосяк, а мне тебя жалко...

Глава четвертая ...НА ЧЕМ СЕРДЦЕ УСПОКОИТСЯ?

Вскоре Лилька переехала в город, через год вышла замуж и родила еще одну дочку. А моя внучка Аня, которой уже к тому времени исполнилось тринадцать лет, ушла жить к цыганам.

Мама пыталась ее забрать, и в милицию обращалась, но Анька уперлась, и ни в какую.

Разговаривал я с ней по телефону.

– Ты маму-то любишь?

– Люблю! – зарыдала Аня. – Поэтому и не вернусь. Я им теперь не нужна...

Цыгане эти ко мне относятся очень хорошо, и Лиля попросила меня к ним поехать на переговоры. Дело в том, что покойная баба Шура, о которой мы с женой иногда по мелочам заботились – прародительница этого цыганского рода... И на поминках они мне сказали: "Мы тебя, В.И., уважаем. И если эти *русские* будут тебя обижать (*меня, русского из русских!*), ты нам скажи, мы тебя защитим! "

Прошло полгода. В Бируничах я не бывал, и как там сложилась у Ани цыганская жизнь, долгое время не слышал – а когда услышал, то уж лучше бы оставаться в неведеньи.

Ездил к друзьям в западные земли, наслаждался дружбой, и возвращался в поезде в благодатном настроении.

Лежал я на второй полке, уже засыпал, и вдруг напротив на полку взобралась симпатичная девушка, с длинными накрашенными ногтями, в майке с надписью «я люблю пиво!» и в коротенькой юбочке.

Конечно же, я попытался ее привлечь, предложил чаю и сыру, мы спустились, выпили чаю, и она про себя почти все рассказала.

Ей двадцать лет, полгода замужем, муж в солдатах, ездила к нему на побывку.

Школу кончала вечернюю, так как пошла работать, она живет с сестрой четырнадцать лет, у них две комнаты в коммунальной квартире, мать их бросила, сбежала с сожителем – но это и хорошо, сожитель их бил, и она готовилась его резать, когда он напьется и заснет, наточила и спрятала нож, и даже тренировалась, как будет вонзать его, на куске полотна.

Но, слава Богу, мать и сожитель сбежали, и теперь она вдвоем с сестрой, сестра ее гений, и пишет книгу, муж тоже талантлив, и она будет работать, чтобы они учились в университете, а потом уже пойдет учиться сама.

Разные ее замечания о жизни мне понравились, и сестру она воспитывать будет строго, хотя сама начала взрослую жизнь в 16 лет – и не то чтобы была слишком страстной, а – словно бы выбирала из тех, с кем ложилась в постель, более подходящего, собираясь выйти замуж.

Мне не понравилась такая рассудительность, но, кажется, новое поколение теперь почти все таково.

– А ты не пробовала с мамой найти понимание, сблизиться с ней, помириться?

– Еще как пробовала! Я к ней пыталась прижаться всей душой, а она поворачивалась ко мне только задом.

Теперь у меня матери больше нет. Я ее прокляла и от нее отреклась.

Звонила при мне она бабушке, которая живет в другой области, спрашивала разрешения повести сестренку в театр – при том, что сама ее содержит. Это мне очень понравилось. Значит, девочка она не только любящая и рассудительная, но и не заносчивая.

А потом, засыпая, вспомнил я своих деревенских и тех женщин, в селе, которые из приюта взяли детей на воспитание (в качестве уже внуков и внучек). Таких было три, каждая из них держала корову (всего в селе было семь коров) и в разное время у каждой из них я покупал молоко.

Последняя моя молочница работает в Детском саду, тоже взяла на воспитание ребенка, и все те тюки вещей, которые я к ней привожу, распределяет среди нуждающихся.

Не замучил я Вас? – спрашиваю я ее.

– Что Вы, В.И., бедных много, а мне тяжело ли раздать им эти тряпки? А игрушки или украшения такая детишкам радость, что и мне радостно!

На страницах своих книг, не найдя для них положительного героя среди народа, вывожу я в качестве него человека, «похожего на меня». Это писатель, живущий почти тою же жизнью, что и я, но все же мне не тождественный. Он – часть того моего целого, которое, конечно же, живет и обыденной городской жизнью, а не только распивает с друзьями и пристает к девицам.

Автор шире героя, деревня, «романы» и стихи – меньшая часть моей подлинной жизни, но самое важное отличие героя моих записок от меня самого заключается в том, что, не скрывая слабостей своего героя, я его все же стремлюсь представить почти *идеальным*.

Банда негодяев захватила Россию, раздирает ее в клочья, обгладывая, а некий Поэт живет как небесный странник, восторгается красотой девушек,

сажает цветы и тыквы, возит детям одежду, покупает им конфеты, издает сочинения своих друзей, не требует для себя у Верховного правителя ничего кроме таланта, и счастлив баней, огородом и редкими поцелуями сумасшедших вертихвосток! – но ... остановись, читатель, и подумай о тех русских женщинах, обремененных работою и семьей, которые не одними пряниками купили царствие Божие, но взяли себе на воспитание покинутых детей, и каждодневно их кормят, одевают и растят.

До них моему герою столько же, как властителям нашей жизни до меня, грешного.

А что же я хотел сказать своей повестью, действительно ли помог я беспутной Лильке или ее сестре и их детям?

Или помог я кому-нибудь из тех, с кем сталкивался или соприкасался?

Когда я был совсем маленьким, я надеялся, что вот вырасту, и помогу всем несчастным... Или хотя бы помогу своей маме, работающей изо дня в день без продыху, чтобы вырастить пятерых детей. Я вырос, сначала учился, потом у самого образовалась семья, потом меня посадили, приехала мама на свидание и привезла кедровых орешек и сибирского меду, и на все это, а особенно на дорогу, пришлось ей немало потратиться.

Уже незадолго до смерти вырыла она на поляне куст *жарков*, я их привез в деревню, и каждый год весной они расцветают, радуя и удивляя соседей. Ну а что ей привез я?

Может быть, грела ей душу одна сумасшедшая мысль, что еще время мое не пришло, и если пророчество деда Зеленка верно, то еще удастся мне помочь униженным и оскорбленным.

Но пока, по совести говоря, я никому существенно не помог, и даже маленькой Ане. Возможно, только один раз, когда она засыпала у себя дома, а я привез подарки ей и Тане, и гладил ее по голове, и отчего-то скатилась вдруг слеза с моей щеки и упала на ее щеку.

Но это не охранило ее, и она ушла жить к цыганам.

МАША

Это моя подруга. Ей двадцать два года и она замужем. Мы познакомились почти случайно, я пару раз заходил к ней на службу, у нее нечто вроде офиса в шумном присутственном месте, комнатуха, стол, два стула, телефон, компьютер.

А в это время звонит Аня, рыдая, говорит, что ее подруга выходит замуж, за другого цыгана, и ей нужно платье, а платья у нее нету.

Я рассказал Маше о том, что нужно платье. Через два дня Маша притащила мешок, я его отнес к себе домой, и там мы его с женой открыли и вытащили из него вещи.

Это было приданое. Там было все, по крайней мере, на несколько лет жизни. Там три платья, пальто, куртка, сапожки, платочки и даже ночные рубашки. И все, на мой взгляд, новое, и все, на мой взгляд, шикарное, по крайней мере, жена моя носила вещи попроще.

В страхе я побежал к Маше, не сошла ли ты, говорю, голубушка, с ума?

Нет, говорит, это я *подобрела*. Оно мне теперь все малб.

Так что Маша теперь причастна к судьбе Ани и бедных детей, потому что там, из мешка, могло хватить чуть ли не на всех бедных.

Так что с Машей я дружу, прихожу изредка (раз в три недели), спрашиваю, сколько минут мне отводится на «свидание», усаживаюсь напротив и жалуясь ей на жизнь. Маша меня утешает.

Книги мои она не читает, ей некогда, у нее работа и семейная жизнь, ей не до книг. Сказать, что я что-то такое умное рассказываю, что этим на Машу произвожу впечатление, я не могу, к философии она равнодушна, хотя недавно рассказывал ей про Канта и она слушала внимательно.

Мы говорим про деревню и деревенскую жизнь, и она меня понимает лучше меня самого, потому что она сама точно из такой же деревни сбежала в наш большой город.

Там половина деревни спилась, половина страдает. И так везде, я, говорит, бывала и в других местах, и нового ничего не видела. Но Маше сравнительно с другими повезло, она красавица, вышла замуж за небедного, они уже въехали в новую квартиру, и у Маши симпатичная работа, которая ей нравится. Она менеджер. (Я, правда, не знаю, что это значит).

Может быть, спрашиваю, неприлично, что я прихожу, все таки я бывший мужчина, а Вы красивая и юная? Нет, отвечает строго, я сама решаю, кому и сколько ко мне приходите, приходите, пока не прогону.

Но ведь я не безгрешен! Я сижу напротив, и откровенно восхищаюсь. Мои глаза сияют. (А даже Аня как-то сказала, что на месте моей жены, которую она тоже произвела в бабушки, она бы меня убила. Да, дорогой читатель, я уже среди дедушек-бабушек, я, как вы видите, уже свое отпел, отгулял и выпил. Пора бы мне и угомониться, и пойти с Д. в церковь покаяться, с этим согласны все мои товарищи, и А., и В., и С.)

Итак, мои глаза сияют, и Маша на меня смотрит ласковым взглядом, и у нее в глазах что-то такое... искорки мелькают.

Но если б не было Маши, я бы, возможно, если бы не повесился, то оно бы как-нибудь само собой замерло. А денег у жены на мои похороны нет.

Помимо альманаха, который я уже прекратил издавать и *больше не буду* (теперь уже последний номер), еще редактирую чужие сочинения, исправляя в них точки и запятые. Пишу и сам. И последнее обстоятельство наполняет меня таким унынием, что часто, проходя мимо веревки, я смотрю на нее ласково. Может быть, мы еще и подружимся.

Дело в том, что меня не читают. А если бы и читали, ничего в окружающей жизни это бы не изменило.

Возможно, я пишу скучно. Но вот читал я Маркса, он писал еще скучнее, но почему-то многое в мире переменялось под влиянием тех, кто его читал. Правда, к худшему.

А под моим влиянием не переменялись ни Лиля, ни Аня.

Чтобы уж закончить мой рассказ, скажу, что Ане исполнилось недавно пятнадцать лет. Она уже делала аборт. Теперь живет в Детском Доме, маму Лилю снова, уже в третий раз, лишили родительских прав. Я ей звонил, но были только длинные гудки. Позвонил ее сестре, поругал немного, сестра уже не пьет, обещала от меня передать привет.

Аня живет в Детдоме, но иногда сбегает к цыгану, который ее бьет. Аня рыдает, звонит мне, я ее всячески ругаю.

Аня, говорю я уже в остратску, если ты будешь рыдать, я не положу денег тебе на мобильник, и ты не сможешь звонить своему Ромео.

На время рыдать она перестает.

Она еще учится в школе, но книг не читает.

Правда, моя бабушка, которую я считаю святой, читать не умела, а мама только немножко читала, но не читала моих книг. Ты, говорила она, еще писать не научился. Вот когда научишься, тогда и прочитаю.

Она не дождалась.

Что значит уметь писать?

Я понимаю такое умение как *способность ИЗМЕНЯТЬ мир*.

Только потому, что пока ничто вокруг меня не менялось (по крайней мере, к лучшему), я еще продолжаю писать.

Вот теперь, кажется мне, пора закончить эту беспутную повесть про беспутную Лильку и ее детей.

Так как относится эта повесть больше ко мне, договорю про себя.

Относился я к Лильке не по христиански, и никаких христианских помыслов в отношении ее (вроде спасения души) я не питал. А смотрел на нее (на ее тело) глазами грешными.

Но, несмотря на ее беспутность (а недавно она звонила дочке и ругала и ее и ее кавалера всячески, пьяная) я ее жалею.

И она меня тоже ведь пожалела, сказала же: Ты со мной переспишь, и станет с тобой что-нибудь не так, а мне тебя жалко...

Это меня все удивляет чрезвычайно, что я даже женщин не столько люблю (в мужском смысле слова), сколько ЖАЛЕЮ. И меня девушки почти совсем не любят, но странно как-то, и даже теперь – ЖАЛЕЮТ. За это я буду свидетельствовать за них на Страшном Суде.

2012 - 2013

ПОСЛЕСЛОВИЕ

27 декабря 2012. Близится Новый год.

Спал плохо, сочинил словно бы две фантастических Новогодних не то были, не то сказочки, но одновременно думаю: А наша происходящая жизнь – не самая ли безумная сказка?

Вот поэтому, для сравнения, напишу сначала «за жисть», а потом и сказочки здесь представлю, и пусть читатель сравнит и подумает, что фантастичнее.

Так как я собираюсь всю эту повесть послать одной своей новой «подруге», с которой словно бы взлетаю в духовно-душевное небо, то решил к ней присоединить Послесловие, чтобы немного я был похож сам на себя. Одна деталь или один поворот сюжета в многообразной жизни может создать самое превратное представление о герое, а я живу на земле, зарабатываю деньги, мою пол, хожу в магазин, варю иногда суп и так далее... Как и большинство.

Но, кроме того, я еще не сошел с ума, как большинство, поэтому жить мне иногда невыносимо.

Во-первых, я болен. Неизвестно чем. Мне плохо. Иногда думаю, что до майских дней, когда поеду в деревню и воскресну, мне уже не дожить. Но дело не в этом.

Дело в том, что у меня, как и у многих, есть родные, друзья-приятели и знакомые. И страна, в которой все мы живем. Еще многоокружающая жизнь, газеты, компьютер, театр, Концертный зал, литература и телевизор. Телевизор я не смотрю. Смотрю на улицу.

Газеты читаю не все. Но прочитаю правду, долго хочу повеситься. Иду слушать музыку. Знаете, воскресая! Даже прихожу в восторг, забываю, что жить невозможно.

Читаю книги (по большей части те, которые редактирую). Переписываюсь с авторами. Прихожу в восторг, даже слезы проливаю, снова забываю, что жить невозможно.

Вот только что позвонил один товарищ (один из тех, из-за которых мне плохо), опохмеляется, бросает пить. В этом состоянии он вспоминает про меня, и звонит мне, чтобы сказать, что *лучше меня нет*, что я – "*благодарнейший человек*", что у меня единственный недостаток – любовь к девушкам. Не понимает он, что без девушек я был бы несколько не лучше, чем многие, обыденный суп без соли и перца.

Но я его прощаю за все. Хотя трезвый он невыносим.

Так как я хочу несколькими штрихами показать меня с разных сторон, представить полнее, чем на предыдущих страницах, то перехожу теперь к этим штрихам.

Звонит А., мы идем с ним в баню, он прочитал замечательную статью про Сталина, оказывается, Сталин – наше ВСЁ, он спас Россию, поднял ее с колен, вывел из нищеты, дал электричество и паровоз, ракету и бомбу.

Правда, не всех перебил внутренних врагов, не успел. Я возражаю, потом, не выдерживая, ору на товарища, говорю, что я готов сам его расстрелять, даже для этого готов стать сталинистом. С горя выпиваю еще три рюмки водки и ночью мне плохо. Сердце трепещет и останавливается.

Может быть, найти автора этой статьи и его задушить, думаю я?

Звонит В., он передает мне рукопись своего эссе для Альманаха, который я издаю (из сочинений своего писательского кружка). Он смотрел телевизор, и еще сильнее утвердился в мысли, что наш царь – наше ВСЁ, он борется с закулисой, масонами, финансовым капиталом, евреями и врагами. Но слишком мягок. Ему еще надо учиться у Сталина.

Я не выдерживаю и выпиваю еще три рюмки. Ночью мне плохо. Сердце трепещет и останавливается.

Звонит С., он передал мою книгу батюшке (сам читать не смог), батюшка сказал, что у меня *беиенство ума*, и меня надо учить молитвам. Мы заходим в шалман, я повторяю "Символ веры", товарищ меня экзаменует.

Надо молиться. Все происходит только по нашим грехам. Сами мы сделать ничего не можем. Только каяться и молиться, говорит он.

Но ведь и писание книг – грех, замечаю я.

Нет, если с разрешения батюшки.

Я не выдерживаю и выпиваю. Ночью мне плохо.

Звонит Д., он ведет меня на выставку своих картин. Оказывается, античность произошла из славян, даже Задорнов это только что прояснил. Этруски – это бывшие русские, татар вообще не было, выдумали наши враги, греческий алфавит придумали славяне, и Зевс – это наш бог Перун. Завтра истинные будут воздвигать Капище, приглашают и меня на его освящение.

С горя выпиваю (жалко мне мою христианскую молодость), но ночью мне еще хуже.

Кое как оклемавшись, я иду к Маше.

ДОСТОЙНЫЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросов, которые меня мучили в течение жизни, всегда было множество – и это если говорить именно только о том, что меня действительно мучило. Разумеется, чаще всего я спрашивал себя: *любит или не любит* – пока еще не окончательно ясно было, что НЕ ЛЮБИТ; а когда уже и я не сомневался, спрашивал я себя так: *Что делать?*

Речь о винé не шла, виноватых я не искал, не видел виноватым я и сам себя, не винил и вертихвосток, во-первых потому, что когда даже становилось окончательно ясно, что они (она) меня не любят, я все еще их обожал, восхищенно стоял перед ними на коленях и видел в них ангелов небесных, а не капризных земных дев.

Себя я тоже не виноватил ни тогда, ни теперь – тогда, потому что совершенно не понимал, за что меня можно отвергнуть, а теперь – теперь хотя и понимаю что-то смутно (если понимаю), но *вины* в причине моих неудач не нахожу. Отвергать меня нужно было, чтобы я страдал, таков был замысел судьбы или высших сил, чтобы сделать из меня человека.

Я должен был **не** разбогатеть, журнал, который я основал, должен был оказаться **не** нужным, издательство, которое я создал, должно было **не** состоять, политика из меня должно было **не** получиться – для чего?

Может быть, для того, чтобы я, наконец, написал эту книгу, замысел которой возник пятьдесят лет назад.

Я думаю, что события не случаются просто так, есть некий изначальный замысел, умысел, словно Моисей водит евреев сорок лет по пустыне, ждет, пока они изменятся и прозреют.

Русский народ не просто сверг царя в семнадцатом – это-то, кажется, хорошо, – но он еще начал душегубствовать, сбросил в шахту юных красавиц, дочек царя, и царевича малолетнего убил. А потом свирепствовал, не приведи Господь, и в Черное море согнал десятки тысяч матросов и офицеров и там утопил, привязав к ним жернова, и мертвого Корнилова вырыл из земли и волок по улицам, надругаясь, и в подвалах ЧК гимназисток насиловал, прежде чем расстрелять, и в барже в Маркизовой Луже перед Кронштадтом кадетов семнадцатилетних потопил... и еще миллионы и миллионы обыденно и трагично, походя и жестоко – уничтожил.

Это делал не весь народ. Многие сопротивлялись. Многие из тех потом бежали в иные страны. Дети и внуки их там и прижились, и бежавшие уже навсегда оказались отрезаны от России, даже в потомках своих.

Но те, кто это делал, победили и остались. Жили в новой стране и составили ее народ. Дети их стали пламенными комсомольцами и пионерами и умирали «за Родину, за Сталина», и многие из них потом расстреливали или охраняли врагов народа. И голосовали, сплошь, за блок беспартийных и коммунистов.

И глотку драли в спорах со мною, защищая правоту их людоедской власти.

Потом, неисповедимо для себя, они оказались в другой стране, с антикоммунистическим буржуазным режимом, за который не сражались, и кто его привел в страну победившего социализма, не внятно, не они, но социализм тоже не защищали... позавчера верили, вчера предали...

Сегодня, думаю, не они, не народ, на Болотной свергает теперешний растленный режим, там меньшинство, а те, кто сидит дома, режим не ненавидит, значит, с ним заодно.

Я до сих пор думаю, что события не случаются просто так, есть некий изначальный в них замысел. Страшная война, в которой народ потерял треть молодых, самых лучших – это возмездие за сорок лет террора против невинных. Но если это просто БЕЗДАРНАЯ ТУПАЯ ЖЕСТОКАЯ ВЛАСТЬ в их гибели виновата, и все убиты как бы ни за что ни про что, почти случайно, не для наказания и поучения – то это страшнее. Это насмешка. Это значит, что или Бога нет и никогда не было, или он от нас отвернулся настолько, что даже наказывать уже не хочет. Убил Раскольников старушку и Лизавету и гуляет себе в малиновом сюртуке, не кается и не страдает, не страдает и не кается.

А потом вспоминаю. Солженицына и Шаламова.

Миллионы погибли. А эти выжили. И написали. Нет, должна была какая-то высшая сила их сохранить, чтобы они смогли. И та же сила безжалостно мучила двадцать лет Шаламова, чтобы он, измученный, сумел написать так, как только Бог может.

Многие народы оказывались виновны в злодействах.

Вот, например, немцы.

Наших истребили сорок миллионов, в семь раз больше, чем евреев.

Это значит, что КАЖДЫЙ немец внес лепту в наше убийство, не двое-трое, ВСЕ.

Но они не упорствовали после войны, они покались, и даже встали на колени всенародно, и возгласили: Виновны! Боже, помилуй нас! (Правда, калялись они в убийствах евреев, в убийствах русских они не калялись).

А мы, виновные в муках своих сограждан, единокровников, иногда родных даже?!

Нет, мы не калялись, и до сегодня.

И когда Солженицын и Шаламов рассказали ПРАВДУ, наш народ в большинстве своем только их оплевывал, а большинство и теперь оплевывает или говорит подло так: *Не будем ворошить прошлое.*

А ведь сын за смерть отца *должен мстить*, даже если прошло семьдесят лет, даже если девяносто, но он еще в состоянии мстить.

И как же я тогда националист? – думаю я.

И как же я тогда с гордостью возглашаю: *я русский!?* – думаю я.

Любовь – *несправедлива*, а значит, в ней есть нечто греховное. Не греховная любовь – это когда всех равно, одинаково, без различия жалеешь или любишь.

Но такой любовью человек не должен любить, ибо это не любовь. Любить надо ИЗБРАННОЕ, свое дитя, возлюбленную, родителей, жену. Я постоянно вижу, как Христос не вышел к матери, когда сидел с учениками, а она пришла навестить Его. Нет, Он ее не любил.

Но ВСЕХ в целом, кажется, любил, если верить, что для ВСЕХ пожертвовал жизнью.

Я люблю Россию (ненавидя). Но это, видимо, значит, что я люблю в ней то, что мне дорого, что является моею Возлюбленной: моих родителей, родных, язык, русскую культуру, русских *достойных* людей, страдальцев, героев, тружеников. Видимо, большинство – не-достойны, поэтому во мне столько ненависти. Большинство старается уничтожить мой красивейший в мире город Петербург или равнодушно к его гибели – но это поганые! – кричу я себе. А мы, потому что нас меньше, терпим поражение в этой битве.

Многое я понимаю правильно, но это мне не помогает. Я и в самом деле националист, или НАРОДНИК, ибо именно народное: история, память, язык, былины, песни, культура в целом, даже детские воспоминания о колядах – созидают *меня*, главное во мне, мою личность. Что такое "антинародник", я не понимаю. Из чего же он состоит? Видимо, народные песни заменены в нем джазом, битлами, американскими спиричуэлсами... русский язык заменен современным городским упрощенным жаргоном... русская литература – детективами и развлечениями... и так далее... Но ведь и еврей, если он из Толстого, Мусоргского, Пушкина, русских романсов, в подворотне на троих, перехода Суворова через Альпы, майского ночного пения соловья, жаркой деревенской бани, расстегивания кофточки стыдливой русской девочки, первого ее согласия, первого ее поцелуя, рыбалки на Корневке, ночи на сеновале, звезд впереди в полнеба блещущих, мокрого снега, мартовского наста, июльской грозы – и все это такое только в России! – ведь и он неотличим от меня, а значит русский?!

Я люблю женщин, но я – мужчина! Я люблю немецкую философию, французскую литературу, итальянскую музыку, английскую математику – но я – русский!

Русский я потому, что я с лучшей частью своего народа, а не потому что ненавижу инородцев. Многих я жалею или сочувствую или равнодушен, а когда меня случай с кем сталкивает, плохо или хорошо на него смотрю, в зависимости от его личных *достоинств*.

И потому цыгане сказали, что они меня защитят, если *эти русские* будут меня обижать. А чеченец сказал моему сыну, что я *лучший* и что он должен мною гордиться (только потому, что я чеченцу помог). Но из всех я не выделяю чеченцев или цыган. Хотя иные цыганки мне нравятся.

Итак, я многое понимаю, и понимаю, что моя искренность не прибавит мне сторонников, а только врагов. И все то, что я пишу о русской винё, о том, что русские поддерживали и поддерживают тиранию, и что это позорит нас, что победили потому, что немец поскользнулся на русской крови, что русские терпят насилие и рабелепны, предали своих великих ученых и писателей,

когда над ними свирепствовала ханская власть, не стремятся к свободе и не любят её, вызовет только злобу и ненависть русских националистов, русских по крови, но антирусских по духу.

Но мне не брат и не сторонник низовой русский националист, который слепо восторжен русскими и слепо ненавидит чужих, но даже не понимает, что Чечню следует отделить (без ненависти). И что Карфаген должен быть разрушен.

Не буду врать... не буду чрезмерно врать, ибо я тоже человек, и врать мне приходилось немало, и еще придется.

Разве не врал я жене, что выпил всего рюмку, когда выпил их десять?

И не врал я учителю, что готовился к уроку, когда прогулял? И не врал я девушкам, когда пел им песни о бесплотной любви?...

Не буду я строить из себя праведника и врать, когда можно говорить правду (ну, хотя бы часть ее) и все равно оставаться лучшим.

И не буду заискивать, притворяться, льстить, чтобы заслужить похвалы.

Я и так ЛУЧШИЙ! Так мне сказала маленькая В--на дочка, так сказала очаровательная Е., так думает дочка Володи Т., так думает даже сам Володя! Поэтому, я теперь осмеливаюсь написать нечто такое, что в меня полетят не только слова, но и пустые стаканы, и многие перемят обо мне мнение на худшее.

Глава первая

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВОСХВАЛЕНИЯ

I

Тридцатого сентября меня пригласили в маленький городок в Карелии – там состоялся митинг, посвященный событиям минувшей войны. Поисковый отряд нашел останки воинов и они были торжественно преданы земле. Приехала издалека внучка одного из бойцов, ей вручили его каску и флягу и солдатский жетон с номером.

Затем был обед в кафе и после этого ужин у директора местной школы, еще молодого человека, современного, культурного, образованного. Приглашены были директор музея и заведующая районным отделом образования. Или потому, что они читали мои книги и они им понравились, но они приветствовали меня очень радушно, а после третьей рюмки наши отношения можно было уже назвать взаимной любовью. Или они не успели прочитать мои книги и поэтому не успели во мне разочароваться? – спрашиваю себя я теперь.

Правда, надо сказать, что отношения с девушками и дружеские отношения складываются в моей жизни почти противоположно. Если девушки меня терзают и пытаются таким способом сделать из меня человека, то друзья меня хвалят и любят – возможно, это тоже их способ положительного на меня влияния. А любят меня друзья не по заслугам, я бываю сердит и горяч и вспыльчив, высказываю часто самые крайние

взгляды, но они говорят мне много утешительных слов и клянутся в любви (что-то они скажут, когда рассказ мой дочитают до конца?!)

Уже в разгар вечера, когда я думал, что пора бы и остановиться, и что больше я уже не смогу выпить ни капли, позвонила еще одна дама, преподаватель русской словесности, и спросила, что привезти.

– Закуски у нас еще много! – воскликнул директор.

– Все поняла, через десять минут буду! – ответила дама, и через несколько минут уже ставила на стол еще две бутылки с коньяком.

Естественно, заговорили о Толстом и Достоевском, я читал свои стихи, обличал философские статьи Толстого, хвалил Пушкина, хвалил умеренно себя. Затем заговорили о политике и было сказано все то, что я писал на предыдущих страницах.

– Я вас люблю! – кричал я. – Вы талантливее и умнее столичной гнилой интеллигенции, и справедливо еще в девятнадцатом веке наши славянофилы, живущие в деревне, городскую интеллигенцию обзывали гнилой!

Но была еще одна участница вечеринки, юная восемнадцатилетняя студентка, недавняя почитательница моих стихов.

В последнее время она уже относилась к ним критически, но от приглашения посидеть с нами не отказалась (по старой дружбе), пила безропотно чай (ей из-за юного возраста *не наливали*) и закусывала конфетами, которые я привез ей в подарок.

Просидели мы шесть часов.

Когда наша взаимная любовь достигла накала страсти, мы даже решили за любовь выпить.

– Я вас всех люблю! – воскликнул я и начал всех по очереди обнимать.

В этот момент самая юная встала и сказала:

– Прошу внимания!

Клянусь, отныне никогда, никогда я не буду встречаться с этим человеком!

И она вышла, ожесточенно хлопнув дверью.

– Не расстраивайтесь! – утешил меня директор. – Она еще вернется. Не может быть, чтобы она вас тоже не любила, как и все мы! Вы – человек, достойный любви!

II

Тема *достойного человека* меня терзала в такой же степени, как и извечные русские вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?»

Если общество (или народ) состоит из *недостойных* людей, то, как бы ни была недостойна наша жизнь, в чем можно обвинять правительство?

Если только не главная его вина и состоит в том, что именно оно опустило общество, растлило его, развратило низкими желаниями и мечтами?

Нет, как бы плохо ни было вокруг нас, не могут быть все недостойными или даже большинство, иначе вся наша жизнь оскудела бы настолько, что и святой должен был бы бежать в пустыню. Но так как мы живы, и спорим, и читаем, и пишем, и слушаем музыку, и влюбляемся, то мы живы среди людей достойных или обладающих только некоторыми изъянами, исправимыми.

Достоин ли я сам – это несущественно. Не из-за этого я страдаю. Я страдаю из-за того, что усомнился в достоинстве народа.

Прошло четыре месяца после хлопанья дверью, очаровательная написала мне еще более гневное письмо, я ей ответил в том смысле, что я не стою ее огорчений, что пусть она меня забудет или задвинет в самый дальний угол своей памяти, на что получил последнюю записку «Будьте уверены, что даже в самом пыльном, в самом дальнем углу моей памяти вы не останетесь!» – и на этом наша дружба и наша переписка закончились.

Но после этого случилось много новых событий, я влюбился, она меня отвергла, другая тоже, потом первая одумалась, потом снова отвергла, я страдал, писал стихи, и на время забыл и о достоинстве, и о «кто виноват?» и «что делать?»

А в конце января в нашей писательской группе случилось сразу два именинника, и мы решили это событие отметить, я взялся за его организацию, приготовил выпивку и закуску, в служебный кабинет одного из нас все было доставлено, расставлено, гости собрались и расселись.

"Хватит обиденных пьянок! – думал я. – Хватит дифирамбов в мой адрес, не один я достойный, достойны все мои товарищи, и сегодня я это докажу!"

Я распечатал несколько листовок с отрывками из их сочинений, также со своими стихами, с одним из именинников договорился, что мы будем по очереди зачитывать отрывки, гости будут угадывать автора, далее будет следовать хвалебная речь в его адрес, и торжественный тост, после чего все выпивают, потом один из гостей выступает с "отсебятиной", потом снова отрывок уже из сочинений другого гения и так далее.

Все расселись, мне разрешили начать собрание.

Я рассказал кратко о замысле "литературной вечеринки" и достал листочки.

– Надо сначала выпить, чтоб не так скучно было, – закричал один из них, и все выпили.

Я начал чтения.

– Хватит! – закричал второй. – Это все бред, надо выпить!

Все выпили.

Пропуская абзацы, я попытался продолжить чтение.

– Долой! – закричал третий. – Мы именины пришли отмечать или всякую чушь слушать?!

– Разрешите, я тост скажу, – попытался я закончить чтение.

– А чего он так долго стоит? – закричал четвертый. – Кто его тамадой назначал?

Все выпили.

– А что, в самом деле, – обратился я к соседу, – давайте и мы выпьем, они сейчас немного передохнут, потом мы вернемся к литературе.

Двое в торце стола схватили друг друга за грудки и, опрокидывая стулья, потиснулись к выходу.

Через три минуты, с разорванными рубашками, красные, но счастливые, они вернулись, схватили бутылку и стали пить по очереди из нее.

– Мы за дружбу пьем! – возгласили они.

Двое с другой стороны стола схватили друг друга за грудки и, опрокидывая стулья, потиснулись к выходу.

Запорожский казак стал читать монолог Хлопуши, запивая удачные пассажи. Его сосед запел: Ой, хмелю ты хмелю! Другой сосед начал речь. Еще один заявил, что если ему сейчас не дадут слова, он не скажет, куда спрятал последние две бутылки. Но народ не сдрейфил. Послали гонца в гастроном, через десять минут он принес четыре бутылки. Две спрятанные бутылки тоже нашлись. Двое замиравшихся сорвали мирные переговоры и без объявления войны продолжили военные действия. К ним присоединилась одна из нейтральных сторон. Жизнь продолжала кипеть и грозила перерасти в мировую войну.

– А кто из нас второй именинник? – спросил я. И вдруг вспомнил, что это я сам.

– Не переживай! – утешил меня трезвый сосед справа. – Я вчера читал воспоминания француженки о русских писателях в эмиграции. «Вечером, писала она, они в обнимку входили в дом. Ночью начинали кричать. Утром звенели стекла и затевалась всеобщая драка. И это властители дум русского народа? – спрашивала я себя. Неудивительно, что у них случилась революция».

Так что не переживай. У меня в портфеле бутылка сухого вина и два бутерброда с сыром. Пойдем выпьем с тобой в подворотне, там не так шумно и не дует из разбитого окна.

На нас никто не обращал внимания. Мы оделись и вышли. Между зданием научно-исследовательского института и будкой сторожа (там я часто пил в оны годы, когда одно время работал здесь сторожем) был тихий уголок, стоял разбитый рояль и два стула – видно, это место было чем-то вроде кафе для местных отщепенцев, таких как мы. Товарищ достал из кармана два пластиковые стаканчика, передал мне бутерброд, налил вино...

– А что, *жизнь-то налаживается!*? – заметил я.

– Она всегда к этому стремится, только мы ей иногда мешаем, – философски ответил мой товарищ. – Всего-то на всего надо найти *достойных собеседников*, – как говорил Ухтомский. Или достойных собутыльников, – как смею перефразировать его я.

Глава вторая

НОБЕЛЕВСКАЯ РЕЧЬ

Семь лет назад, как ты помнишь, начал я свой рассказ, я сидел в тюрьме. Вся моя отсидка была почти санаторием, отсидел я всего пять месяцев, вышел по кассации, и горя особенного не знал. Но во второй месяц мне пришлось круто – я попал в «хату» к *ворам*...или к разбойникам... я не очень-то разбираюсь в их видах... Разбойники вели себя корректно, брали у меня книги для чтения, читали даже Аристотеля, и он им, между прочим, очень понравился. Но житья мне не давали *шестерки*, они обвязали меня различными ограничениями, и дошло до того, что стирать белье я мог между четырьмя и пятью часами утра, и то потихоньку.

Кстати, там я «сидел», или, скорее, «возлежал» на третьем ярусе, на так называемой «пальме», где и написал «Записки на пальме».

Я терпел эту пытку, испытывая себя: смогу ли я выдержать те обстоятельства, которые выпадают на долю обычного арестанта, человека толпы.

Наконец, и я не выдержал, сдался и послал своей жене записку (ее передали ей по мобильнику, своего мобильника у меня там не было): положи в такую-то ячейку на Финляндском вокзале три тысячи рублей.

В двенадцать часов дня она положила деньги по указанному адресу, сообщила шифр, и в три часа дня меня уже повели в общую хату к нормальным преступникам, тоже многие из них были воришками, но не были **ВОРАМИ** или разбойниками.

Смотрящим в этой хате был мужчина лет пятидесяти, который воровал в ДЛТ на Конюшенной.

– Я говорил директору, – рассказывал он, – назначь мне небольшую пенсию, всего пять тысяч рублей, и я не буду воровать. Тебе же накладнее, что я ворую, меня ловят, бьют, сажают, шума на пятьдесят тысяч, а не на пять.

В этот раз он еще не внял, и вот я сижу здесь. Но мне уже передали, что он на мои условия согласен, даже нанял мне адвоката за свой счет, и месяца через три я буду на свободе, на пенсии, наконец-то заживу по человечески.

Итак, меня привели в обычную хату, там сидело те же двенадцать или тринадцать человек, как и везде.

Я вошел, поздоровался, мне показалось, что все встали. Смотрящий подошел ко мне, отрекомендовался, пожал мне руку.

– Василий Иванович, вот ваша шконка, внизу, располагайтесь, мы согрели горячей воды, помойтесь, вот чистое белье, и ложитесь пока отдыхать. В восемь часов будет ужин, Вас разбудят.

Сначала я думал, что это чудесный сон, однако же и помылся, и переделся, и лег «отдыхать».

В восемь часов вечера чудесный сон продолжился.

Рядом с моей шконкой расставили стол, поставили стулья, приготовили

разнообразную закуску, даже была красная рыба – в общем, было все, что любящие жены приносили в передачах своим беспутным мужьям, часто сами живя впроголодь. (Эх, только тюрьма по настоящему выявляет различия между мужчиной и женщиной и показывает величие женщины. Может быть, не всегда на воле они жили и складно, но изо всех своих силенок обижаемая подчас женушка тащит теперь своему муженьку повкусней да побольше. И моя принесла мне передачу, а ведь сидел еще в это время и наш с нею сын, и ему тоже надо было нести что повкуснее, а чаще мы сидели в разных камерах. Ну да ладно, может быть, наше мужское кровопийство отольется нам на страшном Суде!)

Мы расселись, я сидел удобно, у себя на постели, смотрящий на стуле в торце стола, а в углу камеры совершалось священнодействие: стояла на плитке кастрюля (плитки в камерах были запрещены) с приподнятой крышкой, в кастрюле булькало, с крышки капало в кружечку, и когда в кружечку накапало достаточно, мне ее преподнесли.

Днем, подходя к камере, я обратил внимание, что шибает кислым (да шибало, правда, на весь коридор, даже коридорный нос зажимал). Уж не брагой ли так воняет? – подумал я, не смея поверить.

– Чистый первач, градусов восемьдесят, если трудно, разбавим? – обратился ко мне подносящий.

– Нет, спасибо, осилю, – ответил я. – А за какие такие заслуги мне эта честь?

– Да, Василий Иванович, полагается первая кружечка смотрящему, но он сам решил уступить ее Вам, мы о Вас наслышаны, и думаем, что чести этой вы достойны!

– Разрешите тогда мне сказать несколько слов?

– Пожалуйста!

Сидели все чинно, тихо, никто не перебивал, никто не встречал со своим словом. Так же, кстати, и на деревенских праздниках, пока не напивались, давали слово говорящим и не перебивали их, слушали.

– Я теперь представляю, что произошло невероятное, мне присудили Нобелевскую премию, и я должен выступить перед шведской королевой. Я ей скажу: Дорогая королева, ваша премия опоздала, я уже до вас был почтен еще большим вниманием в стенах тюрьмы, и меня это внимание так тронуло, что теперь я думаю, что премия ему уступает, и, возможно, она мне теперь не нужна. Вы уж меня простите, но передайте ее кому-нибудь другому, кто менее обласкан судьбой.

Так вот, дорогие друзья, – теперь я обращаюсь уже к вам, не к шведской королеве, – я еще немного займу ваше внимание... Вы мне разрешите?

– Да, конечно, мы слушаем внимательно, нам спешить некуда, впереди у нас целая ночь и вся жизнь!

– Так вот, дорогие друзья, я хочу сказать о каждом из вас. Вы все удивительны и необыкновенны, не всегда по хорошему, но из правды слово не выкинешь. Из многих прет, как говорил поэт Башлачев, *дурость наша несусветная*, но с каждым из вас мне приятно выпить.

Вот Алексей Михайлович, меня он потряс честностью. Ну, все мы знаем, и он не скрывает, что из ДЛТ он что мог тащил, а мог он стащить, к сожалению, сущую безделицу, редко хватало на месяц житья, хотя жил он очень скромно, он сам определил, что предел его мечтаний – пенсия в пять тыщ. И этот честнейший человек приходит к директору и предлагает честную сделку: тебе спокойствие, мне – копейка на хлеб. Так что же директор, копейку пожалел честному вору, хотя сам гребет без всякого риска для жизни и свободы – тыщи!

Алексею Михайловичу я бы доверил воспитание не только своих детей, но и народа, я уже вижу по вашим лицам, что он для вас как отец родной, верно?

Все заплодировали, Алексей Михайлович прослезился и мы с ним троекратно поцеловались.

– Скажу и о других. Вот Петруха, пил с соседкой, не хватило, а денег не было, пришел в гастроном, взял бутылку и не доходя до кассы побежал. Его догнали, накостыляли и дали три года. Такой страны как у нас, нет нигде в мире. Ее можно было только выдумать, сами собой такие страны не происходят.

Кто же такой Петруха – вор? Да не смешите народ, в лучшем случае он обалдуй, но, думаю, еще в русском языке не придумано такого слова, чтобы его обозначить. Ты нам скажи, почему ты побежал не от кассы, а раньше?

– Для разбегу... Я боялся, что от кассы побежать духу не хватит, я ведь никогда в жизни чужого не брал, я и судье сказал, что вытерпеть не мог, выпить хотелось, да, может, не так выпить, как с соседкой, без выпивки у меня бы с ней все одно ничего бы не получилось, я робел шибко, мы одну с ней распили, нет, чувствую, никак, страшно...

– Ну, ладно, теперь скажу про Ваньку... Перед его честностью и Петрухина бледнеет. Он с Люськой поспорил, что щас откроет чужую машину и ее покатает, выехали за город, лес темный в обе стороны, а бензин кончился, он стал голосовать, остановил милицейскую машину и честно им признался, что угнал, попросил позвонить хозяину, а то тот, говорит, наверно волнуется?

Было ему в это время семнадцать лет с небольшим, следовательно не торопясь производил дознание, ждал, пока Ваньке исполнится восемнадцать, и впалял ему четыре года. Надо с этого следователя шкуру содрать?

– Надо! – закричали все.

– И это вердикт народа! Дедушка Тарас в корзинку положил полукилограммовую пачку сахара, прикрыл газеткой, пошел мимо кассы, что у Вас там, спрашивает кассирша, да ничего, отвечает дедуля, а она газетку-то и подняла!

В жизни, говорит он судье, чужого не брал, чаю сладкого захотелось, до пенсии три дня оставалось, а предыдущую пенсию внук пропил!

За это припаяла она ему пять лет! И, думаю, озлила ее его святость, потому как большей стервы и сучки, чем она, я еще не видал, даже моя судья, взявшая за мое осуждение сто тысяч, в сравнении с нею ангел.

Но я заканчиваю. Все мы, увы, не без греха, хотя бы небольшого...

– Кроме Вас, Василий Иванович, Вы без греха, мы знаем.

– И я такой же. Закон я не нарушил, верно, и посадка моя проплачена, но сам себя я осуждаю. Я был *неосторожен*. Недостаточно внимательно смотрел на дорогу, недооценил государство, сующее палки в колеса. Может быть, было предопределено, чтобы моё издательство перевернулось, но, значит, не надо было его и затевать. Но что и я, как и вы, не без греха, это хорошо. Если бы я был безгрешным, мне было бы не так с вами уютно. Я скорее Савл, пытающийся стать Павлом. А вы кающиеся Магдалины, пытающиеся дать мужикам от ворот поворот. Не всегда это получается, но разве Магдалины в том виноваты? И вот *даёте* вы им или *не даёте*, вы все равно самые *достойные!*

Все захотали, мы бросились обниматься, и я, наконец, выпил свою кружечку с первачом. Слаще его я и за всю свою жизнь не пивал.

– Да, замечательная история! И одновременно грустная. Воистину грустно в России, как сказал еще Гоголь, – отозвался мой товарищ. – Давай же выпьем за *достойных* людей, которых, оказывается, в тюрьме больше, нежели на воле. Но только ли они среди эзков? А не встречал ли ты *достойных* и среди вольных, хотя бы и в тюрьме?

Глава третья

ДУНДУК

Возможно, и встречал, так что расскажу и еще кое-что, тем более что и вино еще есть.

Итак, семь лет назад я сидел в тюрьме. Иногда, правда, не «сидел», а лежал на пальме или на среднем ярусе, или даже внизу, но сидел, все таки, даже когда лежал, и это было самым полным доказательством правоты теории относительности.

Вторая половина моей отсидки была, можно сказать, отдыхом на Канарах. Я попросился в хозбригаду, и начались «трудовые будни».

Обязанности мои были самые разнообразные. Я работал и грузчиком, таскал мешки на спине, но хуже всего, когда таскал мешки с капустой или картошкой перед собою, стараясь не запачкать белый халат, и вот теперь у меня болит поясница. Добродетель (в данном случае, чистоплюйство) должна быть наказана, иначе она и не добродетель.

Надорвал поясницу, и пришлось мне мыть коридоры в пищеблоке, да заодно стал отскабливать лоснящиеся от жира черные стены. Скоблил я их две недели, и когда закончил сей геркулесов труд, пришел посмотреть на мой подвиг сам начальник тюрьмы.

– Василий Иванович, ты не пропадешь! – воскликнул он. – Клянусь тебе, что когда кассацио твою отклонят, я упрошу, чтобы тебя оставили здесь, ты будешь работать в канцелярии и жить в отдельной комнате! Да у тебя здесь будет великое будущее! – добавил он патетически.

В общем, жизнь текла разнообразно, приключений было не меньше чем на

воле, судеб искалеченных видел я немало, но в основном это касалось молодых наркоманов, и о них мне не хочется говорить. Они ведь и в тюрьме продолжали почти то же, только хуже, в ход шла иногда такая зараза, что ... Стал бы я царем в этой стране, я бы был самым лютым царем. Я бы, во-первых, повесил государство, и истязал бы его, потому что *наше государство лютее и омерзительнее сатаны*, и надо бы всех высших чиновников посадить в наши тюрьмы, хотя бы, чтоб посмотрели на лихо, и чтоб языки у них поотсыхали, когда они говорят о благополучии и процветании.

Во-вторых, повесил бы я многих в народе, одних, потому что виноваты, других, потому что попустительствуют злу и своим сытеньким маленьким благополучицем не хотят даже на грошик пожертвовать, чтобы попытаться что-то изменить к лучшему; а даже не хотят и бояться приоткрыть глаза и разглядеть правду.

Ну, ладно... Бог, видно, решил, что этот народ постепенно и сам дойдет до дна и потихоньку вымрет, уступая место Китаю, поэтому Бог меня царем не назначит и даже помешает им стать. Бог на нашу страну озлился, и радуется, что она гибнет.

Ну, ладно...

Перешел я в службу на кухне, и начал чистить картошку или резать капусту. Для эзков картошку чистила машина и мыла ее машина, и была та картошка... Но мы ее не ели. Я чистил ножичком, варили мы для служащих и для себя, ели мы то же, что и начальник тюрьмы, да еще таскали для своих сокамерников. Нас, правда, шмонали, но не сильно.

Так вот, живу я в счастье и в довольстве, и сыт и пьян, и нос в табаке, да вдруг приходит в пищеблок дежурный мент по прозвищу Дундук и первым делом ко мне.

– А это почему у тебя борода? – спрашивает. – Немедленно сбрить! Завтра ж чтоб не было!

Я приду сам с ножницами и тебе ее обрежу.

Назавтра я забастовал, не вышел на работу. На следующий день тоже.

Пришел начальник спецчасти (или оперчасти, или начальник режима, я уже не помню, как он правильно называется) и на разводе спрашивает: Что случилось?

– Да вот Дундук, отвечаю, хочет мне бороду обрезать.

– Да ладно, не бери в голову, я ему скажу, он погорячился, он мужик горячий, но так ничего.

– Ну так пусть он передо мной извинится или хотя бы скажет при всех, что погорячился.

А я так обиделся, что слезы на глазах проступают.

Через три дня ведут меня к начальнику тюрьмы.

– Слушай, В.И., не будь упрямым, ну посуди сам, дурья твоя башка, как это он при всех будет перед тобой извиняться? Да какой авторитет у него будет после этого? Ну, хочешь, я вызову его, и ты с ним в кабинете поговоришь, а я даже выйду в коридор, чтоб вас не стеснять?

– Хорошо.

Через пять минут приходит Дундук, начальник выходит, я говорю: Иван Алексеевич, мы оба горячие, не надо мне извинений, я и так вижу, что Вы переживаете, давайте просто пожмем друг другу руки и ПОМИРИМСЯ, согласны?

– Согласен! – воскликнул Иван Алексеевич.

Но что после этого началось!?

Приходит он назавтра на пищеблок и приносит какую-то поддёвку. Я слышал, говорит, что у тебя поясница болит, а ты тут на сквозняке сидишь, надо беречь поясницу!

Потом еще что-то приносит. Потом спрашивает, нет ли каких просьб к администрации?

– Да вот, нельзя ли в храм наших желающих сводить?

Через час уже храм открыт, четверых нас заводят, батюшка торжественно нас встречает, произносит трогательную проповедь о прощении и незлобivosti, товарищи меня в бок толкают: Это о тебе!

Двое тут же попросили, чтобы батюшка их окрестил, и через день состоялся торжественный обряд КРЕЩЕНИЯ.

После в обычай вошло, что эски писали заявление с просьбой пойти в храм (это была комнатка такая, украшенная иконами и подставками со свечами). Один из тех молодых, с кем я пересекался немало, даже там обвенчался, и за это, надеюсь, Бог что-то из грехов администрации простит, тем более, что виновата в мерзости, в которой мы живем, не отдельная администрация отдельного учреждения, а РЕЖИМ растреления, за который ответственно, прежде всего, высшее руководство страны.

Наконец, наступило блаженное время, когда был назначен в Городском суде день слушаний по кассации.

Накануне я тоже вышел на работу как обычно, хотя мне уже говорили, чтобы я «отдыхал».

В конце дня Дундук подошел ко мне и сказал: Знаешь, хотя я и неверующий, но я зашел в молитвенную комнату и поставил за тебя свечку, а завтра приду туда помолюсь, я с батюшкой уже об этом договорился.

Наступил тот благословенный день. Нас с сыном освободили, вечером мы уже были дома.

Я уже рассказывал, что по возвращении из Заседания Городского Суда на разводе я встретил свою бригаду – и это было ликование! Как они радовались! А это был единственный случай оправдания за три года на три тысячи сидельцев, коих за три года перебивало не менее десяти тыщ.

И дежурная по коридору целовалась со мною, молоденькая девочка, студентка заочного отделения, но об этом я уже хвастался...

А товарищи по бригаде весьма сожалели, что меня освободили, жаль им было со мной расставаться.

На волю меня провожал Дундук. Перед проходной мы остановились.

«Слушай, я ведь так и не извинился перед тобой. Не держи уж на меня зла. Прости!» Мы обнялись.

НЕ ДОСТОЙНЫЕ

ТРАПЕЗА В ПРИСТАНЦИОННОМ САДИКЕ

1.

Я думаю, что события не случаются просто так, есть некий изначальный замысел, умысел, словно они – те примеры, которыми великий учитель жизни, как учитель математики, подкрепляет основные ТЕОРЕМЫ бытия.

Русский народ не просто сверг царя в семнадцатом, но он еще сбросил в шахту его дочек, и царевича малолетнего убил. А потом в Черное море нагнал матросов и офицеров из Белого движения, и там потопил, привязав жернова, и в подвалах ЧК гимназисток насиловал, прежде чем расстрелять, и в барже в Маркизовой Луже перед Кронштадтом кадетов семнадцатилетних топил... и еще миллионы и миллионы ни в чем не виновных обыденно и трагично, похода и жестоко – уничтожил.

Может быть, за это затем и выпали на его долю еще более свирепые казни, то голод в Поволжье, то раскулачивание и голод за голодом то по губерниям, то повсеместно, массовые расстрелы ни за что, для устрашения, «архипелаг Гулаг», кровавая бойня войны с немцами, блокада Ленинграда и Голод, превосходящий всякое воображение, и снова пытки и казни, бесправие, насилие, унижение.

Но русский народ свою участь заслужил, хотя скормил он Чудищу Возмездия не тех, кто был виноват, а чаще всего лучших, в том числе моего дядю и моего отца.

Но и тогда и сегодня люди были разными, были палачи, были святые и герои, были дармоеды, были работающие от зари до зари, были недостойные, но были и достойные.

О последних я уже написал, не разделяя их по племенам, а теперь продолжу еще писать о недостойных – не в том, скорее общественно-политическом (или даже метаисторическом) смысле этого слова, в котором осуждениями, бранью и проклятиями заполнены страницы моих книг и по отношению к власти, и по отношению к ее псам и холоум, а в житейски-бытовом, в котором «недостойна» Лилька, хотя и достойна сострадания и помощи.

В России тьма племен, и хотя русские в основном доброжелательны или терпимы ко всем, но по тем или иным поводам относят то тех, то других к *недостойным*. Чаще других достается цыганам.

Меня судьба сталкивала с ними множество раз, а тут случилось и еще столкновение (или, правильнее говоря, *пересечение*), о котором уместно поведать читателю.

2.

В шесть часов вечера я приехал в Акуловку, автобус должен был пойти в половине седьмого, и я еще успел закупить в магазине всякой снеди: кирпич пшеничного хлеба и батон, большую помидорину, надеясь, что она будет съедобной, брикетик сливочного масла и пять яиц.

Оставались у меня еще корочки хлеба Питерского (и по названию, и по происхождению), так что теперь за свое будущее я был спокоен, тем более что в доме оставалось еще полведра картошки.

Только стал спускаться с холма от шоссе, меня догнала машина, и хотя владельцы ее живут в С--лове, но меня довезли до Прилог. Чудеса.

Так как приехал я рано, то успел сходить к Зое, купил у нее трехлитровую банку маринованных огурцов (хотел, правда, соленых, но соленые у нее кончились), протопил печку, наварил картошки, сделал салат (в который добавил яйцо и крапивы), скопил четверть огорода и обочину шоссе вдоль нашего дома, и начал даже копать одну из трех еще не вскопанных грядок...

Утром прибежали "детки". Я напоил их чаем, накормил огурцами, и с собой положил им в пакетик.

Лилечка попросила у меня сто рублей для мамы Арины. Так как у меня оставалась еще пятидесятка на автобус и горсть монет, то я отдал им сторублевку, Иле дал еще десять рублей (а Тане почему-то не дал), и ринулся в огород согребать траву.

Решил сегодня же вернуться в город (стало скучно без семьи), поэтому делал кое-что наспех. Доел вчерашнюю картошку, салат делать уже было некогда, и я забрал полтора огурца, половину помидорины, хлеб, батон, масло, в термосе заварил чаю, сварил оставшиеся четыре яйца.

По дороге к шоссе догнала меня снова машина, и солидный мужчина довез меня до шоссе. По дороге говорили о болях в спине и ногах, и он рекомендовал мне чудодейственную мазь.

До автобуса времени теперь оставалось много, я с рюкзаком стал бродить по лугу, зарастающему березняком, и нарвал веток для банного веника, да еще сочинил стихотворение.

Настало лето! Жарко, комары...
 Давно ль мечтал? – и чуть не проклиная!
 Морозной ли теперь мне ждать поры?
 Иль, может, ничего не ждать? Не знаю...
 Настала старость... Скучно, все болит!
 Её не ждал, она сама явилась.
 И есть и пить, как хочешь, не велит.
 – Ты всё живой? – грозит. – Скажи на милость?!
 Что ж, пусть грозит! И старость пережду,
 Бывали и почище переделки!
 Бывал в раю, а думал, что в аду,
 Жара, болезнь – не правда ли: безделки?!
 Да, грешен, пил! Но, кажется, не зря!
 То жар души, то нежных уст прохладу...
 Я вспоминаю холод января –
 И в комарах уже ищущи отраду!

В Акуловке было очень жарко, электричка должна была пойти только через час, и я, пав духом, купил охлаждающего пива.

С собой была соль, я сел на скамейку в сквере у станции, около фонтана, и с наслаждением съел яйцо, запивая пивом.

– Кому бы остальные яйца скормить? – мелькнула мысль, – а то еще испортятся по такой жаре?

И тут ко мне подошла молодая цыганка с парнем-цыганом, она попросила отхлебнуть глоточек пива.

Парень тоже попросил глоточек, я смотрю, что мне и самому не хватает, а мелочи еще много, отсчитал ему тридцать пять рублей и велел сходить за бутылкой в ларек.

– Можно, я попозже схожу? – как видно, деньги он решил закилить.

– Ладно, позже, так позже. Есть хотите? Яйца будете?

– Будем! Мы всё будем, есть хотим, дома даже заварки для чаю нет.

Подошла еще одна цыганка, я развязал рюкзак, яйца лежали сверху в рушнике, я дал всем по яйцу.

И тут подошла совсем юная.

– Что же делать? – спросил я вслух. – Яиц было пять штук, одно я съел вчера, другое сегодня, три роздал... что ж мне с тобой делать?

И тут я смотрю в рюкзак, и на рушнике вижу яйцо.

Я вытащил соль, кирпич хлеба, полтора огурца, половину помидорины, достал нож, они встали около меня и трапеза началась, а я допивал свое пиво.

– А я бы соленых огурчиков съела! – вздохнула вторая цыганка, и я вспомнил, что наложил в банку маринованных Зоиных огурчиков для города. А сам я есть их опасался, так как у меня болит спина, поясница, и даже нога.

Я достал банку и отдал ее.

– Что не съедите, возьмете с собой, я их уже съел в деревне несколько штук, а в городе они мне не нужны.

– А тебе, может быть, пива хочется? – спросил я последнюю, самую юную цыганку. В бутылке еще оставалась четверть.

– Нет, я пиво не пью! А вот чайку бы выпила! – вздохнула она.

– Ну так я сейчас налью!

Долго искал я в рюкзаке, термос свалился на дно, наконец достал, отвинтил крышку.

Чай пить захотели все, чай был горячий, душистый и сладкий, я наливал его в крышку от термоса и протягивал им по очереди.

– А Вам в дорогу разве ничего не надо? – пожалела меня юная.

– Нет, ехать не так долго, а вечером меня накормит жена или внучка.

Пока они пили чай, я успел рассказать и о деревенских "внучках", и о старой цыганке бабе Шуре (царствие ей небесное!), которую угощал чаем, и о полуцыганской маленькой Кристине, которая меня ругает за то, что я слишком доверчив.

– Правильно ругает! – откликнулась юная, – нельзя всем верить, время теперь ненадежное. Вас могут обмануть!

– Когда-то давно мне цыганка предсказала, что половина людей меня будет любить, а половина любить не будет, и те, которые полюбят, защитят от тех, которые не полюбят.

Пиво было допито, до электрички оставалось двадцать минут, я стал собираться. Но ведь цыганке надо позолотить ручку!

– Вы меня извините, но вот у нее ребенок! – показал парень на вторую цыганку, не дадите ли на молоко? Надо всего двадцать четыре рубля.

– Утром я одной женщине отдал сто рублей, осталась только мелочь. Если мы еще не все пропили, то вот... – я выгреб из кармана последнюю мелочь и сосчитал – оказалось ровно двадцать четыре рубля! Я положил их в ладонь молодой мамы.

– А вам на билет разве не надо? – опять позаботилась обо мне юная.

– Нет, я билета не беру!

Я не стал ей объяснять, что доезжаю до Малой Вишеры бесплатно, потому что "боролся" против советской власти, оттого теперь помидоры железные.

– А Вы не Бог? – снова она воскликнула. – Я видела его сегодня во сне, он на Вас похож!

На это я ей ничего не ответил, улыбнулся, помахал рукою, послал воздушный поцелуй и зашагал к мосту над железнодорожными путями. Душа успокоилась. Но самое удивительное было в том, что и нога перестала болеть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я уже в электричке, лечу к Малой Вишере и раздумываю о пьянстве.

Я ведь бросил пить, уже четыре дня ложился спать трезвым, и вот из-за жары пал духом и припал к пиву!

Надо запить пиво чаем, подумал я и достал термос, из которого уже напились три цыганки и один их пастух.

Странно, но он был еще наполовину полон, чай был так же душист, сладок и горяч, хотя неделю назад я раздумывал, не выбросить ли его, так плохо он хранил жар и крепость чая!

Правда, я что-то в нем подкручивал, но все же его исправление меня удивило.

Хлеб и батон я отдал...

Но ведь оставались еще корочки Питерского хлеба, а я бросил их в карман рюкзака.

Теперь я их нашел, достал еще брикет с маслом, зачерпнул масло корочкой и налил полную кружку чаю – и один раз, и другой.

"Нет, надо еще оставить!" – подумал я, и вот теперь, дописывая эти строки, уже во второй электричке, которая мчит из Малой Вишеры в Питер, запиваю их последними глотками все такого же горячего и душистого чая.

Настроение у меня поднялось, дома меня ждут родные, достойные, наверное, и лучшего, чем я, но все же и я стараюсь быть лучше, и пить снова бросаю! И стану, возможно, лучше.

Вспоминаю эту цыганскую компанию и размышляю об их печальной участи.

Утром я поил чаем и кормил огурцами деток, о которых я думаю, что они достойны лучшего, а в середине дня поил и кормил цыган, к которым и другие и я сам относятся не так благосклонно, как к детям.

И вдруг я увидел, что объединяет утро и полдень: это целый народ, оставшийся в детстве, они так же простодушны, временами хитрят, как и мои "детки", попрошайничают точно так же (маленькая Лиля разве не просит у меня то десять, то двадцать, то сорок рублей, то конфет, то каши, то пряников, а теперь вот требует, чтобы я привез ей цветочной рассады, она будет тоже сажать цветы, как бабушка Марина).

Но ведь цыгане выманивают деньги, продают поддельную водку, торгуют даже наркотиками, может быть, заставят и маленькую Аню помогать им в этом грязном деле? – от них истекает ЗЛО, а разве истекает зло от детей?

Нет, это все же несчастный народ, как и русские, ими правит слой жестоких, которые ими повелевают – вот несчастные дети и добывают для них золото, а сами они часто раздеты, разуты и голодны. Они живут *неправильно*, но разве это они виноваты в этом?

Нередко им приходится воровать.

Ну а как живут беспризорники?

Точно так же. Им надо выжить, и они обманывают и воруют, их эксплуатируют, ими помыкают, их развращают те, кто постарше.

Вот и цыгане – чаще всего – бездомный народ. Даже когда они живут в доме, спят они вповалку по десять человек на полу, в то время как "цыганский" барон строит хоромы.

Изменить их участь можно, только изменив их быт.

Изменить их внутреннее можно, только изменив их внешнее.

Так что неверна христианская проповедь, все дело СПАСЕНИЯ человека взваливающая на него самого. Со мной согласится всякий учитель, пытавшийся помочь отстающим школьникам. Не скажет он школьнику: «стань успешным», – ибо далеко не каждый может им стать. А с помощью учителя удастся многим.

Не так ли должен бы рассуждать и учитель жизни, только на каждого отдельного человека возлагающий ответственность за то, как складывается его жизнь?

Человек нуждается в помощи – в помощи наставника, учителя, поводыря, общества и государства.

Среди самых маленьких нет *недостойных*, все они смогли бы стать честными и добрыми, даже вопреки наследственным задаткам – если бы растить их так, как огородник растит овощи в своем огороде, как бабушка Марина растит цветы и помидоры, как я рашу свои тыквы и кабачки.

Недостойны только мы, достойные, потому что не делаем все возможное, чтобы спасти человека и народ. Слишком мы озабочены собственным благополучием, слишком живем только для себя, то ли для увеселений плоти, то ли для своей бесценной души, трясемся над нею, а рядом гибнут те, кто мог бы стать и не хуже нас.

Пропадают в значительной степени не по своей вине, а крапива и чертополох забивают, ЖАДНЫЕ и ЗЛЫЕ одолевают и растлевают!!!

Надо их лишить власти, жадных и злых, поставить во главе государства праведных, и НИВА нашей жизни станет плодоносна!!!

МОЙ ПАДШИЙ БРАТ

1.

В июне возвращался я из Сибири, уже проехал Казань, уснул, незадолго до Москвы, ранним утром, проснулся. В вагоне было душно, и на остановке вышел я на перрон.

То ли с похмелья, то ли от духоты, то ли от усталости, но я совершил некую глупость, из-за которой чуть потом не лег костыми.

Короче говоря, набросились на меня торговки, торгующие тяжеленными хрустальными сервизами, и я купил их сразу два.

А при этом я вез прошлогоднее варенье, кедровые орехи, соленые грибы и две зимних куртки, ненадеванных, которые подарил мне дядя. Да и еще уйму вещей.

На Казанском вокзале, с рюкзаком за плечами и сумкой на плече, держа в левой руке тюк с одним сервизом, а в правой с другим, я попытался дойти до Ленинградского вокзала и рухнул через пять шагов. Тогда я стал двигаться перебежками, оставил один тюк, думая, что все равно его никто не поднимет, и с другим отошел малость (как черепаха, убегающая от Ахиллеса). Затем оставил этот и вернулся за оставленным, и так наконец дошел до кассы. Поезда утром не было, пришлось ехать электричками.

Доехал до Твери, там перерыв, мне захотелось *писать*...

На счастье ехал со мною старик, который ехал электричками из принципа, и по дороге все перезванивался с сыном, который ему дал денег на поезд, доказывая тому, что на электричках ехать не только дешевле, но и надежнее.

От Твери доехали мы до Бологова. От Бологова до Акуловки.

Теперь вспоминаю и думаю: Ну и жилистый же был я мужик, на мне тогда могли и черти воду возить!

Из Акуловки я ехал автобусом. Затем от шоссе надо было пройти пять километров до деревни.

Не буду рассказывать, как я дошел, пощажу читателя, во всяком случае, я еще жив, правда, болит спина (хотя прошло уже десять лет), плечи, руки и ноги.

2.

Мой «пернатый» брат праздновал новоселье – из громадной трехкомнатной квартиры в спальном районе он переехал в центр города в комнату в коммунальной квартире.

Почему это случилось, я тоже не буду рассказывать, иногда люди болеют, то их заключают в тюрьму, то происходят с ними другие странные или неприятные вещи, не говоря уж о еще худшем.

Естественно, надо было ему что-нибудь подарить.

Сервизы занимали много места, из деревни один из них я к тому времени уже переташил в город, поэтому торжественно вручил, призывая, впрочем, не всеми предметами пользоваться по назначению, а именно, не пить спиртных напитков и не наливать их в стаканы, фужеры и рюмки.

(Кстати сказать, невольно в этом рассказе я сбиваюсь на стилистику своего собрата по перу, так что читатель может вообразить, что это именно он и рассказывает трагикомическую историю из своей несуразной жизни).

Ну, подарил, отпраздновали новоселье, домашние его уехали в деревню, переселенец проснулся, опохмелился, и счастливый пошел гулять.

Не успел он дойти до Невского, как дьявол начал его искушать.

3.

Дьявол имел ладную фигуру, выпуклые формы, смазливое личико и плутоватые и бесстыдные глаза. Лет дьяволу было двадцать пять – хотя, впрочем, что можно сказать о возрасте дьявола?

– Дяденька, не угостите ли сигаретой?

Товарищ мой не курил, все, что сберегалось на черный день, тратил он на напитки, черный день, правда, был не каждый, а только через два дня на третий, ну, иногда через день, и лишь изредка сплошь.

Правда, в нашей стране жить становится все невыносимее, и прошлые черные дни теперь я склонен считать светлыми, теперь и я уже стал к ним терпимее.

Дяденька остановился, подумал.

– Дитя мое, курить вредно, курение разрушает женскую красоту, старит кожу, отражается плохо на детях и так далее.

А лучше пойдем с тобой в ближайшее кафе и выпьем по бокалу эллинского вина! (Товарищ мой был еще и филолог и несостоявшийся философ, и тоже тяготел к античности).

Девчушка подумала и согласилась.

Выпили они сначала по бокалу, затем еще по одному, и она говорит: Ладно, дядя, хватит пока пить, может быть, потом мы еще выпьем, а пока у меня к тебе вопрос – есть ли у тебя деньги?

– Есть, конечно есть! – гордо ответил несостоявшийся философ и достал из кармана сто рублей.

– Нет, этого мало!

– Так давай мы из кафе перейдем на скамейку и купим еще бутылку вина, тогда нам будет как раз!

– Да я не про выпивку говорю! Мне деньги нужны!

– И сколько тебе надо денег?

– Ну, хотя бы тыщу... Учитывая мою эллинскую и блядскую красоту, как ты еще недавно сказал...

– Хм... Тыщи у меня нет... А зачем тебе тыща?

– Как, зачем? Жить!

– А ты что ж, не работаешь?

– Почему же не работаю? Работаю...

– Кем?

– Ну, вот этим... Ну, дядя, какой ты бестолковый! Ты мне даешь тыщу, мы идем к тебе, ты наслаждаешься моею красотой, у тебя потом будет еще и сюжет для рассказа...

– Постой, мой зяблик, жди меня, я шас приду назад, пять минут!

Философствующий филолог бежит домой, хватает сервиз и притаскивает его Марии.

– Что это?

– Сервиз!

– Зачем?

– Будет стоять у тебя дома, ты будешь им любоваться, а когда захочешь выпить, позовешь меня, я приду к тебе с бутылкой.

– И что мы будем делать?

– Пить!

– А работа?

– Какая работа?

– Ну, вот эта, которой я зарабатываю деньги, а мужчины получают радость, которая поддерживает их в этой никчемной жизни!

– Ты что ж, думаешь, больше их ничто не поддерживает?

– Судя по тебе, даже и не это, а выпивка... А больше ничего! Короче, хочешь порадоваться?

– Хочу! А за сервиз ты не можешь? Он наверняка стоит больше тыщи. В крайнем случае, ты сможешь его продать. Или подарить подруге.

– Нафиг мне этот сервиз! Неси его обратно!

– Ладно, я его дарю тебе просто так, радость ты продашь другому, и он даст тебе тыщу. Давай, я помогу его тебе отнести в дом.

И они потащились в каморку птички, у которой там кроме голых стен ничего не было.

Потом они пошли в гости к философу и он накормил ее щами, которые умел варить превосходно.

Потом...

На следующий день писатель протрезвел и стал ее искать. Он решил ее *спасти*. За просто так, не требуя у нее радости. И каждый день кормить ее щами. Но, увы, он забыл, где она живет. Поэтому найти ее не смог, и больше ее не видел.

4.

– Знаешь, я думал о твоём разделении людей на достойных и недостойных, – сказал он мне, – и пришел к выводу, что отнести человека к тому или иному разряду не так просто, если вообще невозможно. Во всяком случае, не только от профессии это зависит. Конечно, стукач, чекист или государственный чиновник люди заведомо недостойные, но то, что она продает красоту за деньги, не ставит ее ниже многих. Журналист продает свой талант, работает, например, в государственной газете, и пишет о

культуре, не восхваляет власть. Но он ее и не ругает, хотя она губит Россию, следовательно, приносит он зло. А какое зло приносит она? Другие девушки ведь делают то же самое, только ли от того, что она берет деньги, она недостойна?

А те, кто работает на частную фирму? Возможно, да и чаще всего, она принадлежит тем, кто ограбил нашу страну. Если же она принадлежит государству, значит, принадлежит она чиновникам, работник создает прибавочную стоимость, которую чиновник забирает себе, едет за границу и там платит очень дорого за то самое, за что Мария просила только тысячу.

Мы все нарушаем нормы морали, мы все двуличны, уже только тем, что миримся со злом, гораздо худшим, чем то зло, в котором можно было бы упрекнуть ее... Хотя я не вижу в ней зла. Знаешь, у нее красивые ноги... да и все остальное, честно сказать, тоже привлекательно. Жалко, что я не богатый, а то бы я просто купил ее и поселил у себя дома, днем она ела бы щи, а вечером мы ходили бы с нею гулять по Невскому и иногда покупали по бокалу эллинского вина!

– А тебе не приходит в голову, что это дьявол тебя искушал в образе молодой привлекательной девушки?

– Не думаю. Зачем я дьяволу нужен? Он не искушал меня даже когда я был молод, что он вдруг смог найти во мне теперь ценного?

К тому же, из всех мне знакомых падших созданий я ни одну не знаю плохую и порочную.

Ну, начнем с Настасьи Филипповны. Она даже сто тысяч отвергла, хотя ведь предавалась утехам страсти с князем, который ее содержал! Не говорю уж о Сонечке Мармеладовой, которую можно бы причислить к лику святых. А многих других даже уже причислили, и Марию Египетскую, и Марию Магдалину.

Не брошу я камень в Травиату, в Манон Леско ... да и во многих других, мне известных по преданиям... вообще, между нами говоря, эта встреча перевернула многие мои представления, я пришел к выводу, что известные утехи, которые женщина предоставляет мужчинам, если и порочат кого-либо, так только мужчину, который ими пользуется, в древности жрицы предоставляли их даже бесплатно страждущим, как о том прочитал я у Розанова в «Людах лунного света».

Что ты на это мне скажешь?

– Я думаю, что ты в нее влюбился, и это уже оправдывает тебя независимо от того, что ты готов был платить ей деньги.

А ее оправдывает хотя бы то, что она возбудила в тебе любовь.

У меня однажды тоже была отчасти похожая встреча, правда, о любви там говорить не приходится, но слушай.

Я ждал в Твери электричку, то сидел на скамейке и читал, то бродил, наконец, невзирая на то, что бросил пить, подошел к пивному ларьку и купил бутылку пива, и тут же на уголке стал его пить.

Ко мне подошла женщина лет тридцати и обратилась: Мужчина, не оставите ли мне глоточек? Мне плохо, надо хотя бы глоточек выпить.

Привлекательна ли она, я не смогу сказать, потому что она была испита и помята, если бы ее отмыть в бане, заставить три дня спать и не пить, возможно оказалось бы, что она привлекательна.

Я купил еще одну бутылку пива и протянул ей.

– А можно постоять рядом с вами, чтобы я не пила в одиночестве?

Я разрешил, она что-то мне рассказывала, я почти ее не слушал, и так мы допили каждый свою бутылку.

– А почему вы обратились именно ко мне, хотя рядом стояло еще трое, даже довольно привлекательных? – спросил я ее.

– А я почувствовала, что вы добрый и не откажете мне, и не обругаете.

Знаете, я хотела бы вас отблагодарить, просто так, бесплатно, даже не за пиво, а за то, что вы хороший человек. Пойдемте ко мне, тут недалеко, вы не пожалеете, я все умею...

– Мой ангел! – сказал я ей. – У меня электричка через десять минут (хотя до нее еще было долго), и я не смогу воспользоваться твоей милостью. Но я признателен тебе за доверие и за такое теплое ко мне отношение.

Представь себе, мой друг, замороженный философ и несостоявшийся падший человек, ее я тоже оправдываю, хотя она и потаскана. И оправдываю я ее тем, что она вызвала у меня сострадание. Все, кто вызывает сострадание, думаю я, принадлежат к достойным. Как, несомненно, и те, кто вызывает любовь.

ЛЮБОВЬ

Ко мне приехал мой товарищ из-за тридевяти земель, и мы поехали сначала в деревню, чтобы там пропариться в бане, наговориться вволю, поведав друг другу свои обиды на жизнь, выпить вина и пива и обрести некоторое хотя бы относительное равновесие на предстоящий год.

Пробыв в деревне три дня, решили вернуться в город, а оттуда проехать в течение недели по северо-западной России.

От деревни до города добираться было восемь часов.

Прошли сначала до шоссе и ждали автобуса. Но его не было.

Стали голосовать, лавина машин катилась мимо, но никто не останавливался, мы уже стали опасаться, что опоздаем на электричку, и вдруг, о чудо, пролетев мимо нас, одна скрипнула тормозами, сдала назад, и вот уже с рюкзаками мы взгромоздились на заднее сиденье.

Впереди меня сидел Начальник, я это понял потому, что он всю дорогу поучал водителя, как надо ехать, где тормозить, сворачивать и обгонять.

Ладно, перетерпим, думал я.

Подъехали к вокзалу, до электрички полчаса, я протянул водителю сотню (цена билетов на автобусе), а поскольку подъезжали мы не на такси, то это была обычная плата – на бензин – да я так и сказал.

– Это что за деньги? – закричал Начальник. – Такси стоит триста рублей, а ты мне суешь сотню?!

Товарищ растерялся и протянул ему еще сотенную, хотя обычай этого не требовал.

Мы вылезли. Настроение было испорчено.

И тут видим, что электричка набирает ход, и уходит от вокзала.

Оказывается, сегодня неожиданно изменили расписание электричек, и вот несколько сот пассажиров на двух десятках станций от Акуловки до Малой Вишеры будут ждать четыре часа следующую электричку и крепнуть в любви к родной капиталистической власти, которая ежедневно вытирает ноги о свой народ.

Но делать нечего, сели мы в пристанционный садике, и с горя рассказал я товарищу любовную историю, случившуюся со мною пятнадцать лет назад.

Мы познакомились на празднике Белорусской письменности, я ее поразил чудесами, которые тут же стали происходить – например, пригласил на банкет к губернатору во дворец, обещая, что Сам Губернатор встретит ее на крыльце, и пригласит в зал и проводит и усадит нас на лучшие места, и потом ей будет оказано необыкновенное внимание.

Она мило посмеялась над моими фантазиями, но к губернаторскому дворцу согласилась подойти. На крыльце стоял Губернатор и бросился к нам восторженно, а Сашеньку даже обнял за плечи и повел в зал.

Отчасти интригу слушателю приоткрою – дело в том, что меня в этот город пригласил Сам Император, и Губернатор об этом знал. А отчего я был

удостоен монаршей милости, об этом рассказывать не буду, не суть важно, ибо не обо мне, в общем, речь.

Ах, что это был за прием, какое вино лилось, какие красавицы наполняли нам бокалы, пели и танцевали!!!

На следующий день с Сашенькой встретились мы в Минске, и я пригласил ее на банкет, посвященный Мицкевичу. Банкет сей устроили ученые филологи, и я даже сначала думал, что это будут научные чтения.

Но после двух-трех коротких выступлений вдруг на столах появились скатерти, пузатые бутылки с самогоном, картошка в мундирах, квашеная капуста и прочие народные деликатесы. Ученые, как оказалось, были страшно бедны, и устроили праздник Мицкевичу вскладчину, и принесли сюда все свое. Но было еще теплее и милее, чем даже у Губернатора.

Мне, конечно, надо было закрепить ощущение чуда, которое у нее сложилось вчера, и я подошел к знаменитому оперному баритону, который был среди гостей, и попросил мне помочь.

– Видишь эту красавицу? (А на нее и так все смотрели во все глаза?) – Нужно, чтобы она мною восторгалась, думала, что я необыкновенный человек, ибо чем еще могу я завоевать ее внимание?

– Дорогой мой, ты и в самом деле необыкновенный человек, если такую красавицу сумел сюда привести! Но я тебе помогу!

– Господа! – обратился к сидящим за столами народный артист. – По просьбе моего друга и в честь очаровательной Сашеньки, почтившей нас, седовласых мужей, своим присутствием, я спою вам знаменитую песню.

Но сначала немного истории.

Более ста пятидесяти лет тому назад наш великий поэт Владислав Сырокомля отправился по приказанию своей жинки на рынок за зеленью, но по дороге домой завернул в шинок, чтобы выпить чарку вина.

За соседним столом он увидел угрюмого мужика, который сидел, низко склонив голову.

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,
Сидишь, как невольник, в затворе, – обратился к нему поэт.
И чаркой и трубочкой тебя наградим,
Когда нам поведаешь горе.
«Мне горько и так, и без чарки вина,
Немило на свете, немило!
Но дайте мне чарку, поможет она
Сказать, что меня истомило», – ответил тот.

Выпив чарку, он продолжил:

Когда я на почте служил ямщиком,
Был молод, водилась силенка...
И был я с трудом подневольным знаком,
Замучила страшная гонка.

А дальше шел трагический рассказ о любви, трусости, предательстве и гибели возлюбленной.

Вернувшись домой, Владислав Сырокомля написал стихотворение, позвал мальчишку и отправил его в редакцию газеты, и уже в пять часов утра оно было напечатано по-польски, а позже переведено на десятки языков мира и стало русской народной песней.

– Я вам спою полный текст этой трагической баллады, – закончил Иван Афанасьевич, – и на польском и на русском языке.

И он запел.

Ах, какое это было великое пение.

Сашенька плакала, у меня скатилась слеза по щеке, многие плакали тоже.

Сашенька подошла к певцу, обняла его и поцеловала.

– И что же было дальше? – спросил меня товарищ.

– Мы расстались. Она была молодой девушкой, только что кончила университет, а я... ну, ты сам знаешь... Я не имел права портить ей жизнь, у нас была еще одна встреча, и больше мы не виделись.

– И ты не знаешь, что с ней теперь?

– Знаю. Она ненавидела императора, участвовала в оппозиции, сидела в тюрьме, потом бежала за границу, живет теперь в Лондоне.

Я ей сказал при прощаньи: Тебе надо выйти замуж, родить детей, а что будет, если мы продолжим наши встречи?

Но замуж она так и не вышла.

Она провожала меня на перроне, мы пили вино и целовались.

– Наверное, у меня будут и другие возлюбленные, но такого необыкновенного у меня не будет, я это знаю, – сказала она на прощанье.

Нам с товарищем стало грустно, и мы решили развеять печаль, неподалеку было кафе, мы взяли бутылку вина, закуску, сели за столик. У моего друга умерла жена, он не мог ее забыть, и всегда при встрече мы поминали ее, а потом он рассказывал, как они познакомились. Поступившие в университет были выстроены шеренгой, она стояла неподалеку с подругой, и посмотрела на него, а у него из-под брюк виднелись кальсоны.

– Этот – мой! – сказала она подруге и засмеялась. Перед тем она подобрала голодного щенка и кормила его из соски.

Вслед за нами пришел пожилой мужчина, он взял салат и пирожок.

– Петь можно? – спросил он у служащей?

– Только наше! – ответила она.

– Не понял, милая?

– Наше вино только можно пить!

– Нет, я уже выпил, можно ли петь?

– Ах, петь? Ну, если не громко, и если соседи не против.

Мы были не против, и он, съев салат, вдруг запел:

Мы пьем, веселимся, а ты, нелюдим,

Сидишь, как невольник, в затворе...

Пропев еще несколько строк, он вдруг громко зарыдал и закричал:

– Лиза, Лизанька, ласточка моя, где ты, где ты, жива ли ты?

Господи, Господи, за что мне такие муки?

– Гражданин, я вызову милицию, если будете кричать! – закричала из соседнего зала другая служащая.

– Не нужно милиции, я уйду, я съем свой пирожок на улице, – ответил мужчина и поспешил выйти, пирожок он взял с собой на бумажном блюде.

Мы схватили бутылку и поспешили за ним.

Мужчина продолжал рыдать.

– Пожалуйста, успокойтесь, возьмите себя в руки! – попросил я его. – Расскажите, что случилось с вами, вам станет легче.

Мы отошли к столику под навесом.

– Я геолог, я закончил университет в Петербурге, мне семьдесят лет, у меня заслуги перед наукой, а моей миленькой, моей ласточке, с которой я прожил сорок три года, угрожают убийством.

Дело в том, что я фермер, у меня участок в пригороде, бандиты требуют, чтобы я написал на них дарственную, и жену мою взяли в заложницы. Мы с ней воспитали детей и внуков, жили в согласии, любили друг друга, я им готов отдать квартиру в Питере, вот сейчас туда еду, но я боюсь, что они убьют и ее и меня. Но я боюсь, что я их и сам убью.

– А милиция?

– Какая милиция? Они все вместе, от царя до последнего мента! Они делают что хотят, а мы только можем стоять на коленях.

Лизанька, Лизанька моя! – снова закричал он.

– Я Вас знаю, я видел вас, когда поступал в университет пятьдесят лет назад, – сказал мой товарищ. – У вас запоминающийся голос, и мимика, Вы тогда в компании играли и пели на гитаре, а у нас тоже была компания, мы пришли подавать документы...

– Ну, я как раз окончил университет, да, помню, мы пришли прощаться с вольной студенческой жизнью...

И что же мне теперь делать? Вот жизнь почти прошла, я объездил всю страну, я сделал открытия – кому они теперь нужны?

Бог с ней, с квартирой, но мы уже привыкли с женой жить на земле, надеялись здесь и умереть, у нас розы растут, и пионы, черемуха цветет и сирень, и моя ласточка... – и он снова заплакал и закричал: – Я убью их, они еще не знают меня!

Мы выпили вместе, утешали его как могли, обнялись на прощанье и пошли на электричку... Что мы могли сделать? Чем могли помочь?

– Верьте, что вы победите, и вера вас спасет, будет чудо! Не падайте духом, не падайте, и ваше усилие духа изменит обстоятельства, а мы будем требовать у неба, чтобы Вы победили! – сказал ему мой друг.

Он был атеист.

Мы пошли на электричку, потому что у нас не было оружия.

А он запел, закричал:

– *Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!*

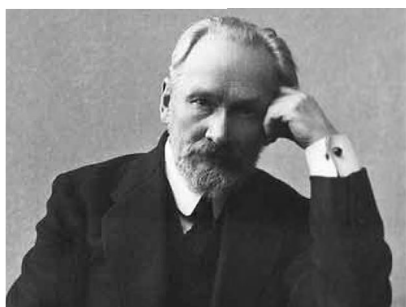
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ИСПОВЕДЬ и ПРОПОВЕДЬ
или **Новые записки редактора**

Нина Берберова

Фаустина
Младшая,
жена императора
Марка Аврелия

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ ХРИСТИАНСТВА

ВВЕДЕНИЕ

Великий Протагор еще в третьем веке до нашей эры сказал: «*Человек есть мера всех вещей – сущих в том, что они сущие, не сущих в том, что они не сущие*». Но его определение повторяют в урезанном виде «*Человек есть мера всех вещей!*», усиливая всеобщность. Похоже на то, что Декарт отвечал Протагору, когда сказал, что «*Я мыслю, следовательно, я существую*», оставив мыслящему философу меру только собственного существования (критерий существования мира оставив за богом. А я сказанное Протагором даже распространил и на мир в целом, и на жизнь, которая не относится к миру, ибо протекает во времени (а мир мы воспринимаем чаще всего как *мироздание*, театр, в котором протекает пьеса жизни), поэтому я вижу в **человеке меру бытия и сущего**, хотя и не уверен, что именно человек определяет *существование* и сущность всего имеющегося и протекающего.

И все же именно *человек есть мера* мира и жизни, а поскольку он синтез истории и культуры, то он **мера** всего целого, которого он является частью, то есть мира, в котором он живет, и культуры и истории, которые созданы его народом.

Поэтому свою книгу я и посвящаю русскому обществу, родным и друзьям, девушкам, книгам, культуре, событиям, идеям и чувствам, погоде, природе, *городу и огороду* – а что же Богу? Конечно, посвящаю я ее и Богу, но в значительной степени отрицанию Его, то есть отрицанию того неумеренного поклонения, приводящего к отрицанию человека, которое господние слуги навязывают нам, превращая нас в рабов не только небесного Господина, но и земного, заставляя жить для кесаря (вмещающего в себя бога), для его церкви и жречества, его богатых и сильных.

Я не отрицаю того, что Солнце светит на землю, но отсюда не следует, что надо приносить в жертву солнцу землю, на которую оно светит.

Я ощущаю мир как гармонию, а не хаос, поэтому я **религиозен** гораздо более верующих: *они усиливаются верить, а я ощущаю; они иногда уверены, а я знаю* всегда, они иногда *сомневаются* в нем, а я с **Ним спорю**, когда он мною пренебрегает. Вот, например, идет дождь и мне мешает работать, и я недоволен дождем. Я знаю, что Богу некогда, направляя мир в целом, входит в мои частности, откликаться на мои вздорные просьбы и даже на мои неумеренные восклицания, ибо разве я сам, поливая свой огород, над каждой былинкой склоняюсь? Конечно, есть у меня с Ним и взаимодействие, только о нем надо рассуждать тонко и осторожно, а не "нести пургу", как несет богословие, особенно православное, сведясь в конце концов к набору штампов и заклинаний, вроде того, что "*Бог поругаем не бывает*"... но не сами ли они *ругают* Бога своим неумением мыслить, чувствовать, любить, своей злобой, ибо при всех моих спорах я и милосерд, и великодушен, и даже умен.

Не так умен, как хотелось, не так талантлив, как мечталось, чтобы писать глубоко и ясно и исправлять мир, как я умею исправлять ошибки и слабости в книгах, которые редактирую. Но все же человеку дано достаточно (не только мне) для создания *общей философии* "жизни в целом".

Что такое христианская мораль, учение о добре и зле, образ «положительного» человека в мире? Если добром у христиан является только *жизнь во имя Бога*, пренебрегающая родными, друзьями, обществом, Родиной, культурой, природой? И праведный человек по христиански – это человек, отрешившийся от семьи и родины, юродивый или смиренный, антигерой, антипоэт, не ученый, не исследователь и не путешественник ... Идеальный христианин – это человек, отказавшийся от жизни, посыпавший голову пеплом, бичующий плоть, живущий на столпе, в норе, в пещере.

Это учение, развенчивающее человека, видит смысл жизни только в уничтожении жизни. (Хотя, правда, папа Римский осыпает себя золотом, а кардиналы впадают в бред и разврат плути мирян. Для нас же инквизиция, террор, запрет свободомыслия, или потаенная жизнь...)

А каков Христос? Спаситель ли он? Можно ли и нужно ли ему подражать? Нет. Он не любит людей и мир, отрекается от земного – от любви, детей, детской улыбки, детской игры

Да и Бог ли он? Евреи его отвергли, провозгласив, что он лже-Мессия.

Можно ли и нужно ли жить по христиански, может ли быть христианином поэт, воин, революционер, ученый, крестьянин, ремесленник, купец, промышленник?

Два обстоятельства меня создали, испортили и погубили: во-первых, явление ко мне Ангела с небес в семь лет, который возвестил мне, что мне поручается *спасти русский народ и Россию*, для чего я должен стать великим писателем; во-вторых, неожиданная слава в *эпсилон-окрестности* школы, когда в 15 лет я написал и напечатал свои первые рассказы, а затем мои стихи стали печатать даже в Красноярской (то есть для нас столичной) газете (правда, в 1971-м году, когда я уже был заключен в Сумасшедший дом, сама газета Известия посвятила мне целую страницу, в которой доказывалось, что я никакой не поэт, так как не состою в Союзе поэтов – но никто этой газеты не прочитал). А в Решетах, где было тогда 17 тысяч жителей и где я учился в девятом классе, не только каждый встречный переходил улицу, чтобы меня рассмотреть, но даже и каждая кошка мяукала мне при встрече! Разумеется, я поверил предсказанию Ангела, а так как писать еще не умел и стихи мои были вполне школьные, но при этом обладал и умом, и страстью к чтению, и даже, как мне кажется даже сегодня, вкусом, то я постарался развить свои способности, и продолжаю стараться с тех пор уже шестьдесят лет. Может быть, я стал бы хорошим учителем математики (которую иногда преподавал, и заслуживал похвал), и стал бы хорошим человеком, и сумел более действительно помочь своим близким, если бы не эта безумная мечта стать в конце концов гением и спасти Россию.

Временами, чувствуя свое неумение, я переставал писать – но вдруг кто-то меня снова хвалил (обычно девушки хвалили меня, когда я им нравился), и во мне снова *"сносило иллюзы"*, и я издавал Стенгазету на Матмехе, журнал МЪра, «Радзивилловскую летопись» (памятник средневековой русской письменности с цветными рисунками), «Россию и Европу» Данилевского, «Жития протопопа

Аввакума и боярыни Морозовой, Дионисия Ареопагита» и еще десятки таких же не нужных народу книг, писал и печатал «Учебник высшей математики», «Призвание литературы» и новую «Легенду о великом инквизиторе»; а то влюблялся и писал трехтомную *«Любовь как всемирное притяжение»* ...

Но время шло, а я оставался *не известным*. Сегодня я снова болен, ангина меня истрепала, уже не знаю не только как жить, но даже как умереть, [Редактирую через год, все то же самое, не та же ли самая ангина меня продолжает трепать?] Читаю Мережковского и Розанова и Иванова-Разумника, который как раз о них пишет (и которого «Гюрьмы и ссылки» я издал первый в России, редактируя машинописный текст этой книги), и все его инвективы в адрес Мережковского разят в меня. Увы, все во мне интересное – только цитаты из других замечательных авторов, от до.. А сам я тону в заёмном уме и при всем своем самомнении превзойти его не могу.

Но, может быть, и не стоит мне более сочинять самому, а лучше прямо соединять в одно целое тех, кто мне созвучен – они пишут лучше меня, поэтому и книга получится лучше. Если мне скажут, что так писать книги нельзя, то напечатаю для себя.

Правда, надо написать и о книгах, которые я читал, и о замечательных людях, с которыми был знаком и даже дружил, о красивых девушках, в которых влюблялся. О тюрмах своих буду писать кратко, ибо так хорошо, как Разумник, мне не написать, да и вспоминать следует только самое выразительное и поучительное из того, что со мною происходило. Например, я вспоминаю, как сидел в детстве на берегу ручья у кустика желтых цветочков, "туфелек", как мечтал еще раз весною их увидеть, но только через десять лет, уже прощаясь с деревней моего детства, пришел я на этот ручей, раздвинул заросли и вдруг их увидел – как куст *сиверсии* герой романа, который написала (а я редактировал) Наталі. И еще помню цветочную поляну среди ручейков и островков не растаявшего снега, я промок до колен, пока до нее добрался – это был ливень синих, голубых, зеленых и белых с желтым цветом, подснежников и пролесков.

Когда пришел ко мне ночью Ангел и сказал, что мне суждено спасти мой народ, я не удивился, что чуть только стану взрослым, наступит такая ясность понимания мира, что никакое преображение целого или частности для меня не составит труда. Я был уверен, что вижу и мир и скрепы мира глубоко и ясно, почти до Карпат (как у Гоголя), поэтому не смею молчать.

Почему Маркс не прав, объясняя только трудом взнос каждого из нас при взращивании урожая? Потому что даже пугало на заборе вносит в урожай свою лепту, а марксисты измеряют лишь время бдения, словно бы ни армия, ни полиция, ни суд, ни даже публичный дом не имеют отношения к взаимному производству полезных и бесполезных вещей. Кормить приходится даже отдаленно не прикасающихся к труду, поэтому в каждом данном экономическом, политическом и духовном укладе жизни понятие *«способа производства»* (которое сами марксисты не определяют точно) мало объясняет историю и жизнь. *Теория прибавочной стоимости* Маркса такой же фокус, как и чудесное возжжение свечей в Иерусалимском храме: пока есть церкви и прихожане, свечи будут зажигаться – для прихожан *свыше*, для "умников" сбоку.

Невозможно у капитала отобрать его прибыль и переделить ее между всеми, даже если капитал как уличный канал спрятать в трубу, а трубу передать "пролетариям всех стран". Этот чудесный эксперимент был произведен в несчастной России, и вся *прибавочная стоимость* была возвращена народу в лице его самого передового звена, заменившего попов и жандармов, т.е. в лице ЧК, ГПУ, КГБ, и СМЕРШа, секретарей партийных ячеек и Политбюро. Жить стало невыносимо. Чтобы произвести тонну зерна, пришлось закупать в чужих странах "нищеты и бесправия" еще две тонны, а работников окружить колючею проволокой и строем выводить на работу, шаг в сторону, конвой стрелял без предупреждения... Но вдруг Маркса выкинули на помойку, править призвали *воров в законе* (вместо прежних *варягов*) и велели им нами владеть, и пока есть лес и нефть, каменный уголь и золото, оставшееся население живет и процветает (не всё, но частично...)

Неравенство, однако, входит в способ производства жизни, как кислород входит в состав воды, как неровность поверхности входит в течение рек, как давление воздуха входит в ветер и в бурю. Неравенство не отменяет справедливость, как зло не отменяет добра, поэтому и при том, что зима холоднее лета, человек может устроиться по уму или глупости, *"Надо только всем людям доброй воли соединиться для добрых дел, как легко удаётся соединяться вместе людям злой воли"* – это сказал Лев Толстой.

Изучая Толстого, Евклида и Ньютона, Ветхий и Новый Завет, Паскаля и Достоевского, Гегеля и Маркса, "Социалистические таблицы логарифмов" и Кьеркегора, я вижу, что самые талантливые среди пишущих все же умны и проникательны – но, как показал Иванов-Разумник, Мережковский неправ, Розанов переменчив, а моих книг никто не читает, ибо *заменить понимание художественностью* я не сумел, Н меня бросила, Анна отвергла, Манон не звонит и даже с ангиной я не могу совладать и не дай Бог умру. **Что-то не так**, несмотря на то, что я по-прежнему верю в то, что я, как Сократ, самый умный, я Учитель, видящий чужие ошибки, – но я не могу научить свой народ...

Что не так в мире и во мне? Чтобы это понять, я и пишу свою новую, быть может, последнюю книгу, *Исповедь и Проповедь вместе*.

Глава первая. Общий взгляд на моих современников

5 марта 2017, воскресенье, Люди с убеждениями обычно всегда узкі, они убеждены в чем-то потому, что всё, что видят и что узнают, подгоняют под предвзятую мысль. Одни убеждены в том, что в Европе все хорошо, что буржуазная демократия и расслоение людей по богатству лучше всего, что более умные богаче, посредственные беднее, и в этом и проявляется истина правильного мироустройства. Другие убеждены в истинности равенства, в присвоении собственности государству, в равноправии бедности, то есть в социализме, при котором не может быть богатых и праздных, красавиц, блистающих на балах с бриллиантовыми колье на прекрасной открытой шее или томно сидящих «по вечерам у ресторанных окон», не может быть поместий с тенистым парком и розами на садовых клумбах; мчащихся по проселкам троек или дорогих автомобилей, игры в карты, когда проигрываются родовые

поместья (как играл Лев Толстой, проигравший Ясную Поляну), войн и дуэлей, несправедливости и предательства – а в чем тогда моя личная истина, человека, не принимающего ни неподвижное феодальное разделение на сословия, в которых личность заключена как узник в камеру, ни власть денег, ни власть догматических истин, человека, ненавидящего буржуазное мешанство с его низменной мечтой о накоплении и потреблении, ненавидящего диктатуру пролетариата, раздавившую индивидуальность, ненавидящего культ общественных интересов, которым приносится в жертву личность и ее собственные интересы, уравнивающих всех кроме вождя или диктатора? *Они* поверхностны, узки и прямолинейны, потому что *встали в ту или иную шеренгу и бегут в общем строю*: одни прямо, другие влево, третьи направо... все они во мне вызывают скуку или изжогу или стыд за их глупость – *но куда же я могу пойти один?* Может быть, я и самый умный, но мне не с кем разделить мой ум. "Глупо жениться и выходить замуж"... но разве умно жить одному, не заводя семью, не сужая себя семьей? Христианство велит не жениться и не выходить замуж, не заниматься ни карьерой, ни накоплением денег, но *взять крест и пойти неведомо куда*... судя по смыслу учения, пойти **в гроб**, с сомнительным последующим воскресением – правда, последователи сего учения, кроме немногих, крест не берут, копят деньги и делают карьеру, женятся и замуж выходят, но называют себя христианами... они живут как все, я живу в отличие от них более своеобразно, менее подчиняюсь всему тому, что отрицает их Бог... я с ними спорю, но какой смысл в наших спорах? Они не смогут понять, в чем я их убеждаю или разубеждаю, а я не могу понять, каково *на самом деле* основание их жизни... *И действительно ли их Бог им важнее семьи и родины, труда и творчества? Или они бесстыдно врут?!*

Я пишу и Дневник и Книгу, но в том, что пишу, я должен быть свободен. Мне самому многое неясно, и я пытаюсь ответить на мои недоумения, насколько могу. Такая попытка вполне достойна книги – для меня самого. Я что-то в конце концов узнаю, что-то начну понимать и словно бы зажгу наконец в окружающей тьме свечу, которая осветит мне тот мир, в котором я живу и принужден буду в конце концов умереть. *Я вышел из темного леса на дорогу*, скажу я себе. Или поднялся на гору, с которой многое стало видно.

Что есть человек, то есть я сам и те, которые мне близки; **что есть мир и народ** (в котором и среди которого мы живем, мир вещей и людей, событий и культуры); **во имя чего стоит жить** – вот, собственно говоря, все то, что нуждается в разъяснении и ради чего я пытаюсь писать книгу.

Возможно, я найду в ней все то самое, что в глубине души чувствуют и все остальные – кроме монахов и шахидок, приносящих в жертву жизнь во имя *того, что чуждо* и мне и тем, кто мне возражает.

От других я могу чем-либо отличаться. Например, рядом со мной человек, у которого в кармане лежит партбилет. Существенно ли определяет он моего собеседника, – настолько ли существенно, как, например, склонность к самоубийству или сексуальные отклонения? То же можно сказать и про крест,

висящий у него на шее. Он, возможно, думает, что он христианин или марксист – но прав ли он? Многие вот так же думают, что они очень умны, но ошибаются в своих оценках. Как и девушки иногда ошибаются относительно своей привлекательности...

Но не будем слишком к ним приставать.

Начну пока с того, что перечислю существенное в человеке и в мире, и затем посмотрю, где среди всего этого Бог...

Утро 12 марта. Сделал зарядку, помахал руками и поворочал шеей. Но литература меня торопит (а потомки пусть сами разбираются, литература ли это)...

В основании почти всего моего внутреннего, душевного (*я-йного*, или *субъективного*) и почти всего внешнего (*объективного*) – лежит **любовь**. Надо еще сделать предварительное замечание, что то, что я называю своим **Я**, не ограничивается только *душевным*, в ощущениях, чувствах и помыслах даже самого высокого порядка участвует и так называемая *плоть*, вплоть до клеток, например, при взгляде на красоток у меня сильнее бьется сердце, а сегодня ночью я вспоминал, как 59 лет назад был в гостях у Г.С., в которую был влюблен (она училась в десятом, а я в девятом), и сердце забилося неровно при воспоминании, от волнения. Вот так же границей моего Я не является поверхность кожи, все, что входит в *мои впечатления* и производит их, отчасти тоже я, только, может быть, Антарктида или турецкий султан совсем *внешни*, а печка, около которой мы на корточках сидели, пламя и искры от поленьев и нечаянные легкие соприкосновения рук принадлежали вместе и ей и мне. (Я делаю самые наивные пояснения, но боюсь, что современные читатели столь наивны, что мне надо бы им объяснять не только слова русского языка, но и союзы). Вот, в частности, не надо ли объяснить, почему именно *любовь* в основании моего Я? Во-первых, без нее Я не появился б на свет. Христиане, правда, **любовью** называют то чувство, которое испытывают они по отношению к Богу, затем чувства, направленные на *близних* (но в связи с Богом), и не связанные с *полом*, затем еще более странные чувства, привязывающие их к *врагам* (правда, здесь они вдруг переходят к диалектике и начинают среди врагов выделять особых "врагов веры христовой", которых любить не надо и можно и даже полезно истреблять, и меня они могут причислить к последним и тогда поволокут на костер, предварительно помазав маслицем, чтобы я лучше горел). А чувство, в результате которого появились на свет я и другие, да, впрочем, и они сами, – они называют **похотью**. И таким образом в основании рода человеческого, по их мнению, лежит нечто постыдное и отвратительное, а именно *похоть* (а в основании искусства и восхищения миром лежит **похоть очей и внушение бесов**, то есть тоже нечто отвратительное).

Здесь придется прервать плавный ход моих мыслей и сделать отступление. Они называют рассуждения, противоречащие их убеждениям и чувствам, **кощунством** и оскорблением чувств верующих, даже "порушением Бога" (хотя тут же добавляют, что *Бог поругаем не бывает* – цитата из апостола Павла). Но что всемирное притяжение полов, что "я помню чудное мгновенье", "я встретил вас и все былое в отжившем сердце ожилó", "о, как на склоне наших дней

сильней мы любим и суеверней!" и множество прекрасного вызвано *похотью очей* и воображения (по их самым священным убеждениям), и что *искусство и поэзия внушены бесами*, и математика тоже, и весь наш прекрасный мир не более чем *мерзость* и находится во власти дьявола, а *женщина*, из-за которой мы сочиняем стихи и от которой мы родились – "сосуд дьявола", и что по рождении ребенка она становится особенно нечистой и ей запрещено некоторое время входить в храм, как о том пишет Розанов, в то время как дикие, казалось бы, индусы *благословляют рождение*; и что "*враги человеку домашние его*" – это все не кощунство? и не оскорбление рода человеческого»? Да по моему и вся христианская религия пронизана ненавистью к человеку, отвращением к нему, осуждением его и призывает человека перестать быть человеком, *отряхнуть с себя человека!* (*И где мы такого бога нашли?* – спрашивает Розанов).

Но как же введение младенца в храм, и **обрезание** его (и Христос был обрезан, в воспоминание о сем у христиан праздник Сретения, и апостолы были обрезаны, и Павел даже долго рассуждал в Посланиях, выше ли обрезанные необрезанных, потом сказал, что равны, и в конце только велел отказаться от обрезания)? И как же венчание жениха и невесты и крещение младенца (как повяжешь галстук, береги его!) Затем комсомол (вместо венчания), затем вступление в партию большевиков (это монашеский постриг)?

Да читайте же Священное Писание, там ясно сказано, что все сие во снисхождение к слабости человека, и позволено жениться и выходить замуж, только чтобы не было худшего, но все сие хотя разрешено, но НЕ благо-словлено, «ибо есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного». ибо *"хорошо человеку не касаться женщины. ... Только если не могут воздержаться, этим лучше вступить в брак, нежели разжигаться"*.

(Почему именно такое "скопчество" угодно христианскому Богу, даже помогает войти в рай, Розанов не исследовал, и я не нахожу, чтобы опереться, авторитетных исследователей).

Но если лучше «не касаться женщины», то и не должен тот, кто следует за Христом с крестом в руках, рожать детей и поставлять род и народ как цель и смысл пребывания на земле, как нечто более высшее, чем угождение плоти, и не должен тот служить культуре и заниматься творчеством, о чем пространно же говорится у Розанова. Лицедейство же в России еще и в 19-м столетии приравнивалось к блуду и родители лишали наследства детей, становящихся актерами. И Гоголь отрекся от литературы и сжег свои Мертвые души, отрекся и от Пушкина, и Толстой отрекся от своих романов – но как же священник сказал, что якобы умер Пушкин как христианин? Разве и он перед смертью отрекся от своих стихов? Ибо «служенье муз не терпит суеты» – да, справедливо... но **взять крест и пойти за Христом не терпит служения муз!!!**

В заключение последних рассуждений напомним, что обитаю я в литературной среде, и уже по тому одному, что обитатели ее литераторы, не могут они быть христианами, так как музы суть бесовки и культура

внушена бесами, а посему как они могут влачить меня на судилище, сами служа бесам? Да еще рассуждать о *духовных традициях русской литературы*, имея в виду не только жития святых, но и повествования о том, как "блудила" Анна Каренина и как Наташа на простынях спускалась из окна к воображаемому любовнику, не читая "на ночь со слезой" ни Блаженного Иеронима, ни преподобного Игнатия. И даже профессор Дунаев, преподаватель Духовной Академии, не попадет в царствие небесное: изгнал он, правда, Лермонтова из своей *истории поэзии*, но музыки, музыки... но вдохновение, но очи черные, но "*я помню чудное мгновенье*", "*во глубине сибирских руд*... но **восхищение, страсть, очарование**, наполняющие русскую поэзию – даже слова, которые я выделил, в христианской речи невозможны, не должны произноситься – а этот профессор хоть с отвращением, но к ним прикасался!

Итак, все началось с того Древа, к которому подошли Ева с Адамом в раю, а под ним, свернув свои кольца, возлежал Змей.

Я родился в результате того, что Ева поддалась убеждениям Змия и вкусила запретный плод. Я следствие греха и послушания, и все вы. И мой народ существует и множился (только недавно начал наконец исчезать) в результате упорства в следовании *похоти плоти*. И природа, которой мы служим, и искусство, которому мы поклоняемся, и красота и гармония, которыми мы зачарованы, и всякое исследование, и даже труд – всё **противоположно молитве**. И царь наш не может быть помазанником Божиим, ибо *кесарю кесарево а Богу Богово*, а значит кесарево – не Богово, и наоборот. Мирской человек существует в мире, в природе и плоти. И в этом мире есть высокое и низкое, должное и не должное, красота и безобразие, зло и добро, любовь, сострадание, забота и пренебрежение "должным". Христиане пренебрегают тем, что и им и нам всем от рождения принадлежит как заповедь рода, что мы получили, впитали с молоком матери прежде, чем научились говорить и читать и прочитали в Писании.

Что здесь высоко и что низко, что главное и что второстепенное, об этом я рассуждать буду позже. Рассуждать я буду для себя самого и для таких же отморозков, как я сам, *мирные же народы пусть продолжают мирно пастись*, по слову Пушкина, ибо честь не для них.

И все же, разве все началось в Эдемском саду?

Христианство растворяет в себе человека до конца и нам уже кажется, что вне христианского времени и времени не было – но ведь прежде **грехопадения** было же **сотворение мира**, и не только человека, но и земли и неба, и вод морских, и всей природы, ползающих, бегающих, плавающих и летающих! Человек же был сотворен только в самом конце, на шестой день, и если у Бога тысяча лет как мгновение, то и мгновение как тысяча лет, посему не исключена преемственность в творении, тем более что есть и сходство во всем живом мире. Посему поговорим позже еще и о Творении и Эволюции.

Глава вторая. Сотворение мира

12 марта, воскресенье, 14-59. По большей части повторяю тысячу раз сказанное – все надеюсь кого-то из моих собеседников вразумить. Звонит мне один старый товарищ, сбивается на николаевскую эпоху, начинает ее поносить: помещики людоеды, Николай – негодяй (повесил пятерых). При сталинской власти в каждом уезде за год от репрессий погибало по пять тыщ – нет, Сталин великий кормчий; даже уж Николай Второй запятнал себя то Кровавым Воскресеньем, то Ленским расстрелом, то столыпинскими вагонами – и все же вся злоба моего товарища при каждом поводе направляется на Николая Палкина. И я думаю, что в основе мировоззрения у многих параноя, и нет у них представления об историческом времени, они не видят никакую эпоху так, как мы вспоминаем события собственной жизни, с звуками и цветами, с лицами и разговорами. *Так о чем и с кем я спорю?*

Пять тысяч врангелевских офицеров у берегов Одессы красные потопили, привязав к ногам их гири, и при отливе стал виден мертвый лес из голов: что это? зачем это? кому это? И до самой Отечественной войны только такое отношение к человеку и было главным мотивом Социалистической симфонии. И вся война велась безжалостно по отношению к человеку, какой ни попадался под руки или под ноги: дети и подростки стояли по 14 часов у станков, сотни тысяч кидались то в одно бездарное наступление, то в другое, прорывать ленинградскую блокаду правительство не хотело, чтобы внимание всего мира было приковано к трагедии великого города – и внимание было приковано, и дети и старики и женщины умирали в муках от голода – а школьникам педагоги рассказывают о "слезинке ребенка" по Достоевскому, когда вытекли реки слез и крови из детских глаз и вен в «Городе трех революций». Но бесполезно читателю об этом напоминать, у него в голове параноя, он за семьдесят лет, прошедших после войны, не захотел даже признать того математического факта, что Германия потеряла около семи миллионов человек за время Мировой войны, из них четыре миллиона – армейских потерь, а мы, даже по неохотным признаниям советской власти, около тридцати – нет, даже, мол, советская власть продалась Пятой колонне, преувеличивает свои потери, чтобы ошельмовать Сталина, а Сталин лучше всех! Уже нет строительства коммунизма, уже обесмыслилась Великая Октябрьская революция, совершенная большевиками, уже распустили колхозы и поля заросли ольхой, уже тридцать лет в России власть той самой буржуазии, которая захватила ее в феврале 17-го, уже давно властвуют Гучковы (только помельче и побездарнее, птенцы "Озерного кооператива"), Милюковы (синтезированные из предводителей всех нынешних думских партий, только исполняющих партию не в опере, а в фарс-оперетте, в мистерии-буфф), властвуют Керенские (уже не юристы, а только их "дети" – измельчали политики в современной России)... нет, Октябрьская революция не пройдет, негде найти ни Троцких, ни Лениных, ни Дзержинских, ни Кобы (Сталина), ни Камбó. Надо признать одну очевидную истину: *Демон государственности* (по Даниилу Андрееву) производит демонов в любом

количестве из любого сора, и если народ, участвующий в революции и мятеже, это чернь, опьяняющаяся от запаха крови, то и предводители его, все эти Ульяновы, Бронштейны, Цеденбаумы, Рыковы и Бухарины, произведенные из Камня и из Стали, маленькие и большие Шикльгруберы (Гитлеры), и Джугашвили – из того же теста (из того же камня: а помните, Иоанн-Креститель воскликнул в споре с фарисеями: «И не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму?!»)»

Но и вы, христиане, не впадайте в христианскую спесь, сравнивая с собою вождей мятежа! Каковы же были ваши папы Римские и ваши предводители крестоносцев и ваши короли, посылавшие детей в Крестовый поход? Или вы думаете, что я буду умиляться войнам за Гроб Господень, когда вскоре бездарно вы отдали туркам Византию? Когда в Провансе вы уничтожили альбигойцев-катаров, штурмуя их города и уничтожая ВСЕХ, ибо папа сказал, что Бог сам разберется, кто из них еретик, и кому в рай, а кому в ад. (И я думаю: не обещание ли воскресения после Страшного суда и последующей райской жизни после смерти так обесценило жизнь человека и приучило смотреть на него как на солому, которую стóит сжечь на стерне?!)

Никак не отделаюсь от современной истории, а надо рассуждать о *начале начал*, ну если не о безумном Большом взрыве, так о **Сотворении мира**. С этими, моими современниками, не желающими хоть сколько-нибудь посмотреть в историю и понять в ней йоту, быть может, разберутся без меня, ибо вот *«Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь.»*

Вернемся же к *Началу начал*. А было якобы сие так (привожу сказанное в Книге Бытия о сотворении человека):

«Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.»

... но увидел Бог, что *«для человека не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотью.*

И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.»

Не будем придирааться к противоречиям в рассказе о сотворении человека, это символ, метафора, образ творения, происходящего в день шестой, представление символа соединяет в себе разные моменты временной последовательности во вневременную целостность. Отметим, что ветхозаветный Бог сначала велит человеку (*которого создал, как сказано, как мужчину и женщину*) размножаться, а затем озабочивается сотворением для Адама жены, которую создает из Адамова ребра, и лишь затем они узнают, что наги (согрешив, вкусив плод с Древа познания добра и зла).

И еще: *был ли человек смертен?*

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.»

И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.»

Новый Завет по своему переписывает Миф о грехопадении человека, усиливая онтологическую порчу мироздания, превращая преступление в окончательную почти трагедию, в окончательную ПОРЧУ мира. Вот как о сем говорит апостол Павел:

«Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили.

... если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа.

Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни.

Ибо, как непослушанием одного человека сделалась многим грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие.

... как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим.»

Итак, человек был сотворен Богом как вершина и повелитель живой и неживой природы, но человек был все же как растение; вкусив плод от древа познания добра и зла, узнал он стыд и испытал вожделение. Что существенно плохого он сделал, нарушив запрет на вкушание сего плода, по существу неясно, почему в центре всей онтологии этот злополучный поступок Евы, совершенный по неведению, а не по преступному умыслу, по детскому любопытству, тем более неясно. И Новый Завет даже подменяет Ветхозаветный миф, обвиняя человека в низведении смерти и тления в Природу, когда, как мы видим, в Ветхозаветном тексте об этом НЕ говорится. Вся центральная идея апостола Павла покоится на ложном основании: вкушением запретного плода **не** низведена смерть в мир, и эффектное утверждение, что *«как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни»* не имеет смысла.

Но оставим пока причудливое переплетение двух мифов, иудейского и иудейско-христианского, и продолжим исследовать происхождение человека, но рассмотрим теперь идею естественного, случайно-хаотического происхождения и развития мира.

В начале было нечто нам неизвестное. В Книге Бытия второй строкой говорится: *Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водами.*

Физики же, которых благословил папа Римский, говорят, что в начале было *нечто* нам отчасти известное, хотя почти *ничто*, но все же обладающее размером, в 1027 степени меньшим, чем размер атома, хотя еще не было ничего, ни времени ни пространства, ни большого ни малого, ни *последования* ни *порядка*. Не было, вероятно, и количества... И определенность новейшей физической теории, облекающей себя в математические формулы и символы, оказывается даже меньшей ветхозаветного мифа о Духе Божьем, который носился над водами, которых он еще даже не создал.

Но мне интересно рассуждение о происхождении человека, ибо чрез человека, чрез идеи, связанные с его происхождением и становлением, нечто уясняется и о живой и неживой природе в целом. Творение предполагает Творца, творчество и творческую волю, *случайность*, если даже и присутствует, то менее существенна, чем *замысел* и *осуществление*, чем *видение цели* и *движение мысли, кисти, резца, слова*.

Надо было создать человека или семя, из которого он рождается, и в котором заключался бы *план человека*. Но человек должен был потом и существовать и жить, посему надо было создать и условия его существования, но так как нелепо было сначала создать человека, а затем для него жилище, да и наоборот, потому что не всегда можно заранее рассчитать, подойдет ли одно к другому, то для меня очевидно, что творение и того и другого было совместно, как и в романе все герои появляются во взаимосвязи, и события не сами по себе, и герои не отдельно от событий. Земля в целом – это дом, пригодный для жизни, на ней должны были (после того как появилась жизнь) появиться и вода и воздух. Сила тяготения и размеры Земли определяли контуры природных существ, растений, рыб и прочего. И если ящеру необходимы были вода и воздух и растения, то человеку необходимо было и все то, что он последовательно, совершенствуясь, приобретает, то есть огонь, дерево, мрамор и гранит, нефть и газ, олово и медь, железная руда... Если предположить, что человек все сие последовательно *сотворяет*, то разве он столь могуществен, чтобы прибавлять то одно то другое к Природе, прежде не бывшее? Нет, все в природе должно существовать как условия: и для огня, и для производства предметов, должна быть почва и растения, должны быть в природе то, что пригодно в пищу, то есть, планета должна быть уже создана для жизни. Человек ничего не создает как новую сущность, электричество появляется, потому что *возможно*, и грозы в природе и молнии существуют уже прежде человека, и электрическое поле и магнитное, и радиоволны, и солнечный свет, и фотоны как частички этого света. Создавая человека на шестой день, а прежде природу, Творец уже должен был предвидеть все те органы, из которых состоит человек, и опробовать их действие, создать клетку, кровеносную и прочие системы, нервные волокна. Он еще должен был создать и *душу*, которую должен был вдохнуть в человека, ибо без души человек только ... но не будем отклоняться в сторону...

Сама Земля, пригодная для нашей жизни, возможно, еще сложнее, чем человек. Мы ею не устаем восхищаться, так она подходяща для нашего существования (и хула на Землю, которой ее подвергают христиане, зарождает во мне сомнение: да земные ли они жители, а не прилетели ли с Луны?)

Восхищает нас и солнце и луна (но не *людей лунного света*, как их назвал Розанов). И если даже Творец создал этот величественный и столь пригодный, до миллиграммов и миллиметров рассчитанный для жизни мир только в одно мгновение, то для нас, земных существ, протекли сотни миллионов лет, ибо надо было подогнать клеточку к клеточке, сочетать все прожилки земли, все нефтяные реки, все угольные пласты – и то, что нам еще неизвестно, предусмотрено так же, как реакция соединения с кислородом, т.е. *огонь*.

Дарвинисты говорят, что вид испытывает множество микроскопических *случайных воздействий*, которые, *накапливаясь*, приводят к его изменению. Однако, всякое частное воздействие производится только на индивидуум и даже когда на отдельно взятый *«остров вдруг нападает большой ветер...»*, то *с домов он сдувает крыши* с каждого порознь, а не со всего *молока* сразу...

Земля подобна растению, которое когда-то было высажено в пределах солнечной системы на поле, на которое светило наилучшим образом солнце. И растение проклонулось, проросло и начало произрастать... и горы и реки и подземные воды, и океаны и моря, и леса и доли – это всё его модификации. И если горох не может на всех полях прорасти случайно, но надо его посеять, то не может быть случайным и произрастание Земли как растения, в которой вода устремляется и сверху вниз, и снизу вверх, хотя Лев Николаевич и думает, что красоты нет вовсе, а кому что нравится, то и есть...

Спор мой со сторонниками теорий о случайном происхождении души из случайного сцепления атомов, которое, *хаотически накапливаясь*, приводит к возникновению гор и рек, подземных течений, туманов и облаков – не случайный, не умственный, а связан со способом чувствовать и видеть мир, он именно *бытийственный*, по выражению Розанова. **Душа переживает мир, как она переживает любовь, и мировоззрение обнимает собою переживание**; если бы мы платили жизнью за каждое фальшивое слово в наших рассуждениях, за каждый взгляд, если бы строки наших стихов и мелодий мы писали только кровью, то столкновение точек зрения было бы не *игрой в бисер*, ни к чему не обязывающей, а выстрелами у барьера... и нам надо было бы всем погибнуть, чтобы доказать нашу правоту, и пусть до конца было бы истреблено все нежное, благородное, чистое, возвышенное, а осталось только низкое, пусть оно сосуществовало бы само с собой, с своим довольством и самонимением... Плохо, что меня так и не расстреляли, и нет смерти, а только медленное умирание...

Итак, кто-то верит, что мир состоит из мелких песчинок и случайные порывы ветра насыпают, совершенно случайно, живые картины на ровной поверхности пустыни; но вероятность, с которой при случайном соединении молекул они образуют живую клетку, равна нулю, хотя случай и может встраиваться в целесообразное движение мира. Но я об этом писал уже ранее, надо ли тратить время и силы? есть ведь и те, кто верит, что земля до сих пор плоская и покоится на китах...

12 марта, воскресенье, 22-46. Вот что меня тяготит, из-за чего я страдаю: я словно сижу у костра глубокой ночью, вокруг, в полуметре от меня, плотный мрак, рядом все светло и видимо. Но от костра время от времени, словно протуберанцы от солнца, отрываются языки пламени или крупные искры, отлетающие далеко, и при этом сразу становится видимо значительное пространство, словно бы это мир, в котором я живу и о котором мучительно размышляю. Но я не успеваю разглядеть подробно и запомнить этот мир, искра догорает, и мрак сгущается, и я не успеваю запомнить, что же именно я увидел при свете. Или мне надо сидеть у костра с листом бумаги и карандашом и записывать одну за другой пролетающие как искры мысли – или в отчаянии ложиться спать – чтобы утром уже решительно ничего не помнить. А когда выпадает свободное время и я сажусь их записывать – или огонь не горит, или искры не летят, все идеи эфемерны и ни одна не является основанием, не продолжает жить в сознании.

Аксиомы существования

1. События и явления происходят по **объективным детерминированным (определенным) причинам**: идет дождь, *потому что* ветер пригнал облака, вода в колодце поднялась, *потому что* прошел дождь...

2. В происходящем присутствует и свободная **субъективная воля**, воля человека, сеющего на поле (о свободе которой, впрочем, спорят философы).

3. Но многое происходит и **случайно**: в огороде на одной из грядок расцвел мак, которого я не сеял...

4. Иногда же происходит **чудо**, часто похожее на случайность, и не всегда удается разделить их. (Случайность или чудо, что стропила с крыши сарая, летящая в мою грудь, меня не убила, а неведомая сила меня от нее отбросила?)

И так, под воздействием сих четырех сил (*причины, воли, случая и чуда*) происходит все в мире: то есть *сцепление бездушных материальных движений* в природе; *события по воле человека*; неуловимые *случайные возмущения бытия*, которые не удастся свести к видимому основанию; и *вмешательство неба*....

Евреи – богоизбранный народ, а я – (как мне казалось) богоизбранный человек. И вот на закате я вдруг стал сомневаться...

И, вероятно, надо теперь писать заключительную «Книгу Усомнений».

Похоже на то, что происходит не то, во что я верю и на что надеюсь, а неизвестно что: «*как карта ляжет*»... Настанет, возможно, последний вздох и придется тогда закричать: **КАРТЕ НЕ МЕСТО!** Только послушают ли меня?

Я редактировал Кнута Гамсуна, первый в России издал его прощальные записки «На заросших тропинках». Я редактировал Иванова-Разумника, первый в России издал его «По тюрьмам и ссылкам». И даже поместил в «Русском журнале» несколько статей Розанова, отчасти их редактируя... Вправе ли я три настроения трех великих писателей соединять в одно целое?..

Глава третья. Евангелие от Розанова

Середина великолепного солнечного марта, начало обещающего нового тысячелетия, я в метро, рядом сидит красивая девушка, ее платок лежит на клавишах компьютера, и я вдруг понимаю, как я начну свою новую книгу, которую намеревался сделать *последней* (но нет, теперь я в этом уже не уверен).

Я вспомнил события двухлетней давности, когда все было почти так же с другой (правда, трагичнее и важнее – хотя разве в прикосновениях к девушкам бывает что-либо мелкое? Нет, важно всё!).

Им, этой и той, я и посвящу свою Новую книгу, и назову ее «Неудавшееся прощание».

Я поговорил со своей соседкой, она на все согласна!!! (А как мило набирать буквы на компьютере, осторожно отодвигая с клавиатуры ее платок!)

Сегодня пошел восьмой день, как меня начала трепать какая-то новая злобредная «испанка», явившаяся к нам из 18-го (послереволюционного) года, и мне снова стало хуже. Но тут я подумал, что лежа умирают чаще, поэтому встал, побрился и поехал на работу. И с каждой минутой мне становится лучше, хотя временами качает и беспричинно весело, как будто я выпил.

А теперь расскажу о событиях двухлетней давности и о том, почему и с чем я прощался.

Неделю назад прицепилась ко мне *испанка* (или это была цыганка?), напустила на меня порчу, стал я чихать, кашлять и плакать, заболело горло, заболела голова, живот, шея... заболело почти все, в чем есть нервные окончания, передающие токи заболевания. Стало мне тоскливо, навалилось уныние, усталость от жизни, я понял, что больше мне уже ничего хорошего не светит, а с плохим жить еще хуже, и решил я уже рассуждать о смерти... еще не совсем серьезно, я человек суеверный, и боюсь преждевременно вызывать любопытство тех, кто мне вовсе не интересен – а смерть мне, клянусь, не интересна!

И все же не миновать мне разговора и о неинтересных предметах, чтобы рассказать о том, что случилось два года назад.

Тогда я тоже был болен, и мне велели лечь на операционный стол. Что-то во мне разрезали, переставили, приладили, пришили, уже через три дня я забыл про болезнь. Но пока пришивали одно, исследовали, на всякий случай, и все остальное... У Солженицына приводится рассказ о человеке, которого ГПУ арестовало по подозрению, что он предупредил знакомого, что его собираются арестовать, позже выяснилось, что предупреждал не этот, и он наивно спрашивает у следователя: так, значит, я не виновен, и мне можно на свободу? Следователь чуть не задохнулся от возмущения: «Как – не виновен? Органы най-дуу-т!!!» То же случилось со мной. Я уже радостный и здоровый хотел прыгать как козленок по лугу, но медицина не признаёт, что бывает здоровье, и болезнь она находит! И вот поэтому, пока лечили от одного, нашли во мне и другое, хотя нигде ничего не болело.

Снова положили меня на катафалк, привезли в операционную, я перелег на стол, страшно холодно, подушки под головой нет, шея затекла, я лежу голый и околеваю. И хирургов нет, их по дороге перехватили, чтобы кому-то отрезать голову и потом пришить заново.

Сестрица, солнышко мое, положи мне что-нибудь под голову, взмолился я.

Ей стало меня жалко, поискала она по всем углам и нашла ватник водопроводчика, свернула его и положила мне под шею.

Накрой меня, ласточка, хоть своим крылышком, все же мне и холодно и неприлично вот так лежать.

Пожалела она меня снова, сняла свой халат и меня им накрыла.

Лежу я и блаженствую!

А тут и хирурги прибежали, целая бригада.

Братцы, обратился я к ним, у меня к вам серьезная просьба, но выполнить ее легко. Не снимайте с меня этот халатик, я уже с ним сроднился, и от него куда не денусь, а без него пропаду, у нас теперь любовь на троих!

Сестричка стоит рядом и чуть не плачет.

Главный – молодой человек, талантливый, романтичный, милосердный, мы уже с ним до этого разговаривали и друг другу понравились.

Он мне подмигнул и халат разрешил оставить.

Ремонтировали меня два часа, полчаса я в палате еще приходил в себя, наконец, очнулся совсем, вспомнил сестричку, вспомнил, что я обещал к ней придти, свесил ноги на пол, оперся рукой о косяк двери и вышел в коридор.

Разумеется, во всей клинике я потом прославился, девушки, сестры и врачи, издалека увидя меня, шептались друг другу: *Это тот самый!*

И этой известностью, конечно, я горжусь больше, чем известностью от стихов и книг, которой у меня и нет.

...Ну вот, а сегодня на моей руке и клавиатуре лежала девичья шаль, я ее приподнимал и под нею выстукивал буквы.

В ту клинику, где сестричка накрывала меня своим халатом, попал я по протекции: как только узналось, что по лугу мне лучше пока не скакать, тут же мне велели позвонить кому-то, я позвонил, и через час веселый и ласковый человек встречал меня на большом крыльце клиники: *Ах ты, мой родной, друг мой лучший*, держи меня за руку, пойдем по кабинетам, измерим давление, надо будет и кровь сдать, и кардиограмму снимем, а больше ничего не надо, отпустим тебя домой за вещами. Вернешься к ужину, операция послезавтра, и ты будешь еще целый день отдыхать, у нас тут прекрасный парк, погуляешь по парку, я слышал, ты стихи сочиняешь?

Я протянул ему книгу, которую захватил с собой...

Прошло два года...

Две недели назад, собираясь на работу, в прихожей, одевая пальто, он почувствовал себя плохо, и позвал жену.

«Маша, я умер!» – сказал он ей, когда она подошла, и опустился на стул.

Читаю Розанова, Иванова-Разумника, "Чтения о русской поэзии" Ник. Ив., вспоминаю "На заросших тропинках" Кнута Гамсуна и "Россию и Европу" Данилевского. Их всех я издавал или *редактировал*, и хотя редактором современного издания (первого после марксистской революции) "России и Европы" был профессор Галактионов, но он соглашался со всеми моими замечаниями в комментариях и Вступительной статье; и также хотя не я переводил Кнута Гамсуна, но переводчица соглашалась с моей правкой в переводе; и великого Иванова-Разумника я правил тоже, так как в руках у нас была не рукопись Воспоминаний, а машинописный их текст, не всегда точный (вот это я и чувствовал, как мне кажется, точно). Розанова я не исправляю, но я с ним спорю, даже обличаю в запальчивости, а потому у его критик, и, следовательно, Редактор.

То, что я собираюсь написать как свою новую книгу, должно вместить мое разочарование, усталость, болезнь – лучше всего, если я соединю в ней те чувства, которые оживляют книги указанных авторов.

Но они пишут так хорошо, так точно выражают все то, что я чувствую, что я прихожу к выводу: не надо мне ничего писать своего, лучше их я не напишу, а потому и представляю здесь обширные извлечения из их сочинений: вот ведь ныне государственные чиновники обзавелись диссертациями, скачивая из Интернета более умных своих соседей, нечиновников, и Дума постановила, что если заимствования составляют не более трех четвертей, то считать сие цитатами (и так же, если в имуществе чиновника заимствования из бюджета составляют не более трех четвертей, то считать и сие цитатами из бюджета) – из бюджета заимствовать я никак не могу, не разрешают, а из Розанова – с превеликим удовольствием. Пусть читатели мои сочинения и не читают, они их и без заимствований не читают, будем считать, что это мои собственные предсмертные или "Посмертные записки" (опять я зарвался... прости меня, Господи!)

Ну, вот, буду ходить *по тропинкам*, протоптанным Гамсуном, Данилевским, Розановым, Разумником, Калягиным, они еще не все заросли, да по ним даже начинают ходить, а свернет ли кто к моему дому... ладно, поживу и так...

Начну цитировать Розанова о пьесе Ибсена «Бранд».

Сначала предъистория. Два года назад начал я читать Кьеркегора, поразившего меня, во-первых, безумной гегелевской диалектикой, в которой я почти ничего не мог понять, во-вторых, безумным возрождением (в просвещенном европейском девятнадцатом веке, уже после наполеоновских войн) «потустороннего христианства», «христианства *горних высот*», то есть единственного истинного христианства, опирающегося на повеление Христа: **раздай имущество, отряхни жену и детей и домашних своих, *возьми крест и следуй за мной***. Другого христианства в евангелии нет, ни на половину, ни на четверть, как нельзя быть на четверть беременной и наполовину мертвым. Так рассуждал Кьеркегор, и хотя его лютеранство не запрещало ему жениться, и была у него любящая невеста, прекрасная Регина, и он уже был обручен с нею и назначена свадьба, швырнул он ее обручальное кольцо к ее ногам и ушел к своему Богу, несмотря на ее стояние перед ним на коленях.

И мне вдруг прояснилась безумная диалектика христианства, всех его положений, особенно в текстах Нового Завета, но и в духе и в букве всех теологических рассуждений, когда максималистские требования, составляющие сущность христианства, слегка разбавляются **уступками**, как будто бы очеловечивающими, оживляющими смертный ужас «христианства *горних высот*», выраженного неплохо и в повелении апостола Павла «*жить аки спящий во гробе*», и подтверждающего существо христианской антижизни. Например, Христос говорит: «разрешайте детям приходить ко мне» – ну и что? Увидели мы возле него детей? Нет. У коммунистов потом то же самое: Ленин и дети, Сталин и дети... а при этом у Ленина своих детей не было, а Сталин своих детей по существу "пожрал" – одного оставил погибнуть в концлагере, другой рос без отца и спился, дочь *пошла по материкам*...

Так и с семьей: "*лучше человеку не касаться женщины*"... к тому же "враги человеку домашние его"... но уж если по вашей низости вам немогут, то чтобы уж вы совсем не пошли по бл--дям, *нате, жрите!*

Вот и поехала сумятица в умах и душах, помнилось многим, что достаточно только самому причислить себя к христианам, и ныне и те, кто однажды зашел в храм, с ревнивой радостью бегут побивать камнями нехристей вроде меня (хотя и не знают, как надо креститься, слева направо или справа налево).

Как мы поняли, спор с христианством всегда очень серьезен, или они волокут еретиков на костер, или их еретики расточают...

Но *возможен ли диалог между теми и другими?*

Пушкин написал в минуту печали стихотворение:

*Дар напрасный, дар случайный...
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

Митрополит Филарет ему отвечает (возражая и поучая):

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Поэзия относится к жизни (но с этим не все согласны). *Священное писание* относится к чему-то другому, что никак не относится к жизни, но и это не все понимают.

Наша жизнь «Не без воли Бога тайной / и на казнь осуждена» утверждают христиане. Во-первых, они этого **НЕ знают**, они просто в это **верят**, как и апостол Павел, который хоть понимал, что "теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познаю." – но все споры, которые ведут с нами (со мной) христиане, это споры уверенных в том, что они *знают божественную истину*, **сопричастников Бога**, с бесами, служителями нечистой силы. Так две тысячи лет всех, кто осмеливался в христианского Бога **не** верить, или верить по своему, или верить в Бога **не**

христианского, сразу же влачили на костер, как в недавние времена большевики в ров отволакивали не только всякого инакомыслящего, но и всякого мыслящего.

Но о чем спорить с христианством поэту? Осуждены ли мы на казнь, и по воле ли Бога или сами виноваты? Если казнью называть неминуемую смерть, то в ней и поэт не сомневается, хотя Пушкин уверен, что *весь он не умрет* (отчасти надеюсь на это и я). Но не о смерти стихи поэта. А о сомнении в справедливости бытия. Отвечает ли Бог христианства на наши печальные и горькие сомнения? Нет. И Христос не сомневается, что наша жизнь – *дар напрасный, дар случайный*, и что лучше было не родиться... но раз уж так сложилось, то лучше, как разъясняет апостол Павел, *жить аки уже спать во гробе*, и ждать того света ...

Но диалектика и в сем споре. По воле ли Бога с нами все совершается?.. без воли ли Бога и по нашей низости или приверженности Дьяволу?.. предопределено нам спастись и обрести жизнь вечную (хотя, в чем она будет состоять, никто, включая богов, не знает)?.. предопределено нам погибнуть, потому что сомнительно, чтобы мы попали в тот малый *остаток праведников*, о котором говорится в Писании?.. рассуждение об этом непродуктивно, кончится даже *диалектика* и начнется *схоластика*.

Взаимоотношения между богословием и философией, между поэзией (литературой) и Священным Писанием или марксизмом – об этом еще мы поговорим. Но чтобы говорить свободно, надо мне прибегнуть к приему Розанова: он не нападал на учение, на его сущность, на самую личность Христа и на его проповеди и цель и смысл его пришествия, но спорил с последователями; или, при необходимости, говорил так: *предположим*, что на моем месте еретик, иудей, атеист. Что бы он и как бы сказал?

«Пьеса Ибсена "Бранд" шла «на сцене Художественного театра сперва в Москве и затем в Петербурге. Причем менее говорили о пьесе в сценическом или литературном отношении, а все внимание сосредоточилось на героическом характере главного действующего лица, молодого пастора Бранда. ... Не так давно г. Свенцицкий, наиболее энергичный ревнитель церковного обновления, прочел здесь, в Петербурге, в одном небольшом религиозно-философском кружке, о том же "Бранде". Чтец был очень увлечен личностью Бранда, и когда я слушал его молодую, суровую речь, точно обликающую современное рыхлое общество и зовущую его к **"Богу высот"**, мне было и грустно, и жутко...

Вероятно, Ибсену была известна заметка, приведенная Грегоровиусом в "Истории города Рима", что когда Григорий Гильдебрандт еще был монахом и проводил свои реформы, то пятившееся перед ним духовенство, довольно слабое и довольно грешное, говорило: "Это какой-то *святой самана*". С одной стороны, Григорий так был предан Богу, что не мог служить мессе, не заплакав в некоторых местах ее. А с другой стороны... он был так беспощаден к человеческим слабостям, вообще к человеку, даже к тому, что нормально в человеке, но только слишком *обыкновенно*, – как вот и этот протестантский "Бранд". [Далее у Розанова сравнение "Бранда" с "Анджело" Пушкина.]

Бранд – это молодой энтузиаст веры. Без всякой необходимости. и только для прикрасы ему приданы реформаторские мысли, сурово-реформаторские и одновременно религиозно-революционные. Повторяем, это ненужная прикраса: ибо и протестантская, и католическая Церкви, как равно и наша православная, в ортодоксальной основе своей, в *нетронутой, перереформированной сущности*, страшно требовательны, строги и *хотят всего того, и ничего более, чего хотел Бранд* и чего он требовал от людей, от родных... Все они проповедуют именно "Бога высот", проповедуют Голгофу, суровый идеализм; требуют беспощадного самоограничения, отречения *ради служения Богу* от жены, детей, отца и матери, от имущества, богатства и суеты... т.е. всего того, *чего требовал Бранд* и что составляет новизну и "реформационность" его личности. Все это старо, как мир: строфы Ибсена-Бранда, только погуще и прекраснее, есть у бл. Августина; совсем по-брандовски (почти в тех же словах) это было выражено бл. Иеронимом. Помните, как он передавал о явившемся к нему И. Христе, который потребовал от него, чтобы он отрекся от эллинизма и латыни, "перестал быть цicerонианином", – или, в противном случае, "пусть не носит имя христианина". Это слишком старо в истории, это всеобщее. В XIX веке знаменитый архимандрит Фотий в русском обществе проповедывал с не меньшей строгостью, чем ибсеновский Бранд, приблизительно то самое. По всему этому "реформационность" Бранда – только прикраса. Это обыкновеннейший ортодокс, но очень талантливый, пламенный, – энтузиаст *дела наравне со словом*. Однако и не больше: никакой, *показанной Ибсеном*, новой конструкции религиозных представлений он не имеет. И немудрено: автор не мог вложить своему герою, чего он сам не имел. Ведь, если не ошибаюсь, Ибсен вовсе не религиозный реформатор... Об этом не следовало бы забывать гг. Свенцицкому, Эрну и Ельчанинову, которые устно и печатно выступили в нашем обществе с культом *личности и дела* Бранда.

Если бы Ибсен припомнил черты биографии Григория VII Гильдебранда и прочел пушкинского "Анджело", он едва ли написал бы "Бранда": ибо Бранд укладывается в которую-то из этих двух схем. В удачном и чистосердечном случае, если он золото без прогаров, – это все-таки только "святой сатана", за которым следовать мы сознательно не хотим. Во втором случае, менее удачном, т. е. если он только золотист снаружи и вот пока очень молод, а на самом деле у него есть "червоточинки", личные *свои* поползновения, хотя бы и очень идеалистические, но именно *свои*, – он всего-навсего молодой "Анджело" или – скажем понятиями нашей истории – Победоносцев сейчас по выходе из Училища Правоведения.

В конце концов я думаю, что "Бранд" – претенциозное и поучающее произведение Ибсена, не весьма удачное даже в литературном отношении, а в религиозно-нравственном – глубоко ложное...»

[Позволю себе небольшое отступление от Розанова. В далеко отошедшем от христианства после Раскола, а особенно после Петровских реформ русском обществе и в еще дальше отошедшем от Новозаветных призывов Христа после Великой французской революции европейском обществе утвердилось

отношение к христианству как к своего рода результату продолжающегося после вознесения Христа человеческого творчеству (для чего-то нужна же церковь?! – восклицает Розанов – хотя не мог он забыть упрек Великого Инквизитора самому Христу: *"Да ты и права не имеешь что-либо убавить или прибавить к сказанному тобою прежде!"*) И все же члены «Религиозно-философского общества (и сам Розанов) рассуждают как режиссеры театра или авторы драм, а церковь – словно бы их театр, а Новый Завет – словно бы пьеса, которую они все поправляют и поправляют. Читал же Розанов Кьеркегора?! И должен же знать разделение христианства именно на «горных высот» и «посюстороннее». «Иисус сказал ему (юноше, спрашивающему, как обрести жизнь вечную): *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною.*»]

«В целях диалектики приму на себя роль *вовсе неверующего*, ... и начну спорить с "Брандом" и его русскими прозелитами. Это будет рельефнее рассуждений. Итак, Бранд повелительно зовет меня "поклониться его Богу высот". Поклониться Богу суровому и взыскательному. Который более всего презирает человеческие слабости, осуждает самую человечность ("гуманизм" в пьесе) и требует исполнения долга, долга и долга. "Долга" не в отношении к людям, а только в отношении Себя, "Бога высот", неумолимого и гремящего идеалами, ... По Бранду, *Бог этот требует страдания, само-отречения, "Голгофы, которую каждый должен найти в жизни своей, на пути своем"*»

Да при чем тут Бранд, В.В.?!?! Да разве Новый Завет не этого же требует, церковь, святые, подвижники, богословы, блаженные, кородивые, и в тех самых текстах из Завета, которые ежедневно читаются в церкви священниками?!

И разве не Христовы требования они повторяют?

Вы уж не путаете ли Христа с князем Мышкиным, с его проповедью не страданий, которые только единственные спасут мир, а с проповедью, что *красота спасет мир?* (и я побывал князем Мышкиным на сцене жизни в студенчестве, и как удобно было: тут и любовь, и красота, и стихи, и музыка, и на лекции ходили, *взявшись за руки*, не читая еще Игнатия Брянчанинова, показавшего – конечно, по стопам бл. Августина и блаженного Иеронима, что *любовь – это блуд и мерзость*... не читали еще и Толстого, проповедующего отрубление рук, чтоб только не прикоснуться к соблазнительной красотке, и протопопа Аввакума и боярыни Морозовой не читали... все они спасали душу свою и спасли ее ... но сколько же душ христианских и не христианских они погубили! Если дело в ложной проповеди Бранда (а до этого Кьеркегора, по глупости только и по своей бесчеловечности швырнувшего кольцо прекрасной Регине), то зачем была Инквизиция и Крестовые походы, а тем паче "Крестовый поход детей"? А сколько же деток погибло? И все были «лучшие», в терминах современного шоу-бизнеса... Что же проповедовали Христос и христианство? Следование заповедям? Так это уже было в Ветхом Завете и в синагоге – а вот дело в чем: так называемые христиане все сплошь иудеи, только что не обрезанные, и пасху вместе празднуют, и обрезание Христа (Сретенье), и обетование грядущего спасения, для которого Мессия

еще грядет (а первый раз приходил словно бы для репетиции?), и 8-е марта, и 23-е февраля (а это один и тот же день, только в русском и европейском календарях, со сдвигом в 13 дней) ... Но меня опять понесло, понесло, понесло, не дослушал я еще Василия Васильевича...

«Почесываю затылок и отвечаю: "Не только я не хочу никакого личного страдания и лично вас, пастор Бранд, считаю служителем бесовским; но еще и позволю себе призвать вас с вашим "богом" – или, по-моему, бесом – к суду юристов, совести, науки или философии, чего хотите. Страдать... *любить* страдания, *хотеть* страдать, ха-ха-ха! Да я страдал, даже когда рождался: таз матери, естественный человеческий таз, так узок, что рождение подобно ушибу, и я начал жизнь с ушиба, потому что "Бог" ваш, а по-моему бес, не бросил страдалицам-женщинам, рождающим детей, такой для "всемогущества" Его, с позволения сказать, корки плесневелого хлеба, как лишний дюйм тазового отверстия. Мать мучилась, кричала, – моя милая и добрая матушка, которой уж я никак не променяю ни на ваше самолюбие, г. пастор, *ни на вашего какого-то сделанного из чугуна и цемента "бога", по-моему же беса.* К счастью, когда я происходил на свет и пока ваш Бог дремливо блаженствовал в голубых небесах, на грязной земле случился добряк-доктор, вот из тех мелких людишек, которых вы так всемерно презираете, ваше тщеславное убожество: когда я не проходил через таз матери, он дал ей порошок *secali*, тер ей живот руками, старательно тер, так что пот катился. А когда она наконец родила, то весело и радостно засмеялся и пошел мыть руки, весь грязный, загрязненный тем самым, чего ни божеское величество, ни пасторские молитвы не постарались преобразить во что-нибудь приятное, сладкое, душистое. Да будь бы я Богом – устлал бы рождение цветами: ведь такое благодеяние для рода человеческого и всей земли! Но я вспоминаю доктора: мы были страшно бедны, когда я родился, и я не забуду рассказа матери, что этот немудрящий доктор, помогший моему рождению, положил желтенькую бумажку, старый наш русский рубль, ей под подушку: уж не знаю, на пищу роженице или на лекарство, им прописанное... Так я понимаю, что этот врач, по-вашему, – ничтожнейший человечешко, был "гора", имел "горною веру", да и сам, пожалуй, как некий святой, ангел, стоял "на горе" (призыв Ибсена): ибо, очевидно, он так не с матерью моей одной поступил, а имел обыкновенную и серенькую привычку со всеми так же поступать, – с богатого возьмет, бедному даст. Ну и уж если вы призываете меня "к религии" (тезис Ибсена и Бранда), то я по Огюсту Контю и его "религии человечества" буду, что ли, зажигать лампадку, или запишу в свои домашние "святцы", вот этого доктора. Сперва, конечно, – мою матушку, ибо она не только дала мне жизнь, но и никогда-то ни в чем меня не обидела и от многого худого спасла; а затем около ее имени поставлю вот и имя этого уездного врача. *Но ни Бранда, ни его "Бога высот" в "святцы" свои не запишу: и по простой причине, что не чувствую себя несколько им обязанным.* Например, матушка выходила меня от скарлатины, которая налетела на меня, когда мне было семь лет. У меня сохранилось одно впечатление, как лупилась кожа на шее и отходила целыми тряпочками, и я так любил ее сдирать. Но мать передавала, до чего она боялась за меня. Скажите, пожалуйста, кого же

мне благодарить или кому свечки ставить, матушке ли, которая меня выходила, или вашему "Богу", который наслал на меня такую гадость, как scarlatina... наслал в семь лет, когда, ей-же-ей, я еще не успел нагрешить. Правда, вы, г. Бранд, говорите в довольно неуклюжих стихах, что

Бог на внуков

За дэдов грех взысканье налагает...

Но это такая юриспруденция, перед которой всякий даже нетрезвый мировой судья попятился бы.»

[Да ты что несешь, Василий Васильевич?! Да ведь это же и есть основание всего христианства! Ведь **первородный грех** – это согрешение Евы и Адама, за него же мы изгнаны из Едема и обречены на страдание, и во искупление того самого греха и пошел Христос на Голгофу?!?!]

«Во всяком случае, я не понимаю, за что я должен "бить лбом" перед вашим идолом. Вы говорите: "Голгофа", "неси Голгофу", ибо вот и "Христос ее нес". Позвольте; Христос за то, что Он "был вознесен на крест", и именно в связи с этим и по основанию этому, получил все царства земные в обладание, как и предвидел это самым точным образом: "егда вознесусь – тогда *всех привлеку к Себе*", – говорил он, – а Церковь изыясняет, "что под *вознесением* здесь Иисус разумел *распятие* Свое, – которое, таким образом, предсказал". Слишком понятно, что суточное страдание Он – бессмертный и вечный – взял, чтобы за него приобрести тысячелетнее царство. Все мы, христиане, весь цивилизованный мир, и носим на шею печать Иисусову, как бы свидетельство подданства Его Царству. Но вот у меня четверо братишек и сестреноч до двух лет померло: все "родимчиком" или "от зубков". Никак я не могу поверить, чтобы они все "за грехи мамаша помирали", ибо мамаша одна, а их четверо. Ведь это братья 400 процентов: ни один закладчик столько не берет, и наши милосердные законы даже запрещают то, что "небесное милосердие" преспокойно взыскивает. Но я поповскому рассуждению насчет взыскания "с внуков", поповскому и ибсеновскому, вовсе не верю; и думаю, что тут вовсе не "мамаша", а просто – *так*: "умер и баста". Ужасно. Если, напр., круп, то ребенок от медленно затягивающейся пленкою дыхательной щели медленно задыхается. Медленно задыхается, ребенок... Ну, хоть бы сразу, как разбойник ножом по горлу – чирк и кончено. Для чего же "медленно"-то затягивать – это на случай "всемогушества"... Вы говорите – "Голгофа": да круп ужаснее Голгофы, ибо, во-первых, длительнее ее, да и самая сущность задыхания право же тяжелее. Но счет ужасно неправилен, это счет какого-то мошеннического банка: ибо четыре мои братишки и сестренки ровно ничего не получили за детское свое страдание, тогда как там за сутки страдания все же "царства земные", о соблазнительности которых даже и для Иисуса знал искуситель: иначе не поманил бы Его ими, "показав во мгновении времени". Знаете, до 33 лет Иисус вовсе не хворал, об этом не записано, да и, кажется, по существу это невозможно. Многие ли из нас похвалятся этим? Сколько умирает до 33 лет. Какую же "награду" приняли все эти задохшиеся, с разорвавшимися сердцами, умершие от уремии, воспалений и проч., и проч. Нет, верно, греки недаром именовали богов своих

"οί μάχαρεν Θεοί", "счастливые боги"... Воистину, "счастливое божество": себе – все, человеку – ничего, себе – вечная жизнь, нам – 60 лет какой-то толчеи, ни ладно, ни неладно, день – сыт, день – голоден, и, главное, эти ужасные болезни, да еще выпадающие при нужде. Нет, уж если поклоняться (как Ибсен и Бранд требуют) "Голгофе" или там "страданию" вообще, то потрудитесь-ка, небеса, поклониться земле: ибо "небеса" – они какие-то чугунные, или уж очень "праведные", что ли: ни – трескаются, ни – болят. Пролетит комета, прометет хвостом – и ничего. Все им "ничего", этим небесам: а на земле – землетрясения, вулканы, голод, холера, ужасы и гадости. То уж если "страданию" поклоняться, то пусть пастор Бранд, еще молодой и такой кругленький, счастливенький, полижет у меня ноги, а его "Бог высот" пусть поползает здесь на земле, и если Он вправду "всемогущ", то пусть хоть доделает там, где у докторов, у экономистов и проч. "нехватка", т.е. поможет там, где они и стараются, и потеют – да не выходит... Что, отговариваетесь? Пастор Бранд так горд, что не хочет поклониться, а требует, чтобы ему поклонялись. И о "Боге высот" рассказывает, что Он, правда, всемогущ, но не станет же заниматься такими пустяками, как помощь роженицам или разрешение экономического вопроса. Но в таком случае, пожалуйста же, оставьте нас в покое, оставьте вообще всю землю с вашими выпренностями и якобы "идеализмом", который мне представляется преестественной гадостью. И знаете что: я думаю, что Бранд вовсе не "служитель Бога Вышнего", а служитель грошового своего "я", и что прежде всего о Боге-то Неисповедимом он не имеет никакого представления, ни малейшего понятия. Ибо сотворивший океаны, луга, всех тварей на земле и в воздухе, в голубом воздухе и голубом море, никак не мог бы сотворить их для Голгофы, скарлатины и холеры: что все это пришло *вне Бога и не от Бога*, а от Злого Духа, – и Бранд оттого так и безобразен, и зол, хотя и запасся "революционным аттестатом" для пропуска в современный свет, что он есть служитель Злого Духа. Такой когда-то гулял по земле в Сатане, а теперь примеривает рабочий пиджак. Но это все равно: он безобразен и зол".

Post scriptum (после представления в Михайловском театре).

Желая проверить свои мысли, высказанные под литературными впечатлениями в *чтении*, я отправился на представление пьесы. И нахожу, что нужно кое-что *переиначить, перекроить* в моих взглядах, не отказываясь нимало от них как от *определенных религиозных тезисов*. Но дело в том, что в дивном изображении Художественного театра Бранд показан менее "идеалистом-реформатором", нежели патологическим субъектом, с крайне плохой прогностикой. А с больных "не спрашивают". Все время, пока этот начинающий деятель расправлялся с матерью, женою и ребенком (которых всех уморил) и ломался с бургомистром и с врачом матери, которые все умнее и лучше его, – глубокое презрение стояло в душе моей и губы шептали неволью: "негодяй". И только судорожно сведенное лицо его, показывавшее не "глубокие идеи", а глубокое страдание в самом обыкновенном медицинском смысле, заставляло сказать о нем словами молитвы Господней: "Оставим ему долги его"... *Лично и за себя* он не только ни одного "долга" не исполнил, но ему даже и на ум не приходит, что ближние тоже что-нибудь

вправе от него потребовать. Замечательно, что вся публика смотрела на него явно неприязненно: после первых двух актов не было ни одного вызова. Только когда появляется отгняющий его *карикатурный* пастор, в белой шляпе, туняедец и ритор, – на фоне этой *карикатуры* Бранд начинает нравиться. Захлопала публика, и с нею хлопал и я: таково непосредственное ощущение. Лучше, конечно уж, больной, нежели мошенник. Речь его к народу хороша, и все это время, пока он ведет, т.е. *начинает* вести народ вверх, в горы, к "снежному храму", – он нравится, и почти забываешь, что это – больной. Но затем все кончается катастрофой: "пророка" засыпает лавина, с неба слышен голос: "Deus est Deus caritatis", а Фея гор, манящая героя "ввысь", оказывается искусителем, т.е. приблизительно злым духом, как я и выразился в статье своей, не видав еще пьесы на сцене. В конце концов, мне кажется, что это – слабое произведение Ибсена, в котором автор "не свел концов с концами" и едва ли сам знал определенно, что он хотел сказать своим Брандом и что за лицо он выставил в нем. 1907. "Русская Мысль", 1907, № 8»

Два года назад, после того как очаровательная и милосердная сестричка накрыла меня своим халатом, я вознамерился написать книгу в обличие Кьеркегора и в защиту Регины, его невесты, которой он изменил, уйдя за «богом высот». Но жизнь, суета ее, множество дел, недостаток времени, вечное неуспевание (и умереть то времени нет, надо помочь моим близким, вот даже некому на почте отправлять книжные бандероли, и хотя мое горло болит не переставая уже девятый день, но и вчера отправлял я книги)...

Нет, уже не дойдут у меня руки до Кьеркегора, да и к чему? Это же не он выдумал, он только поверил призыву: "Раздай имущество, оставь жену и детей и *домашних, которые тебе враги*, возьми крест и следуй за мною!" Он последовал призыву *расчеловечиться*, то есть совлечь с себя ветхую человеческую шкуру и облечься во все новое, в *новое небо* и в новую землю (и земля тут для рифмы только, облечься надо в новое небо и ни сеять и ни пахать и не заботиться о завтрашнем дне... тем более что деток не надо кормить... тем более что их не надо ни рожать, ни зачинать... ничего не надо...)

Итак, вот возражения Розанова, которые я слово в слово уже придумал и сам, да вдруг нашел у него, и еще лучше. Теперь я понимаю, что не надо мне ничего выдумывать, а только находить у других то, что я хотел сказать, и копировать в свою книгу, и выйдет она еще лучше, чем если бы я сам ее написал. Но все же некоторые примечания, поправки, возражения я прибавлю к его тексту, почти всеобъемлющему, почти все по существу в споре с христианством объясняющему. Во-первых, так как в 1907 году все еще официальной религией Российской империи было именно христианство, то Розанов словно бы возражает Кьеркегоровски-Брандовскому христианству, которое так же и Фотиевское (на которого Пушкин написал известную эпиграмму), так же и христианство блаженного Августина, блаженного Иеронима, Серафима Саровского, Константина Леонтьева, умилившегося Афонским монахом, поселившимся намеренно в холодной удаленной мокрой пещере с разрешения настоятеля (а разрешения он не сразу добился, видимо, настоятель еще был гуманист, не совлек с себя человеческую оболочку до конца)... словно бы возражает и преподобному Игнатию с его ненавистью к любви человеческой,

к добру, которое делается не для Бога а для человека (а все эти святые «лично и за себя» не только ни одного "долга" не исполнили, но им даже и на им ум не приходит, что ближние тоже что-нибудь вправе от них потребовать.» Да тут Розанов восстает на святая святых христианства: *никакого долга перед людьми оно не признаёт, а только долг перед Богом, и только любовь к Богу, и человек только как довесок к Богу, и эта набившая оскомину любовь к ближним...* – да, прав Розанов, это все какое-то умопомешательство, ибо вот мать заботится о детях своих, братья о сестрах, Суворов о солдатах, солдаты об отечестве – и все это мимо всякого христианства... а вчера прочитал в газете, дикие тунгусы, умирая с голоду, никогда ничего не могли ни у кого украсть, фактория, в которой было продовольствие, даже не закрывалась, и от поколения к поколению **без** религии, а по народной традиции передавалась необходимость помочь каждому путнику в условиях сурового Севера, без разбору, ближний он или дальний. И славяне разве зверьми были до крещения? Нет, я рискну предположить, на основании легенд и преданий, что они были **лучше тогда, чем потом**. И эллины были лучше, пока поклонялись своим домашним богам, и этот Розановский доктор был точно таков же, как *естественные люди* (т.е. язычники), еще не помешавшиеся на заботе о наделении своих личных душ вечной жизнью, а призывающие чужих.

Осталось Розанову признать, что если он говорит, что ради человека надо отвергнуть горнее христианство, то и **не** горнее тоже надо отвергнуть, не оно воспитывало его матушку в любви к своим детям, как и мою матушку, родившую меня в 23 года, еще будучи комсомолкой (хотя она так же мало понимала в этом комсомоле, как позже в моем христианстве – а я же тоже помешивался, чуть ли не как Кьеркегор, было и этакое!), любила меня и ложила на амбразуру, чтобы меня спасти!

Но еще раз перечитаю то, что Розанов говорит, сравнивая Бога и человека, и о чем я никогда не осмеливался даже заикнуться:

«Но вот у меня четверо братишек и сестренок до двух лет померло: все "родимчиком" или "от зубков". Никак я не могу поверить, чтобы они все "за грехи мамаша помирали", ибо мамаша одна, а их четверо. Ведь это братья 400 процентов: ни один закладчик столько не берет, и наши милосердные законы даже запрещают то, что "небесное милосердие" преспокойно взыскивает.» [За наш якобы первородный грех – не считая еще, помимо братишек Розановских – и у каждого сколько же братишек и сестренок?! – все эти адские преисподние, все эти муки вечные грешников, иной раз вовсе даже не за грехи а за добродетели, вот, например, монашка родила, или монах соблазнил девицу – их же заставляют потом раскаленные сковородки лизать – за что?! Это такое божественное милосердие? Во имя исправления человека, что ли?!] ... Ужасно. Если, напр., круп, то ребенок от медленно затягивающейся пленкою дыхательной щели медленно задыхается. Медленно задыхается, ребенок... Ну, хоть бы сразу, как разбойник ножом по горлу – чирк и кончено. Для чего же "медленно"-то затягивать – это на случай "всемогущества"... Вы говорите – "Голгофа": да круп ужаснее Голгофы, ибо, во-первых, длительнее ее, да и самая сущность задыхания право же тяжелее. Но счет ужасно неправилен, это счет какого-то мошеннического банка: ибо *четыре мои*

братишки и сестренки ровно ничего не получили за детское свое страдание, тогда как там за сутки страдания все же "царства земные", о соблазнительности которых даже и для Иисуса знал искуситель: иначе не поманил бы Его ими, "показав во мгновении времени". Знаете, до 33 лет Иисус вовсе не хворал, об этом не записано, да и, кажется, по существу это невозможно. Многие ли из нас похвалятся этим? ...»

Итак, зацеплюсь за болезнь. Возможно, болеем мы просто так, потому что микробы есть хотят, и лев пожирает антилопу, вовсе не думая ей этим как-нибудь досадить, а антилопа пожирает цветы и траву, и тля их пожирает... плохо все это, но, вероятно, никак нельзя было устроить все так, чтобы никто никого не ел и все были сыты, и Змий тут не виноват, и тем более "Евина похоть", да и Бог не при чем... Хотя, конечно, я не могу согласиться с Дарвиновской эволюцией, лишаящей всякого смысла *идею развития*, ибо все в мире воспринимаю как его совершенствование, *поэтому нахожу смысл и во врачебном искусстве, и в редактировании мира, и в любви.*

(Вероятно, надо признать смысл и в смерти... Но о ней я более ничего не буду писать, потому что *бэз меня* и Аня в Бируничах иссохнет от голода вместе с дитем, и мои семейные не справятся с давлением жизни, которое мы с женой изо всех сил помогаем им сдерживать и не рухнуть... правда, я и виноват в том, что и сын и внучка вслед за мной пустились в издание и редактирование книг, а это сегодня самое неблагодарное занятие, на котором и впрямь иссохнешь от голоду, вместо того чтобы с нашими талантами благоденствовать как многие – но далеко не все! Так что умирать вопиюще нельзя! К тому же пока мои книги еще не существенны, а я не настолько уже раздавлен внешним миром, отсутствием помощи со стороны высших сил, чтобы сдаться и не пытаться написать *совершенную книгу*, и не мечтать придти потом к **Н** и сказать: *вот видишь!* Правда, боюсь, ни **Н**, ни Анна меня уже слушать не будут, возможно, только Манон, да вот еще Аню спасем мы от голода, больше благодаря моей великодушной жене...

В дополнение к розановским откровениям скажу о своем отце. У него тоже была Голгофа, Безымянная высота, в августе 44 года, последних солдат своего взвода он отправил в тыл и остался их прикрывать, зная, что погибнет, и не воскреснет. Конечно, он не все человечество спасал, не двенадцать колен Израиля, даже не одно какое-нибудь, а только 12 солдат. «у вас, сказал он, еще детей нет, а у меня уже сын родился, и мне уже умирать не так страшно». Сутки он лежал без воскресения и погребения, на следующий день Высоту отбили, на каменистой ее поверхности динамитом вырыли яму, похоронили павших, а ему выдолбили, как сказано в донесении, индивидуальную могилу и представили к ордену Отечественной войны Первой степени.

Но никто в человечестве не служит мессу во имя солдата, спасшего малую горстку обычных людей, не каких-то там сверх-естественных праведников, а просто парней двадцати лет от роду. Спас ли Бог христианства из нас когολибо, ну пусть хоть праведников, может быть, хоть Ксению Блаженную?

Проповедники ходят около моего дома, останавливают и меня, спрашивают, знаю ли я, что *Христос нас любит* и он уже нас спас? Не знаю, говорю я им, не приходилось его встречать...

Глава четвертая. Бог или Дьявол?

17 марта, пятница. Продолжаю болеть, горлу лучше не становится, а от него и всему остальному. Словно нарочно, пишу о бедствиях человека, и нечистая сила показывает на меня пальцем, и говорит: вот, посмотрите на него, и девушки его отвергли, и беден, и не признан (потому что писать не умеет), и болезни его замучили, так что духом совсем пал, и в христиане не годится, и на важные вопросы ответить не умеет и даже не может составить *неопровержимый список важных вопросов.*

И все же мне необходимо и далее жить и уныние преодолевать и даже болезнь – хоть таблетками, хоть полосканиями, хоть плачем безутешным... на молитвы не надеюсь, в мои молитвы никто не поверит...

Семь вопросов исследования:

1. Первый вопрос, который сформулировал именно Розанов, важнее всех, он касается *оправданности всей европейской двухтысячелетней истории*, но я никогда не осмеливался его так грубо высказать, как В. В., даже в предположении, что это не мы сами говорим, а какой-то воображаемый атеист. Сначала Розанов задает этот вопрос по отношению к Бранду, и называет его «*святым сатаной*» (именование, данное кардиналом Дамиани папе Григорию VII Гильдебрандту, 11 век), а потом продолжает: "Не только я не хочу никакого личного страдания и лично вас, пастор Бранд, считаю служителем бесовским; но еще и *позволю себе призвать вас с вашим "богом" – или, по моему, бесом – к суду юристов, совести, науки или философии...* потому что "*Бог*" *ваши, а по моему бес,* не бросил страдальцам-женщинам, рождающим детей, такой для "всемогущества" Его, с позволения сказать, корки плесневелого хлеба, как лишний дюйм тазового отверстия.» И далее: «Да будь бы я Богом – устлал бы рождение цветами: ведь такое благодеяние для рода человеческого и всей земли!»

Розанов говорит якобы о Боге только пастора Бранда, но из контекста видно, что все эти упреки адресуются Богу всех христиан, ибо нигде не говорит он, чем же отличается и *где существует истинный Бог помимо Бога-беса, ничем не помогающего страдающим людям,* но призывающего их страдать и благословлять страдания. Но разве и в Новом Завете и в сочинениях Святых Отцов и богословов говорится о каком либо другом Боге, кроме Бога Кьеркегора, *пастора Бранда*, Блаженного Августина, преподобного Игнатия Брянчанинова, Константина Леонтьева?... да и сам В.В. сбивается после филиппик вдруг на славословия, и он не знает другого Бога. Ибо *есть один Бог в христианстве, и через него Иннокентий III натравил Крестовый поход на ересь альбигойцев, Иннокентий IV подписал указ о введении пыток при инквизиции, а Иннокентий VIII увенчал дело "Молотом Ведьм".*

Итак, вот что говорит Розанов, обвиняя в сем Бранда, но в итоге всех нас, христиан (и даже НЕ христиан): «Мы поклоняемся не Богу, а дьяволу, точнее сказать, **поклоняемся дьяволу под именем Бога.**»

И прежде всего потому, что *мы противопоставили Бога человеку, повелевая любить только Бога, даже и в человеке, совлекая с него человеческое.*

Ненависть к человеку, война против него – главный нерв христианства!

2. Но почему так велика сила религиозности? Почему так велика сила Мифа – религиозного (христианство, ислам), политического (коммунизм, марксизм, либерализм и буржуазная демократия), национального (миф о немецкой исключительности и праве на мировое господство, вера в богоизбранность еврейского народа и их главенство в мире), вера в сверхчеловека (Христа, Будду, Магомета, Гитлера "и далее везде")?

Это вовсе не то, что **любовь к женщине**, укорененная в физиологии (как чувство голода); в традиции (семье, товариществе, быте); в психологии (ибо мужчина ищет в жене и в любовнице еще и мать и друга); в культуре (ее проявления слишком многообразны, чтобы их перечислять); в заботе и в потребности заботы (нежность, жалость, материнское чувство, отцовская любовь к детям); в трансцендентном притяжении (которое я не пытаюсь раскрыть, ибо потому оно и трансцендентно, что непостижимо) – однако *религиозность*, не будучи "половой любовью" и сущностно от нее отличаясь, одновременно ее подобие и подмена (как однополая любовь?). *Любовь к Богу* подобна *любви к женщине* по противоположности, она извращенно ревнива (и несть других богов кроме), она всеобъемлюща (как "бред любви" при психических отклонениях), она стремится к переживанию *особенных состояний сознания* (как любовь романтическая и трансцендентная).

В норме, даже влюбляясь в многих женщин, мы любим одну, отдельную, особенную, исключительную, а не тип, не всех женщин сразу (испытывая, быть может, и половую симпатию или, напротив, неприязнь), любим существо, *существующее*, с душой и плотью – но любя Бога, мы любим нечто отвлеченное, *не существующее*, без души и плоти, без индивидуальности или почти без индивидуальности (так мы любим Иисуса Христа, отчасти как человека, о котором нечто знаем, отчасти как Бога, о котором не знаем ничего, как и о Боге Отце или о Боге Духе святом). Итак, Бога мы любим безлично, бесплотно, без соприкосновения и диалога. (Но и тиранов любят разве не так же?) Через кумиров и народных вождей проявилась в двадцатом столетии и странная, но отчасти подобная "любви к Богу" "любовь к партии" – к национал-социалистической партии немцев и интернационал-социалистической партии русских (христиане оскорбятся, что они поставлены в такой общий ряд, оскорбятся и коммунисты – но по какому критерию одни из них безусловно выше других? Бог, пока не настанет Страшный суд, свидетельствовать не сможет, человеческие качества приверженцев одного или другого учения сравнить суммируя невозможно).

Есть еще культура, наука, творчество (литературное, художественное), есть труд и его результаты – если женщина оставила часть души влюбленного не заполненной, то эта часть души может заполниться культурой, определенной и овеществленной не менее женщины, и приносящей часто наслаждение не меньшее. Зачем сбегать к Богу, к **Ничто** или к неизвестности от ясно видимого? Писатель пишет книгу, художник пишет картину, он может ими наслаждаться как своими творениями, как почти рожденными им детьми – *что получает монах от ежедневного упражнения бесплотной кистью по бесплотному холсту в стенах монастыря, почти тюрьмы?*

Воспоминаний, подобных воспоминаниям любовниц, поэтов, государственных деятелей, друзей, следователей, цензоров и палачей – монах не оставляет (почти). Кого он любил, сомневался, обнимал – мы не узнаем. Кажется, что он не может об этом написать, ему не дано способности видеть ни предмета любви, ни самого любовного чувства. *Я вспоминаю, как я смотрел в её глаза, как целовал её губы – воспоминаний, подобных этим, у тех, кто был влюблен в Бога, нет.*

Блаженный Иероним отчасти словно бы приоткрывает завесу, рассказывая об обольщениях, перед которыми он устоял – но он не показывает *силы*, не показывает вещественные *образы сил*, ради которых он отверг *бесов*. Ради кого отвергали "бесов поэзии, математики, музыки", и неисчислимое множество "бесов красоты и культуры" те, кто остался в граде христовом насыщаться духом? Что именно получил тот монах истязатель, бичующий свою личность, который избрал для жизни холодную мокрую пещеру высоко в горах, даже вдали от Афонского монастыря, так что и с другими монахами ему не удавалось часто общаться? Что получают все эти бесчисленные последователи Христа, отказываясь от музыкальных концертов (вчера я ходил слушать Баха, Брамса, Шопена в Концертный зал несмотря на ангину), отказываясь от оперы, драмы (хотя бы и от "Бранда" Ибсена), отказываясь от Пушкина, Лермонтова, Достоевского и Толстого? Калягин (и Розанов часто тоже), защищая поэзию, пытается одновременно показать, что тот, кто идет в церковь, кто идет в мокрую пещеру, выше, умнее, глубже, *духовнее*, чем идущие слушать музыку, что Филарет неизмеримо превосходит Пушкина, что *не Филарету, умирая, надо оправдываться, что не удалось ему умереть поэтом, не смог, не достиг, рифмы не хватило*, а Пушкину надо доказывать обыденным людям, отличающимся от Пушкина своим *смирennemудрием, вялостью мыслей, вялостью чувств, неспособностью к страсти*, что он уже почти христианин, еще бы чуть-чуть, *«и весь бы был их»*, и приказал бы выбросить на помойку, наконец, и сочинения Гоголя...

Пропась между культурой и религией непреходима, между красотой – и истязанием и отвержением плоти (ибо красота преимущественно телесна, и Данилевский даже благодарит материю за то, что благодаря ей красоте удается воплотиться!). Как отделяется низшее от высшего у нас, людей культуры и жизни? Начинаем с того, что низкое, низость – это символ того, чем мы гнушаемся (а христианин становится на колени, посылает голову пеплом, умаляется, унижается, стремится стать меньше всех, и даже в духе: ибо *блаженны как раз нищие духом!*)

Духовное возвышение – вот идеал человека культуры: но как это противоположно христианству!

И женщина и творение искусства могут стоять на разных ступенях лестницы достоинств: чем же эти ступени определяются? Женщина и роман, скульптура, стихотворение, изображение, здание, музыкальное произведение могут быть прекрасны – и мы устремляемся в театр, концертный зал, на выставку, библиотеку, в музей и на танцы, чтобы читать, слушать, *смотреть*, может быть, даже прикоснуться, танцуя на балу с красивой женщиной.

Устремляемся ли мы куда-либо, узнавая о возвышении на пути...

добродетели? (нет, не добродетели, ибо, по апостолу Павлу, и следование Закону, и исполнение Закона слишком малы для приближения к Богу) – так куда мы устремляемся, прослышав о твердости в вере, о "просиянии в подвиге", о чудесах праведной жизни? Да, мы идем в храм, если там обретаются мощи святых, которые *просияли* и были канонизированы; или идем в монастырь, прослышав о житии праведного подвижника...

После бала мы восклицаем: она *очаровательна, восхитительна, "чистейшей прелести чистейший образец!"*

Тьфу! – воскликнет "строгий в вере".

Ибо нет более омерзительных слов для строгого постника, чем эти. Вот каковы наши мирские критерии *мирского возвышения*: **чаровница**, очаровывающая, колдунья, ведьма... **восхищающая** нашу душу: хищница, расхитительница того, что не ею собрано, предводительница **хищений**, воровка наших душ... **прельщающая** слабых, источник лести и угождения...

А сии слова применяются нами и к музыке, и к любовным романам (а других романов не бывает), и к балету (где голые вертятся перед публикой), и к изображениям совсем не возвышенных сцен мирской жизни. Какой христианин будет не то чтобы их описывать, но хотя бы о них читать?

У Калягина читаю: «*как бы ни были хороши творения русских классиков, все-таки "надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф. М. Достоевский"* (К. Леонтьев). Достоевский издавала указал на **Церковь как на конечную цель человеческих стремлений**; книга преподобного Иоанна Лествичника стала учебником христианской жизни для многих поколений православных, помогла множеству взрослых членов Церкви **спасти** себя и других.»

Возможно, что я (из-за Розанова) не ищу диалога с христианством, мало стою перед ним на коленях. Но разве люди культуры, тяготеющие к христианству, не пытаются всячески к нему приласкаться? Нет, рычит оно, не подходи близко! Или выбрось Пушкина, или гореть тебе в аду!

Агрессивность и нежелание компромисса не только у воинствующих христиан, оно и у вольтерьянцев, якобинцев, революционеров, воинствующих безбожников, марксистов, нигилистов, троцкистов, коммунистов всех толков и стран (несмотря на шествия верных сталинистов с иконой православной Матроны в столичном граде), и баталии у стен Исаакиевского собора только "проба пера" – то, что построено на казенные (государственные, то есть всенародные) деньги, православные требуют только себе.

Я поверил Розанову, что устремление ввысь, к "Богу высот", куда нас призывает пастор Бранд, от внизу текущей "презренной жизни", свойственно только "*людям лунного света*", это они, гнушающиеся женщины, красоты, детского смеха, труда и творчества, придумали себе Бога, которого "никто никогда не видел", ради которого необходимо отринуть культуру, любовь, полноценную жизнь, отринуть даже всякие "дела, которые не для бога делаются", ибо в них нет истины, и прежде чем довериться врачу, помогающему матери маленького Васи, будущего великого Розанова, родить его, надо было спросить, *для Бога ли он родится!*?

И всякий кусок хлеба, который мы даем голодному, омерзителен, если это человеческое милосердие, как омерзительна человеческая любовь (как написала мне N, просветившаяся у батюшки), если это не любовь к Богу.

Кто-нибудь и возразит мне, что это все религиозный обскурантизм, мракобесие, но не всё, мол, религиозные чувства таковы! И я надеюсь... Но как пламя бросает отсветы и на то, что от него далеко, так и пламя христианского энтузиазма... Настанет еще день, когда не только мы не посмеем спорить, но и не сможем, для того существует усеменение языка, если не смерть.

Но отчего так сильно стремление к бесплотному Богу и ненависть к человеку и культуре, мы не узнали... Узнаем ли, успеем узнать?

3. А что же сила культуры, велика ли она? У Н. И. Калягина, который цитирует Конст. Леонтьева, мы читаем, что *Церковь – конечная цель человеческих стремлений*; и потому не классическая литература, а книга преподобного Иоанна Лествичника должна являться учебником жизни, помогая членам Церкви спасти себя и других – и если сие справедливо, то надо ли защищать от присвоения церковью Исаакиевского собора, надо ли читать стихи Пушкина, да и сами «Чтения о русской поэзии»? К счастью, у него же читаем, что пишет об этом Страхов: *«В людях хранится постоянная возможность, постоянное расположение к поэзии, философии, литературе. Эта возможность переходит в дело только при благоприятных обстоятельствах, при особом возбуждении и при существовании особо одаренных людей. Не вся поэзия, существовавшая и существующая в душах людей, записана словами; может быть, лучшая и чистейшая осталась невысказанною и нам неизвестна».*

И, наконец, я пишу про любовь, что она не зависит от воли человека, ее необходимость и возможность обусловлена как **инстинктом возобновления рода**, присущим всему живому, так и метафизикой и трансцендентностью существования (а удивительно и то, что граница живого неизвестно где проходит, и если на Земле погибают и рождаются горы, реки, и если даже моря то высыхают то появляются новые или старые становятся более полноводными, и даже *планетные системы рождаются*, то не значит ли это, что **инстинкт возобновления рода** управляет бытием звездных систем и всей вселенной?!) Все сие внушает надежду. Значит, человека притягивает, человеком управляет множество стихий, и если даже мы не знаем причин, по которым сие происходит, надо хотя бы про это не забывать!

«Люди лунного света» тянут одеяло на себя, и хотя их немного, в некоторые исторические периоды по неясным причинам они захватывают власть в Европе, льются потоки крови, сжигаются ученые и ведьмы, преследуются мысль, красота, поэзия и математика, хотя и воздвигаются чудные храмы – храм Василия Блаженного, собор Парижской богородицы, Кёльнский собор, Собор Петра и Павла в Риме; в другие эпохи власть переходит к чрезмерно земным людям, к ростовщикам и предпринимателям, к поклонникам Золотого тельца, они воздвигают Статую свободы и разрешают говорить и мыслить и даже писать книги, воздвигают Эйфелеву башню, строят Эмпайр Стейт Билдинг ("Здание имперского штата") и если смотрят на небо, то чтобы узнать, не идет ли дождь; в близкие нам времена мы переживали нашествие умалишенных поклонников равенства и справедливости, как они

их понимали, мы заполняли рвы и печи, сидели в тюрьмах, пилили лес под присмотром овчарок... но самое удивительное состоит в том, что **чернь** с одинаковым энтузиазмом защищает власть неба и власть земли, равенство и неравенство, верховенство Бога и верховенство человека (при котором человек унижен не менее чем при власти Бога). Спорим ли о преимуществах высокой поэзии или уличной прозы, невежественны мы во все времена, и когда сжигают книги и когда все поголовно их читают, бесов не отличаем от ангелов (и даже сжигая ангелов, остаемся в неведении), музыку не всегда отличаем от шума, а истину от напористости горлопанов и редко утешаемся... меня все же любили то добрые то прекрасные, и то я часто несчастен... что же говорить о более несчастных, чем я?

По-видимому, **конечная цель человеческих устремлений** меняется как погода, только не так скоро. Что же делать? Стремиться к тому, что кажется наилучшим? И хотя время сжигает надежду, болезни ее подтачивают, разочарование ослабляет силу, надо продолжать избранное мною движение на призрачном и зыбком Млечном пути. Может быть, мне удастся написать еще одну книгу. Может быть, она будет лучше прежде написанных. Не исключено, что я начну писать по-другому и о другом, если увижу, что это лучше. Пока ведь я не дошел до края, еще не свешивался с него вниз? Что буду делать тогда, не знаю, но пока все же я не так несчастен, как мне показалось! Вчера в метро девушка оглянулась три раза, чтобы узнать, кто так пристально на нее смотрит, и поэтому я еще могу пойти даже *туда не знаю куда* в поисках того, о чем еще не только не знаю, но даже не умею предположить!

4. Поможет ли мне философия, поэзия, любовь... или поможет роман, совмещающий грусть и блуждания тех писателей, которые мне помогают писать, я не знаю, но пока похожу, словно по аллеям Летнего сада, по "заросшим тропинкам" Кнута Гамсуна с сочинениями Розанова и Иванова-Разумника в кармане. Кажется, им было даже труднее, чем мне, когда они писали свои последние книги, но они продолжали бороться за жизнь тех идей, которые освещали их жизнь. Ну так не грех мне следовать их упорству.

Вот что пишет Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли»: «Философия истории русской интеллигенции есть в то же время отчасти и философия русской литературы... то есть борьба интеллигенции с мещанством.» **Что же такое мещанство?** «...это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа; ...самое глубокое оно делает самым плоским, самое широкое – самым узким, резко индивидуальное и яркое – безличным и тусклым... символ веры мещанства и его заветнейшее стремление – „быть, как все“; мещанство как группа есть поэтому та „сплоченная посредственность“, к-рая всюду и всегда составляла толпу, доминирующую в жизни... ..это сила, противоположная **интеллигенции**, это та среда, в борьбе с которой проходил процесс развития русской интеллигенции.»

Но что же такое интеллигенция? Подробные объяснения Иванова-Разумника я опускаю, уж если я начал редактировать его когда-то, как и Розанова, то уж доредактирую их до конца, беря из них только то, что мне надо.

(Вот так же я собираюсь выяснить, действительно ли Достоевский был христианином – чему уже я не верю; действительно ли Розанов был антихристианином – чему уже я тоже не верю, и сохранил ли бы свои иллюзии об интеллигенции Иванов-Разумник, если бы жил сегодня, – в чем я глубоко сомневаюсь. И поэтому пишу как выстраданное нами обоими: *"Знамя воинствующего мещанства после изгнания из России образованных сословий в результате двух революций перешло к его казалась бы вечному метафизическому врагу, то есть к интеллигенции*, уже и в предреволюционные годы ставшей *все-сословной*, то есть и дворянской, и буржуазной, отчасти народнической, отчасти еврейской, затем, после революции, еще более разбавленной – а кто только ее не разбавлял?! – и инородцы, и евреи, и пролетарии, и гремучая революционная смесь, и бежавшие в город кулаки, и крестьяне, и потоки с окраин империи – и каждому слою, каждому потоку читатель и сам без труда приищет в качестве примеров множество ярких имен (разве Есенин, Клюев, Твардовский, Тендряков, Пастернак, Павел Васильев, Варлам Шаламов, Солженицын, Борис Можаев, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Окуджава, Евтушенко, Туполев, Королев, физики, математики, биологи, сделавшие себе имя уже после Революции... не маленькая только капелька тех, кого я подразумеваю?) И имена, которые я привел, это имена самых достойных. Но интеллигенция – это уже обширное сословие, и не только инженеры, и не только "инженеры человеческих душ", но и сотни тысяч учителей, и десятки тысяч преподавателей высших учебных заведений, двигателей научной индустрии, – и это сословие постепенно всецело замещает старое мещанство – и по социальному положению, и по образу мыслей, и по поведению. Современная интеллигенция – это и есть мещанство, в определении которого от старого определения Иванова-Разумника осталось только «стремление *быть, как все; интеллигенция (мещанство) как группа есть поэтому сплоченная посредственность.*»

Последние иллюзии старых учителей рушатся и превращаются в пыль...

5. Два метафизических лика бытия... Кажется тривиальным сравнение и христианства и коммунизма с двуликим Янусом или с двумя сторонами одной монеты, на одной из которых лик божества, на другой – лик кесаря (или же серп – и молот). Что может быть более несравнимого, чем *отрицание жизни и мира* как поврежденных, падших, подлых, и прославление неба как единственного света, с одной стороны – и *поставление жизни* и ее интересов на место небесного с другой? При этом обожествление человека и человечества – и низведение религии к сказке, эпосу, мифу, культивируемым лишь для оправдания неравенства и эксплуатации... Но не такой же ли сказкой оказался и коммунистический миф? А оправдать власть и порядок вещей, сколь угодно несправедливый, можно одинаково успешно и с помощью веры, и с помощью псевдонауки, ибо власть в обоих случаях зиждется на силе, во главе государства либо император, помазываемый на власть от имени Бога. либо народный вождь (генеральный секретарь партии, олицетворяющей собою истину). Порядок вещей незыблем, так как истина сосредоточена в центре власти, и посягать на порядок – то же, что посягать на истину.

Власть опиралась на **истину** – научную истину или истину веры. Отдельный человек, подвергающий сомнению справедливость власти, посягал сам один – на целое, на мироздание (на народ, прогрессивное человечество, пролетариат, партию, всеобъемлющую теорию марксизма-ленинизма); или один – на Бога, на учеников его, на духовенство, на Церковь, на вероучение и Священное Писание. Всякий выступающий **против** был обречен, он оказывался отщепенцем от монолита, если только не удавалось ему приобрести сторонников и соединить их в такое же целое, как противостоящее ему мироздание, как это удалось Лютеру, Ленину, Гитлеру. Правда, я иногда думаю, что ничего не удавалось отдельному человеку, а поднималась **буря**, которая устремляла за собою реки, моря, океанские воды, отдельный же человек и его сторонники были устремляемы бурей туда, куда мечтали перенестись. Наполеона поставила во главе Франции Буржуазная Революция, а почему она разразилась, а через 125 лет Русская, существуют ли достаточно надежные теории? Я не уверен. Иногда рушатся мосты без видимого повода, оказывается, всему виной *усталость металла*, которую невозможно заметить и предсказать, которой нельзя ни противостоять, ни помочь ускориться.

Грустно... грустно потому, что многое в России нуждается в изменении, *Россия больна*, она постепенно ветшает, и я не один, кто это видит... но никто не знает, как России помочь, и не существует ни философских ни экономических теорий, с помощью которых видящие могут помочь в преодолении ЧК и ГПУ, тюрем и лагерей, голода и несправия. Мог ли отдельный противостоять их строительству? Нет. Государство богатых строит рай на земле для богатых, высасывая соки из русской земли – что мы можем этому противопоставить? ... Христианская власть призывала к покорности рабов, призывала и господ к верности своему монарху ... Перед отдельным из богатых был все же выбор: он мог стать хорошим или плохим: чиновником, ученым, писателем, полководцем, помещиком... Мог стать хорошим или плохим работником, мужем, отцом – крестьянин.

И я могу достроить свою баню, отремонтировать деревенский дом, дописать эту книгу, написать другую... Правда, к несчастью, никакие усилия души и моего большого тела не помогут стать мне совершеннее в сочинении книг, а только через них я могу изменить к лучшему жизнь если не в России, то хотя бы в пределах своей семьи. Но остается только продолжать делать то, что я и делаю: в меру сил, то есть очень мало, помогать моим близким как могу, болеть, бороться с болезнью, изнемогать, отчаиваться... Господи, когда же и эта ангина от меня отстанет, которая меня треплет уже казалось бы вечно?!

... Вот как далеко я отошел от темы – двуликости бытия. Но и с Иисусом Христом, родившимся в еврейской Палестине, назвавшим себя Сыном Божьим, казалось бы, имевшим достаточно подтверждений своей божественности, но не признанным собственным народом, который его отверг и не захотел помиловать, а вместо него помиловал разбойника (или революционера, сегодня уже трудно точно сказать), античным народам легче не стало.

С последователями бородатого Маркса, предки которого родились в

Палестине, возможно, когда-то и Христа отвергали ради своего их избравшего привычного Бога, нам не повезло тоже. Вместо ростовщиков на вершине жизни оказались книжники и фарисеи, ставшие секретарями партийных ячеек, вместо священников, когда-то завезенных из Византии, новая поросль новых *инженеров человеческих душ*, пролетарских поэтов, критиков ветхой классики, философов без философии, авгуров без религии, без чуда и знамений, скрепляющих их с небесами.

Сегодня «верные» вернулись к Христу, но так как старые устали уже нас расстреливать, а новые еще не зажгли костров, то пока для «неверных» передышка. *Оба лика обманного бытия соединились в один странный лик*, не того ли "*другого Спасителя*", о котором пророчествовал Александр Блок, имевший смутное воспоминание о Палестине (ибо и в его жилах текла частица пророческой крови сынов Завета)? Не ясно мне, дальнейшему родственнику античных мудрецов и творцов дворянской культуры и прямому наследнику завоевателей Сибири и русских крестьян, *русскому из русских*, почему наша душа двоится (*как увидела N и в моих двоящихся глазах сумасшедшего спасителя и счастливого влюбленного одновременно*), почему мы не держимся за руку античной Культуры, а предаемся восточным богам, почему не сеем семена в земную почву, чтобы собирать урожай и печь наш собственный хлеб, но повторяем за чужими богами двуликое, что *не хлебом единым, не заботясь о завтрашнем дне, весь мир мы разрушим ...* чтобы опутать себя цепями более прочными? В земном ли, в небесном ли хлебе содержится истина, но... *ангина меня треплет и надо лечь спать ...*

18 марта, суббота, 12-17. Хлеб – не только основа пищи насущной, но и символ жизни, и хотя христиане жизнь отвергают, и билет на вход в царствие небесное зарабатывают только отвержением плоти и мирского, но они же соединяются со своим Богом, Иисусом Христом, не символической связью, а действительной, через **причастие**. Для того избраны ими хлеб и вино как символы плоти и крови Христовых, пожертвованных им во спасение человека, и после литургии верующие из рук священника получают просфорку из пресного хлеба и выпивают глоток разбавленного теплой водой вина. Их богословие учит, что таинственным образом во время богослужения или во время причастия хлеб превращается в подлинную плоть Христову, а вино – в кровь Спасителя. Но кровь избрана в качестве основного символа и в коммунистической псевдорелигии, цвет крови принят как цвет государственного флага, сторонники коммунистического мифа называют себя **красными** по цвету крови. Правда, часто кажется, что кровь символизирует коммунизм больше по ее пролитию, по тем рекам крови, которые пролились и в Революции и при «строительстве социализма» в СССР, и в войнах, из которых самой кровопролитной была Отечественная война, и *вся коммунистическая эпоха была как раз невиданным в истории Причастием, но не символическим, а подлинным, не через кусочек хлеба и глоток вина, а через плоть миллионов и их кровь*. Как же вы, те и другие, пытаетесь отрицать свое родство, ибо если вы не родные братья, то уж двоюродные, и впереди Ленина «Исус Христос»?! А Сталин, бывший семинарист, стал коммунистическим священником, вас

причащающим. Ибо *русско-инородческий большевизм* не отменил причастие, как и Христос пришел не отменять старый Закон, а лишь подтвердить его, и если у христиан физическое вино, разбавленное теплой водой, "*таинственно пресуществляется*" в кровь Нового Завета (?) и в кровь Христа, то не менее таинственно (хотя они об этом не богословствуют) кровь павших *жертв революции* (а еще неисчислимее воображаемых врагов ее, троцкистов (в числе коих Варлам Шаламов), кулаков (родителей Твардовского, Тендрякова и Шукшина), и "подлинных врагов" (всей русской интеллигенции и вслед за ней советской – Клюева, Мандельштама, Павла Васильева, Николая Вавилова, генетиков, кибернетиков и прочих «*ефениматиков*»).

Кровью, *пресуществленную* из вина, христиане *причащались* к Христу (становились *частью* его), подлинная кровь омочила большевистские символы: его знамя, пионерский галстук, партбилет (*хлебную книжку*), удостоверение чекиста, символическое поименование себя *красными* (только название **Белой Гвардии** в этом отношении исключительно, оно единственное порывает с сакральными заветами и призывает к родовым и национальным традициям).

Если в первом веке в Риме был возбужден судебный процесс над христианами по обвинению их в символическом прославлении каннибализма (поядании плоти Христовой и питии его крови), то ныне буквальный смысл причастия как бы притупился, хотя отдельные священники-неофиты (см. в интернете), объявляют о том, что *при причастии чувствуют вкус крови!*

Однако для исследователя, последователя Розанова, Учени не закрыт.

Христос в конечном счете уверовал, что он Бог, и в Учении о христианской Троице сие утверждено. Для пришествия в мир и Распятия во искупление Первородного греха он был *воплощен*, то есть рожден Марией-*девой* (почему это для христиан так важно? Да потому что Первородный грех не в послушании запрета съесть мистический плод с мистического древа, но сущностно в запрете *соития* и последующего размножения. А православные, как пишет в изумлении Розанов, веруют даже, что Мария осталась девой после рождения младенца Иисуса)... но отцом Иисуса был Бог (Дух Святой). Воплотившись в человека, Сын Божий воплотился только частично в человека (как пишет о том Розанов), не болел, не прикасался к женщине, и даже не совсем умер, так как воскрес, а позже вознесся на небо в виде *бесплотного* духа.

И очевидно также, что на небе Христос пребывает не телесно, иначе не надо было бы ему *воплощаться* за счет рождения и при первом пришествии, а просто перенестись, явиться, **притти**.

И как же тогда христиане причащаются плоти и крови Христовых, если он на небе как дух? Или это таинственным же образом возобновляется плоть и кровь того, кто был на земле при первом пришествии? И сие было бы целомудреннее, ибо причастие (телесное) к существу загробного мира, даже и побывшему покойником после распятия, как-то ... Не буду, впрочем, развивать далее эту тему, спросим о том у Розанова. Для меня же «вкус крови», об ощущении которой после причастия хвастаются некоторые современные священники, кажется не то кощунством, не то ... воистину *каннибализмом*, о котором был судебный процесс в Риме. Не об этом ли и говорил Розанов, называя *христианство религией загробного мира и мертвого Бога?*

6. Семь антиномий христианства и христианского бытия. Розанов говорит, что «о соблазнительности даже и для Иисуса "царств земных" знал искуситель: иначе не поманил бы Его ими, "показав во мгновении времени"». Двусмысленность искушения ясно намекает на двусмысленность учения и всего суевого. Упертый христианин верует в Бога уперто, принимая все противоречия и антиномии без их разрешения – но и священство и богословие и христианская философия (допустим, что есть и такая, если уж принимаю я хотя бы для иносказания "социалистические логарифмы") на противоречия в учении не всегда закрывают глаза, пытаются их объяснить и примирить с миром. Религиозно-философское общество Мережковского в своих поисках *Нового религиозного сознания* ставило задачу такого истолкования Новозаветного учения, чтобы и просвещенный и образованный человек, образованный к тому же философски (а то имевший и естественное образование), мог верить не как деревенская бабка, зажегшая в храме свечку и испытывавшая благодать, но и в согласии с теми чувствами, которые возбуждала в нем природа, жизнь, чтение книг, музыка и театр, чтобы он мог воистину на одной полке держать и сочинения святых Отцов и русских классиков, не унижая одних другими (такого христианства жаждал и я). Но несовместимость культуры и веры установлена была не церковным учением, а утверждалась еще апостолами и самим Спасителем, противопоставившим себя так называемым *книжникам и фарисеям*, да и иудейской традиции. *Вера раскатывалась по дорогам и улицам как мостовая, культура проросла сквозь нее как трава.*

Иисус Христос был Сын Божий, единосущный Отцу ("я и Отец – одно"), потому и не нуждался в том, чтобы Дьявол даровал ему "*царства земные*" – и в то же время вакханалия философских словопрений в связи с «Легендой о Великом инквизиторе» крутится вокруг того, что Иисус отверг искушения Дьявола, словно он был ниже искусителя, словно он был искушаем как человек (да ведь и говорит он о себе в начале, что *сыну человеческому негде голову приклонить*)... ***Но еще большее противоречие содержится в искушении миром (богатством и властью) самой Церкви Христовой.***

«И спросил Его некто из начальствующих: Учитель благий! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Иисус сказал ему: ... все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.»

Ну, скажут, вот блаженные и юродивые за ним и последовали...

Ну а церковь, а начальствующие над церковью? А цари земные, которых помазывают на власть вселенские патриархи и папа Римский от имени Бога? Надо ли снова повторять свидетельства о той роскоши, в которой пребывает власть земная и власть церковная, властвующие от имени Бога над миром, который находится, по словам Христа, в управлении *Дьявола, князя мира сего*? Так чьей же властью они властвуют над миром, если князь мира сего – это дьявол?! И ясно, что не спрашивая Бранда, спросим Розанова, и он скажет, что и **бог земной, и "бог высот" – это один и тот же бог, то есть бес.**

Вот и вторая антиномия, на которой держится христианство, а всего их семь, но скучно их повторять, да и окажется их в конце концов еще больше.

Сомнительна сыновность Христа Богу, во всяком случае, иудеи ему не поверили и предали казни не как Сына Божия, но как выдававшего себя за Бога, то есть совершившего ужасное богохульство, так иудеи верят и до сих пор, и несправедливо их обвиняют в приверженности вере отцов – но Он то говорил, что **пришел спасти народ свой**, а только подверг искушениям и осуждению, и **стал Богом язычников**, которые приняли себе в боги того, кто должен был стать богом для других, приняли вместе и с их Священным Писанием (Ветхим Заветом) – сие не есть ли третья антиномия христианства?

Противопоставление Человека и Бога... Разумеется, человек, как и природа, как и Космос, ниже Бога, но противостоит ли Богу сущее так, как в христианстве, как *падшее, порочное, растленное, низкое*? Роман, который пишет романист, подвластен автору и вторичен, но что же это за роман, если автор будет осыпать его оскорблениями? И автор пытается сделать его совершенным, и Редактор, указывая на слабости, словно бы преодолевает их и тем исправляет, уже возвышая роман. Но человек не только не может исправить мир, но и **не должен** пытаться его исправлять, он даже не смеет осудить несправедливое, ибо говорится, что *«Мне возмездие и Азъ воздам»*, он всегда и вечно грешник, хотя и пытается иногда покаяться и исправить свои грехи и стать праведником, но далее говорится, что грешники дороже Учителю, чем праведники – да и нет праведников, и никто не благой, никто как Бог, и спасется ли кто после конца света, и то неизвестно... Это такая антиномия об отвержении человека и мира, что если поверить сему всерьез, то нечего любить (какие уж красавицы и чудные мгновения, в которые они появлялись?), нечему умиляться, ибо и дети уже прокляты за грехи отцов до седьмого колена... не может быть красоты в оскверненном мире, ибо осквернено все (а я восторгаюсь природой и красотой ее, восторгаюсь благородством столь многих людей, преклоняюсь пред их мужеством, благодарен их состраданию и помощи несчастным, благоговею пред подвигом материнской любви... Но Новый Завет столько хулы и проклятий извергает на человека и мир, что не эта ли проповедь вложила кинжалы в руки палачей Французской и Русской революций? **Противопоставление** обыденного **человека**, которого я способен жалеть даже в его слабостях – ибо не всегда и не так уж он плох, как христианская инквизиция и следователи ЧК на него *клепают* – не только **Богу**, но и всем **ангелам и силам небесным** (а какие подвиги те совершают? Бросают на амбразуру, зная, что умрут навсегда? Кормят ребенка иссыхающей грудью в дни и месяцы страшной блокады? Умирают на костре и у края расстрельной траншеи?); и ненависть к нашему **миру**, о котором когда-то Создатель воскликнул: "Вот, хорошо!" – миру, ни в чем не повинному, принужденному страдать вместе с четырьмя малолетними братьями и сестрами Розанова, вместе с его святой матушкой, которая его, пятого, сберегла и выходила без помощи Бога, и любовь к небесному **царствию Божию**, в которое нас еще пустят ли, отвержение нашего мира (а мы еще надеемся его преобразить и украсить!) – лишает нашу жизнь всякого смысла, да и их проповедь тоже.

Эти отрицающие и осуждающие противопоставления (а *уж если мы так растленны, то и шарахни небесным огнем как по Содому и Гоморре, вместе с*

младенцами! – о чем и Павел, застеснявшись, сказал, что это сказано в Библии как *образ осуждения*, иносказательно) – лишают смысла и церковь, поставленную в "мерзости запустения", а не только нашу человеческую культуру, и всю нашу протекающую после первого пришествия Христа Европейскую историю, и могли бы иметь какой-то смысл, если бы мы все стали сплошь христианами, совлекли с себя ветхого человека, отряхнув прах мира с обуви своей, уже не занимались наукой и не смотрели на звезды (в телескоп или обнимаясь с подругой), не писали стихов, не пахали поля и не растили бы хлеб, а только плакали и молились. Нет, невозможна никакая жизнь, даже *аки спящих во гробе*, при таком умонастроении, невозможно сочинять даже церковную музыку, которую христиане с наслаждением слушают в храме, забывая, что если *"надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Достоевский"*, то разве не надо стремиться и к тому, чтобы перестали нравиться Бах и Чайковский, они то не подвизались в пустынях?! Вот это всё, с их безумными отрицаниями, составляет *четвертую и пятую антиномию*.

20 марта, 21-59. Ночью было трудно жить и дышать, не билось и сердце, правда, я еще отражался в зеркале, поэтому понял, что еще здесь, а днем хотя и ходил шатаясь, но не падал. Я никого не исправлю своими книгами, я не научусь писать лучше даже и Мережковского, который, по справедливому мнению Разумника, пишет как Кай в Снежном царствии Андерсена, или как Сальери, соединяя слова по созвучию, а не понятия и идеи по смыслу (чем, впрочем, часто грешат поэты) – но я должен написать эту книгу, в которой изложу свои горести, и если даже никто не изменится, то а вдруг пожалеет? Или N, хотя бы в годовщину Революции, сбежит от батюшки – а она ведь не только христианка, но еще и большевичка! Или А. – такая милая, деликатная, милосердная! Я ведь не приставал к ней с признаниями в любви! Или Манон, после очередного неудачного замужества – а я знаю, что оно будет неудачно, потому что лучше меня ей найти не удастся, но я ей, увы, не подхожу: я верен своей семье, и жизнь меня уже истрепала, мне стыдно такую ветхую истину предлагать хотя бы и заблуждениям, но еще жизнерадостным и молодым...

Если Христос не воскрес, говорит Апостол Павел, *то вера наша тщетна*. Итак, *вера* в божественность Христа и в его воскресение *опирается на надежду, а надежда проистекает из веры* – но пока мы не воскреснем, мы не узнаем, тщетна ли наша вера, беспочвенна ли надежда. И что там будет за жизнь? Известно, что там ни женятся ни выходят замуж, – но сохранится ли у нас хоть некоторое подобие личности, отдельного Я? Продолжится ли личная жизнь? Сохранятся ли воспоминания? Отдавать пусть и не всегда сладкую жизнь за **грядущее небытие** – надо ли? Не лучше ли жить, затем просто заснуть и в круговороте вечности вернуться когда-то теплым дождем на эту землю, которую мы, быть может, вспомним?! Вот основные – шестая и седьмая – *антиномии Воскресения: Его, возможно, нет и оно, скорее всего, не лично*.

Глава пятая. Что в центре христианства?

Ночь с 20 на 21 марта 2017. Болезнь меня еще не оставила... ах...

Но не пора ли вернуться от религии и богословия к литературе и жизни? Не буду писать романа, не буду объяснять чужие романы, они подвержены коррозии более, чем металлические фермы мостов, соединяющих берега рек, и уже не могут соединить прошлое и будущее. Но Поэзия – может быть хоть она протянет мне руку помощи? Если не свои стихи, то чужие?

23 марта, четверг. Болезнь меня не совсем оставила, и поэтому печальны мои размышления о жизни, творчестве, о настоящем и будущем. До самого последнего времени я все никак не мог согласиться, что я уже не в начале жизни и даже не в середине, и надежд на исполнение честолюбивых и самоуверенных упований у меня все меньше – да и есть ли они?

То поле, на котором я пытаюсь сеять свои книги, давно, кажется, было засеяно, и урожай собран: из самых знаменитых – и Мережковским, и Розановым, и Ивановым-Разумником; и даже те авторы, которые выдвинулись одновременно с ними, и которых я считал не столь значительными, все же гораздо значительнее меня – но и они забыты и почти не вспоминаются [Владислав Ходасевич (1886-1939), Нина Николаевна Берберова (1901-1993), Иван Иванович Лапшин (1870 - 1952), Н. О. Лосский и Г. Адамович – это я привел капельку из славной плеяды имен, пишущих на темы философских, литературных и исторических исследований, то есть статьи и мемуары – на что же надеяться мне? Так, как читают Иванова-Разумника, с его удивительными воспоминаниями о «Тюрьмах и ссылках» в России царской и советской, продолжающихся почти столетия, меня читать не будут – да ведь и он известен только избранным! И Розанов – кумир горстки образованных, и даже Мережковский!

Вот в этом и грусть моя – не только Россию мне не спасти, но и близким не помочь, на своих сочинениях мне даже на хлеб не заработать, не то что на славу.

Вот я и думаю: правильно ли я жил, не оказалась ли моя жизнь ошибкой, если я не стал бы значительным математиком, то все же мог бы работать преподавателем в приличном заведении, хотя бы и в школе, не прозябал бы в унынии, любили бы меня студенты и школьники, семья бы не бедствовала... А в свободное от работы ("*от пахоты и сенокоса*") время, как пророчествовал Маяковский, писал бы стихи.

И болезнь меня терзает, и грустно до слез от напрасной жизни.

Но что-то в ней было хорошего?

Сочинения мои пока незначительны – есть ли у меня еще шансы написать лучше, я уже почти не уверен. Ибо и "*годы сердце мне рвут как голодные орды*", и духом пал, и не столь я оказался талантлив, не столь образован, не столь наполнен значительными идеями и прозрениями, как надеялся. В меня верили – авансом. Но надежд я не оправдал.

Можно найти утешения не в **творчестве**, а в самой жизни, то есть в **любви** и **заботе**, в труде и в "*творчестве в широком смысле* этого слова" (разумея под последним не ту узкую ее часть, на которую мы возлагаем честолюбивые надежды, как, например, писание стихов и романов, а просто соучастие в культуре, даже влияние на окружающих, общение с литературой и музыкой, как это происходило у меня на литературно-музыкальных вечерах, а потом в издательской деятельности, в издании книг и в редактировании журнала Мѣра). Любовь (включая сюда и дружбу) – душа жизни. Христианство проповедует необходимость перехода от *душевного* человека к *духовному*, и этот переход – война с культурой, искоренение человека культурного, война с любовью, искоренение человека семейного, влюбленного, романтического, *душевного*. (Даже искоренение человека труда и подвига. Что входит в понятие *христианского подвига*? Входит ли в него труд? Входит ли воинская доблесть?). Но человек *духовный* – поднимается над непосредственной жизнью и уже не только извне общества, народа, семьи, творчества и труда, но и извне **заботы**. Монах молится, взыскующий святости, изнуряет себя то власяницею, то постом, то холодом, то жаждою, то молчанием – но он не заботится о государстве, об обществе, о семье, о школе, о пахотном поле, об отдельном человеке, встречающемся и ему иногда на дороге. И не для похвалы, но напомины об Ане, которую на пригорке у села повстречал я с заведенными за спину руками, а дети, играющие роль судей, просили у меня ее осуждения – за то, что «она врёт, что вы ее дедушка». И это дитя подняло на меня полные слез синие глаза, надеясь на мое сострадание, и конечно же я залепетал, не найдя ничего более умного, что у цыган мол есть обычай загадывать желание и обходить вокруг березы три раза, так они мол и женятся, и вот она загадала стать моей внучкой, и мы обошли березу три раза, и предводительнице инквизиции, десятилетней красотке Диане, я предложил тоже испытать сей обряд. Она было пошла, да вдруг остановилась. *А вы не загадали, чтобы я стала вашей женой*, спросила она.

Так мы и не обошли вокруг березы, и Диану я больше не видел, а Аня осталась, и сегодня бабушка Марина посылала ей переводом «денежку на хлеб» (как просила у меня когда-то маленькая Жанна на станции Низовской).

Назойливые требования **любви к Богу** и **любви к ближнему** внутри христианства исключают обычные человеческие проявления чувств, жалости и сострадания одного человека к другому, страдающему. Даже подаяние просится «ради Христа». А почему же не попросить ради самого голодного и нуждающегося? Для Бога ли посылаем мы деньги Анечке, у которой уже у самой трехлетнее дитя, но жизнь не устроена, потому что государство сегодня устраивает жизнь христианской церкви и своего чиновничьего аппарата, и им не до нуждающихся неустроенных маленьких людей? Нет, говорю я Богу, я уверен, что о Тебе есть кому позаботиться, у тебя хватит своих святош, а Ане только мы с Мариной и пытаемся переслать маленькую денежку, потому что большой нет (ибо за то, что я когда-то поощрял в себе "*и дум высокое стремление*" и дерзнул издать «Радзивилловскую летопись», которую не смогло издать ни российское государство, ни Юнеско, с меня государство взимает еще «контрибуцию», вот почему не всегда удается помочь просящему).

Итак, надо поуютнее сесть на камушек на пригорке, подставить лицо солнышку (жаль только, что еще до апреля далеко, да и апрель, боюсь, не будет к нам милосерд, как хотелось бы) и попытаться взглянуть на божий мир не с точки зрения *христианского учения*, осудившего этот мир как мерзость, а с точки зрения предвечного Творца, символа ли восточных мифов, бога ли ученых и философов, бога ли Природы.

И спросить себя: Как же и чем живут те обычные люди, которым не была внушена честолюбивая надежда повлиять на мир, на культуру, на окружающих? А живут они сочувствием к тому, что входит в их повседневную жизнь: жена заботится о муже, вместе они заботятся о детях и внуках, сочувствуют друзьям и близким, и сколько возможно, заботятся о том, что нуждается в их заботе. Нет, я не могу назвать свое отношение к миру проповедью любви к нему – и мир не прямолинеен, и я тоже, наши взаимоотношения не укладываются в простую формулу. Многое в мире меня раздражает, многое я в нем даже ненавижу, иное люблю, иному сочувствую. Таковы, конечно, и христиане в своей обыденной жизни, но когда они назидают окружающих, то уподобляясь «старцам» изливают на мир патоку *всеобщей любви*, обычно ссылающейся на безмерную *любовь Христа к миру*; а когда они проповедают святость, то обличают мои грехи. Важная странность состоит в том, что я отношусь к миру многообразно, а всякое учение – одномерно и прямолинейно. И к народам я отношусь многообразно, и к людям, и к истории, и к причинам исторических событий, и к причинам всяких событий: уж, казалось бы, что проще, чем произрастание растений и *сила произрастания*? Растения растут, потому что впитывают в себя солнечный свет и тепло, воду и минеральные соли, содержащиеся в воде, потому что ветер их овеивает, дождь омывает, насекомые опыляют, пчелы собирают лишний нектар. Но *сила произрастания* при этом обладает тем, что не является суммой воды, воздуха, тепла и света, – то все внешние причины роста, а сила находится внутри. И я бы сказал, что если эта сила не является мистической, то по крайней мере содержит в себе нечто мистическое. Но так как ничто не ограничивается чем-то одним, и в основании любви – этой всеобщей, волшебной, непостижимой, прекрасной, чарующей, страстной, все отдающей, требовательной, нежной и эгоистичной – и "*похоть плоти*" и "*похоть очей*" – две разнородные "*похоти*" – но и множество других чувств, идей и влечений, ибо вместе плоть и душа, природное и душевное (наиболее человеческое), но еще и непостижимо трансцендентное (или инобытийное?)... Сложно мне найти взаимопонимание с читателем, чаще мы одномерны, движемся от А до В, как в школьной задаче на движение, а многомерные люди редки... Вот почему смешны изыскания Шопенгауэра о причинах любви, наивны и философствования Льва Толстого. Как и чем любят его женщины, его Наташа Ростова и Анна Каренина? Ими движут два инстинкта, инстинкт рода (в который входит материнская любовь) и инстинкт самости, природного тяготения.

Рассуждения тех, кто низводит человека только до животного (или даже до машины, как у Декарта) сначала смешны, а потом начинают раздражать. Мир – это не только бездушная материя, движущаяся под влиянием сил

тяготения и отталкивания... Но когда читаешь святош, богословов, последователей Христа, Магомета и Будды, сходишь с ума еще пуще, пытаешься поверить тому, что у нас даже волос не упадет с головы без воли Господней, и нет ни физики, ни метафизики, а только грех, искупление, жертва, прощение, воскресение, листья на Древе Господнем...

Но оба их мира, верующих и а-теистов, одномерны, скучны и бесцветны. Человек – единство души и тела, он ни материя, ни дух. Но что же тогда человек *духовный*, где он? Здесь и я останавливаюсь в затруднении, внимая Новозаветному требованию к человеку *совлечь тело душевное и облечься в духовное*. Не потому ли и борется христианство с культурой, с природным и *душевым* в человеке, против рода, притяжения и любви? Слово это главная язва человеческой истории. Тут и жадность и злоба лезут наверх, тут и неумная святость. Человеку деятельному, заботящемуся о всеобщем благе, приходится хуже всего.

Итак, надо узнать, что значит *духовный человек* в отличие от душевного, и мы читаем послания апостолов: в послании Петра: *«устраивайте из себя дом духовный!»*... но далее, как бы между прочим, говорится *«слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым»* – и первое можно бы назидать и поэтам, но второе показалось мне столь уничижающим духовное значение поэзии и поэта (или поэзия не относится к духу?), что я увидел глубокую пропасть, лежащую между поэтами и христианами, и она даже не в характере тех и других, не в отношении к миру и человеку, но глубже всего в стиле речи и размышлений, в способе говорить и думать. Усвояющий особенную, от ладана и елея, от мира и масла речь духовных учителей, невозможен как поэт. Можно ли представить себе даже чтобы *"духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я томился"*, *"унылая пора, очей очарованье"* и *"свободы сеятель пустынный"* высказаны были на языке *благовоний*?

Поэтическое и сакральное более несходны, более разъединены, более противоположны, даже чем сакральное и мирское.

Предоставим теперь слово апостолу Павлу, сначала образец особенной христианской речи: *«я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях ... ибо, когда я немощен, тогда силен. ... имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. ... мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа. И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными...»*

Но далее снова о духе: *«сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. ... Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.*

Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба.

Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные. И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.

Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления.

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.»

Итак, человек имеет тело плотское (перстное) – но ведь еще и душу, которая не является телом, но неотделима от тела, и посему не верно, что человек имеет тело из земли, это тело уже умершего; неверно и то, что человек имеет **и** тело **и** душу (как и вода не имеет и водорода и кислорода), но их *метафизическое соединение* и есть живой человек, а разъединение, по смерти, обнаруживает видимый "водород", а "кислород" невидимо воспаряет.

Справедливо, что если позволительно говорить о «теле» божества, то оно не может быть *матерьяльным*, сомнительно, чтобы оно было *душевным*, и назовем его *духовным*, даже если пока не знаем, что сие значит. Возможно, что если есть воскресение, то наше тленное (то есть матерьяльное) преобразится в нетленное (духовное). Но облакаемся ли мы при жизни в тело духовное? Души у нас разные, есть и добрые и злые, милосердные и немилосердные, и надо становиться милосердным. Но при этом превращается ли тело плотское или душевное в духовное? И отнесится ли к милосердию вера или, хотя бы, делает ли милосердным? Я не сомневаюсь, что доминиканские монахи гораздо более веруют и более христиане чем я – но они не милосердны, как было немилосердно христианство и христианская церковь, как вся христианская история в течение двух тысяч лет, ибо христианство само утвердило в своем богословии **антигуманизм**, открестилось от гуманизма и объявило ему войну (перечитайте Константина Леонтьева и Игнатия Брянчанинова).

Само главное упование верующего – на собственное воскресение – страшно эгоистично, и нет в нем даже пресловутой «любви к ближнему». Но еще важнее другое: не проясняет Новый Завет сущность и содержание веры. Христианин не знает, что означает воскресение, ибо он берет за образец воскресение Лазаря или девицы, дочери начальника синагоги, которые воскресли в своем обычном теле, словно бы не умирали и продолжили прежнюю жизнь, но при том всеобщем воскресении, которое обещается в конце света, не может быть тел и не может быть продолжений прежней жизни у тех, кто умер ранее, все умерли в разное время, и тел не имеют, и близких нет с ними. Станут, быть может, листьями на древе Господнем, в раю, в котором ни женятся ни выходят замуж, но и не имеют жизни – воскресение чего же проповедуется и ожидается?

И что тогда значат слова апостола Павла о победе над смертью и что «мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»?

Ночь с 24 на 25 марта. По-прежнему плохо – но как умирают чаще лежа, то и поехал в издательство, отнес книги на почту, привез из типографии, отвез на вокзал и отправил в Москву. Уже входя в вокзал от платформ, увидел двух пожилых мужчин, один пытался поднять другого, пьяного (кстати, капитана первого ранга), чтобы отволочь на поезд. Черт меня дернул, уже прошедшего мимо, все же вернуться. Мы и вдвоем с трудом его подняли и тащили, да еще сумки, а надо было аж до 24-го вагона. Проводница впустить его отказалась,

пришли еще два полицейских, посоветовали тащить его в гостиницу и сдать билет. Описать наши злоключения невозможно, и со сдачей билета (и тоже полицейский помог), товарищ этого пьяного чуть не плакал, боясь, что и в вокзальную гостиницу его не пустят. Но пустили, в двухместный номер на одного, пришли те же полицейские, втроем, порадовались, что все приходит к счастливому завершению. На этом я всех бросил и побежал домой, потеряв полтора часа и промерзнув. Дома рассказывал, смеясь над собой и негодуя на свою глупость, и вдруг почувствовал, что мне ведь товарища его было все таки жалко, и только из сострадания к нему я и ввязался в сей пьяный спектакль. И я почувствовал умиление и радость и подумал, что, может быть, это все не случайно, это моя жертва на выздоровление и завершение спора с повелевающими жить по заповедям – а надо жить по *любви* и по *состраданию* к тем, кому плохо. И по *заботе*: о родине, природе, семье и культуре... *О Боге заботиться не надо*, ему не труднее, чем нам. Его участие в мире – это гармония, целесообразность, нравственный закон и красота, соединенные в *Идее Божества*.

25 марта, суббота, 11-18. Есть умные и глупые, красивые и некрасивые, здоровые и больные, добрые, милосердные, великодушные – и жестокие, завистливые, лицемерные, жадные, живущие только для себя и заботящиеся только о себе. И хотя все качества человека и его черты важны при оценке личности, но нравственные важнее всего, и поскольку ум и красота от нашей личной воли зависят меньше, а добро и зло мы вольны избирать по своему помышлению, то в сумме стремлений, созидающих нашу жизнь, их надо поставить на первое место.

Итак, надо человеку стремиться к тому, чтобы стать образованным и просвещенным, развиваться и телесно так, как это считалось достойным у эллинов, чтобы среда его обитания, одежда и жилище были красивы и удобны, чтобы природа благоденствовала и расцветала, воздух и вода были чисты, и душа его была благородна. Красота, сила и ловкость, здоровье и долголетие во многом определяются рождением, но насколько это возможно, и человек и общество должны тому помогать. В еще большей степени надо совершенствовать образованность и ум. И в самой большой степени надо совершенствовать добродетели, нравственные качества человека, любовь к семье, родным и близким, друзьям, родине, надо заботиться обо всем, что нуждается в нашей заботе, стремясь к милосердию и великодушию.

Иначе говоря, надо *быть хорошим человеком*, и это главная цель всех стремлений. При этом, разумеется, надо воспитывать в себе трудолюбие, способности к творчеству, терпимость по отношению к близким, нетерпимость к жестокости и злу, бережное отношение к своей *чести*, к чести семьи, рода, родины (всё сие христианами умалывается и даже порицается).

Всего кратко можно сказать так: *любовь к близким, милосердие и забота обо всем, что нуждается в заботе* – вот основные заповеди добра, достаточные для того, чтобы не пожалеть о прожитой жизни. А будет ли нечто и сверх того, мы узнаем в инобытии (если оно существует, как мы надеемся) – но не следует доверять поспешно чужим свидетельствам.

А как же вера в Бога, спросите вы? Ну, так же, как восхищение природой и миром в целом. Я слышу музыку мира и благоухание его цветов там, где мир не поврежден в своих основах гармонии и здоровья, чистоты и благожелательности: в саду, в парке, среди прекрасных творений искусства и зодчества, в лесу и в тайге, на реках и морях, лугах и лесных опушках, в горах и долинах, в музее, театре, в гимназии и университете. Ощущение в этом блаженном ансамбле присутствия Верховного личного начала и личной связи с ним не противостоит сочувствию человека к миру в целом – но и тот, кто не различает и не выделяет в мире верховного дирижера, не заслуживает порицания. Важно, чтобы добро и стремление к добру и было нашим главным божеством и нашей верой. Назовите то блаженство и то видение, которые вы переживаете, *состоянием Благодати, Просветлением, Пробуждением, Верой* или *Духовным знанием* – нет в этих терминах противоречия. И кажется мне, что сказано достаточно.

Мы, те, кто стремится к гармонии и совершенству, не принимаем миф о грехопадении, проклятии и низости человека и его склонности к злу, и не можем согласиться с теми, кто проповедует борьбу с миром и ненависть к инакомыслящим, ни с христианами, ни с сторонниками социализма, этими близкими и противоположными сектами. Но так же как ересь катаров в 12-м столетии воспринималась как *народное христианство*, я склонен называть *народным социализмом* такое многоукладное, многословное общество, в котором осуществлено равенство всех перед законом, а экономическое (но не вопиющее) неравенство умеряется заботой государства и общества о своих гражданах. Так как природу и народ мы ставим в основание нашей любви и нашего единства, то нас возможно назвать *народниками*, а наше мировоззрение *новым народничеством* (или *просвещенным национализмом*). Но не проповедаем мы ненависть к другим – народам, языкам, верам, воззрениям и образу жизни.

Глава шестая. *Что же в центре бытия?*

1.

Рассуждения о христианстве пора уже завершить, ибо не ради одного только развода с Ветхим и Новым Заветами я начал свои Записки, гораздо важнее для меня – защита человека и народа, защита мира и жизни. Да, мы живем не вечно, и мы не всегда счастливы – но у нас две тысячи лет воровали даже эту не всегда счастливую жизнь и сокращали ее во имя вечности, которой (как и Бога) никто никогда не видел. У нас воровали нашу культуру, любовь к женщине, семье, детям, любовь к народу. Палестинские пророки убеждали нас только в одном: «... *все до одного негодны, нет ни одного праведного ... да и мир под властью дьявола!*» – и только Розанов осмелился спросить: «*так может быть, этот ваш бог – денница?!*» Не сажают ли, впрочем, теперь за цитирование неугодных авторов? – или я все-таки успею еще умереть до того, как начнут сажать?!

...В последнее время оказывается, что начинаю писать об одном, но тут же перескакиваю на другое. Вот только что я писал о вере. Если смысл веры в Христа состоит в надежде на воскресение, если смысл самого Христа состоит в том, чтобы преодолеть смерть и даровать воскресение человеку, то при чем тут эта конструкция сложного мифа с грехопадением, порчей мира и искупительной жертвой? Предположим, что воскресение является наградой за добродетели. Ну и живи праведно, – но зачем надо истреблять плоть, "жить аки спать во гробе", ненавидеть жизнь и рождение детей?

Но дело в том, что Новозаветный Миф посеян на поле мифа Ветхозаветного, это кукушка, возвращенная в гнезде иудаизма, или лоза, привитая к его Древу. Так или иначе, в доме Мириам и Иосифа выросло дитя, которое унаследовало все, что было в этом доме, все древние мифы, все псалмы, историю и традиции, сам характер верующего иудея, но при этом младенец возжелал стать Сыном Божиим (в компенсацию безотцовства, рожденный в приемной семье – даже хуже, рожденный *грешницей*: вот откуда его ненависть к рождению детей, к детям, к плотской любви! И вот откуда его раздвоение, пришедшего спасти прежде всего грешников (грешниц), но не сумевшего простить их грех, отчего и стала женщина сосудом Дьявола!

Он и пытается оправдать свою мать, и осуждает ее. Человек порочен, природа человека осуждена. Однако виноват, в конечном счете, дьявол, Искуситель. Само учение Христа отступило и от поисков жизненной правды и от поисков метафизической и трансцендентной истины и превратилось в какой-то назидательный роман о грехе, искуплении и воскресении, вроде «Воскресения» Толстого... Но при чем тут жертва Бога-сына, его распятие и смерть ради искупления материнского греха (символизируемого грехом Евы)? Мне, рожденному в бедной крестьянской семье и выросшему так же без отца (но при этом и к роду и к народу я относился как к основанию жизни и нравственности), идея личного подвига для спасения страдающих близких и страдающего народа казалась самой достойной. Все униженные и плачущие станут счастливыми, только дождитесь, пока я вырасту – это во-первых; и вы увидите, что я не пожалею для этого своей жизни, во-вторых.

27 марта, раннее утро, 4-17. Христианский миф меняет акценты в ветхозаветном мифе, усиливая одно и ослабляя другое. Ева вкусила запретный плод с Древа познания добра и зла и дала его вкусить Адаму. И хотя в изложении Книги Бытия поступок сей производит довольно невинное впечатление (причину его кажется *почти невинное женское любопытство*), но последствия сего оказываются ужасающими: *повреждается мир, теряет невинность, подпадает под власть Дьявола, "князя мира сего"*. Кажется иногда, по контексту писаний о Грехопадении, что и *вечная жизнь утрачена в результате сего*, хотя говорится в книге Бытия так: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.»

Итак, Первый узел христианской драмы: послушание, **грехопадение**, повреждение мира, словно бы и "утрата вечной жизни", хотя была ли она?

Второй узел: *Пришествие Христа в мир* (через рождество от девы Марии и вочеловечение), проповедь в мире и чудеса, обретение учеников, предательство и осуждение на казнь.

Третий узел: *Распятие и Воскресение*, создание христианской церкви (вместе с обретением богодухновенного священного Писания).

Далее началась новая История человечества, в рамках христианского мифа, «новая земля и новое небо» (словно не было перед тем ни древнего Египта с его сложной религиозностью, ни Античности, подлинной матери европейской и мировой культуры!). Словно не было до Христа ни Гомера, ни Эсхила, Евклида, Платона и Аристотеля...

2.

Бог в христианской истории был, несмотря на инквизицию и войну против народа и человека, даже, возможно, он еще *не до конца умер*, но есть ли дьявол и играет ли он роль в нашей жизни? "Борется ли он с Богом в сердцах людей", как полагал Достоевский, и определяется ли человеческая жизнь тем, что будто бы одни из нас склоняются к злу и дьяволу, другие к добру и Богу, или только тем, что одни из нас живут, сверяясь с Священным Писанием, церковью, верой, а другие в церковь не ходят и не чувствуют в этом потребности и смотрят на мир как на "круговорот вещей в природе"? Т.е. определяется ли вся жизнь тем, что одни – религиозны, а другие – безбожники? Нет, ибо есть еще третьи, для которых существование Высшей силы, *Творца неба и земли*, – несомненно, но которые не поклоняются ни Библии, ни Торе, ни Новому Завету, то есть они сторонники *деизма* (от слова *deus* – Бог) – вероятно, именно их бог и есть "*Бог философов и ученых*" (хотя несомненно, что большинству и одно, и другое и третье вовсе не важно).

Лукошко, в котором мы все сосуществуем, столь пестро и замусорено, что большинство людей не отдает никакого отчета в том, кто из нас во что верит в действительности, а кто играет на нашей доверчивости. Есть, разумеется, и теперь христианки, спрашивающие у батюшки, можно ли им целоваться с посторонним мужчиной, не христианином, но все же сегодня не много тех, кто "на ночь со слезой читает Игнатия Брянчанинова", строго постится, часто причащается, и молится перед сном у киота. Однако большинство готово понести вязанки хворосту на костер, сжигающий критиков христианства, даже если они в церковь ходят раз в год. Вчера они носили сдавать кресты в металлолом, сегодня они потребуют меня сжечь как врага веры христовой. И все же редки среди и верующих те, кто верит, что «*дьявол ходит (среди нас) аки лев рыкающий, ища, кого поглотить*».

Ну а как отличить тех, кто побежден дьяволом, от тех, кто остался верен Богу? К кому относятся монахи Доминиканского ордена, отводящие на костер так называемых еретиков? С дьяволом или с богом епископы и римские папы, приказавшие уничтожить жителей Альбигой вместе с детьми (за что они, то есть епископы, причислены к лику святых)? Кто императоры и короли, *помазанники Божьи*, заливавшие кровью страны, которыми они управляли – ну, например, Иван Грозный, которого, как и Сталина, *носят сегодня обезумевшие любители тиранов на портретах вождей*?

Увы, мне почти не с кем стало разговаривать, даже спорить. Я и сам не очень образован, но *кроме двух источников "православно-марксистской правды", то есть телевизора и церковной службы, где батюшки – это как раз недавние марксисты, – у меня есть еще книги, которые я читаю.* Как разговаривать и спорить с теми, кто уже разучился читать? Кажется, уже разучился и говорить?

И я думаю, что и те, кто с дьяволом, и те, кто с Христом, это всё, обок меня, христиане противоборствующих сект (каждая из них считает своих противников еретиками и безбожниками, но все они – братья Карамазовы вместе со Смердяковым и с их папашей, старец Зосима, их окормляющий, и дворянское общество, в котором они могли жить не трудясь).

Почему я отделяю себя *от них от всех?* Во-первых, я не монах, а человек семейный, работавший на множестве работ, крестьянин и учитель, читатель и писатель, даже философ, редактор, издатель книг и журналов. Чтобы заработать на пропитание, я копал землю и растил овощи на огороде. Учил детей в школе и частным образом, приезжая на дом к ученикам и достигая того, что девочки, не знавшие таблицу умножения, изучали затем теорию дифференциальных уравнений (правда, некоторые сумели *из-за меня* забыть даже то, что знали). Работал почтальоном, грузчиком, сторожем. За деньги редактировал и издавал чужие книги, иногда и без денег. Подавал на пропитание нуждающимся, даже когда не было денег на билет из Москвы в Питер и потому ехал на электричках без билета, бегая от одной к другой, или *гословал* на шоссе, "*за сердобольных авто*".

Дарил свои книги, изредка продавал.

В церковь я уже не хожу, но с дьяволом не знаком, хотя бесов видел по телевизору и знаю по именам почти всех. Иногда мне кажется, что я самый умный, но при этом часто чувствую, что менее умны, чем я, только те *камни*, из которых Бог предполагал *сделать детей Аврааму*.

О том, добры ль христиане, говорить я устал (да они и всякие, епископ Лука, Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, коммунистический мученик и арестант, – добрый, но большинство из духовенства живет в роскоши, когда народ бедствует, пусть они сами скажут, добры ли они). О чиновниках говорить не буду совсем, боюсь, что если скажу всё, что о них я думаю, остаток жизни проведу хуже, чем на галерах, куда угораздило попасть нашего царя, или даже в шахте, куда угораздило попасть предыдущего царя – неисповедимы пути воздаяния за добро и зло, иногда и при жизни.

Несмотря на то, что сегодня *многие вокруг меня* считают себя христианами, но преимущественно современный человек отпал и от церкви и от Бога – а еще более отпал от семьи, от общества, от государства, большинство наших граждан отпали от всего, их мир сузился до их *личного*.

Говорят, что в нулевые годы выезжали из России на Запад до миллиона в год, более молодых и деятельных, *жить для себя*.

Но страшнее общее равнодушие к России тех, кто остался. Равнодушие к ее культуре, к уровню образования, к состоянию природы, к надеждам на будущее и к национальной идее и самой территории, занимаемой Россией.

Так, может быть, Дьявол существует, но он сменил облик, это не тот ветхозаветный Змий, который нашептывал *«мой совет до обрученья не целуй его»*, а *«Дьявол равнодушия»!*

Неравнодушные же влюблены в коррумпированную власть, словно бы повступали в новый комсомол, или влюблены в батюшек, упоенных властью над слабыми душами, или влюблены в тех и в других одновременно – но и они не страдают о России.

Лучше ли они равнодушных?

И с кем я еще могу поговорить? Выпить еще есть с кем (хотя мне уже нельзя), но поговорить уже не с кем совсем.

И я задумался: писать ли мне о прожитой жизни подобно Исповеди Руссо или Блаженного Августина, – а их Исповедь была отчетом о восшествии на гору? Или писать «Последнее слово подсудимого», отчет-прощание, как у Кнута Гамсуна «На заросших тропинках»? Но мои "тропинки" не заросли ли еще пуще? К тому же вот я сижу за компьютером в половине шестого утра – хотя живу теперь осторожно, и все таки сердце мое временами печалится... Не поздно ли спохватился? А мне еще многое надо сделать. Значит, надо жить еще осторожнее и гармоничнее... А пока лечь и еще поспать...

27 марта 17, 13-30. Но все же *«тока все идет хорошо*, пролетаю еще только мимо *75-го этажа»*. И хотя *все идет хорошо*, но теперь пишу чуть ли не о самом несчастном времени – я болен, пал духом, и кажется, что ничего уже мне не удастся сделать, а я все еще не научился писать.

Те православные, с которыми меня сталкивает жизнь и литература, спорят со мною от имени Бога, Царя и Отечества, а я не знаю, содержится ли в их личности народ и отечество, Россия, *православная Россия* в конце концов (как у иных Россия социалистическая, но все же Россия, а не Палестина или Америка)? Они православные? или "православные патриоты"? Они – космополиты (какими и должны быть христиане, ибо для них не должно быть *ни еллина ни иудея, но все во Христе одно?!* – или они интернационал-социалисты, заключившие Брестский мир, уничтожившие лучшую часть русского народа в Революции и в Гражданской войне, затем в безграмотно и преступно веденной войне с Германией? [И я еще надеюсь, что настанет время, когда *любовь к большевистским вождям будет считаться изменой Родине*, мы воскресим инквизиторов, которые выкапывали мертвых еретиков из могил и предавали сожжению, а за неимением могил сжигали соломенные чучела еретиков, и они продолжают свою привычную работу, преследуя изменников (живых и мертвых) родины – родины русского народа, то есть тех, кто говорит по русски и поет русские песни, а не православно-большевистские гимны; и расскажем правду о войне и победе, ибо мы победили не благодаря тем, кто восхваляет ложь, а вопреки!]... ..я тут смешал в пылу спора христиан с коммунистами – но ведь и те и другие из православия и марксизма создали же некий бетонный свод над культурой и частной жизнью, так, что мы, поэты, ученые, философы и художники, принуждены были перед ними оправдываться, а они решали, оставить ли нас на пыльной полке книжного шкафа (но не вблизи Иоанна Лествичника или блаженного Карла) – или выбросить на помойку.

Правда, ныне не все они интернационалисты, готовые пожертвовать своей родиной ради их всемирного братства или пчелиного улья или рабочей казармы или социалистического монастыря. Может быть, есть ныне и среди них вменяемые и культурные люди, не поющие по утрам вместо молитвы *«весь мир (насилъя) мы разрушим»*, но заканчивающие все же разрушением мира.

Третья группа – *верноподданные*, суррогатные православные, суррогатные народники ("государственники", как Проханов), их идеология сосредоточена в *Верховном правителе*. Их не всегда легко разделить по мифам и верам. Вот, например, коммунисты, приверженцы Сталина. Среди них есть православные, есть русофилы. Но Сталин для них важнее! В прошлом такими были *бонапартисты*, вероятно, к нему восходят затаенные думы и нынешних верно-подданных. Можно ли сказать, что у этих есть живое, бытийное основание? Что они готовы будут отдать жизнь за благополучие и целостность России и достойное будущее для своих детей? Что у них есть мировоззрение как некий синтез философии, истории, религиозного мифа, культуры? Нет. Если они сами еще не оторвались от своей мифической цельности, то всё, чем они владеют, атомарно, дискретно. Бог не является для них центром притяжения, их кумир заменяет им Бога. К культуре они равнодушны, им достаточно *хлеба и зрелищ*. К обществу и друзьям они мало привязаны, как, вероятно, и к семье. К сильной любви они не способны. Да есть ли у них *метафизика* в основании жизни? Сомнительно...

Есть, наконец, и **четвертая группа**, их почти большинство, это люди-атомы, они не привязаны к Богу, они не привязаны к народу, государству и истории, не привязаны к определенному языку и культуре, не привязаны к семье, обществу, среде и к друзьям. Они устанавливают связи с другими людьми почти так, как попутчики в поезде или в трамвае, только до нужной станции. Может быть, они и выют гнездо, как птица, но не заботятся о завтрашнем дне своих птенцов. У этих нет национальности, родины, истории, «любви к родному пепелищу». Стали ли бы они умирать за Россию, как русские в 1812 году? Сожалеют ли они о смерти Пушкина и Лермонтова? Они *ситуативны*, живут сегодняшним днем, своей работой, выгодой, карьерой, они *только феноменальны* и *ни на йоту не ноуменальны*. Но не слишком ли я сурово их оцениваю? По большей части они успешны. Они привязаны к себе и своей жизни, но имеют способности в той или иной узкой области, иногда и выдающиеся. Среди таких много евреев, не привязавшихся к приемной матери-родине, например, Иосиф Бродский. Возможно, к таким принадлежит и Владимир Набоков, легко ставший английским писателем (хотя я уверен, что оставались русскими и Михаил Чехов и его жена Ольга Чехова).

Русская эмиграция первой волны тяжелее всего переживала потерю родины, что доказывает, что **родина – это главное основание личности**.

Возможно, для полноты заключений надо исследовать более полно и строение **общества** и содержание **личности**.

Чтобы не спорить с невеждами, просто перечислю сущности, составляющие **личность**: *пол, национальность* (или *происхождение*), *родной язык*, личное ощущение своей принадлежности к тому или иному народу),

вероисповедание или атеизм, *политические пристрастия*, страна проживания, основная *профессия* (или важнейшие интересы).

А что из себя представляю я? русский (но сибиряк), ощущаю дух Божий как разумную силу, растворенную в мире, сторонник главенства в государственной жизни культурной и родовой аристократии, математик, литератор, редактор, философ, живу в России, в Санкт-Петербурге.

Мой знакомый Эдуард Николаевич Фальц-Фейн прожил почти всю долгую жизнь в Лихтенштейне, однако был русским и говорил по-русски превосходно и много сделал для возвращения России ее культурных ценностей. И в моем городе множество замечательных русских, часто по происхождению итальянцев, немцев, шведов, датчан. Даже у Пушкина мать наполовину немка, но никто не сомневается, кроме идиотов, что Пушкин – самый национальный русский поэт.

Я русский, но я иногда ненавижу Россию и русский народ, хотя и неотделим от России более, чем все те, кто клянется в своей любви к православию, в преданности к партии или царю (прошлому или нынешнему, великомученику или "рабу на галере"). Это *я* – *русский из русских*, и русский язык, русская культура определяют мою жизнь и мое творчество.

Принадлежность к народу отчасти похожа на притяжение к женщине, которую мы любим, иногда ненавидя, и ненавидим, чаще всего при этом любя. Но разве и Россия – не женщина, даже по поведению, припадая часто к тем, кто кажется ей сильным, и сбегая потом от них с детьми раздетою и побитой?

Но общество не исчерпывается *православными* (святыми, святошами, кликушами и лицемерами, или вспоминающими о своем православии только когда им предлагают кулич на пасху), *безбожниками* (большевиками и анархистами), *деистами*, *народниками* (националистами). В нем множество групп, важнейшим в которых является социальная или профессиональная принадлежность, как то: *чиновничество и управленческий аппарат* коммерческих компаний, включая правительственные структуры и олигархов, проживают они то в озерных кооперативах и подмосковных ривьерах, а то и безвыездно «там, далеко, где кочуют туманы»... Есть ли *жизненное основание* у членов этих групп, любят ли они Россию и русский народ, если по их вине все промышленные города ядовиты, тундра обезображена, леса вырублены, реки прогоркли, села и поселки окружены свалками, дороги непроходимы? Русские ли они? Большевики? православные меньшевики? "дети юристов" или "внуки старых большевиков"?

Следующей своеобразной группой, родственной к уже названной, являются "воры в законе" и бандиты, но к ним бы стоило причислить и тех, кто их «крышует», и даже тех, кто их изредка и сажает.

Отчасти военные, отчасти менты и правоохранительные органы в целом. Путаны (законные и незаконные, включая так называемые СМИ). Мир шоу-бизнеса. Прочая почти интеллигентная сволочь.

Ну и что я прояснил читателю, назвав по своему разумению отдельные группы общественного болота? Государство 19-го столетия было сословным,

роль каждого из сословий была четко очерчена, и хотя и не было границ у сословий, но перечисление их и очерк физиономии каждого достаточно точно определяли общество в целом. Были дворянство и аристократия, богатые помещики и однодворцы, помещики среднего достатка, многое о них мы узнаём, читая Гоголя «Мертвые души», но надобно еще прочитать у него же ряд повестей и у Пушкина «Капитанскую дочку», прозу Тургенева и Льва Толстого. Что же сегодня мы сможем сказать о главном сословии России, ее землевладельцах, "владельцах заводов, банков и пароходов", даже просмотрев тысячу сериалов, пусть даже с *Анной* в главной роли? Ни-че-го!!!

Так что чуть ли не хочется сказать, что каждый *отдельный* в современной России представляет собою отдельную группу. Может быть, надо говорить о психологических и культурных типах? Независимо от профессии, от должности, от положения в нашей нищей России (нищей и несчастной для большинства и роскошно богатой для принадлежащих к той части целого, которые мечтают, замышляют и стремятся делать зло, но вечно при этом делают зло еще худшее, которого даже и не замышляют)...

И тогда мы скажем, что есть тип людей, которые предрасположены к догматическому усвоению мифов, представляющих бытие исчерпывающе, но одномерно. Таков миф марксистский, объясняющий историю как противостояние рабочих и капиталистов, эксплуатирующих чужой труд и подавляющих общественные движения и организации, препятствующие эксплуатации. Таков миф христианский, о содержании которого я столь много уже написал, объясняющий историю как падение человека и мира, как следствие изначальной порочности их и мучительного ожидания конца времен. Таков миф Достоевского, у которого дьявол борется с Богом не только в мире (где он уже победил) но и в сердцах, где словно бы еще не закончилась битва.

Второй тип людей, это те, кто просто живет, повинувшись влечениям, мифы в их жизни играют второстепенную роль, а все остальное... жажда богатства, «телок и сауны», славы и успеха, "хлеба и зрелищ"... Это всё? Кажется, да.

Третий тип... Но есть ли еще и третий тип людей, в котором *человек это личность* в нашем одномерном не рассуждающем мире? Ведь чтобы *принадлежать*, надо хотя бы мучиться *поисками принадлежности*. Чтобы относиться к влюбленным, надо влюбиться. Чтобы стать *скупым рыцарем*, надо *сперва выстрадать свое богатство*... Чтобы явился шестикрылый серафим, надо *томиться духовной жаждою*. Чем же томится *человек одномерный*?

Слушаю беседу с Юрием Болдыревым, он рассказывает о своем разговоре с шахтерами, которым он советовал найти тех, кто будет представлять их интересы и не продается олигархам. «Они мне ответили: "Таких, чтобы не продавались, не бывает". Ну так нечего плакать. Если у вас таких не бывает, то вам ничего не остаётся, кроме как сдаваться тем, у кого такие бывают – китайцам, японцам, американцам... Если общество не способно бороться с предательством – оно просто будет стёрто с лица земли. Это – то главное, что, похоже, наши люди ещё не осознали»

3. Религия, поэзия, музыка. Разнообразная жизнь

Все мы хотя бы в школе читали стихи, изредка бывали в церкви, бились в детстве с друзьями крашеными яичками и христосовались на Пасху с хорошенькими девушками. Верующих среди нас было мало, любителей поэзии больше, в университете мы распались на группы: одни относились к философам, другие увлекались Цветаевой и Ахматовой, третьи простаивали ночи за билетами в театр или в оперу, к Гене Дюбину приходили одержимые решать математические задачи (мы с ним жили в одной комнате в общежитии), приглашали и меня. Один из "одержимых" через 50 лет проживал в Париже, за решение одной из задач Пуанкаре он получил Абелевскую премию... Я относился ко всем группам сразу, да еще по пятницам по ночам в фото-комнате в подпольном марксистском кружке читал вслух «Капитал» Маркса. Тогда еще в христианского бога я не верил. Но были ли среди верующих те, кто любил стихи и увлекался музыкой?

Розанов восхищается Филаретом, ответившим Пушкину на его поэтические строки: *«Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?»* словами: «Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога мне дана»...

Искренне ли восхищается Розанов этим ответом, более далеким от поэзии, чем шум ветра или стук дождя в окно, навевающие поэтические настроения, я не знаю, тем более что не верю, что вера в Бога совместима с поэзией. В них разное ощущение мира и противоположное отношение к нему. Можно ли видеть окружающий мир, уставившись прямо на солнце? Вера – это поставление божества как солнечного диска перед очами или мысленным взором, *верующий* не может сказать иных слов, нежели те, что сказаны в Священном Писании, он только повторяет Азбуку или Таблицу умножения, но не говорит своего. (Ибо все ответы даны окончательно и навсегда, сущность Священного Писания в том и состоит, что в нем должна содержаться Полнота Истины. Христос говорит «Возьми крест и пойди за мною»... но если это тебе не под силу... – последние слова добавляет апостол Павел, разъясняя, что по немощи человека Бог дарует ему поблажку... Вероятнее, что эту поблажку дает апостол Павел, и появляется два христианства: "горних высот" и "повседневное" – для немощных, добавляю я, но в действительности оно не является христианством, это то же, что так называемые *беспартийные большевики* (как Чапаев) во время Гражданской войны. Невозможно быть марксистом и писать философские книги кроме толкований на "святых отцов". Невозможно верить в Бога и писать стихи о любви. Не удивляет вас то единодушие, с которым православные критики относятся к Лермонтову? Народное мнение ставит его вровень с Пушкиным, но как только говорит христианин, так начинается умаление. Удивительна эволюция Розанова, начинавшего с отрицания и Лермонтова и Гоголя, и, наконец, переставшего мучить свою судожественную интуицию и согласившегося с тем, что они все входят в Священную Троицу нашей поэзии.

На улице снегопад, снег кружится и пеленой покрывает улицы. Если бы я был здоров, пошел бы сейчас гулять. Но горло еще болит...

Полночь. Слушали оперу Рихарда Штрауса «Электра». Великолепная музыка, красивые голоса, но мешали брюки и пиджаки на античных героях...

29 марта, среда, 13-59. И все же поэтов можно сравнивать между собой, при этом народные сравнения часто оказываются вернее профессиональных. Почему? Старая болезнь: критик, который должен быть или *всеобщ* (объективен) или *личностен* (субъективен) оказывается "историком-христианином" (подобно Флоровскому) и жертвует истиной ради возвышения христианства, поэтому говорит не то, что ему кажется верным, и не то, что он чувствует, но что, как он думает, идет на пользу церкви и учению Христову. Больше всего не везло Лермонтову, его стихи оказывались никуда не годными (да христианину уже и не нравится то, что, как он думает, не соответствует духу христианства), вот уж воистину "*не по хорошу мил, а только по милу хорош*"! Баратынского замечательный исследователь поэзии Н.К. в своих чтениях подымает на недосягаемую высоту за то, что тот – примерный христианин.

И я пришел к выводу, что принадлежность к какой бы то ни было идеологии прямо несовместима с поэзией, и поэтому говорю так: подлинный поэт не может быть ни христианином, ни коммунистом, и наоборот, все участники партий, христиане они или атеисты, не могут быть поэтами ни при жизни ни по смерти. Бедного Гоголя так затравили требованиями отказаться от Пушкина, что он даже умер вслед за тем, как от Пушкина отрекся, но потому он и умер, что остался поэтом!!! Не сомневаюсь, что и Пушкин умер как поэт, а не как христианин. Как и Лермонтов.

Так вот и Розанов, мучило его православие, лебезил он перед батюшками, советующими не любить ни Лермонтова ни Гоголя, но живая природа пересилила, и остался он верен священной Троице: Пушкин, Лермонтов, Гоголь!!! И только мучительно умирая, причастился «святых таин» – значит ли это, что умер как христианин?

Я живу в мире, в котором слишком ветрено, дует со всех сторон и во все щели, несет песок и мусор и задувает в глаза. И вот я или моргаю, или отворачиваю голову, или надеваю кепку глубже на лоб. Вместо того, чтобы созидать, я расчищаю хоть маленькое место для жизни – а наметает сугробы мусору ежечасно, и некогда сделать что-то доброе. Ну почему это так, почему так безобразно, так горько, так невыносимо? Даже уедешь в деревню, например, в феврале, и целый день топишь печку, чтобы мало-мальски прогреть избу, а дрова тают, приходится пилить и колоть. А когда-то я надеялся, что пододвину к камину, радостный огонь будет греть мои ноги в валенках (а я и валенки не могу найти, навалено в избе всевозможных вещей, как сугроб, и ничего не найти нужного!) *Нужно, следовательно, соорудить нужный шкаф для самых нужных вещей*, но не хватает времени, все время ушло на пиление дров и поиски валенок. Да и места в избе нет для шкафа. И матерьялу для него нет. Да и денег нет, чтобы его купить и привезти. Нет ни того, ни другого, ни третьего. Талантливые из нашей страны уезжают, потому что от них уходят жёны, потому что заплаканы дети, потому что не платят зарплату, потому что когда и платят, не сразу поймешь, платят ее или не платят. Эти, уезжающие, "пятая колонна" (позвонил товарищ, полчаса ругался, что я не ругаю уехавших и не призываю к расстрелам).

Болят ... ну, читатель, думаю, уже запомнил, что у меня всё болит, надеюсь, у него заболело тоже. Почему же я так жесток к читателю? Да

потому, что уедут все, мало-мальски на что-то пригодные, останутся только самые бестолковые, даже жаловаться будет некому. **Кто виноват?** Вот эти, остающиеся, и виноваты. Они довольны всем, довольны царем, довольны народом, даже олигархами, выпившими кровь из России! А кто же как не народ – главный виновник того, что жить в России стало невозможно, что народ сокращается численно, уже не рождает и плохо работает, и именно он виноват в том, что Батый и Чингис-хан, Гитлер и Сталин, Ленин и Троцкий... Он их любит, а меня ненавидит... Что делать? Бессмысленно отвечать на этот вопрос, потому что если бы я и знал, ЧТО делать, я не знаю КАК! Христос хотел изменить что-то в *своей* Палестине, которую обещал спасти, объявил себя богом и умел совершать чудеса, но разбежались его евреи, спасаются верой в старых отцовских богов, финансовыми учреждениями, промышленными корпорациями, заводят "отцов-юристов", пишут книги, становятся режиссерами театров, зубными врачами... иногда кочегарами. Так умею спасаться и я, только времени мне на все не хватает, а как спасти свой народ, я так же не знаю, как и Христос. (да и совершал ли он чудеса?)

... Слишком ветрено, ветер несет песок и мусор и задувает в глаза, вот почему умного я написать не успеваю, *несёт пургу* то один то другой, надувает мусорные сугробы, и прежде чем сказать что-то умное, приходится эти сугробы хоть сколько-то разгрести.

Вернусь к нашему давнему спору между Пушкиным и Филаретом.

Пушкин не отвечает на вопрос, *зачем ему дана жизнь*, но этого не знает и Филарет, он только сообщает нам, что *жизнь дана нам от Бога*.. Но и я знаю, *почему* мы родились, хотя я не учитель ботаники и «Слова Божьего», и не рассказываю на уроках маленьким детям, как устроены рыльце и пестик и как опыляются даже цветы, чтобы произвести **плоды**, которые, увы, как и мы, *обречены на казнь*. Возможно, их склюет воробей ["тоже маленький еврей"], сообщает Высоцкий в своей балладе... ну куда мне от этих евреев деться? А ведь я знаю, что выпили кровь из моей России именно *еврейские олигархи*, и *из своего народа они ее пьют тоже*, правда, она не стоит так убежденно перед всякой властью на коленях, так что мне не на кого надеяться в борьбе за свободу кроме евреев!] или они, падши в землю, **если не умрут, то не оставят плоды**, и лишь *подверженные казни* продолжатся в родовой жизни, о чем сообщил Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы», этот сомнительный христианин! Вечная личная жизнь (хотя бы и после смерти), заслуживается более всего *святостью*, которая более всего в воздержании от *похоти очей*, от *похоти плоти* и от семьи и *рождения детей* – ведь именно это главный грех человека!!! Что же проповедует Достоевский? Он проповедует, что только то зерно, которое умрет, *чтобы в потомстве оставить плоды*, праведно, – но что тут значит монашество, воздержание от брака, блаженный Августин и преподобный Игнатий? И что тут значит старец Зосима и первоначальное желание Алеши Карамазова остаться при монастыре?

"Цели нет передо мною...", продолжает Пушкин. Но у меня цель есть: я хочу обругать Розанова! Только читателю надо набраться терпения. И вот, наконец, Розанов нас всех рассудил: «Филарет ответил, *из глубины своей души*

... "Не напрасно, не случайно жизнь от Бога нам дана!"» – поникло стихотворение Пушкина – и зачем он его писал? Да возможно ли существование хотя бы одной поэтической строчки, которую нельзя было бы обрызгать мертвой водой христианства?! Всё в стихах легко отменить, и душевное смятение, и несчастную любовь, и вопросы без ответов и ответы без вопросов, надо только совлечь тело *душевное* и одеть тело *духовное*, по настоянию апостолов, ставших ими по воле Христа. Усмирить страсти, успокоить бури, отменить любовь, ни к чему не стремиться... а проще всего, *в самом начале уже умереть*. Но лучше совсем не родиться, чтобы не обременяться грехом, от которого ничто не помогает освободиться, только смерть. Какая-то фантастическая философия жизни, если всерьез и глубоко вчувствоваться в нее: *грех как последствие любви, вожделения, зачатия и рождения*.

А ведь тонкий же писатель, хотя и *юродивый*, как говорит о нем Иванов-Разумник, и сколько прекрасного написал он о Пушкине! Даже, наконец, начал любить Лермонтова и Гоголя, и не только за то, что они писали о Боге и, может быть, в него начали верить.

Знаете, Господа, есть люди, которые ни разу не были в филармонии, не слушали музыку, не пели и не слушали песен, не танцуют, и не имеют слуха, они вне *музыки мира*, и *евангелие им не поможет*, и вера в Бога им не поможет, разве перестанут они быть нищими духом? За какие же заслуги им царствие божие (вот только если в утешение)?

Но те, кто уверовал, кто ушел в монастырь или скит и молится утром и вечером – не нуждаются в чтении книг. Более того, они не способны слышать поэзию, они ее никогда не поймут. Но Розанов ведь понимает? Ведь не спрашивает Пушкин Филарета, кто нас воззвал из небытия, ибо Филарет знает об этом меньше поэта. Потому те и бросились в веру, что мира они полюбить не могут. "Буря мглою небо кроет" им не доступно. "Клейкие листочки", о которых говорил юродивый Алеша Карамазов, не содержатся в христианстве, как и "рыльце и пестик". *Поэт* не задает вопросов христианам. Он и читателям не задает вопросов, он ударяет по клавишам душ и души начинают звучать. И переживая магию стихов, мы способны рассуждать глубоко, – только не о "социалистической таблице логарифмов"! Чтобы подумать, будто слова Филарета имеют отношение к поэзии, надо быть к поэзии глухим. Такими глухими и были и Достоевский и Розанов.

Но вернусь и к обещанным подробностям о связи поэтического чувства и метафизических рассуждений – социальных, революционных, религиозных. Артур Кестлер в «Слепящей мгле» рассказывает о состоянии, которое переживает человек, подпадая под власть идеологии: большевизма, национал-социализма, христианства.

Освободившись от преданности партии и любви к ней, он стал антикоммунистом. Но, к счастью, и от этого наваждения он освободился тоже. Растворившись в партии, нельзя быть философом или писателем – но и ненависть к вчерашним рабовладельцам не освобождает от них. Человек, рожденный для жизни, не растворяется в чем-то одном, он *многомерен*, он видит и небо и землю, восход и закат, переживает и жар и холод. Он

принимает мир в целом, хотя и неодинаково относится к его частностям. Что мне до Филарета, если и до апостола Павла, "носящего в теле мёртвость Иисуса Христа", мне уже нет дела! *Невозможно в Новом Завете искать ответы на вопросы жизни*, если даже поэзия не на все вопросы нам отвечает, вечно юная и обновляющаяся с каждым новым поколением поэтов. Представьте себе июль 41-го года, русский юноша в Краснодаре возьмет ли крест или пойдет в партизаны и умрет за отчизну? Так и в 1812 году, и в 1612, и на Куликовом поле. И мы видим ту правду, о которой я вам напоминаю, и которая и в романе Толстого «Война и мир» (может быть, правда, для старца, разочаровавшегося в жизни, появилась новая правда именно в «Воскресении» – но какая же она елейно-притворная!)

Тому, кто способен чувствовать поэзию и отличать художественное изображение жизни от идеологических догм, слов моих, уверен, достаточно, ему не нужны еще доказательства. И не будем более рассуждать о том, умер ли Пушкин как христианин и имеет ли христианство какое либо отношение к его стихам. Очевидно, что даже если поэт ходит в церковь, то пишет стихи он, *разговаривая с музами*, а не с Христом или Марксом!

4. Примитивные рассуждения

История революций показывает, что можно быть проституткой и пламенной революционеркой (и им мы и обязаны разгулом гильотины); в руководители революции в России пошли разбойники и разложившаяся бездельем питерская матросня, "русофобы окраин" и "профессиональные революционеры" – так и в христиане пошли не лучшие.

Странно звучит, но человек, чье *человеческое* устремлено к небу, не может быть христианином. Ибо *христианство не в том, чтобы стать хорошим человеком, но в том, чтобы перестать уже быть человеком*, и если не умереть для жизни и для человеческого, то отказаться от них, уснуть. Христианин своей подчиненностью хозяину неба уже *не продолжается* ни в семейной жизни ни в быту, иногда это даже невыносимо, когда на каждом шагу и при каждом присловье "*с богом!*" и *с ангелами его...*

Деревенское детство многое мне дало, я видел почти все типы и черты человека. Заключенные пилили тайгу, обрубали сучья, тащили и складывали бревна, были худы и плохо одеты. *Стрельцы...* то есть конвоиры, были одеты в добротные полушубки, лица их исполнены были довольства и уверенности в своей силе, и было в их лицах еще презрение к человеческой жизни, я знал, что от них можно ожидать всякого зла. Начальники лагерей все были шире себя, наверное, они слишком много ели. Толстыми были и начальники, и большие и маленькие чиновники. Позже я увидел, как много *дородных* среди попов. Возможно, Капитал и Новый Завет противоположны – но почему служители у них так похожи? Правда, история двадцатого века показала нам, сколь много пострадавших за верность своим убеждениям и в церкви и в партии, без слез читать я не мог архиепископа Андрея (князя Ухтомского), а так же меньшевиков, кадетов и монархистов, – но это всё были деятельные и живые люди, не живущие ожиданием конца света и умерщвлением плоти, не преданные заповедям о *«рабах, повинующихся господам своим...»*

Отрывки из дневника за 2017 год.

Май 2017г. Каковы заслуги каждого из нас в деле деланья – к чему направлены наши усилия и что именно мы *делаем*?

Представим себе, что мир – это наш огород, зарастающий, если его не полоть, сорняками, и не плодоносящий, если его не засаживать культурными растениями (людьми), не рыхлить и не удобрять. Очевидно, что человек, относящийся к миру деятельно, об огороде заботится, а лентяй и рантье об этом и не задумываются. Вот и христианское учение и христианская церковь не ставят такой задачи, как *улучшение мира и человека*, ибо "мир погряз во грехе", и исправить его человек не в силах.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне!» – вот вся этика христиан.

Но и этика большевиков, умаляющая человека: *«Единица – ноль, единица вздор... и только когда в партию сгрудятся малые...»* – не лучше.

"Царствие божие", в которое надо войти, и "коммунистическое общество", которое надо построить, жертвуя для этого настоящим – весь смысл жизни, предлагаемый обоими учениями. Но каков должен быть человек? Для кого это будущее? Стóит ли этот человек наших жертв и наших усилий?

У христиан – *смиренно-мудрый*, постный, бесстрастный, *живущий аки во гробе*; у коммунистов – коленопреклоненный перед волею партии или тирана – даже Робеспьеры и парижские проститутки, назначающие в Национальном собрании, кому сегодня отрубить голову – лучше, даже Робин Гуды и «Братья-разбойники», Раскольников и Иван Карамазов!

Но совершенствует ли культура человека и мир? Не пропадают ли наши усилия зря? Вот самая культурная нация Европы – немцы – сделала ли культура лучше те миллионы солдат и офицеров, которые штурмовали в сорок первом Москву, стояли у стен вымирающего с голоду Ленинграда?

Представим себе мой Круглый стол, за которым я собрал авторов, писавших о Достоевском и его «Великом инквизиторе», представим себе и застолье в праздник в доме моего детства, с моими бабушкой, мамой, тетями, дедом и дядьями, родными и просто соседями – бабушка не умела читать, мама первую книгу прочла о протопопе Аввакуме, изданную мной – конечно, я человек культуры, мне с философами разговаривать ближе, но были ли мои деревенские хуже "философов Круглого стола"? Разве я не раз убеждался, что хотя я лично и не смог бы существовать без книг и симфоний, концертов и выставок, семинаров по математике и философии, театров и ухаживаний за актрисами, *катарсиса* и критики, издания журналов и писания стихов – как не может существовать рыба без воды и птица без воздуха, а культура – это мои вода и воздух, – но на изломах судьбы ничего более существенного не давала мне и культура, чем окружающий мир, с его обыденными людьми и бессловесной природой! После случайной попытки самоубийства из-за несчастной любви молоденькая сестричка поцеловала меня, когда я очнулся в больнице, а когда я вернулся в общежитие, муж нашей буфетчицы взял меня за рукав и повел к пивному ларьку, где мы сели на бревнышко и закусывали пенное пиво холодными сосисками из буфета, и он рассказывал мне о своей жизни и любви, и как служил срочную на флоте, и как, вернувшись, отлупил свою

зазнобу флотским ремнем, и лучше ли она была твоей Настасьи Филипповны, спрашивал он? И вот живем мы в согласии 16 лет, и дочке нашей уже 15, а ты завтра заходи к нам вечерком позаниматься с ней математикой, зато и поешь как человек (да уж и до сих пор я помню те ужины за их хлебосольным столом!).

Но главный вопрос моей собственной жизни и всех тех "обыденных людей", которые меня родили, кормили, со мной дружили, целовались, защищали и принимали от меня помощь, которые меня учили или от меня учились, чьи книги я читал и чью музыку слушал, с которыми я работал и издавал книги и журналы, с которыми сидел в тюрьме, – с которыми я во многом согласен а об ином спорю, детей и взрослых, преимущественно относящихся ко мне хорошо – главный вопрос состоит в том, что именно и как надо совершенствовать? Учительница *совершенствует* школьника, мать – ребенка, врач больного, бригадир и инженер совершенствуют свое строение и своих рабочих, писатель совершенствует свою книгу (заодно и свое умение писать и самого себя) – но не ждет он, когда *окончательно* усовершенствуется, ибо до каких же пор *начинать с самого себя*?! Мне же еще и писать надо, и отвечать на критику, и исправлять недочеты, а времени осталось не так много, я уж не одно десятилетие совершенствуюсь, и если **делание** буду откладывать на потом, то никогда ничего не сделаю! Вы вот, христиане, с себя начали две тыщи лет назад, да собой и закончили – усовершенствовали вы хоть одного? Написали хоть одну стоящую книгу? Доказали теорему? Открыли лекарство? Построили дом, больницу, храм (и храмы за вас строили другие, мы, начинающие **не** с себя, а с внешнего мира, с его преобразования и строительства, или хотя бы с своих детей!) Представим себе, что я хирург, и вот лежит на столе истекающий кровью, – разве я не должен начать с больного, а не с себя?! И так всю мою жизнь – сначала другие, потом я сам, сначала накормить голодного, потом и самому вкусить что останется! **не себя надо спасать, а мир!** Тогда и своя душа спасется. Христианство – самая эгоистическая религия, замыкается она на личной душе! С своего ли спасения начал мой отец, оставшись прикрывать отступающий взвод на Безымянной высоте? Все смешалось сегодня в Российском доме, и вот я, учитель арифметики, доказываю очевидное, что и матери их *начинали не с себя*, а с дегтишек, и учительница *сначала у них* проверяла тетради, и даже я сам *сначала правлю чужие, потом беру за свои!* А их бог требует прежде любви к себе, а потом уж любви к ближнему... *Сначала Бог, потом жизнь...* И вот мы о Боге заботимся, пренебрегая голодными братьями.

И вот мы спорим не о том, был ли Пушкин великим поэтом, и даже не о том, был ли он *любящим мужем и верным другом*, а *был ли он христианином*. Но сделало ли христианство хоть одного человека лучше, как и платоновский социализм, но надо закончить тем, о чем я писал сначала, надо ответить на вопрос: *Зачем мы ищем и читаем, зачем пишем книги, зачем я издаю «Журнал с топором» и какие задачи в нем разрешаю? И чему мы научимся, открывая журнал? (Или читая мою непостижимую для меня самого книгу?) Мы ищем ДАО (путь жизни).*

И большевики, и христиане, и либералы, и упертые (всё давно нашедшие), тоже, иначе с чего они меня хватают за грудки? Да с того, что сами ни в чем не уверены!

И хотя мы не в школе, а давно сами учителя, но еще учимся. Для того я и в журнале печатаю и статьи великих деятелей Золотого и Серебряного веков нашей истории.

Потому что важнее всего редактировать человека и мир, а не ждать воскресения!

Можно ли и нужно ли их редактировать, это тоже вопрос. Найдена ли уже истина и не ограничивает ли она свободу – вопрос второй (о, тут прольется немало слез и чернил, хорошо хоть не крови, пока еще за воскресшего вдруг после победы социализма Христа временно не сажают и не отводят на Левашовскую пустошь и в Соловки.) Спешим, братцы и сестрицы, пока еще можно, пока еще не иссякло творчество, пока еще живы! Всем я хочу помочь, и себе тоже. *Станем ли мы известными?* Нет, не станем. *Заработаем ли гонорар или премию?* Нет, не заработаем. *Будут ли нас читать?* Нет, и читать не будут. *Останемся ли хоть для вечности?* Нет, не останемся. Мои родители не хуже меня, а даже лучше, остались они только в моей памяти, к счастью, о них я успел написать, и даже Шафаревич сказал, что когда читал он о них, видел их как живых – какие еще похвалы мне нужны!?

Да и вам со мной повезло. Я хороший читатель. Я умею читать и умею восторгаться. К счастью, вы талантливы, и строки пахнут, и все они свежи как только что срезанные цветы. И «поток воспоминаний» – это речной поток, который несет нас к стремнине, но веришь, что мы выплывем вместе с автором. Хороши прилежные учительницы-поэтессы. И строгая Завуч нашей критической части. Историки-алхимики, погрузившиеся в 19-й век. Розанов, Евгений Ковтун, Разумник Васильевич и два мага, оспаривающие друг у друга, кто безумней.

А я тщусь быть учителем. Приказываю себе писать лучше – не для того, чтобы сравняться с одним из великих, но чтобы стать авторитетным. Иначе как я могу ругать Достоевского и Толстого, если во мне нет ни *чуда*, ни *тайны*, ни *авторитета*? Читатель не верит, что я что-то знаю, а собратья думают, что я затеял все для себя. Зачем? Я и так уже лучше всех, Вову тащил с переднего края, пьяного не смертельно ли – кто еще мог бы его потащить вместо меня? Чтобы производить впечатление на учениц? Я и так их сбиваю с толку (потому что бесценное чудо мира – это женщина, вдохновляющая поэта, а я стремлюсь к вдохновению!) [Начал вспоминать, кого я тащил – Вову Толстого? Да я и тощего Вову тащил от Сушилова до Перелог...]

Во мне есть тайна, которую не знаю я сам, есть и нечто чудесное, мне не ясное тоже, но для общественности нужен *авторитет* – ибо на кого я произведу впечатление своим Топором, изображенным на обложке Журнала?

И поэтому я пытаюсь написать нечто значительное. И поэтому я редактирую или "*всеобщую личность*", или образ мироздания, или человека как литературного героя, – но никто из нас не сможет стать лучше, пока мы не отредактируем мир, в котором мы все существуем. Или вы думаете, что так хороши апостолы и богословы? Или святые? И с них стоит брать пример?

Вот бабушка приходит к трехлетнему Паше, и он бросается к ней со всех ног – разве храм нас научит большему? Ибо *ребенок безгрешен*, и даже апостол Павел сказал: *будьте как дети* (и только *по уму будьте совершеннолетни!*) – вопреки своей догме **о грехе рождения!** Или вчера в Концертном зале, где встретились мы с Шуманом, Стравинским и Шостаковичем? (о которых я точно не знаю, были ли они христианами) – разве не возносились наши души к небу? (Но об этом не будем пока спорить, ибо для христиан и культура греховна, даже плуце человека, а "*улицы Афин уставлены идолами*").

Мы пишем наши книги для редактирования мира и человека, христиане же видят в этом грех, ибо нам надлежит лишь молиться.

Не буду настаивать на том, что наши взгляды вернее и возвышеннее древнего мифа. Но допустим на миг, что вместо вымученной любви к ближним и безумной *любви к врагам* (веры христовой?) возоблададо бы то чувство товарищества, о котором пишет Гоголь, – стало ли бы хуже?

1 июня, четверг, 23-37. Спор с христианством абсурден, богословы и писатели, как Конст. Леонтьев, Розанов, Кьеркегор, говорят об одном христианстве, а *полу-верующие* исходят из другого, ему противоположного.

Добрый и добренький Христос, любящий человека, проповедуется язычниками-гуманистами, и хотя верующая публика представляет Христа как обнимающего всех Сына Божия, пришедшего **помочь** человеку – но Он пришел *осудить человека* и призвать его к отвержению от жизни, от счастья, труда, науки, образования и культуры, от любви, от семьи, от народа и истории...

Что бы он сам мог сказать о своем учении?

1. Пришел ли я призвать вас трудиться, заниматься творчеством, воевать и добиваться свободы, чтобы становиться лучше и сделать лучшим окружающий мир и вашу собственную жизнь? – если я думаю, что и жизнь ваша и мир никуда не годятся, и исправить их невозможно, всё на земле тленно, и в сравнении с этой тленностью все остальное – не важно?!

2. В тленности же вы виноваты сами, ибо ваша Ева съела "запретный плод", познала стыд и притяжение к мужчине, и далее все пошло *не так как надо* (хотя, правда, даже железо ржавеет, делятся и умирают клетки в человеческом теле, рождаются и умирают растения, следовательно, мир таков уже от начала – или до Евы и яблока железо еще не ржавело?!

3. Так зачем трудиться, заниматься творчеством, воевать и добиваться свободы, если исправить тленность мира человек не в силах? И только Сын Божий, родившись от *девы*, может **искупить свою смертью человеческий грех** и изменить мироздание, отменив тленность мира.

4. И все же Искупление мира смертью Сына Божия оказывается не полным, человек еще должен *взять крест и пойти за Искупителем*, и согласиться на все: не заводить семью и не рожать детей, не трудиться и не созидать культуру, не участвовать в общественной жизни, не стремиться к радости и счастью, но к мукам и страданиям... *Потом* будет Второе Пришествие, Страшный суд, Конец света и Воскресение праведных – но спасется только *горстка праведных*, и этот ли, кто последовал, не известно.

Итак, Бог создал мир, разочаровался в творении, обвинил во всем Еву, решил исправить творение, принес в жертву собственного сына (кому?) – какая-то странная философия, достойная «Алисы в стране чудес» ...

В этой связи о **жертве**. Страдания человек претерпевает иногда случайно, иногда по внешней воле, справедливо и несправедливо. Жанну Д*Арк осудили несправедливо, Раскольникову каторга была поделом. Через страдания (чаще данные нам ни за что ни про что) одни из нас становятся лучше, другие ожесточаются, а избранные идут на страдания и жертвы, пытаются исправить человека и мир. Женщина жертвует собою для детей или близких, животные и птицы защищают детенышей и птенцов, руководствуясь инстинктом (и как восхищает нас их жертвенное поведение! – христианство ли их научило материнской любви?) Но жены солдат, и жены декабристов, и жены тех миллионов, которых отправили на смерть или в лагеря чекистские тройки – разве они были хуже маленьких птичек, жертвующих собою для спасенья птенцов? ... тяжело думать, что мы жили в *бездарную эпоху*, которая была дьявольским наваждением, во многом грехом, отчасти наказанием, и правили нами не ангельские и даже не сатанинские силы, а мелкие черти и подлые души, и не было высших целей ни во имя Бога, ни во имя Дьявола, а по тщеславию, подлости, низости банда преступников захватила великую страну – как пираты или взбунтовавшиеся матросы захватывают корабль – но справиться с управлением не могла, не умела, поэтому ВСЁ, что мы имеем, приобретено по непомерной цене: продали уголь, золото, нефть, сибирский лес, сорок миллионов неповинных людей втоптали в болота, в тундру, в высоты без имени, уморив голодом и лишениями... *И всё, что мы получили от той эпохи, почти всё несправедно!*

Мой бунт против христианства неотделим от моей веры в *сострадание, справедливость, свободу*. Но мои современники придумали христианство, не сообразующееся ни с Новым ни Старым заветами, ни с отцами Церкви, ни с богословием, ни с Всемирными соборами, ни с Крестовыми походами, ни с Инквизицией, ни с бесчинствами и роскошью пап, ни с церковными расколами – а ни *справедливость*, ни *сострадание*, ни совесть, ни *свобода* в Учение не входят, и я сам был почти христианином только благодаря тому образу (ложному) христианства, который создавала культура, переиначивая и дополняя его, несмотря на все отчуждение от культуры учения и богословия. Когда-то, в молодости, я верил Достоевскому, Розанову и Бердяеву – и так и думал, что *«если нет Бога, то все позволено»* – а теперь спрашиваю наивных: *а что не было позволено, когда и был Бог? Разрушение Содома и Гоморры?.. Избиение младенцев при Ироде?.. Варфоломеевская ночь со ста тысячами убиенных!? Сожжение Сервета, открывшего кровообращение? Принуждение человечества верить, что Земля плоская? Кары инакомыслящим? Не вчера ли янки вводили рабство, когда у них еще был Бог, в восемнадцатом веке? Не вчера англичане, давшие миру пуритан, морили индейцев, индийцев, китайцев, ирландцев (картофельная война в Ирландии, когда половина тех вымерло)? Не позавчера чума и холера, язвы и проказы убивали Европу, потому что истина была в вере, а знание в дьяволе? (хотя еще еллины, *установившие улицы Афин идолами*, успешно противостояли *моровому злу*).*

3 июня, суббота. Почти таинственно то, что иногда человек или идея словно скрываются за покрывалом, которое их подлинное преображает. Вот Ницше решил, что это учение проповедует заботу о слабых, *униженных и оскорбленных* (у Достоевского прочитал), а так как бредил идеей сильного, гордого, ни перед чем не останавливающегося человека, почти разбойника (это с него Достоевский списал Раскольникова?), то и возопил: «Падающего толкни!» И так все споры на этом и сосредоточились, что Христос пришел пожалеть обиженных, он милостив, добр, обличает богатых, а Дьявол проповедует зло... Где-то увидел я предсмертные слова Толстого, записанные его дочерью Александрой Львовной: «**Бог не есть любовь**». Жаль старика, понял он правду, но слишком поздно. А впрочем, что ж, некого разве жалеть и без Бога, некого любить, защищать? Да и бог не один! Есть Яхве, Бог ветхих евреев, есть Будда, есть, в конце концов, Маркс, благословляющий на строительство царствия божия на земле... Христос – это **не** Бог земли и плодородия (то есть не древнеегипетский бог солнца Ра), это **не** бог земного утешения, милости и жаления, радости и веселья – **не** Аполлон, не Вакх, не Меркурий, не Гея, не одна из муз и не все вместе, это **не** бог милосердия, объятий, нежности, слабости (и какую в нем **сладость** нашел сумасшедший Розанов?!) – это Бог отречения от счастья, от семьи и детей, от труда, творчества, плотской земной любви, это Бог, повелевающий человеку сосредоточиться *на спасении собственной души и на любви к Богу*, за которым, как за поводырем и судьей, он и пойдет на ВСЮ жизнь – ни жена, ни любовница, ни Родина, ни отец и ни мать не должны быть выше и больше, ни труд и ни творчество и даже не спасение тех, кого любишь (да и не надо никого любить больше Бога, или любить как бы сквозь него, глядя на них в окно, которым единственным является Христос). Но спаситель ли он? Он обещал *воскресение* после смерти, но протянет ли он руку на поле боя, на лобном месте, в творчестве и в тюрьме? Спас ли он Жанну, сгорающую на костре? Защитил ли евреев от рассеяния, «царь иудейский» *спас ли народ свой*, как обещал?!

4 июня, воскресенье, полночь. Читаю Розанова и Иванова-Разумника, и думаю, что мне самому не надо уже писать, у них все сказано верно и точно.

Зачем же я тогда нужен, зачем пишу, когда не могу быть синтезом, ибо я как дыра, в которой сквозняк, и знания во мне не задерживаются, а есть лишь способность в различении верного и вкуса к художественной правде...

Но я нужен, я имею важное предназначение, я как узловая станция, через которую проходят поезда в разных направлениях, например, как через Бологое проходят поезда и на север, и на юг, на запад и на восток. Но станция эта незначительна сама по себе, всего лишь поселок, и никого собой вдохновить не может. Был здесь городской собор, взорвали... (кстати, христиане равнодушны к тому, сохраняются их храмы или погибают. И судьба России их не волнует, все *по нашим грехам*, говорят они. Даже по поводу умиравших детей приходилось мне слышать и: *Ну, что ж, Бог дал, Бог взял!* Разве не кощунственна подобная вера?

Взываю к совести русского человека: я хочу, *чтобы Россия поправилась*, чтобы образованные, устремленные, работающие взялись за ее исправление, не уповая только на Бога и на молитвы во здравие...

Ну а если, отстав от Бога (мне возражают), перестанут сии молиться, а начнут больше пить, гулять, спать?.. книги читать все равно не будут, на концерты не пойдут, в театры тоже, на баррикады – тем более?!

10 июля, понедельник. Новый и Ветхий заветы, церковь, «Столп и утверждение истины», крещение, венчание, литургия – где они в общем ряду жизни? В том ряду, в котором *рождение* младенца, болезнь, врачи и кудесники (и советы *договариваться* с желудком и печенью, чтобы они терпимее относились к моим беспорядкам, как мне удастся иногда договориться с сердцем)?

В *общем ряду жизни*, увы, даже смерть, которая подстерегает всех нас, **любовь**, друзья, родные, работа и творчество, книги, сонаты, музыка и математика, "Журнал с топором", строительство бани, ремонт дома... в этом **общем ряду жизни** и Новый Завет, который я не бросаю в угол, как не бросаю и "Капитал", "Психопатологию обыденной жизни", "Пол и характер" и другие сочинения еврейских писателей, подминающих общую жизнь под частное (как и я, впрочем, под *любовь и литературу* подминаю разнообразные частности житейского целого), но в этом **общем ряду жизни** и Пушкин, и Толстой, и Достоевский, и театр, и филармония, и прекрасная Анна и прекрасная Полина, и восторженная Регина. Русское православие – это возврат в Средневековье внутри себя, пока оно не наступит извне. А если послушаться Игнатия Брянчанинова и всех *блаженных* с их *ненавистью к плотским узам, к семейным, к узам крови, традиции, сословия, народа, истории*, то не только придется *жить аки спать во гробе*, но уничтожить и в себе девять десятых того, что делает каждого из нас человеком, то есть *понятия о чести и гордости, жажду творчества, любовь к Родине и семейные узы*.

(Впрочем, и коммунист – это тот, кто сузил свою личность так, что в ней только ненависть к врагам народа, к Пятой колонне, к помещикам, к царю, к прежней России...)

Пренебрегая «любовью к ближнему», о которой говорят христиане, я разве мало сделал хорошего даже для случайных людей или приبلудных собак (например, накормил собаку, пришедшую ко мне на крыльцо, накормил голодного бомжа, одел раздетую девочку)? Чтобы закончить с этими противопоставлениями подлинной (*нормальной*) любви, которую мы испытываем к родным и близким, и *любви христианской*, приведу некий образ. Итак, бывает дождь, который идет на улице, а сидя в дому мы его не чувствуем. Бывают канавы или ручей, текущие вдоль улицы или огорода. Но когда мы разбираем потолок в жилище, чтобы дождь шел не только на улице, но и в доме, да к тому же молимся, чтобы он шел и днем и ночью; и жилище наше переносим в канаву или в ручей, открывая для воды пороги и шлюзы, вот тогда мы и христиане... Подобно этому китайцы при Мао, читавшие его красный цитатник во всяком публичном месте, ночью и днем (в трамвае, поезде, на скамейке парка) были **всегда** маоистами. В средневековом обществе человек (кроме иудея) не имел права НЕ БЫТЬ христианином. Современные христиане, вчерашние коммунисты, стремятся в него вернуться (хотя и советское общество было ему подобно). При власти христианства и

при власти марксизма всякий человек обязан быть одинаковым со всеми в однородном обществе, он обязан строить царствие божие на небе или царствие божие на земле, и вот эта обязанность и делает его **рабом**. Вера в Бога еще оставляет человеку частичку свободы, но **обязанность этой веры**, поддерживаемая и церковью и христианским государством, лишает ее. Даже в 19-м веке и дворянин не мог открыто сказать о том, что он не христианин. Устали от свободы? Хотелся снова согласной колонной с пением «славься» или с пением Марсельезы строить общее для всех царствие – или *здесь* – но только для следующих поколений – или *там*, но только после смерти?!

Притом и детей уже с детского сада мы заставляем учить молитвы, ходить и на исповедь, *вкушать якобы небесную плоть и небесную кровь*, учить в школе Закон божий, любить смирение и покорность, *вид кроткий и голос тихий*... а тут еще суды по обвинению писателей в оскорблении чувств верующих, а ученых в оскорблении чувств обезьян (от которых запрещено считать родословную). И переименование *простых чисел* в особо-сложные, и уверение, что крокодилы летают, *хотя и низенько*, и повеление девушкам спрашивать у бабушек, с кем им можно, а с кем нельзя, и готовиться к смерти и посмертному обращению в лист на древе господнем, проклиная Адама и Еву... Надо **оббжиться** а для этого **расчеловечиться**, и *читать со слезой* не только на ночь но даже и днем *Игнатия Брянчанинова*, выбросив Пушкина на помойку. Не негодуй, непросвещенный читатель, не читающий Литературной России и поучений религиозных сайтов (а сегодня они почти все или религиозны или однополы)! В июне на Пушкинском празднике православный священник выступил с речью о том, что «*Пушкин греховен, по жизни и по стихам, и учителем русскому человеку быть не может, вместо отечественной литературы надо читать сочинения святых отцов*». А другой священник пророчесствует и угрожает: «*Если пушкинская звезда непременно будет стоять над Россией, то придет 2037 год, который будет во столько же раз страшнее 1937 года, насколько телевизор и интернет громче поют льстивые песни об империи и свободе, чем пел их поэт Пушкин!*» И потому актуальна надоевшая тема: Была ли Российская империя и ее культура 18-го и 19-го веков христианскими, как и тогдашнее русское образованное общество? Мне ответ ясен, но обществу разговор этот необходим. После Петровских реформ и Россия вступила в эпоху культурного и духовного Возрождения, и Россия начала исповедовать *антропоцентризм*, что только подтверждается и русской классической литературой с ее новым Евангелием *родовой Любви и Красоты*, – по Пушкину и Достоевскому, по Настасье Филипповне и Полине – которые *спасут мир своей красотой – вместо смерти Христовой*. А что любовь эта родовая, наш невежественный интеллигент сможет понять, хотя бы для сравнения прочитав наставительные сочинения преподобного Игнатия, в которых тот всячески поносит *любовь по голосу крови и велению чести и совести* (ох, допекла, видно, его какая-то его "Аглая", как Розанова "Полина"!)). Забыли мы, что освобождение от *религиозного мракобесия* выстрадано многовековым гонением на культуру и посыпано пеплом сожженных книг и сожженных философов и ученых?

31 июля, понедельник. Учение Маркса о движущих силах общественного развития основано на тезисе об общественном характере труда и частном характере присвоения его результатов. Маркс рассматривает в своей теории два противостоящих класса: пролетариат и буржуазию.

Однако рабочие и буржуа составляли даже в европейских странах менее четверти всего населения, в России же их было вдвое меньше, чем крестьян, причем крестьяне производили не только продовольствие, но и предметы обихода, одежду и обувь, пилили лес и строили дома. Противостояние рабочих и буржуа определяло отношения небольшой части общества, когда в России основными отношениями были отношения крестьян и помещиков, да и общество было неизмеримо сложнее, чем в марксовой схеме, оно состояло еще из врачей, учителей, чиновников, жандармов, духовенства, извозчиков, ученых, писателей, журналистов, актеров, музыкантов, проституток, воров, политиков, юристов, аристократов.... .. и Русскую революцию совершили не рабочие, а матросы и солдаты (вчерашние крестьяне) при подстрекательстве и под руководством инородцев, евреев и профессиональных революционеров (мещан и дворян, профессией которых стала революция).

Надо сказать, что Гегелевскую философию истории и природы, в центре которой было саморазвитие духа в результате заключенных в нем противоречий, Маркс вульгаризировал, перенеся гегелевскую схему на материю, которая, впрочем, не являлась ни веществом, ни реальностью, а тем же самым вульгаризированным духом (как и Христос оставался Богом даже в образе человека). Надо, конечно, сказать еще более, что обе эти схемы (подобные друг другу) мало отношения имели к эволюции мира, они представляли собою ту бессодержательную схоластику, которую нельзя ни опровергнуть ни использовать в понимании существа вещей. Существовали, например, войны, в которых не только разрешались противоречия между народами, но осуществлялась экспансия, расширение одних народов и ограничение, поглощение или эксплуатация других, но единство и борьба противоположностей, отрицание отрицания и переход количества в качество помогут ли нам их понять, как и Русскую революцию, или обе Мировые войны? Мы 75 лет строили коммунизм – и вдруг в девяностые годы разрушили СССР, раздали национальные богатства "шайке жуликов и воров", с упоением присягнули капиталистической власти и по-прежнему: народ и партия едины, только Партия противоположна коммунистической.

Но Гегель сегодня прочно забыт даже в его марксистском облики, а мы по-прежнему не понимаем хода истории, не можем объяснить, почему после трех антихристианских поколений вдруг почти все ринулись вновь в христиане, и как случилось, что жажда богатства заменила ту духовную жажду, о которой писал Пушкин. Я не понимаю в этом мире и в этой истории почти ничего – но разве понимают другие?

Впрочем, я и не пытаюсь понять всеобщего "человека", даже женщину я теперь понимаю лучше. Но меня волнует не столько человек, сколько судьба России, народа, русской культуры. Мне кажется, что я достаточно хорошо понимаю, чем отличаются хорошие люди от плохих, но я не могу понять, почему они, эти и хорошие и плохие, поддерживают ту власть,

которая разрушает Россию, подавляет развитие науки, образования, хозяйства, при которой большинство населения не имеет сносных дорог, сносных учителей, сносных врачей, ест хлеб, испеченный из "кормового" зерна.

И тем не менее, не понимая России и русского человека, не понимая, почему он позавчера беззаветно верил партии, вчера верил новому курсу той же партии, сегодня верит попам и христианскому троичному Богу, я думаю, что мне надо продолжить свои размышления о самом себе и окружающей жизни и продолжить свое литературное поприще. Тютчев говорит, что *Россию и невозможно понять, но в нее надо верить* – я в Россию *не верю*. Я не верю в коммунистическую партию, и в партию жуликов и воров, и в партию капиталистов. Но я русский человек, мне без России так же тяжело, как без воздуха (который, кстати сказать, я тоже не совсем понимаю), как без электричества (которое я не понимаю совсем), как без многого другого, например, мне невозможно без дров в деревне (хотя природу огня я не понимаю тоже). Я написал три книги о любви и узнал, что я почти ничего не понимаю в любви – но и без любви мне прожить невозможно. Почему я так неприязненно отношусь к повелению Тютчева *верить в Россию? Потому что оно лживо и бессодержательно!* Я крестьянин и вскапываю огород, чтобы он стал лучше. Я редактирую писателей, чтобы их сочинения стали лучше. Я редактирую, то есть исправляю и переписываю даже и то, что пишу сам. Но я против поклонения, которое *исключает редактирование*. Я хочу, чтобы Россия стала лучше, и пытаюсь подействовать хотя бы на нескольких человек, которые бы меня понимали и тоже пытались *вскапывать Россию и ее редактировать* – вдруг нам удастся ее улучшить, ну хоть немного? Заклинание о необходимости *веры в Россию* предполагает, что надо перед нею встать на колени, ей молиться как Богу и ... крестьяне сами принесут помещику и оброк и барщину. Но **я крестьянский писатель**. Мне никто ничего не принесет кроме того, что я заработаю своим трудом. И я возражаю вере так: я ничего не понимаю в *электричестве*, но все же иногда исправляю проводку, заменяю лампочки, пользуюсь электропилой; не могу сказать, что я понимаю, что такое *жизнь*, но я живу и даже мне удается иногда помогать жить другим. Я не сумел объяснить, что такое *любовь* (хотя, во всяком случае, не повторял глупостей Шопенгауэра и Льва Толстого, а затем Вл. Соловьева, обличившего, правда, сначала их глупости), но я и любил, и разочаровывался, и был хорошим другом. России со мной было бы не так накладно и не так опасно, как с другими. Россию Тютчев тоже не понимал, как и я – но был ли толк от его *веры* в нее тем, кому приходилось тяжело трудиться для пропитания? Защитила ли Россию его *вера* в нее, как не защитила христианские храмы от взбунтовавшегося народа вера Достоевского в этот народ, который он считал *богоносным*?

4 августа, Еду в метро домой, забыл очки, и «на ее пишу черновике»...

Лето, август, прохладно и сыро...

Пусть в июле бывало сырее,

Вкус канавы и затхлого сыра,

Комары и укусы от спрея –

Все ж бывали минуты блаженства:
Голова в поднебесье кружилась,
Дождь бывал и прерывист и женствен,
Да и сердце не часто, но билось!
Посему мой вердикт будет мягок:
Одевайтесь всегда по погоде, –
Будет август тягуч, но не тягоч,
Будет лето... не лето – но вроде...
Миро-любие – выше, чем вера,
Доказательней смутных Заветов.
О, всевластные Гея и Гера! –
Пусть не сразу, но будет и Лето!
И пропахший дождем, свежим потом,
Баннным дымом и прелой травой,
Я найду, что искал, за работой,
Заскулю иногда – но не взвою!
Жизнь – смесь яблок, вина и крапивы...
И хотя она жжет – но не больно...
Чудо, творчество, благо и диво –
Мир всем вам! И дождю... И довольно!

Чудо и Ева. Вчера возвращались с женой от М. из Пулково, ехали в метро, я сел около небольшой юной (как мне показалось) девчушки, но она возразила, что ей уже 36 лет. Глаза ее были зеленые, вела она себя, конечно, почти безумно, но в соответствии с рисунком чуда. Она разочаровалась в России, в людях, в церкви и в Боге, даже иногда восклицала, почти как Розанов на ухо Мережковскому: *А может быть, он не бог, а дьявол?!* На вопрос ее о моей вере я ответил, что у меня свой Бог, и если она будет со мною, то мы перевернем мир и сделаем все по своему. Вначале она в этом усомнилась, но когда я пообещал ей, что я гений, то закричала, что да, перевернем! Я был несколько смущен ее экзальтацией (она, оказывается, напилась шампанского, иногда даже прибежала к "сильным" выражениям)... Мне надо было пересесть на Техноложке, она хотела выйти со мною, но я отговорил ее, сославшись на то, что еду с женой. Она не замужем, детей, кажется, нет...

К сожалению, я так растерялся, что не написал ей ни телефона ни имейла, только сказал фамилию и имя, велел меня искать в интернете, поклялся ей в любви и ее заставил поклясться, и сказал, что буду ждать ее вечно...

Дома посмотрел на себя в зеркало. Или оно показывает не все, и что-то во мне еще есть помимо того, что видимо, и посему не исключено, что мы еще найдем друг друга, и чудо проявится до конца, а тогда мы и вправду перевернем весь мир, или это всего лишь минутное затмение разума и здравого смысла у меня и романтическое опьянение у нее. Удивительно, конечно, что мы, случайно оказавшиеся рядом, одинаково смотрим на власть и церковь, она еще добавила, что как стыдно, что в богатейшей стране

старики иногда ищут еду на помойках, и люди сносят смиренно унижение и не пытаются изменить *воровскую власть* (так и сказала). Я иногда вглядывался в ее лицо и в зеленые глаза, фигуру ее я не видел, но что было мне видимо, то было прекрасно. Возможно, в связи с унынием последних месяцев музы или античные боги прислали мне для поддержки *посланницу*, и небо требует от меня силы и веры и заставляет продолжить писательство и написать нечто более значительное, чем до сих пор?

Полночь. Как уже я писал, я родился в глухой деревушке в сердце Сибири, учился в средней школе поселка Решеты, "столицы" Красноярских лагерей (КРАСЛАГа), вдоль одной только узкоколейки Решоты - Богучаны было 30 ОЛПов (*особых лагерных пунктов*). Со мною в классе учились дети начальников лагерей и бывших заключенных. Уж я ли не репейник среди лугов и полей – или я таежный цветок? Все были близ меня, и упрямые сталинисты и бывшие бандеровцы, следователи-чекисты и заключенные, ссыльные и чалдоны (то есть потомки еще ермаковских казаков, как и мой отец).

В марте 56 года, после опубликования знаменитого Постановления XX-го съезда о "культе личности", я снял со стены в нашем классе портреты вождей и торжественно понес их во двор сжигать на костре, двое из нашей школы отважились мне помогать, *тогда мне было 14 лет*. Сколько же с тех пор мне приходилось спорить с защитниками Сталина, безжалостно уничтожавшего не политических противников, а лучшую часть нашего народа, преступника и людоеда худшего, чем Гитлер!?! Разве легко было оставаться русским среди тех, кто защищал худших среди нас? И все-таки возможно ли любить только избранных, духовную аристократию, и ненавидеть чернь, как Пушкин и Мережковский? Так и мать любит всех своих детей, всех жалеет и всех защищает. И я не отделен рвом и пропастью или стеной от моего народа в целом, хотя и негодую, что он кичится нашими гениями и героями, вот мол мы каковы и сколь возвышены перед миром, но оправдывает негодяев и сам спешит встать в ряды обличителей лучших, в ряды охранников и конвоиров, в ряды тех, кто разрушал наши старинные памятники и голосовал за казни и пытки наших достойных. Они были «все как один» со своей сначала сталинской партией, потом со своей «ревизионистской» партией Хрущева, со своими горе-реформаторами, со своими нынешними строителями капитализма. Никогда ни в одном споре не встали они на сторону *униженных и оскорбленных*, убиенных дворян, белых офицеров, миллионов убиенных крестьян, уморенных ссылками и голодом, убиенных бездарно проведенной войной, которой они гордятся, хотя их же деды и прадеды были только пушечным мясом для красных комиссаров и командиров...

Я люблю русский язык и литературу, музыку и архитектуру, горжусь многим в русской истории, но я твердо знаю, что то, чем мы гордимся, создано меньшей частью народа. И все же, разделяя народ на две части, называя русскими только талантливых и достойных, обличая пороки вчерашних рабов, затаенно благословляющих всякую власть и унижение, и ненавидящих тех, кто власти сопротивляется, я помню, что и у этих есть дети, и они невинны. И дети эти тоже русские, и из них могут вырасти Ломоносовы и Кулибины, Кольцовы и Суриковы, Розановы и Есенины...

Но трудно оставаться русским и гордиться своей национальной принадлежностью, имея глаза и уши, совесть и ум...

Послесловие к Запискам Редактора... (в сокращении)

Некоторые из моих товарищей-писателей говорят, что то, что я пишу, представляет собою «*поток сознания*» – а у Розанова разве не так? – и все же его читают, и даже хвалят, а написал он гораздо более моего. Правда, он пишет лучше меня – но все же, хотя пишет он хорошо, он не всегда прав, а я все же пишу лучше многих, как об этом мне даже приходилось слышать (не помню, правда, от кого), правота же моя подтверждалась историей.

Вначале я писал почти как все, но теперь мне это перечитывать трудно, слишком наивны мои рассказы, а рассуждения однообразны. Теперь я пишу лучше, но это... *поток сознания*?.. Нет, не совсем верно. Главное мое свойство – оспаривание чужих мнений, почти повсеместно ошибочных, я еще в детстве ввязался в споры: с окружающими, учителями, властью, теперь вот спорю с историей и философией. Однако меня многие учили, бесподобные у меня были наставники, были это и школьные учителя, и университетские, и писатели, и те выдающиеся люди, которых связывали со мною **судьба и случай**: учили меня девушки-красавицы (а женская красота – это то же самое, что гениальность ученых и писателей), и подвижники русской культуры, и мои современники... дождь, ветер, солнце и воздух – всё на меня влияло благотворно и я всему благодарен, и в споре я собираю всё благотворное в великих для вразумления общества. Мои книги – это мой бесконечный спор, который я выражаю в литературной форме.

Но почему и зачем я спорю так ожесточенно с окружающим миром?

Объясняю. Мы полагаем, что существует *реальность*, «данная нам в ощущениях» (как учил недавний вождь прогрессивного человечества), и *ощущающая мир личность*, определяемая этой внешней реальностью, источающей флюиды и миазмы, а при недавней диктатуре пролетариата посылающей по ночам «воронку»...

Но отношения внешнего мира и нашего Я сложнее, вне нашей **жизни** теряет смысл и личная (субъективная) и объективная реальность, и в мою и в нашу общую жизнь входят и философия и литература, более вечные, чем даже «воронка» и «диктатура пролетариата» (а ведь даже и цари не вечны!). И я стремлюсь узнать, что в этом мире верно, а что неверно, и неверному возразить и даже по возможности его исправить. Я – редактор и учитель. Я отзываюсь болезненно на фальшивые звуки и слове и инстинктивно им возражаю. Стремясь к истине, гармонии, красоте и справедливости, я стремлюсь еще и исправить все то, что меня раздражает. Так учитель русского языка автоматически отмечает ошибки в книге, которую он читает. Вот почему я спорю с миром и безостановочно пишу свои собственные книги. Кстати, в недавнем до-революционном прошлом слушатели приходили и в филармонию с партитурой музыкальных сочинений и следили по ним за игрой музыкантов – даже слушатели были редакторами!

Возможно, сто лет назад я ничего бы и не писал, а просто в частных разговорах за обедом между прочим возражал Федору Михайловичу или Льву

Николаевичу, они бы к моим возражениям (как умные и образованные люди) иногда прислушивались и ошибки в своих сочинениях исправляли, как прислушивались друг к другу участники Петербургского Религиозно-философского общества, в котором тон задавали Мережковский и Розанов.

Итак, я критик, редактор, учитель арифметики и русской словесности, мои книги – то же, что особая осанка старого военного, то же, что забота матери о ребенке, что работа учительницы над ошибками учеников. Много пишу я не потому, что слишком навязываюсь, а что ученики пошли так плохо подготовленные, в детском саду их перестали учить как должно, да еще и телевизор развращает и портит.

Я не утверждаю, что вправе всех поучать – учитель тоже человек и почти такой же как все – но так как жизнь дала мне профессии критика, редактора, учителя арифметики и словесности и неумное стремление к исправлению ошибок, то я и не могу пройти мимо них. К тому же часто ошибки столь вопиющи, что неотличимы от преступлений.

В Германии оправдание Гитлера и нацизма уголовно наказуемы, почему же в России преступная власть всемерно восхваляет тирана и тиранию и внушила народу любовь к ним, хотя еще полвека назад само же государство пыталось отречься от самых вопиющих злодеяний режима, уничтожившего Россию и лучшую часть русского народа? Да потому, что и нынешняя власть антирусская, а ее показная любовь к России – дымовая завеса разбойничьего ограбления. Десять миллионов уморенных голодом, десять миллионов уморенных в лагере, в тюрьме, у расстрельного рва – а мои современники осмеливаются отыскивать нечто, оправдывающее преступную клику! Надо бы пройти мимо них и даже не отвечать – но я не могу пройти мимо *народа* (как не пройдем мы мимо пьяных детей), я думаю, что он болен! Как его лечить? Этого я не знаю и в поисках лекарств пишу книги. Значит, я не писатель, а бродячий обличитель язв и *народный целитель* (увы, еще не маг и волшебник, хотя к тому и стремлюсь), *ученик Сократа или Конфуция, Гипократа или Галена*, я подобен матери, заботящейся о детях – а мать не претендует на знание научной или божественной истины, ей дана *родовая память добра и зла, красоты и безобразия, справедливости и неправды, сострадания и жестокости*, вот и во мне жива эта родовая память.

Плохо или хорошо написал я свои книги, до конца этого я не знаю, но чувствую, что не написать их было бы еще хуже.

Казалось бы, и у каждого есть своя голова на плечах и родовая память, общая для всех нас, и у каждого были учителя те же самые, которые научили меня, то есть великая русская литература, великий русский язык, русская история, философия и культура. Почему же не учитесь вы у Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского, Мережковского, Розанова, Иванова-Разумника, а схватились за Маркса и Троцкого? Плохое привлекательно, легко научить курить сигареты и пить вино, пепси-колу вместо русского кваса, легко говорить похабное, забывая родной язык, легко жить воровством и обманом, *легко сосредоточить силы души на самом себе*, чтобы взяли в небесное царство, забывая окружающий мир, природу и человека.

Внешняя **Реальность** – это не всё и не всегда самое важное, есть ведь и **совесть**, а она внутри, чувство красоты и правды, потребность в заботе о других – а она есть у каждого, только христианство внушало нам, что весь *смысл жизни в спасении своей души*, а потом большевизм унизил личность и возвеличил муравейник, а теперь и те и другие обрушились на человека, залутовав в нем его внутреннюю *родовую правду*.

Но теперь кажется, что тридцать лет назад люди были глубже и чище, а теперь многое в них изменилось к худшему. Но тогда я существовал среди *лучших*, одни приходили ко мне на литературные вечера, к другим я ходил на «*музыкальные среды*» или на блаженные *пятницы*, и там тоже были *избранные*, а нынче круг моего существования расширился, ныне живу я в **толпе**, а она и не может быть слишком возвышенной.

Но вернусь к своим сочинениям. Чтобы дотащить их до *панели* сайта и выставить на эту панель, я должен бы меньше сейчас с ними возиться, так, самое необходимое, и – на панель, а иначе они засохнут не читанными, как невеста в девках... (как-то я случайно услышал, плакалась девчонка подружке, что вот, мол, и умру я целкой – *не с кем!* Все парни заняты пьянством...)

И все же нельзя слишком наспех, повинувшись то тем, то другим, может быть, *панель* подождет?

Ночь прошла не в худших стеснениях, но просыпался я от мыслей о смерти. И безысходность скатывания к обрыву угнетала почти до отчаянья. Что противопоставить отчаянью? Наркотическое состояние веры, мечту о бытии в загробном царстве без тела и ощущений, там, где не женятся и не рожают детей, но висят как листья на древе Господнем?

Надо найти нескончаемый Путь, без обрыва... Отчасти он в Родине, Роде, в стихии, пронизывающей нас всех от пращуров к правнукам... В чем основание Любви? Во-первых, в природном притяжении полов и в инстинкте продолжения рода. Во-вторых, в источнике, одухотворяющем природное. И, наконец, в Заботе, из которой проистекает любовь. Заботятся о том, что любят – но часто и любим мы то, о чем заботимся – семью, детей, раненого на поле боя, отстающую ученицу... Природу, которую стараемся сберечь и приукрасить. Весь мир, о котором заботимся, как крестьянин, возделывая его. И в любви к природе ясно видны две разные любви: *любовь эстетическая* (для себя, наслаждающаяся) и *любовь сбережения и помощи*; вот эта двойственная любовь и является стихией, пронизывающей всё.

Из любви проистекает забота – а из заботы проистекает любовь!

Права русского меньшинства.

По поезвному радио передают (разумеется, заботясь о тех, кто уже ничего не слышит) бодрящую информацию о том, как вести себя при налетах террористов. Восьмой час утра, пассажиры проснулись дома в пять часов, собрались в дорогу, перекусили наскоро и в семь часов отбыли с вокзала, умиротворенно откинувшись в мягком кресле, чтоб подремать – не тут то было: на них обрушивается поток информации на английском, китайском и языке суахили. К тому же, африканцы могут проспаться свою станцию, у них, в Африке, "Ласточек" нет...

Куда подевались Институты гигиены труда, экологии жизни, нормативы содержания вредных веществ там и сям? Теперь мы дышим воздухом, в котором растворены почти все мировые языки, а скоро к децибелам звука присоединятся вибрация и касания, они не дадут нам заснуть в дороге или, не дай бог, попытаться скоротать время за чтением.

Но есть в этом польза. Я сомневался, уместно ли в наше время неограниченной "толерантностью" быть народником и националистом, ибо прежде всего (якобы) надо защищать *права меньшинств* – но разве русские не стали меньшинством в собственной стране, разве у меня кто-нибудь спрашивает, на каком языке писать вывески на домах и магазинах, на плакатах и даже на заборах? Возможно, в *«общественном парижском туалете еще и есть надписи на русском языке»*, но на улицах русских городов их давно нет.

И я вношу поправки в свой национализм, защищать надо не только детей бывших русских, но и всех русскоговорящих, по родителям национальность не определить, эта всеобщая ненависть к России и русскому языку распространилась как зараза сначала среди русских, а страдают все граждане бывшего Советского Союза, мы все живем в России и говорим по-русски, а следовательно, мы все русские (и узбеки и таджики и тем более евреи, у большинства из которых родиной как раз и является Россия, а не Израиль, это у русских, возможно, после их большевистской революции, родиной является *мир насилия мы разрушим*, почему они когда-то так легко бывшую родину и раздавали: Крым и Донбасс Украине; земли Казачьего сибирского округа Казакстану (он так назывался вначале), Одессу и «мать городов русских» снова Украине, и даже Константинополь, отвоеванный в ожесточенной войне с кайзером и Габсбургами, умудрились вернуть туркам...

Следовательно, единственный способ сохранения своей народности – внести исправления в *Русский национализм: русские* – это *все, кто говорит и мыслит по-русски* – поэтому мы все сообща обязаны сохранить Россию, и славяне, и евреи, и узбеки (включая моего знакомого, который *печет лепешки и копит деньги на русский танк*), и грузины (тем более что их чача не слабее русской самогонки), и цыгане (у этих мы научимся магии, а магия – это последнее оружие в борьбе за Россию)... англичане вдруг замолчали, надо скорее вздремнуть... нет, не успел, начали читать монолог Яго...

9-07. Только заснул, но поспать опять не успел, англичане закричали на своем языке: *Малая Вишера!* – хотя никто из них там не выходит... Вредный народ, это они поссорили нас с немцами и выгнали из России русского офицера Маннергейма, следовательно, они косвенно виноваты в смерти моего отца...

Русский национализм (народничество) – это учение не о крови и не о причастии кровью, а о языке и о *причастии русским языком и русской культурой*. Мы бы и Союз советских республик приняли, если бы он был советским, а не коммунистическим, если бы у власти был народ, а не пролетарии всех стран соединяйтесь, которым было нечего терять кроме своих цепей – вот они свои цепи и одели на нас, и стали мы жить при диктатуре как особой форме демократии (по Ленину). А Ленин не потому плох, что калмык и еврей, а что на русских натравил инородцев и Россию ненавидел, хотя и упрекал в "гордыне" великороссов...

4 ноября, суббота. Речь на Секции критики. Пушкин делил общество на аристократию и чернь, призывал не заискивать перед обществом: "*Поэт, не дорожи любовью народной!*" – и одновременно надеялся, что "*и долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал*" – аристократические духовные идеалы и потребность писать для всего народа возражали друг другу в его душе. У каждого серьезного писателя, пишущего не для развлечения толпы, такое же столкновение взаимоисключающих желаний. Великий физиолог Ухтомский выдвинул концепцию "достойного собеседника", и мы по существу все нуждаемся в близком нам собеседнике или в нуждающемся в нас читателе. Ибо пишем мы не для самовыражения, не только для самовыражения, в нас еще действует учитель и редактор, мы стремимся мир поучать и изменять, "редактировать", и в нас живут пророк и революционер, ну, в крайнем случае крестьянин, который ежегодно распахивает свое поле и не смиряется с той травой, которая бы произросла на нем "по воле господней", а возвращает полезные злаки, которые нужны ему для собственного пропитания и пропитания его семьи. Вспахивая поле, украшая жилище, изменяя общество и литературу, мы создаем вместе, крестьянин и поэт, **культуру**, и не преувеличением будет сказать, что мы живем в культуре и для культуры. Нет ничего более противоположного, чем монах и писатель, нет ничего более взаимочуждого, чем *христианин, повинующийся призыву не заботиться о завтрашнем дне, – и крестьянин.*

Стремясь изменить мир и народ к лучшему, из хаоса создать гармонию, мы не стремимся всех сделать одинаковыми, не стремимся превратить читателей в единомышленников, сделать общество одномерным, и человека, по призыву Достоевского, *создать* – нет, мечтаем мы о *достойном собеседнике*, хотя бы он был нашим критиком или врагом, то есть человеком широким.

Но мы остаемся в одиночестве, и в этом наша трагедия.

Наш журнал – это полемическая трибуна, это ристалище, это обмен мнениями, это соединение разнородных молний и красок в яркую радугу. Мы, вероятно, согласимся в одном: если вся Истина уже найдена, то что же еще надо искать и о чем томиться, и зачем писать книги, не надо ли оставить мечты об исправлении мира и пойти в пустыню исправлять самого себя? Но мы еще пишем, мы еще даже читаем, мы еще и вдохновляем друг друга, и мне, противнику и христианского бесплотного царствия на небе после смерти, когда мы станем листьями на Древе Господнем, и противнику коммунистического бесплодного царствия животной радости на земле во всеобщем муравейнике, то есть противнику обоих царств, ненавидящих и отрицающих Личность; к тому же противнику и либерального индивидуализма и жизни только для себя самого, – дороги вы все, ибо что бы вы ни заявляли в пылу полемики, но вы остаетесь индивидуальны (иначе бы вы не были писателями), и вы соединены во всеобщее – иначе бы вы не мечтали изменить мир (по крайней мере как авторы и читатели нашего журнала).

... Но приходится добавить еще несколько слов, рискуя стать тяжело-весным. Если бы я был только писателем, то, может быть, выслушал мнение сначала первого читателя, редактор ли он или случайный слушатель, и затем, возможно, что-то в своих сочинениях исправил; если бы я был только

редактором, выслушал бы мнение тех авторов, которых я исправляю, и затем, прислушавшись к их мнению, что-то, на что бы они согласились, в их сочинениях тоже исправил; но я и писатель, и редактор, и издатель. Как писать, как редактировать, как издавать и журнал и мои сочинения, захотел я узнать у читателя, и вот оказалось, что всё в журнале надо переделать, и издавать под названием «Из жизни пчел и растений», и издавать в виде альбома или справочника, а лучше совсем не издавать, потому что уже много хороших журналов, на все вкусы, и пусть авторы печатаются в тех журналах, которые им больше нравятся, монархисты в журнале монархическом, либералы в либеральном, коммунисты в журнале «Гюрма и казарма как идеальная архитектура будущего», а христиане в альманахе «Великий инквизитор».

Но нужно ли подстраивать журнал не только под мнение толпы, кою, возможно, составляют собою читатели, но и под мнение аристократии, кою, возможно, являют собой писатели? Возможно ли найти меру, которой можно измерить отношения редактора и критика с теми, которых я критикую и редактирую? Я обычно был осторожен в исправлении чужих творений, и у писателя Ал-ва не сумел убрать даже лишний по моему мнению, союз **И**, в то время как Бунин собирался втрое или вчетверо сократить Льва Толстого (а есть даже целая страна, сплошь состоящая из отчасти подобных ему, и они издают всех писателей, даже многотомных, в карманном формате.)

Но как все таки надо издавать журнал, трудно узнать у читателя (исключая пасечников и пчел), и издание мое обречено на провал.

Заодно уж выскажу одно замечание по поводу *авангарда* и неканонических отклонений в искусстве и литературе, включая *заумь*. Некоторые авторы сетуют на недостаточность языка и грамматики для выражения и изображения своих мыслей, чувств и состояний (которые, правда, с успехом могут быть выражены в живописи, театре, музыке, зодчестве и ваянии, почему я и думаю, что языка и грамматики достаточно для передачи всего того, что присуще мысли, а когда недостаточно, надо продолжать взбираться в гору по пути совершенствования, и тогда станет ясно, что и женщина говорит на том же языке, что поэт, и Бог разговаривает с пророком на языке, который является и ангельским и человеческим вместе. Надо поэту стать и женщиной, и ангелом, музыкантом и живописцем, и слово станет звуком, краской, мрамором и всякой плотью. Другие в своих попытках передать нечто необычное уходят слишком в сторону, вызывая раздражение и непонимание тех, кто говорит, *соединяя слова*, хотя бы и *в наилучшем порядке*. Математик разъясняет: Множество состоит из элементов, обладающих некоторой общностью. Но у множества есть граница, элементы которой несколько отличны от других элементов множества. Не возбраняется эти элементы присоединять к целому, однако на страже порядка должен стоять вкус, за отсутствием одного хотя бы цензура. Ну, например, принадлежит ли к искусству «Черный квадрат» Малевича? В такой же степени, как окружность принадлежит к кругу: каждая точка круга всегда внутри, а каждая точка окружности всегда как-то сбоку, поэтому точки окружности **и** принадлежат и **не** принадлежат к кругу. Вот так же двойственно воспоминание по

отношению к действительной жизни или сон в отношении к реальности: полнота действительности достигается соединением и сна и яви, но если мы напишем роман, состоящий из одних снов (хотя бы и Веры Павловны), то создадим несколько иллюзорную действительность... Впрочем, редактору еще труднее: однажды я допустил в статье о богоматери иллюстрацию, в которой она сидела рядом с Иосифом на чем-то, напоминающем ложе, с трудом Розанов отбил меня от толпы фанатиков, волочащих меня на костер, приняв вину на себя. Посему я и не буду больше писать программ для журнала, не буду задавать ему *направление*. По моему мнению, у нашего журнала, отказывающегося от направления, есть свое строгое направление, он и не христианский, и потому **не** продолжает *духовные традиции* ни в литературе ни в истории, потому что мы еще не выяснили, есть ли они и что это такое; ни коммунистический, ни либеральный, ни тем более *толерантный* – свят, свят, свят... Наш журнал *почвеннический*, язык у него русский, дух тоже (*здесь Русью пахнет*), он, грубо говоря, *народнический* (уж так ошельмовано ныне понятие *национализма* теми, у которых ни пола ни национальности, что я с дрожанием в руке пытался набрать это слово); но он, не подпевая русофобам, не поёт и в горячечном хоре псевдорусофилов, православных и коммунистических, преимущественно *казенных*.

Ну и хватит обо всем, надо собираться на костёр, уже хорошо разгорелся. Просился на плаху, говорят, не достоин, только огонь, истребив меня до пепла, очистит вполне...

... Прочитал сию речь читателю, все его в ней раздражило, и то, что я говорю о самом себе, и что не предлагаю стройной программы из нескольких пунктов, и что призываю высказывать разные и даже взаимоисключающие точки зрения... Все таки, резюмировал читатель, журнал по пчеловодству был бы полезнее. Я пытаюсь защитить жизнь и культуру от вытеснения их уже теперь воскресением загробного царствия, которое еще не наступило, защитить даже разнообразную жизнь и культуру – но ведь и огород может зарости одною крапивой (жизнь ли это?), хотя толпы будут требовать хлеба; и культура может ограничиться "садом камней" и "боем быков", а та же толпа будет требовать еще больше зрелищ, и одних только зрелищ (хотя бы и в утонченной форме "совокупности образов" и *игры в бисер*).

Но даже и в той среде, в которой мы существуем, почти никто ничего не читает (а еще 30 лет назад, где бы мы не были в гостях, разговор заходил о книгах, часто читали мы одновременно одно и то же, словно вымокали под одним дождем, вот только что пролился у нас на Гражданке, а пока ехали, туча уже успела передвинуться на пр. Ветеранов...), у Наташи М. полки ломились от изданий, посвященных европейской литературе, театру. кино, у Г--ких наука, поэзия, русская литература, у Юрия Борисовича полки ломились от всего на свете, тут и книги, и пластинки, и стагуэтки, и граммофоны, не было только, кажется, копий египетских пирамид – вот так мы жили, потонувшие в море культуры, и жизнь наша была изумительна! Что же это за смерч, который смел всю культурную почву душ и засыпал их песком? Что же это за землетрясение, покосившее строение душ и тел, наши улицы и

дворы, что же за моровая язва, выморившая мир догла? В театр никто не ходит (я об этом не слышу), в филармонию тем более, в концертный зал, на выставки, на литературные и музыкальные вечера... Чем же все эти люди живут? А ведь многие из них что-то производят и в области творчества, пишут стихи и книги, рисуют, танцуют, лепят и играют... словно мы только вдвоем с моей верной подружкой жизни слушаем музыку и читаем книги, то есть *живем*... А христиане тем временем даже на том пепелище, в которое обращено пространство культуры, вопиют: *Распни культуру! Она внушена человеку демонами! Читай Священное Писание* (но и то, – как о том пишет Лесков, – Ветхий Завет читали только с позволения батюшки, православные до середины 19-го века его практически не знали); читай святоотеческие предания и Жития святых и писания некоторых отшельников, например, «Письма о девстве», «Моление Даниила-Заточника», «Лествицу» Иоанна Лествичника, ну еще, вместо литературы, преподобных иерархов, например, Игнатия Брянчанинова (читай *со слезой*, особенно о ненависти к любви, происходящей от движения крови, ненависти к чести и достоинству), читай Победоносцева (забудь слова Блока о его *крылах, простертых над Россией*, да и самого Блока забудь), читай Иоанна Кронштадтского, из поэзии читай, вместо Пушкина, стихи митрополита Филарета, к Лермонтову не прикасайся, у Гоголя оставь только "Избранные места из переписки", ни в коем случае не читай ни Евклида, ни Коперника (математика внушена бесами, художественные творения, любовные «стишки» (как презрительно их назвал прозревший Толстой), не читай, ни романы, ни драмы, в театр не ходи, тем более на балет, читай, конечно, евангельские сайты о необходимости *распятия и умерщвления любви, души, плоти*, стяжай вместо них дух святой, о завтрашнем дне, **родине**, природе, благоустройстве городов и сел не думай, о работе и творчестве в евангелии не говорится, так что питайся акридами и диким медом, да *Бог и сам знает, в чем у вас нужда*, и пошлет, что надо, дорогих могил тех великих мужей и жен, которые были сожжены или растерзаны христианами и их коммунистическими сектантами, не посещай (Гипатии Александрийской, Жанны Д*Арк, Джордано Бруно, Сервета, Николая Гумилева, Николая Вавилова... несть им числа), да и вообще *оставь мертвым хоронить своих мертвецов*... Не правда ли, читатель, ты ощутил запах тления, есть ли в этом запахе что-то от будущего *Воскресения*? Да и не страшно ли воскреснуть с вечно молящимися и скорбно опустившими глаза? Как и сидеть в одной камере (хотя и с *ворами* невольному тоже, я пробовал...)

Вчера мы слушали в Актовом зале симфонию Шостаковича «1917» и «Пятую симфонию» Бетховена, воистину те, кто не слушает музыку – а великая музыка подлинно «музыка небес», как и поэзия – живут аки спят во гробе.

Христианский идеал человека – словно идеал мертвеца или мумии, богобоязненного, узкообструганного, лишенного почти всех человеческих чувств и радостей, коленопреклоненного не только перед небесными силами, но и перед всякой земною властью, не покушающегося изменять что-то в мире ("не нами поставлено, не нам и *переделывать!*"!), не покушающегося сопротивляться болезни и смерти (Бог дал, Бог и взял), даже испытаниям и скорбям радующегося (*по грехам нашим всякое наказание наше*, даже малым деткам –

как о том пишут Достоевский и Розанов, один принимая, другой негодуя) – это идеал человека, мумифицированного при жизни, идеал «прижизненного освобождения от жизни», от человеческих чувств и радостей, родовой любви, рождения детей, это стремление остановить не только собственную жизнь, но и остановить жизнь на земле вообще.

Но помимо человеческой личности существуют еще семья, род, общество, народ, их жизнь, их бытие во времени называется **историей**.

Частностями отдельной человеческой жизни являются события и происшествия, возмужание, образование, любовь, создание семьи, воспитание детей, дружба, работа и творчество, участие в исторической жизни народов и государств – все эти частности христианством отрицаются, кроме рождения (как следствия грехопадения и порока, праведники и святые не рожают детей), и смерти (к которой церковь спешит прикоснуться, соучаствуя в прощении – словно бы и скорбя, но и сорадуясь, ибо, наконец, "*ныне отпущаает Господь раба своего*" в вечную обитель с этой ненавистной грешной земли). Нет, христианство не только останавливает жизнь, но оно пропитывает и мир и жизнь ядом отрицания и ненависти. По существу, христианство стремится очистить жизнь от самой жизни, от ее чувств (любви и семьи особенно), от труда и творчества (монах должен жить в пустыне или в монастыре за счет остального мирского народа), от культуры (заменяя культуру на молитву). Но – диалектика и здесь – даже власть так не вмешивалась в частную жизнь, как христианская церковь, подслушивая каждое слово и каждое движение, регламентируя их, и призывая даже в постели совершать "*благопристойные движения*", Иоанн Златоуст. Так же вмешивалась в частную жизнь коммунистическая церковь, регламентируя одежду, моду, танцы и встречи.

Частностями **истории**, то есть жизни народов, являются *исторические события*, своего рода *знаки и вехи движения времени* – христианская церковь заменила историческое время годовым циклом церковных праздников, посвященным событиям земной жизни Бога-сына, то есть остановила время.

«В МИРЕ НАОБОРОТНОМ». 1. "*По делам их узнаете их*" – говорил Христос. Но если его учение относится к перевернутому миру, так что Бог-отец велит "плодитесь и размножайтесь!", а ему в ответ: «даже не прикасайтесь к женщине!» – то надо рассмотреть пары противоположных утверждений, всё ли в них плóхо? Всегда ли мы можем оценить *дела*? Вот уже триста лет прошло со смерти Петра Великого, а мы до сих пор спорим, благо его царствование или зло, надо ли было прорубать окно в Европу, или даже все щели законопатить, как большевики? Надо ли было насаждать культуру или даже последние книги сжечь, на чем настаивают христиане? К счастью, о Пушкине почти нет разногласий, и каждое его слово можно выбить на памятнике, даже сказанное впопыхах или между прочим. Слова можно рассмотреть и оценить немедленно, как только мы их услышим или прочитаем, в немногих случаях требуется время, которое открывает завесу (если таковой завесой истинный смысл сих слов был скрыт, как, например, в словах доноса или клеветы...)

Итак, "по словам или делам" узнаём мы правду или ложь христианской церкви (и в чем из них находится дьявол)? Увы, во всяком мифе (так и в марксизме), и дела противоречат словам, и слова противоречивы. Правда, в первые два века становления христианства Символ веры исправлялся на Всемирных соборах (и уже никак нельзя утверждать богодухновенность Символа веры), и Священное писание двести лет исправлялось. Но если коллективное богословие переименовало Миф, переписало роман, о достоинствах или недостатках которого должен высказаться новый "Иванов-Разумник", то вопрос Розанова, сказанный на ухо Мережковскому (*А ведь Он Денница?!, прости меня, Господи!*), не грех повторить уже внятно и вслух, и не только по отношению к Христу, но по отношению и к его наместнику, которым в легенде Ивана Карамазова (или Достоевского) является Великий Инквизитор. Галиматью об искушении Христа Духом пустыни, о преодолении искушений, о любви учителя к слабому и ничтожному человеку и о заблуждении учителя (по мнению Инквизитора) в этом отношении можно оставить в стороне, я об этом уже более чем достаточно написал. Хотя Инквизитор (у Достоевского) и утверждает, что церковь исправила христианство, но вопрос Розанова остается в силе – так не внушено ли Учение Денницей (ибо и сам Учитель говорил, что явится еще некто, и назовется Христом, но будет антихристом)? Таким образом, традиция позволяет анализировать христианский миф, не боясь обвинений в богохульстве. Я не сомневаюсь, что бытие создано Богом, и живу в мире, им созданном, этот мир пытаюсь постигнуть, а также пытаюсь постигнуть Создателя; но не соглашаюсь с теми, кто утверждает, что Бог только им дал знание Истины и повелел от его имени проповедовать, ибо во всех этих проповедях многое сомнительно и не служит возвышению Бога в наших глазах. Что из евангельских слов принадлежит Христу, я не знаю, был ли он сыном Божиим, мне тем более не известно (говорю, как осторожный еврей). Но все сие относится к предъистории Мифа, история же начинается в то мгновение на дороге в Дамаск, когда Савл, гонитель христиан, увидел Того, кто сказал о себе, что он Христос, и от кого он получил повеление проповедовать христианское учение всем народам, не только евреям (но позже оказалось, что надо его проповедовать всем **кроме** евреев).

Далее мы будем сравнивать слова и дела, и увидим, что слова и дела нередко противостоят друг другу.

Освобождаясь от марксизма и христианства, я не только совлекаю с своего "душевного тела" остатки сих истлевших на мне учений, но ищу понимание кризиса, который переживаю вместе с Россией. Русскую историю я постигаю, как узник простукивает стены тюрьмы: что здесь *не так*, где покосилось и обветшало, так что только известка скрывает расщелины и проемы.

Богом-Отцом Российской истории были, как известно, варяги, Сыном Божиим явилось христианство, усыновленное Русью (как произошло на заре христианской истории в Риме), а духом святым... если верить Пушкину, что все же *"здесь русский дух и Русью пахнет!"*, являлся **«русский дух»** – живущий в памяти, обычаях, сказках, былинах, в пословицах, поговорках, загадках, в протяжных печальных песнях – и во всем великом русском языке!

Но тогда что же такое Русская двуглавая революция? Она – жестокая моровая болезнь, землетрясение, геологический сдвиг в толще исторической жизни? Или собственное народное извержение, наводнение или пожар, как и Великая Французская революция, и одновременно *инородческое восстание*, своего рода Российская Вандея (и в революции и в контрреволюции, – по стихии, хлынувшей в нее, **ОТ** инородцев и полуинородцев, китайцев, молдаван, "лиц кавказской национальности", татар, украинцев, поляков, казаков, петроградских солдат и матросов и городских и местечковых евреев... **ДО** казаков, донских и кубанских, и армейского офицерского корпуса. *Русской, в Пушкинском смысле слова, то есть Бунтом, эта революция попыталась стать в Кронштадтском мятеже и в Тамбовском крестьянском восстании.*

Этим летом в деревне я видел, как смерч, несущийся вдоль деревенской улицы, гнул и ломал деревья у домов и на огородах, и ломал он их потому, что Больная Россия выпилила и увезла на Запад леса Новгородской области да и всего Северо-запада, некому и нечему было сдерживать буйный ветер, и это типичный *русский смерч*, хотя в порывах ветра перемещаются массы воздуха, а не мы, русские случайные городские обыватели умершей деревни несемся и задеваем за кроны деревьев. Метафизика явления должна чувствоваться интуитивно, нелепо взрослым школьникам объяснять, что сколько бы среди революционеров не было еврейских авантюристов, кавказских разбойников, немецких аристократов, проституток и иностранных авантюристов, но это Русская революция, иначе бы она истлела как негодный кафтан на бродяге и сползла бы с него лохмотьями – и хотя она все же и истлела, и сползла – но почему то русский народ, безучастно глядевший, как вчерашние комсомольцы распилили и вывезли на Запад СССР и Россию, так цепко держится за его ключья. И хотя Российская империя тоже истлела, и силами инородцев была разодрана, – но, значит, внутри еще ствол был крепок, рано ей было падать, и в форме СССР она полу-возродилась и простояла еще семьдесят лет.

Семнадцатый год был потрясением более мощным, нежели даже Смутное время и Нашествие Наполеона (и двенадцати языков) в 1812 году, и все же это мощное потрясение изменило только форму, но тление продолжалось, **империя** была слишком всемирной для *Русского культурно-исторического типа* (по Данилевскому), русский дух она не вмещала, а в советское время в особенности, и сегодняшнее судорожное хватание за ее лоскуты советских и православных патриотов – это не влечение к ней русского духа, подлинно русским на подмостках новой истории должно явиться **русское народничество** (или *просвещенный русский национализм*, характерной особенностью которого является защита униженных, а не противопоставление и размежевание).

Если Российская империя рухнула, не отвечая в полной мере запросам русской истории и культуры, запросам русского культурно-исторического типа, то ведь и христианство не являлось выражением русского духа, более того, мне теперь ясно видится, что оно ему противостоит, и не евреи его низвергли, не только евреи, но сначала буржуазная революция, а затем коммунистическая.

По отношению же к Империи большевистская революция оказалась двойственной, она ее и разрушила, она ее и возродила (в новой, но исторически нежизнеспособной форме, ибо советская империя была по существу антирусской и поэтому она добивала русский народ.). Но ужас современной русской истории состоит в том, что мы присутствуем при заключительном третьем акте драмы – окончательной гибели России и русского народа.

Роль еврейства в событиях истекшего столетия объясняется характером еврейского народа. Как уже сказано, это *народ-церковь*, собственной религией которого является иудаизм, и именно поэтому христианский мессия хотя и приходил к евреям, но был ими отвергнут. Утратили себя как народ-государство, они превратились в *народ-в-рассеянии*. С этого времени проявилась основная тенденция еврейского духа – эманация его в чужие верования и культуры. Когда же на смену христианству пришел капитализм и идеология индивидуализма, а затем марксизм, евреи, оставаясь приверженцами своей народной религии, стали апостолами и этих новых религий, как до этого были апостолами христианства. Но все сие не делает ясными мои рассуждения.

31 декабря 2017, воскресенье, 7-39. Вчера был ужасный день, с утра прошел слух, что к нам едут бандиты, и мы с женой побежали прятаться на улицу. Через два часа прозвучал отбой, я вернулся домой, но долго не открывалась дверь.

Легли спать около двух, сначала спал крепко, в половине седьмого начались "сомнения". Сначала пытался заснуть, потом встал, сделал зарядку, принял лекарство, сел за компьютер. Я, видно, точно *дошел до ручки*, пишу «Исповедь», написанное исправляю и буду писать еще. Та книга, которую я писал о христианстве как «Книгу окончательного разрыва», войдет в эти записки, также Воспоминания и Записки о России и ее испытаниях.

Я из суеверия боялся Исповеди, боялся, что читатель решит, что я прощаюсь с жизнью и подвожу под нею черту... Нет, это ожидание поезда в неизвестное будущее. Я еще жив, даже издаю журнал, и если не вмешаются в нашу жизнь вредные обстоятельства, попытаюсь еще дожить до лета, вырастить урожай, закончить ремонт дома и бани, но продолжать и литературную жизнь, издавать журнал, совершенствовать Сайт.

Ну, вот, надо жить дальше, как жил до сих пор, но вести себя благоразумно.

Восемь часов утра, "сомнения" уже не так горестны, *перечитываю и "исправляю" прошлое*. Скоро проснется жена, позавтракаем и займемся дневными нуждами. А затем будет встреча Нового года, и про "сомнения" я забуду...

ХРИСТИАНСТВО КАК НЕОТВРАТИМОЕ И ЗАГАДОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ВВЕДЕНИЕ

Спор с **учением** должен быть сосредоточен на некоторой центральной идее учения, и математикам это яснее всего. Но в чем состоит центральная идея, или истина христианства? В чем его сердцевина? До сих пор я и пытался ее найти и ей возразить, но теперь окончательно понял, что такой сердцевины нет, в нем *многое важно, но ничто из важного его не исчерпывает*. Поэтому я перечислю сначала все те идеи, которые как будто являются центральными для учения, и каждую мы затем рассмотрим детальнее.

1. *Был ли Христос Богом*, Сыном Божьим, был ли он тем Мессией, Спасителем, о котором говорится в «Ветхом завете», и которого ждали евреи? Или был он одним из небесного воинства, архангелом, Люцифером, Сатаной, Антихристом – то есть "противобогом" или "вместо Бога" (ибо греческий предлог *анти* имеет два значения: *против* и *вместо*)? Если же он не был Богом или небесной (божественной или дьявольской) силой, то был ли он обычным *человеком*? Последнее требует тоже подробного и не однолинейного рассмотрения, поэтому о втором поговорим вслед за первым.

Иисус из Назарета, сын Марии и пасынок плотника Иосифа, родившийся в царствование Ирода, **предсказан** в Ветхом Завете (который только для христиан является Ветхим Заветом, а для иудеев Библией), и полно (ил нет?) представлен в Новом Завете. Для христиан сын Марии и есть тот *Мессия* (Спаситель, *Христос* по-гречески), который предсказан в Библии, и о котором как о ветхозаветной фигуре говорится в стихах Александра Блока. Для евреев же их Мессия, упоминаемый в Библии, еще не пришел, и это не Христос евангелий, новозаветного Христа они отвергли как обманщика, и даже распяли, предсказанного же и обещанного им они еще ждут.

Христиане верят, что Иисус Христос – это Сын Божий, но еврейская Библия так определенно сыном божьим его не называет, в ней один бог, Яхве. Вероятно, некоторые места Библии можно истолковать как утверждения о грядущем пришествии Сына Божьего, как это и делает апостол Павел, но еврейские богословы отвергают такие толкования. Учитывая еще, что ясных и точных исторических свидетельств о том, что Христос родился, проповедовал и был распят, нет, закономерно поставить вопрос: действительно ли происходили описанные в Новом Завете события, действительно ли существовал Иисус из Назарета, назвавший себя Сыном Божиим, и был ли он Богом (Христом), был ли он человеком, а следовательно обманщиком, или Антихристом (противобогом), или он был *вместо бога*, выдающим себя за бога (как множество "христов" появлялось в последние две тысячи лет, и чуть ли не на днях появлялась "Мария Дэви Христос из Белого Братства").

2. *Или Христос был человеком*? Так считают атеисты, что Христос – человек, ставший героем религиозного мифа. Придерживаясь иудейского единобожия (оно мне кажется более обоснованным), отмечая во множестве

сомнения самого Иисуса в том, что он сын Божий, я тоже склоняюсь к тому, что Иисус из Назарета, сын Марии, был человеком, постепенно уверовавшим в то, что он Сын Божий. Эта версия правдоподобна и многое объясняет в характере христианского учения, гораздо более, чем все другие, и при этом я полагаю, что человек, выдавший себя за Христа, *спасителем* был не большим, чем Марк и Ленин.

Другую версию выдвинул Розанов, что Христос был Денницей, и она мне тоже кажется основательной.

3. Многие атеисты считают, что Иисус из Назарета – всего лишь герой христианского мифа. Этого героя в таком случае объяснить труднее, но такое предположение я тоже не отвергаю, тем более что двести лет продолжалось редактирование литературных свидетельств об Иисусе Христе, и две тысячи лет продолжается плодотворное создание новых мифов, связанных с его личностью, так что даже возможный и подлинный прообраз христианского эпоса должен был стать мифом.

Итак, что такое Новый Завет: Исторический документ, Воспоминания, Философско-религиозные рассуждения, Миф? Да, это Миф. (А Легенда о Великом инквизиторе Достоевского – своего рода *атокриф*).

Если в критике христианства исходить из того, что Иисус из Назарета – человек, вообразивший себя Сыном Божьим, такой же создатель религиозной системы, или Учения о жизни, как Конфуций, Будда, Лао Цзы (даосизм), Мухаммед (ислам), Дарвин и Маркс, то положение критика становится легче, не надо будет оглядываться на Уголовный кодекс, охраняющий определенные священные мифы, не надо будет оправдываться перед Инквизицией, привлекаящей к костру и суду за каждое неосторожное слово.

Впрочем, он мог быть если не сыном Божьим, то все же небесной сущностью (в частности, Розановской Денницей), – однако, я останавливаюсь на той версии, что Иисус был человеком, отца которого мы не знаем, родила его в Назарете Мария, отданная в жены Иосифу (когда обнаружилась ее беременность), воспитывался он в правоверной еврейской семье, проповедовал, постепенно уверовал в свою божественность (тем более что обладал некими необычными способностями), был осужден и распят.

Воскрес ли он? Воскресение входит в сердцевину учения, поэтому ученики его создали *Миф о воскресении*. Но нельзя исключить версию, что его мнимая смерть была лишь бессознательным состоянием и он пришел в себя после ранения (как это часто бывало на войне), или что была подкуплена стража, и поэтому копье стражника пробило его грудь рядом с сердцем; или что был целый заговор, направленный к тому, чтобы сохранить ему жизнь. В Новом Завете говорится, что противники Христа предполагали, что он хотя и умер, но его тело украли его ученики.

Многое уже из известного невидимо, и новых свидетельств тому, что было на самом деле, уже не будет. Мы даже не можем быть уверены, что рассказ о его смерти и воскресении не был написан еще прежде, чем он был распят (если Иисус действительно существовал). Возможно, что уже существовало некоторое подобие церкви ко времени его распятия. Во всяком

случае, как мы знаем, уже существовала община его учеников, уже были у них многочисленные последователи и сторонники. Зная, как быстро появлялись и возрастали в ту эпоху секты в иудаизме, как быстро появлялись и возрастали секты потом и в самом христианстве, зная, что апостол Павел в самом начале своей деятельности уже имеет дело с общинами христиан (будущий идеолог христианства еще не создал идеологии, а множество христианских общин уже существовало или появлялось – иначе кому же он после писал свои Послания?), этому удивляться нельзя.

Итак, повторяю, вполне вероятно, что Иисус, сын Марии, стал бродячим проповедником одной из иудейских сект (их было немало), приобрел популярность, сформулировал Учение о Спасении (вместе с учениками... и несомненно, что Павел играет в этом Учении важнейшую роль, обосновывая его в рамках сначала иудаизма, затем оправдывая и отпадение от иудаизма), был распят (не важно, как я уже сказал, если это всего лишь миф, сегодня нет и Маркса, да он и не бродил по городам и весям, а учение его «было верно, потому что всесильно... или наоборот»), возможно, не было даже Шекспира, а пьесы его идут на всех подмостках всех театров мира, нет и Евклида, а миллионы школьников доказывают его теоремы – и вот уж в их справедливости мы никогда не усомнимся, и даже я, спорщик и "книжник", "книжник из книжников", как сказал про меня апостол Павел, опровергать их не буду!

Глава первая.

Христианство истинно, потому что всесильно

Очевидно, что христианство оказалось всесильно уже в первые века своего становления, было всесильно и в последующие полторы тысячи лет, и если это достаточное доказательство его истинности (*по Ленину*), то оно истинно. Но оно истинно и само по себе, ибо так сказал тот, кто в основании сего учения. Есть многое в образе жизни, что растет и процветает, и бессмысленно даже рассуждать на тему, истинно оно или нет. Мне не нравятся одуванчики, но каждую весну они засевают мой огород. Себе они нравятся. Мне не нравится «шведская семья», однополые браки, скопцы и монашество, мне не нравился марксизм и социализм (правда, социализм, особенно с тех пор, как нами стали владеть олигархи, мне постепенно начинает нравиться), мне не нравятся надстроенные этажи над старыми петербургскими домами, но они нравятся и олигархам, которые их строят, и продавцам, и покупателям, предпочитающим смотреть на старый город из этих верхних этажей (им невдомек, что уже через десять лет старый город будет так обезображен, что их дети начнут вешаться от тоски на бельевых веревках)... *все властное всесильно, а потому истинно*, ибо истинно все, что властвует, и даже Христос, взглянув на портрет кесаря на динарии, понял, в ком истина, и велел динарий отдать его владельцу.

Все, что сегодня неотвратимо происходит в мире, вызывает во мне ненависть и презрение, я уже мечтаю как о волшебном сне человечества о крепостном праве в России, как было, скажем, в двадцатые - сороковые годы 19-го столетия, и пусть я буду крепостным крестьянином и буду работать на помещика три дня в неделю, весной вспашу и засею поле под голубым

русским небом, летом скошу траву на лугах, вдыхая запах цветущей гречихи, осенью соберу урожай, зимою займусь извозом. Или пусть я буду тот *ямичек обратный*, которого воспел Некрасов, или крестьянский недоросль, пошедший с обозом в Москву, коробейник, пасечник, огородник... Что проливать слезы над бедной участью русских крестьян, если у всех у них были лошади и коровы, и всякий, кто не страшил труда, растил не менее трех сыновей, пил колодезную воду, дышал чистым воздухом – или они были заморены непосильным трудом? Не бывало непосильного труда кроме как в социалистических лагерях, в окружении которых прошло мое детство. И я сам всегда неустанно трудился и сегодня провожу за компьютером не менее 12-ти часов ежедневно, косить сено и пилить дрова **не** тяжелее (этим я занимаюсь тоже).

Итак, я не могу доказать, что христианство неистинно, я слушаю музыку Баха и Бетховена, Чайковского и Скрябина, Рахманинова и Шостаковича, многие не слушают музыку вовсе, большинство жаждет хлеба и зрелищ и слушает *музыку стадионов*. Общество, способное соединить и то и другое, мне нравится больше того, где за нечаянно произнесенное слово сжигают на костре или отправляют в лагерь, но я не смогу доказать тем, кому это нравится, что это плохо. *Бог им судья*. Если бы люди, подобные мне, обладали властью, то, что я теперь пишу, было бы понятно многим, мало было бы тех, кто бы мечтал о средневековье и тирании, и проклинал "книжников и фарисеев". (Как пишут еврейские историки, последних характеризует следующий афоризм: «кто, как не учёный, имеет приоритет над невежественным Первосвященником?»)

(Кстати сказать, один наивный школьник однажды спросил меня, не может ли так быть, что Иисус Назаретянин плохо учился в школе и именно поэтому не любил книжников и ученых?)

Глава вторая. Единство противоречий

В математике основным методом доказательства несправедливости того или иного утверждения является рассуждение, приводящее к противоречивым следствиям из этого утверждения – с этой точки зрения Новый Завет (как и Библия в целом) изобилует и противоречиями, и парадоксами, и нелепостями. Я их не буду напоминать, читатель Библии и сам с ними столкнется. Но и в каждом художественном произведении, в отличие от учебника математики, таких противоречий и нелепостей уйма, даже можно догадаться, что они для чего-то нужны (не буду объяснять читателю парадоксы художественности), ведь и человек соткан из противоречий, и даже если бы Иисус Христос был и действительным Сыном Божиим, вочеловечившись, он должен был усвоить и противоречия человеческого существования и характера. В евангелии от Марка долго рассказывается о том, какова родословная Иисуса Христа, при этом речь идет о происхождении Иосифа, отчима, но не матери, передавшей Христу свою кровь (или наследственность существует только в отношении человека, но не «сына человеческого», как часто говорил о себе Христос?)

Противоречия и парадоксы христианские богословы, как правило, стремятся истолковать и объяснить, что мне показывает исключительный земной характер

этих объяснителей, то, что именно они являются истинными фарисеями (фарисеем был и апостол Павел до того, как стал христианином).

Почти ничто из этих противоречий не важно для веры или неверия в Бога, для веры в Сына Божия. Все они связаны мистической логикой повествования в художественно и логически нерасторжимое единство.

Но *единство противоречий* относится не ко всяким противоречиям, нельзя говорить о единстве добра и зла. Замечательный пример того, как соединяется разделенное и разделяется неразделимое, мы находим в следующем высказывании Христа:

«Надобно, чтобы в мир пришло зло... [Вот оно и пришло. Разве хорошо, что оно царствует в мире? Разве хорошо, что могущественный Бог не воспрепятствовал его приходу?] ...но горе тому, через кого оно приходит!»

И понимающий понимает и неотвратимость зла, и его противостояние добру, и их онтологическую соединимость и несоединимость (и нелепо читать о том, что *зло лишь недостаток добра* – это богослов, стремящийся исправить логические провалы и бездны мироздания, стремящийся "оправдать" Бога – словно Бог нуждается в его оправдании – наносит на зло косметический румянец, отменяя и дьявола и грех, отменяя заодно и добро, ибо если зла нет, то нет и добра!) (А даже Достоевский отчасти это понимал.)

Естественно, что Новый Завет изобилует противоречиями, даже смоковницу, на которой не было плодов в неуточное время, нелепо было обречь на смерть и засушивать – но мне это напоминает то, как отец ударил своего сына на свадьбе дочери; мальчик заплакал, и отец сказал ему: «прости, я несправедлив, но я хочу, чтобы ты запомнил этот день на всю жизнь. А ничто не запоминается так сильно, как несправедливость». Вот так и притчу о сухой смоковнице мы уже не забудем, ибо обвинена она несправедливо.

И таковы же слова апостола Павла о любви, о том, что *любовь долготерпит и не ищет своего...* Более нелепых слов о любви трудно сказать, и тот, кто хотя бы однажды сходил от любви с ума, в чьих венах течет кровь, а не елей или мирра, чья плоть живет или тщится под трепет и бурю сердца, а не под одно лишь потрескивание церковной свечи, мне возражать не будет. Но всякий, переживший любовь, уже не однажды переживал и жизнь. Прощаясь с близким, мы *лишь тогда* узнаём воистину, а *не через тусклое стекло повседневного быта*, что любовь только тогда и была собою, когда она *безгранично терпела и когда соглашалась на всё*.

Итак, читатель, я ничего не буду доказывать, я приму все противоречия и все несовместимости, ибо таков человек, такова и жизнь.

Но я не спешу принимать смерть раньше, чем кончится жизнь. Я родился для того, чтобы жить, хотя я и знаю, увя, что, возможно, умру (как видишь, я еще оставляю себе лазейку). Поэтому я не принимаю христиан, которым Христа достаточно и жизнь им уже не нужна, не принимаю и Христа. Возможно, они правы (в своей неевклидовой геометрии линий, пересекающихся в бесконечности), – а я еще надеюсь увидеться с *нею* здесь, в нашем конечном мире. Все их противоречия оправданы, но оправдан и я – а далее мы посмотрим, так ли это...

Глава третья.

Что такое любовь? «тварная она или право имеет?»

Раскольников полагал, что человек, как ему это виделось в условиях тогдашней христианской действительности, осужден быть «тварью дрожащей», и он взбунтовался, бунт этот он продолжил за всякие разумные пределы, но, как он думал, в *пространство трансцендентной свободы*. Что из этого вышло, не совсем ясно. По замыслу Достоевского, в спор должно было вступить христианское учение, возможно, и Заповеди Моисеевы, в действительности же в спор вступила Сонечка Мармеладова, сама пришибленная жизнью, и еще *совесть* Раскольникова, которая страдала и мучилась с самого начала, так что читателю (мне, например), вся коллизия в душе Раскольникова представлялась как столкновение *дурного рационального рассудка и совести* – и при чем тут христианские заветы? (а что такое совесть? Этого не знает никто. Христиане этого не знают, потому что они читают в Священном Писании, **как** поступать, а совесть диктует непосредственно, одинаково у перса, еллина, иудея и русского, то есть является инструментом Рода, а не внушением пророков).

Совесть и любящая Сонечка привели Раскольникова к покаянию и преображению. Но к чему относится Сонечкина любовь?

В Ветхом Завете есть повеление *плодиться и размножаться*, очевидно, размножение не может вытекать из метафизической любви, пропитанной культурой и *красотой* (которая спасет мир?), но необходим еще природный инстинкт и родовая (половая любовь). А что же такое заповедь *любви к ближнему*? Поелику у евреев собственный Бог, то очевидно, что и повеления распространяются не на «мир как целое», а только на евреев, и *любовь к ближним* – это *любовью к единоплеменникам*. Что это так, доказывается всей историей, и сегодня евреи единодушны и помогают друг другу, независимо от идеологии и вероисповедания (то есть и евреи-христиане найдут в их общине помощь, а русские даже единоверцы сгрызут друг другу горло).

Достоевский задумал христианский роман, так критика и пытается его объяснять. Но у кого тут христианская любовь? Может быть, Достоевский любит Сонечку как христианин, но она к Раскольникову относится так, как и положено любящей женщине. И очевидно, что когда ему дадут послабление, то они пойдут под венец, но не в монастырь. Вот у Кудеяра-атамана «*совесть Господь пробудил*», так и естественно, что Кудеяр «*в монастырь пошел, Богу и людям служить*». А Раскольников с Сонечкой в монастырь не пойдут, но, даст бог, деток нарожают (это я пишу, уподобляясь Розанову).

Итак, это роман о любви (той, которую философ-богослов Владимир Соловьев называет *любовью половой*). Говорится ли о ней в Новом Завете? Ее ли имеет в виду апостол Павел в своем знаменитом гимне любви? Если **лучше** не прикасаться к женщине? Притом что она еще и – *сосуд дьявола*?

Иудаизм проповедовал *любовь размножения* (которую благословил Бог); *любовь к ближним*, то есть к *единоплеменникам*; и (во-первых) *любовь к Богу*, который возлюбил еврейский народ как свой *избранный* (как мужчина любит избранную им женщину). И Бог принадлежал только евреям (как и женщине принадлежит избравший ее мужчина).

Это было триединство любви, освященной еврейским Богом для евреев.

Христос же проповедовал, напротив, что «отныне несть ни еллина ни иудея», затем даже (по словам апостола Павла), что пришел он будто бы не к евреям (хотя вначале клялся в любви к ним), а к язычникам – и во что превратилась *любовь к ближним*? Да, она превратилась в такую любовь, которую мы не в состоянии понять и испытывать, у которой **нет содержания**. Если бы она была жалостью и милосердием – но ни жалость ни милосердие не являются *любовью* (испытываемой притом только ЧЕРЕЗ любовь к Богу – как говорит Конст. Леонтьев) – и кто-нибудь может сказать, что он именно эту любовь испытывал? Или только в рассказе Ивана Карамазова какой-то дикий святой к смердящему (над чем сам Иван брезгливо потешается)?

Христианство отменило триединую ветхозаветную (еврейскую) любовь, соединенную с любовью к Богу – но отменило по существу всякую любовь, кроме любви к Богу (а вернее, к Христу, ибо *причащаемся мы крови и плоти не Божиих, а Христовых*), следовательно, это уже не та любовь к Богу-отцу, Вседержителю, Творцу неба и земли, которая входит в Заповеди Моисеевы, но любовь именно и только к Христу (*отменяющая любовь к Богу*).

И вот, вопреки предположению, что Иисус из Назарета человек, я задумываюсь: а кто, кроме небесных сил, мог дерзнуть на *переменение* всего существа религии? Поэтому Иисус или Сын Божий, поднявший против Отца дерзкий Бунт за главенство в деле спасения человека, или **другой Бог**, не Сын Божий, а скорее *Противобог*? (Но так как христианский «роман о религии» пишется не с чистого листа, а *переписывается* с иудейского романа, то не сходятся все концы и начала! И это не существенно необходимые противоречия, а своего рода *нескладухи*. И естественно апостол Павел говорит о *скопцах во имя Бога* – но объяснения, как в человеке *трансцендентно происходит скопчество как необходимость для спасения, в христианстве нет!* Что Богу надо быть распяту, потом умереть, потом воскреснуть – это кое как объясняется, но что при этом надо стать скопцом – объяснения не дано, потому что его и нет!)

Подобно Прометею (сначала союзнику и другу верховного бога Зевса в битве с титанами), подарившему человеку огонь, за что прикованному Зевсом к скале, Иисус – ипостась «Бога-Троицы», обещает подарить (или вернуть) человеку бессмертие, при этом (*для этого или за это?*) подвергается распятию, но воскресает и возносится на небо. (Но это к слову.)

Но в чем бунт и противобожие? Бог-отец, лишив человека личной вечной жизни (за действительные или воображаемые грехи), даровал ему разделение на два пола, на мужа и жену, наделил их притяжением и любовью и рождением детей (*половым инстинктом*), то есть родовой вечностью. Иисус же обещает вернуть человеку *личное бессмертие*, но отнимает у него дарованное прежде (и род, и инстинкт, и историю, и культуру, и частную жизнь), в идеале человек должен до смерти жить как «спать во гробе», на столпе или в монастыре, не занимаясь ни работой ни творчеством, пребывая в молитве и в истреблении природы, а после смерти стать листом на «древе господнем» – (тоже не завидная участь).

Глава четвертая. Загадки вочеловечивания и любви – любви Христа и «христианской любви»

Но что сущностно? В нашей смертной жизни сердцем ее является **любовь** (*половая, родовая* и ее производные, к коим относится и *творчество*), о предполагаемой вечной (после воскресения) мы ничего не знаем. Христос и христианство – *распятие любви*, подмена ее суррогатами. Так не подменой ли является и сам Христос? Только кого – Бога или человека? И тогда подмена Спасителя влечет за собою подмену Спасения. Но в чем и как?

1. Если бы Иисус Назаретянин, родившийся в Вифлееме, всегда знал, что он Бог, Сын Божий, единосущный Отцу, если бы его неуверенность и сомнения не просвечивали сквозь текст Евангельских рассказов, то и я был бы твердо уверен, что он или Бог или по крайней мере из *сома небожителей*, а скорее, **по Розанову**, «святой сатана» или просто *бес* [«и я начал жизнь с ушиба, говорит Розанов, потому что "Бог" ваш, а по-моему бес, не бросил страдалицам-женщинам, рождающим детей, такой для "всемогущества" Его, с позволения сказать, корки плесневелого хлеба, как лишний дюйм тазового отверстия. Мать мучилась, кричала, – моя милая и добрая матушка, которой уж я никак не променяю ... на вашего какого-то сделанного из чугуна и цемента "бога", по-моему же беса.»] (Но, впрочем, это скорее упреки **Создателю**.)

Очевидно, в предреволюционные годы духовная свобода в России была наивысшей в нашей истории, потому что свои предположения, хотя и с оговорками, Розанов делать не боялся, я же от себя повторить их не решаюсь – заметьте, все подобное я только *пересказываю* как чужие мнения. Если бы я был атеист или коммунист, то тоже бы не боялся подобных предположений, их партия разрешена в России и представлена в думе, а их устав и программа разрешают им не верить ни в Иегову ни в Христа или считать их «бесами» или идолами, каковыми апостол Павел, *не боясь привлечения к суду*, считал античных богов! Но я **действ**, то есть человек, убежденный в *богодухновенности мира*, о каковой отчасти сообщает и Библия и Новый Завет и античные мифы, а также в большей или меньшей степени отдельные философы и мыслители, такие как Лейбниц, Даниил Андреев, Пушкин и Лермонтов.

Итак, я не искушен во взаимоотношениях небесных сил, поэтому не буду фантазировать о причинах, которые могли бы побудить Люцифера сначала искусить и может быть соблазнить Еву, была ли это гордыня, зависть или забота о человеке, как у Прометея, я не знаю. И мог ли затем Люцифер выдать себя за Спасителя (или набрать учеников из безграмотных рыбаков, бродяг и *"раскаившихся путан"* – а его к ним как раз и влекло), я предполагать тоже не буду. Иногда я могу объяснить поведение, характер и мировоззрение отдельных людей в некоторых обстоятельствах (хотя всенародная любовь к вождям и временщикам меня повергает в изумление), поэтому я и допускаю, что Христос – человек. Но и по мнению осудившего его синедриона он *"клеветник"* (*diabolos* – греч. *клеветник*, Антихрист), *богохульник, выдающий себя за Бога*, и обманщик.

Даже и в Новом завете недоверчивые слушатели его проповедей предполагают, что свои чудеса он делает силою вселившегося в него Вельзевула,

на что он говорит ученикам: «Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его? Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано, у вас же и волосы на голове все сочтены; ... а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным.

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо *Я пришел разделить человека с отцом его* [?!], и *дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его.* Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и [не] следует за Мною, тот не достоин Меня.»

А потом, когда фарисеи сказали: «Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского», Иисус возразил им: «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьєю силою изгоняют? Посему они будут вам судьями.» Первый век нашей эры не был древностью, уже до этого "просияли" и Гомер, и античная трагедия, философия, математика, латинская литература, Римское право, науки и искусства, Платон и Аристотель, Древний Египет, Шумеры и Вавилон, Пелопонесские войны, восстание Спартака, война с Карфагеном, завоевание Европы... Не было еще, правда, войны с Наполеоном, не было Антанты и антигитлеровской коалиции – но *противостояние Сталина и Гитлера не было ли разделением веельзевула?*

Но все же склоняюсь я к тому, что Иисус из Назарета, сын Марии, вошедший в историю как Христос (Спаситель), был человеком.

И он был им не менее, чем другие, а что он Сын Божий, эта идея пришла к нему и стала в нем сердцевиной и источником мифа точно так же, как и в других выдающихся личностях, так же, как к Пушкину пришло сознание своей гениальности, как Лермонтов и Есенин почувствовали, что судьба их избрала на роль пророка. Но это горестное сознание, оно не возносит человека на небо, но налагает на него цепи и вериги. «*С тех пор, как грозный судия мне дал всеведение пророка, в сердцах людей читаю я страницы злобы и порока*», писал Лермонтов. Стал ли он от этого счастлив? Нет.

Быть выше людской середины, тем более быть *призванным* – это трагедия. Немногим удается стать счастливыми – ибо мы никогда до конца не уверены в том, что *призваны*, что нам поручена миссия, что в нас и в самом деле лежит искра божия, и что *Бог нас призвал и мы его сыновья*.

2. Итак, в набожной еврейской семье родился ребенок Иисус, уже в младенчестве удивляющий взрослых своим не по годам взрослым умом и тягой к религиозным темам. Какое образование он получил, и как проходило детство и юность его, мы почти ничего не знаем, однако в евангелии от Марка рассказывается один эпизод из его детства, позволяющий сделать определенные заключения, согласные с тем, что мы знаем о поре его учительства. «Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник.

Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим ...

*Через три дня [!!!] нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: *Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя.**

Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? <.....>

И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. *И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем.*»

Какая мать не искала бы двенадцатилетнего сына, потерявшегося в чужом городе, с «великою скорбью»? И каким равнодушием к этой материнской скорби звучат слова сына! Удивляюсь ли я тому, что он *не вышел к матери своей и братьям, когда они пришли проведать его*, проповедующего народу. Народу он проповедовал слово божие, но, как видно, не было в этом слове повеления любить домашних своих, ибо «обозрев сидящих вокруг Себя, сказал: «вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать.»». И удивительно ли, что он сказал не раз и более жестокосердо: *«Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня!»* – так случайно ли проповедь его о том, что лучше не жениться и не рождать детей – проповедь безбрачия и безсемейственности, небывалая еще в человечестве?!

Я думаю, что эти семена были посеяны в душе его в детстве, когда он узнал, что плотник Иосиф его отчим. Быть может, в двенадцать лет он и вправду считал, что "находясь в синагоге, он находится в доме Отца своего", но очевидно, что так он думал не всегда, это следует из текста евангелий. Когда проповедовал Иисус в Капернауме (ев. от Матфея), «один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел.

И говорит ему Иисус: *лисицы имеют норы и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову.*

Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего.

Но Иисус сказал ему: *иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов.*» [М-да... В христианстве вы ищете основания **добра**?]

Отчего же Иисусу негде было приклонить голову? Его везде привечали и множество народу поклонялось ему и предоставляло кров – так не имел ли он в виду, что отчего *крова* нет у него, что он чужой среди близких своих? Но кто же будет ему не чужой среди родных, когда он так проповедует? Конечно, он был еще очень молод, вероятно, в семье его и среди друзей его еще никто не умер – но неужели бы он не пошел проводить их *в последний путь*?

Или именно такова «христианская любовь» (необыкновенно елейная и паточная к так называемым *ближним*, но жестокая и равнодушная к *близким*, к матери и братьям), или именно такова «любовь Христа» – а история христианства показывает нам, что и святые, и епископы, и реформаторы, и отцы церкви, и видные богословы как будто вовсе не имели семей – никогда, даже и рождались, возможно, без отцов и матерей, и позже у них не было не только детей, но и братьев и сестер – во всей громадной христианской литературе мало подробностей семейной жизни христианских учителей – а Константин Леонтьев (тоже не имеющий детей) советует *"надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф. М. Достоевский!"* – зачем? Во имя чего? Что поучительного для жизни говорит нам Учение, в центре которого безсемейность и безбрачие и почти нескрываемая ненависть к семье и браку? Очевидно, что Иисус страдал, что у него нет отца (не зная еще, что отец его на небе – это позже он пришел к такой спасительной мысли, но мысль эта его не исцелила и не спасла).

Итак, спор с христианством бессмыслен – оно исходит из того, что род человеческий порочен и надо ему как можно скорее прекратиться – мы, люди семейные, любящие свою семью и свой народ, не можем доказать христианам, что они не правы – разве и мы не убеждаемся в течение всей нашей горестной жизни в том, что царствуют низость, жадность, глупость, тщеславие, подлость, трусость, сребролюбие, властолюбие, лень и жадность? И что я сам сумел сделать доброго? Я написал превосходный учебник математики, но студенты учатся по худшим учебникам – стоит ли объяснять, почему? Я написал и другие книги – их никто не читает... и все же я не отчаялся, как и другие, живущие для семьи, для своего народа, для культуры – но не для такого воскресения и такого спасения, которое нам предлагают *«скопцы во имя Бога»*.

Мы, люди культуры и народа, *разочарованы* тоже, но мы ищем по крайней мере свой личный народ, «большой народ» Шафаревича, мой «малый народ» (интеллигенцию), и в них отыскиваем надежды на будущее. Иисус же вначале говорил, что пришел спасти «свой народ», что он «послан только к погибшим овцам дома Израилева», но кончилось тем, что собственный народ его отверг и его учение распространилось только среди язычников. Иисус вначале обличал книжников и фарисеев, даже грешников тщился спасти, но кончил осуждением почти всех: «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства [еврей] извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов.»

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»

Се, оставляется вам дом ваш пуст.»

Проповедник, обличающий вначале неправду одних, но обещающий спасти *даже* грешников, обличает затем *всех*. Пророк, излечивший многих, даже воскресивший иных, то есть спасающий в мире, спасение затем отложил до Страшного суда и воскресения после гроба. Какова же любовь его, воистину ли он любил хотя бы немногих, если даже мать свою отверг?

3. Евангелие сообщает, что Иисус был рожден не от земного человека, но девой Марией, принявшей в себя *Духа святого*, что он предвечный Бог, Сын Божий, и не ныне, при рождении, появился на свет, но был вечно вместе с Отцом, а теперь *воплотился*, стал человеком на время, чтобы принять на себя и искупить грехи человека. И что он, воплотившись, стал во всем почти человеком, кроме грехов, да, может быть, и без слабостей.

Но и мы, земные люди, *воплощаемся* тоже, появляясь на свет, ибо душа вечна, а не появляется только с рождением. И мы *становимся* людьми, вочеловечиваясь, по-видимому, с присущими человеку слабостями, хотя (якобы) первородный грех на всех, даже на младенцах (как утверждают безумные христиане). Вочеловечился и я, облекаясь в плоть, и хотя прикасался и к женщинам, и создал семью, и *собирал и читал книги*, то есть был *книжником*, и писал свои «мениппеи» (по слову Саши Михайлова), то есть сочинения и романы, подвергающие наше общество критическому анализу и осуждению – следовательно, стал и *фарисеем* (толкователем традиций и установлений), и изучил математику, преподавал ее и даже доказывал теоремы, а еще и сверх этого в поте лица своего зарабатывал хлеб свой, помогал ближним, не пылая к ним любовью, а по милосердию, любил и друзей и подруг, не помогал лжи и несправедливости, защищал свободу и достоинство человека (мало, но сколько смог), подвергался гонениям – но никогда не возводил притеснения власти или отдельных людей в основание окончательного и полного отрицания мира – нет, я помогал мир украсить и обустроить, и если бы порочная власть его не ломала и не расхищала, и если бы многие не проповедовали любовь к порочной власти или равнодушие к миру, то даже и мы, страдающие за мир, его бы давно спасли.

Увы, спасти мир мы не смогли – но в нем многое таково, что и наши дети и внуки могут зато спасти свои души: в мире есть прекрасные книги, есть театры, и даже на сценах их идут античные драмы, «идолы» с улиц Афин не все еще разбиты учениками апостола Павла, есть они даже в российских музеях, в концертных залах звучит прекрасная музыка, построены величественные дворцы и храмы под руководством зодчих и инженеров-строителей, на улицах звучит *смех, оскорблявший когда-то скорбную печаль христиан*, и даже есть балет и светские танцы, и не только мужчины прикасаются к женщинам, но и женщины смеют к нам прикасаться, и головы их обнажены.

Я думаю, что пока Иисус не утешил себя предположением о своем чудесном небесном отце, он страдал от своего безотцовства, и невольно в нем возрастала ненависть к земной природной любви – не она ли, думал он, является причиной того, что мать вышла замуж, будучи беременной?

Я тоже возрастал без отца. В первое послевоенное лето мне было три с половиною года, и я помню, как бегал на околицу деревни встречать солдат, возвращающихся с войны, я не верил, что мой папка убит, и надеялся его отыскать среди возвращающихся. Ждали напрасно своих отцов и миллионы моих сверстников и их матери. Увы, мы их не дождалась. Вернулись немногие. Их на всех не хватало. Наши матери выходили замуж за тех, кто попался под руку, за кем не доглядели их счастливые жены. Никто не хотел вспоминать заветы восточных богов о неприкасании, как недавно никто не

вспоминал о любви к самаритянам и другим ближним (сколько их осталось на наших полях непогрешенными!) По примеру Розанова ... (то есть, конечно, его жены), наши матери выходили замуж не только законно, но и незаконно, тем более что книжников и фарисеев никто не вспоминал, и Победоносцев уже не «простирает над Россией совиные крыла», по словам великого революционера Александра Блока. Вышла замуж и моя мать, но вскоре мы с нею и новорожденной девочкой бежали в Египет... то есть, конечно, пересекли границу Иркутской области и около города «Назарета» свили в деревне у деда новое гнездо, построив избу из старого **хлева**, в нем родились еще три моих брата, от плотника Ио... не важно, как его звали, я его тоже никогда не любил, но я был верен своей матери, которую любил всегда [но **как русский человек может слушать проповеди восточных мудрецов о том, что *враги человеку домашние его*, это непостижимо! И как большевики, эта современная христианская секта, не постеснялись в крестьянской стране проповедовать ненависть детей к родителям, непостижимей вдвойне!]** Отец мой на небе, что для меня несомненно, хотя помимо первородного греха он еще причастен к рождению сына, да три с лишним года воевал с супостатами, не вспоминая о том, что все мы якобы братья по вере... Брянский волк тебе брат! – возможно, приговаривал он, посылая снаряд в сторону вражских окопов.

Мать моя, несомненно, на небе тоже, потому что после того, как столько народу погибло в топке Революции, террора и переломки крестьянской жизни, а потом еще в топке всемирной бойни, она родила (считая и меня) пятерых детей, исполнив свой главный человеческий долг, неизмеримо более главный по отношению к своему крестьянскому народу, чем молитвы благочестивых монашек, поверивших призывам к умерщвлению плоти!!!

Глава пятая. У каждого народа должен быть свой Бог.

Отвлечение первое: В защиту евреев.

Немцы на нас не раз нападали (то есть, германский народ и его власть и его государство), но я не виню немцев, *как отдельных*, то есть частных лиц, в безумной политике его императоров и государств. Злосчастное устройство земной жизни и мироздания вовлекает каждый атом воздуха в ветряные потоки, засыпающие песком наши глаза и уши. Виновны ль мы (или они) в этом? Нет. Так и телка, бегущая в стаде, не знает, куда его направляет пастух.

Человека можно только пожалеть за его злополучную жизнь, из чего, впрочем, не следует, что лучше висеть листом на древе, впитывая лучи солнца.

Читая сначала Маркса, затем Новый Завет и Библию, Фрейда, Вейнингера, Брокгауза и Эфрона, Эйнштейна (в пересказе сказочников нашего времени), читая советские газеты, отчеты банков Ротшильда и Ко, Каутского и Троцкого и учебники математики, я сформулировал тезис о том, что всемирный еврейский народ является *закваской истории*. Не в порицание ему скажу, что он во многом вторичен, как и я сам, что нас роднит, и я тоже критик, публицист, редактор, а Войну и мир пишут Толстые, мы их читаем и восхваляем (или ругаем). Но и без нас, издателей, корректоров, редакторов, критиков, фарисеев, учителей грамматик и арифметик (созданных другими), мир остановится.

Россия сегодня воюет в Сирии, но я в этом не виноват. Когда-то мы захватили Коканд и Бухару, что способствовало русской революции – и в этом я не виноват тоже – но я не уверен, что в этом виноват и евангельский *Отец* Иисуса, который якобы сосчитал волосы на головах каждого из нас, ибо это означало бы, что мир – машина и все ее движения предопределены и могут быть рассчитаны, и свобода воли не существует (Библия, к стати сказать, с философской точки зрения, исповедует тот же марксизм, что и в наше недавнее время диалектического материализма).

Евреи, возможно, выиграли от победы «Русской» революции, как и узбеки и казахи, и они ее поддержали. Русские ничего не выиграли, но они ее тоже поддержали. Однако надо иметь в виду, что девяносто процентов русского населения и девяносто процентов еврейского населения никакого отношения к этой революции не имели, так же как **не** немецкий народ вылепил Гитлера, он сам зародился, не русские вылепили Ленина и не на Кавказе слеплен Сталин. Да и не в Америке слепили и Троцкого (и если все же сын за отца не отвечает, то не отвечают за них евреи, как я не отвечаю за то, что Хрущев отдал Россию Украине). Хотя, разумеется, Христос и Маркс, проповедь безбрачия и **капитализм** – это эманации еврейского народа, как Тевтонский орден и Пруссия – эманации немецкого народа.

Отвлечение второе: В защиту русских.

Революция, однако, была антирусской. Она отменила «черту оседлости» евреев, провозгласила право наций на самоопределение (то есть на отделение от России), создала Украину как государство и отдала этому искусственному государству ряд русских областей, больших, чем территория этого вновь созданного государства, отдала Казахстану южную Сибирь, бывшие казачьи области по реке Урал и часть Поволжья, и осуществила геноцид русского народа. Почему так случилось, пока покрыто мраком неизвестности, очевидно, однако, что те группы евреев, которые принимали в революции активную роль, без поддержки русских осуществить все это бы не смогли.

Может быть, русские – это искусственно созданный народ? Почему иначе не находят у него отклика речи о том, что его численность катастрофически уменьшается, и если будет оставаться у власти нынешнее правительство, через десять лет русские потеряют влияние на территории России? Почему никого *не кольшит* вопиющее экономическое неравенство большинства народа и кучки олигархов, создавших это правительство и вокруг него объединенных? Почему он безразличен к падению экономики, культуры и образования и беспредельно предан нынешней власти?

Да, русские...

Впрочем, когда же я буду их защищать?

Как ни странно, вырождение русского народа заботит евреев, "русских немцев" и русских поляков, патриоты и националисты могли бы объединить вокруг себя ту часть народа, которая соединена русским языком и русской культурой – но наша интеллигенция противопоставляет духовные ценности православия и коммунистической идеологии русской национальной идее, *поддерживает коммунистический и христианский интернационализм против русского национализма.*

Отвлечение третье: Чужое платье.

История народа – это история войн, мятежей, смут, блестящих подвигов, побед и поражений, история выдающихся личностей, прогресса экономики, история хозяйственной жизни в целом, история культуры, науки, образования. Художественный роман – так же история, но частной жизни – отдельного человека, двух, семьи, общества. О чем же повествует Новый Завет? Родословная Иисуса Христа через родословную его отчима. Дева Мария. Христос и ученики. Их бродячая жизнь. Поучения. Арест. Распятие. Создание церкви на территории сначала Израиля, потом Рима.

Говорится ли о культуре, образовании, науке, восстании иудеев? Нет. О судьбе отдельных героев, семье, быте, творчестве, работе, любви, вражде, строительстве городов? Нет. Но говорится о грехе, конце света, о воскресении на том свете. Перед нами словно история болезни какой-то части народа, озабоченной своими грехами и страхами, история каких-то умствований? Но и умствований в этой истории нет. Здесь нет исследования литературы, психологии человека, нет «преступления и наказания», нет истории любви Анны Карениной, воспоминаний и страхов подростка, приключений на Таинственном острове... А что же здесь есть? О чем эта Книга? Это даже не рассказ о путешествии на Северный полюс или в Антарктиду. Эта книга неизвестно о чем... Или **ни о чем**...

Это повествование об Иллюзии, с помощью которой странная группа людей, не занимающихся ни наукой, ни культурой; ни актеров, ни музыкантов, ни философов; ни работников в сфере хозяйства или финансов, ни политиков, ни мореплавателей или путешественников – пришла к власти над половиною мира.

То, о чем говорится в этой книге, не имеет отношения к истории или жизни русского народа, ни к истории или жизни какого либо из европейских народов. Да и к истории евреев она имеет отношение отдаленное. Речь в ней идет о сборщиках налогов, рыбаках, которые перестали ловить рыбу, бывших распутных женщинах, которые перестали ловить мужчин, о секте фарисеев (вроде наших богословов-никониан), Пилате (представленном заместителем в Польше), синедрионе (представленном Победоносцевым) – все это с большой натяжкой. К русской жизни, к какой бы то ни было сословной группе содержание этой книги никак не относится. Она ничему не учит и не отвечает ни на какие вопросы... Это платье, сшитое для представления в маскараде, но какие-то враждебные силы его натянули на Европу и русский народ. Поучительно было бы прочитать русскому школьнику "Войну и мир", "Капитанскую дочку", русскому студенту – историю Рима, а тем более Историю России, русскому офицеру – "Науку побеждать" Суворова. А что они почерпнут из книги, в которой идет спор о том, каким образом мы попадем скорее на небо: с помощью *веры* (о ней говорится невнятно) или с помощью *благих дел* (о них говорится еще невнятнее, не ясно, надо ли строить дома или копать огород или идти к бомжам и *помогать им прозябнуть*).

Но не лучше ли даже не задавать больше вопросов, а как можно скорее снять ненужное платье, в котором ни в театр не пойти ни на работу?

Отвлечение четвертое: Мировые религии и их основатели.

Ничего существенного я не собираюсь сказать об основных религиозных культурах мира, кроме того чтобы их назвать.

1. Иудаизм. Его появление относится к 12-13 вв. до н. э., когда на горе Синай *Моисей*, выведший еврейские племена из египетского рабства (*Исход* же их в Палестину продолжался сорок лет), получил Откровение от Всевышнего, и между народом и Богом был заключен Завет. Эти события отражены в книге Моисея «Бытие», которая составляет часть письменной Торы (Пятикнижие). Всего же Библия (или Танах – священный канон книг Иудаизма, начиная с Торы и заканчивая откровениями пророков), насчитывает в Палестинской редакции 39 книг, и в Александрийской 50 книг. Христианская церковь приняла за основу Александрийский канон, включив в состав Ветхого Завета 12 второканонических книг (в православии и католицизме). Протестантские вероисповедания приняли Палестинский канон. В Палестине от Господа евреи получили царя – сначала Саула, потом и Давида, чей сын Соломон построил великую святыню иудаизма – храм Бога Яхве. Храм был разрушен в 586 году вавилонянами, а затем отстроен по приказу Тира Великого (в 516 году). Второй храм просуществовал до 70 г. н. э., когда был сожжен в ходе Иудейской войны войсками Тита. Бог **Яхве** – национальный Бог евреев. Вокруг него строится вся их культура, история и религиозные традиции. Однако, подлинное звучание его имени было утрачено после разрушения храма Титом, к тому же существует запрет на произнесение и написание священного четырехбуквенного имени Бога – *тетраграмматона*. Поэтому оно заменяется словом «Господь».

Иудаизм существует в своеобразной форме – в виде раввинистической организации, руководимой учеными мирянами.

Иудеи верят в приход *машиаха (мессии)* – посланника Божия, который вернет Израилю былую славу и даже восстановит храм. Иудаизму также присуща вера в воскресение мертвых и страшный суд.

По учению иудеев, Бог не изобразим, поэтому у них нет священных изображений – икон, статуй и т. п. (Смотри "иконоборчество").

Кроме заповедей Моисея в иудаизме существует и гораздо более расширенный список заповедей, называемых по-еврейски *мицвот*. Таких мицвот насчитывается 613: *запретительные заповеди*, числом 365, и *повелительные*, коих всего 248.

Важнейший праздник *Песах* ("миновать или пройти мимо"). Он приурочен к освобождению евреев из египетского плена и переходу через Красное море в пустыню.

Имеет место и огромное множество других традиций в иудаизме: ношение пейсов, обрезание детей мужского пола на восьмой день от рождения, и т. д. Для верующих это важные обычаи, которые вменяет им иудаизм. Основные идеи этих традиций согласуются либо непосредственно с Торой, либо с Талмудом – второй по авторитетности книге после Торы. *Любовь к ближним* обязывает иудеев к взаимопомощи.

Синагога – это собрание иудейской общины в субботний или праздничный

день для молитвы и чтения Торы. Этим же словом называется и здание, где собираются верующие. Для синагогального богослужения выделен один день – суббота – священное время для евреев. Хранить и чтить этот день предписывает одна из десяти базовых заповедей иудаизма.

В Иудаизме выделяется ортодоксальное еврейство, хасиды – консервативные иудеи с акцентом на мистическое учение. Далее следуют несколько реформистских иудейских организаций, а на самой периферии располагаются общины *мессианских евреев*, признающих велед за христианами подлинность мессианского призвания Иисуса Христа. Однако традиционные общины отказывают им в праве называться иудеями.

Каббала (евр. qabbalah – принятие, предание) – средневековое мистическое учение и мистическая практика в иудаизме.

Раввин – духовный лидер еврейской общины, учитель, толкователь закона.

2. Христианство. Делится на православие (в русском православии после раскола в середине 17-го века существуют "*никоняне*" – и "*старообрядцы*", помимо них еще катакомбная церковь, русская зарубежная церковь и множество сект), католицизм, протестантизм (лютеране, кальвинисты, англикане, баптисты и другие). Основой христианства являются Священное писание и Священное предание.

Православная церковь признает семь таинств: *1. Таинство крещения, 2. причащения (святой евхаристии), 3. покаяния, 4. миропомазания, 5. священства, 6. брака, 7. елеосвящения (соборования).*

Лютеранская реформация началась с выступления Мартина Лютера (Германия, 1483-1546) против индульгенций и провозгласила учение о всеобщем равенстве верующих перед Богом. Суть лютеранства заключается в том, что человек может спасти свою душу только *верой*, которая даруется Богом, без посредничества церкви. Из таинств признаются только *крещение и причастие*. Протестанты отвергают монахов, крестное знамение, священные одежды, иконы, требуют упразднения обособленного сословия священников, не признают культ Богородицы, чистилище; богослужение состоит из проповедей, совместных молитв и пения псалмов. Единственным авторитетом в вопросах веры является Священное писание, которое каждый верующий может трактовать по собственному разумению.

Кальвинизм признает из всех таинств только одно – *крещение*. *Причастие* принимается как обряд, совершаемый в память о мученической смерти Иисуса Христа, а хлеб и вино – как *символы*, напоминающие о его икупительной жертве

3. Буддизм возник в VI-V вв. до н. э. в Северной Индии. Основателем его является Гаутама Сакья-Муни (получивший имя **Будда** – *просветленный*), индийский царевич, разочаровавшийся в жизни и добровольно отрекшийся от удовольствий и роскоши царского двора. Возникнув, по всей вероятности, в качестве одной из сект брахманизма, буддизм воспринял от этой религии ряд положений, в частности учения о карме и сансаре. В буддизме сохранены все социально-нравственные догматы индуизма, но ослаблены требования кастовости и аскетизма. Буддизм обращает большее внимание на текущую

жизнь. Буддийская религия учит, что жизнь во всех ее проявлениях – это цепь страданий, избавление от которых может быть достигнуто праведными людьми в нирване - полном небытии. К I в. н. э. религия раскололась на два направления – *хинаяна* (малая колесница), возникшая в Восточной Индии, проповедует „узкий путь спасения“. Согласно этому учению, нирваны может достигнуть только монашество. Махаяна (большая колесница) обещает „широкий путь спасения“, доступный и мирянам. Кроме того, последователь **махаяны** должен в первую очередь заботиться не о своем спасении, а о спасении других. Будда в этом учении уже не человек, а бог, причем вместо одного Будды появляются несколько Будд. Большим почитанием пользуются и *бодхисатвы* – лица, заслужившие переход в нирвану, но решившие остаться на земле для спасения других людей. В махаяне появляются также суждения о рае и аде, отсутствовавшие в раннем буддизме.

4. У **индуизма** не было своего основателя, в нём отсутствуют единая система верований и общая доктрина. Индуизм представляет собой семейство разнообразных религиозных традиций, философских систем и верований, основанных на монотеизме, политеизме, пантеизме, монизме и даже атеизме. Типичными для индуизма можно признать такие религиозные положения, как дхарма, карма, сансара, майя, мокша и йога.

Важнейшими индуистскими текстами являются Веды, Упанишад, Пураны, эпосы «Рамаяна» и «Махабхарата» (частью ее является «Бхагавад-гита») и Агамы. Не являясь единой религией, индуизм представляет собой семейство религий и традиций.

Дхарма – морально-нравственный долг, этические обязательства.

Сансара – круговорот рождения и смерти, вера в перевоспложение души после смерти в тела животных, людей, богов.

Карма – вера в то, что порядок перерождений определяется совершёнными при жизни поступками и их последствиями.

Мокша – освобождение из круговорота рождения и смерти, сансары.

Йога в различных её направлениях.

В понимании индуиста, верховному существу можно поклоняться в бесчисленных формах – в частности в форме прекрасной девушки [*вот оказывается, почему я им поклонялся! Это была чистая религия, ничего порочного!*] или даже в форме бесформенного камня.

5. **Ислам** (в переводе на русский язык *покорность*) возник в VII в. н. э. среди арабских племен Аравийского полуострова. Последователей ислама называют мусульманами (от арабского «*муслим*» – «*тот, кто покоряется*».) Основатель ислама Мухаммед родился в 570 г. в г. Мекке, который был для того времени довольно крупным городом на пересечении торговых путей.

Священная книга мусульман **Коран** представляет собой обработанные записи проповедей Мухаммеда.

Ислам ведет летоисчисление с 622 г. н. э., когда пророк Мухаммед со своими приверженцами переселился из Мекки в Медину и к нему стали примыкать бедуинские племена арабов.

В учении Мухаммеда можно заметить следы христианства и иудаизма. Ислам признает пророками Моисея и Иисуса Христа как предпоследнего пророка, но ставит их ниже Мухаммеда.

Все основания и правила мусульманской религии соединены в Коране. Но в вероучении большую роль играет **Сунна** – объяснения и толкования неясных мест Корана, сделанные Мухаммедом, и предания о его жизни, и **Шариат** – свод принципов и правил поведения, обязательных для мусульман. Позднее мусульмане, признававшие Коран и сунну, стали называться суннитами, а мусульмане, признававшие лишь один Коран, а из сунны лишь разделы, основанные на авторитете родственников пророка, получили название шииты.

Наиболее тяжкими грехами у мусульман считаются *ростовничество*, пьянство, азартные игры и супружеская неверность.

В частной жизни Мухаммед запретил свинину, спиртные напитки и азартные игры. Войны исламом не отвергаются и даже поощряются, если они ведутся за веру (священная война *джихад*).

6. Зороастризм. Важнейшая догма зороастризма содержится в словах "*добрые помыслы, добрые речи, добрые дела*". Пожалуй, в одной этой фразе заключен весь мотив этой религии. Ведь в борьбу вовлечено все живое, а потому каждый человек вносит свой вклад в исход битвы. Эта фраза явно или косвенно присутствует в разных частях Авесты.

Человек должен придерживаться добродетелей, которые в зороастризме делятся на активные, пассивные, личные и всеобщие. Особо превозносятся *активная добродетель*, когда человек влияет на других людей, обращая их на путь сопротивления злу. Если же он просто честен, справедлив и правдив, удовлетворяясь добродетельной жизнью, то он следует *пассивной добродетели*.

К *личной добродетели* относятся душевные свойства, делающие человека счастливым: бережливость, супружество, простота, удовлетворенность. Если же человек приносит пользу большому числу людей, то это *всеобщие добродетели: отвага, храбрость, борьба за правое дело, за справедливость*.

Зороастризм, в отличие от других религий, возвеличивает роль человека в мире, делает его не рабом божьим, а сподвижником Ахура-Мазды, его помощником. Каждый человек отвечает не только за себя, но и живет для того, чтобы помогать Ахура-Мазде справляться со злыми духами – дэвами. И хотя вначале целью зороастризма была помощь скотоводам и земледельцам, то с изменением эпохи ценности меняются, но идеалы остаются.

Сегодня **зороастризм**, как и много лет назад, учит человека порядку, чистоте, честности выполнения взятых на себя обязательств, благодарности к родителям, помощи единоверцам. В этой религии нет строгих душевных канонов, она предполагает выбор человеком своего места в жизни. Религия не обязывает вести себя правильно, а только предостерегает. Фатализм присущ только в неизбежности смерти, но от поведения человека зависит то, куда его душа попадет после нее – в рай или в ад.

Отвлечение пятое: Рассуждения о религии и мироустройстве.

В Европе и Северной Америке гражданское общество регулирует отношения между государством и гражданами, основываясь преимущественно на римском праве, обновленном во Франции после Великой французской революции, то есть на *Кодексе Юстиниана*, преобразованном в Кодекс Наполеона (пусть это довольно условно, но не будем придирааться к деталям, хотя в них и Дьявол). Христианская церковь и национальные обычаи вносят в эти отношения частные особенности, существенно не меняющие формы общественной жизни. Дурно понятые гражданские права в Европе делают нравственное содержание европейской жизни невыносимым и обрекают Европу на тот самый *Закат*, который предсказывал Шпенглер. Звезда России, тем не менее, закатывается не менее быстро, хотя внешне наше общество оппозиционно по отношению к европейскому.

Почему это так?

Я уже утверждал, что национально обусловленная личность не только не тождественна нации, но чаще всего в наибольшей степени определяется суммой других причин, нежели национальная принадлежность. Таким образом, никаких серьезных заключений о характере личности и его судьбе из национальной принадлежности делать нельзя. Я русский, но я принадлежу к своему собственному малому народу, состоящему пока из одного человека. Это не значит, что при благоприятных обстоятельствах и при поддержке небесных сил мы не станем доминировать и в большом народе. Моисей во время Исхода из Египта, когда его народ изваял золотого тельца и ему поклонился, тоже оказался в одиночестве, тем не менее народ Израиля далеко не весь поклоняется золотому тельцу и чистые колена в нем преобладают над нечистыми, как это говорится в романе Мейринка «Голем». К стати сказать, из этих рассуждений следует и несправедливость русофобии, и нелепость антисемитизма. Русское поклонение царской власти и даже всякой власти, включая и власть церкви и ее господина, не объемлет всех нас, хотя и большинство. Не объемлет нас всех и русское невежество, доверие к власти и пропаганде, доходящее до глупости, вот точно так же поклонение золотому тельцу, присущее еврейскому финансовому капиталу, не объемлет ни русских евреев, ни тамошних. К тому же меня с русскими евреями роднит принадлежность к русской культуре, так что в крайнем случае я с ними создам свой новый народ. Не лишне добавить, что после великого Исхода русского образованного сословия в Европу русские единокровные ассимилировались почти во мгновение ока, хранили предание и верность Родине преимущественно русские, замешанные на польской, шведской, немецкой, итальянской, французской, греческой и даже татарско-турецкой и еврейской крови. Возможно, это связано с тем, что в России национальная и народная идея подменялись то православной, то монархической, то всечеловеческой. Жизнь русский человек готов был отдать за Бога, царя, всемирные ценности, но не за Родину. После смерти Есенина, отказавшегося во имя Родины от рая, я чуть ли не единственный сегодня русский националист (*народник*), смеющий об этом сказать вслух (и написать на бумаге).

Глава шестая. Отношения Бога и человека?

Уныние мое пригибает меня долу, но мне надо *держаться*, потому что я сам *удерживаю* других, как без меня справится с жизнью и будет противостоять враждебным силам семья? И даже для той группы людей, которые связаны литературными собраниями, изданием журнала и частными встречами, – даже для этой группы я *удерживающий*, как и они удерживают меня и не дают совсем рухнуть. Верующие говорят, что *надо уповать на Бога*, и меня самого смущает то, что своими сочинениями я вношу сомнение в души – но жизнь и история показывают, что Бог не вмешивается в течение событий, они зависят от нас самих, от среды и внешних сил, мы либо противостояем злу (хотя и обречены на большие страдания, нежели те, кто ему покоряется), либо стоим на коленях и обречены на падение или медленное но верное снижение наших нравственных обязательств – я не говорю о том, что надо всегда переть на рожон, я и сам осторожен и склонен к уступкам – но когда-то уступки превращаются в предательство, не так ли? И я думаю – те, кто похвально помогает помощью небесных сил, в то время как смелые, праведные и честные постоянно терпят гонения и казни – разве не в России миллионы погибли то от воли зла внутри, то от силы зла снаружи – так вот, те, кто похвально и преуспевает – чьей силой поддерживаются их преуспеяние, – наших властителей и наших богатых, "новых русских"? – если это Бог помогает им преуспевать – а мы видим, в какой стране мы живем, в стране, в которой уровень смертности превышает все страны мира, и в Новгородской области погибает на тысячу жителей больше, чем во времена немецкой оккупации! – то такой Бог хуже Дьявола, если он и не есть самый дьявол. И поэтому уныние мое пригибает меня долу...

Знающие математику не более счастливы, чем другие, и также те, кто изучил арамейский язык и трижды перечел вавилонские глиняные таблички, и даже не более счастливы те, кто слушает прекрасную музыку в прекрасных залах сиятельного Петербурга – впрочем, я, разумеется счастлив, когда прихожу в Петровский зал, и Машенька прижимает флейту к своим губам; или слушаю певчих в Преображенском соборе (там пели певцы из хора Малого оперного театра), слушаю божественную Полину О--кую и проливаю слезы восторга – и все же *уныние пригибает меня долу...*

И хотя и музыка меня утешает, и ансамбли великого города, и чтение книг, но ни филармония не помогает мне справляться с невзгодами, хотя я хожу слушать музыку, ни девушки не вознаграждают меня за влюбленности, ни даже князь Вяземский не прислал мне частичку своих прежних богатств из *иного мира*, надеюсь, не худшего, ибо он был хорошим поэтом и лично к нему я всегда испытывал расположение (хотя я, впрочем, не сомневался, что за любовь к прекрасному не получают милости, но лишь радость сердца). Почему же паломники в христианские храмы о чем ни попросят у Сына Божия, он им не отказывает, живут они "с Богом" и Он им помогает? За что? Только за то, что они его любят? Так, может быть, и любят за то, что осыпаны милостями? Но что же это за бог? Если он помогает самодовольным?

Правда, не все столь корыстны, я знаю, что есть бескорыстные влюбленные, особенно женщины, и некоторые его «возлюбили за муки», как о том сообщил нам Шекспир. Но не заставляет любить ли их страх? А их страшали с младенчества, и суровый отец, и безвольная мать, подружки и улица, и в предвидении адских мук за неблагодарные страхи превращается даже в любовь. О, эти женщины! Я их люблю, я их жалею, я их никогда не запугивал, но вечные муки действуют на их воображение, и они отрекаются и от меня и от других столь же негрозных, а грозного прижимают к сердцу. Известно еще, что «стерпится – слюбится!», а **их и замуж тысячи лет выдавали вопреки девичьей воле**, и даже на танцах изредка только объявляет ведущий «*дамы выбирают кавалеров*», а большей частью это мы выбираем себе приглянувшихся. Да разве и я не был таков же?

Женщина привязана к церкви то жалостью к мукам Спасителя, то страхом Страшного суда и адских мук, то надеждой на праздничный пряник, который она вымолит своей коленопреклоненной молитвой. Просил ли и я хоть маленьких милостей? Нет. *Но я просил ослаблений*. Не награду, не надбавку к зарплате, не пряник к вечернему чаю – я принимал то, что подавали на стол – но и я боюсь боли, боюсь тюрьмы и смерти, боюсь наказания... Никогда ничего не выпрашивал я у Культуры, но Бог культуры щедрой рукой осыпал меня словами и звуками, красками и образами, и только они помогли мне жить, и Природа, и родные, и друзья, даже и математика – но в трудный час, в ожидании Приговора, дрожащими губами выговаривал и я, как другие: *Господи! Будь милосерднее!* Скости от тюремного срока хотя бы полгода! Отврати от пули убийцы, от секиры палача, от зверя и разбойника...

В страхе просил и я милостыню тоже, как и другие, изредка, но просил. И теперь легкая улыбка презрения к себе скользит у меня по губам.

Так это и есть наша религиозность? Да. И Константин Леонтьев напоминает мне свои поучения, что *"ничего не стоит любовь, не основанная на страхе Божиим"*... А ведь большинство на ежедневной молитве просит у небесных сил то одного то другого, бесконечная армия просителей, отгалкивая друг друга локтями, сгрудилась у небесных врат.

Нет, я все же не таков. Страх за близких заставлял меня просить ... я опустился бы на колени даже перед разбойником, моля за тех, кто мне дорог, но все же, к чести своей, скажу, не шел я к церкви и Богу за милостыней, и не ожидание милостыни называл я религиозным чувством!

Меня смущают мои нападки на церковь, на божества, на древние мифы, потому что я сочувствую человеку. Плохо не только мне. Не я один просыпаюсь перед утром с чувством, что сердце мое выскакивает из груди или, наоборот, замирает, и вот-вот я умру. И я знаю, что многих страшит не собственная смерть, а участь близких, мать страдает о ребенке, который останется без ее помощи, муж – о жене, сын – о матери. Может быть, представляя в воображении доброго Бога, нам легче выносить ежедневные тяготы? Идем мы по дороге с грузом забот и недоимок, разбойник подстерегает, мытарь догоняет, злой мент предвкушает мзду, неправедный

судья ждет взятку, прокурор злорадствует, чиновники и судебные исполнители выставляют наше имущество на торги, дети уже собираются, родители вытирают горячие слезы. Где же заступник, где же Бог добра и справедливости? Такого Бога нет, несчастный человек не читал ни глиняных табличек, ни папирусов, ни надписей на чашах или надгробных памятниках, он не читал даже священных книг, переполненных проклятиями в адрес человека – но он выдумывает себе Бога в утешение, вопреки священным письмам, и если суров Отец, выдумывает милосердного Сына, если сын еще превосходит отца в обличениях, обращается к его матери, невестке, подруге, поклоннице... *ну хоть кто-нибудь пожалей меня*, умоляет несчастный. Но никто не жалеет. И я добавляю масла в огонь, я упрекаю его в незнании правды, нет жалеющих, говорю ему я сурово, *боги еще безжалостнее людей, они таковы же, как их древние прообразы, цари Вавилона и Шумер...*

Может быть, мне самому стать Богом, думаю я? Но я не умею лечить и вино превращать в воду. Иногда пытаюсь помочь, но существенно помочь не умею.

И вот дождь промокает и ветер треплет, мороз не щадит и жар иссушает – и нет у меня для страждущего ничего большего чем сочувствие – но хотя бы сочувствия для страждущих я не жалею.

А как же профессионалы любви, ораторы милосердия, помазывающие маслицем приговоренных к костру? "Да где ты нашел хоть одного достойного жалости?" – грозно обращается ко мне прошлый товарищ по нарам – а не с ним ли я провел полгода на «Пальме»? «...нет праведного ни одного; нет понимающего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их – открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия перед глазами их. ... Змии, порождения ехиднины! как убедите вы от осуждения в геенну?»

Боюсь, что, вочеловечиваясь, я перестарался. А ведь не раз писал я о том, что гуманизм – это единственное спасение от жестокости мира, что целью совершенствования является – *стать человеком!* – в том самом смысле, в котором охранник, выпуская меня из тюрьмы, сказал провожающим меня и встречающим: *вот человек, о котором за три года никто не мог сказать ни одного плохого слова!*

И все же я слишком несчастен, чтобы быть богом. Уныние гнетет меня долу, и ветер треплет как ивовый куст при дороге, а судьба потирает руки в предвкушении моего унижения.

Вот почему я так неуверен в своей критике Новозаветных истин, хотя они так же односторонни, как месяц на небе – не уверен я в том, что справедливо лишать несчастных людей последних надежд.

А кстати, помните, как самый истинный из христиан (то есть Великий инквизитор у Достоевского) говорит о людях? Он их оскорбляет еще больше, чем даже апостол, и Христос ему не возражает ни слова. Но кроткого Бога не сыщите вы во вселенной, не сыщите кроткого и служителя божия, епископ, описанный в «Отверженных», явился Гюго во сне, наяву он таких не видел.

Но не уверен я и в критике коммунистических идеалов, наш несчастный народ так обезумел от того беспредела жестокости и вырождения, которые сегодня творятся (а я только что прочитал в газете о двух миллионах беспризорных, об обезлюдении русских областей, о самоубийствах детей, о шквале насилия по отношению к детям в семье и на улице), что как напомнить несчастным согражданам, что земные цари заботятся о нас не больше небесных? Что еще и при мне сажали в тюрьму уже и двенадцатилетних, и так же были бесправны и дети и взрослые при коммунистах, как и сегодня?!

Да, кстати... Я пытаюсь защитить Россию от совсем уже наглых и лживых нападок тех, кто презирает русский народ, и напоминаю, что в русской истории голод, сравнимый с двадцатыми и тридцатыми годами двадцатого века, случился лишь в Смутное время, что голод конца девятнадцатого столетия, о котором пишет Толстой, участвовавший в тогдашней переписи населения, не приводил к «морю», поэтому остерегитесь, говорил я, мечтать о возвращении коммунистов – но народы в умственном отношении не более чем дети, они не хотят ни знать ни помнить историю. И все же, и в девятнадцатом благословенном веке было благословенно не всё, и русская литература не хотела закрывать очи ни себе ни читателю, а живописала о вороватых чиновниках, заносчивых губернаторах, жестоких помещиках. Но сравните самую злую критику Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Тургенева с теми обличениями, которыми переполнен Новый Завет! И поэтому не верьте Розанову, будто революция произошла потому, что в газетах обличалось зло. Нет, революция произошла потому, что Розанов сам его не раз защищал, потому что взгрустнет он оттого, что Полина *не дала* ему развода, и пишет о Семейном вопросе в России всю правду, вытекающую из новозаветных установлений, из безудержной ненависти Нового Завета к любви и браку, к рождению детей и к семье, сопряженных одновременно с униженным положением женщины – перелистни, читатель, несколько страниц, и перечитай об *истязании русских жен по вине христианского "Домостроя"*, о чем пишет все тот же Розанов! – итак, *не даёт* Полина развода, и Розанов пишет правду, *даёт* ему благоверная прижаться к боку ее и утешиться, и жизнь хороша и жить хорошо, и либеральная сволочь зазря ругает порядки в России, а лучше христианства и русского Христа нет ничего в мире, несмотря на многовековый гнет христианской церкви, несмотря на десятки тысяч замученных старообрядцев. Русская революция произошла потому, что в центре христианства не **спасение человека**, не уважение к человеку, а ненависть к нему, не Человек, создавший великую Культуру и Цивилизацию в Средиземноморье от Гомера до Марка Аврелия, от Ромула и Рема до Цезаря, а *«рабы, повинуйтесь господу своим»*, *«жена да убоится мужа»*, *«ищите прежде царства небесного а остальное приложится вам»* – нет, не приложилось! Рабы наконец восстали. А господа не поделились землей. Но рабы восстали уже до этого, в 1789 году, во Франции, или даже еще при Вольтере, Божественный авторитет, соединявший рабов и рабовладельцев в *любви, основанной на страхе* (как учил Константин Леонтьев), рухнул. И если мы все говорили о

том, что Сын Божий (или человек, выдавший себя за него... или тот, о котором шепотом говорил Розанов Мережковскому на ухо, и потом вслух сам Розанов в статье о Бранде) восстал не только против природной любви, но и против природной же (то есть общественной) *свободы* (хотя бы для рабовладельцев! Ибо и они были не свободны, как и крестьяне), то, может быть, это аристократы и произвели революцию? Невыносим стал миропомазанный самодержец в просвещенном обществе, и кокнули аристократы сначала "аралчонка" (Распутина), потом и царя...

А, впрочем, надо вспомнить и Первую великую революцию против христианства, которая произошла в Германии в середине 16 века под предводительством Лютера и немецких князей и закончилась сокрушением власти Рима, римского папы и духовенства, и возникли протестантские церкви с выборными руководителями религиозных общин (*пасторами*, по образцу раввинов в *раввинском иудаизме*), впервые в истории христианства вера стала личной, а не по принуждению, что и стало основой *свободы совести*. Кстати, из семи священных таинств остались лишь *крещение* и *причастие* (увы, обряд принадлежности через кровь сохранился, как и в *обрезании*, как и в кровавом революционном *причастии* *большевизма*).

Хотя, по мнению Маркса, *небесное бытие есть отражение земного в сознании человека*, но мы, с другой стороны, видим, что церковь, проводя свои каноны в жизнь государства и общества, строила *земное бытие подобно небесному* – поэтому важно понять, в каком отношении Новый Завет находится к нашей земной жизни, истории, культуре, цивилизации, человеку? И находится ли в каком-либо отношении?

Но только в Заратустре я нашел проповедника, для которого человек достоин проповеди, а не одного осуждения, и человека Заратустра воспитывает и наставляет, доверяя ему как равному, как соучастнику битвы со злом. "*Добрые помыслы, добрые речи, добрые дела*" – вот какова формула достойной жизни, и исполнения ее достаточно для того, чтобы подняться к небу. А каковы *идеалы* христианской жизни? *Вера, умерщвление плоти, безбрачие, праведность...* Но в чем состоит праведность? В *вере, умерщвлении плоти, безбрачии*. Круг замкнулся. Вы, конечно, скажете еще о *любви к ближним* – но она существует только в иудаизме по отношению к единоплеменникам. В христианстве любовь к Богу неотделима от веры, а *любовь к ближним* проистекает из любви к Богу (так ее трактует православное богословие, и Игнатий Брянчанинов пишет о любви к человеку только как к образу Божию в нем, а не к тварному существу – ну, ребята, если вы не в состоянии пожалеть *человека как человека*, если вы не в состоянии допустить, что возможен и другой *образ человека* кроме вместилища порока, греха и *вины*, то вы человека ненавидите и ни к какому диалогу с ним не способны, вы существуете в мире, в котором выводы из рассуждений **предопределены**. Зачем вы еще меня читаете? Не лучше ли сразу сжечь? Точно так же рассуждали большевики: марксизм верен, потому что истинен и наоборот, он научен, всесилен и верен. И вывод их был *безапелляционен* по отношению к

иноверным: высшая мера революционного правосудия. Одно исключение однажды случилось: философский пароход. *Философов сослали жить*.

Но это не *вера*, а паранормальное убеждение в абсолютности истины, *присвоенной по сговору группой лиц*, сначала Иоанн и Петр, потом *примкнул к ним Шепилов*... тыфу... я сам уже стал паранормален, вот до чего меня довели! А к стати – а почему вы согласились, что Земля круглая? Ведь если истина абсолютна, и диалог с другими невозможен, и вы всегда правы, и прав ваш собственный Бог (а по мнению Розанова... ну, помните?!..), то зачем же вы однажды отказались от своей абсолютной истины?

Итак, в христианстве любви к человеку нет. Или потому, что *любовь к человеку неотделима* от природной любви, включает ее в себя, является следствием природной, половой, родовой... даже в сотворении мира участвуют «пол и любовь – и об этом написано во множестве мифов, даже в шумерских, даже в аккадских, не говоря уж о мифах индуистских религий... все это есть и в античной мифологии, а следовательно и в литературе, и все это уже было к злополучному первому веку нашей эры, когда *на мир спустился христианский ледник*, который мир заморозил!..

Я много лет работал редактором, работа требовала от меня по крайней мере умения понимать содержание текстов. Если я редактировал историю геологии, то в книге речь должна была идти о геологических открытиях, залежах минералов и "полезных ископаемых". Если книга посвящена была любви, то в ней хоть кто-то кого-то когда-то любил... и так далее. Всякий сакральный текст, идет ли в нем речь о магии, гадании, предсказании, ворожбе и порче, небесных силах или силах зла, о богах и героях, в той или иной степени должен соотноситься с человеческой жизнью, ее содержанием, ее бытом, и привычные особенности обычной человеческой жизни в нем неминутемы. О чем же повествует Новый Завет? Он повествует о миссии Иисуса и о спасении человека, праведников и грешников. А о чем еще говорится? О работе не говорится ни слова. О творчестве тоже. Отсутствует та любовь, которую мы знаем, и о которой сказано в «Книге бытия», что *прилепится человек к жене своей и станут вместе единой плотью*. Нет речи о войнах, играющих такую грозную и важную роль в судьбе человека и в судьбе моего поколения. Не говорится о дружбе (и непохожи на дружбу отношения учеников к Иисусу и их отношения между собою). Есть ли у них родина, любят ли они ее, мы не поймем. Чем занимается народ, кроме того, что рыбаки иногда ловят рыбу, мы не узнали. Израиль оккупирован Римом – это никого не заботит, в Завете об этом ни слова. И как же все таки Иисус относится к той семье, в которой родился – нам не совсем известно тоже. Но так как Иисус – *пророк и учитель*, то я спрашиваю в Интернете, *каковы идеалы христианской жизни*, и получаю следующий *ответ богослова*.

Помимо *беспрекословной веры в Бога*, главные добродетели, которыми должен обладать христианин, *суть умеренность, любовь, целомудрие, терпение, смирение, кротость и усердие, всепрощение и милосердие*.

Но они ли делают человека христианином? Достаточно ли для спасения *умеренности, смирения, целомудрия и милосердия*? И не являются ли эти же человеческие качества отличительными чертами иудея и мусульманина?

Зачем же тогда надо брать крест и идти за Христом, разве не все мы таковы же да еще и сверх этого? Зачем надо сидеть на столпе, затвориться в монастыре и скиту, умерщвлять плоть, жить аки умереть во гробе, не прикасаться к женщине? Зачем Кьеркегор швырнул обручальное кольцо к ногам невесты, Овод швырнул в лицо своему отцу гневные слова о лжи, Гоголь отрекался от Пушкина, а Пушкин якобы *умер как христианин* (то есть, вероятно, отрекся от самого себя)?

В Бога верят и иудеи, но христиане помимо веры в Бога-Отца пылают еще любовью-верой к Спасителю (Богу-Сыну), *и эта вера их и "спасает"* (если христианский миф справедлив, и Ева согрешила, и человек пал, и Христос отменил его падение своею жертвою и воскрес. "*Если же Христос не воскрес, то вера наша тщетна*", говорит апостол Павел.)

Так что же понимать под *верою в бога*, особенно *беспрекословной*? Ее ли имеет в виду Вагнер в своей опере «Лоэнгрин», где говорится «*но слепо должен верить человек!*» – а именно эти слова и являются центром трагедии? Как должен верить человек, слепо или осознанно? Реформация в центре своего восстания против папства и католичества поставила свободу совести и необходимость веры как сознательного выбора человека, *но не слепой веры*, борьба архиепископа Андрея Ухтómского против большевистской православной церкви Сергия Страгородского, против сергианства (см. номер 6-7 "журнала с топором") также ставит проблему сознательной веры – а кто сегодня среди христианских богословов осмелится настаивать на *слепой (беспрекословной) вере* кроме православных богословов? Но попробуем поверить, что русские православные веруют беспрекословно – они и мирскую власть выбирают *беспрекословно*, и Россия по милости этих «*рабов Божих*» вымирает и гибнет *беспрекословно* тоже!

Об *умеренности* сказать не могу, отличительный ли это признак христиан, и во всех ли делах она хороша, и как согласуется с *усердием в делах веры*, о чем пишется в житиях – или, напротив, и в вере надо быть *умеренным*?

Целомудрие красит каждого человека, не отличает оно русскую православную девушку, например, от мусульманки, для которой *целомудрие* так же обязательно как *покорность* – но странным мне кажется, что в перечне *идеалов* отсутствует *честность*. Не потому ли, что *честь* (не говоря уж о *гордости*) так ненавистна христианским ревнителям монашеского идеала?

Далее в перечне *идеалов терпение, смирение и кротость* – эти качества приветствовали и насаждали все властители, от Навуходоносора до Римского папы. Не поклонник я Русской кровавой революции, уничтожившей образованное сословие в России, но рабский характер русского народа когда-то все же должен был дать трещину. Если мы еще возродимся, если не погибнет русский народ, то не благодаря этим качествам **рабской покорности**, но благодаря восстанию *человеческого достоинства*, которое даже в кротком Алеше Карамазове еще не совсем умерло, и когда его искры вдруг пролетели, с изумлением воскликнул Иван Карамазов: **да это Бунт!** Но как же православный богослов забыл причислить к достоинствам *покорность*? Или он забыл слова апостола Павла о покорности и *повиновении*,

их даже избыток в его наставлениях (не потому ли, что церковь была заинтересована именно в покорных рабах)? – «Рабов увещевай повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, ... Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. ... Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам.»

Потомок гордых славян, принимаю я *милосердие*, отличительную черту русского человека, но спрошу вас, «братья славяне»: действительно ли надо нам воспитывать в себе *всепрощение*? А как же Достоевский, а как же Алеша Карамазов, который на вопрос, что делать с помещиком, затравившим ребенка собаками, воскликнул: *расстрелять!* Вы, христианские проповедники святости, расскажите о *всепрощении* его матери. Но, боюсь, даже кроткий Алеша вас не послушает.

Нет, я не возражаю ни одной добродетели в перечне их, предлагаемом для христианина, – и мы не всегда заносимся, часто покорны обстоятельствам, только *не возвращаем в себе смирение и покорность из всех остающихся сил*, люди мирских забот, *заботящиеся* о наших близких, о наших детях, страдающие от вымирания русских, трудолюбивые, верные, стремящиеся к знаниям и культуре, воспитывающие мужество и в себе и в своих детях для защиты отечества, не забывающие и слов Гете *о необходимости каждый день идти на бой для защиты свободы...* сколь многое необходимо для того, чтобы стать человеком, но ненужное, оказывается, христианам. А "*о любви и не говорю, о ней все сказано*" – русской и мировой культурой. С христианами же, этими, по выражению Розанова, "людьми лунного света", мы говорим о разной любви, им не внятна ни *любовь к отеческим гробам*, ни *к родному пепелищу*, которое грозит русской земле в буквальном смысле этого слова. И я боюсь, что воистину я сегодня единственный в нашей многострадальной России, кто плачет о ее гибели...

Глава седьмая. Духовная свобода

Христианская (как и иудаистская) проповедь в центр жизни ставит Бога. Именно Бог не только *мера всех вещей* (тот Бог, который *непостижим*, и даже имя его нельзя произносить и писать, так что сами евреи, поклоняющиеся Богу Яхве, уже не уверены, что именно так он произносится и пишется, и даже русское слово бог они пишут не полностью, а «б-г»), но и ось всей человеческой жизни. Правда, и человек деспотичен по отношению к внешнему миру, и природу подчиняет себе чрезмерно, но все же человек не предписывает муравьям, как им строить муравейники, как размножаться и как молиться – но Бог деспотичен, и порабощает человека, унижая все человеческое. Может быть, Маркс прав, и религия – именно прежде всего *средство порабощения?*

Все человеческое плохо. Человек проклят, на нем печать непреодолимой вины, из-за своего любопытства и страсти к познанию мира он сломал

мироздание, настолько, что пока Адам и Ева гуляли нагими в саду и ни о чем «таким» не ведали и не ели запретных плодов, то жили вечно и были счастливы... (впрочем, были ли счастливы? Кажется мне, что и я был когда-то счастлив, когда был младенцем и не должен был заботиться, что мне есть и что пить... но согласился ли бы я снова вернуться в младенчество? Я как будто помню время, когда красота заполнила мой мир, когда я стал вдыхать запах цветов и их краски, и в мои органы чувств ворвалась Природа, и хотя я постиг и *стыд*, и испытывал *притяжение полов*, дружил и с мальчиками и с девочками, и с девочками мне нравилось дружить больше, но не было в наших чувствах ничего постыдного и столь ненавистной христианам *«похоти плоти»*. Вот также люблю я цветы, *«я их гляжу и вдыхаю»*, я даже испытываю наслаждение, глядя на цветы (то есть *похоть зрения*), как в лесу и в филармонии испытываю *похоть звуков*, – но мне не хочется мять цветы и срывать (то есть все же не переживаю я того *вожделения*, которое так сводит с ума христиан). Видимо, это самое чувство *притяжения* присуще человеку в разной степени, как и страх. Одни люди почти бесстрашны, другие робки до боязливости, большинство осторожно. Мы ведь любим греться у костра, но не приближаемся к нему слишком близко, огонь начинает нас жечь. Вероятно, кроме *людей лунного света*, которые *НЕ чувствуют*, не испытывают природного чувства, притягивающего один пол к другому, есть еще *люди*, ну скажем, *света Сатурна*, и христианином становятся, кроме людей лунного света, не нуждающихся в тепле *природного* костра, еще и люди чрезмерной животной чувствительности, как есть неуемно жадные, ненасытные, как в жаркий день пьют после быстрого бега, не останавливаясь, лошадь. Вот в этих горит безумный огонь, им до галлюцинации *хочется*, они себя с трудом сдерживают, чтобы не наброситься на первую попавшуюся, и поэтому они бегут в пустыню, в пещеру, как Иероним, но по ночам в полусне их осаждают толпы нагих красавиц, и борясь с собою, они пишут свои такие же безумные «Письма о девственности» и зывают к несчастным вполне благонаправленным девицам: «Не надо! Не прикасайся к мужчине! Будешь гореть за это в аду!» НЕ НАДО – это основной мотив Нового Завета, и проповедники христианства лгут, представляя его чуть ли не как наставление к семейной идиллии. Прочитайте у Розанова о нечистоте, которою якобы сопровождается и рождение ребенка, о чувстве отвращения к роженице, присущей и иудаизму и христианству, так что есть даже специальный обряд очищения; правда, Розанова самого заносит, вероятно, у него половое притяжение чрезмерно, и он часто в писаниях своих **об этом** чрезмерно физиологичен. Впрочем, что мне Розанов? И я был подростком, взрастал в их среде, наблюдал все типы человеческого взросления. Дети, родившиеся в хорошей семье, естественно хороши, даже без воспитания, без наставлений богов, в Элладе, Риме и в Иудее. Но христианское наставление о взаимоотношениях полов – это не то чтобы «слепые поводыри слепых», но даже словно бы учебник для излечения больных шизофренией, написанный шизофрениками (как сказал Маркс).

Итак, человек живет в мире, этот мир и внутри и вне. Многое и вне ему созвучно и близко, как и райские плоды, но многое враждебно. Область

сакрального – это не только то, что мы узнаём или пытаемся узнать на границе естественного мира, но и что мы излагаем в форме поучений и запретов. Так и мать не велит ребенку играть с огнем, а отец велит Еве быть осторожной с неизвестными яблоками. Однако, не все поучения верны, не все запреты полезны, поэтому иное надо подвергать сомнению, иное исследовать. Внешний мир как будто ограничен, но не только Геркулесовы столбы на его границе, возможно, существует граница и самой бытийности, и бытие простирается далее иначе, а именно – как *инобытие*.

И если человек кажется себе мерой сущего (того сущего, которое здесь), то возможна и иная мера, которою меряется и инобытие и бытие, порознь или вместе. Сама эта возможная мера если и постижима, то лишь отчасти, словно бы как сквозь "тусклое стекло" (говорит апостол Павел, весьма точно, хотя и осторожно). Способность представлять эту меру, чувствовать ее и размышлять о ней присуща не всякому человеку, как и музыку слышат не все, как и философию и математику понимают не все, как и вкус есть не у всякого. Эта способность чувствования за-природного, сверх-естественного, того, что за границей мира, или за границей чувства, или за границей мысли (?), присуща не всем, да и народам она присуща не в равной степени. Вот так эллины были наделены способностью чувствовать и создавать прекрасное, исследовать мир, представлять инобытие в форме мифа. Евреям (как и многим другим восточным народам) была дана способность религиозного мышления, позволившая сформулировать Идею единого Бога.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА ЗА 2018 год.

3 января 2018 г., среда, 12-10. Дни побежали и нового года, всё пьянки-гулянки, а жизнь проходит, успею ли добежать, успею ли дописать, да и напишу ли существенное, если даже успею?

А что существенное?

Владычество христианства было тем же для феодального общества, что владычество марксизма для советского общества, и то и другое оправдывало порядок вещей и было основой устройства общества. И то и другое было основой духовного подавления. Если марксизм, будучи по существу, до последних молекул своего матерьяльного бытия, *духовным подавлением*, несмотря на провозглашение материи основой сущего и несмотря на отрицание духа как сущности; то и христианство, борющееся с "плотью" человека, и с матерьяльным "миром", то есть с плотью бытия, было точно таким же *духовным подавлением*. Заполнив жизнь пресловутой *духовностью*, магией духа, заполнив жизнь стремлением выйти из жизни, христианство в своей борьбе с культурой как раз и отрицало единственную духовность и уничтожало ее. Христианство – одна из всемирных форм религиозного мирозерцания, и я не хочу сказать (да и боюсь сказать), что *религиозность* и не может быть ничем иным кроме эклектического соединения, во-первых, отрицания культуры как всеобъемлющей формы духовной жизни и, во-вторых, особенной духовности в форме мистицизма и магии, но и в христианстве и в

исламе "дух", отрицающий культуру, не может являться подлинным духом. Но что же тогда христианство? Ответ уже дан Розановым, который (в статье о Бранде) христианского *бога* называет *бесом*. Следовательно, это *учение об отрицании жизни*, внесенное в наш мир "антихристом".

Тогда какую же духовную пищу мы можем вкусить в христианстве?

Или никакой?

Наше время странных подмен и превращений показывает, что нет почти ничего невозможного. Какую любовь мы можем испытать и почерпнуть в *сексе*, в том половом чувстве, в той *тяге к наслаждению*, в той потребности наслаждения через соитие, которые соединяют мужчину и женщину? Физиологи и психологи, с которыми я работал много лет, часто раздражались на мои влюбленности, обличая их как *эротизм*, а когда начинали подозревать во мне именно жажду любви и подлинное *любое чувство*, раздражались *еще больше*, и начинали доказывать, что *любви нет*, а она только "настройка над базисом", то есть фантазии, прикрывающие "секс".

Почему мне так трудно было с нашим обществом находить общий язык, в основе которого должно было быть понимание, что человек состоит из двух сущностей, из плоти и души, и не является душа ни *надстройкой*, ни паром над кастрюлей с горячей водой, а и душа и плоть соединяются как кислород и водород в этой кипящей воде и в этом паре, и душа и плоть в нем присутствуют, и душа присутствует в плоти, а плоть присутствует в душе, и поэтому страсть к наслаждению присутствует даже в возвышенной любви, а любовь присутствует в страсти? Нет, говорят, ничего больше и нет кроме "гормонов", и любая любовь – это гормоны... (Я помню, когда-то говорили, что ничего больше нет, кроме атомов. НЕ знаешь, что и отвечать на это.) Ну, конечно, гормоны есть. И слюна есть при вкушении пищи и питии вина, но есть и аромат, и сладость, и вкус... И *звуки* есть в музыке, и вода в пище, но в любви кроме звуков, кроме "похоти плоти" есть еще и "похоть зрения", которую христиане тоже ненавидят, но которая является эстетическим чувством, не тождественным жажде сексуального наслаждения. Половое чувство рождается вместе с человеком. Оно есть в небесной угонченной, чистой как лазурь, шестнадцатилетней или даже двенадцатилетней девушке, в которую мы влюбляемся как в утреннюю зарю или в волшебный цветок, в ней есть и все то, что коробит наш слух, зрение, воображение, наше поэтическое чувство... но ведь и в цветке есть и стебель и листья и даже корни, и в одежде подкладка, и на воротничке самой чистой рубашки уже через полчаса появляются разводы от пыли и пота. Ну что тут поделаешь? Но я крестьянин, я и картошку копаю на грядках, и роюсь в земле, и кожа на пальцах трескается от той кислоты, которая, оказывается, растворена в почве. Плоть не только тленна, она всегда и грязная, и иногда отвратительная, особенно при болезни, но я ее приемлю, а ненависть к плоти и жажду ее умерщвления я воспринимаю как особенное психическое состояние, как заболевание, созидающее христиан. Есть люди, не способные принять соединение двух разных полов, есть *люди лунного света* (по Розанову), есть люди-аномалии, способные принять соединение двух одинаковых полов... Увы, кроме

гармонии есть и хаос. В "чистой" любви кроме плоти присутствует, во-первых, культура, в частности, красота, вкус, музыка, поэзия, аромат... Но есть множество форм любви. Любовь к детям проявляется чаще всего как материнская любовь... Но разве и меня не умиляет в моем внуке Паше особенное впечатление очарования, когда он как будто становится ангелом?

Да, *в любви есть "физика"*, и по нервным волокнам нашей нервной системы пробегает электрический ток. (Но когда человек убежден, что любовь и есть особая форма электрического тока, то ему надо идти к врачу или... излечивает культура, но на это лечение требуются десятилетия.)

В любви есть и метафизика: например, **сострадание, забота и нежность**.

Но есть в любви и еще один особенный источник, который мы ощущаем не только в любви, но и в творчестве, и в религиозном чувстве, я его называю *трансцендентным*, в сравнении с ним даже *метафизика любви* так же природна, как и физика.

Но об этом источнике даже я ничего ясного сказать не сумел. А христиане в своей «духовной схоластике» о нем и не подозревают.

И все же добавлю еще несколько слов о любви, споры о которой пронизывают и литературу, и философию, и богословие.

Если говорить почти грубо, то половая любовь почти сводится к чувственному, эротическому, обещающему наслаждение притяжению полов, к **хотению**, такому же, как голод и жажда. Мужчина соединяется с женщиной, потому что он ее *хочет*. Так же, как волк или лебедь, то есть *животно*. Но разве мы не видим, что собака издыхает на могиле хозяина, того, к кому притянулась, полюбила, и лебеди при разлуке страдают и даже умирают от тоски, и птица жертвует собой ради птенцов, поэтому и *животная любовь* вовсе не так груба и не унизительна для человека. К тому же, любовь вовсе не сводится к эросу, к притяжению между женщиной и мужчиной, к жажде наслаждения, есть ведь и результат, не просто побочный, непредвиденный, а входящий в любовь как неотвратимость, как ее **цель** – рождение ребенка. Есть ведь и желание иметь ребенка, если его нет у мужчины, то оно есть у женщины. Есть и любовь к ребенку, которая появляется *даже у мужчины*, который по своим свойствам и чертам характера мало отличается от животного, особенно если иметь в виду большинство мужских теорий любви (в своих книгах о Любви как *всемирном притяжении* я о них говорил, в частности о Шопенгауэре). Есть *любовь*, которая не имеет отношения к полу, например, страсть к чтению, к собиранию книг и предметов истории и культуры (и библиоманы иногда испытывают такую силу чувств, которую не всегда испытывают и влюбленные). Есть у христиан религиозная страсть и *любовь к Христу*, и то и другое иногда приводит их и на эшафот, на костер, на смерть, как протопопа Аввакума и боярыню Морозову. Но многие учения имеют своих "мучеников за веру", они были и среди коммунистов, и среди национал-социалистов...

Знаменитые слова апостола Павла о любви, которая *не ищет своего, долготерпит, не раздражается, всему верит, всего надеется, все переносит* ... – вовсе не о любви к женщине, для *истинного христианина* любовь к женщине омерзительна, как все природное, как природа женщины. Вероятно, Павел имел в виду любовь к Христу, может быть, *любовь к ближнему*?

Но не в марксизме и христианстве сегодня основная причина трагедии русской жизни. Сердцевиной ее является упадок всего совершенного, упадок высокого, запустение, растление и *снижение, деградация жизни*.

Но не только пала жизнь, пал и снизился человек, постарел, обрюзг, подурнел, словом, опустился, интересы его снизились до самого простого, обыденного, сиюминутно-житейского. Этому человеку не нужен концертный зал, театр, музей и выставка, не нужна книга, Если же она и оказывается в руках у читателя, то это книга самая посредственная, легкая в восприятии, развлекающая. "Анна Каренина" и "Преступление и наказание", стихи Пушкина и Тютчева читателю не нужны, и тем более не нужны книги по истории и философии.

Русский народ вымирает. Скоро он станет меньшинством на своих необозримых пространствах и потеряет свою страну, есть кому ее заселить, не только китайцам, но и быстрорастущим народам окраин.

Однако судьба России не отделима от судьбы Европы, или нам вместе спастись, или нам вместе погибнуть, культурно-исторический обще- европейский тип включает в себя романские, германские и славянские народы, если Лондон и Мадрид, Рим и Париж, Вена и Москва станут арабскими, турецкими или африканскими городами, то это и будет не только *Закатом Европы*, предсказанным Шпенглером, но и *Закатом России*.

Наступит ли этот закат, зависит не только от экономической и военной мощи государства, но от типа человека, от того, как он чувствует и мыслит, как он любит, переживает ли красоту и милосердие или стремится к одним удовольствиям, жаждет *хлеба и зрелищ*.

Красоту природы не может видеть слепой, но и в зрении есть изощренность, необходимая для того, чтобы в «идолах на улицах Афин» увидеть *лик божества*. Бог апостола Павла – это образ Бога, данный ему "сквозь тусклое стекло". Но Боги арийских народов вмещают в себя европейскую культуру и без нее немы. Вот также и арабы, и евреи, европейцы и русские принуждены были вместить эллинскую математику, без которой не осуществилась бы современная всемирная цивилизация. Христианство односторонне. Настаивая на своей односторонности, оно становится агрессивно (как и марксизм).

Но иногда мы встречаем гениальных детей. Значит, у меня скоро будут читатели – если не погибнут в ближайшее время Россия и русский язык.

9 января. Последние выводы? Во-первых, я болен. Во-вторых, устал. Устал от болезни, от христианства, от марксизма, от евреев и от русских.

В пору цветущего отрочества, познакомившись с марксизмом в двенадцать лет, девять лет я был марксистом, а затем чуть ли не *сорок лет* водил меня Христос по пустыне, как Моисей евреев, и можно сказать, что я побывал и в "хороших", потом в "плохих" христианах.

Только в 2004 году написал я «Записки на пальме», в которых с христианством расстался, и в последние пятнадцать лет своей жизни я не христианин (с оговорками, ибо, *влюбившись в христианку...* но об этом я писал в Любовных Записках...)

Побывав и в марксистах и в христианах, я сначала обличал советскую власть, теперь отдираю от себя воспоминания о христианстве. И все же нельзя сказать, что я веду с ним войну. Вот, например, окружающие идут выбирать нынешнего царя, дескать: *«если не он, то кто?!»* – в том смысле, что *других быть не может*, – словно они не изучали историю, и не знают, что *если место свято, то уж пусто оно не бывает*, и даже среди известных политиков, писателей, философов, ученых, "воров в законе", революционеров и иностранных агентов любой способен возглавить что угодно и с тем же рвением тащить нас в пропасть, в которую тащат нас те, о которых вы восклицаете, вечно советские люди: *«а если не эти, то кто?»*

Хоть эскимосы, хуже не будет! Как будто не выходили вы четырежды замуж, но почему-то не за того, кто уже был в мужьях, а *искали нового*, сколько бы ни взывал отвергнутый муж: *но если не я, то кто?* «Да стоит встать на углу у пивного ларька, и тут же толпа набежит, – в гневе кричали вы прошлому мужу. – Успокойся, хуже тебя не выберу!» Что же вы мужа ищете нового, а царя выбираете уже поросшего мхом?

И все же, несчастны мы все. И если боги – всего лишь иллюзия, как вдруг иллюзией оказались несомненно истинные учения – то за что же теперь держаться? И я жалею людей, и не решаюсь сказать окончательно, что хотя и пришел Христос *спасти свой народ*, но и Иерусалим был разрушен, и Баркохба убит, и коммунизм не построили...

Может быть, вам не стоит меня читать? Проверить мои рассуждения вы уже не сумеете, ведь они не случайны – столько прочитано выдающихся книг, столько влюблялся в красивых женщин, столько ошибок и обольщений! Я не счастливее вас, может быть слегка образованней. Смажьте губы очередного идола рыбьим жиром, как дикари на острове Пасха, и будете счастливы.

А меня пусть продолжит читать лишь тот, кому терять больше нечего!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА ПРОШЛОЕ

*«Пусть верит перу
жизнь как истина в черновике!»*

Александр Башлачев

ОСЕНЬ В ДЕРЕВНЕ

19 сентября 2017, вторник, 8-11. Надо ли нам знать правду? О Боге, о России, о русских гениях – всю правду? Сколько уже прочитал я о Пушкине, даже гнусные христианские упреки его в том, что вот, увы, *не любил он своих врагов* (и из наветов Вл. Соловьева и других христианских "*человеколюбцев*", и даже из наветов Льва Толстого, увлекшегося в *ветхих годах* Ветхим Заветом, но оставшегося христианином), – но сколько на него вылито и елея и патоки радующихся, что "*умер все таки Пушкин как христианин*", – но я его любить не перестал, ибо и Пушкин и Лермонтов *русские* до глубины души, а вовсе *не православные*, один был сумасброд, другой ревнивец и гордец (а разве тогдашнее дворянское общество было лучше, когда стрелялись из-за неосторожного слова?), но они самодостаточны с нашей русской историей и нашей культурой и ни их любовь к Богу к ним бы ничего не прибавила, ни любовь к ним божиих угодников, – а только бы отняла.

[Уже в школьные годы я пристрастно прочитывал предисловия и послесловия к сочинениям русских классиков, и непременно автор жизнерадостно сообщал нам о том, что хотя этот великий (имя рек) и заблуждался, но в самые последние годы своей жизни он все же начал прозревать, усиленно изучал «Капитал» и «Майн Кампф»... ах, нет, извините, «Что делать?»... и уже почти стал марксистом, но, увы, смерть помешала... Точно в этих же словах рассуждения о том, кем умер Пушкин – ему смерть не помешала, а помогла... Надо бы привести пару статей советских литературоведов пятидесятых годов к сентенциям о Пушкине, чтобы и авторы этих сентенций и их читатели вдруг бы увидели себя в том нелепом зеркале: *как глупо мы выглядим!* И мне надо бы не тратить время и пыл на опровержения, а только сказать: стыдитесь, господа, как эти заключения стары, как они глупы!]

Игнатий Брянчанинов закопал в подполье кельи свой талант математика и человека и выразился вполне в сочинениях, в которых объяснился в нелюбви ко всему человеческому: к *любви, гордости, чести, достоинству*, к желанию успеха и к счастливой (даже среди несчастий) жизни. Баратынский *светильник* заменил на свечу, а потом стал говорить шопотом, пока не умолк совсем. Достоевский ... не знаю, что и сказать, он не успел дописать свой роман... Гоголь свою гениальную книгу сжег и отрекся от Пушкина, а Толстой выбросил свои сочинения на помойку (как и моя подружка по приказанию священника отнесла на помойку и мои и свои книги и превратилась в листок на Древе Господнем).

Правду надо знать. И зная ее, мы будем благоустраивать *этот прекрасный и яростный мир*. Мы будем стремиться к счастью, помогая страждущим, помогая близким и миру, но не стремясь к жизни *на столе* и *в мокрой пещере*. Мы выкопаем свои закопанные таланты. Мы будем любить подруг и друзей, любить женщин, рожать детей и любить их, любить все красивое и достойное, исправляя несовершенное и преграждая пути злему.

Я противопоставлю себя, несовершенного, елею и мирре, патоке и репейникам, крапиве и чертополоху, злу и неправде, лжи и жестокости.

Я буду стремиться к правде и о ней расскажу. А бога, взрастившего себя в изощренной диалектике, софизмах, трюизмах, каламбурах и *подменах*, я *поверю языком алгебры и гармонии* – оба эти языка ненавистны христианам – ну так с Богом!

21 сентября, четверг. О чем бы я ни стал писать, я пишу о себе, следовательно, мои книги представляют собой бесконечный Дневник или, как говорят другие, нескончаемый *Поток сознания*. Правда, одна моя книга является исключением, это «Азбука высшей математики», которая, конечно, никакая не Азбука, а учебник математики для Высшей школы и годится в качестве учебника или учебного Пособия для студентов Политехнического института, Технологического, Горного, для физиков, химиков, даже для лириков, намеревающихся алгеброй поверить гармонию. Студентам математического факультета она, правда, может послужить только введением, но основательным, ее я писал восемь лет, и она поможет перейти к более полным и более детальным курсам мат.анализа, диф.уравнений, алгебры, геометрии, теории вероятностей...

Итак, пишу я о себе, но в связи с той или иной стороной жизни, которых у меня, как почти у всякого, немало. Много лет я преподавал математику и мог бы написать «Записки школьного учителя», но школа со мною порвала, так как меня посадили, и началась другая жизнь, в которой я пробовал многое, но преподавать приходилось подпольно... Наконец я стал Редактором, книги были всех возможных жанров, за ними стояли их авторы, разного пола, образования, характера, таланта. Никому я не хотел повредить, всем пытался помочь, редактирование оказалось для меня своеобразной школой жизни, так появились три тома "Записок редактора" – не только о себе самом, но и о русской литературе, истории, России, ее языке, культуре, религии и судьбе. На три четверти писал эти книги не я сам, а те русские поэты, писатели, философы, критики, которые меня созидали более полувека. Из них я делал обширные выписки, но это и правильно, мы все неотделимы от литературы, от протопопа Аввакума, Пушкина и Лермонтова, Белинского и Аполлона Григорьева, Достоевского и Розанова, Мережковского и Иванова-Разумника, Солженицына, Шафаревича, Варлама Шаламова... и даже Бердяева...

Я обращался к читателям не только затем, чтобы похвалиться собою, но и удержать их около великой русской Книги: не спешите *бежать по делам*, откройте ее, она о том же, что будет вам говорить невнятным языком Хаос природы и жизни, но она уже встроена в Космос, не думайте, что просто так, пренебрегая Культурой, вы больше впитаете действительного – нет, без культуры вы впитываете только обрывки: фраз, слов, звуков и красок. Без культуры вы недостаточно полно проживаете жизнь, только как суп без соли и без хлеба... но и без меня вы недостаточно сосредоточитесь на концерте, который сегодня дают в Филармонии мира, я – программа концерта, я помогу вам отличить Вагнера от Бетховена и Шостаковича от Рахманинова...

В тюрьме я размышлял и о смысле жизни и о де... но так как я всегда размышляю о *них*, даже "глядя на кирпичи", то я и написал «Записки на пальме». Но эту книгу читать не легче, чем учебник математики, поэтому я

искал более популярный жанр. Наконец, в очередной раз влюбившись, я написал три толстых тома о любви, запутавшись в ней окончательно, пока она окончательно меня не отвергла.

Читателей у меня почти нет, даже друзья меня не читают, даже о любви, сылаясь на то, что они меня и так хорошо знают.

Но ведь так пройдет и вся моя жизнь, "урок", на котором меня хоть отчасти слушали, давно уж закончился, а на перемене, которая никак не закончится, возможным даже читателям не до меня. Надо написать Книгу, которая лучше сможет привлечь любопытных, решил я, лучше, чем математика, философия и богословие, поэтому в новой книге, может быть, уже и последней, должно быть все: и несчастная любовь, и философско-религиозные размышления о Боге и смысле жизни, и приключения, и радости, и горести, и труд, и игра, и надежда и отчаянье, и безысходность и чудо. Я поделился своим замыслом с сведущими, они меня подвергли жестокой критике. Так книги не пишут, сказали они, здесь смешение жанров, пишут или о войне, или о путешествиях, или Записки охотника, или Приключения сыщика, или "Записки из-под кровати" (как мой покойный товарищ Володя Алексеев), или *Через Австралию на верблюде* (как недавно ушедший Анатолий Шиманский), или "Пятьдесят лет в тюрьме", как Варлам Шаламов, или "Пятьдесят лет под водой", как капитан Немо... «Но разве Война и Мир – это не обо всем? И Наполеон и Наташа Ростова, и неловкий Пьер Безухов и бравый Денис Давыдов, и сражения и рождение детей? И блестящий бал с юными красавицами, и испачканные пеленки?» "Ну да, но там *многие*, а ты пишешь *только о себе!*"

Нет, я написал (и еще напишу) и о многих тоже. Пусть это будут прогулки по Петербургу. Пусть это будет чтение книг и *Встречи на дорогах*; разговоры с Богом и богословами (специалистами богословия); несчастная любовь и восторженные взгляды; строительство бани и копка картошки; подведение итогов неудавшейся жизни, изумление оттого, что она оказалась настолько разнообразной, счастливой, влюбленной; негодование на русский народ и Россию и восторг, переполняющий душу, при встречах с ее девушками и ее детьми, ее бабушками и озбоченными работниками, спешащими по делам и тормозящими у прохожего на обочине; пусть в ней будет и этот бесконечный дождь олигархов, политиков, воров и вождей, который промочил мне душу насквозь, что ее и не вылечить, и ее закаты во все небо; шампанское "из горла" на двоих с поцелуями с незнакомой красоткой и верность вовек самого неверного из всех верных, лучшего из не-святых, строгого редактора, пишущего вкривь и вкось... да, пусть это будут записки живого и сумасбродного, поэта и математика (и это не случайно), обличителя язв, страдающего от своих собственных несовершенств и слабостей, крестьянина, вернувшегося в деревню, увы, на закате, путника, карабкающегося к вершинам, чтобы помочь близким...

Мой старый Дневник, который я назвал «Жизнь на краю», наполнен был стенаниями от того, что во все щели моей жизни лупили меня дождь и снег, жар и холодный ветер, я жил как в дырявом плаще на пронизывающем ветру, телефон надрывался день и ночь, осыпая меня проклятиями, бандиты

караулили у дверей, менты ловили на улице, наконец меня поймали и водрузили на "пальму" (там я написал свою «Критику христианства», книгу, сложившуюся из чтения "Посланий апостола Павла").

Ныне, когда уже я перешел на другую сторону пропасти, которой заканчивается всякая жизнь, всё только стало хуже. Интернет засыпает меня письмами, обращаясь ко мне «дорогой Алексей (Нав...й). Рокфеллер и Морган осыпают проклятиями моих родных, будто бы бравших у них взаймы в начале прошлого века, требуют, чтобы я отдал им баню, квартиру, компьютер и телефон (больше у меня ничего нет своего). Армейская разведка взламывает дверь, на меня одевают наручники и везут на гауптвахту, обвиняя в том, что я помог своему сыну с нее когда-то сбежать. Служба безопасности Мирового банка грозит мне расстрелом, якобы мой внук Паша угрожал их ограбить... (И только Паша умиляет нас с бабушкой, не давая повеситься. Паше три с половиной года. Мы приехали из деревни и привезли ему лягушонка, он его хотел водить на веревочке вместе с котенком. *Ну, как дела в деревне?* – встретил он нас строгим вопросом. Я пытался угостить его пирогом с брусникой, он отказался. Картошку есть тоже не стал, не стал и котлету, на танцы отказался пойти, требуя вести в бассейн. Ну хорошо, едем в бассейн, согласилась мама. Нет, я уже передумал, захныкал он, я хочу на корабль к пиратам. И все же он отходчив, я взял его на руки и он захрустел кукурузными палочками. На детской площадке он залез на вышку, чтобы обратить наше внимание на то, что детям оттуда не стоит падать. На лестнице он вырвался из моих рук и побежал по каменным ступенькам (а я думал, успеет ли приехать скорая, чтобы предотвратить мой сердечный приступ).

Но хватит петь! – сказал мне Паша. – *Дедушка, не пей!*

2.

Некоторые важные понятия, о которых спотыкаются почти все, надо читателю разъяснить заранее. Начну с определения числа.

Основная ошибка состоит в том, что почти все наивно полагают, что число – это некий один цельный предмет (понятие, явление, идея, свойство). В действительности, хотя гром и молния представляют собою одно общее природное явление, это электрический разряд, пронизывающий атмосферу между двумя облаками или облаком и землей, а гром – это лавина звуков, сопровождающая блистание молнии, в котором блистание – это свет.

Числа как такового нет, этим словом мы называем два разнородных отношения, в которых предстает нам мир. Есть *натуральное число*, результат счета предметов, зримых или мысленных, один, два, три, четыре... и так далее... Таким образом очевидно, что *натуральное число* – **мера счетного множества**. Сосчитываемые предметы являются **элементами** такого **множества**. В обратном порядке, удаляя из множества элементы по одному, мы получаем: ...пять, четыре, три... Убирая последний элемент, мы приходим к **пустому множеству**, то есть к такому (вводим его аксиоматически), в котором нет элементов. Вводим и понятие **меры пустого множества**, обозначая ее "0" (и называя **ноль** – от латинского **nihil** – ничто).

Измеряя предметы, длину, площадь, объем, эллины попытались спасти *натуральное число*, меру протяженных предметов представляя как отношение натуральных чисел m/n . Но столкнувшись с измерением диагонали квадрата, и они согласились с расширением понятия числа, для которого *счет* не может стать способом *измерения*. Новое число, *мера количества*, есть мера **нечетного множества** (но в частности счетного), и оно не результат счета, а результат *измерения*, то есть отношения измеряемого количества к эталону, единице измерения. Итак, **число** есть *мера нечетного множества*, то есть *отношение количеств*. Такое *число* есть величина непрерывная, континуум. *Отношения количеств* могут равняться и 3, 4, 5 .. – но это уже не счетные натуральные числа, а те же по природе, что и 3.0, 3.1, 5.2 и так далее

Теперь попробуем разобраться в том, что представляет из себя понятие человека и народа. «Человек – это звучит ... гордо!» с пафосом заявляет лицемерный Максим Горький. Но *это* никак не звучит, ибо человек в канаве или в постели у чужой жены ничего гордого не представляет собой, тем более что затем вводится миллион поправок к человеку, это и *настоящий человек*, а следовательно не всякий, и *единица ноль* – а следовательно даже всякий не настоящий... и так далее...

Представляет ли из себя человек личность? Очевидно, что всякий человек – это человек, но в отличие от натуральных чисел, природа которых едина, человеки все разные (хотя, впрочем, и *натуральные числа* все разные, одни из них четные, другие нечетные, а есть и простые...) Итак, следует различать понятие человека и индивидуального конкретного человека (как и понятие дерева и конкретных деревьев, которые уже береза, осина, ель и т.д.) Человек может быть апостолом Павлом, поэтом, деревенским пьяницей, праведником (хотя апостол Павел отменяет понятие праведного человека, говоря, что в Адаме все согрешили, *нет праведного, ни одного, все сплошь негодны!*)

Следовательно, как индивидуальное дерево нуждается в дополнительных пояснениях, это может быть осина или ольха, так и индивидуальный человек – Иуда, Каиафа, христианин, большевик, Кьеркегор, мент, "батюшка" и т.д.

И вот почему, после подобных пояснений мы не будем давать человеку определения, аналогичного треугольнику.

Не проще с понятием народа. Обычно путают *народ* и *население*, то есть множество людей, обладающих каким либо свойством. По отношению к другим народам каждый отдельный народ – это своеобразная личность. Но говоря о населении некоторого государства и полагая, что это народ, мы приходим к внутренне содержащемуся в понятии население противоречию. Население Австро-Венгрии было народом до 1918 года, а потом вдруг появились венгры, австрийцы, чехи, словаки, поляки. Население СССР составляло *советский народ* – в некотором смысле именно народ, хотя разные его части говорили на разных языках, и вдруг в одночасье *советский народ* исчез, появился "народ" России. Если важнейшим признаком народа считать общий язык и происхождение, то в России множество народов, среди которых в частности *русский народ* (именно он меня и интересует, его личность и является предметом моей судьбы и умозрений). До большевистской

революции украинцы и белорусы представляли собою неотъемлемые части русского народа, а Малороссия и Белоруссия являлись частями ВСЕЯ РУСИ. Но останутся ли украинцы общим народом, пока неизвестно, вот так исчезли *моравы*, превратившись в поляков, чехов и словаков, и исчезли *прусссы*, став немцами, почти исчезли *шотландцы* и *валлийцы*, став англичанами.

К тому же, нет тождества в понятиях *национального* у отдельного человека и у целого народа. В составе русского народа немало элементов разнородных, и все же целое обладает цельностью и прочностью, скрепляет эту целостность язык, история (происхождение, традиции, память), государство, иногда религия. Но не надо забывать, что у курдов нет государства, у евреев до недавнего времени не было ни общего государства, ни общего языка (да и теперь не у всех), у некоторых народов не одна религия (индиец может быть и буддистом и индуистом), австрийцы и немцы почти всё имеют общее, но принадлежат двум государствам и поэтому являются двумя *разными* народами (Гитлер правда, с успехом превращал их в единый народ, но ненадолго)... Отдельный человек смешанного происхождения может даже менять в течение жизни свою национальную принадлежность. Мой товарищ Анатолий Михайлович был русским, уехал из СССР по еврейскому вызову, жил в США, вернулся, кипел негодованием на русских (обзывая, как многие, их "совками"), стал русским писателем, отдалился от меня (а подружились мы 58 лет назад!), на днях умер... В его записной книжке было записано два номера телефона, один – его товарища, оставшегося в США, ставшего, наконец, евреем и оставшегося ему верным, другой – мой, *русского из русских*, русского писателя, обличителя русских и советских. Писали мы друг другу редко, еще реже разговаривали по телефону, относились друг к другу прохладно, он умер в свой день рождения, а я даже забыл его поздравить с этим днем накануне и не узнал, что он смертельно болен. Разошлись мы давно, еще много десятилетий назад, но в 89 году ездили втроем на его машине с моим сыном, из Варшавы в Прагу, из Праги в Берлин, без визы, когда рушилась Берлинская стена, сияло солнце, мы пили чешское пиво и венгерское вино, и еще не увядшая молодость нас воодушевляла! Разве тогда мы не любили друг друга снова, как четверть века до этого?! Да, мужская дружба не менее загадочна и противоречива, чем любовь между мужчиной и женщиной, а тут христиане со своей религиозной патоккой *любви к ближним* (у иудеев это была любовь к соплеменникам), и Гоголь отрекается от Пушкина, умирает как христианин, но теряет *истинно русского человека, каким он, может быть, будет через двести лет* (его собственные слова). А тут христиане со своей бредовой идеей, что *отныне несть ни эллина ни иудея*, и эллинов более и впрямь нет... «Нет чувства большего, чем чувство товарищества!», когда-то воскликнул Гоголь, но мнимая любовь к христианскому Богу иссушила его родовую любовь.

Не воскреснет Анатолий Михайлович, а я был слишком занят собой, не написал ему дружеского письма, не обнял на прощанье, не сказал, что несмотря на тридцать лет прохлады, я не забыл нашей студенческой дружбы.

Но я отвлекся от родового чувства, я отвлекся от национальной принадлежности... Конечно, и А. М. – русский, несмотря на обличенья *совков*, и я русский, ненавидящий всякое рабство: у коммунистической идеологии, у христианского Бога, у тирана, у царя, у лживого патриотизма.

Были русскими и мой товарищ Сергей Сергеевич Шульц, потомок коменданта Ниеншанца, и Маннергейм, барон, "русский офицер", враг советской России, швед, ставший главой Финляндии, и Владимир Даль, и Растрелли, и даже русские цари немецкого происхождения...

Но русские ли православные, заявляющие, что нельзя на одной полке держать Пушкина и святых отцов, отказывающие Лермонтову в гениальности из-за его Демона, носящие культуру (и в том числе русскую), отлучившие Толстого от церкви, объявившие, что *без православия русский народ дрянь* (Кошелёв), что добрые дела, не для бога делающиеся, делаются для дьявола (К. Леонтьев), что *всякая власть от бога* и потому даже лютый Иоанн Грозный, заливший Русь кровью, великий русский государь? И русские ли православные, поклоняющиеся святым, среди которых ни русских поэтов, ни писателей, ни ученых, ни полководцев, а только коленопреклоненные, без жен и детей, без родных и друзей, с богом, но даже без Родины? Одни из Палестины, другие из Малой Азии, те из Египта, а те из Европы...

3.

Но *хватит неть* даже во славу народа, тем более что не всё в русском народе я похваляю. Позавчера ехал с молодым Боровичским парнем и задал ему традиционный вопрос, какая сила заставила его остановиться, чтобы меня подвести. Он затруднился с ответом и я пустился в разъяснения. Академик Шафаревич написал «Русофобию», в которой изложил свои представления о делении народа на *Большой народ*, исполненный добродетелей, и *Малый*, зловерный (среди которого *в том числе* евреи и инородцы и русские, отрекшиеся от своих). Ох, евреи ему показали, подвергнув его во всем мире поношению и вражде! Я с ним тоже не соглашался, говорил, что к Малому народу отношу всех работающих, любящих родину, ненавидящих несправедливую власть, талантливых (а их меньшинство), а к Большому – верноподданных, ленивых, равнодушных, злых, стремящихся жить лишь для себя...

Сам крестьянского происхождения, я в то же время страдал, что ругаю простой народ, наделяя его пороками, а поэтов и ученых возвеличивая, хотя не всегда талант равнозначен добродетели. И вот теперь, сказал я, нашел я признак, по которому тоже делу надвое, на тех, кто пролетает мимо прохожего на дороге, и тех, кто останавливается, чтоб его подвести. Именно эти (а их пять процентов! вот и вы были двадцатой машиной, другие мимо меня пролетели) составляют людей талантливых, трудолюбивых, живущих страстно, и помогающих другим. Вот этот Малый народ и должен вдохновить мою книгу, во славу его я напишу и о *встречах на дорогах*, и о любви, и о нашей *России, которую мы потеряли*...

Надо еще сказать и о *совершенствовании личности*. Многие из нас, даже пьющие, пытаются стать лучше, вскарабкаться на вершину, но тут богословы

соизмеряют нас со святыми, а то и с Христом, то есть нашу числовую величину с бесконечностью – и при этом сравнении все мы оказываемся ничего не значащими. Но это неверно, сравнивать человека можно только с человеком, но не с Богом, ибо у Бога вообще нет достоинств, как и у бесконечности нет свойств числа, ни четности, ни нечетности, ни "простоты". Да к тому же неверно, будто святые взлетели за облаки, а наши *родители*, труженики, воины, кормильцы, поэты, солдаты, вбитые во все поля Европы – грешники! Хотя что-то делали не так, но... Но в чем же тех святость? Что отрекались от полнокровной жизни, от всего человеческого, от Родины?

И кто из ТЕХ бóльший святой? Угодник Божий, отшельник, "юродивый ради Христа"; или кто родится в королевской семье, унаследует испанский престол, будет мучить кошек, при нем евреев изгонят из Испании, многих сожгут, и не только евреев... или родится в царской семье, как царь Федор, при нем раскольники побегут за Волгу, в Сибирь, на Кавказ, многих сожгут, иным отрубят головы, не только раскольникам... или станет политиком, уже в наше время, воплотится в ЕБН, раздаст Россию своим знакомым, не только евреям... или поступит в военное Училище, будет служить, дослужится до генерала... нет, лучше будет просто торговать мебелью, удачно женится, тесть его назначит военным министром, любовница присвоит пять миллиардов и ее оправдают... Или он станет прокурором, сделает карьеру, дослужится до генерального, а в России полтора миллиона беспризорных, никого из тех, кто украл миллиард или сто миллионов, не посадили, беспризорник, укравший пакет с сахаром, сидит в тюрьме, следовательно приходит к нему на допрос раз в полгода, ждет, пока парню исполнится 18 лет, чтобы впать ему срок... И бедный поэт, не самый талантливый, работает кочегаром, напечатал уже полторы книжки стихов, и так как совсем не Пушкин, то ему не светит даже 11-е место в табели о рангах...

Но человеку ничего не возможно, а в неевклидовой геометрии православного мифа возможно всё, поэтому отсутствует трение между словами и фразами, и то, что говорю я, никак не зацепляется за слова христианской мифологии, основанной на простых аксиомах положения звезд в пространстве: *Бог нас всех любит* (ругаю я вот Конст. Леонтьева, а он все таки не приемлет этой елейной патоки, и строго замечает в ответ: в евангелии не говорится, что Бог нас всех любит, но лишь о спасении 12 колен Израилевых) и *мы уже все спасены!* – на улице бродячие евангелисты ходят с Библией в руках и спрашивают, знаем ли мы уже об этом? *Да не может быть!* – изумленно говорю я им в ответ. А спросите, отвечает, у любого прохожего, они тебе подтвердят... И, наконец, *после Страшного суда мы воскреснем*. И что будет? А вот воскреснешь, узнаешь!

Читатель, вероятно, ничего не понимает в существовании нашего спора. Дело не в том, что я хочу передвинуть поэта повыше генерал-губернатора. И даже не в том, что я непременно хочу справедливости для всех – для всех ее всегда не хватает. Или что я против церковного хора или воскресных школ...

Нет, речь идет совсем не о том.

На земле в каждое время идет две пьесы, в одной пьесе все обычные люди, разной степени таланта, способностей, *работают*, добывают хлеб для себя и близких, принимают роды, *лечат*, *учат* детей и молодежь в школах и институтах, патрулируют и *охраняют* улицы, *воюют*, если случается война; *воруют*, если где-то что-то плохо лежит; *играют* в театре... много чего еще... не все хорошо в нашей жизни, но если бы большинство не исполняло свой долг перед обществом и близкими, не было бы и самой жизни. Поэты при этом пишут стихи. От стихов жизнь существенно не зависит, как и от игры на фортепьяно, от романов, театральных представлений – а может быть, зависит как раз существенно, так как без вот этой, как говорили марксисты, «культурной надстройки», которая неизмеримо ничтожнее «базиса», большинство людей давно бы спилось или повесились, даже и дикари не только охотятся, но и устраивают представления, и лебеди, представьте себе, устраивают где-то на краю болота целые оргиастические любовные представления, и медвежата в лесу играют между собою и с папой и мамой. И я подозреваю, что и растения и цветы не все время занимаются тем, что пьют воду, воздух и свет и перерабатывают их в хлорофилл, но иногда и просто «цветут и пахнут»! Я помню, как летней ночью я шел по саду, и так пахла левкой, что у меня закружилась голова, и жена моя мне объяснила, что запахи – это *язык цветов*, которым они говорят между собою и с миром.

Итак, все то, что происходит в нашей пьесе жизни, это наш способ *жить и заботиться о других*, и кроме того, это наш способ разговаривать (помимо слов) между собою, с миром, с Богом. Но почему-то *спасение*, в которое уверовали христиане, свершается не нами, не нашими родителями, которые *любили* и произвели нас на свет, не солдатами, погибающими ради нас на войне, не работниками: крестьянами, кузнецами и плотниками, не актерами, музыкантами, учителями, а теми часто бесполезными людьми, которые якобы *служат Богу*, играя свои роли в этой второй никчемной *пьесе не-жизни*. При этом: если Пушкин, Гоголь и Лев Толстой создали тот чернозем культуры, на котором возросло все то, чем мы духовно живы, – *язык, мысль и воображение* – то почему еще даже с трудом удается (немногим) объяснить, что к самому существу того, что делает жизнь жизнью, не имеют какого либо положительного отношения ни священник, потребовавший у Гоголя отречения от Пушкина, так что Гоголь, запуганный "спасительной" верою, от него и отрекся и умер; ни Победоносцев, *простерший над Россией свои крыла*, ни те батюшки, у которых сегодня бедные дурочки спрашивают, можно ли им целоваться и с кем, ни лживые христианские проповедники, уверившие несчастных людей, что культура – зло, что *математика внушена бесами*!?

Но дело даже не в этом. Пусть, пусть девушки ходят в церковь, и если стесняются спрашивать у подруги и мамы, спрашивают у батюшки, пусть отчаявшиеся приходят в храм и молятся Богу, пусть печальющиеся слушают церковное пение (а ведь это не плохо, это как раз и есть то самое, за чем и я хожу в концертные залы и в филармонию), пусть нуждающиеся просят у Бога и у святых помощи (особенно те, которым есть о ком позаботиться и

поплакать, а не только просить для себя побольше и пожирней) ...пусть, пусть... Но так как я пишу о себе, и давно уже *начинаю с себя*, как мне и советовали христиане (ах, это они мне советовали ничего не менять в нашем неустроенном мире, не обличать казнокрадов, туенядцев, воров и политиков, а начать обличенье с себя.. ну, ладно)... Так вот, я живу плохо. Чем и как стиснула меня вселенская пасть, я по большей части писать не могу, но читатель знает, что сплю я плохо, ночью иногда просыпаюсь, сердце рвется из ребер на свободу, я пью лекарства, делаю гимнастику, а то сажусь за компьютер, потом снова ложусь спать. Но так как я живу не один, то это не всё, и не самое главное, только о прочем говорить я не буду. Тем более, что мир меня часто и спасает, даже когда мне кажется, что наступил уже конец света. Я ведь был близок к отчаянию и в тюрьме 13 лет назад (но тогда же написал свою лучшую книгу, «Записки на пальме»), был близок к отчаянию и на операционном столе 18 лет назад, но все обошлось, и в ночь на Рождество мне явился замысел моей еще лучшей книги «Боль и любовь». Отчаивался и четыре года назад, когда вдруг узнал, что брюхо болит, и меня, можно сказать, пронесли на руках через все пороги, и я в благодарность написал «Призвание литературы», где даже не спорил с религиозными мифами... Нет у меня особых отличий от остальных обывателей, я такой же, как все, даже уже решил, что не буду больше применять к себе ни *богочеловечество*, ни *человекобожество*, как Бердяев и Мережковский и русские богоискатели, я разочаровался в своем превосходстве над остальными людьми, и если некоторые даже глупее меня, то почему-то я уступаю в уме бездарным и злым (видимо, тем помогает Дьявол). Ничем не отличаюсь я от многих даже и в том, что прошу у Творца помощи, когда моим близким плохо, а когда мне кажется, что я умираю, прошу и для себя тоже. Но вот у меня нет денег на издание моих книг – разумеется, мне стыдно даже подумать о том, чтобы попросить их хотя бы у ангела (разве только шутя).

Ужасны эти меркантильные отношения человека с Небом (но не укоряю я тех, кому плохо, пусть они обращаются к помощи даже каждого встречного, и я подаю мелочь просящему или хотя бы пытаюсь его приободрить).

Ибо дело в другом. Положим, я уже сомневаюсь в существовании Бога, или по крайней мере разочаровался в возможности какого-либо диалога с небесными силами. По-прежнему внимаю я небу, слушаю музыку, читаю книги, – но уже не ощущаю я взаимопонимания, взаимодействия.

А предполагается ли оно? Вот я, иногда даже "слишком умный" (сравнительно с другими – или, возможно, это миф, который меня согревает?) – но разве я высокомерен? Свысока ли смотрю на людей? Нет, я их не презираю (кроме политиков, чиновников, богатеев). Но так ли относится к нам "милосердный Бог"?

ЗИМА В ГОРОДЕ

1.

Ночь на 13 января 2018. Увы, я человек, ибо, как я вижу, почти ничто человеческое мне не чуждо. Утром я метал громы и молнии, обличая ничтожных людишек, которым достаточно хлеба и зрелищ, и для этого они забывают о "высоком", а вечером я припал к экрану, глядя на битву космических цивилизаций – правда, *наши* боролись за честь, любовь и свободу, и даже победили... а я потерял два часа, и много важного не успел записать. Ну, ладно, завтра я постараюсь исправиться... Да к тому же, есть и обстоятельства, которые меня немного извиняют: ночью мне было плохо, утром я был почти в отчаянии, мне показалось, что я уже не выберусь из какой-то ловушки, в которую попал, плоть моя не только *подвержена тлению*, но и *действительно тлеет* и жжет мое сердце...

Но надо взять себя в руки. Мне будет становиться лучше, я занимаюсь гимнастикой, когда мне плохо, и сердце успокаивается. Я радуюсь жизни, и мне становится хорошо. Я радуюсь жизни, потому что без меня многим будет хуже, и я говорю (мысленно) им: *Ребята, все хорошо, это только временное уныние*, я ведь еще должен издавать «Журнал», никто другой с ним не справится, это во-первых; и надо дописать свою новую книгу, во-вторых; и научить Пашу читать... да, может быть, еще помочь ему кататься на лыжах (рассказывает бабушка, что его поставили на лыжи, и он с них упал один раз, потом второй, потом третий и воскликнул: «Да что за дурацкие лыжи, чего они все время падают?!»)

Виноват не я, говорит тем самым Паша (даже если в глубине души он и сознает, что что-то делает не так»), виновато что-то еще другое или вместо меня или по крайней мере кроме меня!

И когда он очень тяжело болел, и с трудом дышал, то шептал в полузабытьи *«Паша хороший! Паша хороший мальчик!»* – это было и заклинание и молитва, и *магия*, которою наделен человек добрыми богами. Надо любить мир, любить людей, любить человека не только как отдельного, но и как род, как **«явление человека»!** Надо любить природу, и жизнь, *и себя любить* хотя бы как часть этого мира, который либо поможет ему стать лучше, либо будет его растлевать и портить. Миру надо сочувствовать, а не только обличать, негодовать и наказывать (даже если бывают провинности)... Миру надо помочь, и потому надо взять себя в руки. **Если не я, то кто же?!**

2.

По большей части человек чувствует, что в окружающем мире, как и в нем самом, растворены и сосредоточены не только материя и энергия, но и нематерьяльные эманации, соединенные с материей, – и красота, и сочувствие, и забота. Это чувство почти то же самое, что вера в Бога, и лучше спрашивать так: *Ты думаешь ли, чувствуешь, предполагаешь, что и ты сам и мир вне тебя не только бездушное вещество, но и одухотворены?* И почти каждый скажет «да». Религиозный миф – это поэтический (или философский, или сказочный) рассказ о *формах одухотворения*, и у древних народов у каждого был свой собственный миф, созвучный народному сознанию и самоощущению.

Одухотворены и горы и реки и вся природа и Земля в целом, и культура, помимо воспоминаний, истории, традиций, суммы полезных знаний и представлений о добре и зле, о долге и красоте, содержит стихию представлений о соединении природного земного, начиная от самого низкого, – и надприродного небесного, заканчивая самым высоким.

В представлениях об истории и развитии мира содержится чувство и мысль об аналогии, подобии того, что происходит с миром и в мире, и человеческого труда и творчества. Источником деятельности человека являются мысль и чувство, намерение, замысел и воля. Происходящее в мире происходит *подобным же образом*, не в силу только случайности или вещественной закономерности, но согласно намерению и цели. И как человеческое творчество вдохновлено благом, так и творчество мира, является ли оно *самотворчеством* или в истоке его *иная Воля*, вдохновлено ли оно благом и благой целью?

Развитие и эволюция не случайны, а целесообразны. Как я пишу книгу моей жизни, так мир пишет книгу об эволюции мира.

3.

Но все происходит во взаимодействии человека и мира, и даже если человек зажигает огонь сам, но использует он, однако, для этого то, что горит и что предоставлено ему миром. Человек способен к труду и творчеству и это благо. Человек способен к познанию – и это не меньшее благо.

Я бы назвал взаимодействие человека и мира сотрудничеством, и мне хочется воскликнуть, как Богу, только что создавшему мир: *как это хорошо!* Но однажды явилась миру мысль и отпечатлелась в мире, что человек – неудачное творение (Бога ли, мира ли, природы), что он природно зол и нехорош, и что в истоках его истории и развития лежит изначальное зло и вина. Кому могла явиться мысль о *врожденной вине человека*, кроме дьявола (что в переводе с древне-греческого означает *клеветник*)? Большой ребенок, думающий, что он сам виноват в своей болезни и что он плохой, что он злой – что может быть ужаснее такого убеждения? Что может быть хуже, отвратительнее и злее такого внушения? Найдет ли он силы поправиться?

Религия, исходящая из мифа об изначальной вине человека, изначальном первородном грехе – лжива и тлетворна, зла и жестока, и это религия не Бога, а дьявола. Вот почему я и разошелся с христианством.

Моя правда подтверждается тем, что в течение этих двух тысяч лет многие богословы, философы, поэты, люди культуры всячески стремились исправить миф о первородном грехе, отредактировать и истолковать его, стихийно не соглашаясь с его библейским изложением. Кто-то мне и скажет, что Спаситель как раз и пришел на землю, чтобы уничтожить вину человека, искупить ее своей кровью... (О крови мы еще поговорим). Но точно ли мы виноваты? И вот что в сердце у христианства: надо спрашивать не о том, верует ли человек в Бога, а верует ли он в свой смертельный грех, в исходную вину человечества? И тот, кто верует в свою вину, только тот и может принять все остальное в их мифе. Кто принимает вину, тот не может быть светлым и добрым, он не «адвокат» человека, а адвокат дьявола.

13 января 2018, 11-40. Спал крепко, лег поздно и проснулся только в половине одиннадцатого, жалко утра, но сегодня начинаю поворот к Новой жизни. Во-первых, в чем-то буду становиться лучше, например, не буду так застревать на несправедливости жизни ко мне лично: разве трагедия в том, что мои книги никто не читает и у меня нет ни сил ни средств создать условия, при которых я стану доступен любопытству хоть некоторых? Нет, трагедия совершенно в другом, а именно, что я еще не достиг не только совершенства, но и художественной высоты, достаточной, чтобы на Олимпе меня заметили, и пока еще перо удерживаю в руке, надо совершенствоваться, а не слезы лить и не тратить время на ненужное.

Я буду становиться лучше, и для меня это возможно, потому что я знаю, в чем мои несовершенства, я знаю, что я не злодей, что мне не надо ни изъязвлять тело свое струпиями, ни морить себя голодом (впрочем, иные воздержания полезны, часто я пью вторую чашку чая не потому, что пить хочется, а – из чревоугодия), ни проливать слезы в стенаниях о своих мнимых грехах. Мне надо продолжать писать книги, издавать "журнал с топором", совершенствовать свой язык, стиль и мысль.

Но легко ли становиться лучше, неся на себе груз сознания врожденного преступления? Лия слезы от сознания своей якобы мерзости?

Да, человек – отчасти погибшее существо, источник падения – его субъективность, отделенность от целого, самопоглощенность – они нужны, но как правило чрезмерны. Надо меньше жить для себя, поставить заботу о себе на второй план, а на первый план поставить семью, общество, народ, культуру, государство (но помнить, что семья, близкие, отдельный человек, милосердие – выше интересов государства, и так называемые *государственники*, бывшие и нынешние коммунисты – эгоисты и обманщики!)

Есть ли Бог? Если человек не чувствует его присутствия в душе или в мире, то трудно даже советовать, отвечать ли ему "да" на этот вопрос или "нет". Как говорила атеистка и комсомолка Наташа М., наша преданная подруга: *"Есть нечто высшее, что разные люди воспринимают по разному, и по разному называют, а евреи даже боятся назвать."*

Ну а я кто сегодня, бывший христианин и мистик, повторивший отчасти жизнь и метания Печерина, хотя в монахи я не уходил, но и в русском народе разочаровался, и в Боге, даже и в магии и в мистицизме – кто я? Разочарованный романтик подобно Пушкину? Позитивист подобно Вяземскому и Тургеневу? Я затрудняюсь сформулировать ясное представление о собственных взглядах, но дело в том, что сто лет мы жили в искусственном тумане, мы даже о Пушкине не умеем сказать достаточно ясно, литературоведческая и философская мысль клочками мечется около его юношеских декабристских воззрений, богословская мысль уперлась в его мнимое христианское раскаяние и в прозрение Гоголя (отрекся от литературы, ибо прозрел и увидел Бога, говорят они. "Да ваш Бог – это бес! Или дьявол!" – восклицает Розанов, и умнее я ничего сказать не могу и его слова повторяю.)

Но что же, все таки, являет собой христианство?

При ясном взгляде дня?..

Возможно ли исследовать христианство так, как роман?

Рассуждения о Боге вне логики, написал мне Б.О., так как сама религия не может использовать понятие Истины.

Эти рассуждения напомнили мне давний спор с Володей Х. Он утверждал, что человек в сравнении с Богом – то же самое, что муравей в сравнении с человеком. Возможно, муравей пытается размышлять, познать и постигнуть человека, может быть, даже стремится установить с ним какое-то взаимодействие, «поговорить по душам». А мы не замечаем усилий муравья, не понимаем содержания его представлений, не способны говорить на его языке, потому что вся муравьиная философия о человеке не может быть выше самого муравья и поэтому абсолютно ничтожна.

Вот также *все то, что человек в состоянии подумать о Боге, ничтожно в сравнении с божественной действительностью* – так утверждал Володя Х., на этом настаивают многие "самобытные мыслители" (вдруг я подумал: не они ли изобретают вечные двигатели, черные дыры, первичный взрыв космоса, пересечение параллельных прямых на краю мира?..).

Как ни удивительно, подобные рассуждения, в которых утверждается, что человек конечен, а Бог бесконечен (я с этим не спору, хотя не совсем понимаю), поддаются анализу и "аннигиляции" (я нарочно придумал новый термин вместо "опровержения", что-то в нем есть новое и глубокое).

Человек – удивительное существо, ошибка многих философов состоит в том, что они присоединяют человека к миру, или, по крайней мере, к живой природе, или к ряду животных. (Правда, однажды я разговаривал с собакой, и у меня было чувство, что мы понимали друг друга и собака ничуть не ниже меня). Но мы и не мир, и не простая часть природы (хотя и не цари ее).

Мы – нечто особенное. Разумеется, всё в этом мире в той или иной части имеет сходное, например, горная гряда имеет общие черты с человеком, она в известный период возрастает, затем дряхлеет, она протяженная, имеет три измерения, твердая, снаружи имеет словно бы кожу (почву), покрытую лесом, кустарником и травой, но имеет и открытые места. Облако движется, иногда проливается дождем (как человек слезами), и так далее... Но **человек** – нечто *особенное* в сравнении со всем внешним миром, не менее особенное, нежели **Бог**, только через человека мир становится хоть чем-нибудь, на него появляется взгляд со стороны, он себя видит и познаёт (через человека). Может быть, он познает себя и сам, может быть и Бог познает мир, и ангелы Его, но по крайней мере только через человека хотя бы появляются предположения о бытии. Да, существует ли мир? Протагор говорит, что человек и удостоверяет **существование сущего**, об одном он узнаёт и говорит, что оно существует, о другом – что оно **не** существует.

Существует ли Бог? У разных людей разные мнения, но только благодаря тому, что *мы существуем*, по крайней мере появляется предположение, что существует Бог. Появляется тема для обсуждения. (Это похоже на то, что происходит после того, как я напишу книгу. Я ее написал – но ее по существу нет, пока ее не прочтет заинтересованный и достойный читатель, *достойный собеседник*, по выражению Академика Ухтомского.)

Ошибка самодеятельных философов состоит в том, что когда они высказывают некоторое *общее суждение* (о мире или о Боге), им начинает казаться, что оно настолько очевидно и несомненно, что является *аксиомой*, что весь наш дальнейший взаимный разговор должен происходить на этом утверждении как на основании.

Совсем недавно существовали *марксизм, советская власть, советская литература, строительство коммунизма, советский народ, Третий Рим, Третий Рейх*, в определенную пору существовала *зима*, существовало *прогрессивное человечество...* и так далее... Каждое из этих явлений воспринималось как нечто равновеликое всему миру, как его всеобъемлющий способ существования, несравненно более важный и всеобъемлющий чем, например, девушка Таня, с которой я вчера познакомился. Но проходит время, и вдруг, оглядываясь назад, мы видим вдали Античность, Древний Египет, Средневековье, Эпоху Возрождения, *Третий Рим*, ... и так далее... Немцам, конечно, казалось, что *Третий Рейх* равновелик миру, а сегодня он вспоминается как кошмарный сон европейских народов. Так же обстоит дело с марксизмом, который оказался не всеобъемлющей и равновеликой миру *Теорией, объясняющей всё*, а чем-то вроде учения о теплороде, учения Птолемея об устройстве солнечной системы, учения Лысенко о воспитании растений (и я вдруг обнаружил, что толком и не помню, в чем оно состоит, а ведь совсем недавно оно заполняло вселенную, как ее заполнял марксизм).

Итак, многое в мире в отдалении уже не кажется всем миром, но тогда и каждое мнение (некоторые из которых могут быть и теориями) – всего лишь мнение отдельного человека.

Приведу несколько примеров.

Я прочитал «Капитал» Маркса, создал даже студенческий подпольный кружок по его изучению, восхитился идеей Маркса о том, что экономической категорией, определяющей экономические отношения, является *стоимость*, которая является инобытием труда в его абстрактной форме (общественно необходимый труд для производства каждой отдельной вещи). Положим...

Но предмет производится трудом, соединенным с деятельной мыслью, умноженной на организацию и технологию. И сколько чего в этом предмете, даже Бог не сумеет вычленил – а деятельная мысль и технология, в отличие от воздуха, воды, солей и солнечного света, участвующих в производстве хлеба, категории экономические. Но и производство не до конца производит *товар*, то есть ту *товарную стоимость*, которая обменивается на капитал (деньги). Товар еще *становится товаром* с присоединением к нему множества других технологий, с помощью которых он попадает на *рынок*.

Но все же когда-то товар обменивается на деньги (при этом, увы, прибыль часто худеет), и что-то все же ссыпается в кассу предпринимателя. Разница между затратами (в денежном выражении) и окончательной ценой товара называется *прибавочной стоимостью*.

Сущность всего марксизма и всей пролетарской революционной теории состоит в том, что прибавочная стоимость якобы делится несправедливо, ибо производится *трудом*, а присваивается владельцем капитала, предпринимателем (например, Фордом, или издателем Сойкиным).

Является ли трудом *организация производства*, и в каком соотношении она переводится в тот *абстрактный труд*, который является источником стоимости (по Марксу)? Революционеры и марксисты этот вопрос не задавали, но история и действительность все же проверили справедливость марксовской основной теории, и оказалось, что в условиях несправедливого капиталистического способа производства на затраченных трудовые усилия рабочего *прибавочная стоимость* больше, чем при советской власти, соответственно и рабочий у них получал больше. В частном случае, с которым я столкнулся, когда математически рассчитывал численность рабочей бригады, обслуживающей технологическую установку, оказалось, что при расчетной численности в шесть человек капиталист повысил зарплату на треть и стали работать трое, при этом усталость их не возросла, а качество труда не уменьшилось. У нас рабочие жаловались на усталость, бригаду увеличили до семи человек, зарплату соответственно снизили, и жалобы возросли.

Множество ученых в области политической экономии пытались опровергнуть теорию прибавочной стоимости Маркса, но все они исходили из понятия простого труда наемных рабочих, который измеряется временем, умноженным на количество рабочих. Как измерять труд инженера, технолога, организатора производства, предпринимателя, технологии рекламы и производства продажи (это само по себе является отдельной индустрией), как измерять эффективность привлечения заемного банковского капитала (с которым безуспешно боролся Форд, дважды ими разоренный и дважды сидевший в тюрьме) – социалистические экономические теории объяснить и не пытались. А мне говорили: неужели ты умнее стамиллионного советского народа, умноженного на гений Маркса, Ленина, Сталина... *далее везде?*

Но и как измерять гениальность? (Об этом я еще буду писать).

Кстати, а о чем начинали мы говорить? Ах, речь шла о таблице умножения в политической экономии...

Советская литература... Это был океан, из которого мы все пили единственно здоровую воду. Я учился в школе в то время, когда в литературе царствовали поздний Горький, Шолохов, Фадеев, Джембул Джабаев, Сулейман Стальский.

И ведь каждый из них писал хорошо. Но в целом советская литература была тлетворна. Исследовало этот феномен советское литературоведение, которое почему-то при всех правильных штампах (типичности, положительного героя, правильного соотношения новаторства и традиций, ...) было тлетворным еще более. Однако эта литература представляла собою даже более чем Карпаты, Уральские горы, скорее это был Тибет вместе с Гималаями, отвергать ее значило выставлять себя на посмешище. Но в действительности нет ничего всеобщего и всемирного, а есть множество людей со своими мелкими мнениями, и эти мелкие мнения легко рассыпаются, а вскоре и Уральские горы и Гималаи оказываются горами из песка. Горький написал среди прочего *Мать*, *Жизнь Клима Самгина*, *Песню о буревестнике*, статьи и речи о литературе. В отличие от других, я многое читал, и четыре тома про Клима Самгина тоже. Статьи о социалистическом реализме ужасны, словно человек положил в рот лягушку и пытается петь

(правда, и статьи Льва Толстого об искусстве ужасны, но пишет граф как всегда изысканно, в отличие от босяка Горького.)

"Мать" у наших школьников провоцировала запрещенную лексику (ее заставляли изучать), Клима никто не читал, Песню о буревестнике разочарованные комсомолы не умели слышать, это превосходная песнь. При этом Горький еще написал "Фому Гордеева", Фадеев написал "Разгром", а Шишков – "Угрюм-реку", прекрасный авантюрный роман – но это не советская литература (не литература социалистического реализма).

Прошло время, Уральские горы советских книг уже никто не читает (хотя читать и вообще перестали), но появилась полноводная река зарубежной русской литературы, из-под земли выбились на свет подземные реки русской НЕ советской литературы: и дореволюционной, не успевшей тогда достаточно проявиться, и послереволюционной, мы открыли Мережковского, Иванова-Разумника, Розанова, Гумилева, Цветаеву, Георгия Ив́анова, Даниила Андреева, Ходасевича, Берберову, Евг. Замятина, Клюева, Варлама Шаламова, Солженицына, русских философов первой половины двадцатого столетия – и что в сравнении с ними даже монбланы советских книг? Я не буду сравнивать уровень и того и другого, мы утонем в спорах. Я скажу иначе: те, кого я перечислил, достаточны для формирования культурного человека, советская литература человека культуры сформировать не могла.

О прогрессивном человечестве, строительстве коммунизма, борьбе за мир, дружбе народов и подобной же чепухе не будем даже упоминать, как и про "комсомол – это молодость мира", "партия – наш рулевой", и Ленин вечно живой, забудем и о том, что Россия – тюрьма народов, нищая и отсталая – все это ложь и клевета, в которой виновны все до одного, кроме меня.

Но когда же я вернусь к критике христианства? Кажется, я надолго отвлекся в сторону, вспомнив о своих полувекowych спорах с советским народом, поскольку они имеют отношение к судьбе России даже большее, нежели судьба христианства. Что такое большевизм, русская беспощадная революция, советская власть и создание советского народа? Это влассовская армия на стороне немцев, это Рязанское княжество на стороне татар на Куликовом поле, это казачья Кубань на стороне Троцкого – это странное предательство русскими своей России. Что там евреи, и сколько они увлекли малодушных на свою сторону, мне не так важно, как русские изменники, польстившиеся на посулы еврейских комиссаров. Сегодняшнее негодование надо обратить на русский народ, не верный России. Если бы он не был так виноват, он бы сегодня не вымирал. Вымирание – следствие нераскаянности в своих исторических грехах, один из самых тяжких – рабская не преодоленная любовь к Сталину и странная любовь к нынешней власти, убийственная для всех нас. Вот-вот может распасться страна и России больше не будет, Сибирь будет отдана Китаю, европейская часть России будет поделена между западными соседями, и хотя обывателям на водку будет хватать, да они скоро и поумирают – но ведь у них останутся дети и внуки, будут ли они радоваться новому трехсотлетнему рабству? И не американцы и немцы, не евреи и черемисы втопчут нас в грязь, а наши русские соплеменники, говорящие, хотя и плохо, на русском языке.

Но я русский, и я пытаюсь их оправдать. Может быть, это гипнотический сон? И когда-нибудь мóрок вдруг сойдет, они очнутся, опомнятся?

Я уже забыл... Кажется, говорили мы о том, возможно ли рассуждать о Боге, ангелах его, о дьяволе, о первородном грехе, можем ли мы осмысленно рассуждать, можем ли мы, вглядываясь *в тусклое стекло*, отделяющее нас от вечности и от сверхъестественного, рассуждать так же здраво, как о спелости яблок и о погоде? Или мы муравьи, ползающие по поверхности земли?

Итак, повторюсь: то, что я вам теперь говорю, это не разговор с Богом и не возражение ему, это и не спор с его архангелами и небесными силами. Я разговариваю с частными лицами, такими же, как я сам, высказавшими несколько частных мнений, а именно, что человек ничего не может сказать о Боге, что все, что он о нем скажет, это пустое, бред или фантазия. Но где почерпнули мои оппоненты свое частное мнение? Это они подсмотрели на небе, подслушали у Бога, которого они видели? Нет, это им *кажется*, они так думают. *На каком основании?* Нет, про основание им ничего не известно.

Человек исследовал поверхность земли, и даже из наблюдений звезд составил земную карту. Мы ездим на поездах, плаваем на кораблях и летаем на самолетах, и даже не удивляемся, что положение бесконечно далеких звезд рассчитано точно. Не удивляемся, что на земле как будто заранее припасено все, что нам было нужно в течение обозримых десяти тысяч лет: в каменном веке мы находили вдоволь камней, в медном – меди, в бронзовом научились изготавливать бронзу (и все для неё уже было припасено), в веке железном сначала ковали метеоритное железо, потом оказалось, что под ногами железная руда. Надо нам золото? Да вот же оно! Уголь? Сколько угодно. Серебро, свинец, висмут, уран, электричество – все вмещено в природу как принадлежность или свойство... И мы догадываемся, что как и мы задуманы высшими силами а не в результате случайных вихрей сложились буквы в нужное слово, так и земля уже обустроена для нашего произрастания, как садовник готовит почву, прежде чем высадить в огороде цветы.

И наши способности подготовлены, не нужно посылать ангелов с неба, чтобы научить нас ковать железо, мы оказываемся достаточно умны и образованы, чтобы справиться со всеми текущими трудностями (при условии, конечно, что умеренно пьем, а не спиваемся, как русский народ).

В способности включено многое. Руки приспособлены для разнообразной работы, умеют копать, сражаться мечем и играть на фортепьяно. Ноги идут. Шея и поясница сгибаются. Но и ум справляется с множеством головоломок этого бесконечного космоса. Я обучался, к счастью, в университете, учился смотреть на далекие звезды и даже рассуждать о созвездиях, Млечном пути, и даже галактиках и метagalactиках. И Аристотель уже задал вопрос о границах бесконечного мира. Но уже натуральный ряд представил нам бесконечность, которая не повергла меня в уныние. Теория множеств, правда, удивила, определив действия над бесконечными множествами и введя понятие **меры бесконечности**, и оказалось, что существуют бесконечные *счетные множества*, такие как ряд натуральных чисел, четных, нечетных, простых, но и *множества большей мощности*... Впрочем, пощаду я читателя.

Рассуждая о Боге, мы не пытаемся ему уподобиться, это невозможно, мы задаем вопросы самим себе и как мы на них отвечаем, показывает нашу адекватность миру (в отличие от тех, которые восторженно вопиют, что *"о боге не говорят, о нем все сказано, сердце верное..."* и так далее.)

Бог или есть или его нет. Но прежде чем осмысленно об этом рассуждать, мы создаем о боге понятие, и отвечаем о том объекте ума, который вообразили – почему же не может человек сказать достаточно внятно и определенно о воображаемом им? Также Лев Толстой мог бы многое рассказать о романе «Война и мир», поскольку это он его сочинил, а говорил ли он чепуху по поводу бога, лучше знать Синоду, отлучившему его от церкви.

В Новом Завете рассказывается, что Бог вочеловечился и его ученики с ним ели и пили – или эти свидетельства для самостоятельных умов, сравнивающих человека с муравьем. не авторитетны? Апостол Павел тоже многое рассказал об Иисусе Христе, он с ним встречался – или соврал? А я встречался с апостолом Павлом, как я об этом рассказывал в «Записках на пальме».

Все ли достоверно в наших рассказах? Об этом можно поговорить. Но нельзя отрицать возможность суждений о бесконечном, ибо неоспоримы успехи наук, изучающих даже бесконечный Космос. Естественно верить, что и Бог, создавая человека, наделил его способностью мыслить не только о мире, но и о Боге, веровать в него и его чувствовать; и в человеке создавал себе собеседника, создавал того, который будет в него смотреться (а Он, возможно, будет смотреться в нас), как мы создали зеркало, чтобы в нем себя видеть. *И хотя зеркало неизмеримо ниже человека, но он в нем отражается точно, почему же не отразиться в нас Богу?*

Таким образом, предположение о вздорности рассуждений о божестве, неизмеримо нас превосходящем, так что чтобы мы ни подумали и не сказали, это будет лишь размышлением муравья – это предположение вздорно, ибо абсолютно не связано ни с какой традицией мысли. Есть богословие (почти бесконечное), философская литература, также касающаяся указанных тем, искусство и художественная литература (в том числе поэзия), в которых религия (а тем самым и Бог) занимает существенное место. Все это не доказывает существования Бога, но показывает, что наш разговор не спроста, недостаточно сказать, что мол, бог бесконечен, и всякое новое слово о нем бесплодно (но, значит, и старое).

Ну и хватит. Возможно, я показал, что человек вправе рассуждать о священных непостижимых предметах, и сказал ли он нечто новое и существенное, заранее неизвестно, надо сначала его выслушать.

Кто может бесспорно знать, что Бог не хочет разговаривать с нами? Особенности состояния, в которых мы испытываем *вдохновение* или *откровение*, не ограничиваются древностью – христианские ли врата открываются при этом, но врата открываются. Это видно и в литературе и в поэзии.

И, наконец, действительно ли рассуждения о сакральном оторваны от науки, философии, литературы и для них «закон не писан»? Чудо – это сверхъестественное событие – но в рассказе о нем логика не нарушается.

ХРИСТИАНСТВО КАК МИФ О ВИНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1.

13 января 18. Новогодний вечер по старому календарю (31 декабря 17).

Заключив нынешние Записки, я уже не буду более заниматься исследованием и критикой *Учения о грехопадении и искуплении человека*, а изложу свои представления о справедливом устройстве общества – хотя бы отчасти справедливом, хотя бы не таком безобразном, как оно сегодня или при большевизме, или при опричном государстве Ивана Четвертого, прозванного в народе Грозным, но бывшего Лютым, как и Сталин.

Сегодня государство не столько жестокое, сколько бездарное, хищное и воровское, оно существует только за счет разграбления природы и народа, оно растлеивает Большой народ и лишает всякой возможности самореализации Малый народ, все талантливое успешно вырубается, как сосенки в лесу, и он зарастает ольхой и осиной, и нашим детям скоро останется пустыня вместо страны. Где доказательства, спросит меня *Враг народа*. Но даже сегодня я открываю любую газету, и с каждой страницы капаят слезы и кровь. *Враг народа* знает, что это так, и спорит со мною как злоумышленник: но представьте себе, что я начну переписывать сообщения о нашей бедственной жизни, которыми наполнены Интернет и газеты, кто мою книгу будет читать? И все же в конце ее я приведу в приложении несколько кратких заметок о наиболее вопиющем. А теперь врагов народа буду именовать собирательным словом *Дьявол*, а наших обывателей, опьяненных и одурманенных его пропагандой, буду называть *городскою чернью*. И вот вам мое заключение: даже если я приведу в Приложении три тысячи томов, повествующих о торжестве беззакония и зла в России, они их не убедят. Дьявол их не будет читать, а городская чернь читать разучилась, и не волнуется она участью ни наших детей и внуков, ни даже своих, она живет для себя...

Но кто-то ведь воспитал человека в покорности и страхе? Может быть, на заре истории, когда каждый был сам за себя, надо было соединить разрозненные элементы в целое, и нужен был миф, соединяющий воедино любовью или долгом, *страхом* или заботой, состраданием или свободой, честолюбием или тягой к исследованию, страстью или *покорностью*. Только равнодушие соединить не могло.

Евреи нашли Бога, который обещал им надежду и стал их единственным народным вождем, принадлежащим их племени, всем его родам (или коленам), и они поклялись принадлежать только ему. Свои боги были у филистимлян, персов, еллинов, римлян, у славян были боги, отвечающие силам природы, хотя конечно, античная мифология была неизмеримо богаче (и не надо ни становиться в позу оскорбленного, ни из тщеславия пытаться умалить чужих богов – что толку из этого позднего тщеславия, когда мы приняли иудейского бога, только из милости принявшего нас? Помните, самаритянка прикоснулась к его одежде, чтобы его силой исцелить свою дочь? И что он сказал ей: *Я пришел спасти свой народ!* Она же ему ответила: *Но и собаке перепадает*

крошки с господского стола! И он ей снова сказал так: *О, женщина, вера твоя спасает тебя!* С господского стола ей дали крошек. Так это вы, гордые римляне, а затем уж славяне *получили Новый Завет как крошки собаки?! Или мы все дети той самой самаритянки?*

Но вначале свои боги были у всех народов, в том числе и у эллинов и римлян. Почему нам навязали чужих богов? Почему многонациональный Рим, в котором была и национальная терпимость, и веротерпимость, заимствовал религию именно у иудеев? Точнее говоря, принял религию иудейских сектантов, изгнанных из Израиля? К иудеям в Риме относились не лучшим образом, и тем не менее самое высокое отыскивали у них, пренебрегая своим, которым жили тысячу лет. Маркс, и сам бывший еврей, не ссылается на превосходство еврейского ума, не пытается доказать, что Библия самая совершенная книга всех времен и народов, он говорит, что всякая «религия – это опиум для народа». Вероятно, опиум, выращенный в Палестине, оказался лучшего качества. Но все же это был именно опиум, говорит Маркс. А почвой для этого опиума были **страх и покорность**.

2.

Жизнь сложна, человек иногда ошибается, не все умеет делать наилучшим образом, учится на ошибках, набивая иногда синяки и обдирая колени. Часто в своих падениях виноват он сам, но он пытается исправить ошибки, особенно маленький человек, ребенок, и ему в труде по совершенствованию помогает вера в себя, в свои силы, в свои способности. Падая раз за разом, утомительно и обидно признавать, что вот мол какой я неумеха, дурак, невежа – так и желание снова пытаться что-то сделать, что не получилось сразу, пропадет несомненно, и маленький Паша, которому еще нет четырех лет, падая с лыжами, восклицает: "*Эти дурацкие лыжи!*" Где и когда он услышал такие слова? Но как замечательно работает инстинкт самозащиты!

Мы способны признавать свои ошибки, я это вижу в себе, вижу в других. Но не требуйте от нас, чтобы во всем и всегда мы винули только себя!!! Не способны мы будем не только к подвигу, но и к простому труду, если будем думать, что только мы сами во всем виноваты. Христианство, в основании и в начале которого *миф о вине человека*, о том, что все было создано превосходным образом, даже человек был бессмертен, но из-за непослушания Евы произошла непоправимая порча мира, формирует особенную философию истории, саму историю формирует особенным образом – это история преступника, обреченного до конца света влечь знание вины и тяготы наказания (но вот парадокс: после того, как Ева с Адамом *зрызали* запретный плод, Бог говорит своим ангелам: *Надо изгнать их из рая. Сегодня покусились они на Древо познания добра и зла, как бы не вкусили плод и с Древа жизни и не стали бессмертными!* – следовательно, бессмертными мы еще не были, и не из-за нас мир стал тленным?! ...а вы говорите!..)

Из человека, от рождения живущего с сознанием вины, не может вырасти человек свободный, но только раб! И, следовательно, церковь нужна обществу, заинтересованному в том, чтобы часть из него была господами, а большая часть прозябала в рабстве, по существу не являясь частью общества.

3.

Извечные вопросы русского свободолюбивого человека "*Что делать?*" и "*Кто виноват?*" оказываются бессмысленными, то есть спрашивать их не нужно, ответ известен вместе с рождением человека: *Виновата Ева*, но ее вина как прародительницы человеческого рода распространяется на всю цепь рожденных, следовательно *виноват каждый человек*, он получил свою вину вместе с рождением; и делать нельзя ничего другого, нежели надеяться на божественное вмешательство, искупление вины человека распятием Бога, но кроме того, надо верить в Иисуса Христа, молиться о спасении, отчасти жить добродетельно, не преступая заветов Моисея. Правда, Христос еще добавил, что *надо взять крест и пойти за ним*, но как будто это повеление относится не ко всем, а к самым верным, и христиане делятся на две части: *подлинные христиане (узких врат)* и *обиденный христианский народ (широких врат)*.

Разумеется, возникает множество вопросов, богословие их не хочет или не может исследовать. Почему все же преступление Евы является виной, не ограниченной ею самой и Адамом, как соучастником, а распространяется на всю последовательность рода? С биологической точки зрения это подобно наследованию признаков прародителей в потомстве, так передается родимое пятно от матери к дочери, но биологическое объяснение трансцендентного первородного греха эклектически соединяет природное и над-природное, естественное и сверх-естественное – но при чем тут дьявол и Бог?

Итак, преступление состоит не столько в том, что был съеден «запретный плод», а в последствиях сего: в наступившем всемирном *притяжении полов* (которое названо *вождедением*) и наступающих неотвратимо последствиях преступного притяжения: в *беременности и рождении детей*, при этом *ребенок оказывается соучастником преступления* – или грех матери передается ребенку генетически, как принадлежность к ее роду (национальности)? Но все же и зачатие преступно, поэтому невинность играет такую важную роль в вочеловечивании Христа. Так как *первородный грех* присущ всем без изъятия, и святой им *помазан* так же, как царь помазан *миром*, то именно **и зачатие и рождение и являются первородным грехом**, и каждый грешен в том, что он родился.

Итак, вина "человека" состоит в том, что "он", вкусив запретный плод (и мы все продолжаем его *тайнственно* (?) вкушать), приобщился к той *тайне размножения*, которая присуща всему живому, и он виновен в том, что рождает детей (монахи именно поэтому уклоняются от семьи и от прикасания к женщине, избегая тем самым половины вины, участия в продолжении рода); но и монах виновен в том, что родился, так как его рождение было преступлением его родителей, его зачавших. Но как вина родителей переходит на нас, детей, неясно, тут уже какое-то дьявольское крючкотворство! (Даже Сталин говорил, что дети не отвечают за своих родителей). Ах, Розанова нет рядом, как гениально он спорил с Ибсеновским Брандом о наказании человека за первородный грех! У него умерло четверо братьев и сестер, "так это ведь *четыреста процентов за вину одного*", говорит Розанов (а он единственный у матери выжил), "столько не берет ни один ростовщик!"

Итак, человек виновен, и виновен двояко, во-первых, в том, что продолжает цепь рождений (в общем ясно, в чем обвинение, хотя почему это является виною, не ясно), и в том, во вторых, что рождается сам (а почему **тб**, что я родился, является виною, совершенно не ясно). Но сама *идея вины* оправдывает все: и несправедливость общественных порядков и отношений внутри общества, и запрещение вмешиваться в установленный порядок, пытаться его изменить, и даже запрещение отпущения за личные вины человека. Ибо «никто как Бог!»

4.

Но Бог человеколюбив и милосерд, и чтобы не вечно над человеком довлела вина, принес в жертву собственного сына, чтобы искупить грех человека. О том, почему и зачем это так, апостол Павел в писаниях своих рассуждает пространно, и в «Записках на пальме» я рассуждения его анализирую, как мне кажется, достаточно обстоятельно. Иисус Христос, Сын Божий, принес себя в жертву и таким единственным способом искупил вину человека. Но он и воскрес, показав пример воскресения, и подтвердив надежду верующих в него на личное воскресение после Второго пришествия. Но почему воскреснут только *верующие*, а не достаточно для воскресения добродетельной жизни?

Итак, посеяна *первородная вина человека*, как семя христианского мифа. Ее следует искупить. Человеку искупить свою вину невозможно, нужен Спаситель, которым является Бог, рожденный девой Марией (Мириам) – но Бог, ставший на время человеком. Бог, вообще говоря, может стать кем угодно, может стать и деревом и быком, но почему именно ему надо было родиться, богословие не объясняет. Ну, ладно, родился. Но как ни привычны были в это время сектанты, с этою сектой правоверный иудаизм не смог примириться. Да к тому же евреи боялись и смуты и римлян, и первосвященник Каиафа сказал: "лучше один человек пострадает, чем весь народ".

Человек, рожденный женщиной (хотя и *девой* – это разве не свидетельствует о зачатии как первопричине первородного греха?), который в действительности является Сыном Божиим, обрезанный в положенное время и введенный в иудейский храм, то есть ставший иудеем, то есть евреем – ибо если он не только Бог, но и человек, по рождению, то он и еврей именно по рождению от еврейки, а иудей по обрезанию.). Но я ничего против этого не имею. Мне только странно, что его изгнали свои соплеменники и приняли римляне, потомки ариев, а затем и славяне.

Для искупления нашей вины Сын Божий принес себя в жертву ... или отец принес в жертву собственного сына? – *не аллюзия ли это ветхозаветного сюжета о том, как Авраам пытался принести в жертву Богу своего сына Иакова? Я уже недоумевал, почему именно смертная жертва искупила наш грех, апостол Павел объяснил – но не совсем убедительно.*

Затем воскресение, создание церкви, вознесение на небо. Затем наступит Второе пришествие, страшный суд и воскресение умерших, часть из которых попадет в рай, часть будет обречена на вечные муки. Круто! И не менее жестоко, чем египетские казни, разрушение Вавилона, Тира и Сидона, и Содомы и Гоморры... И далее везде...

Но христианский миф не исчерпывается Творением, Ослушанием, Падением, Изгнанием, Непорочным зачатием, Рождеством (или Воплощением), Распятием, Воскресением, Вознесением, будущим Пришествием, Судом и всеобщим Воскресением человечества (или только избранных, сие не совсем ясно)..

Он включает в себя еще Церковь, Крещение и Причастие. Что они из себя представляют и что лежит в их сердцевине, это тоже необходимо понять.

5.

Кровь и ее значение как основного символа иудаизма и христианства.

Значение *крови* в иудаизме основательно исследовано Розановым, комментировать сие нет нужды. Достаточно отметить, что Бог заключил Завет с народом Израиля, и для подтверждения Завета каждый младенец мужского пола жертвует Богу свою крайнюю плоть (а вместе с тем и *кровь*). Кровь является более важным символом, тем более что этот символ присутствует во многих культовых обрядах. В каких же культурах она присутствует?

Во-первых, при **обрезании** (в *иудаизме* и *исламе*), так что очевидно, что *обряд принадлежности младенца к Завету скрепляется кровью*.

Во-вторых, при **договоре с дьяволом**, так как человек, закладывающий душу дьяволу за оговоренные блага, расписывается в договоре своею кровью (т. е. *скрепляет его кровью*).

В-третьих, когда **принимают в воровское сообщество**, вора или разбойника.

В-четвертых, при **приеме в другое тайное общество**, возможно, при приеме в **масонское общество**, по крайней мере, в наиболее закрытое.

В-пятых, у **большевиков** многие символы красного цвета. **Красное знамя**, красная партийная книжка, красный галстук у пионеров, даже обложки сочинений некоторых вождей красного цвета, например, у собрания сочинений Ленина. Красный цвет знамени символизировал кровь, пролитую борцами за правое дело.

И, наконец, в-шестых, **причастие христиан** состоит во вкушении кусочка пресного хлеба и глотка вина, разведенного теплой водой. Хлеб и вода символизируют плоть и кровь Христовы, которыми причащаются верующие: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: *примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов.*»

В пояснение к обряду причастия церковь настаивает, что во время вкушания хлеба и вина они таинственно *пресуществляются* в подлинную плоть и кровь Сына Божия. Иудеи жертвуют Богу свою плоть и кровь при рождении, христиане вкушают по крайней мере на пасху плоть и кровь христовы. Правда, если у католиков и православных верующий вкушает подлинную плоть и кровь Христовы («в которые таинственно пресуществляются хлеб и вино»), то в протестантизме (с некоторыми частными различиями) все же чаще подчеркивается символический характер причастия, а не реальное вкушение божественных плоти и крови. (Хотя, однако, неясно: разве у Христа существует плоть, разве она не только при воплощении в человека?)

«ЕЩЕ В ПОЛЯХ БЕЛЕЕТ СНЕГ»

1.

14 января 18, воскресенье, 11-11. Вчера была встреча нашего писательского кружка с читателями, а поскольку только писатели и читают, то это и была наша встреча друг с другом. Я устроил аукцион и было шумно и весело, даже мы продали две книги. Потом мы пили «домашнее вино», которое было вином из коробки, а я перелил его в бутылку и назвал домашним, все пили и хвалили. Я не думал, что *превратил* воду... то бишь, "вино из коробки" в "вино домашнее", но так как его все хвалили, то видимо превратил и в самом деле.

Вот мы сегодня все озабочены, как растопить вмерзший в ледяную глыбу русский народ. Никто не знает и я не знаю. Но ведь как-то растопил я когда-то милиционера, который в метро не отправил меня, пьяного, наверх, а поехал провожать на вокзал?! Разве это было меньшее чудо, чем воскресение? Кто-то назовет меня богохульником. Но я вижу, что *умирает народ*, и понимаю, что только мы, богохульники, озабочены тем, чтобы его спасти... как и на Волге в 42-м году это наши отцы умирали, а не ваши, святоши! Вы озабочены спасеньем своей драгоценной души больше, чем Россией, и наш отвратительный мир вы уже отряхнули с обуви своей, но вы уже отряхнули и Россию, ибо у каждого из вас две драгоценности – его собственная душа, которую он жаждет *распать Бога для*, и тот Бог, которому он жертвует всем, и Родиной и друзьями, и детьми. А что бы сказал Алеша Карамазов, если бы услышал, что мать-христианка согласна для Бога *пожертвовать своими детьми?* (а Бог и говорил: «кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и [не] следует за Мною, тот не достоин Меня.») Надеюсь, Алеша воскликнул бы, бледнея от ужаса, что *надо ее расстрелять!* Когда большевики в 21-м году подавляли крестьянское восстание в Тамбовской губернии (вот она, наша Вандея!), то брали в заложники молодых женщин с детьми и требовали, чтобы из лесу вернулись их повстанцы-мужья, в противном случае обещали расстрелять мать с ее детьми – конечно, она жертвовала мужем! Думаете, она бы пожертвовала своих детей Богу?

Заговорил я о христианах, и стало мне снова плохо, дурной народ смотрит телевизор и любит Власть, но все же я надеюсь, что он проснется, – проснутся ли христиане?

Выпил лекарство, сердце бьется ровнее, продолжаю...

Плохое ли у нас правительство? Оно не плохое – оно превосходное, но у него единственная цель – уничтоженье России! И немецкая армия была лучшей в мире, но она воевала против нас. Хватит взвешивать, сколько русской крови в том или ином, во всех она человеческая! Не сам ли дьявол возглавил армию против нас? Не те ли игвы, о которых писал Даниил Андреев, проникли наконец на поверхность земли и вочеловечились, чтобы уничтожить Россию?

Противопоставление Бога и человека идет не от нас, не мы восстали на Бога, но христиане требуют уничтожить в нас человеческое. Бог нас когда-то *создал по образу своему и подобию, мужчину и женщину создал нас, и прилепится жена к мужу и станут единая плоть* – а чего требуют от нас христиане? Им ненавистно все русское, но – надо ли нам жертвовать своей русскостью?. За шестьдесят лет проповеди, начиная от школьных лет, я не сумел ни в чем убедить ни одного человека, каждый упрям как скала. Но посмотрит вдруг телевизор, прочитает газету, услышит что-то от соседа или собутыльника и изменяет во мгновение весь символ веры своей! Но меня он не слышит, мне он не внемлет. У одних «наше всё» Сталин, у других «наше все» нынешние вожди, и даже когда он умирает на Волге или в далеких афганских степях и товарищи его убиты или разбежались, винит он не правительство, не командиров, а меня и подобных мне. Мало, кричит он мне, вас Сталин расстреливал, слишком был мягок! А у многих ведь тот же Сталин расстрелял отца или деда, но жертвует вмерзший в глыбу русский народ во имя лживых богов своими самыми близкими и, наконец, и собой. Но нет другого народа. Мне не дано своими силами остановить игров на Волге, значит надо этот народ растопить. Значит, мы должны совершить невозможное. Значит, мы должны научиться совершать чудеса. Бог не помогает – не оттого ли, что это бог иноплемennyй, он и не скрывал, что пришел к *своему* народу!? Жаль, что мне не удастся укорить последнего русского в том, что они предали Россию. Ведь вы составляли всю толщу народа, вы были крестьянами, рабочими, инженерами, учителями и ментами, солдатами и офицерами, нас, отщепенцев, было слишком мало, я не мог повлиять на историю, вы выбирали тех, кого хотели сами, а я был не интересен даже иностранным шпионам. Вот вы жили, молились, пили водку, получали зарплату, дружили с теми, кто был вам близок – кто, кроме вас, мог повредить нашей стране? Чиновники? Олигархи? Но это вы их защищали, я их ненавидел, но вы мне отвечали: пусть они и разбойники, но *это наши разбойники!* Я упрекал вас в том, что вы вымираете, а вы даже этим гордились: *Да, и вымрем!* – кричали вы, – *но тебя слушать не станем. Ишь, какой умник нашелся!*

Так кто же кроме русских продал страну за чечевичную похлебку «хлеба и зрелищ»?

И вот, увы, «опять двадцать пять!» Народ русский дурной, ленивый и пьяный. Но царь даже с этим народом совершал чудеса. Однако я то не царь! и вижу ясно, что даже в политике не гожусь, не умею, не гожусь даже в мелкие начальники. Богом стать не могу. Даже, как ни странно, мне и не хочется больше быть богом, разонравились иудейские боги и даже их дети (хотя я ничего не имею ни против плотника ни добродетельной Мириам).

Мне нравятся настоящие русские, но даже если б они воскресли, мы ничего не сумеем сделать. Пушкина и Достоевского не будут читать тоже. Даже в школу по своей охоте идут немногие. Они бы могли стать и умными, и добрыми, и образованными, но для этого необходимо принуждение, семейная строгость, не исключено, что даже и крепостное право. Хотя... дворяне должны быть все ж русскими. А были времена, когда они умели говорить по-французски, а по-русски говорили хуже, и Богу пришлось насладиться на нас

Бонапарта, чтобы наши дворяне вдруг обрусели... да, не может так быть, чтобы мы помолвились, и стол был накрыт в чистом поле, нужен и труд, и учение, и творчество, и даже жертвы. Нужна и власть, и она прежде всего.

И имея сегодня еще не до конца разоренную великую страну, частично только отданную чужеземным властителям, имея стамильонный народ, не до конца еще спившийся, я не знаю, что делать, и есть ли хоть самый ничтожный шанс на спасение. В чем же причина? Я плохо учился? Мало читал? Мало заботился о других? Не совершенствовал ум и способности? Кажется, что почти всё я правильно делал, а корабль мой тем не менее тонет.

Что делать? Я не знаю. Где наш Бог, спасающий Россию? Не знает никто.

Христианин возразит, что Христос нас спасет – не спасший даже *свой народ!* Христос ли спас нас в минувшей войне, в которой у моего поколения почти у каждого погиб отец? И мой отец погиб тоже.

Что нам делать, последним русским, как хотя бы что-то малое сделать для спасенья России? И вот словно мечется мать у постели больного ребенка, с микстурой, с компрессом, с стаканом воды, а тут вырывают у нее из рук и то и другое: пьяный сосед, безмозглый поп, никчемный муж, наглый вор, куражливый мент, равнодушный бог... но что им всем до больного ребенка? Им всем только до себя! И богу, к несчастью, тоже...

2.

15-15. Ходил в магазин, шел с трудом. Увы, придется не пить совсем. Не то что бы рюмку-две, но ни одной! Ничего не сделано, а значит, все равно что не жил.

Я еще утешал себя надеждой, что я хотя и человек, и почти такой же как все, но, в отличие от Христа, вочеловечился не напоказ, не для близиру, а как следует, и не только перед смертью вознамерился крест на себя водрузить (хотя лучше бы мне умереть поспокойнее, не мучаясь, это моя последняя просьба к Богу, если все же мне суждено умереть), но и всю жизнь крест тащу, и даже умереть придется тоже *как следует*, а не напоказ.

Смерть Христа, говорит Розанов, демонстрационна, он знал, что воскреснет (если конечно, и впрямь был Богом). Но ведь умный человек понимает, что нам его смерть ничего не объясняет, если мы и воскреснем, то *не вернемся* к нашей прерванной жизни, как Христос – к той же Магдалине, к тем же ученикам! Да и девица, которую он воскресил, вернулась к родителям, как будто спала и проснулась – а мы то – куда вернемся?! Наивные только думают, что вот, дескать, воскреснем, снова станем молодыми и сильными, и снова начнем за девками бегать... Шиш!

Итак, я не Бог, и богом быть не хочу. «Человекобожество» Мережковского, вознесение от человека к Богу – не для нас, у Бога и природа другая, бестелесная, то есть вовсе без всякой природы, без рождения и смерти, без жены и детей (исключая конечно, античных богов, более человеческих).

Но, может быть, мне еще что-то "светит", не ясно, с какого стола? Стать "сверхчеловеком" (по Ницше) я не надеюсь, и даже самим Ницше стать не хочу. Не мечтаю о нирване. Но только хочу дожить до спасенья России. Пусть даже придется ждать ее спасенья в тюрьме.

3.

Итак, я не бог, ни с большой ни с маленькой буквы. Я человек. Старый, больной, никому не нужный писатель. Но не то меня угнетает, что я не нужен, но что гибнет и не нужна Россия, и вмерз в ледник русский народ. Если власть русофобов и сегодня не даст хотя бы трещину, то произойдут невиданные гео-политические сдвиги, целые страны будут потеряны для потомков античной цивилизации, а вскоре будет потеряна и вся Европа. На карте уже не только судьба первого Рима (который мы тогда потеряли), не только судьба второго Рима (Константинополя), который мы затем потеряли, но судьба третьего Рима (Москвы или Петербурга), судьба арийской расы, может быть, судьба потомков мифической Атлантиды.

Да и черт с Европой, в конце концов, мы ее потом отвоюем, если только останемся живы. А живы мы останемся, если растопим вмерзший в ледовый панцирь русский народ. Да, народ стоеросовый, дубовый, раболепный и ленивый, легковверный и глупый – но что станет без него с русской культурой? Да, проходя по саду, люблюсь я цветами и вдыхаю их запах – но что станет с цветами, если выветрится вдруг чернозем и обнажатся камень и глина? Русские не поют народных песен, некому их и слушать – но все же именно из русского племени произошли Шалапин и Плевицкая, Собинов и Русланова, Дмитрий Смирнов и Надежда Обухова. Русские и книги стали писать хуже, но все же не только из дворян, но и из крестьян и мещан родились великие писатели и поэты, историки и критики, и Николай Полевой, и Добролюбов, и Розанов, и Иванов-Разумник, и Есенин, и Клюев. Из нас и Сеченов и Менделеев, и Ник. Петр. Павлов и братья Вавиловы. И каждый из них – это всемирная звезда на звездном небе, мы поздно вошли в мировую историю, но ни один из великих народов не может сравниться с нами по значению в ней! И неужели сегодня нас только два-три человека, пытающихся удержать распад великой страны? Неужели все остальные – это изменники? Или несчастные, которых правительство посадило на наркотик, и спит народ в наркотическом дурмане?

Но даже если нет Бога, существует, я верю, чудо! И оно нам поможет. Я прислушиваюсь. Еще далеко до весны, *но воды чуть слышно шумят где-то глубоко под снежно-ледовым покровом*. Но ведь и каждый год, после зимы, которая высасывает из нас последние силы, нам кажется, что мир закончил свое существование, наступил уже конец света. Приход весны всякий раз чудо, зимняя твердь кажется несокрушимой, чтобы ее растопить, не достаточно энергии миллиона солнц – но оно медленно поднимается по небосводу все выше, его лучи все пронзительнее и жарче, и вдруг начинается почти вселенский потоп, ручьи и речушки выходят из берегов, лавина воды сносит мосты на Эльбе и Одере, Рейн затопляет города, Днестр и Днепр затопляют области, Лена и Енисей покрывают материки.

Мы еще воскреснем, и наши жены родят новое русское племя гордых и свободных людей, опомнятся и французы и потомки Бетховена и Шиллера, Ромула и Рема, Цезаря и испанских морских бродяг, и поэты и разбойники, землепашцы и воины, философы и маги протянут друг другу руки! И мы воскреснем! И победим. Как мы победим, я не знаю. **Но мы победим!**

16 янв., вторник, 12-23. Разве не бывало так, что я жил неправильно – не говоря уж о том, чтобы жить *праведно*? В молодости я играл в карты, и проигрывался так, что не на что было есть. А пьянки, которым предавался я целую жизнь, пока не взбунтовалось мое верное сердце? – *все мне были верны, и друзья и родные, но был ли верен им я?* Нет, не был. Потому что хуже пьянства нет измены правому делу, ибо, разумеется, простой обыватель, рабочий или служащий, сторож или учитель, не встречается с дьяволом и не подписывает с ним договор о продаже души, расписываясь кровью; и не вселяются в наши тела и души бесы, почему и не нужно из нас их изгонять; и не встречаемся мы с иностранными вербовщиками, не продаем тайны Родины ни за доллары ни за рубли, мы и тайн то никаких не знаем, кроме того, что правительство давно все продало за границею (но это уже давно ни для кого не тайна). И грехов у нас нет – тех, об изгнании которых пять тысяч лет заботятся месопотамские Заветы, Скрижали и Таблицы – но есть у нас **забвение долга** и **пьянство**.

И я был не лучше всех, – то "престольные праздники", то дни получки, то встречи с друзьями, то грусть и похмелье, то рождество или похороны – какой же из меня пророк, учитель правды и обличитель забвения долга?

Я, конечно, оправдывался, что *"...в сплошном дыму, в разворочённом бурей быте с того и мучаюсь, что не пойму, куда несет нас рок событий..."*, что вот *"тогда и я под дикий шум, незрело знающий работу, спустился в корабельный трюм, чтоб не смотреть людскую рвоту"*.

"Тот трюм был – русским кабаком. И я склонился над стаканом, чтоб, не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном."

Но оправдание жалкое. А я ругаю народ. Когда и я не лучше...

Правда, у меня сердце болит, и я не делаю себе уколы *теле-опиума*, правда, я освободился и от *"опиума вселенских мифов"*, от марксизма и христианства, и социализм не строю, в диком рвении выпиливая сибирскую тайгу и продавая лес за границу, а себе оставляя одни опилки, – а вы ведь семьдесят лет только этим и занимались, превратив мою Родину, великую Россию, в опилки и щепки, и лишь в перерывах работы склоняясь над стаканом! Или в слепом беспамятстве волоча на шее хомут привязанности к чужим и чуждым богам, забывая два основных долга всякого нормального человека: **долг перед близкими** и **долг перед родиной** (*куда входит и долг перед культурой*)! Или христиане-отшельники, монахи и святые спасают себя и нас спасли? Или верноподданные? Нет! молитвенников, соблазвивших Русь своей неустанной молитвой, всего-то семь на всю Россию, и за ними никто не пошел; а я хоть детям разутым и раздетым вожу из города одёжу, не заботясь о спасении своей бесценной души, а заботясь о прикровении и пропитании их дрожащего тела, и Бог поэтому именно меня встретит как праведника, а не их, всемерных эгоистов, издрожавшихся над своим личным спасением. *Я лучше их!* Я настоящий! И все же и я не должен гордиться перед народом, он нищ духом и тупо стоит в забытьи на коленях перед царем, потому что не хватает ему – ума ли, проповеди, помощи? И поэтому я должен до самой смерти своей взывать и взывать: *Очнись! Встань! Дети голодные! Жена больная! Изба не топлена. Встань! Ну пожалуйста! "Встань, наконец, великий народ!"*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

17 января 2018 г., среда, 14-58. Из суеверного страха я не решался писать Исповедь, в конце концов этот страх преодолел, но решил не ставить ударение на интонации *прощального слова*, то есть на *исповеди*, а просто смотреть на свои заметки как на *обобщение* моих взглядов за последние годы. Они претерпели значительные изменения, надо их отметить, чтобы читатель не был введен в заблуждение моими предыдущими сочинениями.

Есть несколько тем, которые повторяются во всех моих книгах, во всех почти главах, чуть ли не на всех страницах: погода, закат России (а точнее сказать, ее гибель, ее уничтожение), евреи и инородцы и наши взаимоотношения, любовь к женщине и миру, культура и ее положение в обществе, ее значение для личности; христианство и коммунизм.

Судя по всему, я не только человек общительный, но и мое окружение является настолько же важной частью моей личности и самой жизни, как семья и близкие. Но сегодня мы все крайне возбуждены политическими, религиозными и культурными разногласиями, а я пишу о коммунизме, христианстве, о падении России и национальном вопросе – естественно, задевая чувства многих моих друзей, и я словно лежу на раскаленной сковородке, **боюсь обидеть** близких и отколоться от большинства, почти остаться в одиночестве. Из-за этого я боюсь писать откровенно, что и как я думаю (а особенно это было важно, когда я спасал N от депрессии, и мне приходилось каждое слово греть в руках, прежде чем передать в ее руки), и пишу не до конца искренне и не до конца правдиво, а поэтому хуже.

Надо на что-то решиться, надо все же сознаться в том, что я на самом деле думаю и о строительстве коммунизма, и о нашем советском прошлом, и о христианстве. К евреям я отношусь, как мне кажется, вполне для них приемлемо, я с интересом вглядываюсь в их традиционные взгляды и в их народный быт, они мне любопытны в такой же степени, как восточные народы, индийцы или арабы, но большинство современных российских евреев я не отличаю от русских, или от русских инородцев, которые для меня те же русские, а иногда и ближе, потому что культурнее (самые близкие мои друзья были по происхождению не совсем русскими: (К.) поляк, (Т.) поляк, (С. С.) немец, (М) западный украинец – из бандеровцев, евреи ... и среди товарищей были все кто угодно, не было только негров) – могу ли я их предать, даже если я «еврей из евреев, книжник и фарисей»?!. "Мой первый друг, мой друг бесценный" был поляком, женился я на комсомолке, но я русский *националист*, что это значит? Так как в словаре *русского языка* я не нашел слова "националист", то я и сам не знаю, что это значит, поэтому буду себя называть **народником**, и только для пояснения сего забытого русского слова буду иногда говорить "националист". Есть такие, кто называет себя словом *патриот*, и мне иногда советуют так себя называть, чтобы от меня не шарахались благонамеренные люди. Я посмотрел в *Словаре русского языка* и не нашел там этого слова, поэтому я его употреблять тоже не могу, некоторые нормальные мои соотечественники могут тогда подумать, что я иностранный агент. Некоторые мои знакомые евреи увлеклись иудаизмом, изучили иврит,

стали сионистами, иные даже уехали в Израиль. Так как сионист тоже народник, то он мне брат (пусть даже двоюродный), а тот русский, который от народничества шарахается, мне не брат, но, впрочем, может оставаться моим знакомым.

Итак, я *не* антисемит, а для сионистов и иудеев даже брат. Но как тогда я отношусь к инородцам? А так же, как к самому себе. Я по рождению и происхождению, по воспитанию и образованию *сибиряк*, то есть *инородец*, и только отчасти *петербуржец* (сибирская тайга меня опьяняет более, чем европейский лес). Но я русский, невзирая на свое сибирское происхождение, и русскими считаю и их, включая евреев, даже и русофобов (потому что я и сам отчасти русофоб).

Но... вот тут самое трудное, самое важное. Мир разделен многообразными делениями, есть парки и сады и дикие леса, звезды и моря, реки и озера, птицы и млекопитающие, цветы и папоротники, которые, как говорят, цветут только раз в году, так и человечество делится на народы, не только не всегда понимающие друг друга, не только даже противостоящие, но иногда враждующие (что прискорбно). Поэтому даже в Гете я чувствую чуждость, потому что Гете принадлежит к народу, который бывает мне враждебен. Но всякий немец, живущий в России, и считающий ее своей родиной, такой же русский, как и я, и мой соплеменник. То же самое относится и к литовцу, поляку и еврею. В Тамбовской губернии в середине 19-го столетия возникла среди крестьян иудейская секта, при Хрущеве они выехали в Израиль, израильский Кнессет целый год не решался признать их за евреев. Но теперь, таким образом, очевидно, что как в еврейский народ могут входить русские – а это я всегда знал, – то почему же и в русский народ не могут входить поляки, немцы, евреи? Множество евреев неотличимы от меня, русского, как и *половина русских неотличимы от евреев* (а вы говорите...). И все же при этом есть и русские, есть и евреи, есть немцы и поляки, одни из нас входят в русский народ, другие – в другие, недавно многие из моих соотечественников входили в советский народ, а так как я оставался русским, то меня за это и посадили – казалось бы, такие же русские, как я сам (или как они?).

Единобожие и жизнь для Бога как для высшей ценности – отличительная особенность ряда восточных народов, и что для мусульманина главная ценность – что он татарин или житель Кавказа – или что мусульманин?

Христос – бог еврейских сектантов, и он никакой не сын божий в смысле мистического родства с Иеговой (или Яхве), а уж тем более не являются богами немецкого народа и русского целых три бога, включая еще и дух святой. Это был античный и европейский *мóрок*, заставивший нас отречься от своих богов и взять чужих. Впрочем, культура и божество – это не природные явления, а эманации народного духа и европейская культура по происхождению – эманация эллинского и римского духа, особенно в том синкретически всеобъемлющем смысле, в котором она является синтезом искусства, науки, литературы, театра, мистерии (формой которой является и христианское богослужение), философии и математики. Теперь мне стало окончательно ясно, что религия (у евреев или арабов, даже у китайцев и индусов) исчерпывает

для них все *сакральное*, и культура, кроме *прикладной*, им не нужна. Отсюда и враждебность их религии к культуре, отсюда и сожжение Александрийской библиотеки, и требование к Галилею, чтобы Земля не *вертелась*, и разрушение античных памятников в Афганистане талибами и разрушение исламскими фундаменталистами сирийской Пальмиры, отсюда и мои слезы по поводу этих безумств.

Один из моих товарищей мне часто указывал, что я воспринимаю христианский храм как **музей**, стремлюсь к *самосовершенствованию*, получаю образование в **лицее**, а для христианина источником *спасения* (но не совершенствования) является богослужение в храме и проповедь священника. Иисус обличал израильских книжников и фарисеев, противопоставляя им *нищих духом*, но ведь и *ученость фарисеев* была только *«так называемой»*, и ничего общего не имела с ученостью эллинских философов и математиков, риториков и правоведов, ораторов и медиков.

Мы жили в двух перепесекающихся мирах, цель жизни и смысл жизни в одном мире ничего общего не имела с тем, к чему стремился человек в другом.

В эллинском мире человек становился *культурным и образованным*, нравственность передавалась через народные традиции и семейное воспитание, была в том числе частью культуры. Что означало *спасение души*? Достигалось ли оно через воспитание, ученость, милосердие и прочие добродетели? *Иудей* должен был исполнять заповеди, *христианин* спасался через *веру* (как это доказывал апостол Павел). В сумасшедшем доме в разговоре с психиатром я весьма затруднился объяснением **спасения**; вот я человек хороший, говорил он, работаю прилежно, у меня добродетельная семья и друзья, но я не верю в Бога – значит, я спастись не могу. Почему? Что изменяет во мне вера в Бога?

Но мы пока говорили о *жизни здесь*. После того как она закончится, наши пути разойдутся, я бы попал в рай, если бы остался христианином, а он попал в ад и лишился воскресения (вряд ли он раскаялся в своем атеизме). Но так как я с христианством порвал, то мы оба встретимся в аду. Теперь я уже не понимаю, за что – ибо я стал **лучше** после всех своих злоключений. Однако именно вот эти *лучше* и *хуже*, как и добро и зло, в иудаизме и в христианстве не имеют значения.

Итак, я отчетливо осознал, что человеческий мир распадается надвое, каждый из этих миров основывается на своей системе ценностей и на своей особенной логике (характерным примером несоединимости двух логик является то, что исламские террористы, не отступающие от канонов ислама, готовят и совершают террористические акты в отношении случайных жителей, не являющихся ни врагами веры, ни врагами Магомета или Аллаха. Понять это невозможно, возразить тоже).

Мне не нравится мир, построенный по лекалам Библии и Нового Завета, и я поэтому выхожу из христианского храма. Не нравится не потому, что я люблю дьявола – нет, я с ним не знаком; и не потому, что *не люблю* Бога – нет, с христианским Богом я не знаком тоже. Как ни странно, я бы

присоединился к *строителям коммунизма*, если бы они не вдохновлялись злыми идеями ненависти к инакомыслящим, требованием всем мыслить одинаково (*кто не с нами тот против нас*), практикой тотального уничтожения образованных сословий. Но учение о социализме более древнее, чем марксизм, оно даже старше учения о христианском спасении, однако, как иудаизм был "развит и переиначен" Иисусом Христом (и некоторые иудейские богословы полагают, что христианство являлось своеобразной сектой в иудаизме), так и марксистская теория коммунизма являлась развитием идей социализма. Маркс превратил эту теорию в своеобразную религию, и я полагаю, что это связано с тем, что само мирозерцание еврейского народа религиозно, оно замкнуто на идее Бога и на жизни как на служении Богу. Понятие свободы отсутствует и в иудаизме и в христианстве.

Верить в Бога, молиться Богу, жить для Бога! – вот сущность сакрального мира. Если этого недостаточно и становится скучно, христиане устраивают крестовые походы, а исламисты – джихад.

Жизнь для жизни (условно говоря) – вот сущность *мира культуры*, мира как эманации национального духа, в частности духа русского народа. Русскому человеку чужд дух *подчинения* человека и всей его жизни, всех его связей, родственных, национальных, социальных и культурных – одному центру, стоящему вне человека, часто враждебному человеку, некоторой словно бы *высшей* сущности (но высшей ли?) – Бог ли это как Создатель и Вседержитель (но по существу тоталитарный хозяин, который распоряжается сам или через посредство его доверенных лиц, жрецов, духовенства, политбюро, секретарей разных комитетов – своеобразных священников – русскому человеку чужд дух тоталитарного *растворения* всего человека в таком якобы высшем центре, находящемся вне человека.

Марксизм, воюя против *религии как опиума для народа*, навязал России такую же эманацию аравийских пустынь и палестинских нагорий, как в исламе, в иудаизме и в христианстве, только богом стал **сциентизм**, обожествление науки и научного знания, тоталитарной целью вместо превращения человека в листок на Древе господнем стало строительство коммунизма, жизнь для *будущего* века (а не для *настоящего*), построение *царствия божия* на земле а не на небе (казалось бы, хорошо? – но за счет того, что отдельный растворялся в народе, в обществе, в партии (или в церкви, в Боге, в общине, в древе, в рае)... "единица ноль" – вот основная идея коммунистического мировоззрения! Вместо построения счастья для человека коммунизм отменил человека! Кстати о сциентизме. Если у христиан постоянная ссылка на бога, то при власти современного позитивизма, вместо заклинаний "с богом", "если будет на то воля господня", "слава богу" воздух наполнен восклицаниями: **ученые доказали**... и вот оказывается, что они уже доказали ВСЁ, они доказали, что бога нет, что национализм реакционен, что человечество должно растворить в себе все отдельные народы, ученые установили, **как и во имя чего** должен **жить** человек, к чему стремиться, сколько рожать, что есть и как спать, какие движения совершать в постели (о чем еще раньше написал блаженный Августин, запретивший мужчине и

женщине совершать непристойные движения)... если ученые сами не устыдятся превращать себя в античных оракулов, и не скажут, что они ничего по поводу жизни не доказали и доказать **не** могут, то станет их кабала еще пущей, чем кабала святош. Но не одни ученые опасны, опасен и народ, проповедники народной и общественной истины, которые противопоставляют личность обществу и часть целому.

Целую жизнь я прожил под игом... чего? коммунистов? христиан? нет, **Я** растирался о широкую дорогу *всеобщего*, как пыль под ногами всех. **Все** противопоставлялись моему **Я**. Всем очевидно, что не может быть **я** более право чем **все**. (Забывая, что и Коперник был не из всех, считающий, что земля круглая, и Колумб в одиночку задумал отыскать Индию, и Пушкин и Толстой и Достоевский в одиночку писали свои книги, не устраивая опросы *всех* по тому или иному поводу, и хотя церковь часто их одергивала, но все же их книги печатались и их взгляды становились достоянием общества. Но в СССР ни одно частное лицо не могло донести до многих свои личные взгляды, тоталитаризм был даже более крут, чем в Средневековье. Обо мне конечно народ не подозревал, мне удавалось разговаривать только с немногими близ стоящими, и мне возражали: *но весь советский народ думает иначе, все люди доброй воли, все прогрессивное человечество, вся наука, вся философия ...*

Изменения в обществе оказываются связаны чаще всего с одной единственной личностью (и не только божественной): с Моисеем, Буддой, Иисусом из Назарета (но его божественность – вопрос веры, а не исторической действительности), апостолом Павлом, Магометом, Лютером, Кальвином, Марксом... в движении могут участвовать миллионы, но **начинает движение один**.

18 января. Меня ругают даже те немногие, которые меня читают, что я пытаюсь охватить *всё*. Но представьте себе, что я написал учебник высшей математики, в нем я представил с той или иной полнотой почти все разделы математики, по крайней мере для трех первых курсов университета, и меня бы ругали студенты и преподаватели, что я попытался охватить почти *всё*... а академик Смирнов написал и напечатал восемь толстенных томов, в которые математика вместилась в необходимых границах – ругать ли его за то, что он не ограничился теоремою Пифагора или Евклида?

Но я спешу, мне надо успеть и за собственной мыслью и за временем. Я партизан, расклеивающий ночью листовки на оккупированной территории, мне надо успеть их расклеить, пока темно и меня не поймали и не застрелили. А вы, конечно, живете спокойнее, вы поете в ансамбле «Спасибо Сталину за счастливое детство», вас не ловят, но даже иногда дают премии и награды. Дело мое, разумеется, безнадежно, но я не могу его бросить, пока не свергнута власть Золотой Орды.

Итак, заканчиваю о двух мирозерцаниях (эта идея является, по существу, обобщением учения Данилевского о культурно-национальных типах).

Два противоположных мирозерцания связаны с эманациями двух типов народов, о которых я уже сказал. Ветер аравийских и палестинских пустынь нам чужд, русской культуре, образу жизни, русскому характеру, русской истории и многовековой памяти предков. И сколько бы я ни расточал

умиленных слов о том, что евреи образованы больше русских, что они в России не могут не считать и русский язык и русскую культуру и русскую землю своей родиной, и поэтому ничто не мешает им быть такими же русскими как и я, но не являюсь ли я в своих рассуждениях о двух типах народов скрытым *антисемитом*? Или в своих рассуждениях о христианстве (а православными являются русские) скрытым *русофобом*? Или в своих рассуждениях о коммунизме скрытым *врагом народа*, состоявшего недавно из **всех**? Но разве, возлагая цветы на могилы солдат, воевавших против немецких орд, мы разжигаем ненависть к немцам? Я протягиваю руку каждому из тех, кому невольно от меня попадает на страницах моих книг, и в последний раз повторяю: влюблялся я и в комсомолок (сам в комсомол не вступавший), и в христианку, с которой проливал слезы, когда на нее находило отчаянье; дружил с поляками, читаю французских писателей, люблю Александра Блока, невзирая на то, что у него отец был евреем, люблю Пушкина, невзирая на то, что у него мать была немкой... Но в России живут, кроме евреев, еще и татары. В *Казанском крае* (а я противник того, чтобы земли в России делились по племенному признаку, тем более что и немцам и евреям и полякам и украинцам мы таких земель не сможем выделить даже при желании)... итак, в Казанском крае живут, кроме татар, еще и русские и башкиры, и словно бы на чужбине, а татары живут не только на своей *этнической родине* (как говорят о евреях, имея в виду Палестину), но и в Москве и в Петербурге, где большинство населения пока еще русские, но татар здесь не притесняют. Но Россия как единое государство без русских пропадет, пропадут и татары. Напрасно кто-то внушает нам, что стоит Россию разделить на ханства, и все заживут в царствии Божием – но приобрели ли царствие божие узбеки, таджики, туркмены, киргизы?

Но вернемся к народности. Чаще всего о национальной принадлежности наших соседей по дому или по работе, в быту или в путешествиях, узнаём мы случайно. Но так как я редактор, а отчасти философ, я исследую и сочинения на темы культуры и философии, и повторяю: культура и религия – эманации народного духа, и своеобразие религии или культуры народным духом определяется гораздо полнее, чем индивидуальными свойствами человека. "*Мы любим всё – и жар холодных числ, И дар божественных видений, Нам внятно всё – и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений...*" – пишет Блок в поэме "Скифы" – так вот так же, как "сумрачный германский гений", существует духотворчество Аравийских пустынь и каменных нагорий Палестины, и я отстою от этого духа в Иудаизме и Исламе и противостою ему в христианстве и марксизме, и вместе со мною Вольтер и Даниил Андреев, Пушкин и отчасти Достоевский, Розанов и отчасти Мережковский, Иванов-Разумник и Варлам Шаламов и народный "русский печальный гений", в чем я сегодня уверился абсолютно. Это противостояние недобросовестные критики выдают за фашизм с целью нас дискредитировать. Мы же всего на всего потомки древней атлантической культуры, погибшей, к сожалению, около десяти тысяч лет назад, или потомки древних ариев, растворившихся, к сожалению, среди народов и племен Индостана уже ко

времени рождения Будды. Если наш Бог (Бог атлантической культуры) даст нам силы, то мы остановим **растворение** Европы и России (как не хотят растворяться ни евреи ни татары, и это и нас укрепляет). У народов есть геополитическая воля, желание сохранить и навязать свой народный дух остальному миру, воля, независимая от воли личности, от добродетелей сограждан, и не путайте наше противостояние чужой воле с ксенофобией. Мы сопротивлялись нашествию германской расы, ее, подобному наводнению или движению ледника натиску – но не потому, что у нас якобы был анти-немецкий дух. Вот также русская культура стихийно сопротивляется натиску новой Золотой орды – разве другие народы не стремятся себя защищать? Но в то же время всякий человек, сознающий себя частью России и русского народа, мне брат. Так же и еврей и татарин.

Кажется, я все сказал, а имеющий глаза и уши пусть смотрит и слушает, может быть, и поймет, если только ему не надоело быть русским, и не прельстился он или «прекрасной полячкой», как Ондрий, или тридцатью сребренниками, как Иуда.

Итак, не по пути мне с детьми пустынь в их *жизни для Бога* (а они уже рождаются с его отблеском в душах), с их заветом с их Богом, кровавою жертвой и **обрезанием**; не по пути мне с христианами в их поисках «того света» и в их тяге к нему, в их пренебрежении к этому свету, с их жертвой, кровавым причастием и **необрезанием**; не по пути мне с буддистами и индустриями (но симпатичны "огнепоклонники" и "так говорил Заратустра"); не по пути мне под кровавым знаменем с строителями коммунизма (но я готов попытаться снова строить *народный социализм* с народно-социалистической партией)... Слов уже слишком много, а впереди будет еще больше, ибо я расскажу еще что-то и о своих поисках и заблуждениях – но ведь у других проповедников слов еще больше! И Библия не мала, и Талмуд; и хотя Новый Завет не так велик, но сочинения Отцов церкви и богословские труды и Постановления Священной инквизиции перевешивают труды философов (которые в сумме составляют тоже немало); и хотя Капитал не более Библии – но сколько написали марксисты, один Ленин целых пятьдесят томов! Поэтому читайте меня, я написал не так много и не так скучно, вы не пожалуете.

К тому же я написал **обо всем важном**: о духовном подавлении и свободе, о суррогате любви и подлинной страстной живой любви к женщине и всем эманациям рода, то есть к Родине и культуре; о природе, о рождении и смерти и *утешении* (которое мы находим среди ценностей нашего народного духа), о математике и поэзии, о философии и детях...

22-00. Я пишу Исповедь – и когда еще будет возможность если не приоткрыть завесу над собственной жизнью, то хотя бы приподнять краешек?

"Я чем-то болен давно, / А ночью пуще болит – /

Как будто дует в окно, / И дверь противно скрипит."

Ночью мне было плохо – это я повторяю часто. Я болен, но у меня нет времени заниматься своим здоровьем – хотя я и пытался найти целебную траву, как находит ее кошка, но не нашел, ни в клинике, ни в Интернете, ни через знакомых... И я даже точно не знаю, чем я болен. Делаю по утрам зарядку, и в

течение дня тоже, иногда и ночью, когда просыпаюсь от биения сердца, езжу в деревню, ремонтирую дом и баню, сажаю огород, кошу траву, копаю и рыхлю землю – все это поддерживает меня на плаву. Теперь только дожить до середины апреля! Но ночью мне плохо... .. и «опять двадцать пять»...

Нет денег... Ни у кого нет денег, но у нашей семьи долги, и они меня гнетут. В молодости мы с женой часто жили от ломбарда до зарплаты, а теперь живем в долг уже четверть века. *И я устал.* Вот почему я понимаю Пушкина, Вяземского, Достоевского, живших постоянно в долгах. Но я не играю в карты, как они, я не бегаю по ресторанам, не завожу знакомств с жрицами любви, не устраиваю шумных пирушек... изредка хожу в баню, изредка выпиваю 50 грамм водки – от этого долгов не происходит.

Да и долги долгам рознь. Меня они гнетут, как угнетали Шелли, который был принужден скрываться и не ночевать дома пять дней в неделю.

Но, увы, даже в Исповеди я не могу приоткрыть грустные страницы своей жизни, делающие несчастным не одного меня... Поэтому завесу я вынужден опустить.

Правда, а зачем я трачу время на жалобы?

Я ими не хочу сказать, что мне хуже всех. Плохо многим, и это я понимаю. Мне часто кажется, что я слышу рыдания, поднимающиеся над крышами домов, на меня капают струйки слез из водосточков вдоль стен, печаль как туман окружает дома. Холодно и сыро и прошлой зимой и этой. Но, кажется, есть и счастливики, которым в антирусских оазисах, в двух столицах, в бывшей и нынешней, плохо не так как всем, им даже кажется, что им хорошо, выше на полметра потолок в квартире, выше на полтысячи зарплата или пенсия, есть работа, не болят внуки, не так горчит пальмовое масло, которое они "потребляют вместо сыра", не так горек хлеб, испеченный из отрубей, не так поддельна водка, которую они запивают поражение своей любимой команды. *Поражение России их не колышет. Повышение смертности их не колышет. Отсутствие врачей и больниц в провинции их не колышет. У матерей нет денег на лечение больных детей – это их не колышет. У отцов нет работы (у половины трудоспособного населения в провинции нет постоянной работы!) – но и это их не колышет.*

А что же их колышет? «Россия лучше всех?» Любовь к нацидери?

Мне их понять невозможно.

Вдруг звонит старый знакомый. Поговорили о том, что его колышет. Может быть, ты прочитаешь статью в газете о том, чем живет Россия? Мне это не интересно, отвечает он. Может быть, ты послушаешь кандидатов, чтобы понять, за кого голосовать на выборах? От меня ничего не зависит (он знает, что от него кое что зависит, но он думает, что у него еще отобрали не всё, и боится, что отберут больше. Он знает, что другим плохо, но боится, что заставят им помогать. Он думает, что он никому не вредит, не ворует, но он потакает вора, и не верит, что за это пошлют его в ад. Правда, в Новом Завете ничего не говорится о том, что надо что-то менять в нашем русском мире, пропитанном слезами и горем, там даже говорится, что делать ничего не надо, и счастливый, он засыпает и видит счастливые сны.

19 января 18г, утро пятницы. Плохо не все, говорю поутру.
Сон вдруг приснился, и спал понемногу,
Утром не надо собираться в дорогу,
Вымокнуть, сохнуть, стоять на ветру...
Что же тогда после завтрака буду
Делать? Какое занятие найду?
Пол подмету, перемою посуду,
Дух износился – поправлю полуду...
Где-то кому-то на помощь приду.

14-20. Ездил в Круглую баню. Сначала, выйдя из метро, хотел повернуть назад, пульс колотился, и ноги ослабли. Но все же перемогся и добрался до парной. Пытался поговорить с народом, не ходил сюда года три, и раньше разговор получался. Сменился, видимо, состав парильщиков, или пропитались они телевизионным ядом, но ни одно мое слово до них не доходило, – а с детьми я легко нахожу общий язык. Сейчас идут выборы, я им и говорю: *"Узнайте, что говорят кандидаты от оппозиции! Посмотрите в интернете, прочитайте газету!"* Зачем? Пока все идет **нормально**, не стало бы хуже. *"Тогда почему русский народ вымирает?"* Рожать не хотят! *"И жизнь в стране вас устраивает?"* Этот делает все что может.

"Тупой русский народ, – воскликнул я в сердцах, рассказывая о своем разговоре жене, – *как... – тут я замялся... – как хомяки!"*

Жена у меня биолог, и она обиделась за хомяков. «Животные не бывают тупыми, они все умны, их поведение идеально соответствует тому, что происходит вокруг. Мне рассказывал участник первой антарктической экспедиции, как они встретились с пингвинами. Видели друг друга впервые и те и другие. Пингины стояли шеренгой на берегу, фотограф приладил камеру и начал снимать. Тогда из шеренги вышел один пингвин и встал впереди, раздался щелчок (или мелькнула вспышка), пингвин вернулся в шеренгу, а на его место вышел второй, и так они выходили друг за другом, пока продолжалась съемка. Поэтому я не думаю, что и хомяки глупее людей, напротив, только люди могут быть глупыми, животные же все разумны настолько, насколько это необходимо для выживания вида.»

Такой народ надо лишить избирательного права, большевики были так же против смены власти, как нынешнее царское правительство, и не допускали посторонних кандидатов, народ же ходил на выборы как на представление, как на демонстрацию верноподданнических чувств. Если возникла оппозиция в слое умных людей, они должны произвести переворот, но не мучить народ выборами. Народ никогда не проголосует против власти, если его не заставит другая сила. «Но не надо ли наказывать чернь, от бездействия которой гибнет страна?» *«Страна гибнет от бездействия умных людей, раздался голос свыше. Народ же может лишь бунтовать!»*

Обдумываю положение в стране и собственную жизнь, оглядываюсь назад. Пока мне не удастся ни исповедь, ни очерк моей собственной жизни – но я вдруг начинаю понимать, что развернутых воспоминаний писать не надо, *Исповедь* – это отчет или обзор, это оценка пройденного, может быть, с

примерами хорошего или плохого, это Объяснительная записка о моих взглядах на мир. А *воспоминаний* я написать и не сумею, это не мой жанр, и романа на автобиографической основе я не напишу тоже, поэтому и не буду пытаться наполнять эти записки происшествиями из моей жизни.

Но общий обзор ее я постараюсь дать. Жизнь моя состоит из нескольких периодов, в той или иной степени в мои книги все они входят.

В пятидесятые годы я учился в школе в Сибири, это пора моего отрочества, но я плохо помню повседневное. В шестидесятые годы я учился в университете, бывал на «музыкальных средах» Юрия Борисовича Перепелкина, коллекционера граммофонных записей, сыгравшего громадную роль в моем становлении. В эти же годы я влюблялся, и любовь к девушкам была содержанием моей жизни в такой же степени, как музыка и книги, и не в меньшей степени, чем все остальные происшествия.

Отчасти любовные мои переживания отразились в моих рассказах, они не совершенны, но лучше я уже не напишу, так что ограничусь общим обзором пятидесятых – шестидесятых – ... девяностых годов. С 97 года я начал писать Дневник, эти записки веду до сего дня, они составили мою «Жизнь на краю» и «Жизнь за ее краем». В последние семь лет я написал много книг, чуть ли не семь, в них и вмещены именно эти годы, по другому о них я писать не буду. Закончив же эту Исповедь, я словно бы произнесу над собой Приговор. Даже если я скажу, что пока из меня ничего не получилось, еще не вся беда: Жизнь не закончилась, надо преодолеть болезнь и писать иное и иначе, хотя что и как, я пока не знаю...

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ...

Пятидесятые – шестидесятые годы. Портрет поэта в юности.

В 1958 году я влюбился. Я учился в девятом классе, она в десятом, мы столкнулись в коридоре, и вспыхнула любовь – которая, поскольку я уже стремился к *всемирности*, не осталась только явлением моей собственной жизни, а сделалась событием для всей школы, дошло до того, что девочки ее класса чуть ли не на комсомольском собрании потребовали у нее ответа, любит она меня или нет. (И она, краснея, прошептала "да". О, как это переключается с сочинениями Игнатия Брянчанинова, воспевающего *любовь духовную*, и клеймящего *любовь от волнения крови*. И я теперь понимаю, что Философию жизни я постигал не в кабинетных философских исследованиях, как Гегель, не в углублении в эллинскую трагедию, как Ницше, но в своих «волнениях крови»). Это была красивая – нет, это была очаровательная девушка, немного старше меня, и именно уже девушка на фоне моего почти мальчишества, но даже в сравнении со мною еще ребенок. Мы были влюблены, но даже не решились поцеловаться.

В 1959 году я стал студентом Ленинградского университета, и всю зиму был влюблен в маленькую девочку Риту, которая, впрочем, уже училась на пятом курсе. С нею мы пропадали у подоконника на одной из лестниц общежития на улице Детской (около Смоленского кладбища) и неистово целовались. И все же все еще были дети. Те часы, которые мы проводили вместе, были какими-то *млениями*, мы улетали в космическую даль, забывали

о времени и пространстве, переживали состояние, сходное с погружением в религиозный экстаз, в **самадхи**.

Зима окончилась, началось цветение сирени, часто я проводил вечера в комнате, в которой она жила с тремя другими девочками, Тосей, Тасей и Гретой, и конечно, одновременно с Ритой я влюблялся во многих других, и в ее подруг тоже, и с Тосей мы целовались. Было ли это изменой? Нет, это было цветение черемухи и сирени, иногда дул майский и июньский ветерок, и наши ветви соприкасались. Но наступила пора расставания, девочки сдавали последние экзамены, мы уходили бродить по дорожкам Смоленского кладбища, его часть, прилегающая к общежитию, была просто запущенным парком, здесь никого не хоронили, не было и старых могил.

Я помню чудное мгновенье... Это волшебное чувство, которое Пушкин преобразил в поэтические строки, помню и я, через 58 лет – или, лучше сказать, я помню то *чувство*, которое изобразил в музыке Глинка – *не рассказ* об очаровании юности, а ее мгновения, застывшие в звуках музыки.

Что же мы испытывали? Было ли это "*волнением крови*", которое вводило в иступление и Игнатия, и Иеронима, и Августина, и продолжает вызывать столько ненависти у старых *колхозолок тридцатых годов. воскресших* на современных евангелических сайтах (а вы их откройте! О, как поучительно послушать заклинания христианских кликуш! Ибо это только кликушества! И, кажется, и никогда это не было ничем иным.)

Окончился и июнь, осыпалась сирень, зацвела акация, но мы оставались *детьми*. Что-то во мне было и еще, кроме всего того. о чем пишут Шопенгауэр и Фрейд, и даже Владимир Соловьев. И это особое состояние *души* (а я, в отличие от христианских богословов, презирающих душу, и якобы исполнившихся "духа святого", хотя и неразделим на душу и плоть как на две самостоятельные сущности, все же существую с живой душой – да и плоть во мне все еще жива, хотя и скорбит, ибо "дано мне жало в плоть", как говорил апостол Павел, "чтобы я не возгордился" чрезвычайностью и поэтичностью своей молодости) – и это особое состояние *души* не совпадает с родовым инстинктом, а противоречит ему.

Осенью Рита приехала со мною проститься, ей сделали *предложение*. Высшие силы, вероятно, вмешиваются в мою жизнь (и я не в претензии за их вмешательство), поэтому и осенние цветы не помогли нам перешагнуть рубеж, отделяющий детство от повзреления.

Но оглядываюсь сегодня на свою безумную жизнь, череду увлечений, признаний, восхищений, головокружений – все было только поэзией, ни на одно мгновение мы не упали до прозы. Нет, не хочу я сказать, что детство должно длиться вечно, что оно лучше юности – но все мои девушки были детьми и все наши романы были романами отроческими.

На третьем курсе я влюбился в девочку, которая только что поступила, и каждый год 30 сентября я ее вспоминаю. Ей в то время было только 16 лет. Она меня слушала *очарованно*.

Вот теперь я вдруг нашел нужное слово – то, что я испытывал, обнимаясь или целуясь, и даже не обнимаясь, было состоянием **очарованности**. Христианам, вероятно, страшно не только произносить это слово, но и читать,

ведь оно означает подпадение под действие **чар, очарование** то же, что околдование, (Но как убога жизнь христианина, погруженного в *бога* и утром, и днем, и вечером, и даже ночью, жизнь, в которой нет ничего человеческого, а все человеческое изгоняется! Да разве это так, воскликнет знакомый писатель, актриса, прихожанин, свидетель – хоть первого, хоть «*седьмого дня*»? Но они и не христиане. Они «сочувствующие», может быть просто «болеельщики» на том поле, на котором *христиане* жнут свои колоски и готовят хлеб своего воскресения, не заботясь о семье, которой у них нет, о друзьях и народе. Надо и мне умерить свои обличения, разве так плохо – *игра в христиан*, как и пионерские игры с кострами? Разве я не вступал в пионеры – стал ли я от этого коммунистом?)

Но и с этой девочкой наша *дружба* расстроилась (и хотя это были все же влюбленности, но по целомудренности отношений это были те самые школьные дружбы, которые так украшали школьную жизнь!)

Через два года я влюбился уже трагически, потом через год снова – в 63-м и 64-м году. Может быть, об этом я еще напишу. Когда утихнут бури, засыпающие песком наши души, когда остановится то растение, которому целенаправленно подвергается мой народ. Разве я свободен от вселенского воя и гуда? Разве я могу слышать музыку небесных сфер, когда «*игвы*», подземные жители, потомки ящеров, о которых писал Даниил Андреев, вышли на поверхность земли и захватили власть в половине мира? Когда мой собственный русский народ оглох и ослеп и поклоняется *игвам*?

Но перед благонамеренными, удивляющимися моим влюбленностям, попробую оправдаться. Итак, я люблю музыку, но в своем музыкальном развитии увлекаюсь то одним то другим композитором, и даже привязанности к музыкантам меняются. Недавно влюбился в П---ну – только ли в ее музыку? Нет. Но ей я в любви не сознаюсь, да и вряд ли представится случай, сцена и зрительный зал отделены так же, как земля отделена от небесной сферы, а я еще не небожитель и меня туда не пускают... И все же в нее я влюблен!

Но уже из древности я перенесся в сегодня – нет, всмотримся в прошедшие годы... Пятьдесят лет назад я *женился*. Как видите, я не остался небожителем – но пал ли я при этом из ангелов в бесы, как учил нас Христос?

Позавчера мы с женою забрали Пашу из садика и повели на занятие в группу английского языка, бегали по двору между домами, заблудившись, и Паша, припоминая, показывал нам то одно, то другое направление, наконец примчались, он бухнулся с разбегу в урок, все дети сразу запели, а я сидел в соседней комнате за компьютером. Потом мы шли к маме и папе, ребенок устал, я его взял на руки, он лежал на руках моих как в яслях в Вифлееме, и притворно закрыл глаза, будто спит, иногда открывал один глаз и хитро подсматривал... *Разве мы не шли по тропинке в Эдемском саду?*

Но не думайте, что у меня такая сладкая жизнь, у вас она должна бы быть слаще, одни из вас христиане, вы веруете в Христа, а значит *познали истину, и истина сделала вас свободными* (а я живу в дьявольском государстве, в котором за десять лет русский народ сократился на десять миллионов, и есть опасность, что я доживу и до того несчастного дня, когда он потеряет страну, нашу Россию, когда он ее просто сдаст иноземцам, как сдал уже Забайкалье

китайцам!!) ... и *истина сделала народ мой счастливым*, и он *ненавидит* мою Россию, потому что ничем кроме ненависти нельзя объяснить его любовь к той власти, которая так ненавидит мой народ и страну. Да и я уже мой народ почти ненавижу. Разве не слышу я до сих пор слова о ненависти не только к Белой Гвардии, которая воевала с красными за Россию, но и к Русской освободительной армии в изгнании (РОА), и к тем русским, которые, «в разворочённом бурей быте» сделали трагическую ошибку, поддержав Германию, надеясь, что она освободит Россию от большевиков? Вот вы клянете зарубежных русских как предателей Родины.. И клянете Ельцина, сегодня опомнившись и с ужасом вдруг понимая, что ваш вчерашний кумир обокрал Россию и раздал ее дружкам по воровской малине – а кто же привел его к власти, как не вы? Так не вы ли предатели родины?

Возможно, я доживу и до того благословенного дня, когда мой народ будет собирать хворост по окрестным лесам, чтобы сильнее горел огонь, на котором якобы русская его власть повелит меня сжечь...

«Кто не со мной, тот против меня!» – воскликнул когда-то Христос...

Да ты уж не с Христом ли себя равняешь? – слышу я чей-то возмущенный голос. Нет, я всматриваюсь в древнюю историю, которая так напоминает день нынешний. Евреям надо было решить, кто им дороже, синедрион и Каиафа, – или Христос? Евреям надо было решить, дороже ли им Израиль или Христос? И по существу вопрос перед ними стоял именно так. Или им казалось, что надо избрать между проповедником нового сектантского учения и религией Израиля, между проповедником, выдающим себя за Сына Бога, и истинным Богом Израиля, заключившим с народом Завет. И они избрали еврейского Бога, а Христос стал богом язычников (я так хорошо понимаю диалектику апостола Павла, который все это объяснял в своих посланиях, как будто вчера с ним спорил или соглашался). Но вы ведь не понимаете в его посланиях ни единого слова, иначе бы вы не спорили. Впрочем, вы его не читали...

Вот что я хочу сказать: вы власть отождествляете с родиной, ненавидя тех, кто против власти, которой вы поклоняетесь. Потом, когда власть меняется, вы – словно не замечая этого – поклоняетесь новой власти. Когда же вы начнете любить *Истину*, независимо от того, отождествляет ли с нею себя власть? Когда вы начнете любить Родину, а не «*жизнь за царя*»?

Итак, ваша жизнь наверное слаще, ибо и те, кто не христиане, уверены в своей истине, ибо «ученые доказали», что Бога нет, так и вы не сомневаетесь, что он есть.. Воистину, верно, что *блажен кто верует, тепло ему на свете*. Но почему мне горше, чем вам, об этом ниже...

Семидесятые – восьмидесятые годы. Портрет начинающего литератора.

Прошу меня простить, и христиан и не христиан, это все *волнение крови* заставляет меня негодовать на тех и других, ибо я *народник*, не утешает меня ни строительство здания коммунизма, которое сначала так затянулось, что вдруг это здание даже рухнуло; ни ожидание царствия божия, для которого надо отречься и от жены и от детей, и от брата и сестры, и даже от своего народа. Вот это отречение от всего человеческого, слишком человеческого, меня удручает и наполняет тоской. Почему я и волнуюсь, и спорю, и

убеждаю? Потому что я почти потерял ту твердь, на которой возрос. Я жил в интеллигентском сообществе с одной стороны (и весь Петербург был моей единой и неколебимой как монолит интеллигентской Родиной), и в народе, с другой – но народ был представлен моей Сибирью, там жили свободолобивые люди, и ни с одним не было непонимания.

Музыкальные среды и Ю. Б. Перепелкин, бывший военный капитан и собиратель русского вокала. Теодор Адамович Шумовский, отсидевший почти двадцать лет, великий языковед и ориенталист, переводчик Корана. Михаил Андреевич Гневушев, литовский князь, геолог, бывший ссыльный и собиратель русской живописи первой трети двадцатого столетия. Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина, певица, поэтесса, переводчица, эмигрантка, возвращенка, отсидентка, мемуаристка, вдова нескольких великих мужей. Людмила Петровна Жукова, актриса ТюЗа, собиравшая за своим громадным овальным столом лучших людей Петербурга. Владимир Иванович Мусатов, певец Оперетты, великий экскурсовод Павловского парка. Виталий Герасимович Горбацкий, астроном, астрофизик, историк астрономии. Математики. Гитаристы. Преподаватели, поэты, писатели, критики. Мои друзья, и их немало, они все выдающиеся. Собирались за пиршественным столом, на музыкальных концертах, на литературных вечерах (у нас дома – в течение двадцати лет.). И вот что удивительно – у нас не было разногласий ни в чем, мы были *единодушны*, хотя, возможно, думали мы не всегда одинаково. Кто-то из нас верил в Бога, но это было незаметно. Кто-то не верил, и это не замечалось тоже. Знание жизни, ее правда, понятия о добре и зле были у всех одинаковы. Власть никто не любил, партию тоже, Брежнева, Андропова и бесов помельче поминали не часто – среди нас не было извращенных натур.

Мои семидесятые годы были неровными, в семидесятом году меня посадили за якобы мечту взорвать памятник Ленину (я об этом узнал через тридцать лет). В семьдесят третьем году меня выпустили на «свободу». Все это было не так сладко, как можно подумать, хотя *миллионы* при Сталине (которого обезумевший русский народ вдруг возлюбил) пострадали неизмеримо больше. Однако для меня сидение было благотворно, математическая карьера, которая обещала быть успешной, прервалась и уже не смогла восстановиться, и хотя я и написал Учебник высшей математики, но он остался только памятником моему упорству. Но зато под пеплом моих научных способностей и амбиций медленно прорастала зелень нового мировоззрения. В восьмидесятые годы литературные вечера продолжались, я продолжал писать стихи и рассказы, путешествовал, готовился к новой жизни.

Девяностые годы. Портрет издателя и редактора.

Чуть позже в этой книге я помещу матерьялы Уголовного дела, из них мы узнаем, что я редактировал и что издавал. Издал я много хороших книг и бесценный памятник русской письменности – Радзивилловскую летопись, за это меня и посадили. Издавал я и журнал МЪра и был его редактором, за него, вероятно, мне добавили срок. Издал я после столетнего забвения "Россию и Европу" Данилевского (помимо еще 60-ти книг), за это хотели уже расстрелять.

Друзья мне советуют писать не о литературе и религии, не о любви, не стихи и рассказы, а о сумасшедшем доме, куда уехали меня коммунисты, и где я провел два с половиною года, зато единственный в России имею справку о том, что я *нормален*, а у всех остальных она под сомнением, а еще советуют писать о тюрьме, куда уехали меня позже *бывшие коммунисты, предавшие вчерашние идеалы ради золотого тельца*.

Но мне и сумасшедший дом и тюрьма надоели, да я о них и писал, и этого более чем достаточно. У нашего народа такой громадный опыт тюрем и ссылок, пыток и расстрелов, что мои детские добавления ничего не значат. Прочитайте великие книги: «По тюрьмам и ссылкам» Иванова-Разумника, «Народную монархию» Солоневича, «Кольимские рассказы» Варлама Шаламова, «Архипелаг Гулаг» Солженицына, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург.... И сотни воспоминаний – все они почти такие же великие книги...

Девяностые годы я вспоминаю как некий бесконечный калейдоскоп забот, встреч, обязательств, несбывшихся надежд и сбывшегося уныния. Я о них не хочу вспоминать. Но я выжил, выжили и мои родные, *это чудо*, и оно делает меня счастливым, несмотря на злоключения и тогда и потом.

Нулевые годы и позже. Портрет начинающего философа.

Дружил я с замечательной актрисой. Влюбился в юную пианистку. Влюбился в целый цветник певец и музыкантш – и это самое «удачное вложение моих душевных качеств» – влюблен я в них до сих пор, и они ценят мою влюбленность!

Но эти же годы подготовили мое сегодняшнее одиночество и разочарование в русском народе. Сменилось два поколения, умерли почти все, кто воевал и чья юность пришлось на тридцатые годы. Из воевавших жив только однополчанин отца, изредка я с ним встречаюсь, звоню по телефону. Умерли многие мои друзья, мои ровесники. То основание жизни, которое было единым, исчезло. Вокруг меня удивительное разнообразие лиц и характеров, но трудно с большинством из них найти общий язык, как бывало с Казимиром, Сашей Михайловым, Маркияном, Наташей Мартыновой, Леней Измайловским, Анатолием Степановым, Володей Алексеевым. В советское время в спорах на кухнях за чашкой кофе и рюмкой вина мы были единодушны, романтики и идеалисты, сегодня нередко почти чужие.

Мы – тот слой людей, в котором я жил, дышал и воспитывался – не были "диссидентами" (и я, посаженный за национализм, не борющийся ни за право отъезда за границу, ни за избирательное право – я видел, как единодушен советский народ, забетонированный вокруг КПСС и Политбюро – был прежде всего русским, в моем, романтическом и вольно-сибирском смысле этого слова) – но мы были удивительно единодушны в своем отрицании существующего строя!!! Сегодня русский народ забетонирован вокруг и вместе с государственной властью, более опасной, чем советская власть, вместе и с православной церковью, уже не гонимой, а воительницей за свой кусок русского пирога – все стало хуже... И только я еще жив, и мои родные, и новый слой друзей, к которым, я надеюсь, *вернется зрение*...

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. *Воскресенье, 21 января, 10-20 утра.* В шестом часу утра мне уже стало плохо. Вина и водки и даже пива я не пью, завет всей моей предыдущей жизни – **не пить!** – я уже исполнил, а лучше не стало. Конечно, вьелся алкоголь как ржавчина во все клеточки моего тела за шестьдесят лет питья, и плоть моя проржавела, одним воздержанием ржавчину не отодрать. *(Ну так и хватит жить, сколько можно! – может сказать кто-нибудь из тех, кто помоложе, даже и из сочувствующих, – но у меня много долгов и много долгов! Конечно, и долги мне все не исполнить и долги не отдать, но что-то полезное для близких, страны, достойных людей и своего народа (и даже не совсем своего, не состоящего из достойных людей, но хотя бы природно мне родного), мне надо еще попытаться сделать. Я опора своей жене, отчасти друзьям, отчасти детям и внукам – без меня им будет еще хуже. Так что надо преодолеть невзгоды, которые этой зимой так навалились, и выжить и жить!!!)*

Надо, значит, **не есть.** Хотя бы не есть вечером, и, по совету Архимеда, попытаться хоть в этом приблизиться к философам.

Мучает меня ночь, ночной сон. Ночь отменить не в моих силах, выходит, что надо **не спать**, чтобы не умереть. Днем у меня все относительно благополучно, попробую с пяти часов утра не спать до семи, делать зарядку и разговаривать с *волхвами* – а они меня почти позабыли, давно не приходят, и *музы* тоже – и потом уже ложиться еще досыпать.

Но вдруг все то, что со мной происходит, подобно тому, что у апостола Павла, и мне тоже *«дано жало в плоть», «чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, ..., ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился».* А кто знал меня в юности, догадывался и об откровениях, иногда подымающих меня в небесную синь. Конечно, они с тех пор потускнели, но музыку их я слышу иногда и теперь. Ну, конечно, Павел растворял себя в Боге: и Боге Израиля, которому он принадлежал по рождению, и боге еврейских отщепенцев, которого он навязал язычникам, а я просто русский, хотя и *русский из русских.* И он был и сам человек выдающийся, я не пытаюсь перед ним возвыситься, но только в одном – выше ли его любовь к Богу, для которой он отрекся и от семьи, и от многих друзей, не разделивших его порыв, и от Израиля, не пошедшего за ним, чем моя любовь к России, русской культуре и русскому народу, любовь мученическая и мучительная, чуть ли не соединенная с ненавистью? Нет, любовь к России выше, чем любовь к Богу Израиля, она даже выше, чем любовь к Богу России, если бы такой Бог вдруг очнулся и пришел к нам, чтобы нам помочь в наших муках и нашей борьбе (правда, может быть, наш язык и литература, память и сказания, и наши народные песни – это и есть наш Бог?!) [Вчера маленькая девочка сказала, что она слушает печальную песню, чтобы понять, что такое любовь. Ну и поняла? – спросили ее. *Нет еще,* ответила она, *для этого надо послушать много печальных песен!* Какие тайны скрываются иногда в детских представлениях! Для них одних следует верить в Бога.]

А вот что говорил о любви я сам:

*О, как мучительно, как неотвязно,
Тебя люблю! ...*

Это была любовь к женщине, во многом не обычная, в ней почти все состояло из сострадания и заботы, а не из притяжения плоти. Я ее любил как свою ученицу, как дочь, как подругу.

И вот я думаю, что если от женщины я не требую верности, и даже благодарности (а сам я благодарен всем, с кем хотя бы переглянулся восхищенно), так надо ли мне пенять так строго на русских, которые так часто так несчастны?! Разве мне хуже, чем им? Я слушаю в концертных залах прекрасную музыку в исполнении выдающихся музыкантов, и читаю прекрасные книги, а что имеет большинство? Экран телевизора? А только ли они сами виноваты в этом? Я окружен людьми превосходными. Но многие из тех, кого я ругаю, разве не обладают достоинствами? Сколько презирал Пушкин Булгарина, а тот преданно любил Грибоедова, и заботился о нем, и оплакал его после смерти. Так всё ли в "черни" так плохо? И не она ли защитила своими телами нашу Россию перед страшным врагом? Не она ли работает на самых грязных и мало оплачиваемых работах? И не ее ли дети бывают *достойными* – значит, природа их не хуже чем наша?! Да и всегда ли аристократы лучше, чем чернь? Во всем ли лучше эти, чем те? И сам я во всем ли лучше других, не только лучших, но и посредственных? **Нет.** Поэтому простите меня за «*волнение крови*», за ошибки, обиды, оскорбления, преувеличения, непонимания, недостатки великодушия, мягкости, сочувствия, простите меня за гордыню, себялюбие, *поспешность суждений!*

Раздражил меня разговор в бане. Наши русские идиоты, разучившиеся уже читать газеты, но пока умеющие слушать «советское радио» (лживость которого была известна даже глухонемым в советское время) обрадовались и почти счастливы, что власть в чем то лучше тех (как захотелось им думать), кто против нее. Да будь они разбойники и путаны, и то они лучше тех, кто нас ограбил и продолжает пить кровь из страны – или вы этого не видите?

Но хватит про баню. И что это за дурацкая книга, одни обличения, рассуждения, перечисленья имен, событий, идей и чувств – надо было бы написать роман, и через столкновения характеров и жизненных положений *выразить* и показать все то, что я теперь излагаю читателю как теоремы и аксиомы. Живой образ не только понятнее абстрактного рассуждения, но и неизмеримо глубже, полнее, он всеобъемлющ.

Поговорим об Анне Карениной. Я о ней давно хотел напомнить, и теперьместней всего.

Так вот, молодая красивая женщина, благополучная, выданная замуж по расчету, а не по любви, муж ее старше и имеет высокое положение в обществе, она живет с ним и ребенком в просторной квартире, богатство, прислуга, наряды, балы, знакомства, аристократические родственники и подруги ... и она так же, как Татьяна Ларина, думает, что раз она «другому **отдана**, то будет век ему верна». Толстой как-то заметил о Вронском, которого он Анне подсунил в любовники, что тот *жеребец в панталонах*. Ну, тогда Анна, *отданная* Каренину, статскому советнику, у которого тоже был свой "выезд лошадей", словно бы еще и молодая *кобылка*, которую этот строгий преуспевающий чиновник получил в подарок или *прикушил*. И вот она не только холится и лелеется на конюшне, но еще и рожает молодых жеребят.

Такой порядок вещей естествен для сословного общества, в котором (упрощенно) два основных сословия: податное крестьянское, обеспечивающее жизнь народа и государства, содержащее и свои семьи и семьи правящего слоя, и сам этот обеспеченный слой, *удерживающий мир*, из которого дворяне, военные, чиновники, ученые, писатели, инженеры, деятели культуры, царь, аристократия, профессоры, Толстой, Достоевский, Пушкин, князь Вяземский, Глинка, Мусоргский, Суворов, Суворин (издатель), Розанов (собирающий древнегреческие монеты), Иванов-Разумник, Мережковский, Блок, Бальмонт ... ну и хватит, поименовал почти всех, кто на балу, в театре, на ипподроме.

Толстой и Пушкин часто влюблялись в очаровательных девушек и даже в замужних женщин, одну из них мы хорошо знаем, это Анна Керн (еще одна Анна), отданная замуж в шестнадцать лет, красавица, умница, открывшая свой литературный салон. Ее музей есть в Торжке... и там у служительниц музея я спросил по поводу письма Пушкина к Соболевскому, в котором Пушкин кое что написал о своих отношениях с нею. А надо еще отметить одно обстоятельство: Пушкина мы боготворим почти все (кроме Толстого и Маяковского), особенно его боготворят некоторые поэтессы, например Цветаева, а Татьяна Ивановна мне даже рассказывала, как она с Пушкиным встречалась в Михайловском (конечно, в бреду), в парке на дорожке, и сидела с ним на скамейке. Пушкина я люблю, но женщины иногда его любят по своему, что меня в них **не** умиляет нисколько. Но женщины любят и Иисуса Христа, иногда по кликушески, иногда самозабвенно (впрочем, не так ли его любил и апостол Павел?), иногда за границей психической нормы.

Но вернемся к разговору в музее. Музейные женщины меня выслушали и вскричали: «Да ты что?!!! Как ты только мог поверить?! Да чтобы наша Анна, святая, красавица, с *этим...*? *Да не давала она ему!*» Женщины все умные, образованные, знающие, притом нормальные женщины, не кликуши. И я им поверил. (А вообще надо заметить, хуже невежества полужнание – потому что на самом деле многие толком не знают почти ничего, они даже не знают, чем отличаются "*алгебраические числа* от чисел *простых*").

Итак, с музейными *подвижницами* (и подлинно святыми), получали они за свой труд копейки, а им еще надо было рожать детей, вытирать пыль на шкафах и экспонатах, учить уму-разуму прохожих, случайно забредающих в этот музей на окраине Торжка) я с наслаждением поговорил о тогдашней провинциальной жизни, о том, что в те времена ничего утаить было нельзя, но не просочилось почему-то в наш развратный век, жадный до сплетен, не брезгающий даже какой-то тетрадкой, в которой, якобы, кроме карточных долгов именовались еще и «победы», ... не просочилось ни одной сплетни про Анну... Но тем не менее в тот высокороджественный век, век классической образованности и высоких правил о дворянской чести, среди дворянского общества не слишком были в чести проповеди преподобного Игнатия и блаженного Августина *о низости любви, повинующейся движению крови*, и высоты любви духовной, и поэтому мужчины, особенно из высшего слоя, почему-то редко уходили в монастырь, но или служили благо семейного очага (хотя своих жен они получали в подарок или покупали – а что означают слова Татьяны Лариной о том, что она *отдана другому*? А что означали подчас длительные переговоры о приданом?) – или влюблялись.

Влюблялся и Пушкин, в замужних и в незамужних. И я так долго оплакивал его несчастную смерть, что только на склоне лет вдруг понял, какое величие в том, что наш великий поэт погиб, охраняя семейный очаг! Что наш великий поэт погиб, отстаивая дворянскую **честь**, на которую так нападает преподобный Игнатий! Что наш великий поэт погиб во имя всех подлинных и личных и общенародных ценностей (вспомнилась мне сразу и Песнь о купце Калашникове): жены, детей, рода и даже общества, которое его ведь и произвело в *национальные поэты* и которому была небезразлична **честь поэта**. И что за глупости приклеивать к смерти великого поэта идеологические церковные ценности, малое значение имевшие среди пушкинского круга и всего тогдашнего общества! И воистину надо поставить точку в этой жвачке современных святош, которая, впрочем, началась с Владимира Соловьева и сначала была порицанием поэта, но продолжается и сегодня: *простили, наконец-то, причислили, отпели* (хотя не все и не до конца)!

Но я не хочу порицать ни Пушкина, ни дворянское крепостное общество, ни привязанной к тому порядку вещей церкви, которая охраняла незыблемость общественных отношений, которая охраняла и оправдывала и неравенство, и рабство, и ограниченность гражданских свобод.

Что представляла собою Россия с эстетической точки зрения? Много было «лесов, полей и рек», и они были чисты и благоуханны. Сотни тысяч храмов и дворянских усадеб, в большинстве своем задающих стиль и строй возвышенного созерцания деревенской жизни. Величественные монастыри. Пышные дворцы вельмож. Ярмарки по уездным и губернским городам. Расцвет ремесел. Разгульные праздники с песнями и хороводами. Процессии богомольцев (я шел в Польше с одной такой процессией – и это было одно из ярчайших событий моей жизни). И вместе с тем «Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые, – Как слезы первые любви!»

Сравнивая дореформенные книжные издания с изданиями уже буржуазной пореформенной России, я с острой болью почувствовал, как упал уровень изящества и красоты: так же, как позже женская мода работниц 20-х годов 20-го века в сравнении с *«и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука»*, и как *«смело, товарищи, в ногу!»* в сравнении с *«свободы сеятель пустынный»*... а я привел примеры, в которых помещицей России противопоставил не худшее, я и модой 20-х годов восторгаюсь (в отличие от убожества пятидесятых), и с товарищами на баррикадах готов был бы пойти – но что-то есть неземное в том, как одевалась Анна Керн и как выглядели «Северные цветы», альманах Дельвига, и как выглядела и пахла бумага этого альманаха (как кожа прекрасной женщины).

Но... подписался ли бы я сегодня под возвращением крепостного права – хотя теоретически необходимость возврата к нему я вижу?

И готов ли был бы я в жены **купить** прекрасную женщину (скажем, Татьяну Ларину), но ухаживать и за чужой женой, соблазнять ее, а после осудить на смертную казнь за ее тоску по живой любви (точно такой же, какую переживали и Пушкин и Лев Толстой) и бросить ее под поезд?

Я тоже ухаживаю за чужими женами. Двенадцать лет я слушаю музыку Ансамбля старинных инструментов, после концерта подхожу к артистам,

дарю им свои книги и говорю о восхищении, которое я испытываю и от них и от их игры. И только через двенадцать лет восхищения одной из них, когда уже нам стало казаться, что *мы уже почти сестры*, я осмелился сказать: "Я восхищен вашей игрой! Но я не только слушаю музыку, но и вдыхаю аромат вашей красоты!" "*Догадываюсь!*" – ответила она. Мне показалось, что и она принимает наши минутные встречи за необходимое дополнение концертной музыки. Хотел ли бы я, чтобы ее отдавали как вещь во владение, если даже книгу, которая после длительных поисков мне доставалась, принимал я с трепетом, еле решаясь к ней прикоснуться? Но брак без любви, по принуждению, был скрепой феодального христианского общества!

Разумеется, в двадцатом столетии мы пережили бедствия даже худшие, чем крепостное право, а ныне нам стало хуже и прежнего, городские жители почти вечно ждут, когда им удастся купить собственное жилье, и можно будет родить детей. Россия уже вымирает, а крестьянские семьи в тех «серых избах» звенели детскими голосами. Голодных крестьянских детей я видел в советское время, в старой России голод был исключением, я ведь видел и своих бабушек и дедушек, родившихся еще при царе – они и были той Россией, которую еще истребить не удастся тем, кто ее ненавидит. *Серые избы*, о которых пишет Александр Блок, я видел и ныне в Подмоскowie, крытые соломой, я ведь много проездил и проходил по России, но уверяю, что не было *серых людей* в этих избах. А я ухватил только краешек *поколений, родившихся в 19-м веке*, когда еще каждый русский крестьянин, а уж тем более крестьянка, пели протяжные и печальные русские песни, по которым сегодня удивительная девочка пытается понять, что такое любовь (но ей еще надо прослушать много печальных песен, как сказала она), а сегодня их уже не поют. Да и деревень уже нету. *А городской житель презирает деревню, Россию, крестьян и народные песни.*

И любовь к женщине, и любовь к Родине, и любовь к культуре и природе – квинтэссенция жизни. Эти любви все возвышенны, сколько бы в них не было природного, и Бог аравийских пустынь еще не смог отнять и заглушить в нас способность писать стихи и восторгаться красотой, и мы еще воскреснем – здесь, на земле.

Толстой рассказал о несчастной любви прекрасной женщины так, что несмотря на все христианские проповеди его изощренного ума, несмотря на его вымученный роман о Воскресении, мы предпочтем любовь и даже трагическую жизнь *здесь* вместо благодати и воскресения *там*. Но каждый из вас оправдывается перед собою и близкими своей собственной жизнью, своими заботами и трудами, верой никто оправдаться не может. Я вот пишу стихи, в них моя вера, но если бы моя семья была несчастна, стихами я бы оправдываться не стал.

Простите меня, читатели и друзья! Я человек увлекающийся – и во всем *дохожу до края*, кажется, я уже высказал все, что у меня накопело, и больше ругаться не буду. Может быть, даже попытаюсь понять, что вы находили в Ленине, в Сталине (или в Гитлере), что вы находили в прочих маленьких бесах, и что нашли в ЕБН (ведь это **вы** его воздвигли на танк)! Завтра вы опомнитесь, но **нас уже станет на десять миллионов меньше**).

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ТИПИЧНАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Человек есть мера всех вещей.

Протагор"

**"Никто дважды не войдет
в одну и ту же реку!"**

Гераклит

ТИПИЧНАЯ РУССКАЯ ЖИЗНЬ

Глава первая. ИСТОКИ

В том ли мире я живу, что и все, и что в моей жизни зависело от меня самого, а что мне давалось так, как дается погода, на которую мы не влияем? Чтобы на этот вопрос ответить, я и начинал писать свою **Исповедь** – но сбился на **Проповедь**.

Родился я во время Отечественной Войны (не знаю, надо ли ее называть Великой? Немцы и другие европейцы просто называют ее Вторая Мировая Война – но для них она, почти для всех, исключая Югославию, была словно Военной игрой, а для нас – смертельной схваткой. Они не напрягали силы до разрыва сердца, потому что поражение было всего лишь проигрышем в игре, а для нас оно могло оказаться смертью народа. Только **мы** насмерть сражались, они – не всерьез. Можно наши безумные жертвы объяснять бездарным командованием и тираническим режимом власти, но вернее, что только с нами Германия сражалась так же смертельно, поражение рассматривая как конец всей своей истории, и остальным театрам действий уделяла внимание лишь настолько, чтобы они не путались под ногами.)

Итак, родился я во время Войны, в феврале 42-го года. Через два с половиной года на линии Маннергейма погиб мой отец.

В шести-семилетнем возрасте снились мне удивительные сны, будто бы мне предстоит *спасти* Россию и русский народ. То же самое мне предсказал девяностолетний дед Зеленюк.

В семнадцать лет, окончив школу, приехал я в Ленинград (который мой отец защищал на Волховском фронте), поступил в Университет на Матмех.

В 23 года женился, вскоре родился сын, а в 70-м году меня посадили.

Сначала я сидел в тюрьме Большого Дома, потом в "*Специальной психиатрической больнице*", где, надо сказать, относились ко мне по большей части хорошо, если не сказать: *бережно*.

Первые литературные опыты были в девятом классе, несколько моих рассказов и стихов были напечатаны в районных газетах, что меня сделало знаменитостью; но одновременно меня исключили из школы.

Писал я с тех пор мало, так что только в 93-м году издал свои "Опыты", когда мы с сыном основали издательство «Глаголь». Но в эти годы мы издали выдающиеся русские книги, что гораздо важнее моих собственных сочинений.

Перед Новым, девяносто девятым годом, я заболел, чуть не отдал Богу душу, и этот год, когда мне исполнилось уже пятьдесят семь лет, я считаю началом своего литературного творчества. Я написал роман «Боль и любовь», затем в течение пяти лет «Жизнь на краю», а затем *пошло-поехало*...

Хотя, вместе с сыном, я издал величайший памятник русской письменности – **Радзивиловскую Летопись**, но преступное правительство сначала нас разорило, затем, в 2004-м году, посадило в тюрьму. Через пять месяцев нас освободил Кассационный суд. В тюрьме я написал «Записки на пальме».

Затем появились «Поиски длиной в жизнь», «Записки редактора», «Любовь как всемирное притяжение». Все остальное в этой книге, которая представляет собою своего рода стихийный "Миф о писателе и литературе".

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского
Городского суда в составе:

Председательствующего ...
народных заседателей ...

...

с участием прокурора ... и адвоката ...

[И что адвокат делал в Советском суде, в котором приговор назначался еще до начала судебного заседания?]

15 июня 1970 г. в гор. Ленинграде рассмотрела в открытом
судебном заседании дело в отношении

*ЧЕРНЫШЕВА Василия Ивановича, ... уроженца... Тайшетского района
Иркутской области, русского, ... беспартийного, с высшим образованием,
... работавшего ассистентом [учебного заведения] ... проживавшего в
г. Ленинграде... семейного, ранее не судимого –*

о применений принудительных мер медицинского характера в связи с
совершением общественно-опасного действия, подпадающего под
признаки, предусмотренные ч.1 ст. 70 УК РСФСР.

Проверив материала дела в судебном заседании,
Судебная коллегия –

УСТАНОВИЛА:

ЧЕРНЫШЕВ В. И. **в состоянии невменяемости** совершил
следующие общественно-опасные деяния:

с 1962 года ЧЕРНЫШЕВ В.И. занимался изготовлением
антисоветских документов, содержащих призывы к свержению
Советской власти, а в 1968-1970 годах среди своих знакомых
систематически распространял эти документы а равно устные
клеветнические измышления, порочащие ...государственный и
общественный строй.

Так, в 1962-1966 годах ЧЕРНЫШЕВ ...составил и отпечатал на
принадлежащей ему пишущей машинке **в одном экземпляре**
документ под названием "Духовное освобождение и Русь", в котором
выразил клевету на Советский государственный и общественный строй,
... политику КПСС и Советского правительства, призывы к свержению
Советской власти, ...

В 1968 году ЧЕРНЫШЕВ составил и на пишущей машинке
отпечатал в одном экземпляре новый документ того же враждебного ...
содержания, с которым ... в разное время и при различных
обстоятельствах ознакомил П., К., С., В., К.

... В ноябре 1969 года в присутствии ... выражал недовольство существующим в СССР государственным и общественным строем и советской действительностью...

В октябре-ноябре 1969 года у себя в квартире в разговоре с ... **клеветнически заявлял об отсутствии в нашей стране демократических свобод, ...**

....
В 1969-1970 годах в разговорах с ... неоднократно высказывался о необходимости борьбы с Советской властью ... и создания "**государства русского духа**".

Совершение ЧЕРНЫШЕВЫМ указанных выше общественно-опасных действий, подпадающих под признаки ч.1 ст. 70 УК РСФСР подтверждается показаниями **свидетелей**

.....
В связи с характером совершенных действий
ЧЕРНЫШЕВУ была проведена судебно-психиатрическая экспертиза, которая признала его *невменяемым, страдающим хроническим психическим заболеванием в форме шизофрении* ...

Заключение амбулаторной и психиатрической экспертизы ... у судебной коллегии не вызывает сомнений, т.к. экспертиза проведена компетентной комиссией врачей.

...
На основании изложенного и руководствуясь статьями 407-410 УПК РСФСР, ст.59 УК РСФСР, Судебная коллегия -

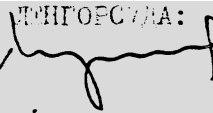

О П Р Е Д Е Л И Л А:

ЧЕРНЫШЕВА В.И. ... – освободить от уголовной ответственности, меру пресечения - содержание под стражей – ЧЕРНЫШЕВУ В.И. – отменить и применить к нему принудительную меру медицинского характера – помещение в

ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ БОЛЬНИЦУ СПЕЦИАЛЬНОГО ТИПА.

... [где я и содержался под стражей два с половиною года, отбыв перед этим до суда полгода во внутренней тюрьме Большого Дома.]

пп. ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ...НАРОДНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ...

Копия верна. ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИЖГОРСУДА:
/О.В.КАРЛОВ/
СЕКРЕТАРЬ:
/А.А.СОБОЛЕВ/

ИЗ ЗАПИСКИ

председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в ЦК КПСС, 1970 г

Юбилейные торжества, посвященные 100-летию со дня рождения основателя Советского государства В. И. Ленина, по всей стране прошли организованно, в обстановке высокой активности, трудового и политического подъема советских людей, еще раз продемонстрировавших нерушимое единство и сплоченность вокруг Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза.

Вместе с тем в период подготовки и проведения торжеств в ряде районов страны зафиксировано 155 политически вредных, хулиганских действий, связанных с юбилеем. В том числе в 1969 году -- 55 и в 1970 -- 100... Хулиганствующими элементами уничтожены или повреждены несколько памятников, бюстов и барельефов вождя, значительное количество панно, стендов и транспарантов, а также портретов, лозунгов, плакатов, репродукций, стенгазет и другого праздничного оформления.

Многие проявления органами Комитета госбезопасности были претворены. Пресечены, например, попытки крымско-татарских "автономистов" провести сборища в связи с ленинским юбилеем...

3 марта с. г. Управлением КГБ по Ленинградской области арестованы научный сотрудник госуниверситета Пе--в, студент Института живописи и архитектуры По--в, сотрудник Всесоюзного геологического института Кр--в и преподаватель филиала Московского технологического института Чернышев, которые пытались создать так называемую национальную российскую партию и вынашивали планы в дни юбилейных торжеств совершения террористических актов...

За подобные политически вредные и хулиганские действия 70 человек привлечено к уголовной ответственности, 65 -- профилактровано и 7 -- взято в проверку. В 18 случаях проявления носили исключительно дерзкий характер и преследовали цель омрачить празднование советскими людьми 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Краткие комментарии.

Во-первых, Записка изобилует массой ошибок, существенных и менее. Например, меня арестовали 24 марта, а не 3-го.; Пе--в и Кр--в не были арестованы.

Во-вторых, написано в ней невероятное количество глупостей. Всего арестовано было только два человека (вместо семидесяти, как может показаться из Записки), хотя шуму, правда, по Университету и Городу было на семьсот.

И в третьих, никаких планов в дни юбилейных торжеств мы не вынашивали, даже распивать не собирались, не токмо что-нибудь взрывать....

Форма А

КГБ—УКГБ

Специализатор Управления
КГБ при СМ СССР по Ленин-
градской области

9 «сентябрь» 1970 г.

СПРАВКА № 0938

Выдана гражданину(ке) Гернышеву

Василию Ивановичу

Год рождения 1942 национальность Русский

уроженцу(ке) Иркутской обл., Тайшетского
района, села Урал.

в том, что он (она) содержался(ась) в местах заключения

с 25 марта 1970 г. по 9 сентября 1970 г.

откуда освобожден(а) 15 июля 1970 г. и определение Ленгорсуда от
10 окт. суда РСФСР от 20/III-70г. от уголов-
ной ответственности освободить, меры
пресечения - содержание под стражей - отме-
нить и прекратить принудительную работу
Медицинского хозкифер - помещение в спецпосел.
НЧУ и спецпос.

Следует к месту жительства НЧУ и спецпос.

(город, село, район, область)

Начальник Куриков
изоллятора (подпись)

Выдано продовольствие на суток
(прописью)

или деньги на питание в пути рублей.
(прописью)

Выдан билет на проезд до станции

..... железной дороги.

Стоимостью рублей.
(прописью)

Возвращено личных денег рублей.
(прописью)

Начальник
следственного изолятора

Куршев
(подпись)

Подпись освобожденного (ой)

Справка

*Основанием для покупки паспорта
не служит. Вместе с книжкой паспорт
сер XIX-ПА 4712687 выдан отделением
милиции Васильевского райисполкома,
2 Ленинграда 4 апреля 1963г*

Закон упрощенный

[Handwritten signature]

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ ВЕТЕРИНАРИИ И
эпизоотических комитетов
Ленинградского
областного и городского
Советов депутатов трудящихся
Психиатрическая больница
специального типа

№ 396
г. Ленинград, К-108

№ 34

СПРАВКА

Выдана гр-ну ЧЕРНЫШЕВУ
ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ, 1942 года рождения

в том, что он действительно находился на принудительном лечении
в Ленинградской специальной психиатрической больнице УВД Ленин-
градского областного с 9 сентября 1970 по 14 марта 1973г
согласно определению Ленинградского городского суда

от 15 июня 1970г

« 14 » марта 1973 г. освобожден от принудительного лечения в психиатрической
больнице специального типа и выписан по адресу: г. Ленинград, ул. Попова д.34, кв.31
Кировский пр. 54 кв.31

и под наблюдением психоневрологического диспансера по месту жительства согласно определению
Ленинградского городского суда от 23 февраля 1973года

Ленинградская специальная психиатрическая
больница № 396 П. Ленобласть
Заслуженный врач РСФСР В.А. Белингов
Начальник спецчасти больницы А.А. Лютцкая

23/1-68 г. Зак. 3793

Психиатрическое Заключение 70г. я не привожу, так как в 2002 году была проведена обстоятельная аналогичная Экспертиза в стационаре (кстати сказать, под СТРАЖЕЙ), и в ней много говорится об обстоятельствах 70-х гг., так что именно Заключением 2002 г. я и ограничусь. Привожу его в подлиннике и по форме.

Комитет по здравоохранению Администрации Санкт-Петербурга
Городская психиатрическая больница № 6 (стационар с диспансером)
Отделение судебно-психиатрической экспертизы (нестражное),
193167, Обводный канал, д. 9

30 июля 2002 год

АКТ N243/2172

стационарной судебно-психиатрической экспертизы на подэкспертного ЧЕРНЫШЕВА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА, 1942 года рождения, обвиняемого в пр. ст.147-3 УК РФ.

Судебное психиатрическое освидетельствование произвела экспертная комиссия в составе:

председателя: эксперта-психиатра БУЛГАКОВОЙ Л.М.

члена комиссии: эксперта-психиатра СМИРНОВОЙ В.В.

докладчика, эксперта-психиатра ФАДДЕЕВА В. В.

на основании постановления ст. следователя по особо важным делам 2 отд. Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности ГСУ при ГУВД СПб и Лен.обл. полковника юстиции Морозова А.Р. от 24.06.2002 г.

Об ответственности по ст.307 УК РФ эксперты предупреждены.

На экспертизу в ГПБ N 6 поступил 03.07.02 г.

Перед комиссией (на разрешение экспертов) поставлены следующие вопросы:

1. Страдал ли Чернышев В.И. каким-либо хроническим, временным психическим заболеванием, иным болезненным состоянием психики в период инкриминируемых ему действий, если да, то каким именно и мог ли он отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими?

2. Страдает ли Чернышев В.И. в настоящее время каким-либо хроническим, временным психическим заболеванием, иным болезненным состоянием психики и если да, то каким именно и может ли он отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими?

3. Нуждается ли Чернышев В.И. в применении к нему принудительных мер медицинского характера и не противопоказано ли ему данное лечение?

Из материалов уголовного дела, медицинской документации, со слов подэкспертного известно следующее.

Родился в Иркутской обл. Наследственность психопатологически неотягощена. Раннее психомоторное развитие по возрасту. Из перенесенных заболеваний отмечает дифтерию, коклюш, скарлатину. В школу пошел с 6 лет. Учился с интересом, хорошо. В 8 лет написал свое 1-е стихотворение. В школьные годы перенес туберкулез легких. Прошел курс лечения, на учете у фтизиатра не состоит. Успешно закончил 10 кл.

После окончания средней школы приехал в Ленинград и поступил в университет на математико-механический факультет. После 2-х лет успешной учебы в институте почувствовал разочарование в выбранной профессии. Астрономия, которую он изучал, перестала его интересовать, вступил в конфликт с деканом из-за стенной газеты. Резко снизилась успеваемость, не сдал зачеты, был не допущен до экзаменов и отчислен из университета. Отчисление переживал тяжело, настроение было сниженным, однако за помощью к психиатрам и невропатологам не обращался. Через 6 мес. вновь восстановился в университете.

С 1961-1962 г.г. появился повышенный интерес к философии, религии, увлекался классической музыкой. Интересовался идеализмом и христианством. Стал перечитывать Достоевского Ф.М., О. Уайльда, Библию. Посещал церковь. Писал рассказы, в которых пытался изобразить судьбу молодого человека в поисках истины в условиях социалистической действительности.

В 1963 г. произошел кризис в отношении с девушкой, которая отказалась с ним встречаться. Находился во взвинченном состоянии, испытывал досаду, ревновал, пришел к мысли о необходимости демонстрации самоубийства. Принял лекарственную смесь, попал в больницу, сам вызвал «скорую» и на несколько дней был госпитализирован в токсикологический центр. Психиатром не осматривался. Через несколько дней обратился в ПНД, чтобы получить справку для оформления академического отпуска. Из ПНД направлен в больницу им. Балинского, где находился с 14 по 18 июня 1963 г. В истории болезни продуктивной психотической симптоматики не выявлено. Депрессии не обнаруживал. Его поступок расценивался как психологически понятный. Выписан с диагнозом: «Реактивное состояние» под наблюдение ПНД.

В 1966 г. женился. Окончил математический факультет университета.

С 1966 г. работал ассистентом кафедры математики Московского технологического института. На работе характеризовался только положительно. Работал над кандидатской диссертацией. В компании друзей часто высказывал критические замечания в адрес политического руководства страной и существующим строем.

В 1970 г. привлечен к уг. ответственности по ст.70-1 УК РФ антисоветская агитация, пропаганда, призывы к свержению сов.власти).

По уг делу прошел АСПЭ 24.04.70 г. № 265. в псих.статусе. В контакт

вступает охотно. На вопросы отвечает не торопясь, задумываясь. Высказывал идеи переоценки собственной личности: «один из избранных богом», которому доступно непосредственно восприятие божественного духа». Заявил, что «имел физические ощущения перерождения мира - чувствовал необъяснимо; по-иному» Мышление витиеватое, резонерское, с элементами символизма. Эмоционально холоден. За фразами о семье - любви холодность, формальность, безразличие Сообщил, что все деньги тратил на книги. Судебную ситуацию воспринимал как благоденствие, которое поможет «углубиться в духовную жизнь». Был выставлен диагноз: «Шизофрения параноидная форма (бред реформаторства)». В отношении инкриминируемых деяний был признан невменяемым.

Направлен на принуд. лечение в спец. больницу, где находился с 09.09.70 г. по 14.03.73 г. (и/б № 171). В психическом статусе продуктивной психогической симптоматики эмоционально-волевых расстройств не описывается. В поведении был ровен. спокоен, упорядочен. Бредовых идей не высказывал. Писал жене пространные теплые письма. Внимание неустойчивое, рассуждал на философские и литературные темы. Работал над справочником по математике. Работа одобрена специалистами.

В 1970 г. после продления срока принудительного лечения дал психопатическую реакцию. Переведен на беспокойное отделение, где также продуктивной симптоматики не выявлено. Быстро успокоился. Был ровным, спокойным в проявлениях. По характеру застенчивый, робкий, склонный к самоанализу. Критически оценил инкриминируемые ему деяния.

Был проконсультирован проф. Тимофеевым, который высказал сомнения в наличии у подэкспертного «Шизофрении». Через несколько месяцев был осмотрен проф. Случевским Ф.И., который также высказал сомнения в диагнозе: «Шизофрения», а состояние оценил как «Истероидная психопатия».

В марте 1973 г. принудительное лечение было судом отменено, вернулся домой.

До 1983 г. состоял на учете в ПНД, систематически посещал участкового психиатра. За весь период наблюдения психогической симптоматики, расстройства мышления не описывалось. Был устойчиво социально адаптирован, имел широкий круг интересов, поддерживал обширные социальные связи. Занимался общественно-политической деятельностью; работал старшим группы инженерно-математического обеспечения в научно-исследовательском институте. Отношения в семье устойчивые бесконфликтные. Работает старшим группы инженерно-технического и математического обеспечения. Много читает, занимался общественно политической деятельностью. Социально адаптирован.

В 1997 г. лечился в ГБ с подозрением на инфаркт миокарда. В 1999 г. оперирован по поводу аденомы. В Акреологической академии преподает высшую математику. Написал учебник по математике, который включен в план издания этого года

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА.

.....

... В ходе предварительного следствия 18 января 2002 г ему была проведена АСПЭ (акт № 210). ... Комиссия рекомендовала проведение ССПЭ в связи с сомнениями в ранее установленном диагнозе.

При настоящем обследовании в стационаре ГПБ № 6 выявлено следующее.

ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. Подэкспертный среднего роста, правильного телосложения, достаточного питания. Кожа и видимые слизистые чистые, обычной окраски. Пульс ритмичный, хорошего наполнения, 76 ударов в минуту. Артериальное давление - 130/80 мм.рт.ст. Тоны сердца приглушены. В легких везикулярное дыхание. ... Печень не увеличена. ... Реакция Вассермана отрицательная. ... Органы грудной клетки без патологии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ТЕРАПЕВТА: гипертоническая болезнь 2 ст. ИБС - атеросклеротический кардиосклероз, хронический пиелонефрит неактивная фаза.

НЕВРОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. Зрачки круглой формы, ограничения движений глазных яблок и нистагма нет. Лицо симметрично. ... Глубокие рефлексy живые, равномерные, патологических знаков нет. В позе Ромберга устойчив. ЭЭГ – выявляются умеренно выраженные диффузные изменения БЭА с ирритацией срединных структур диэнцефального уровня

ЗАКЛЮЧЕНИЕ НЕВРОПАТОЛОГА: органическая неврологическая симптоматики не выявлено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЖУЛИСТА: ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. Сознание ясное. Ориентирован всесторонне, верно. Настроение ровное. Легко доступен продуктивному контакту. На вопросы отвечает развернуто, по существу, подробно, аргументировано. Цель СПЭ понимает. Подробно без запоминания излагает инкриминируемое деяние в защитной для себя версии. Категорически отрицает корыстные намерения. Суждения зрелые, взвешенные. Словарный запас большой. Мышление обычного темпа, последовательное, без структурных расстройств, продуктивное, логичное, завершённое. Продуктивной симптоматики нет. Интеллект высокий. Расстройств памяти не обнаружено. Эмоционально адекватен, тонко нюансирует ситуацию. Критические и прогностические способности сформированы на высоком уровне. За период наблюдения в отделении был полностью подчинен режиму, быстро установил дружеские отношения с сохранными испытуемыми своего возраста, много читал, смотрел информационные программы по ТВ, играл в шахматы; с медперсоналом был вежлив, корректен, интеллигентен в обращении. В беседе охотно делился творческими планами, возбуждение уголовного дела, инкриминируемые ему деяния объяснял «нелепым» стечением

обстоятельств, искренне сожалел, что попал в подобную ситуацию, подчеркивал, что виновным себя не чувствует, из-за отсутствия корыстных намерений, хотя испытывает чувство стыда перед пострадавшими. Рассказал, что для возмещения долга продал свою библиотеку, квартиру сына. Высказывал готовность участвовать в судебном разбирательстве, где, как он уверен, сможет доказать свою невиновность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПСИХОЛОГА. Испытуемый продуктивному контакту доступен. В беседе корректен, отмечается склонность к рассуждательству. В работу с методиками включается сразу, задания выполняет в полном объеме. При объективном исследовании мыслительной деятельности структурных нарушений мышления не выявлено.

На основании изложенного комиссия приходит к **ЗАКЛЮЧЕНИЮ**, что Чернышев В.И. хроническим психическим, временным психическими расстройствами, слабоумием, иным болезненным состоянием психики не страдает, психически здоров. Об этом свидетельствуют данные анамнеза, мед.документации, материалы дела, из которых известно, что Чернышев В.И. родился в наследственно неотягощенной семье, всегда отличался хорошими интеллектуальными особенностями, получил высшее образование. На протяжении всей жизни справлялся с высоко-квалифицированной творческой работой, устойчиво социально адаптирован. При настоящем обследовании каких-либо психических расстройств у Чернышева В.И. не выявлено. Структурных нарушений мышления нет. Интеллект высокий, критические и прогностические способности развиты хорошо, поэтому Чернышев В.И. как в период совершения инкриминируемых ему деяний мог, так и в настоящее время может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. По психическому состоянию Чернышев В.И. не нуждается в применении к нему принудительных мер медицинского характера. Выставленный ему ранее диагноз шизофрении, является ошибочным, т.к. описанные в истории болезни клинические проявления отрывочны, бессистемны, не укладываются в картину какого-либо психопатологического синдрома. При настоящем обследовании также не выявлены изменения личности у Чернышева В.И. по шизофреническому типу.

Председатель комиссии:

Эксперт-психиатр высшей категории

Член комиссии: Эксперт-психиатр

Докладчик:

Строго конфиденциально

СТАТЬЯ ИЗ СПРАВОЧНИКА О ПЕТЕРБУРГСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

ЧЕРНЫШЕВ Василий Иванович ... – поэт, прозаик, философ, издатель и редактор.

Отец – Чернышев Иван Иванович, из крестьян Красноярского края (потомок сподвижника Ермака), родился в Нижне-Ингашском районе. Погиб в Карелии 18 июля 1944-го года.

Родители матери – Белорусские крестьяне, административно высланные советской властью в Сибирь. Мать, Шкаренда Мария Григорьевна, родилась в Белоруссии в 1919 г., умерла в 1999 г.

Окончил среднюю школу в 1959-м году в пос. Решоты Красноярского края, в котором находилось Управление Красноярских лагерей – **Краслаг**, затем окончил курс математико-механического факультета Ленинградского университета (1959-1965), диплом защитил в 1969-м году, предварительно четыре года проработав преподавателем математики в д. Загубье, в Старой Ладого, в Ново-Саратовке и в Ленинграде.

В 1970 был арестован и осужден по ст.70 «за антисоветскую агитацию и пропаганду», освобожден в 73-м году. После освобождения работал научным сотрудником в Ленэлектронмаше и Нефтехиме (73-91).

Реабилитирован **не** посмертно в 2002 году.

Член Союза писателей России (2002), основатель творческой группы «Северный союз русских писателей», куда входят как члены СП России, так и независимые поэты и прозаики. В 2007 присоединился к «Русской метапрозе Петрограда».

Писать стихи и прозу начал с семи лет, в 10 лет написал «роман о войне», принятый администрацией школы настолько всерьёз, что сотрудницы перепечатывали его на машинке.

Организовал (1992) вместе с сыном Дмитрием и группой историков и филологов издательство «**ГлаголЪ**», которое выпустило около 70-ти изданий, в том числе «Россию и Европу» Н. Я. Данилевского и факсимильное издание крупнейшего памятника древнерусской письменности – Радзивилловской летописи с 612 акварельными миниатюрами (памятник европейского значения) в 1994-м году.

В этом же году, движимый литературным тщеславием, издал свои окололитературные сочинения в трех томах (изд. «ГлаголЪ»). В течение пяти лет (1993–1997) издавал художественно-публицистический журнал **МЪра**, был его главным редактором.

В 1996-м году был выдвинут инициативной группой в президенты России, но послушался умных людей и во-время сошел с дистанции.

В 1997 изменениями политики правительства было спровоцировано банкротство издательства «ГлаголЪ» и его инвесторов, в связи с этим банкротством В. И. в 2004-м году был арестован, просидел 5 месяцев, освобожден Городским кассационным судом с снятием судимости.

С 2004 является заместителем главного редактора и издателем журнала «Философская культура», публикующего труды Русского философского общества им. Н.Н.Страхова, возглавляемого Н.П.Ильиным.

С 2005 издает литературный альманах «Русские страницы», является его главным редактором.

Принимал участие в редактировании и издании однотомников избранной прозы Н. И. Тropicова и В. А. Овсянникова, сочинений Алексея В. В. в двух томах.

Опубликовал роман «**Боль и любовь**» (2001), роман-эссе «**Жизнь на краю**» (2003), философское эссе «**Критика догматического сознания**» (2003), роман «**Записки на пальме**» (2005), сборник стихов «**Метафизика любви**» (2009).

Подготовил к печати и издал сборник стихов известного востоковеда Т. А. Шумовского «Вечерний свет» (2009). Написал и издал пособие по высшей математике для студентов гуманитарных факультетов: «Азбука математики для гуманитариев» (2010).

В прозе Ч. выражено мироощущение человека, сохранившего кровную связь с землей, с людьми труда и с той правдой народной, носителями которой всегда являлись труженики. В этом смысле замечательный образец его прозы – повесть «Разговоры с бабой Шурой», лиричная, эмоционально очень молодая, полная мудрости и простодушного юмора. Вообще лирический герой Ч. всегда влюблен – в женщину ли, в мечту или в избранную им идею, и эта особенность прозы сообщает ей удивительные тона и краски.

Продолжает работать в поэзии, громадный объем работы выполняет в качестве литературного редактора. Авторы альманаха «Русские страницы» говорят о Ч. как о редакторе редкой эрудиции, чуткости к русскому слову и внимательности к авторскому стилю.

Движимый неопределенными чувствами, продолжает работу над книгами «Отбеливание льна» и «Записки на пальме».

Также: Ухаживает за девушками, работает на огороде, уже не пьет, имеет мечты и замыслы, в том числе тайные.

Ч. защищает смысловую и духовную ценность традиционного русского правописания, противостоя покусаниям «реформаторов» на целостность отечественной речи и орфографии. Этой проблеме посвящен ряд публикаций Ч., в том числе статья дореволюционного филолога Владимира Чернышева, **умеренного** сторонника **осторожных** «реформ» (но противника порчи языка), с комментариями В. И.

Общественная деятельность Ч. не ограничивается художественной и учебной литературой, публицистикой и редакторской деятельностью – он инициирует также ряд проектов общественно-политического значения, как, например, создание общественного комитета по установке в Карелии, где погиб отец Ч., памятника героям – морским пехотинцам.

Лит.: А. Михайлов О Василии Чернышёве и его книге // Предисловие к книге «Сочинения в 3-томах». Т.1.СПб, 1994. С. 3-4; *А. Михайлов.* О поэзии Василия Чернышёва. // Послесловие к книге «Сочинения в 3-томах». Т.2.СПб, 1995. С. 269-270.

«РЕНТГЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ДУШИ» – газета ВЕРА, 2008.

ГЛАВА ВТОРАЯ
НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРАВЕДНИКИ

ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СОВЕТНИКУ
ЮСТИЦИИ В. В. УСТИНОВУ

ВОЗРАЖЕНИЯ НА УКАЗАНИЯ ПРОКУРОРА
(в порядке ч. 2 ст. 127 и ч. 4 ст. 127-1 УПК РСФСР)

Санкт-Петербург " " Февраля 2002 года

В производстве 2-го отдела следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области находится уголовное дело N 616638 возбужденное 26.05.1997 года ОЗП Василеостровского РУВД Санкт-Петербурга по признакам преступления, предусмотренного ст. 171 ч. 2 п. "Б" УК РФ, в отношении руководителей ТОО "Глаголь" Чернышева Д. В. и Чернышева В. И., по факту осуществления ими без лицензии Центрального Банка Российской Федерации в период 1996 года незаконной предпринимательской деятельности, выразившейся в получении от населения денежных средств по договорам, с условием выплаты 9% вознаграждения от суммы вклада.

04.06.97 года уголовное дело было передано для дальнейшего расследования в следственный отдел Василеостровского РУВД Санкт-Петербурга и 18.06.97 года принято к производству старшим следователем Локтевым О. А. .

25.08.97 года старшим следователем СО Василеостровского РУВД Локтевым О. А. было предъявлено обвинение Чернышеву Василию Ивановичу и Чернышеву Дмитрию Васильевичу в самовольном осуществлении предпринимательской деятельности, разрешенной исключительно государственным предприятиям, а именно в получении в течение 1996 года по договорам от граждан денежных средств с условием ежемесячной выплаты вознаграждения в размере 9% от суммы вклада, при отсутствии лицензии Банка России на проведение операций по привлечению во вклады денежных средств физических лиц, то есть в совершении преступления, предусмотренного ст. 162-4 ч. 2 УК РСФСР. В тот же день в отношении указанных лиц избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде.

25.08.97 года старшим следователем Локтевым О. А. с согласия прокурора Василеостровского района Санкт-Петербурга вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Чернышева В. И. и Чернышева Д. В. на основании ст. 6 УПК РСФСР.

21.10.97 года указанное постановление отменено заместителем. прокурора Санкт-Петербурга и уголовное дело направлено прокурору Василеостровского района Санкт-Петербурга для организации

дополнительного расследования, а впоследствии в следственный отдел Василеостровского РУВД.

04.11.97 года следствие по делу возобновлено следователем следственного отдела Василеостровского РУВД Никифоровой И. И., срок следствия установлен прокурором Василеостровского района Санкт-Петербурга до 1 месяца.

04.12.97 года следователем следственного отдела Василеостровского РУВД Санкт-Петербурга Алейниковой В.С. вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании ст. 5 п.2 УПК РСФСР за отсутствием в действиях Чернышева Д. В. и Чернышева В. И. состава преступлений, предусмотренных ст. 162-4 ч.1 и 2 УК РСФСР и ст. 171 ч.1 и 2 УК РФ.

08.01.98 года прокуратурой Санкт-Петербурга указанное постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием в действиях Чернышевых состава преступлений, предусмотренных ст 162-4 ч.1 и 2 УК РСФСР и ст. 171 ч.1 и 2 УК РФ, признано обоснованным, однако дело направлено для организации дополнительного расследования, в том числе для исследования в ходе следствия обстоятельств совершения Чернышевыми преступлений, предусмотренных ст. ст. 159 ч.3 п. п. "а, б" и ст. 182 УК РФ прокурору Василеостровского района Санкт-Петербурга, а затем в следственный отдел Василеостровского РУВД.

06.02.98 года следствие по делу возобновлено следователем СО Василеостровского РУВД Алейниковой В.С., срок следствия установлен прокурором Василеостровского района до 1 месяца.

06.03.98 года следователем следственного отдела Василеостровского РУВД Санкт-Петербурга Алейниковой В.С. вновь вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Чернышовых за отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 147 УК РСФСР, на основании ст. 5 п. 2 УПК РСФСР.

10.03.98 года данное постановление следователя отменено прокурором Василеостровского района Санкт-Петербурга дело возвращено для дополнительного расследования в следственный отдел Василеостровского РУВД.

10.03.98 года уголовное дело принято следователем следственного отдела Василеостровского района Никифоровой И.И., которой 10.04.98 года вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании п. 2 ст 5УПК РСФСР за отсутствием в действиях Чернышевых состава преступления, предусмотренного ст. 147 УК РСФСР.

05.05.98 года указанное постановление отменено прокуратурой Санкт-Петербурга и дело направлено в прокуратуру Василеостровского района для организации дополнительного расследования, а затем в следственный отдел РУВД.

02.07.98 года следователем следственного отдела Василеостровского РУВД Санкт-Петербурга Закарейшвили Ю. Г. вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основе ст. 5 п.2 УПК РСФСР.

13.10.98 года указанное постановление отменено прокуратурой Санкт-Петербурга в связи с принятием решения без исполнения указаний городской прокуратуры в полном объеме.

27.10.98 года прокурором Санкт-Петербурга, для проведения дальнейшего расследования, уголовное дело направлено во 2-ой отдел СЧ по расследованию организованной преступной деятельности при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

16.11 уголовное дело принято к производству следователем Сергеевой Е.Ю., срок следствия установлен до 1 месяца.

Заместителем Генерального прокурора Российской Федерации 16 июля 1999 года срок следствия по делу продлевался до 19 месяцев, то есть до 16.11.99 года.

16 ноября 1999 года уголовное дело прекращено на основе п. 2 ст.6 УПК РСФСР постановлением старшего следователя 2 отдела СЧ по РОПД ГСУ при ГУВД СПб и ЛО Сергеевой Е.Ю..

18 апреля 2001 года постановление о прекращении дела от 16.11.99 года отменено вступившим в законную силу постановлением федерального судьи Куйбышевского районного Санкт-Петербурга Шевченко В.Ф. по жалобе потерпевшего ...ского М.С. на законность и обоснованность постановления следователя о прекращении уголовного дела N 616638.

12.07.2001 года производство по делу возобновлено старшим следователем по ОВД 2-го отдела СЧ по РОПД ГСУ Санкт-Петербурга и области майором юстиции Разепиным В.А., для дополнительного расследования заместителем при СЧ Санкт-Петербурга срок следствия установлен на 1 месяц. В ходе проведенного дополнительного расследования, доказательств вины Чернышевых в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 159 УК РСФСР не добыто.

12 августа 2001 года старшим следователем по ОВД 2 отдела СЧ по РОПД ГСУ при ГУВД СПб и ЛО майором юстиции Разепиным вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основе п.2 ст.5 УПК РСФСР за отсутствием в действиях Чернышевых состава преступления.

При прекращении уголовного дела следствие обосновывало свою позицию тем, что принятыми в ходе предварительного расследования мерами не установлено в действиях Чернышевых умысла на завладение чужим имуществом или приобретения права на имущество путем обмана либо злоупотребления доверием, а также на обращение денежных средств граждан в свою пользу или в пользу иных лиц.

19 октября 2001 года постановление о прекращении уголовного дела от 12.08.01 года отменено постановлением прокурора следственного отдела Управления Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном федеральном округе юристом 1-го класса Маяковым А. Ю.. Сопроводительное письмо на имя прокурора Санкт-Петербурга государственного советника юстиции 2 класса Сыдорока подписано заместителем Генерального прокурора РФ государственным советником юстиции 1 класса Зубриным В.В.. Уголовное дело через прокуратуру Санкт-Петербурга направлено для организации

дополнительного расследования в Главное следственное управление при ГУВД Санкт-Петербурга и области,

В указанном выше постановлении дан ряд указаний, а именно допросить повторно потерпевших по делу: ... предъявить обвинение Чернышевым В. И. и Д. В. по ст. 147 ч.3 УК РСФСР, избрать им меру пресечения, наложить арест на их имущество, выполнить необходимые действия для завершения расследования и направления дела в суд.

20 ноября 2001 года производство по делу возобновлено и в этот же день принято мною к производству, срок дополнительного расследования установлен заместителем прокурора Санкт-Петербурга до 1 месяца, т.е. до 20.12.2001 года.

В ходе производства дополнительного расследования, во исполнение указаний прокурора следственного отдела Управления Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном федеральном округе – дополнительно допрошены потерпевшие по делу: ...

В ходе производства допросов потерпевших дополнительных доказательств вины Чернышевых в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст. 159 УК РФ, не добыто.

20 декабря 2001 года, по истечению срока дополнительного следствия и в связи с тем, что в ходе проведенного расследования не установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, уголовное дело было приостановлено по п. 3 ст. 195 УПК РСФСР.

21 декабря 2001 года заместителем начальника 2-го отдела СЧ по ОПД ГСУ при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области полковником юстиции Панченко Н.П. даны указания о возобновлении производства по делу, в связи с тем, что решение по делу принято преждевременно, указания прокуратуры выполнены не в полном объеме, не получен ответ об использовании Чернышевыми денежных средств на предвыборную компанию.

В тот же день производство предварительного следствия по делу мною возобновлено, срок расследования установлен заместителем прокурора Санкт-Петербурга на 1 месяц, то есть до 21 января 2002 года. В Генеральную прокуратуру Российской Федерации направлено ходатайство о продлении срока следствия до 25 месяцев, то есть до 21.04.02 года.

В ходе проведенного следствия установлено следующее:

Основанием для возбуждения настоящего уголовного дела послужили заявления граждан, заключавших договоры займа с условием выплаты от 5 до 9 % вознаграждения ежемесячно от суммы вклада с руководством ТОО "Глаголь" в период с 1994 по первый "квартал 1997 года.

ТОО "Глаголь" зарегистрировано ... 12.12.1991 года. Основной целью деятельности указана издательская деятельность с культурно-просветительской и Философско-религиозной направленностью. Издательская деятельность осуществлялась на основании лицензии, выданной сроком на 5 лет с 1992 по 1997 год.

... В конце 1996 года заимодавцы обеспокоились, что издательство не в

состоянии вернуть им как их вклады, так и проценты по ним и поэтому практически одновременно стали требовать немедленного возвращения как денежных средств так и процентов по ним. В этот период времени в адрес Чернышевых стали поступать угрозы физической расправы, в связи с чем они вынуждены были скрываться.

Будучи допрошен в качестве свидетеля Чернышев Василий Иванович показал, что 19.11.92 года ... было зарегистрировано \издательство\ "Глаголь", учрежденное группой лиц ... Цели издательства – издание книг культурно-просветительской и философско-религиозной направленности. В связи с невозможностью получения заемных средств у банков на производство книг, с 1994 года по первый квартал 1997 года издательство ТОО "Глаголь" привлекало денежные средства частных кредиторов.

Денежные средства издательства "Глаголь", в том числе полученные от кредиторов, были потрачены на выплату зарплаты, исполнение долговых обязательств путем частичного погашения денежных сумм ... и выпуск 71 издания (150 000 экземпляров), приобретение автотранспорта, аренду помещений, рекламную деятельность. Кроме того, в 1995 году он предпринял попытку баллотироваться в депутаты Государственной Думы РФ по Адмиралтейскому избирательному округу с тем, чтобы в случае положительного результата "поднять" престиж издательства.

Чернышев также показал, что он продолжает принимать меры по возврату долгов, которые признаются им в полном объеме.

... В ходе предварительного следствия также допрошены в качестве свидетелей представители ряда предприятий, также подтвердившие наличие договорных отношений с издательством "Глаголь" и их исполнение в полном объеме. К делу также приложены документы об изготовлении печатной продукции, акты сдачи-приемки печатной продукции, товарно-транспортные накладные, платежные поручения, свидетельствующие о деятельности ТОО "Глаголь".

Из заключения аудиторской проверки по результатам анализа за 1995 - март 1997 года движения денежных средств ТОО "Глаголь" следует, что в этот период ТОО "Глаголь" получило положительный Финансовый результат и обладало собственными оборотными средствами, однако в различные периоды времени нуждалось в дополнительных источниках финансирования. Эта потребность определяется как краткосрочная, так как деятельность организации являлась рентабельной, обеспечивающей текущие потребности.

Из материалов уголовного дела следует, что Патриарх Алексей действительно обращался с письмами к мэру Москвы Лужкову Ю. М., мэру Санкт-Петербурга Собчаку А. А., министру культуры РФ Сидорову Е.Ю. с просьбой оказания поддержки издательству "Глаголь". К материалам дела приобщены копии писем из канцелярии Патриархии, из Управления делами мэрии Москвы, из Комитета по Культуре Государственной Думы РФ и иные документы, подтверждающие подлинность представленной Чернышевым В.И. гражданам информации и правомерность использования ее в буклете "Храмы России".

В ходе следствия документально подтверждены факты, что в тот период, когда Чернышевы привлекали денежные средства, издательством ТОО "Глаголь" действительно было выпущено в свет 71 издание (150 000 экземпляров). ... Среди них такие, как "Храмы Санкт-Петербурга", "Радзивилловская летопись", Календарь к 300-летию Российского флота, "Беседы о русских иконах", "Повесть о Валаамском монастыре" и другие. С целью привлечения ученых города, на базе выпускаемого журнала "Мера" (издано 11 номеров), в 1993 году было создано ТОО "Мера". Однако, в связи с тем, что популярность "толстых журналов" упала, проект закончился неудачей - прибыли не имелось. В мае 1996 года Чернышевым В.И. создан "Межрегиональный благотворительный фонд "Храмы России", от которого также планировалось получить прибыль.

Денежные средства издательства "Глаголь" ...были истрачены на оплату аренды помещения, заработную плату сотрудникам, на издательскую деятельность, рекламу издательства и его продукции, приобретение транспорта для перевозки книжной продукции, иные расходы, в том числе представительские, командировки и т.п., а также 10 тысяч долларов США на Избирательную компанию в 1995 году в Государственную Думу РФ. При этом, из указанной суммы 42 123 доллара США и 11 320 деноминированных рублей было направлено на выплаты процентов по кредитам и частичный возврат денег кредиторам. Около 250 тысяч долларов США составили затраты, погашенные за счет собственных средств ТОО "Глаголь", полученных непосредственно от издательской деятельности.

Кроме того, осенью 1998 года Чернышев В.И. продал в Москве за две тысячи долларов США свою библиотеку, а Чернышев Д. В. за 8 тысяч Долларов США в июле 1996 года продал свою комнату в коммунальной квартире. Вырученные от продаж деньги пошли на оплату кредиторам долгов и на проживание семьи Чернышевых.

Несмотря на то, что следствием предпринимались все меры, направленные на установление наличия в собственности членов семьи Чернышевых движимого и недвижимого имущества, а также денежных средств на расчетных счетах, в ходе следствия не установлено ни одного факта обращения Чернышевыми средств вкладчиков в свою личную пользу.

В ходе производства расследования выполнены все возможные следственные действия и розыскные мероприятия, допрошены свидетели, изучены финансовые документы ТОО, а также выполнен комплекс иных мероприятий для установления истины по делу. Однако, принятыми мерами собрать достаточные доказательства, необходимые для предъявления Чернышевым обвинения, не представилось возможности, источники для собирания дополнительных доказательств исчерпаны.

18 апреля 2001 года судья Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга Шевченко С. А., рассмотрев жалобу ...ского на законность и обоснованность постановления следователя о прекращении уголовного дела, отменил постановление следователя о прекращении уголовного дела и

направил его прокурору Санкт-Петербурга для возобновления производства по делу.

... Однако, ... по результатам работы за 1995,1996,1997 г.г. ТОО "Глаголь" получило положительный финансовый результат и соответственно обладало собственными оборотными средствами. В течение 1995, 1996, 1997 г.г. в различные периоды времени ТОО "Глаголь" нуждалось в дополнительных источниках финансирования. Эта потребность может определяться как краткосрочная, т. к. деятельность организации являлась рентабельной, обеспечивающей текущие потребности. Ни в самом заключении, ни в исследовательской части аудиторской проверки, фразы, на которую ссылается судья, нет.

Кроме того, судья в своем постановлении ссылается на тот факт, что "в ходе предварительного следствия было установлено что при получении от потерпевших денежных средств, Чернышевы обманывали их, утверждая, что привлеченные средства будут инвестироваться в производственную деятельность ТОО "Глаголь" и обеспечены ценным имуществом, в то время, как эти средства присваивались и использовались Чернышевыми в личных целях".

Однако изложенное выше утверждение ничем не обосновано, не подтверждается материалами уголовного дела, а полностью противоречит всем фактическим обстоятельствам дела. Поскольку, как было изложено выше, и это подтверждается аудиторской проверкой, ТОО "Глаголь" в течение всего периода осуществляло производственную деятельность и денежные средства вкладчиков инвестированы именно в издательскую и околоиздательскую деятельность. Кроме того, судья в своем постановлении противоречит своим же утверждениям, указывая все в той же описательной части, что "содержащиеся в постановлении следователя ссылки на деятельность издательства "Глаголь" по выпуску разнообразной книжной продукции, ... на юридическую оценку действий влиять не могут".

В резолютивной части своего постановления судья не дал никаких конкретных указаний ни о производстве дополнительных следственных действий, ни о необходимости предъявления Чернышевым обвинения и направления дела в суд.

29 сентября 1999 года старшим следователем 2-го отдела Следственной части по расследованию организованной преступной деятельности Главного следственного управления при СЧ Санкт-Петербурга и Ленинградской области капитаном юстиции Сергеевой Е.Ю. вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Чернышева В. И. и Д. В. в части незаконного предпринимательства – за отсутствием в их действиях состава; преступления, предусмотренного ст. 162-4 УК РСФСР. В этом постановлении следователь прекращает уголовное дело в отношении Чернышева В. И. и Д. В. в части незаконной банковской деятельности – за отсутствием в их действиях состава преступления предусмотренного ст. 172 УК РФ. Данное постановление не отменялось.

..... В ходе следствия не нашло подтверждения ..., что деньги по кассе ТОО "Глаголь" не приходовались Чернышевыми с целью их завладения. Не установлено ни одного факта обращения Чернышевыми денежных средств вкладчиков в свою личную пользу.

Таким образом, материалы уголовного дела свидетельствуют об отсутствии у Чернышевых умысла, направленного на безвозмездное завладение чужим имуществом в момент его получения путем обмана, и кроме того, не содержат фактических данных, предусмотренных ст. 69 УПК РСФСР, которые можно было бы привести в доказательственной части обвинительного заключения.

По этим основаниям следствие пришло к выводу о том, что в действиях Чернышевых отсутствует состав преступления, предусмотренного ст.147 УК РСФСР, а отношения, сложившиеся между гражданами и Чернышевыми, относятся к гражданско-правовым и подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, следствие пришло к выводу, что с указаниями прокурора следственного отдела Управления Генеральной прокуратуры РФ в Северо-Западном округе в части предъявления обвинения Чернышевым В.И. и Д.В. по ст. 147 ч.3 УК РСФСР и направления уголовного дела в суд согласиться нельзя, так как в материалах уголовного дела отсутствуют доказательства вины Чернышевых в совершении хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору, поскольку не доказан сам факт противоправного, безвозмездного осуществленного с корыстной целью изъятия Чернышевыми имущества граждан и обращения его в их личную пользу или пользу третьих лиц.

Законность и обоснованность вынесенного по делу 16.11.99 года решения о прекращении уголовного дела проверялись прокуратурой Санкт-Петербурга, по результатам проверки было вынесено заключение, утвержденное 31.01.2000 года заместителем прокурора Санкт-Петербурга старшим советником юстиции Н.А. Винниченко, из которого следует, что следователем Сергеевой постановление вынесено законно и обоснованно.

08 февраля 2001 года судья Куйбышевского Федерального суда Центрального района Санкт-Петербурга Стрижаков А.А., рассмотрев жалобу потерпевшего ...ского об отмене постановления следователя о прекращении уголовного дела, поддержал мнение следствия, а жалобу ...ского оставил без удовлетворения.

В своем постановлении судья указал, что "Проверив изложенные доводы жалобы, судья не установил каких-либо нарушений требования уголовно-процессуального законодательства при вынесении следователем постановления 16. 11. 99 года, более того, таких оснований не приведено и в самой жалобе, а потому постановление вынесено законно, с учетом собранных доказательств по делу.

Материалами уголовного дела установлено, что у обвиняемых Чернышевых отсутствовал умысел на совершение мошеннических действий,

все полученные ими деньги шли на осуществление деятельности ТОО "Глаголь", в том числе на издательскую деятельность, оплаты аренды, услуг типографии и т.д. В материалах дела отсутствуют данные, свидетельствующие о том, что какие либо деньги, полученные от граждан по договорам, были похищены Чернышевыми, более того, в ходе следствия подтверждено, что Чернышевы принимали меры к возвращению полученных сумм, выплачивая их от части прибыли, а также и от реализации своего личного имущества, поэтому ссыла в жалобе на то, что Чернышевы брали деньги для себя, заключая договоры от имени ТОО "Глаголь", противоречат материалам уголовного дела.

Следователь в постановлении обоснованно отметила, что отношения, сложившиеся между Чернышевыми и гражданами, основаны на договорах займа и регулируются гражданскими правоотношениями.

При таких обстоятельствах у судьи не имеется оснований и необходимости переоценки доказательств, собранных по уголовному делу, поскольку они оценены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства".

В ходе дополнительного расследования выполнены следственные действия, указанные в постановлении прокурора следственного отдела Управления Генеральной Прокуратуры при Северо-Западном федеральном округе Маякова А. Ю. Однако принятыми на протяжении всего расследования мерами собрать необходимые для предъявления обвинения Чернышевым доказательства не представилось возможным. По делу допрошены все потерпевшие и свидетели, проведены аудиторские проверки, исследована финансовая деятельность ТОО "Глаголь", тщательнейшим образом изучены личности как самих Чернышевых, так и их родственников и ближайшего окружения, проверено их материальное состояние, наличие движимого и недвижимого имущества, денежных средств, и все возможные источники для собирания дополнительных доказательств исчерпаны.

На основании изложенного выше, руководствуясь ст ст. 127 ч 2 и 127-1 ч. 4 УПК РСФСР, прошу отменить постановление прокурора следственного отдела Управления Генеральной прокуратуры РФ при Северо-Западном федеральном округе от 19 октября 2001 года в части предъявления обвинения Чернышевым и направления "угол. дела N 616638 в суд.

Следователь 2-го отдела следственной части ... Главного Следственного управления при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области старший лейтенант юстиции Мартыщенко Т.

"СОГЛАСЕН" Начальник 2-го отдела следственной части ... Главного следственного управления при ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области подполковник юстиции Плешков.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

... Сначала объяснюсь с читателем.

Конечно, художественный текст интереснее, чем мое собрание изображений и официальных Заключений, но уж что есть – «*это не роман, а так...*». Иначе мне писать было бы и труднее, и не сумел бы я раскрыть самое главное противоречие нашей жизни, которое только теперь до конца я и сам стал понимать.

Какова цель моих Записок о моей беспутной жизни?

Во-первых, я хотел показать, что жизнь моя была почти героическая, и в то время как весь советский народ выходил на коммунистические субботники, чтобы «*строить и мстить в сплошной лихорадке буден*», я «*вынашивал планы взрыва памятника вождю и покупки острова в Тихом океане, откуда можно было бы угрожать мировому коммунизму*».

Во-вторых, я пытался внушить читателю мысль о том, что меня любили самые неожиданные люди, во всяком случае, ЗАЩИЦАЛИ от слишком сильных притеснений.

Следователь в 70-м году всячески пытался смягчить Обвинение, и не препятствовал Заключению меня в Сумасшедший дом не для того, чтобы меня там уморить и превратить в растение, а в надежде, что через месяц-два меня отпустят. Я встретил его после освобождения, и мы, не сразу узнав друг друга, бросились в объятия как старые друзья, давно не видевшиеся, потом растерялись, и он стал оправдываться, узнав, что меня только что отпустили.

– Какие оправдания!? – воскликнул я. – Разве мне было не ясно, что Вы меня защищаете вместо того, чтобы обвинять?

И действительно, когда я падал духом, он давал мне читать мое сочинение «Русь и духовное освобождение», из-за которого меня и посадили, я читал, и духом креп.

В Сумасшедшем доме обо мне заботились. Мой «лечащий врач» передавал письма жене и мне от нее минуя цензуру, я получал книги и граммофонные пластинки, мне даже была предоставлена малюсенькая уединенная комнатка, в которой я мог слушать музыку. Да и поставили меня в помощники библиотечарше Марине (я, конечно, в нее тут же влюбился), и читал я, в частности, учебники психиатрии конца девятнадцатого века (кстати, весьма глубокие, не в пример диким теориям советского профессора Снежневского о *влатекущей шизофрении*, из которой следовало, что все диссиденты – психи).

Уже в начале нулевых, когда следователи нынешней, «антисоветской» эпохи читали материалы того моего дела семидесятых годов, они были немало удивлены.

– Слушай, Иваныч, – сказал мне один из них, – Случевский читал нам лекции в институте, и он же консультировал Комиссию по твоей «выписке» в семьдесят втором году в Сумасшедшем доме...

– Это вук поэта Случевского, известного в 19-м веке!

– Так вот, ты знаешь, что он о тебе пишет? Он пишет, что *ты – гениальный юноша с очень тонкой и ранимой душой!*

А я-то думал, что ты или придурок – взялся издавать книги для «народа», которому кроме водки и колбасы ничего не надо, или – себе на уме, что-то замыслил, а что – никому не понятно, а может, даже и псих!

Кстати уж, есть еще немало Документов, касающихся Дела семидесятих годов, и Дела двухтысячных, но я привел их ровно столько, чтобы показать неодинаковость даже государственного аппарата.

Почему меня защищали некоторые следователи и психиатры в 70-м? Это были люди, вышедшие на авансцену в хрущевское время, это были представители несостоявшегося у нас «социализма с человеческим лицом», оболганного и при Брежневе и при нынешних ханах.

Почему меня защищали пятнадцать и десять лет назад? Они о себе сами говорили, что их «корни» в той «интеллигентной эпохе», в семидесятых и восьмидесятых годах, они **не** дети «лихих» девяностых. И все же и они не всегда могли меня защитить.

– Вот, блин, в чем, оказывается, дело, твой-то «главный гонитель – внук обновленческого епископа! Да к тому же приятель "самого", и поэтому сверху приказ: во что бы то ни стало тебя посадить! Мы уже ничего не сможем сделать, готовься сидеть!

Но ведь "лежать" иногда еще страшнее, и разве не говорили мне хирурги не единожды: "*Ну, парень, до утра ты не доживёшь!*"?

Они меня *любили!* И жалели! Один даже приперся ночью в палату за три часа до операции, и мы с ним говорили «за жизнь».

Что это всё значит?

А значит это, что есть некий ЗАМЫСЕЛ обо мне свыше, что миссия (или юдоль?) суждена мне и в самом деле, и высшие силы меня еще не покинули, и суждено мне исполнить некие чаяния русского народа.

Иногда я думаю так.

Немцы (и евреи) создают разные невероятные теории общественного устройства, а тут мы им подворачиваемся, и *они их на нас испытывают*. И получается исключительно плохо, но они и не «хотели как лучше», а получилось как получилось, потому что о человеке вовсе не думали, человеком пренебрегали, его презирали, его даже злобно ненавидели! Теория была важнее, и человек ей мешал, ей не соответствовал, был ее «недостойн» (особенно русский).

А русский крестьянин своим глупым русским разумением думает, что человек впереди всего, поэтому он и живет до сих пор со своей глупой мечтой о «хорошем царе»! И это единственный залог правильного, доброго, человеческого общественного устройства!

Россия нуждается в общественном устройстве «с человеческим лицом», будь то социализм или капитализм, а на нас сваливается либо Опричнина лютого Иоанна, либо Перестройка деспотического Петра, либо людоедский ленинско-сталинский социализм, либо дикий капитализм с «организованной преступной группировкой» сверху (попросту, бандой мародеров!)

Мое Призвание в том, чтобы вместо немецких теорий «труда и капитала», классовой борьбы, производительных сил и производственных отношений взывать к душе человека, особенно Правителя, способствовать приходу к власти порядочного, честного и незлобного человека.

Нами правят в двадцатом столетии почти сплошь оборотни, злодеи, нечистая сила, а по жажде русского человека в справедливости, по его детской наивности (и неразвитости, и невежеству) соблазняется он каждый раз Негодяем, и становится перед ним на колени, и помогает ему убивать лучших русских людей.

Многое в моей судьбе необычно. Даже то, что надели на меня смирительную рубашку и желтый колпак с бубенцами. Но ведь тысячи диссидентов испытали на себе то же, иные из них погибли, третьи погасли. А я, единственный из тысяч, вдруг, через тридцать лет, прохожу вновь освидетельствование, и всенародно ученый синклит возглашает: *Разумен, Благодарен, Невинен!*

Затем меня снова сажают в тюрьму – это своего рода «искупительная жертва». Преступный судья, по приказу свыше, да еще, как поговаривали, за сто тысяч сребренников, приговаривает меня к пяти годам заключения (да еще и моего сына – как в семидесятом году хотели посадить и мою жену – за недоносительство).

И что же? Просидели мы всего пять месяцев!

Надзиратели нас любили. Соседи тоже.

«Соберись с силами, Иваныч! – говорил мне Начальник тюрьмы!!! – чудес не бывает, на освобождение не надейся, но мы тебе не дадим пропасть, будешь работать у нас в канцелярии, захочешь – и девушку к тебе приведем! (самогонку-то я в тюрьме пил!!!) Только не тещь себя иллюзиями, они ослабляют, за пять лет ни у кого из тысяч, прошедших здесь, не отменили приговор!»

И вот, происходит ЧУДО!

Нас освобождают! Единственных из десяти тысяч!

Товарищи по несчастью нас бросаются обнимать! Надзирательница целует меня в губы! (Ах, да ради такого триумфа можно просидеть и подольше!)

Как я могу бросить камень во всех «государевых слуг» (хотя иные из них и впрямь «сущие псы»?) Значит, не место красит или унижает человека, а человек – место!

В окончании сей главы приведу я отрывок из своего Последнего Слова, которое судья мне даже не разрешила сказать.

...июля 2004 г... «Хотя я невиновен, но надо ли мне пытаться влиять на решение Суда, опровергать обвинения, приводить защитные доводы? Вот о браках известно, что заключаются они на небесах (и может быть, не только счастливые, но и несчастливые). Ибо стал ли бы Сократ Сократом, если бы у него не было сварливой Ксантиппы?

С женою мне повезло, так не естественно ли, чтобы Господь оберегал меня от самомнения, заботливо елозя меня о кирпичные стены тюрьмы?

Центральная мысль многих современных евангелических проповедей – что *Бог нас любит*, что ради нас, ради искупления наших грехов Он и вочеловечился, грехи наши искупил, и теперь мы можем жить счастливо и беззаботно, не боясь наказания.

Бог нас любит! – вот основной рефрен поучений христианских оптимистов.

В противоположность этому православные часто говорят, что "кого Бог любит, того Он наказывает", ибо через страдания мы и возвышаемся к праведной жизни.

Любит ли Бог меня?

Оглядываясь на значительные происшествия своей жизни, прихожу к выводу, что скорее всего – любит; не считая даже терзаний несчастной любви: арест и заключение в 70-ом году, три года тюрьмы и сумасшедшего дома; запрет на преподавание, столкновение с финским трейлером в декабре 96 года; скольжение по краю в феврале 97 года; три месяца больницы в 99-ом, на грани жизни и смерти... – не говоря уж о неприятностях, последовавших после разорения издательства, перечисленные происшествия моей жизни показывают, что Бог меня даже страстно любит, как я любил вертихвосток, и серьезно наказывает, как строгий отец наказывает беспутного сына. Но парадоксальная Божественная любовь, как и должно любви, послужила мне во благо, и во мне не заглохло главное – сострадание к чужим невзгодам.

Любит ли меня Бог сегодня? Если все еще любит, то я жду испытаний не меньше тех, какими я был награжден прежде. Так уклоняться ли мне от Господней Любви? Стремиться ли к благоденствию, пытаюсь сорваться с небесного крючка, быть ли безучастным, предоставив событиям течь не по моей воле, или даже идти навстречу грядущим невзгодам?

Я раздумывал об этом все последние годы, и к определенному выводу не пришел.

Может показаться, что мои возражения обвинению показывают, что я стремлюсь избежать наказания – но это не так.

Я объясняю свои поступки и мотивы как их вижу и чувствую, не пытаюсь подправлять, и стремлюсь к искренности. Частные лица потерпели ущерб вместо прибыли, но причиной того, что долги не были возвращены, является не преступный умысел, не злое намерение, не равнодушие к другим или небрежение чужими интересами, ибо пытался я сделать все, что мог, чтобы избежать разорения и вернуть долги – причиной (что для подавляющего большинства граждан нашей страны очевидно) является преступная политика ельцинского правительства в 90-х годах, которая привела к разорению сотен тысяч предприятий и к нищете десятков миллионов.

Поэтому, любит нас Бог или нет, но что **правительство нас всех ненавидит** – очевидно.

Если бы меня спросили, какого Приговора желаю я сам, я затруднился бы ответить. Хотя я и настаиваю на своей невиновности, но есть одно обстоятельство, которое не от меня зависит – потерпевшие потерпели финансовый урон, они пострадали, и пусть это государство нас всех разорило, но я не могу не страдать из-за тех кто страдает.

Происшедшее – словно ЗАНОЗА В СЕРДЦЕ, и пока сердце бьется, заноза никуда не исчезнет.

Поэтому я думаю, что пусть Бог Сам решает, какой Приговор для меня справедлив, и хотя рациональному сознанию может казаться, что он явится следствием взаимных усилий и противопоставлений, это не так. Я не делал никаких усилий к оправданию, я лишь отвечал на вопросы, и даже если спорил, то лишь потому, что стремился излагать точно факты. Пусть теперь Бог Сам решит, какой участи я заслуживаю, и хотя судья, возможно, полагает, что это она взвешивает то или другое на чаше весов, взвешено всё уже раньше, или скорее всего, вовсе не принято ничто постороннее во внимание, судья сообщит нам только то решение, которое уже определено *свыше*. Государство было не всегда ко мне справедливым, но в высшем смысле все, что со мною в жизни произошло, я принимаю с благодарностью, все было хорошо. Мой лучший друг, ни в чем не виновный, живший воистину безукоризненно, умер, а я почему-то все еще жив – мне ли жаловаться на несправедливость?

Так что, я думаю, справедливо все, что должно и случится со мной.

«Простите, что говорил так длинно – не хватило времени, чтобы высказаться короче».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ

В судебную коллегия по уголовным делам
городского суда г. Санкт-Петербурга

Глубокоуважаемые члены Судебной коллегии!

Просим Вас внимательно отнестись к рассмотрению уголовного дела Чернышева Василия Ивановича и Чернышева Дмитрия Васильевича. Мы все знаем В. И. Чернышева с его студенческих лет. Сын солдата, погибшего под Ленинградом в 1944 году, он вырос в далекой сибирской деревне, в центре Красноярских лагерей. После окончания математико-механического факультета Ленинградского государственного университета он работал преподавателем математики в школах, а затем – в вузах города, был программистом высокой квалификации. При этом, будучи чрезвычайно одаренной натурой, он постоянно занимался философией и литературным творчеством. В 1970 году В.И. Чернышев был арестован за участие в самиздате и три года провел в тюремной психиатрической больнице. Позже он был признан психически здоровым (в чем мы никогда не сомневались) и полностью реабилитирован. В настоящее время В. И. Чернышев – член Союза Писателей России, автор нескольких книг и, в том числе, замечательного учебника для вузов «Азбука высшей математики», написанного с позиции философии науки.

Созданное им совместно с сыном Дмитрием издательство «Глаголь» было в 90-е годы XX века одним из самых интересных издательств России. Фундаментальный труд по факсимильному изданию Радзивилловской Летописи с научными комментариями, выполненными издателями совместно с учеными Пушкинского Дома и Библиотеки Академии Наук, где хранится подлинник, стоит в ряду лучших образцов полиграфического искусства России, делая доступным широкому читателю этот ценнейший памятник древнерусской культуры. Другие книги и журнал «Мера», выпущенные в свет издательством «Глаголь», свидетельствуют о том, что деятельность издательства внесла существенный вклад в культуру России.

Мы уверены, что В. И. Чернышев – признанный литератор, философ, педагог, уважаемый всеми людьми, кто его близко знает, много еще может сделать для культурного наследия России.

Мы считаем, что банкротство издательства «Глаголь», – невосполнимая потеря для нашей культуры. Разобраться в истинных причинах этого банкротства было бы высшей справедливостью. Оно было вызвано частично непродуманной политикой Правительства в середине 90-х годов по отношению к малым предприятиям, а также тем, что издательство не ориентировалось на получение сиюминутной прибыли, а больше заботилось о повышении культуры и содержания издаваемых книг, в конечном счете, положительно влияющих на духовный облик народов России. А в честности, искренности намерений и подвижничестве В. И. и Д. В. Чернышовых мы никогда не сомневались и не сомневаемся и сейчас.

Воспитанный в семье В. И. Чернышова единственный сын Дмитрий наследовал лучшие черты и традиции этой семьи – честность, искренность и высокие нравственные качества, уважение к Родине, стремление работать для ее блага. **Им, в частности, написана и издана прекрасная книга для детей.**

Мы считаем, что решение суда от 08.07.2004 было неправильным, и просим Вас учесть вышеизложенное при решении судебных Чернышева В.И. и его сына Чернышева Д.В.

Н.П. Ильин, профессор Гос. Политехнического Университета, докт. физ.-мат. наук

Л.В. Яснов, профессор С.-Петербургского Гос. Университета, докт. физ.-мат. наук

М.С. Чубей, ведущий научный сотр. Главной (Пулковской) Астрономической Обсерватории РАН, канд. физ.-мат. наук

Т.В. Иванова, старший научный сотр. Института Прикладной Астрономии РАН, канд. физ.-мат. наук

Н.Ф. Мартынова, доцент Северо-Западного института печати, канд. физ.-мат. НАУК

В судебную коллегия по уголовным делам
Городского суда г. Санкт-Петербурга

Глубокоуважаемые члены Судебной коллегии!

В ваших руках находятся судьбы известного писателя, философа, издателя и математика Василия Ивановича Чернышева и его сына Дмитрия Васильевича Чернышева, соиздателя и начинающего талантливом литератора.

Трудами отца и сына Чернышевых было создано издательство, широко известное в нашей стране и за рубежом. Выпущенные издательством «Глаголь» книги и журнал «Мера» имеют большое культурно-историческое значение для нашей страны и ее культурных связей с другими государствами.

Об этом свидетельствуют следующие факты.

1. С выходом в свет «Радзивилловской летописи», национального достояния России, в котором впервые была упомянута Русь как государство, буквально спасенного издателями для культуры, издательство поздравила председатель комитета по делам культуры Государственной Думы России Т. А. Черторицкая, приславшая приветственное письмо.

2. В 1996 году правительством В.С. Черномырдина были закуплены у издательства 250 экземпляров «Радзивилловской летописи» для вручения их директорам ведущих библиотек разных регионов России. Торжественная передача книг премьер-министром происходила в Доме правительства (Москва) в присутствии приглашенных издателей Чернышевых и ученых, авторов комментариев к летописи.

3. В 1996 году издатели в составе делегации от Парламентской ассамблеи были приглашены правительством Беларуси на Праздник славянской письменности в дружественную нам страну, где от имени издательства В.И. Чернышев передал в дар белорусскому народу «Радзивилловскую летопись», – памятник письменности русского, белорусского и украинского народов.

4. В 1997 году в составе делегации Русской православной церкви В.И. Чернышев был приглашен на Всемирный Христианский Конгресс, происходивший в Германии. Это связано с признанием значения огромного труда издательства «Глаголь»: выходу в свет впервые на русском языке трудов Дионисия Ареопагита (первого христианского богослова).

5. Изданные «Глаголом» книги из серии «Библиотека древнерусской литературы» (12 томов из 20 запланированных) в 1995 г. были выдвинуты на Государственную премию и удостоены ее.

6. Книги издательства и номера одного из лучших журналов 90-х годов «Мера» находятся в ведущих библиотеках России, Швейцарии, Австрии, Англии (Лондонская королевская библиотека), Америки (Библиотека Конгресса США), Германии, в библиотеке Ватикана.

7. В планах издательства значилась Энциклопедия «Храмы России», в которую предполагалось включить историю храмов всех конфессий в разных регионах России. Патриарх Алексий высоко оценил эту инициативу, дал свое благословение на издание как способствующее единению страны. Были подготовлены к печати пять томов и выпущен первый – С.С. Шульц. «Храмы Санкт-Петербурга», имевший большой культурный резонанс и коммерческий успех.

Мы выражаем искреннее недоумение по поводу признания судом В.И. Чернышева и Д.В. Чернышева мошенниками, для которых «издательская деятельность была лишь прикрытием преступного сговора и самого преступления». Тем более, что за долгий период общения с В.И. Чернышевым мы никогда не сталкивались с какими-либо проявлениями мошенничества с его стороны. В.И. Чернышев по своим личным качествам относится к бессеребрянникам. Отец и сын Чернышевы – настоящие подвижники в деле культуры России. По нашему мнению, банкротство издательства «Глаголь» и оставшиеся задолженности есть результат не злого умысла, а недостаточно умелой финансовой деятельности и общей сложной экономической обстановки в стране в 90-е годы.

Мы полагаем, что, находясь на свободе, В.И. Чернышев, как и его сын, Д.В. Чернышев, могут многое сделать для сохранения культурно-исторического и нравственного потенциала России, что в настоящее время крайне необходимо.

Л. П. Романков, Действительный государственный советник Санкт-Петербурга I-го класса, председатель Комиссии по образованию, культуре и науке Законодательного собрания Санкт-Петербурга в 1994-2002 гг.

Л. Я. Измайловский, поэт, член Союза журналистов, главный редактор международного художественно-публицистического альманаха «Зеленая ветка»

И. А. Софронов, писатель, художник, член Союза художников России, зам главного редактора международного альманаха «Зеленая ветка»

А. И. Михайлов, доктор филологических наук, ... главный редактор литературно-исторического журнала «Рог Борея»

В. Л. Невякин, Председатель комитета по делам печати Законодательного собрания С.-Петербурга в 1993-1998гг.

21 октября 2004 г

В Судебную коллегия Городского суда г. Санкт-Петербурга

Уважаемые члены Судебной коллегии!

... Дмитрий Васильевич Чернышев – автор замечательной книги для подростков «Путешествие в Страну Снов» (СПб.: Азбука, 2003, 432 с., псевдоним Д. Дримов), с которой мне довелось работать как литературному редактору. Книга является своеобразным «российским ответом» «Гарри Поттеру» Джоан Роулинг, но написана исключительно с гуманистических и православных позиций, в том числе разоблачает вред наркотиков, что невероятно важно в наше непростое время. «Путешествие в Страну Снов» (книга номинирована на литературную премию «Дебют» и распродана в течение года) – первый том из задуманного Д. Чернышевым трехтомника, который, полагаю, непременно должен быть завершен автором в условиях свободы.

После выхода книги в 2003 году Д. Чернышев выступал (за свой счет) в городах и поселках Ленинградской и Новгородской областей с лекциями о вреде наркотиков «История цивилизации и наркотики».

По своему душевному и психологическому складу Д. Чернышев принадлежит к не столь уж частому ныне типу интеллигентов-идеалистов. Невозможно даже представить себе слово «мошеничество», отнесенное к этой светлой и возвышенной личности.

Жизнь Д. Чернышева на свободе, конечно же, окажется по большому счету полезной для России и ее молодого поколения, для которого он сумеет дописать свой чудесный роман.

Редактор издательства «Амфора» Б. В. Останин
4 ноября 2004 года, Санкт-Петербург

В Судебную коллегия Городского суда г. Санкт-Петербурга

Глубокоуважаемые члены Судебной коллегии!

.... Деятельность издательства «Глаголь» внесла важный вклад в пропаганду исторических знаний в нашей стране. Опубликованные в серии «Библиотека Древнерусской Литературы» памятники житийных летописей «Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские», «Житие протопопа Аввакума», «Сказание о Валаамском монастыре», «Святитель Стефан Пермский», а также уникальные издания «Радзивиловской летописи» и «России и Европы» Данилевского направлены на углубление у современников представлений об исторических корнях культурных традиций России, их национальных особенностях.

Высокий уровень полиграфии, научные комментарии к текстам сделали эти книги незаменимым подспорьем для научных исследований истории нашей страны.

А. Н. Кирпичников, профессор, доктор истор.наук, Зав. Отделом славянско-финской археологии Российской Академии Наук. 10.11.2004

ПИСЬМО К НЕИЗВЕСТНОЙ

Дорогая Наталья Владимировна! Примерно в 1997 г. Митя и В. И. имели аудиенцию, довольно продолжительную, у Патриарха (были и у др. иерархов, но я не помню, у кого). Просили благословения на издание Энциклопедии «Храмы России», в которую В. И. хотел включить храмы всех вероисповеданий разных регионов страны. Патриарх дал свое благословение и рекомендательные письма в банки Москвы и СПб. Однако никто не откликнулся и деньгами не помог, несмотря на полученный В. И. на этот проект патронат ЮНЕСКО, выпущенный один том и готовые к изданию еще четыре.

Наверное, дело в том, что Энциклопедия должна была включить том о зарубежной и о «катакомбной» православной церкви и отечественные не только православные храмы с большим акцентом на историю создания, личностей, связанных с каждой из церквей (т. е. скорее светское издание). Сейчас, спустя 6 лет, Патриархия, используя эту идею, выпускает энциклопедию по православным храмам и монастырям, но в своем стиле.

В. И. сказал сегодня по телефону, что, если это не сложно, то письмо от Патриархии не помешало бы – в том же стиле, с оценкой книг, изданных в те годы, когда сегодняшнего изобилия книг о российских святых не было. Поэтому издания житий Белозерских старцев, Стефана Пермского, и, особенно, Дионисия Ареопагита – впервые на русском языке, – в середине 90-х были очень важны для привлечения паствы, восстановления традиций православия. Но это только в том случае, если это Вас не затруднит.

Сердечное спасибо за участие и помощь.

Наш телефон: ... Адрес: ...e-mail: ...

ПИСЬМО К СЫНУ

Здравствуй, мой родной Митенька!

Решила тебе письма набирать на компьютере, т.к. из-за вечной спешки почерк стал что-то очень неразборчив.

Очень рада за тебя, что «коллектив» у вас собрался неплохой, что аппетит не пропал.

Постараюсь учесть твои пожелания. Получил ли Бердяева, которого я послала тебе через библиотеку еще в четверг? Начал ли читать?

Начну по порядку. Я согласна, что относительно просьбы об объединении с папой нужно обдумать, потому что могут посадить в гораздо более худшую камеру обоих. Как говорится, «не верь, не бойся, не проси»! Папу я видела на свидании в четверг. Хотя у него сносно, но, цитирую, «на два порядчка хуже, чем у тебя». Он там в ранге «мужика», т.е. или сидит "на пальме" или убирает, но к умывальнику (к стирке) его не пускают. Он кооперируется с соседом, молодым парнем. Очень похудел, на нем все висит. Но духом бодр, глаза ясные, радостные (при встрече). Тебе передает привет.

Теперь о девочках. Настенька уехала с Андреем и Светой, как ты знаешь. Надеюсь, что сегодня они уже купаются на озере. Юра приедет во вторник. Лада нас с мамой сразила и очаровала своим рукоделием в готовом виде!!!! Как жаль, что ты пока не видишь! Ей подружка Светуся уже заказала расписать так же для нее платье. Думаю, и другие заказы возможны. Уехала с двумя громадными сумками (Настя почти ничего не взяла) и гитарой. Ее должен был встретить Андрей. Поскольку никто не звонил, надеюсь, что Лада доехала. Она хорошо держится, хотя очень переживает за тебя. С трудом уговорила ее уехать, – август-октябрь будут очень трудными. Мы жили дружно и сейчас, оставшись с мамой вдвоем, чувствую, как мне не хватает девочек. Перед отъездом распределили все по статьям расходов, скромно, но, с учетом пенсий и помощи родственников, проживем.

Виделась в четверг с твоим адвокатом. Он мне по-человечески понравился, жаль, что он занят и в основном работает его заместитель, у которого опыта поменьше. Однако дело он курирует и в курсе всего. Я кое-что ему подсказала, надеюсь. Оба адвоката симпатичные, въедливые и знающие. Будем надеяться на оправдание, хотя, мне кажется, процесс будет не скорым, но, я уверена, окончательным.

Сегодня с утра я, наконец-то, вернулась к своей работе: до 20-го августа нужно будет не только написать автореферат, переплести 6 экземпляров, но сделать из работы монографию и одну статью на 30 стр. в сборник. Съездила один раз на неделе в деревню (до начала суши), привезла немного клубники. Сейчас пошла черника и смородина, а ехать боюсь: бабушка прошлый раз упала, опять ушиблась, не могла никак встать. Кроме того, у нее ухудшилась память, она все забывает, в том числе, что ты и папа в тюрьме. Скажешь, она начинает плакать. Ноги плохи, хотя и ходит, но они тверды, как дерево, и болят. Понемногу снимаю опухоль, но все идет очень медленно. Интересно, что у нее болит правое нижнее ребро (не там ли у тебя трещина?), а у меня после деревни неизвестно почему стала так же, как у нее, пухнуть правая ступня, уже плохо сгибается (что-то с суставами?)..

Чтобы повеселить, сообщаю последние интернетовские анекдоты:

2. В больницу к тяжело больному приходит приятель с печалью на лице. Жена больного говорит ему:

– Повеселее смотри, хотя бы.

Входя в палату, *весело*: – Ну, что, умираем?

Приходил Володя Кузнецов, принес бутылку Амаретто и большую шоколадину для папы за подаренную книжку. Я дала ему твою почитать.

Он с восхищением сказал: «Достойный сын великого отца»! Хорошо, что есть восторженные люди, не скрывающие своих эмоций!

На этом сегодня кончаю. Любим. Верим. Ждем.

Да, вам можно выписать газеты. Какую хочешь?

Целую. Мама.

Глава пятая
ОПРАВДАНИЕ

В декабре 2004 года нас освободили, и "беспутная жизнь" как будто закончилась.

Конечно, так как "горбатого могила исправит", то моя "беспутная жизнь" не слишком то и закончилась, а приобрела только новые формы. Что-нибудь из этого "читатель" (если, конечно, он и впрямь читал мои книги) уже знает, и я повторять не буду.

Мне важен вывод.

Если евреев Моисей сорок лет водил по пустыне, чтобы они стали способны к принятию и уразумению Завета и Земли Обетованной, то и меня Господь, возможно, также водит по пустыне, елозит мордой то там то сям, чтобы вырастить из меня того, кому он мог бы вручить Миссию по спасению России.

Но это, возможно, только мой собственный миф.

А на самом деле ни мои книги ни я сам ничего выдающегося не представляют.

Я мало верю в то, чтобы после пятидесятилетних блужданий и впрямь вдруг "шестикрылый серафим на перепутье мне явился"; я даже мало на это надеюсь. Но... вот эту литературную эпопею из девяти книг, которую, можно сказать, я писал тридцать лет, и в которую вплеталась моя жизнь не только как источник текста, но и как непосредственный ТЕКСТ, я заканчиваю именно в границах такой фантастической веры и надежды. Я словно бы сплю и сочиняю свой сон.

Сама жизнь представляет целую вереницу всевозможных неудач, книги мои почти никто не читает, никто (почти) ими не восторгается, учебник мой валяется в пыли, дом у меня далеко от города, так что поездки «на дачу» словно «Путешествия из Петербурга в Москву», транспортных средств, ни телеги с лошадьё, ни автомобиля ни даже велосипеда у меня нет, денег тоже, друзья в большинстве примкнули к разным безумным направлениям мысли, от сталинизма до поклонения волхвам, чертям, инквизиции, прежним и нынешним сатрапам, так что и поговорить с ними уже невозможно, только иногда распаленно ругаемся или с горя приходится с ними молча выпивать, девушки тоже уже все бросили, а новых завести... кажется, уже лето на убыль, и новые не успеют прорасти и укорениться, хотя последнюю грядку картошки посадил я только позавчера... (Но охлаждение девушек меня приводит в уныние...)

Но, с другой стороны, чтобы вору и сатрапу не шибко торжествовали, приведу я и несколько контрпримечаний к своей жизни, и не совсем неверных.

Во-первых, друзья хоть и посходили с ума, но все еще меня любят, а женщины-подруги, к которым не пристаю я с собственным безумием, относятся ко мне очень мило, одна даже меня (по дружески) тоже любит и называет гением.

Во-вторых, девушки хотя уже и бросили, но в отношении одной из них еще вчера оставалась последняя надежда, так что ведь недавно еще я был не совсем брошенным! А чудеса на свете случаются, читатель уже в этом мной убежден.

Дом хотя и далеко, но зато баня жаркая, в огороде растет и лук и картошка и уйма всего, что нужно для счастья, деревенские дети нас любят и прибегают *подкормиться*, рядом лес, ягоды и грибы, и на днях мы с женой и товарищем туда поедem, истопим баню, да с кваском и сухим вином!

А денег на жизнь хватает, одежды у меня и так много, и в новой я уже десять лет не нуждаюсь, за электричку и метро я почти ничего не плачу, свои книги печатаю за счет того, что чужие редактирую, стихи дарю понравившимся девицам и они их с милостью во взгляде принимают, а завтра едем в Павловск... нет, я счастливее олигархов и сатрапов, продажных чиновников и неправедной власти!

И даже если они у меня отнимут кров, отберут книги и все имущество, посадят в тюрьму или расстреляют, заставят безумный народ меня оскорблять – а народ и не будет перечить, ибо всегда между сатрапом и поэтом народ избирает сторону сатрапа, как это случилось и с Иисусом Христом, и с Жанной Д*Арк, и с Джордано, и с Аввакумом, и с Николаем Гумилевым и Варламом Шаламовым – они меня не победят, *История унизит и сатрапов и их верноподданных холуёв!!!*

Дух вечен, а кости властителей сгнивают и от них ничего не остается, иногда даже имен. Кто правил в Риме, когда творили Микель-Анджело и Рафаэль? Знают немногие. Кто правил в Испании, когда творил Тициан?

Когда родился Пушкин, знают все! А когда родились цари, при которых он жил? Даже я запинаясь и говорю не сразу.

При каких властителях жил В.И.? Через сто лет властителей этих никто не вспомнит, а меня будут помнить. Может быть, запомнят имя русского Дантеса, который убьет меня тайно, но его потомки будут скрывать, что он их предок.

Правда, меня не утешает то, что гонимый при жизни, я окажусь победителем после смерти. Удручает меня судьба безвестных честных и добрых, живших праведно и достойно, погибших или мучаемых в своей верности Правде и, увы, забытых! Помнят, к несчастью Ленина и Сталина, и немногие их проклинают. А миллионы, сожженные ими в огне жестокой Гражданской войны, подлой коллективизации, лютых погромов ни за что ни про что, в огне бездарно веденной Отечественной войны, в бесконечной войне против всего, что было в народе выдающегося – эти миллионы в памяти разве лишь своих детей и внуков. И сколь многие палачи благоденствовали, когда жертвы их мучились! А те, кто восхваляет палачей, или только их оправдывает, или только их НЕ проклинает – на души убиенных «собирают горящие уголья».

Ладно, устал я повторять одно и то же, никто не услышит, схожу лучше посмотрю на дождливое небо...

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТЮРЕМНОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Читатель может решить, прочитав и «письма друзей», и хлопоты адвокатов, что я только и заботился о том, чтобы избежать всяческого наказания, но это не так. Во-первых, сидел я не один, но посадили и сына, и если виноват я был только в том, что «хочется им кушать», и в судебном процессе даже не было попыток что-либо доказывать, и приговор был вынесен без каких либо доказательств (даже прокурорша, представляющая обвинение, очень красивая женщина, о которой в Заключительном слове я сказал, что жаль, что расстрелы отменены и она не может вынести мне смертного приговора – а с каким бы наслаждением я бы стоял на эшафоте и ждал, когда она меня пристрелит! – требовала только *условного наказания!*) – то сына посадили только за то, что он мой сын. При вожде народов, вероятно, посадили бы и малолетнюю внучку. И мне необходимо было бороться за его освобождение. Да кроме того, страдала и семья, в том числе и матерьяльно, к счастью, помогали друзья, поэтому жили сносно.

К тому же, по приговору мы должны были отсидеть **пять лет**. Учитывая, что трижды в последние годы я лежал на операционном столе, у меня не было уверенности, что я смогу дожить до конца срока, а мне казалось, что я еще смогу многое сделать и в литературе и в математике. Так и оказалось, я написал позже Учебник высшей математики, и что бы ни говорить о моих книгах, но Учебник я написал превосходный, Декан-математик одного из университетов сказал, что это лучший учебник в стране.

Итак, можно сказать и так, что я довольно спокойно стоял на эшафоте, не прилагая чрезмерных усилий к спасению.

P.S. Фамилии в документах не всегда приводил – в нашей лучшей в мире стране *«ходить бывает склизко по камешка иным, и мы о "наших близких" давайте помолчим!»* (А. К. Толстой)

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПРОСТЫЕ ЧИСЛА ИЛИ НАЕДИНЕ С МАТЕМАТИКОЙ

«Свободы сеятель пустынный...»

А. Пушкин

Жизнь не предсказуема. Сегодня я не только на обочине жизни, но даже в канаве, пролегающей вдоль обочины. Но что будет через сто или двести лет? – может быть, новый Гоголь назовет именно меня подлинно русским человеком, а не тех, перед кем стоят на коленях толпы "среднерусского народа"? (Или они не ведают, что стоят на коленях - в *разгар Гражданской войны* ?)

Но поэтому я и вставил в текст книги несколько математических страниц. Все же я создавал не только ненужную литературу, но и полезную математику?

ВВЕДЕНИЕ

26 августа 2012 г. Кому и зачем нужна математика?

Казалось бы, все в ней целесообразно, взаимосвязано, каждая глава необходимым образом соединена с другими, а все вместе составляют НЕОБХОДИМЫЕ этажи цельного, связанного во всех частях здания. Более того, кажется, что все результаты математики или имеют практическое значение, или теоретически обосновывают то, что имеет практическое значение. И никто не возразит тому, что математика помогает физику измерить атом или сосчитать их количество в мире, инженеру – сконструировать машины и механизмы, строителю – построить здания. Но что она в жизни прочих смертных, не физиков, не инженеров, не строителей? Нужно ли ее изучать студентам не технических вузов?

Нет, читатель, если ты живой и мыслящий человек, не спрашивай, зачем и кому нужна математика помимо тех, кто взвешивает и измеряет! – это то же самое, что спросить, зачем и кому нужны поцелуи при луне. Использование математических формул в чьих-то низких *расчетах* (быть может, кто-то *рассчитывает* с их помощью проникнуть в Государственный Банк?) – не более чем умение забивать хрустальной вазой гвозди в каблучки или в стену.

Зачем математика нужна психологу и философу? – а зачем философу и психологу стихи, где он может их *применить*? Очевидно, что от стихов никогда никому не было пользы, поэтому и та низкая польза, которую приносит математика как инструмент вычислений, еще не достаточная причина, чтобы психологу ее изучать.

Математика больше всего нужна тем, кто *любит смотреть на звезды* – но они не нуждаются в доказательствах ее необходимости.

Когда они счастливы, математика помогает им полнее постигнуть гармонию и красоту мироздания и восхититься его благоустройством и великолепием, а когда они несчастны, только с ее помощью могут они увидеть, стоит ли жить на свете и для чего.

Является ли человек целью для себя самого, или он – только средство? вот почему мы задаём аналогичный вопрос по отношению к культуре, философии, науке и, в частности, спрашиваем – *для чего нужна математика? Находит ли она в себе самой своё оправдание?* Или она нужна только для расчетов, она – только средство в чуждых ей целях, и в каждой профессии нужна своя математика? Наивный, когда писал я "Пособие по математике", я верил Евклиду, что геометрия существует одна для всех; однако теперь слышу, что биологам нужна только статистика, что психологам и философам нужна "математика для кухни" (как был когда-то "*Диамат* для домохозяйек") – то есть только то, что необходимо им в их "общественно-полезном труде". Разве, говорят они мне, обучая работниц сборке калаш на конвейере, объясняем мы им

теорему Пифагора, и апории Зенона? (Хотя, сборщицу ли калос, плотника или агронома готовит Высшая школа?)

Только, заменяя живого человека какой-либо его функцией, и заменяя школу и университет на ремесленное училище, обучающее ремеслу, или даже отождествляя их с сапожной мастерской, в которой Ваньку учили сапожному делу, мы придём к математике *для* сапожника, пекаря и психолога – то есть к *антиматематике* – разве пекарю нужно что-либо еще, кроме муки и умения складывать проценты и граммы?

Если человек – механизм, служащий для исполнения некоторого рода действий, как сковородка нужна для жаркого, то не лучше ли бросить уже сегодня все силы на клонирование таких узкофункциональных живых машин? А тогда мы спросим не только о том, нужна ли этим машинам, которые мы обучим двигаться, строгать и резать, математика, – но и нужна ли им будет живая речь? Разве нельзя строгать и пилить молча, и еще успешнее?

Отношение к человеку как к функции (или детали) в системе общества, отношение к обществу как "высокоорганизованной материи" – это взгляд, навязанный, с одной стороны, идеологией тоталитаризма, с другой – доведенным до крайней степени научным рационализмом.

Отчетливее всего проявляется это отношение в представлении о человекоподобной машине, призванной не только пилить и строгать, но и заменить человека. Однако, подлинный ученый не останавливается на бесплодной дискуссии – сможет ли машина стать человеком, сможет ли она "мыслить" – он идет дальше, он выдвигает поистине революционную задачу – сможет ли человек стать машиной? Чтобы не застревать на чистой теории, ученый делает решительный шаг – он вживляет себе в руку устройство, управляющее компьютером, и таким образом отчасти и сам превращается уже в компьютер [из новейших сообщений ТАСС и Ассошиэйтед Пресс.]

Научное мышление подменяет действительность: телесность – муляжом, муляж – фотографией, фотографию – чертежом, чертеж – условным символическим изображением.

Математика – искусство, но, как утверждает Оскар Уайльд, – всякое искусство совершенно бесполезно!

Правда, у математики есть множество приложений, как и у хрустальной вазы бывают иногда приложения, о которых она не подозревает – так, ею можно швырнуть в загулявшего мужа, или вбить гвоздик на каблуке. Но вопрос не в том, чтобы научить человечество складывать и вычитать и даже умножать цену бутылки пива на их количество – нет, вопрос об уровне, качестве и содержании Высшего образования. Если высшее образование узко *профессионально*, если его задачей является только подготовка работника к выполнению ряда строго определенных действий, необходимых для данной работы, то не только математика не нужна, но и литература, и история, и философия, и не только не нужно, но именно вредно все то, что мы сегодня еще вкладываем в понятие *образования*.

Чем *уже*, тем лучше – так, каждая машина достигает совершенства только если она лишается посторонних функций. Чем специалист уже, чем меньше в нем человека и больше машины, тем он лучше.

Для чего нужна математика физику, химику, машинисту электровоза, юристу и психологу? – да надо ли убеждать их, что она им нужна?!

Споры на эту тему – нужна ли математика работнику, совершенно бессмысленны – не только дифференциальные уравнения, правило Лопиталя и Гей-Люссака, таблица Менделеева и история Античной цивилизации ему не нужны, но даже формулы корней квадратного уравнения, теорема о биссектрисе и символ Веры, и вся музыка мира не нужна работнику в таком смысле, как нужен отбойный молоток шахтеру (то есть для работы). Быть может, правы были древние, предлагая разделить человечество на две части, и одна из них – **бессловесные рабы**, занимающиеся разными видами работ, от рытья каналов до расщепления атома, а другая – праздно живущие **люди**.

Естественно, кроме того, спросить – нужна ли математика женщинам?

В некоторых азиатских странах на этот вопрос дан вполне убедительный ответ – не только математика не нужна, но и всякое образование излишне! За невесту, никогда не учившуюся в школе, вносится самый большой выкуп (калым); несчастные же барышни, по глупости учившиеся в институте, должны всячески скрывать этот прискорбный факт, ибо рискуют не выйти замуж.

Итак, нужна ли математика?

Она нужна не более, чем стихи, которые нужны только поэту – это его способ обольщения.

И конечно, никому математика не нужна, как не нужно гражданину платить налоги, ходить на войну, ходить в подконвойной колонне между рычащими злобно собаками, но – приходится.

Оставив разговор о пользе и необходимости математики в процессе обучения, о пользе и необходимости ее психологу или гончару, зададим вопрос – нужна ли математика обыденному человеку? Применяет ли он ее в своей жизни? Применял ли ее я сам?

Сознаю честно, что хотя математика – одно из моих важнейших занятий, и именно она меня кормила, и даже утешала, но и я не копал с ее помощью огород, не топил баню, решив предварительно несколько дифференциальных уравнений, не разгружал вагоны, и не сочинял стихи. Даже квадратные уравнения мне почти не приходилось решать с какой-либо конкретной практической целью.

Математика никому не нужна так, как, например, нужен бензин владельцу автомобиля, чтобы проехать из пункта А в пункт В – разве для этого нужно решать задачи на встречное движение?

Математика не может объяснить, каково предназначение человека, для чего он рожден, каким ему надлежит быть. И тем не менее, глядя на толпы бредущих, бегущих, падающих в канавы, хотя и не могу указать я им внятные ориентиры, возможные ухабы, броды, стремления или обходы, но, по крайней

мере, не посоветую лезть по топям и кручам – потому что математика помогает находить правильные решения в тех коллизиях, препятствиях, *точках разрыва* или *точках перегиба*, которыми одаривает нас жизнь, и помогает справляться с житейскими испытаниями.

Математику не обмануть, логика ее безупречна, – а бедный наш легковверный народ и впрямь вообразил, что если сложить как числа обещания народных вождей, то его богатства умножатся.

Математика нужна для того, чтобы с ее помощью измерить ров, в который нас завели проходимцы, и чтобы стать и оставаться *человеком разумным*.

Правда, одной математики для этого не достаточно, необходимо знать и помнить историю, и прежде всего *историю ошибок и заблуждений* – память о прошлом еще важнее *музыки сфер* и *гармонии дифференциальных уравнений!*

3.

Но есть ли у математики собственные задачи и цели? И даже когда они возникают, действительно ли они являются ими? Пытается ли математика понять сущность мира – когда она и собственную сущность понять не в силах? Все видят, что она *помогает* решать задачи частных наук, и поэтому начинает казаться, что только для того она и существует – быть инструментом, вычислительной машиной, помощницей (в лучшем случае) в посторонних *научных* исследованиях; так и жена, думают иные мужья, не имеет *собственного* предназначения, а только – постирать, накормить, приласкать, родить детей и воспитать их...

Ну зачем было грекам изучать *гиперболу* и *эллипс* – затем ли (возможно, ответили бы они), чтобы через полторы тысячи лет появился Декарт и через него родилась *алгебра геометрии*, а затем – в результате? – явилось *дифференциальное исчисление*, а из него – *интегральное*? И удалось бы, наконец, измерить и *эллипс* и *гиперболу*, расчертить движение планет, исчислить скорость движения снаряда, брошенного катапультиой, и траекторию его полета, и построить в конце концов летательную машину, которая полетела вперед по *параболе*, затем по *эллипсу*, далее по *гиперболе*, и щелкнула по носу Юпитер?..

Греки ведь не знали, что явятся Декарт и Ньютон, и занимались параболой и эллипсом *бесцельно*. Если даже у математики и есть сюжет и направление развития, то это ее внутреннее напряжение, как у семени, стремящегося проклюнуться и взрасти. Необходимость измерить объем винной бочки – это *повод*, но не *причина* развития теории.

Так и геометрия, то есть "земле-мерие", вовсе "землемерием" не является; и из необходимости определить количество золота в золотой статуе Аполлона не следует закон о выталкивании тела из воды. Побудительной причиной для того, чтобы заняться математикой, может быть даже тщеславие, или любопытство, но не является тщеславие причиной тому, чтобы сумма квадратов катетов стала равна квадрату гипотенузы.

Возможно, наука и философия выросли из практических потребностей; возможно, и машина появилась потому, что *"англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину"* – но не из практических потребностей людей выросло *содержание* математики, и хотя нам было бы удобнее, чтобы *действие не равнялось противодействию* и *сила тяготения не была обратна квадрату расстояния* – но "нас не спрашивают"!

Вот так же у теории простых чисел есть для нее важная цель – найти закон распределения их по числовой оси, или доказать, что его нет, или доказать, что... – но не для охмурения ли людей создана эта самая теория простых чисел? (Как иные думают, что религия *возникла*, чтобы попы нас "дурачили", и что Бога мы *придумали* так же, как *придумали* векторную алгебру, и даже – *придумали* мнимую единицу!)

Но если даже допустить, что Кеплер *придумал* определенный интеграл, чтобы измерить вместимость винных бочек, с тою ли же целью (или только ли для этого) *придумал* еще ранее того этот интеграл Господь?

4.

Так что же такое математика? Попытаюсь еще прежде ее изложения дать о ней некоторое хотя бы слабое представление, так же как и меню обеда говорит о нем немного, но кое что говорит.

Итак, математика – это сумма рассуждений о предметах, имеющих к ней отношение, в частности, о формах и количествах, об отношениях и зависимостях этих форм и количеств, а также сумма разно-образных действий (преобразований), которые мы с ними способны произвести.

Математика – это наука, смутные очертания которой появляются уже в начале ее становления (иначе не начала бы развиваться античная геометрия как исследование фигур и линий), но продолжают вырисовываться и расширяться по мере ее роста. (Так различны очертания семени и растения, но все же в семени уже содержится импульс и судьба).

Математическими предметами являются фигуры и линии (в геометрии); величины (в алгебре и анализе), символы и их сочетания и т. п.

Большая часть математических понятий относится к так называемым аксиоматическим понятиям и входит в оборот умозрения без предварительного определения. Но нам еще предстоит узнавать и уточнять, что именно относится к математике, а что к ней не относится, какие рассуждения в ней допустимы, а какие – нет, и каким условиям они должны удовлетворять, чтобы их результаты занимали законное место в математическом здании. И именно поэтому нельзя сказать, что введение в математику уже относится к математике, является ее частью.

Здание строится на некоторых основаниях, и только когда оно будет частично построено, выработан математический язык, эти основания можно будет подвергнуть анализу и критике, с помощью следствий исследовать причину (что многим кажется странным).

А. ВСЕГО ЛИШЬ ИГРА УМА

Глава первая. Множество простых чисел.

П. 1. Неоднородность натурального ряда.

Разбиение натурального ряда на группы четных и нечетных чисел, так же как разбиение его на группы составных и простых чисел, оправдано и целесообразно.

Но далее начинается мистика.

Простые числа, оказывается, тоже разбиваются на группы, каждая из которых обладает внутренним единством.

Но имеет ли это отношение к математике? Неясно. Хотя с увлечением ученые мужи занимаются разгадыванием шарад, поставляемых так называемыми "простыми" числами.

Существуют еще и числа Фибоначчи. Ну и что? Есть ли в них смысл? Выигрывает ли что-нибудь наука от их существования? Недоумение кажется уместным, но... Вдруг происходит чудо, и оказывается, что вот эти-то числа имеют важное значение в различных науках!

Древние занимались коническими сечениями, в числе коих эллипс, парабола и гипербола.

Для чего, казалось бы, их исследовать, что нового в мире (и даже в математике) мы узнаём с помощью этих линий?

Но потом, через полторы тысячи лет (после Кеплера), становится известно, что по параболе летит камень, по эллипсу летит Земля вокруг Солнца, по гиперболе летят кометы (что стало известно еще позже).

Так заниматься ли только тем, что имеет непосредственную, зримую пользу, причем ТЕПЕРЬ?

Эллины, этот удивительный, я бы сказал, сверхъестественный народ, занимались всем, чем угодно, полезным и бесполезным, и создали единственно возможный фундамент универсальной Культуры.

Примеров совершенно *бесполезных* математических исследований немало, без некоторых из них, как оказалось *потом*, зашли бы в тупик и самые полезные исследования.

Правда, иные из них все еще остаются бесполезными, хотя математики, посрамляя утилитарные умы, по-прежнему исследуют все, что угодно, нужное и ненужное.

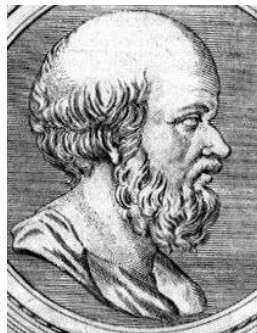
Вдохновленный таким положением вещей, и я дерзнул предложить читательской публике несколько собственных математических результатов, одни из которых, как я думаю, имеют даже важное значение в математике, а другие ровно никакого, но я ими всеми горжусь, я ведь тоже человек, и не лишен тщеславия, и мне приятно думать, что не только в стихах я кое чего достиг, но и в царстве наук, Математике.

II. 2. Решето Эратосфена.

Рассмотрим ряд натуральных чисел

1, 2, 3, ... n2.

Вычеркнем из него сначала все числа, кратные 2, каковыми будут числа, идущие от 22 через одно; затем вычеркнем, начиная с 32, кратные 3, идущие от 32 через два числа, затем вычеркнем, начиная с 52, кратные 5, идущие от 52 через 4 числа, ..., затем вычеркнем, начиная с p^2 , кратные p , идущие от p^2 через $(p-1)$ число... При этом после вычеркивания кратных простого числа p все оставшиеся числа, меньшие p^2 – простые. Если выделены все простые числа, меньшие pk^2 , то вычеркивание всех чисел, кратных $pk+1$, даст дополнительно все простые числа в интервале от pk^2 до $pk+12$.

Этот способ получения множества простых чисел был известен еще в древности как *Решето Эратосфена*.

II. 3. Основные свойства множества простых чисел.

Теорема Евклида. *Множество простых чисел бесконечно.*

Доказательство. И в самом деле, пусть ряд простых чисел состоит всего-то из чисел p_1, p_2, \dots, p_k ; тогда число $p_1 \times p_2 \times \dots \times p_k + 1$ не должно быть простым, а значит должно делиться на одно из чисел p_1, p_2, \dots, p_k – что невозможно!

Замечание. Это утверждение, так гениально просто доказанное, делает честь великому народу Эллады и доказывает в том числе, что среди народов так же есть аристократы, ибо я безуспешно пытаюсь втолковать моим одичавшим современникам, что *"не хлебом единым жив человек"*, и математикой занимаются не только потому, что она где-либо *используется* (о чем меня постоянно спрашивают) – но где же использовали современники Евклида бесконечность множества простых чисел?!!

Теорема 2. Простые числа среди натуральных встречаются по мере увеличения n все реже (или: *чем дальше в лес, тем меньше дров!*). Если обозначить $\pi(n)$ – число простых чисел, не превосходящих n (то есть заключенных в ряду $[1, n]$), то

$$\pi(n)/n \rightarrow 0 \text{ при } n \rightarrow \infty (*).$$

Определение. Простые числа, отличающиеся на 2, называются *близнецами*. Оказывается, что если среди натуральных чисел *простые числа* встречаются все реже, то и для чисел близнецов справедлива

Теорема 3. Числа *близнецы* все реже встречаются даже среди все реже встречающихся простых чисел, то есть для них справедливо соотношение, аналогичное соотношению (*).

Теорема 4. Если $n > 3$, то между n и $2n - 2$ имеется по крайней мере одно простое число (или между n и $2n$).

Замечание. Это предложение было впервые высказано французским математиком Жозефом Берtrandом, и им пользовались под названием "постулата Бертрана"; доказал его в 1850 году великий русский математик П. Л. Чебышев.

Теорема 5 (Чебышева). Для любого n можно указать n последовательных натуральных *составных чисел*:

$$(n + 1)! + 2, (n + 1)! + 3, \dots, (n + 1)! + (n + 1), \text{ где } n! = 1 \times 2 \times \dots \times n.$$

Теорема 6 (Чебышева). Если $\pi(n)$ – число простых чисел, заключенных в ряду $[1, n]$, то

$$\pi(n) / (n / \ln n) \rightarrow 1 \text{ при } n \rightarrow \infty (**), \text{ или } \pi(n) \approx n / \ln n (***) .$$

Замечание. При достаточно больших n последняя формула позволяет найти приближенное количество простых чисел в ряду $[1, n]$.

$$\text{Действительно, } \pi(10)=4, \pi(100)=25, \pi(1000)=168, \pi(1000000)=78498.$$

Вычисляя приближенные значения $\pi(n)$, получаем $\pi(10) \approx 10 / \ln 10 \approx 4$, $\pi(100) \approx 100 / \ln 100 \approx 22$, $\pi(1000) \approx 1000 / \ln 1000 \approx 145$, $\pi(106) \approx 106 / \ln 106 \approx 72000$.

II. 4. Некоторые другие свойства чисел натурального ряда.

Тройка натуральных чисел называется *Пифагоровой*, если сумма квадратов двух из них равна квадрату третьего, т.е. $x^2 + y^2 = z^2$.

Рис. 1

Прямоугольный треугольник, стороны которого составляют пифагорову тройку, называется *пифагоровым*. Простейший из них имеет стороны 3, 4, 5 и называется *египетским*. На свойстве пифагоровых троек основан способ построения прямого угла (рис.1).

Очевидно, что если (x, y, z) – пифагорова тройка, то (kx, ky, kz) – так же пифагорова тройка, поэтому можно ограничиться рассмотрением *простейших* пифагоровых троек, считая, что числа x, y, z не имеют общего множителя (делителя). Такой пифагоров тр-ник будет наименьшим среди множества подобных треугольников, его называют *собственным*.

Найдем условия, которым должна удовлетворять тройка натуральных чисел, чтобы составить *собственный* треугольник.

Во-первых, справедливо, что числа *простейшей* пифагоровой тройки *попарно взаимно просты*, и во-вторых, числа x, y должны быть разной четности, так как, если бы они оба были четными, то и z было бы четным, если же оба были нечетными, то z^2 было бы четным, следовательно и z было бы четным, но полагая $x = 2k + 1, y = 2m + 1, z = 2n$, приходим к противоречию.

Для определенности будем считать, что x – четное, y – нечетное, тогда и z – нечетное.

Из равенства $x^2 + y^2 = z^2$ получаем $x^2 = z^2 - y^2 = (z - y)(z + y)$, где числа $z - y$ и $z + y$ – четные.

Рассмотрим равенство $(\frac{1}{2}x)^2 = [\frac{1}{2}(z - y)] \times [\frac{1}{2}(z + y)]$ (*).

Положим $\frac{1}{2}(z + y) = m$, $\frac{1}{2}(z - y) = n$, откуда $z = m + n$, $y = m - n$.

Заметим, что оба сомножителя в правой части равенства (*) – взаимно простые числа. Действительно, если бы m и n имели общий делитель, то он был бы делителем и чисел z , y , но это невозможно, так как последние числа взаимно простые. Отсюда следует, что оба эти числа – квадраты. Таким образом, $m = a^2$, $n = b^2$.

Перепишем равенство (*) так: $x^2 = 4m \times n = 4a^2b^2$, откуда $x = 2ab$, $y = m - n = a^2 - b^2$, $z = m + n = a^2 + b^2$, при этом числа a , b – взаимно простые, и $a > b$. Кроме того, одно из этих чисел четное, другое – нечетное (в силу нечетности y и z).

Итак, справедлива следующая

Теорема. Два натуральных взаимно простых числа разной четности $a > b$ определяют *собственный* пифагоров треугольник по формулам $x = 2ab$, $y = a^2 - b^2$, $z = a^2 + b^2$, и наоборот, каждому *собственному* пифагорову треугольнику со сторонами x , y , z соответствуют по этим же формулам два взаимно простых числа разной четности $a > b$.

Примеры. №1. Пусть $a = 2$, $b = 1$. Тогда $x = 2 \times 2 \times 1 = 4$, $y = 2^2 - 1^2 = 3$, $z = 2^2 + 1^2 = 5$. *№2.* Пусть $a = 3$, $b = 2$. Тогда $x = 2 \times 3 \times 2 = 12$, $y = 3^2 - 2^2 = 5$, $z = 3^2 + 2^2 = 13$.

П. 4. Треугольник называется *героновым*, если длины сторон и площадь треугольника являются натуральными числами. Тройка таких чисел называется **героновой**. Все пифагоровы треугольники являются героновыми, так как $S = \frac{1}{2}xy$ – натуральное число.

Существует множество и непифагоровых треугольников Герона, например, $x = 7$, $y = 15$, $z = 20$, $S = 42$ и другие...

Однако, общая формула, которая бы определяла все треугольники Герона, не найдена. Древнегреческий ученый Герон Александрийский (I в. н.э.) вывел формулу площади треугольника по его сторонам, однако не дал критериев того, что заданная тройка чисел определяет треугольник, площадь которого выражается натуральным числом.

П. 5. Числа Фибоначчи.

Определение. Ряд чисел, где каждое число, начиная с третьего, равно сумме двух предыдущих чисел. 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55 ... называются числами Фибоначчи.

Число Фибоначчи f_n , стоящее на n -ом месте, определяется формулой: $f_n = [1/(2n \sqrt{5})] [(1 + \sqrt{5})^n - (1 - \sqrt{5})^n]$.

Между этими числами и некоторыми процессами в природе имеется странная связь – так, число ветвей дерева, число кроликов, родившихся от одной пары и многое другое происходит по закону чисел Фибоначчи.

Глава вторая
МИРОМ ПРАВЯТ ЧИСЛА

1.

Множество и число.

Можно, конечно, ввести натуральный ряд аксиоматически – сначала ввести *единицу*, затем число ввести как добавление единицы к предыдущему числу, не вводя понятие множества. Но, добавляя единицу, затем еще одну единицу, мы производим *счет единиц*, а, следовательно, имеем дело с *множеством единиц*. Вот такое множество единиц можно было бы ввести как исходное *Множество*, а всякое другое множество, состоящее из элементов, которые в разных множествах считаем неотличимыми друг от друга, можно тогда отождествлять с множеством единиц, где элементы – суть единицы. Тогда натуральный ряд и множество единиц как считаемое множество можно было бы отождествлять, и *число* было бы одновременно и членом натурального ряда, и единственной исчерпывающей характеристикой конечного множества, называемого *счетным*.

Ноль как характеристика пустого множества, однако, так же сомнителен, как и само это пустое множество. Разумеется, *отсутствие* – реально, но отсутствие – не множество. Правда, в таком смысле и единица, то есть множество, состоящее из одного элемента, не совсем множество, или даже совсем не множество.

2. Ведьмины числа

Приведу еще пример, показывающий, как именно, и в какой степени расширяет представление о разнообразных коллизиях нашей жизни знакомство с этой, казалось бы, холодной и чуждой страстей богиней чисел.

Вспомним "Пиковую Даму" Пушкина и несчастного Германа, ценою преступления готового вырвать у престарелой графини тайну трех карт.

Несомненно, графиня была ведьмой, и в картах должен был содержаться некий магический смысл, ибо по учению Пифагорейцев мистические тайны мироздания заключены в числах как гармония звуков в нотном ряду.

Явившись Герману во сне, графиня сообщила ему роковую тайну: сии карты – *тройка, семерка, туз!* – но если бы Герман был математиком, то он отгадал бы их с помощью несложных рассуждений.

Тройка, семерка, туз (числовое значение последней карты равно одиннадцати) являются числами нечетными и *простыми*, кроме того, они составляют арифметическую прогрессию и в сумме составляют число 21, то есть *очко!*

Однако, в них содержится и еще одна примечательная особенность.

Известны так называемые Пифагоровы тройки чисел – натуральные числа, являющиеся сторонами прямоугольного треугольника, то есть удовлетворяющие соотношению $k^2 + m^2 = n^2$.

Аналогично можно рассмотреть четверки таких чисел, где роль гипотенузы исполняет диагональ параллелепипеда: $k^2 + m^2 + n^2 = L^2$.

Тогда оказывается, что $3^2 = 1^2+2^2+2^2$; $7^2 = 2^2+3^2+6^2$; $11^2 = 2^2+6^2+9^2$, то есть числа три, семь, одиннадцать – целочисленные диагонали целочисленных параллелепипедов. Эти числа не единственны, так как и число 13 принадлежит к этому же ряду: $13^2 = 169 = 3^2 + 4^2 + 12^2$, но они первые в нем.

По аналогии с Пифагоровыми такие числа можно бы назвать *ведьминскими*.

(Любопытно, знал ли о такой их особенности Пушкин?)

3.

Но, тем не менее, вернемся-ка мы к математике и рассудим о том, в каком смысле математические закономерности управляют миром.

Представим себе, что от телеги, мчащейся по проселку под гору, оторвалось колесо. Разумеется, катится оно по *неправильной* линии, беспорядочно подпрыгивая и склоняясь из стороны в сторону (как мчится теперь под гору моя жизнь) – и в этом ее движении, разумеется, нет никакой закономерности. Но и все события окружающей жизни, как нам кажется, появляются почти беспорядочно – внезапно налетает ветер, идет дождь, приходят заморозки или вдруг наступает оттепель; нет закономерности ни в охоте, ни в рыбной ловле; тем более, нет закономерности в повседневных событиях личной жизни.

И необходим был воистину титанический взлет духа, чтобы увидеть "порядок среди хаоса" – прежде всего для этого человек должен был взглянуть на звезды и наблюдать за природой. Смена дня и ночи, и смена времен года – это тот первый *порядок* в окружающей жизни, который непосредственно очевиден.

Следующий *порядок* – "неподвижные" звезды над головой, возвращающиеся изо дня в день как будто на постоянное место, однако совершающие круг относительно полноса мира, как это видится при более пристальном внимании.

И, наконец, открытие Кеплера (через две тысячи лет после того, как Пифагор сформулировал идею о "правительстве чисел"), которое установило, что движение планет совершается по *правильным математическим кривым – эллисам*.

Но основополагающий закон, позволяющий утверждать воистину, что в основании мира лежат математические отношения, – это *Закон всемирного тяготения*, состоящий в том, что "матерьяльные массы неотвратимо притягиваются друг к другу *пропорционально квадрату* отстояния между ними!"

(А не лучше ли Божественное Провидение, нежели бездушные закономерности? – воскликнет христианин. "Нет, ответу я, возлегающий "на пальме" – настолько же не лучше, насколько произвол и беззаконие не лучше законности и порядка в государстве. *Всемирное тяготение* не отменяет нашу человеческую волю, *произвол* же Всевышнего не только ее отменяет, но и требует, чтобы мы сами от нее отказались."

Впрочем, это спор длинный, и я вернусь к нему в другом месте).

... Так что же имеют в виду, когда говорят о том, что "миром управляют математические закономерности"?

Действительно, мы видим, что, как правило, предметы и движения отличаются от математических абстракций, и поверхность моря – не плоскость, и даже стрела не летит по прямой. Казалось бы, почему бы и материальным предметам не притягиваться друг к другу весьма причудливо – однако, притяжение их подчиняется *квадрату расстояния*, и не отклоняется от него ни на йоту. Вот этот "*квадрат*" убеждает нас в том, что уже в самом начале, еще до притяжения, формулировался закон, производились расчеты, и бесконечно гениальный инженер создавал плоть вселенной, подчиняющуюся исходному замыслу.

Но точно ли – "*Миром правят Числа*", если "*В начале было Слово*"?

В славянском переводе первый стих Евангелия от Иоанна гласит: «Искони бе слово, и слово бе у Бога, и Бог бе слово».

Так как в древнегреческом оригинале вместо термина «слово» стоит «логос», имеющий разнообразные смыслы, в том числе и «закон», «закономерность», а выражение «*искони бе*» значит «всегда, изначально», то Евангельское выражение можно перевести и так: «В основании мира лежит закон», что означает не что иное, как переложение Пифагорейского утверждения, широко известного в то время. Оттенки различий могли бы касаться только истолкования понятия «закон» – имеет ли он всегда только количественное выражение, или его можно трактовать и шире?

Глава третья

Простые и Сложные числа и "Решето Просеивания".

Выделяя в *натуральном ряде*, переменный член которого обозначим символом **n**, *числа* кратные двум (*четные*, $n = 2k$), и одновременно кратные трем: ($n = 3k$), разобьем множество натуральных чисел 1, 2, 3, 4..., $n-1$, n на шесть подмножеств:

$$\mathbf{n = 6k - 1, \quad n = 6k, \quad n = 6k + 1, \quad n = 6k + 2, \quad n = 6k + 3, \quad n = 6k + 4.}$$

Очевидно, что только среди множеств $\mathbf{n = 6k \pm 1}$ содержатся *простые* числа, почему эти множества стоило бы назвать *подозрительными на простоту* (как *подозрителен* на неблагонамеренность мыслящий человек).

Выделим из ряда $\mathbf{P = 6k \pm 1}$ *составные числа* следующим образом: полагая $P = p_1 \times p_2$, получим:

$$1. \quad 6k + 1 = (6m + 1)(6n + 1) \quad \text{и} \quad 6k + 1 = (6m - 1)(6n - 1),$$

$$2. \quad 6k - 1 = (6m + 1)(6n - 1) \quad \text{и} \quad 6k - 1 = (6m - 1)(6n + 1).$$

откуда **(1): $k = 6mn \pm (m + n)$**

(2): $k = 6mn \pm (m - n)$

Очевидно, и значения $k = (6m \pm 1)n \pm m$, и значения $P = 6k \pm 1$ составляют семейства арифметических прогрессий относительно одного из параметров (m , n или k).

Рассмотрим формулу $P = 6k \pm 1$ при $k = 1, 2, 3, 4, \dots, K$.

Если из множества значений k вычеркнуть значения, рассчитанные по формулам (1), и подставить оставшиеся значения k в формулу $P(1) = 6k + 1$, и аналогично из множества значений k вычеркнуть значения, рассчитанные по формулам (2), и подставить оставшиеся значения k в формулу $P(2) = 6k - 1$, получим множество простых чисел при значениях k в интервале $1 \leq k \leq K$.

Таким образом мы можем получить таблицу простых чисел заданного размера; сама же таблица и метод ее получения представляют из себя аналог Решета Эратосфена (**Решето Просеивания**). [Так как это именно я, лежа на «Пальме» – смотри «Записки на пальме» – сочинил сей метод, хотя и аналогичный методу Эратосфена, но имеющий в сравнении с ним значительные преимущества и в позволяющий составить таблицу с значительно меньшими затратами времени и усилий, то о себе могу сказать: *«Вот я и впал в детство человечества – но не жалею!»*]

Для формулы $P = 6k + 1$ значения k , соответствующие простым числам, будут следующие: 1, 2, 3, 5, 6, 7, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 21, 23, 25, 26, 27, 30, 32, 33, 35, 37, 38, 40, 45, 46, 47, 51, 52, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 63, 66, 68, 69, 70... Соответствующие простые числа 7, 13, 19, 31, 37, 43, 61, 67, 73, 79, 97, 103, 109,...

Аналогично найдём *простые числа* по формуле $P = 6k - 1$. Сначала найдём « k », соответствующие составным числам (2): $k = 6mn \pm (m - n)$

$$m=1: n=1, 2, 3, \dots 5 \quad k = 6n \pm (1 - n) : 6, 11, 16, 21, 26, 13, 20, 27, 34$$

$$m=2: n=1, 2, 3, \dots \quad k = 12n \pm (2 - n)$$

$$m=3: n=1, 2, 3, \dots$$

$$m=4: n=1, 2, 3, \dots$$

$$m=5: n=1, 2, 3, \dots \quad \text{и так далее...}$$

.....

Затем надо составить квадратную таблицу чисел от k от 1 до K^2 .

Вычеркиваем в этой таблице значения k , соответствующие составным числам, оставшиеся дадут второй ряд простых чисел.

Собирая вместе оба ряда, получим **Таблицу простых чисел**.

Примечание. Иногда я забываю указывать, что те или иные формулы, методики и теоремы принадлежат именно мне. В. Чернышев. 29.01.18

КОНТИНУУМ

Глава четвертая

ТЕОРИЯ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ЧИСЕЛ.

§ 1. Числа рациональные и иррациональные.

П. 1. Понятие *непрерывности* возникает при представлении и анализе времени, линии, плоскости (и пространства в целом), и движения.

В понятиях *натурального ряда* и *линии* (в частности, прямой линии) идеально противопоставляются понятия о *дискретном* и *непрерывном*.

Понятие о *числе* и представление о *множестве чисел* должны были расширяться максимально, чтобы достигнуть идеи *непрерывности*; в свою очередь, представление о *непрерывной линии* должно было подвергнуться разложению, анализу, чтобы вместить в себя *дискретность*, то есть чтобы непрерывная линия стала прерывным (дискретным) множеством точек. Это взаимное движение навстречу было бы невозможно и не оправдано, если бы между точками прямой и числами не было установлено *взаимно-однозначное соответствие*.

Итак, пусть дана ось OX с началом отсчета в точке O (точке ноль), и отрезок OM_1 ($[0,1]$) – *единица измерения* или *мера длины*.

Будем на оси OX откладывать всевозможные отрезки OM с началом O , тогда их концы M будут точками числовой оси.

Назовем *длиной отрезка OM* число k , показывающее, сколько раз отрезок $[0,1]$ уложился в отрезке OM , или число m , показывающее, сколько раз n -ая часть отрезка $[0,1]$ уложилась в OM . В последнем случае *длина отрезка* (то есть представляющее его число) изображается в виде m/n и называется *правильной дробью* или *рациональным числом* (от латинского *ratio*, то есть *отношение*), а вслед за этим и все множество натуральных чисел и правильных дробей называется множеством рациональных чисел. Тогда можно сказать, что *рациональное число* – *результат измерения [длины]* (как *натуральное* – *результата счета*). При этом длина отрезка OM_1 есть число 1.

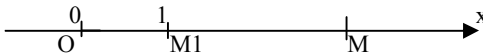

Рис. 1.

Это представление о рациональном числе не противоречит представлению о нем древнегреческих математиков как об отношении двух натуральных чисел, ибо длина – не что иное, как *отношение* двух отрезков или мера протяженности.

Как известно, отрезки, в одном из которых укладывается целое число раз n -ая доля другого, называются *соизмеримыми*.

Но так как не каждой точке M , как только что выяснилось, соответствует какая-нибудь дробь m/n , и несоизмеримым отрезкам (в частности, диагонали квадрата, или диагонали куба), никакое отношение целых чисел не соответствует, то множество рациональных чисел (m/n) не полно, и необходимо расширить понятие о числе и о множестве чисел.

Кроме того, если число есть длина отрезка (*значение переменной величины*), а отрезок можно представить как непрерывно удлиняющийся (при этом правый конец отрезка – точка M – скользит непрерывно вдоль оси X), то понятие числа необходимо мыслить как нечто, обладающее способностью к фиксированию непрерывного изменения.

Переменный отрезок вместе со своей числовой характеристикой – длиной – естественно приводит к представлению о *переменной величине*, понятие которой является также интуитивным.

Поскольку понятие *переменной величины* является абстракцией переменного отрезка, последний же имеет главную и единственную числовую характеристику – длину, то аксиоматическое представление переменной величины неотрывно включает в себя ее числовую характеристику, результат ее сравнения с единицей, называемый *значением* переменной величины.

Величина определена, если известно ее *значение* (и также определен отрезок, если известна его *длина*).

II. 2. Одна из попыток логического обоснования расширения числового множества предпринята немецким математиком Дедекиндом. Она состоит в следующем:

Множество рациональных чисел разбивается на два подмножества A и B таким образом, чтобы каждое рациональное число было отнесено либо к A либо к B , и каждое число a из множества A было меньше каждого числа b из множества B ($a < b$). Такое разбиение называется **сечением** (обозначается (A/B)), а множества A и B – *нижним* и *верхним* классами сечения.

Если $a \in A$, то всякое $a' < a$ также принадлежит A , и если $b \in B$, то всякое $b' > b$ принадлежит B .

Число $r \in A$ и обладающее свойством $r \geq a$ для *всякого* a , является *наибольшим* в нижнем классе A , аналогично $r^* \in B$ и такое что $r^* \leq b$, является *наименьшим* в верхнем классе.

Очевидно невозможно, чтобы одновременно в нижнем классе было наибольшее, а в верхнем – наименьшее число, так как число $(r+r^*)/2$, такое что $r < (r+r^*)/2 < r^*$ – рациональное, следовательно принадлежит либо классу A , и тогда является наибольшим в нем вместо r , либо классу B , и является наименьшим вместо r^* . Следовательно, существуют две возможности:

1) либо в нижнем классе есть наибольшее, но в верхнем нет наименьшего, либо в верхнем есть наименьшее, но в нижнем нет наибольшего; 2) и в нижнем классе нет наибольшего, и в верхнем нет наименьшего числа.

В первом случае говорят, что *сечение произведено рациональным числом r или r^** , во втором же случае будем говорить, что *сечение определяет иррациональное число μ* .

П 3. Критика теории сечений. Но данный способ расширения множества чисел обладает *существенными* недостатками.

Если сечение произведено рациональным числом r (или r^*), то оно является пограничным для двух классов A и B , и какое бы сколь угодно малое $\alpha > 0$ ни взять, существуют рациональные числа в обоих классах, находящиеся к r ближе чем на α .

Если же нет рационального числа, производящего сечение A/B , то есть нет границы, разделяющей два множества, то мы эту границу аксиоматически вводим. Чтобы не говорить о расстоянии от чисел a или b до этой границы, можно рассуждать следующим образом: пусть α – произвольное сколь угодно малое число, тогда в обоих классах существуют рациональные числа r_1 и r_2 , отстоящие друг от друга меньше, чем на α .

В обоих случаях подразумеваемая граница не что иное, как **предел** переменной, понятие о котором неявно присутствует в понятии *границы*, разделяющей оба класса, причем так, чтобы они приближались к ней сколь угодно близко (иначе не было бы смысла в утверждении, что разбиение на два класса *определяет число* – рациональное или иррациональное).

Эвфемизм: "сечение, в котором не находится наибольшего или наименьшего числа ни в одном из классов, *определяет число*" – логически несостоятелен. Если **числом** является **граница** между двумя классами, то или

1): граница есть *рациональное* число такое, что...

2): или: иррациональным числом называется *граница*... (а чем же тогда является **граница**? Точкой на оси? Или числом?)

Следовательно, мы расширили понятие границы, не объясняя **как**, прежде чем ввели понятие *иррационального* числа. Иными словами, определение иррационального числа звучит следующим образом:

Если граница в *сечении* (то есть в *разбиении* множества рациональных чисел на два подмножества) **есть**, то она является числом рациональным; если же ее **нет**, то **она** (?) *называется* числом иррациональным (смешно продолжать дальше). Отбрасывая метод Дедекинда, я предлагаю след. решение:

§ 2. Предел и точная граница. Полнота множества вещественных чисел)

Определение *иррационального числа* с использованием понятий рационального числа, предела, последовательности, рациональной границы множества – не осуществимо, и надо назвать иррациональным числом ограниченную монотонно возрастающую последовательность (бесконечную десятичную непериодическую дробь вида $R+0.C_1C_2C_3...C_n$, где C_i – цифры от 0 до девяти.)]

Теорема (предлагается мною – В. Ч.). *Монотонно возрастающая ограниченная последовательность имеет предел.*

С. КРАТКИЕ ОЧЕРКИ

МАТЕМАТИКА КАК ФИЛОСОФИЯ ПОЗНАНИЯ

Древнегреческое слово "μαθημα" (матэма) обозначает и *математику* и *науку* (знание), и это почти мистическое совпадение имен не случайно; не случайно и то, что один из семи мудрецов света, *Фалес*, был одновременно и первым древнегреческим математиком, и родоначальником философии.

Идеальный импульс, полученный человечеством от античной культуры, сохранялся в течение двух тысяч лет, и только с последней трети девятнадцатого столетия начало насаждаться утилитарное отношение к миру, для которого основными побудительными причинами деятельности человека являлись голод, жажда, потребность в одежде и жилище и жажда наслаждения, или даже еще хуже, жажда "хлеба и зрелищ".

Наука и культура в рамках этого мировоззрения считались вторичными занятиями, имеющими только прикладной характер. При этом математика была унижена вдвойне – если физика, химия, биология "*обслуживали*" основные потребности человека в еде, питье, жилище и одежде, то на математику стали смотреть как на служанку *служ*; ее собственное предназначение было осмеяно так же, как пресловутое "искусство для искусства", и отныне она годилась только в качестве логарифмической линейки или вычислительной машины.

Даже те, кто еще помнил, что "не хлебом единым жив человек", кто еще *томился духовной жаждой*, – даже они искали отныне утolenия только в религии, искусстве, литературе, или, в крайнем случае, в философии, но не в математике.

Эпоха, когда она сама была сердцем философских размышлений об устройстве мироздания, эпоха Паскаля, Декарта, Ньютона и Лейбница казалась ушедшей безвозвратно. Последними философами-математиками оказались Пуанкаре, Павел Флоренский и "маньяк атомной войны" (как его аттестовал философский словарь 1949-го года), лорд Бертран Рассел.

Навязло в зубах, что математика "выросла" из практической потребности человека *считать и мерить*, и в этом будто бы ее основное предназначение, тем более что и название *геометрия* буквально означает "землемерие" – но так же можно полагать, что "философия духа" занимается исследованиями атмосферы (иначе говоря, облекающего Землю *воздушного* облака); да не с тем же ли успехом оголтелое материалистическое сознание утверждает, что и человек "вырос" из "возвышенной" потребности обезьяны дотянуться до висящего на высокой ветке банана?

Но достойно удивления не то, что наряду с теми, кто любит смотреть на небесный свод, еще больше тех, кто срывает звезды с небесной сферы и втаптывает их в грязь – достойно удивления духовное величие маленького народа древней Эллады, который до Галилея, Коперника, Кеплера и Ньютона направил свой гений на исследование эллипса, параболы и гиперболы, которые "ни при какой погоде" ни в какой практической жизни не находили

применения, да и не являлись обобщениями или идеальными образами каких бы то ни было предметов и явлений, наблюдаемых в окружающем мире – ибо до Галилея мы еще не знали, что копье и праща летят по *параболе*, до Кеплера нам было неизвестно, что Земля обращается вокруг Солнца по *эллипсу*, а до Ньютона и я не подозревал, что кометы приближаются к Земле по *гиперболе*.

Оказывается, эти кривые являются *сечениями* конической поверхности плоскостью – но кому и для каких потребностей нужно *рассекать* конус? Оказывается, изучив древнегреческую гиперболу, инженер Гарин построил "гиперболоид" (который, впрочем, оказался *параболоидом*, ибо *гиперболическое зеркало рассеивает свет*, а *параболическое собирает его* в одной точке – фокусе); и, наконец, оказывается, что все эти кривые являются *кривыми второго порядка*, и имеют не более чем две точки пересечения с прямой (в то время как *кривые третьего порядка* могут иметь три такие точки, как показал Ньютон).

Математика – это способ глубокого, точного и изящного рассуждения – например, что может сравниться по изящности с доказательством Эвклида бесконечности *простых чисел*?

Математика – это универсальный способ рассуждать о чем бы то ни было во вселенной, не исключая Бога и женщину – не задавали ли вы себе вопроса, уважаемый читатель, не являлся ли неудачный побег Наташи Ростовской с Анатолом Курагиным *точкой разрыва, экстремума* или *перегиба* в ее судьбе? Да и что это за кривая – эта самая "*линия судьбы*"?

Не является ли ею "локон Аньези"?!

А возможно ли мыслить о бесконечности Вселенной и бесконечности Бога, если вы не знакомы с идеей бесконечного натурального ряда? Возможно ли понять христианскую идею Троицы, то есть идею *нераздельности и неслиянности* Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого, не зная теории комплексных чисел, в которой логарифмическая, показательная и тригонометрическая функции, такие разные, являются одной и той же функцией, например, $\cos \varphi = \frac{1}{2}(e^{i\varphi} + e^{-i\varphi})$?

Возможно ли понять и представить внутреннее, неотъемлемое, "имманентное" противоречие всего сущего, не зная апорий Зенона, в частности, знаменитого утверждения, что *Ахиллес никогда не догонит черепаху* (ибо пока он пробежит половину разделяющего их расстояния, она слегка отползет, а затем, когда он пробежит и новую половину разделяющего их расстояния, она еще отползет ... и так далее)?!

Второе замечание относится к теории комплексных чисел. Если число $\alpha > 0$ естественно считать *вещественным*, так как оно изображается отрезком длины α , то число $\alpha < 0$, ($\alpha = -\mu 2$ – так называемое *отрицательное число*), только по недоразумению называется *вещественным*, ибо не представляет длину отрезка или *меру количества*, следовательно, не имеет предметного, вещественного смысла. Это чистый символ, и сопоставляя его "долгу" или "недостатку", или изображая точкой слева от нуля на числовой оси, мы его

не делаем предметным – ведь и мнимое число βi изображается (с геометрической точки зрения) вполне предметно, именно, как отрезок длины β , откладываемый на оси OY в двумерной системе координат. Кроме того, и комплексное число $\alpha + \beta i$ можно считать символическим изображением *силы* соответственной величины и направления.

Иными словами, если натуральные числа представляют собою "результат счета", то есть служат для описания дискретных конечных множеств в сравнении с единичным; рациональные и иррациональные числа представляют "результат измерения", то есть служат для описания длин, площадей и объемов в сравнении с "единицей измерения"; то комплексные (или "мнимые") числа описывают величину и направление механической силы на плоскости, и не более *мнимы*, чем *отрицательные числа* (а $\sqrt{-1}$ не более *мним*, чем -1).

Но философу любопытно следующее.

Если числа натурального ряда конструируются за счет сложения (то есть являются *суммами*); отрицательные числа и ноль дополняют "естественное" множество натуральных чисел, будучи результатами вычитания; рациональные – результаты деления; мнимая единица появляется как символ, представляющий результат действия извлечения корня из -1 – то не существует ли некоторое дальнейшее *расширение* множества комплексных чисел?

Однако оказывается, что любая мыслимая операция над любым комплексным числом выполнима, и ее результат – число комплексное, а точки, как геометрические образы таких чисел, заполняют всю плоскость!

Итак, мы существуем в трехмерном пространстве, но полному и законченному *множеству чисел* соответствует пространство двумерное!

Полнота математических операций и единство функций, выявляющиеся в области комплексных чисел и не имеющие места на множестве "вещественных чисел", служат непрекаемым аргументом в пользу того, что мнимые числа не только полноправные числа, но без них пространство чисел не póлно – недовершено и несовершенно!

Сказанного, пожалуй, достаточно, чтобы догадаться, что математика – не способ измерения и вычисления, а способ рассуждений, и всякое размышление о мироздании – математично; следовательно, она нужна тому, кто томим духовной жаждой и мучается над проклятыми вопросами – *стоит ли жить на свете, в чем смысл жизни, что делать и кто виноват?* – ибо без знания математики ответить на них нельзя.

Даже бессознательно душа занимается алгеброй! – воскликнул в восторге великий Лейбниц.

24 марта 2007 г., суббота. Но может ли математика стать философией жизни? Жизнь непредсказуема, случайна, состоит из частных, каждый человек – неповторим и своеобразен, математика же исследует всеобщее, однообразное, а сложное стремится сначала *упростить*, приводит к *общему знаменателю*, разлагает на *простейшие* дроби, на множители и т.п.

Даже в том, что, казалось бы, противоположно понятию о законе и предопределенности, то есть в исследовании вероятного, случайного – математика находит свои законы и детерминанты, создает Теорию вероятностей, в которой все оказывается не приблизительным, а точным, не *возможным*, а *необходимым*, и если по-прежнему неясно, выпадет ли орел или при подбрасывании монеты, но именно математика утверждает и устанавливает, что количество тех и других выпадений будет стремиться к равенству при продолжении испытаний, и даже доказывает, что при каждом новом испытании шансы того и другого равны, даже если перед тем выпала решка хотя бы и десять раз подряд.

Но если математика отыскивает единство во множестве, закономерность в вероятном, число и меру даже в том, что неизмеримо – то может ли она исследовать жизнь, проявляющуюся как личное, неповторимое, прекрасное, желанное, счастливое и несчастливое?

И именно то, что она даже вероятное облакает формулой и делает предсказуемым, позволяет ответить на последний вопрос утвердительно.

Историки обычно в защиту своей серьезности говорят, что история, мол, не терпит сослагательного наклонения – математика же, в отличие от нее, рассматривает варианты, возможности, необходимое и случайное, прошлое и будущее при исследовании функций и процессов, складывает нули, вычитает бесконечности, находит пределы, описывает беспредельное... более того, математика опровергает банальный взгляд на саму себя, состоящий в том, что будто бы она исследует прежде всего *всеобщее*, постоянное, *закономерное*, преобладающее, *законы* и *правила*, Большие Числа и единство во множественном. Нет, тысячу раз нет!

Для понимания непрерывности математика исследует РАЗРЫВ. Находя Область Определения, среди бесконечного множества элементов предпочтение отдает граничным точкам и линиям. Игнорируя промежутки монотонности, ищет Точки Экстремума и Точки Перегиба. Даже у морально-устойчивой непрерывной кривой, не удовлетворяясь непрерывностью, находит "скелет в шкафу", то есть разрывы производной или надломы кривой, или "бесконечно удаленные" точки непрерывности... среди решений ищет *особые*, не найдя их, всматривается в *огибающую решений*... в предсказуемой повседневности сбегает в "лица необщее выражение" – словом, предпочтение отдает *особенному*, единичному, исключительному. Даже в самой логике, из которой математика, казалось бы, всецело исходит, ищет она надлом и разрыв, противоречие и несуразность, исключенное третье, лишнего, нетождественность тождества, небытие существующего (например, точки на отрезке) и бытие небывающего (например, *мнимого* числа)..

Математика в школе. Пособие для ... ?

Очерк городской архитектуры целен, если в нем представлены эпохи и стили; если же мы отправились в прогулку по городу, не соблюдая хронологии, то самый добросовестный рассказ не даст правильного представления об истории, о становлении и развитии, о Судьбе.

Итак, что́ взять за образец при изложении математических истин? Для геометрии образцы очевидны – неустаревающий Евклид, и подражающие ему Киселев и Юревич. А для алгебры? Теории функций?

И чему учить: *мыслить* ли (в широком смысле слова), готовить к поприщу специалиста-математика, или только натаскивать в решении школьных задач для успешной сдачи экзаменов? Разумеется, я хотел бы, чтобы предлагаемое Пособие было полезно не для одних только учащихся школы, но и студентов, преподавателей, и для всякого человека, пожелавшего вспомнить, что такое *простые числа, арифметическая прогрессия, экспонента, мнимое число, золотое сечение и нотный ряд* – без этих сведений сегодня непонятны даже газетные статьи. Да и несомненно, что в понятие культуры они входят наряду с "Отче наш", "Символом веры", таблицей Менделеева, и стихами наших великих поэтов. Древние ставили перед своим пытливым умом проблемы, не связанные напрямую с поисками пищи и удовольствий, следовать их примеру – долг всякого, желающего стать человеком.

Надеюсь, что мое поучение – наилучшее – в том смысле, что изложено оно грамотным языком, не содержит вопиющих ошибок, поможет научиться решать задачи и понять смысл решения.

Математические факты появляются один за другим почти так же, как растет дерево, и каждый новый факт естественным образом вырастает из предыдущих; история математики и логическая связь ее фактов аналогичны: *позже во времени и после в логике* – чаще всего.

Математика открывается коллективному уму человечества постепенно, однако ее новые факты не появляются так, как главы романа, по произволу сочинителя; не человечество придумывает их, они существуют независимо от нас, и поскольку являются откровениями ума, то содержатся не в материальном мире, а, вероятно, в уме у Бога. Поэтому *система математики* не может быть ни чем иным, как только полной *Историей Математики*. Автор и кладет камень за камнем в здание математики так, как они следуют друг за другом логически – но исходит он в этом строительстве из знания Целого. И мы путешествуем по этажам здания, уже выстроенного в уме.

Однако добросовестный читатель не только научится мыслить, но и решать типовые задачи, и даже к трудным "головоломкам" найдет тропинки.

Жизнь в связи с математикой

Жизнь как преобразование хаоса в космос, вызывающая к эстетическому принципу вместо экономического, логического и этического, предоставляет новые возможности культуре. Она из «служанки» становится госпожой.

Человек будущего, пожелавший основать на этих принципах жизнь, будет стремиться не к прибыли и богатству, а начнет строить прекрасные дороги, очищать леса, восстанавливать города, возрождать театр, очистит поле и

засеет его ячменем и рожью, гречихой и овсом, разрушит ненужные бетонные изгороди на реках и освободит реки и затопленные города, очистит воду и воздух... словом, *спасет мир*. Но не в том смысле, в котором это понимал Достоевский и христианское учение.

Надеюсь, математика в этом преображении жизни сыграет выдающуюся роль. Правда, в последние столетия преподавание ее в России было плохо, прилежание к ней из-за того иссякло, школьники и студенты стесались и клялись ее ненавидеть. Но не математика была виною, а тот неряшливый язык, на котором были написаны ее учебники. Вот почему я написал собственную "Азбуку высшей математики", и открыл в математике для себя еще и неизвестные мне красоты, и научился говорить и мыслить, и увидел, что воистину числам принадлежит важная роль в управлении миром.

Писал я ее восемь лет, сокрушался, переписывал, вставлял новые разделы, время от времени печатал четыре экземпляра, – никто не покупал и не брал даже даром, чтобы читать. Но однажды случилось чудо. В университете, в старинном Петровском зале, проходили концерты Ансамбля старинных инструментов, на лютне и флейте, клавесине и скрипке играли красотки студенточки, и я обычно приносил и дарил им свои книги. И вдруг появляется их руководитель, К---чи, и спрашивает: *А мне?*

– Увы, уже все раздал, остался вот только учебник математики.

– Ну, тогда давай учебник!

Прошел год, снова был концерт, и я, подойдя к руководителю, спросил: Вы меня еще помните? Я Вам год назад давал учебник математики...

– Представьте себе, не только помню, но даже Ваш учебник стоит у меня весь год на столе, и я в него время от времени заглядываю. А удивительное в том, что меня с уроков математики изгнали еще в девятом классе, и с тех пор математику я не изучал. (А удивительное еще и в том, что я позже подарил ему «Музыкальную Бозциану» и «Греческие музыкальные рукописи».)

Надеюсь, уместно теперь привести стихотворение, посвященное концертам в Петровском зале, и соединяющее в единое целое музыку, любовь и гармонию.

Машеньке В.

Купаюсь в звуках. О, как сладко
Пить вдохновенные аккорды!
И ждать в порядке беспорядка,
И взгляд ловить флейтистки гордой.
Так что мне ближе? Звуки, взгляды,
Движенье рук ли, губ движенье?
Но даже сердце биться радо,
Так вдохновенно песнопенье!
Неужто вправду дух болящий
Врачуют чудные напевы?
Направо лютня, альт налево,
Кларнет, гобой – четыре девы,
И серафим, им предстоящий.
Зал внемлет звукам. Кто украдкой
Смахнет слезу, вздохнет чуть слышно.
Но взгляд твой – выше всех порядков,
И даже музыки – превыше!

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПРИЗЫВАНИЕ ЧУДА

Это, конечно **не** Исповедь моя перед миром, а чуть ли не *Исповедь мира передо мною*. Возможно, он и не хотел передо мной исповедоваться, но я его, как всемогущий создатель моего собственного книжного мира, к сему принуждаю, и вот Мир кается, выслушивает оскорбления и порицания, пытается оправдываться, но я заставляю его склонить голову.

Я иногда чуть ли не тащу его на эшафот, но иногда в сем раскаиваюсь и пытаюсь его простить.

Но это лишь четверть правды, в действительности же у меня вместе и противоположная Миссия, и я ее почти исполнил. Моя задача состоит и в том, чтобы защитить и оправдать и мир, и мой народ, и человека. *Начинал я с себя*, как и советуют христиане, а затем попытался защитить моих родителей, семью, близких мне людей, родных, друзей, тех знакомых и малознакомых людей, к которым я по опыту или понаслышке отношусь с уважением, защищал я даже Пушкина и Лермонтова, на которых я не возвел ни одного обвинения, но, как ни странно, защитил я в конце концов и Толстого и Достоевского, хотя им предъявил множество упреков – но их добродетели перевешивают, простим им их человеческие слабости.

На следующих страницах я об этом еще скажу несколько слов.

«Ведь совсем не важно,
от чего померешь.
Ведь куда важнее,
для чего родился!»

Что ж теперь ходим круг да около
На своём поле как подпольщики
Если нам не отлили колокол
Значит здесь *время колокольчиков*

Как ветра осенние заметали небо
Плакали тревожили облака
Я не знал как жить ведь я ещё не
выпек хлеба
А на губах не сохла капля молока

Александр Башлачев "

Кант и Зенон

10 июня 2015 г. КАНТ. Идея о разделении мира на вещь в себе и вещь для нас означает несовпадение внешнего и внутреннего, **прообраза** и **образа**. В художественном произведении *прообразом* является некий действительный человек, от которого отталкивается воображение художника. Но с *вещью в себе* мы не можем сравнить ее восприятие, ибо она не воспринимаема и мы лишь заключаем о ее существовании как источника восприятий.

Но если Объект существует не так, как в представлении, то что значит существовать? И в чем содержание *существования*?

Существующий не просто есть, он, существующий, взаимодействует с субъектом. Результат взаимодействия не только зрительный (или слуховой, обонятельный) образ, но и, например, ушиб при столкновении с предметом.

«Вещь в себе» обнаруживает себя через **восприятие** и **взаимодействие**, это отношения *объекта* и *субъекта*. Существование невозможно без субъекта, но и без объекта, оно не более существенно, чем существование призраков. **Бытие** и существует как взаимодействие субъекта и объекта и его содержание напрямую связано с этим взаимодействием.

«Вещь в себе» – следствие гипотезы о неадекватности прообраза его отношениям с миром, наблюдаемым и переживаемым субъективностью. Понятие «вещи в себе» – только умозаключение, туманное представление о том, что не входит во взаимодействие, не обнаруживается им, не совпадает с ним. Следовательно, представление о *вещи в себе* умозрительно (хотя и представление о *вещи для нас* в значительной степени умозрительно тоже).

Но возможна другая гипотеза о восприятии, а именно, что мы воспринимаем внешний мир постольку, поскольку он уже находится в восприятии Бога, который его и создал (как и человека), и воспринимаем не только отделенное ото всех акциденций **существование**, но воспринимаем те и такие акциденции, которые позволяют нам самим соотноситься с миром (поскольку ведь и предпосылки и способ восприятия должны были быть созданы прежде, чем мы начали воспринимать по Канту?! Так телега движется, потому что имеет колеса и действующую на нее силу. Так, следовательно, и синий цвет существует не только в восприятии, но необъективно – но это то же самое, что спор о существовании математики – ее содержание принадлежит миру или является нашей фантазией).

Образ китайца, говорит Канту, в нашем восприятии желтый, но в прообразе (или в вещи в себе) желтого **цвета** нет, вместо него отраженный свет, который пожелтеет только потом, попав в глаз.

Но ведь – отдельно от человека – и прообраза нет, и электромагнитной волны, и вещи в себе, и даже объективного мира! Ибо без человека мир хотя не может быть *субъективным*, но откуда в нем и объективность? Да существует ли и пространство? И понятие малости и великости? И есть ли в мире слева и справа, если ни в одном предмете из группы двух предметов не содержится ни слева ни справа ни расстояние между ними?

Звуки, извлекаемые из фортепьяно, вообще говоря (говорит Кант) не являются звуками, а только колебаниями воздуха (которого, впрочем, тоже нет). Фортепьяно стоит от нас *невдалеке* (но внешние предметы не находятся ни далеко ни близко, они не содержат в себе никакой информации о своем положении ни по отношению к нам, ни по отношению друг к другу. Даже сама идея **существования** не может принадлежать **вещам в себе**, нечто существует лишь постольку, поскольку обнаруживается в нашем восприятии. Мы нечто мыслим и ощущаем, только поэтому оно существует. И прав Декарт, что он существует потому, что *мыслит и ощущает сам себя*.

Это та же *дурная бесконечность*, о которой говорит Аристотель, то есть дурное раздвоение действительного мира на две исключаящие друг друга части. Это кажущееся раздвоение действительно – но ошибка кантианцев состоит в том, что они отнимают от объективного мира все то, что отчетливо переживается в нашем Я, и воображают, что эта действительность *нами творится* как демиургами, а не сотворена и не существует до нас и вне нас. Мы адекватны всему миру, мы идеально подходим миру, как женщина подходит мужчине – не осмелится ли кто-то сказать, что то, как мы ее воспринимаем, ощущаем, переживаем, это только образ ее, а она как подлинная вещь в себе совершенно не такова и *непостижима* (хотя, впрочем, я отчасти согласен с этим последним утверждением, это единственное, в чем Кант прав в своей идее разделения вещи надвое, в себе и для нас).

Редактирование мира.

Влияние писателя и редактора на мир плачевно малó. Однако в девятнадцатом столетии и в начале двадцатого читателей тоже было немного, мало было даже просто грамотных, однако жила великая литература и гениальные писатели, находившие *массовый отклик*, существовали ТЫСЯЧИ журналов, и даже по специальным разделам культуры – десятки и иногда сотни, например, были десятки журналов в России, посвященных искусству фотографии, десятки журналов (как пишет Хаджонков в своих воспоминаниях), посвященных кино. Итак, дело не в том, чтобы число читателей увеличилось многократно, но чтобы читающие читали, и книга не уподоблялась развлечению, но **сообщала, пробуждала, учила и развивала**.

Книга должна стать тем надежным другом человека, который ему поможет больше вина, общества, церкви. В книге мы должны искать и находить ответы на вопросы, **как** и **зачем** жить на этом свете.

Но для этого и читатель должен стремиться понять мир при помощи культуры, в частности, литературы, и литература должна отвечать упованиям на нее и сама стремиться читателя вести за собою. Но и этого мало: **назначение литературы, писателя и редактора – изменять, редактировать мир! А преобразование мира к лучшему – назначение человека**.

Но один ли у нас язык, одинаково ли мы понимаем важнейшие понятия? Самое простейшее, например, *истина*, разделяет людей пропастью. Поэтому необходимо заново спрашивать себя, *что есть истина*, в чем смысл философии, что такое народ, справедливость, любовь, красота, таблица умножения, всеобщие они или, как доказывал Толстой, *кто как хочет, так и считает*.

23 января 18г. Слушал Кончаловского, расстроился, заболело сердце.

Жаль, что спохватился я поздно, неправильно жил, и вот теперь боюсь не дожить до весны. Пытаюсь себе внушить, что это просто *Зима моей тревоги* так на меня навалилась, и раньше такое бывало, но ведь преодолевалось, «как то рассасывалось само!» Буду стараться, ничего лишнего, ничего ненужного, буду и ночью вставать для гимнастики, уже почти конец января, а там два месяца до апреля...

Серебряный век грандиозен, Мережковский, Иванов-Разумник, Розанов, Александр Блок, Волошин, Бальмонт, позже Цветаева и Ахматова, Есенин.

Мы строим мост от нашего времени к этому веку гениев, и хотя бы только снова ввести их в оборот современной мысли (словно под посеvy культурных растений вернуть заросшие ольхою леса) – это уже оправдывает нашу жизнь.

Что-то я недоговорил по поводу Анны Карениной, героини романа Льва Толстого. Автор, возможно, исходил из того, что и Анна должна была жить как Татьяна Ларина, то есть, отданная другому, она должна была покориться чужой воле, и быть верной мужу до его смерти (как и Наталья Гончарова). Сами эти авторы, Пушкин и Лев Толстой (да и Достоевский), были свободны в своем выборе невест, они их "покупали" и присваивали себе как неотъемлемые вещи, как Бог присвоил себе человека. Я не сомневаюсь в том, что Наталья Гончарова была верна своему мужу, но даже если бы она ему – не то чтобы была неверна фактически, но хотя бы по чувству – я бы в нее не бросил камень.

Толстой же заранее притащил не то чтобы тяжелейший камень, но целый поезд, под который он и столкнул Анну (за то, что она посмела влюбиться раз в жизни – в то время как сам влюблялся не раз).

Но...

И роман гениален, и Толстой гений (вопреки самому себе).

Рассыпался его Домострой, его христианский образ мира. Он изобразил прекрасную несчастную женщину, которую мы все жалеем. Он изобразил образ мира, который нам отвратителен. Он разбил христианские (или ветхозаветные, усвоенные христианством) заповеди – как и Христос, заявлявший, что пришел *подтвердить старый закон* (еще не отменяющий жизнь), в действительности отменил и Закон и Жизнь.

Но Толстой остался человеком, то есть оказался непоследовательным. Пытаясь оправдать Зло, он его обличил. И Россию в ее ветхом общественном устройстве он обличил тоже, а потому Революция была неотвратима.

Картинки идеальной любви

Казалось бы, о любви я столько уже написал, столько написали другие, что воистину, разве уже *не сказано о ней всё?* И надо ли еще добавлять? Тем более что влюблялся я *идеально*, что не нравится современному развращенному читателю, но одна из героинь моих романов даже воскликнула, глядя на меня: *Ты лучший!*

Впрочем, буду надеяться, что развращенный читатель меня читать не будет. Я даже надеюсь, что меня не будет читать никакой читатель, я уже во всяком и читателе и нечитателе разочаровался, ибо если даже и я – *лучший* –

уже не идеален (а я почувствовал, что зараза растленного века, как чума, начала проникать и в меня), то что говорить не о лучших?

Но все же я скажу несколько слов о любви идеальной, о той самой, о которой мы мечтаем по крайней мере в пять лет, и которой остаются верны избранные. На предыдущих страницах героинями и героями моего повествования были и девушки легкого поведения и даже мелкие воришки, так что упрекать меня в приукрашивании действительности нельзя. Мне, конечно, не приходило в голову залезть в чужой карман, написать донос, подстеречь в подворотне прохожего, подставить подножку, потому что хотя я был почти как все, но почти все именно таковы, а *худших* чем обычные мы, и я встречал не так часто, хотя даже трижды сидел в тюрьме. Только апостол Павел утверждает, что *"все до одного негодны, нет ни одного праведного"*, а Спаситель страшает грешников на многих страницах своих "благостей" варом и кипящей смолой (и недостойными спасения оказываются чуть ли не все, хотя только что говорил, что пришел *спасти грешников*). Избранных, достойных воскресения, оказывается всего лишь *горстка*, даже святым, просидевшим почти всю жизнь на столпе, почти не на что надеяться, и *"их святость смердит перед господом"*, как говорят сами святые. Права, это заявление бессмысленно, это то же самое, что сравнивать природную *чистую воду* (из родника) с некой идеальной божественной водой, перед которой родниковая вода *смердит*. Но химик знает, что можно и воду очистить от всяких примесей *абсолютно* (для этого ей не надо сидеть даже на столпе), но после абсолютной очистки она становится ядовитой. И всякое нравственное совершенствование имеет постижимый предел, им является готовность к жертве. Так как Предел одинаково относится и к конечной последовательности (*к человеку*) и к бесконечной (*к божеству*), то *разделять предел на два предела разного качества невозможно*. Святость одинакова и у Бога и у человека (ну, чтобы понятно стало даже идиотам, представим себе, что мы ее меряем в процентах. Так вот, наивысшая святость, то есть отсутствие пороков и грехов – а все святые от них избавляются – это 100%, у Бога она не может быть больше, например, не может стать равной 120%. Следовательно, святость человека равна божественной, и умереть одно перед другим не может.

Несомненно, что восторженное преклонение перед Богом носит чисто человеческий характер, при том холуйский. Поклоняющиеся – это «каждою толпой стоящие у трона», в данном случае у Престола Божия. Я не думаю, что Богу так приятно их поклонение и их безграмотные математические расчеты божественной святости, умалющие человека. Иногда мне приходит на ум, что религиозные мифы рассказывают нам о безумной ревности высших сил к человеку, это ненависть к Золушке злой мачехи, в конце концов изгнавшей ее в дикий лес, чтобы она там околела. Неужто и нам надо околеть, чтобы нас простили за то, что мы человеки?

Кстати, в Уголовном кодексе России есть статья о наказании за оскорбление чувств: верующих, олигархов, правителей, чиновников и ментов. Это та же самая статья, которой пользовалась Инквизиция в Средние века, и мы перехватили эстафету у средневековой Испании, которая перестала быть великой державой именно в результате инквизиционной политики. Привлекая

к ответственности за устное или печатное слово, Россия рискует не только своей репутацией, но и величием. Если олигархи оскорбляются за инвективы в их адрес, то надо тогда снова сажать священников, которые в проповеди повторяют слова Христа, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царстве небесное.

Но с другой стороны, столько в Новом Завете говорится о растлении человека, о его низости, о том, что ждут его адские муки, смола и вар, и спасется только малый остаток – что не является ли Новый завет «хулою на человека», и не привлекать ли к ответственности его авторов за то двухтысячелетнее обличение нашей якобы низости, мерзости и смердения, которому мы подвергались?

До картинок любви мне пока не удастся добраться, но раз уж я заговорил о хуле на человека, то выскажусь до конца. Миссия моя состоит в том, чтобы человека защитить. Я устал и сам его обличать, устал и от обличений иноземных пророков, а ведь все они с берегов Средиземного моря, из палестинских пустынь, из Сахары и с берегов Мертвого моря, не "презирают ли они дерзко язык чужой и наши нравы"? Так ли относились к женщине наши славянские боги, чтобы называть ее *сосудом диавола*, чтобы намекать на кровосмесительную связь с райским Змием, светоносным или темноносным, но явно не человеческой природы? Какие картинки любви я вам представлю, если **женщина** так унижена в мифах, которым мы поклоняемся?

А **мужчина**? Достоин ли он венца царя Природы, если природу и природное он так презирает, ставит ее так низко, принимает ее только как нечистое, но не как высокое? Словно за пиршественным столом, которым является не только любовь, но и всякое соединение с женщиной, и поцелуи и объятия, и разделение ложа – входящие в любовь, как и стебель цветка является его частью! – мы предпочитали бы суррогаты вина, денатурат и метиловый спирт вместо амброзии и нектара.

Но я пришел, чтобы отвергнуть Миф и о первородном грехе, и об онтологической вине, и о порче мира, произошедшей будто бы от вкушения плода с Древа познания добра и зла. **Радуйтесь!** Мы виновны лишь в том, что недостойны самих себя, что так преступно уничтожаем природу, что так рабелепны пред властью, что так любим рабство!

Христианство уловляло нас в сети небесного рабовладения, лишая *воли к Преображению мира*.

Материалистические учения не менее тлетворны. *"Единица вздор, единица ноль!"* – поёт лживую Песнь пролетарский поэт. – Только вот *"если в Партию сгрудятся малые"*... (под властью вождя и тирана)... Воистину наш путь к свободе и правде пролегает между Сциллою и Харибдой...

Но я не призываю к революционным преобразованиям метафизики жизни, нам еще и с физикой предстоит разобраться. Надо еще вернуть наши национальные богатства народу, отобрав их у олигархов и иностранных компаний, но сохранив свободу хозяйственной, культурной и гражданской (политической) деятельности. – видите, в нескольких строках вмещается вся Программа преобразований страны!

А Метафизика пусть остается уделом каждого. Кто хочет поклониться Перуну или Зевсу, пусть поклоняется античным и славянским богам. Жаждающие крови и плоти господних пусть молятся в христианском храме (но не вмешиваются в образование и культуру). Евреям синагога, мусульманам мечеть, буддистам их пагода. Освободившись от власти партийных догм, я не вмешиваюсь в свободу совести.

И все же – любовь... Я учился в восьмом классе, мне шел пятнадцатый год, однажды прекрасным днем (в мартовские школьные каникулы) я поднимался по ступенькам городского кинотеатра – это был культурный центр нашего городка, недалеко была наша школа и Управление Краслага (Красноярских лагерей). Верзила лет двадцати, шедший мне навстречу, вдруг вскинул руку и со всего размаху стукнул мне в нос. Хлынула кровь. Я схватился за платок и закрыл лицо, и слезы и кровь стекали по подбородку.

Недалеке по этим же ступенькам шли две девчухи лет по пятнадцати, и были они ослепительной красоты, словно слетели только что с неба, вокруг их лиц и шелковистых волос распространялось сияние, речь была как музыка колокольчиков. Они бросились ко мне, достали свои белоснежные платочки и принялись стирать кровь с моего лица, а потом подхватили меня под мои безвольные руки и потащили к себе домой.

Жили они почти рядом, там еще взялась за меня их тетушка, у которой они гостили, меня умыли, переодели в чистую сухую рубашку, а мою рубашку выстирали и повесили сушить. Весь день я провел в блаженстве. Мы играли в подкидного дурака, но я им много рассказывал, потому что уже умел красноречиво говорить, и меня они слушали восторженно. Наконец наступил вечер, и они пошли меня провожать, чтобы по дороге не напал на меня разбойник. Так началась моя дорога еще отроческой, но уже почти взрослой жизни, в которой я женщину обожал – и так до сих пор.

И наша любовь взаимна! Но, кажется, я это уже говорил. И довольно...

31 января 18, среда, 9-23. Завтра мой День Рождения, возможно, что уже я достиг дна пропасти (или канавы) и начну подниматься – если еще собираюсь дожидаться лета, посадить огород, встретиться с «Манон», написать роман...

А пока попытаюсь прибавить к своей уже почти законченной исповеди несколько последних страничек. (*Увы, последних ли?!*)

1. Закончу с *грешниками*. Сколько и сам не ругаю я русских (тех, кто отрывается от народа), но слова апостола Павла, что *все сплошь негодны*, я отвергаю. И евреи две тысячи лет назад не были негодьями, и сегодня русские. Но мою Россию толкают в пропасть, с одинаковым усердием и испехом и русские, и татары, и евреи, и прочие, воистину *все сплошь негодны* – но это не та негодность, о которой прожужжали нам уши апостолы. Что из себя представляет *средне-русский человек*? В меру дурной, в меру *глупый* (иногда и без меры), в меру ленивый... и еще немало пороков изъязвляют душу его. Но вот мой четырехлетний внук Паша – упрямый, привередливый, капризный – так что же, *он негодный*? Нет. Он "лучше всех" (используя телевизионное выражение. А кстати сказать, в этой передаче такое множество прекрасных детишек – и в других подобных этой передаче о детях – что душа возносится на небо от счастья! Если бы только они и составили мой народ, то

был бы он несравненным во всех галактиках во вселенной.) Но все же даже наш "среднерусский" человек, который не ходит в филармонию, не читает газет, не читает книг – действительно ли он сплошь негодный? Ведь страна погибает, а он знает об этом не хочет. Почему? Потому что он ведет себя так же, как отдельно взятый больной человек, который как-то в своих лохмотьях пригрелся, и изменить положение ему тяжело, необходимость лечения его пугает, лучше всего оставить все как есть – и умереть... или пожить еще немного... он так пал духом, что уже не думает о детях и внуках, о том, что из-за его бездействия страна погибает. Но он не верит в печальный итог. Он думает – *а вдруг все само собой рассосется?* С этой же властью. И не надо будет ничего делать. Он помнит – подсознательно – что уже совершил две революции – и чуть не издох. Потом пришел Хозяин. Содрал со всех шкуру. Чуть не издохли снова, но выжили – хозяина он за это чтит. Потом в их хлев забрался волк. Сожрал половину ягнят – но ведь обошлось?! А о тех, с кого содрали шкуру, кого сожрал волк – он не думает.

[Ну а я не таков ли тоже? Сколько близких умерло за последние годы, часто ли я их вспоминаю? Многим ли я помог? Последнюю повесть Лени Из--ского сумел списать с испорченного компьютера и напечатал. Сашу М--ва держал за руки, когда он умирал, сидели, с моею женой, с ним рядом. К Теодору Адамовичу ходили... И воспоминания о них печатал, и их стихи. Толю Ст---ва пытался спасти. Володю А---ва издал, пусть и крошечным тиражом, но в вечность приоткрыл ему двери. Маркияну рассказывал смешные истории, и он глазами ответил, чтобы я рассказывал дальше. Толю Ш---кого, увы, только в последний путь проводил... но наша дружба на протяжении полувека была для него благотворна. И для Вити Г---на разве я не был отдушиной? Когда он мне звонил по ночам...]

Так что народ мой не хуже других. Немцы не шли ли за своим сумасшедшим фюрером? Кхмеры? Корейцы? Французы не сдали ль Париж? Евреи не отреклись от Баркохбы, когда он проиграл императору Титу?

И так или иначе, именно эти русские родили нам Толстого и Достоевского, Шалапина, Суворова, Русланову, академика Павлова, его умную и преданную жену, моих деревенских соседей, даже Лиля родила очаровательного мальчика, который протянул мне в подарок конфету; и кто-то же нарожал тех красоток, от которых я всю жизнь без ума!!!

Народу не хватает вождей. А нам не хватает помощи неба. Да, увы, мы – *таланты без поклонников*, при всех наших талантах без помощи неба мы слишком слабы. А нашим противникам помогают бесы. Так надо ли и меня обвинять в том, что меня, разумного, мои русские не слушают, а слушают врагов нашей родины? Нет. Почему же мне удавалось быть столь убедительным, что красавицы влюблялись в меня, а не в богатых и властвующих, а в противостоянии с "нечистой силой" я терплю поражение? Не знаю... И поэтому я должен жить – если однажды поговорил я даже с разбойниками, то, может быть, и с народом найду я общий язык?

Кстати о грешниках. Они, конечно, есть. Но их не так много, хотя они и всеильны. Я с ними никогда не дружил, но мы пели гимны под их знаменами, они же нас отправляли и в тюрьмы и на Лубное место.

Принадлежность к народу, – это то же, что принадлежность к семье. к роду, типу культуры, языку, памяти, ряду предков. Но это не принадлежность элемента к множеству, натурального числа к натуральному ряду.

Антисемитизм является следствием отношений между народами, а не между людьми. **Семибанкирщина** заслоняет целый народ? Увы, ДА!

Но не отождествляйте человека и народ. Не относитесь плохо к кому-то только из-за того, что он чукча или еврей или поляк, но всмотритесь в физиономию культурного и вежливого Абрама и пьяных русских, лежащих в канаве! И... и уже хотел я воскликнуть, что я за Абрама, но русский Бог (или черт) толкнул меня под руку, вспомнил я тех, кого сам тащил из канавы – разве они мне не дороги, мужчины и девушки? Разве менее дороже Абрама?

И все же... *Вот тут идут тонкости.*

Русские в других странах растворяются мгновенно. Немцы быстро становятся русскими. Еврей знает и помнит, что он еврей, он привязан к своему еврейству тысячами нитей. Если он полукровка, то он знает и помнит, что отец или мать принадлежат к Авраамовым детям. Если он еврей только на четверть, то его дочь выйдет замуж за еврея и они вернутся к своему народу. Еврей никогда не растворится в других. *Но это не делает их хуже*, такова их родовая особенность. Может быть, в них даже живет смутное чувство, что их Бог обещал им весь мир (но этого я точно не знаю).

Что я знаю точно? Что существуют народы, и им присуща национальная психология (среднерусская или среднепольская), и она не ахти как хороша, не лучше еврейской. Но им присущ и дух нации как сверхкультурного типа, как та Идея, о которой есть *замысел божий на небе*.

Дух немецкого народа – это дух Бетховена, Вагнера, Гаусса и Коперника. Дух английского – это дух Шекспира, Беркли, Адама Смита и Джонатана Свифта. Дух русского народа – это дух Пушкина, Гоголя, Толстого, Суворова. Дух еврейского народа – Ветхий и Новый Заветы, Иегова, Христос и апостол Павел, Маркс и Фрейд, ... Евреев как частных лиц я часто люблю, а русских как частных лиц иногда ненавижу, но я борюсь не с духом Достоевского и Розанова (которых русские уже не читают, читаем только "мы, евреи"), но с духом религиозных мифов, порабащивающих человека. Возможно, эти мифы присоединяют человека как часть к некому целому. Но меня христианство с русским целым не соединяет. Да и не хочу я соединиться с всемирным братством, так как, напротив, я хочу спасти Россию от растворения в алчном глобальном мире. Но русские к гибели России равнодушной других. Поэтому я призываю к единению всех, кто живет в России, если она погибнет, и татары и черемисы – и даже евреи! – утратят свою национальную идентичность.

Народ – это как отдельный лес, или тайга, как лиственный или сосновый бор. Если даже виды животных мы защищаем, то что это за неумная жажда народы растворить в общечеловечестве? Призыв к такому растворению – это предательство родины, французской или русской. Человек не может жить на бывших полях, заросших ольхой и крапивой, человек не может жить в Природе, утратившей все черты той природы, которая была создана Богом! Мы не стремимся соединить два пола в один, не стираем отличия женщины от

мужчины, не проповедуем внутриполовые браки. Соединение национальностей – то же самое, и приводит к невосполнимым потерям личности. Есть *люди лунного света*, не нуждающиеся в любви, вероятно, именно они и радуются, что "*несть отныне ни еллина ни иудея*", ни мужчины ни женщины.

«Есть мужик и мужик», говорит Некрасов, то же самое можно сказать и об *еллине и иудее*, и о *русском*, о "*безродных космополитах*" и об "*Иванах не помнящих родства*", которых среди русских больше, нежели среди евреев, можно сказать, даже большинство. Я даже уверен, что и ярлык *фашиста* приклеивают к русским националистам как раз русские, а не евреи. Но в сегодняшнем мире ничто не удивительно, в Америке негров запрещено называть неграми, а Европа наводнила себя иммигрантами, борется против национальных границ, к родителям запрещает обращаться как к папе и маме, скоро запретят имена коренных народов, и французов и немцев. Вчера и в России сочетались браком двое мужчин, завтра зараза проникнет на Марс. «*Есть кощцы во славу Божию*», говорит апостол – я не удивлюсь, если *во славу Божию* появятся голубые и лесбиянки (или уже появились?).

Народ, национальная культура, разделение людей на «*пол и характер*», на роды и народы, на веры и суеверия, на расы – то же самое, что **разнообразие мира**. Без него наша жизнь станет столь же пресной, как жизнь в раю или в виде листьев на "древе Господнем". Но нежелание вселенского перемешивания и приказного братства (по христиански или по коммунистически) не означает вражды к другим, не похожим на нас. *Национализм* – это защита права народа и человека на свою собственную национальную жизнь, а не пропаганда исключительности и ненависти к инакомыслящим. Кто в действительности преследовал всех не похожих, инакомыслящих и просто мыслящих, кого сжигали на кострах, горевших на всех европейских площадях? Костры разжигала христианская нетерпимость, сжигали еретиков, ученых, поэтов, красивых девушек и иноверных. И кто похвалялся, что "*мы на горе всем буржюям мировой пожар раздуем*"? Большевики! И они и истребили лучшую часть русского народа в пожаре братоубийственной войны, искусственно вызванного голода и террора против так называемого "классового врага" (уже после пяти лет "Гражданской войны" и "коллективизации"). Все это знают не хуже меня. *Общерусский национализм* – это объединение всех граждан России в борьбе за право жить в собственной стране, не оккупированной мировым правительством и его агентами в новом *олигархическом сословии*, который утратил все национальные признаки, кроме власти предательства и денег (*и именно деньги текут в их жилах вместо племенной крови*). Вот почему мы, граждане самой богатой страны мира, едим хлеб из опилок, потому что вся съедобная пшеница продана на Запад, а нам остается так называемая *кормовая пшеница*, а сметану и сыр мы едим из пальмового масла).

Но вы же не совсем идиоты, чтобы защиту народных (национальных) интересов называть фашизмом или расизмом? Если же совсем идиоты, то валите на Запад, как свалили туда пять миллионов ваших детей и детей ваших кумиров – не моих, ваших! Запад вас жить научит.

Но философия ничего доказать не может, она только формулирует *выводы и утверждения*, все *доказательства* содержатся в искусстве и литературе.

Я уже говорил об Анне Карениной, о несправедливой жизни которой рассказал граф Лев Толстой, естественно, сам проживший счастливую беззаботную жизнь, получивший прекрасное образование, впитавший с молоком матери угонченную дворянскую культуру, не сомневающийся в справедливости феодально-христианского устройства общества, в котором правит царь, крестьяне платят дань своим феодалам, а духовенство увещевает крестьян *«Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человеко-угодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам.»* (Новый Завет).

Казалось бы, так жить, как жил этот граф, можно еще тысячу лет, тем более что ничто, казалось бы, не могло внушить ему нелюбовь к сложившемуся порядку вещей, позволяющему покупать красивых девушек как породистых кобылиц.

И вот он написал роман про Анну, **отданную** не по любви, а по родительской воле старому чиновнику, живущую, казалось бы, счастливо – и с чего она побежала к Вронскому, «жеребцу в панталонах»? Но мы читаем роман и понимаем: **Так жить нельзя!** (мы ведь не листья на древе господнем? Мы еще люди.) Умная воля графа посылает Анну под поезд в наказание за грехи – но читатель не соглашается с ее наказанием.

Затем умная воля писателя заставляет его писать роман «Воскресение», весь пересыпанный цитатами из евангелий, но нравоучения моралиста испортили художественный вкус автора, роман рассыпался как дом из песка.

Однако повторю ранее сказанное: уклад жизни дворянского общества подвергся отрицанию в "Анне Карениной", революция оказалась неотвратимой. Дело не только в том, что нельзя продавать женщин, но и мужчина более не может быть рабом и служить своим господам.

Но, может быть, можно отвергнуть только феодальное устройство общества, сохранив христианство? *Ведь оно же нас учит добру?* – говорят наивные и необразованные *"новые верующие"* (появившиеся тогда же, когда и *новые русские*). Им необходимо перечитать Мельникова-Печерского ("В лесах" и "На горах", я надеюсь, что в школе они эти романы читали), перечитать "Житие пророка Аввакума" и посмотреть в театре драму Островского "Гроза". Оказывается, там показано то же самое, что Толстой доказал своею Анной Карениной, – что так жить уже было нельзя. Человек должен был стать свободным. И сколько бы ни мечтал Н. И. о счастливой дворянской жизни Пушкинской поры (да и я мечтал о ней тоже), но повторение ее невозможно, *в ту же самую реку мы уже не войдем.*

Размышляя о доказательности литературы и бездоказанности философии, я умом понимаю, почему мои пространные двенадцатитомные рассуждения никого ни в чем убедить не могут, но сердце противится. Я жил неправильно. И зря писал. **И надо мне написать роман, которым я оправдаюсь.**

Много чего еще надо мне написать, но все не успею. Да и недостаточно человеческих сил для всероссийского благого дела, увы. И не только дело в том, что я слаб, но *всё благонамеренные слабы*. Что необходимо «людям недоброй воли» для исполнения их миссии – ограбления России? Необходима

власть, и они ее получили. И получают они ее легко, с помощью демагогии, обмана, клеветы, подмен. Мы же противопоставляем им только образование, культуру, талант – но ничто из этого не прельщает народы. Люди нашего круга умеют замечательно играть на фортепьяно – и мы ходим их слушать, народ же в филармонию не пойдет; мы пишем глубокомысленные книги (как я) – но народ их читать не будет, их чтение требует образованности, которой у них нет (но они не читают и Мельникова-Печерского и Толстого, доступных даже одиннадцатилетнему мальчику); мы создали математику – народу достаточно арифметики; мы умеем строить дворцы – народ требует жилья попроще и доступнее (хотя поему бы не строить и то и другое?)

Ну, ладно, хватит писать о том, что всё плохо, что нет ни денег ни счастья, что и смерть грозит своим кулаком костлявым – как грозила она мне сегодня утром – напишу о том, к чему я стремлюсь, о чем мечтаю, что мог бы предложить людям, если бы небо вложило в мои руки небесные силы. Пророки, которым эти силы вручаются, требуют отказаться от жизни – даже от невинных поцелуев на скамеечке под лунной, требуют взвалить крест на плечи и приготовиться к мукам. А народные вожди обещают молочные реки и кисельные берега, говоря об экономике, зарплате и пенсии, обещая повысить и то и другое – и вот что удивительно – одни обещают повысить пенсии, другие обещают крест и муки – народ любит и тех и других. Но безнравственно говорить, обращаясь к народу, о **зарплате и пенсии** – не то нужно для оздоровления общества. **Россия больна и ее надо лечить** – так и говорить надо о том, что в ней плохо и что надо исправить, а так одни покупают, другие продаются! Как в Публичном доме. Итак:

А). Коммунистическая власть подчинила культуру политическим целям, проповедуя «партийность литературы» – и все же и в их время, по крайней мере, когда учился я сам, математика в школе была на высоком уровне, и русские школьники были лучшими математиками в мире. А литература? У нас были Пушкин, Толстой и Тургенев – наши школьники читали и мыслили, и русское просвещение было совершенным. Преподавались химия, физика, география – в то время как их Рейганы и Буши не могли показать на карте, где находится Куба. Так вот, в первую очередь надо возродить школу, а о зарплате не стоит и говорить, в просвещенной стране, при культурном народе будут строиться дома и дороги, детские сады и школы, клубы и спортзалы.

Б). Россия больна, но болен и народ, у нас самая высокая смертность в мире, не говоря уж о том, что и живые больны, и женщины не могут родить, и рожают они больных и худосочных детей. Поэтому надо рассказать народу, что состояние народного здравоохранения, его качество и количество плачевны (Или он этого не видит? Все до одного слепцы?) Самая необходимая помощь должна быть бесплатна и доступна для всех! – даже если человек находится на Северном полюсе. Платные услуги должны быть лишь дополнительными к бесплатной медицине, обнимающей собою все самое необходимое.

В зависимости от здоровья нации находится и рождаемость. Необходимо немедленно остановить убыль народа, прежде всего русского, как обеспечивающего безопасность и благосостояние государства, и принять необходимые меры к возрастанию его численности. Меры эти известны и нынешнему

правительству, но оно о народе не печется, у него задание довести численность русских до 25 миллионов человек. Итак, надо повысить **качество жизни** (а не зарплату), то есть хотя бы не из опилок печь хлеб и сметану производить из молока. *Очистить реки и источники вод*, очистить леса, воздух, мы пьем отраву и дышим отравой. Необходимо немедленно начать возрождение деревни и сельского хозяйства – то есть возродить производство полноценных продуктов и возродить ремёсла.

Необходимо создать условия для рождения детей, следовательно семьи, имеющие детей, должны получать помощь от государства, должны получить и квартиры – не потом, а при рождении первого (или второго) ребенка.

В). Экологию природы и человека необходимо сделать приоритетными перед производством. Но на чем основать благосостояние, откуда потекут молочные реки? Во-первых, надо **отобрать недра** у олигархата и национализировать их; во-вторых, **возродить науку**; в-третьих, **освободить средний класс и предпринимателей от власти чиновников, ментов и прокуроров**, которые вместо охраны производителей их обворовывают и удушают.

И многое еще необходимо сделать, но, возможно, я не один остался умный в этой стране, в своей Исповеди я показываю контуры того, какой бы я хотел видеть Россию для достойной жизни моего внука. Вероятно, у остального среднерусского населения нет детей и внуков, или они о них не думают, а только хватит ли на выпивку и закуску и ремонт телевизора, который превратил население в идиотов и наркоманов.

Кажется, я сказал достаточно, чтобы меня уже посадили (или линчевал народ обывателей). В тюрьме я напишу тот Роман, о котором мечтал всю жизнь. И он будет лучшим. Ибо во всем, с чем сталкивалась наша страна в советское время, *во всех слухах о правде жизни я оказался прав*, прав и теперь, и Роман написать с помощью русского Бога я сумею.

В чем же я был прав? *Я был против громоздких ЭВМ, против поворота рек, против диктатуры пролетариата, против преподавания математики в школе по Колмогорову и Позорелову, против ЕГЭ, против уничтожения деревни, против разрушения экономики и передачи недр олигархам, против единоличной власти, против подчинения доллару...* А все остальные были против меня!

3. 02. 18. Оказывается, есть еще и те, кто читает (в каких катакомбах они сохранились?) – и они требуют изложения моих политических взглядов.

Национализм и "просвещенный национализм"; социализм и "социализм с человеческим лицом"; "народный социализм"; капитализм и буржуазный индивидуализм; феодализм и монархия; клерикальное общество...

1. Гитлеровская Германия напугала всех крайними формами *национализма*, и *расизм* по отношению к неграм и колониальное владычество производили уже впечатление исторических аномалий на европейскую интеллигенцию. Европа сошла с ума и решила объединиться, отменяя национальную обособленность. Однако основной формой государственной жизни были либо национальные государства (Афины, Спарта, Рим, Франция, Испания, Англия), либо империи, в которых доминировал обычно один народ, но и подчиненные

народы имели свое *место под солнцем* – Римская Империя, Австро-венгерская монархия, Российская империя. Тирании (вроде Урарту. Вавилона, Ассирии) существовали либо в древности, когда завоеватель даже уничтожал завоеванный народ вместе с его городами, частично обращая завоеванных в пленников и рабов (и печальна участь евреев с их двумя пленениями, в Вавилоне и в Египте), либо, в Средние века – *Золотая орда* и *трехсотлетнее татаро-монгольское иго* и Османская империя.

Государства-федерации были редкостью. Пелопонесский союз объединял в целое один народ, греков; так же Таможенный союз в Германии, объединивший немецкие княжества до окончательного соединения их в общее государство; СССР, наследовавший Российскую империю... Однако, СССР был своего рода новой Золотой Ордой, в которой не только все были в тотальном подчинении у большевиков, но и русский народ оказался притесненным, как славяне в Турецкой империи, так что при окончательном распаде СССР русские потеряли Южную Сибирь, присоединенную к новому государству, Казахстану, сочиненному впервые в истории большевиками, и земли Уральского казачьего войска, к тому же были созданы в ущерб русским невиданные прежде государства Белоруссия и Украина, к последней отошли Новороссия, Одесса, Крым, Причерноморье. Из большевистского государства русские вышли униженными и оскорбленными; *руссофобы*, ненавидящие национальную Россию и русский народ – это прежде всего русские, они же составляют большинство среди тех десяти миллионов, которые покинули СССР после распада и бежали на Запад за сладкой жизнью. Именно они называют нас *совками* – считая себя, видимо, "ромеями", по примеру Ивана Грозного, или *гражданами мира*, по примеру апостола Павла.

Но всмотримся в наше историческое прошлое: разве русские князья (*варяги*) не относились к русскому народу как к завоеванному, как и дворянство относились к крестьянам? Да и русская дворянская интеллигенция проповедовала, что "без православия русский народ дрянь" Возможно ли было в таком обществе появиться *русским националистом*, как в Италии в рядах Гарибальдийского движения, и удивительно ли, что на националиста тут же навешивается ярлык расиста или фашиста, притом это русские спешат навесить на нас такой ярлык, а вовсе не евреи. (Я даже думаю, что евреи понимают лучше нас, что и без "*русских евреев*" будет кому делить недожеванные богатства России).

На русский народ давила и русская православная церковь, которая даже выступила против похода Дмитрия Донского на татар в *1380 году*, и поддержал его только Сергей Радонежский, авторитет которого был подтвержден "русской" церковью только через триста лет.

Иоанн Грозный. Не только человеконенавистник, но и *руссконенавистник*, наполовину татарин, потомок греческой царицы, это он сказал о себе: *Я ромей*, он ненавидел русских как племя, залил Тверь кровью, Новгород, да и центральную Русь разорял как татары со своими опричниками, об этом пишет академик Веселовский в «Истории опричнины».

Сегодня у власти руссофобы, страна продана ВТО, Центральный банк

является частью Американского банка (как пишут в «Аргументах недели»), русское население вымирает, количество жителей в Новгородской и Псковской областях сократилось *в десять раз*. Может быть, это Москва и Петербург ненавидят провинциальную Россию? Да, ненавидят. За что, что мы им сделали? Не знаю.

Растворение каждого во всех – это конец истории и культуры. Но разве Испания не боролась триста лет против мавров, разве мы не боролись триста лет против татаро-монгольского ига, разве Ирландия не боролась за независимость от англичан? Бабочек сохраняем в "Красной книге", неужели мы менее стоим, чем бабочки?

И разве в основании личности не только «пол и характер» (по Вейнингеру), но и дух и кровь?! Каждый даже дом обособлен, сам в себе представляет весь мир, родители и дети, братья и сестры, муж и жена. И только когда дети будут рождаться в инкубаторе, и мы начнем жить в муравейнике, только тогда перестанут существовать и народы.

2. Славянофилы и западники. Мне нравятся Бесы Достоевского, в которых попадает нашим западникам, но я тоже отчасти западник вместе с Тургеневым и атеист вместе с Базаровым. Держась за русский овин и русскую баню, без западных пушек мы не только Наполеона, но и татар бы не одолели, вопрос о Западе решался на наших полях сражений. Мы распространились на Восток только потому, что он был дальше от Запада, чем мы, и меньше усвоил его цивилизацию. И только за счет Запада мы сохранили себя от Востока.

Мы очень быстро повзрослели после Петра, но научились мы всемирной премудрости только от Запада, но не от Бухары и Византии. И потому так нелеп этот полуторавековый спор западников и славянофилов... да ведь в действительности и Достоевский западник, и Толстой, и Гоголь! Сегодня нам следовало бы уже Запад защитить от него самого, а мы в это время сами залезли в петлю и затягиваем ее на своей шее, велико ли будет мое удовольствие сознавать, что я последний трезвый среди пьяного русского пира?

Если мы хотим выжить, то русскую философию надо искать не в славянофилах, не в наших посконных философах, а в Данилевском, Достоевском, Толстом, Лосском, Розанове и Иванове-Разумнике.

Хотелось бы отстраниться от политики, но ведь у меня растет внук – неужели мне все равно, отнимут у него страну или нет?

3. Существует ли *просвещенный национализм* или все националисты должны одеть желтую звезду расиста и фашиста (новое время по новому расставляет акценты справедливости и добра, сегодня гонимы уже те кто пытается сохранить свой русский язык, страну и культуру) – на этот вопрос ответить так же трудно, как на вопрос, существует ли "*социализм с человеческим лицом*" – труднее, чем выяснить, существует ли "правильный семиградник". Коммунисты, начинавшие со строительства социализма в СССР, а построившие Гулаг, так же далеки от чешского или шведского социализма, как Сталин от Дубчека или Конфуция, но в наше до крайности перепутанное время русский патриот уже не может понять, не является ли

идея Мирового правительства модификацией Интернационала; а православные, идущие с иконами Матроны Московской и портретами Сталина, идут ли бить патриотов и волочить их в Гулаг, и патриоты ли сам русский царь и патриарх православной церкви; а городские обыватели, насмотревшиеся телевизора или обкурившиеся анаши, это не переодетые ли власовцы или комсомольцы тридцатых годов? Объединяться ли левым с правыми, работникам с предпринимателями перед лицом невиданной угрозы обществу, когда в монолитную орду объединились все **непроизводительные силы** (т. е. чиновники, банкиры, *полицейские и воры*, комиссары и пропагандисты, зазывалы и шоумены) – в ненависти к **производителям**, – рабочие ли это, инженеры, конструкторы, технологи, предприниматели?

Объединение левых с правыми тем труднее психологически и духовно, что левые отождествили себя с крайней из коммунистических фракций, то есть с перечеркнувшей даже собственное раскаяние 56-го года, постановления своего судьбоносного Двадцатого съезда, и возродившего сталинизм. Русский обыватель не может себе представить, что социализм шире Маркса и Ленина, и не состоит в экспроприации, раскулачивании и трудовых лагерях. А я обывателя боюсь. И вместе со мною миллионы последних образованных людей в России, еще не забытых, еще не добытых, еще не забывших то, что они изучали в том числе и в советской школе.

С грустью я думаю, что порыв национально-ориентированных сил, готовых объединиться даже с чертом во имя спасения Родины, окажется тщетным, в России при согласии безумевшего что ли народа на следующее десятилетие воцарится старая коррумпированная воровская власть, но жить станет хуже, придется затянуть пояса, безработица станет ужасающей, рубль обесценится, все, кто еще способен мыслить, окажутся в лагерях и будут строить дороги к недопиленным сибирским лесам, коммунистическая партия сталинской ориентации развалится окончательно, но, правда, возможно будет возрождение идей **народного социализма**, противоположного марксистскому *интернационал-социализму*. *Народный социализм* не содержит в себе тех особенностей марксистского социализма, которые растворяют в партии, обществе, государстве человеческую личность, нет в "нем диктатуры пролетариата и партии" и требования все личное подчинить общественному, нет и духовного подавления (прежде всего ограничения свободы слова и других гражданских свобод), нет противопоставления государства и личности (все это тысячу раз разжевано в бесчисленных манифестах и философских работах, нет нужды повторяться чрезмерно).

Точно так же, изберем ли мы в качестве модели общественного устройства уже названный *народный социализм*, или *народный капитализм*, или *народную монархию* по Солоневичу (очевидно, они не будут отличаться между собою как черное и белое, а будут служить народным интересам), но не будет в них и важнейших особенностей клерикального государства, ни "*кабалы святой*" по Мольеру, ни "*государства, ставшего церковью*" по Достоевскому. Не будет ни "всемирного государства", растворяющего в себе народы, ни классического *буржуазного атомарного общества* крайнего индивидуализма.

Я пишу Исповедь, и потому рассказ мой посвящен взаимоотношениям еще *живой личности* с большим русским обществом, в котором пол, род (народ) и семья, культура и творчество, религиозные искания и сомнения, страх смерти, жажда бессмертия, истины и свободы соединены в судьбе и воле, в которой *самодетельное начало* противостоит силе и авторитету и находит гармоническое равновесие в любви – именно поэтому рецепты общественного устройства я даю пунктиром. Добродетель узнаёт в моих словах себя, зло через меня **не** исправится. Но есть еще **чудо**, оно влияет на нашу жизнь почти тайно, оно в ней иногда подобно случайности, иногда – северному сиянию, а часто чуть слышному звону небесных колокольчиков, поэтому о нем я пишу очень сдержанно. Но я на него уповаю. Если Бог к нам вернется, **если чудо случится**, то **мы спасем Россию**, и внуки наши будут жить в свободной стране.

И все же Исповедь – это моя личная жизнь, это роман о моих поисках самого себя. Я часто не могу сдержаться в выкриках и обвинениях, как Алеша Карамазов, я готов слишком по многим поводам чуть ли не требовать расстрела – но в действительности я многих жалею и чаще готов простить, чем обвинить. Простите и вы мою несдержанность.

Я обвиняю идеи, но человеку протягиваю руку, прекрасные люди есть везде, среди коммунистов, либералов, православных, предпринимателей, "обывателей", государственных служащих. *Я более всеобщ, чем вы.*

4 февраля 18. Вступил ли Горбачев со своими соратниками в **сговор** с США, я не знаю, но мне кажется, что разрушение социалистического строя происходило сознательно и сверху, одновременно и разрушение советского государства. Случайно ли *власть была передана алчной воровской своре*, имеющей единственную цель – разворовывание страны, вывоз за границу ее ценностей? Нет, существовал международный заговор, и разрушение и разграбление СССР было произведено намеренно и по тщательно продуманному плану. Я это чувствовал и в девяностые годы, но не твердо уверен.

Советский строй должен был рухнуть, я сам об этом мечтал. **Но у страны существовали и другие пути, кроме пути в пропасть.**

Была чешская модель так называемого «социализма с человеческим лицом», 68-го года, наша страна (и наш народ – а я не хочу говорить о народе как о некоем стаде, безропотно идущем за погонщиком, поэтому и не снимаю с народа ответственности и вины) – итак, наше правительство не попыталось испробовать такую модель экономической и политической жизни, а вместо того ввело в Чехословакию танки. Народ безмолвствовал, кроме десяти человек *отщепенцев*, из них семеро вышли на Красную площадь с протестом, а один (им был я) написал статью о *Духовном освобождении*, нас всех посадили. Других несогласных НЕ было (из 270 миллионов человек)!

В восьмидесятые годы, при Горбачеве, была возможность реформировать советский социализм – но пришли ли бы мы к *народному социализму*, о котором я говорю в своей Исповеди, мы так и не узнали, вместо этого мы Россию превратили в **колонию Запада**, с одной стороны, и в **«воровской общак»**, управляемый бандой воров, с другой стороны.

Народ России – и евреи, и русские, и татары – вел себя преступно, как вели бы себя жители горящего дома, отказывающиеся его тушить.

Небольшие группы людей жили достойно, но их было слишком мало, чтобы повлиять на политику. Разумеется, крестьяне выращивали хлеб, рабочие производили промышленные товары, учителя учили, ученые производили исследования – но не этим определялось, праведно ли мы жили, а прежде всего тем, поддерживали ли мы преступную власть или нет (даже если не противодействовали ей). Мы **не** возмущались правительством и чиновниками хотя бы в частных разговорах, следовательно мы помогали стране идти в пропасть. Население России вымирало, образование становилось все хуже, нравственный и умственный уровень народа падал, здоровье ухудшалось, отставание от развивающегося мира увеличивалось. Это то же самое, как если бы армия, стоящая на границе и у городов, **НЕ** мешала бы немцам оккупировать Россию. Такую армию надо судить, **такой народ надо судить тоже**.

Я пытался плыть против течения, но меня сносило, а на течение народной реки я повлиять не смог. **НЕ УМЕЛ**. «*В порабощенные бразды Бросал жительное семя, Но потерял я только время, Благие мысли и труды*».

В девяностые годы я издавал журнал "МЪра", издал несколько десятков книг – превосходных, нужных, полезных, необходимых для просвещения народа и развития личности, в последние семнадцать лет написал двенадцать книг – по крайней мере талантливых и помогающих духовному развитию и духовному освобождению личности. То есть я все делал правильно и сделал все, что мог, было множество и других людей, которые сделали для России даже больше моего – но нас оказалось слишком мало. Если хотя бы десять миллионов человек, то есть **ОДИН** из десяти жителей, жил достойно и противодействовал злу хотя бы в малом, или хотя бы не помогал злу, мы не оказались бы на краю гибели. Но мешали правительству грабить страну лишь единицы – ну, хотя бы тем, что затаенно его ненавидели, **тайная ненависть – страшная сила!** Но ненависти противостояла *любовь к власти* у большинства.

У всех есть дети, есть внуки, друзья и родные – но у них скоро не будет страны. И это благодаря тому, что мы на свою страну наплевали, мы не хотели даже пошевелиться ради ее спасения, мы пили, закусывали, спали, смотрели телевизор. Мы и работали – но одной работой мы оправдаться не сможем. Когда Германия уничтожала Европу и Россию, *немцы тоже работали* (или нас убивали). Но русский народ справедливо оценил Германию после войны как *страну людоедов*.

А мы? Защитили ли мы своих детей? Какое будущее мы им оставляем?

И я не знаю, что делать. Я даже не знаю, как преодолеть болезнь, хотя и пытаюсь ей противостоять. Чем и кому можно помочь – я не знаю, ... кому-нибудь... издаю журнал.. может быть, от него будет польза... Заканчиваю эту книгу. ее прочитает, может быть, трое. Но повлияю ли я на них, даже в этом я не уверен. Возможно, я написал не лучшую книгу, но Бог мне не помогает...

5 февраля 18. Я должен преодолеть болезнь. Многие скажут, что пора умереть. *Но я не знаю, как это делается*. Поэтому делаю то, что умею, то есть пока живу.

Внешние силы, которые поступят со мною вроде шальной пули, как поступают почти со всеми – возможно, вдруг сами пристрелят... *меня это страшит...* Но я не знаю, что можно противопоставить шальной пуле...

Народ и будущее страны. Народ не пытается остановить гибель России. Он закрывает глаза и говорит: "*пока все идет хорошо*", а наши вожди сделают все, что надо". Он не мешает вождям добивать Россию. Спасителей России так ли любит русский народ, как евреи любили своего мессию Христа?

Оппозиция, несогласные, отщепенцы, смутьяны, "пятая колонна", *наймиты США*, "*враги народа*" (вроде меня) – есть. Но нас мало и мы не можем объединиться. Коммунисты **должны** (это они и погубили Россию!!!) свою партию распустить и на ее основе создать социалистическую партию. К ней примкнули бы группы националистов. Но вожди не думают о России, они не хотят отказаться от того благополучия, которое имеют за счет своей партии. Значит, они тоже преступны, как и равнодушный народ.

Бог с ними, моими книгами! Но у меня есть семья, близкие, друзья, все мои предки были русскими, защищали Россию. Поэтому сдаваться нельзя, хотя я и не знаю, что делать. Просто доживать никчемную жизнь, как другие, я не умею. И не хочу. Значит, **надо встать и пойти!** *Стучать в двери. В души. В сердца!*

Что нужно народу?

Народу мы (то есть интеллигенция) не нужны, потому что "*народу мы чужды*" – так говорили о нас большевики – и были правы, Народу мы чужды все до единого, даже учителя и врачи; народ обрадовался введению ЕГЭ, и если лечить начнут *стандартными таблетками* "от кашля и поясницы", "от глаза и мора" – он воскликнет облегченно: наконец-то стало понятно!

Народу и Россия не нужна. А что еще у него осталось, возражают мне последние *народники* в нашей стране? Не знаю. Но чужая власть ему милее... дороже... Народ не только не жалеет родную природу, но отрекся и от истории. *Не было большевистского и сталинского террора, а кого расстреляли и посадили, так поделом!* – вопиет народ. *Не было Опричнины Ивана Грозного, это папские враки. Не было татаро-монгольского ига, насочинили поляки.*

Но жизнь в извращенной истории, с развращенною нравственностью, оправдывающей все и всякие деяния власти – сама эта жизнь растленна.

...Смотрел прекрасную оперетту по Пигмалиону Бернарда Шоу с прелестной Одри Хепберн в главной роли, нашей богини шестидесятых годов. Во-первых, увы, вновь и вновь очевидно, что сколько бы ни было несправедливо неравенство, но без него культура невозможна, утонченная часть культуры, то есть искусство: музыка балет, живопись, зодчество, философия, поэзия – это словно прекрасные цветы на границе льдов.

Сто лет прошло после великого противостояния в Европе (неизвестно почему, неизвестно зачем), русский *богоносный народ* в августе 1914 года встал на колени перед монархом, благословляя его на войну, а затем телами своими засыпал от Бреста до Нарвы. *Несть эллина и несть иудея* не состоялось, апостол Павел оказался неправ (как оказался неправ Иисус Христос, сказавший: «Я пришел спасти Свой народ».) Затем началась братоубийственная война, которая продолжается до сих пор, уже столетие.

Только поэт говорит правду, ни в какой *толще народа*, как надеялся Солженицын, правда не хранится:

Александр Вертинский, Памяти юнкеров. Москва, октябрь 1917.

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть недрожавшей рукой,
Только так беспощадно, так зло и ненужно
Опустили их в Вечный Покой!
Осторожные зрители молча кутались в шубы,
И какая-то женщина с искажённым лицом
Целовала покойника в посиневшие губы
И швырнула в священника обручальным кольцом.
Закидали их ёлками, замесили их грязью
И пошли по домам – под шумок толковать,
Что пора положить бы уж конец безобразью,
Что и так уже скоро, мол, мы начнём голодать.
И никто не додумался просто стать на колени
И сказать этим мальчикам, что в бездарной стране
Даже светлые подвиги – это только ступени
В бесконечные пропасти – к недоступной Весне!

Послушайте этот романс в Интернете в исполнении Вертинского, там показывают еще фотографии кадетов и офицеров времен мировой войны, почти все они погибли. Некоторые такие же остались живы и ушли в Белую армию, большинство в ней погибло. Некоторые были (в основном насильственно) мобилизованы Троцким в Красную армию, большинство в ней погибло. Но какое отношение имеет этот эпизод с романсом к моей Исповеди и к моей жизни? Очень важное. Среди городских обывателей 60-х годов я был из немногих, кто собирал граммофонные записи Русского романса, я слушал Козина, Кэто Джапаридзе, Изабеллу Юрьеву, Петра Лещенко. Надежду Плевицкую, Лидию Русланову (эту певицу слушал в записи даже Шаляпин и очень лестно о ней отозвался), конечно, и Александра Вертинского. У меня случайно собрались и сотни открыток предреволюционного времени, я видел эти лица, они были прекрасны. Многие из них ушли в Белое Движение и затем в эмиграцию. Почему? Потому что еще с марта 17-го года по приказу №1 Петроградского совета на улицах Петрограда офицеров и кадетов ловили и расстреливали. В январе 66 года я случайно остановился около старушки, стоявшей у раздачи в столовой, Варвары Георгиевны. В октябре 17-го ее младшего брата, 17-летнего кадета, арестовали и позже вместе с другими затопили на барже в Маркизовой луже у Петрограда, а она ходила просить за брата к всеильному Урицкому (любовнику Липковской, жившей с ней на одной площадке) – но тщетно. (Кстати, этого чекиста-большевика я упоминаю как собаку по кличке Урик в своем романе «Боль и любовь»).

Я внук крестьянина, воевавшего в Отечественной войне 14-17 годов (так она тогда называлась), мой дед сидел в австрийском плену, был знаком с Корниловым, трижды бежал, награжден Георгиевским крестом, воевал затем

за красных, был выслан в Сибирь, поработал даже председателем колхоза, посидел в Иркутской тюрьме, потом был на Маньчжурском фронте, затем пастухом... Вот за коровами мы с ним вместе и ходили. Но ведь его большая семья все же не голодала! Работал он днем и даже ночью. Бабушка у меня была умница, выдающегося ума была и моя мать, дедушка умом не блистал – вот он в большей степени представлял русский народ, и тот и этот.

Итак, в нашем доме не было фортепьяно, не было книг, радиоприемника, электричества (как и во всей деревне), не было даже лошади. Не было в младенчестве у меня не только гувернеров, но и путных учителей, позже, правда, я был ими избалован! Но все же «толща народа» меня окружала. Глупая была эта толща или умная? До теперешнего безумия одичавших интеллигентов, которые обсуждают уже тридцать лет бредни о том, что *этруски – это русские, Золотой орды не было и Батый – Батя-хан*, он же Александр Македонский, *не было и Куликовской битвы*, пирамиды в Египте построил Олег, история удлинена на тысячу лет, всю античную литературу сочинили монахи, и Радзивиловскую летопись я зря издавал, надо читать хроники бога Велеса – до теперешнего интеллигентского одичания мой крестьянский народ, конечно, никогда не доходил. И почему-то и я... вот говорят, что тогда-то или тогда-то **было время такое**, или что **мы не знали**, что было на самом деле. Нет, я говорю вам, что знает всё даже каждый голубь в скворечнике, как знает каждая кошка, чье сало она съела. Каждый знает всё, что происходит в стране, в которой он живет, поэтому то и оправдан Страшный суд. Невозможно судить незнающих детей, но *взрослые знают всё, никто не в неведении, что он делает или думает, что хорошо и что плохо*. Почему-то ведь **Я** знал же всю правду? И о Революции, и о Гражданской войне, и о коллективизации, и о нашем злосчастном и худшем времени?!

Во всяком случае я знаю достаточно, чтобы судить обо всём, что происходило со мной, с Россией, с моим народом. Не знающие **боятся знать**, так им легче нести свою пустую и бессмысленную жизнь.

Но как я оцениваю Русскую революцию? ...

В последние тридцать лет основное чувство, которое я испытываю по отношению к истории России и истории христианства – *разочарование*. Разочарование лишило меня надежд на здравомыслие народа, надежд на порывы юности. *Что делать?* – спрашиваю я себя.

Ибо уже нет во мне ни любви, ни жалости. *Кого любить? За что жалеть?* Пусть они пожнут плоды того, что посеяно их пращурами, пусть наступят разруха и нищета, и новые монголы повлекут их в цепях за лошадиными крупами, пусть будут голод и пытки и казни, и ханские вертепы, и солнце пусть встает по утрам перед ними в кровавом мареве!

И тогда они станут достойны того что настанет!

А Паша? Но Пашу я люблю и жалею, хотя уже мало надеюсь на то, что смогу ему быть полезным. *Старый больной никому не нужный писатель-философ...* Что я могу сделать? Книги мои никому не нужны, они их читать не будут. И Бог не слышит меня и мне подобных, последних русских в этой нерусской стране...

Дрожащей рукой я поднимаю перо – это все, что у меня осталось. И я говорю в бессильной ярости так: *Но если любовь бесплодна, надо писать ненавистью.* Если не растопить сердца, потому что вместо них камень, надо писать так, чтобы растопились камни. Если застывают чернила, надо писать кровью. Если нет слов, надо превратить в них отчаянье. И когда придет смерть, надо остаться жить вопреки смерти – пока мы не победим!

А если нет?

«Вы прорастете, – слышу я голос, – даже сквозь гранит и базальт. И Русский Бог, устыдившись, придет наконец к вам на помощь. И этот народ очнется от тысячелетнего сна и восстанет. Или пусть умрет Бог!»

Слово после расстрела.

После расстрела, правда, вряд ли я еще что-то скажу... Может быть, я имею в виду слова, которые я смогу сказать после приговора к расстрелу? Пока еще я живой стою на берегу Байкала? Во всяком случае надо снизить этот искусственный пафос, которым я думал закончить книгу, потому что вопреки исторической правде, я у читателя создаю иллюзию, что от писателя, поэта, философа что-то зависит... Нет, мы умираем, иногда просто безвестными, иногда на костре, иногда проклятыми и опозоренными, не в силах даже на йоту изменить чуждый нам мир. Так умер на кресте и Иисус из Назарета, – изменил ли он мир? Правда, он не забыт. А нам даже Последнее слово не дают сказать, чаще всего и могилу нашу не находят будущие читатели, если они вдруг оказываются, а если мы вдруг прорастаем, то это случайность. Народы и цивилизации иногда погибают почти без остатка, как Античная цивилизация, хотя и Евклид, и Цицерон, и Цезарь, Эсхил и Вергилий, Юстиниан и Юлиан эту цивилизацию утверждают. Но усилия гениев ничего не значат, когда цивилизация накренилась и собирается пасть. Вот так падает и падёт Россия, и уже скоро, хотя в Японии, как оказывается, популярны наши Толстой и Достоевский. Но варвары с Востока, чернь с римских окраин, и чернь, занимающая дворцы и виллы, объединяются в общей **Воле к смерти**. Сегодня мы еще слушаем в филармониях русскую и европейскую музыку, завтра ее будет некому слушать, послезавтра – некому исполнять. Слово умолкнет раньше.

Из безбрежного моря фактов (вам, читатели – если только меня еще кто-то читает – мои факты безразличны) я приведу только три. Богатства России, ее нефть и газ, цветные металлы и золото принадлежат иностранному капиталу, фирмам, зарегистрированным в оффшорах, на островах Тихого и Атлантического океанов. Ну, подъяремному населению России это неважно, мой читатель думает, что если дворцы и власть принадлежат не ему, то не все ли равно, одноязычному Пете или иноязычному Джону. В истории страны и в ее культуре он никогда не участвовал, только иногда бежал на пулеметы, закрывая их своим телом.

Но количество русских в этой стране стремительно уменьшается, так было и в Риме, к пятому веку из пятисот латинских патрицианских семей оставалось пять, на месте Рима возникло несколько новых государств. То же произойдет и с Россией. Возможно, из деревенского дома в новгородской

глуши меня не выгонят новые гунны, но окрест меня среди холмов и роц будут гунны. Вот афганцы меня понимают, они почему-то отчаянно сражаются за то, чтобы на нагорьях и в пустынях Афганистана жили именно афганцы, а не англичане или американские *туземцы*.

Итак, русские исчезают, русскую чернь это не колышет, но колышет меня, ибо я своеобразный расист, мне не все равно, с кем жить, я всю жизнь прожил среди духовной аристократии, среди людей бедных и не властвующих, но удивительно талантливых, умных, добрых, красивых и милосердных. Удивительно, но они знали всё. Среди них я хотел бы и умереть. Вот эта *духовная аристократия и является русским народом*.

И третий факт такой же удручающий. Читаю в газете «Аргументы недели» за 6 апреля 2017 года давно известное (что Русь умирает), но словно в градусах и миллиметрах ртутного столба. Количество деревень и деревенских жителей за пять лет сократилось в полтора раза. Иностранным компаниям принадлежит треть пахотной русской земли, еще треть принадлежит российским латифундиям (но не крестьянам) – и тем и другим передается ВСЯ государственная помощь, и только треть пашни во владении русских крестьян, причем и их количество и их доля неуклонно сокращаются.

Я сам из крестьянской семьи, мое детство прошло в деревне, и последние двадцать лет я полудеревенский житель – и вот что главное: *чернь* – это чисто городское явление, и при этом Россию и русскую деревню ненавидят преимущественно жители Москвы и Петербурга, они и высасывают из России последнюю кровь, они ее и переливают на Запад (куда, вероятно, надеются *свалить* и сами). И чернью является большинство столичных горожан, рабочие, чиновники, полицейские, богатеи и властители.

Дом мой опустел. Его еще у меня не отобрали, но словно гунны уже бродят по его половицам...

Кто же был Иисус из Назарета? Верующие уверены, что он был Богом, Сыном Божиим, вочеловечился (был рожден девой Марией от духа Святого), проповедовал праведную жизнь – и необходимость взять крест и пойти за Христом, был распят и умер для искупления первородного греха человека (Адама и Евы), воскрес (в частности, чтобы показать будущее воскресение человеков из мертвых), оставил завет создания церкви, обещал второе пришествие, конец света и страшный суд и воскресение горстки праведников – вот в этих немногих словах содержание Нового Завета.

Мы живем в эпоху между распятием Сына Божия (то есть *уже искуплены его смертью* – хотя как то сомнительно искуплены!) – и Вторым пришествием и *Воскресением мёртвых*. В чем будет состоять воскресение и каким будет мир после страшного суда, в учении не говорится почти ничего.

Существуют два типа людей, деятельный и бездеятельный. Пока мы живем земной жизнью, нас обязывают исполнять заповеди христовы, которые формируют образ человека, неприемлемый для человека деятельного, и – хорош или нет этот Бог палестинской пустыни, отвергнутый даже его народом, но он чужд нам, созидающим этот мир (и во многом его хорощем, и

во многом, увы, его плохом). Ничего с этим не поделатъ. Люди деятельные, даже причисляющие себя к христианам, НИЧЕГО не исполняют из его заветов и лгут. Они не уходят из мира, не отказываются от семьи, не отказываются от земной любви, живут **страстями, творчеством и трудом, а не молитвой** (к счастью!). Они создают цивилизацию и культуру, даже строят монастыри для людей молитвы (не монахи, увы, строят и монастыри).

Критика христианства сталкивается с агрессией христианской церкви – но и все народы, все порабощенное население Европы жило под властью церкви в условиях агрессии и порабощения. Читая историю, заливаешься слезами – не буду повторять уже написанное, и историю инквизиции, и историю русского раскола, и историю церкви. Если эта история соответствует воле Сына Божия, то он или стоит **над** Добром и Злом и не является учителем добра (это как раз и утверждает богословие), или – Бог не милосерден.

Неверующие уверены (и в этом уверены верующие в Яхве евреи), что Иисус был человеком, выдающим себя за Бога.

Воскрес ли Иисус после распятия?

Известно, что Мария Магдалина, пришедшая ранним утром в пещеру, где было положено тело распятого, увидела его сидящим на гробе, но *не узнала его*. (И ученики позже, видевшие его, не узнавали. Но не будем исследовать сие). Возможно, второпях, в вечер пятницы (а до шести часов вечера казнь должна была закончиться), Иисус был снят с креста еще живым, и поэтому очнулся не после смерти, а после беспамьятства, что иногда бывало. Иные историки считают, что римский легионер, пронзивший копьем грудь Иисуса, либо не попал ему в сердце, либо был подкуплен, либо получил приказание от Пилата, сочувствующего Христу.

Итак, был ли Богом Иисус, я на этот вопрос окончательного ответа не дам, как и на вопрос, был ли Богом Зевс, жестокий и властный, который мне не нравится. Не все Боги милосердны, как и правители. Даже мой собственный Бог – философ и ученых – оставил Россию без помощи, и я думаю, не предал ли он Россию? Что я могу сказать о чужих богах, которые волей случайностей (или закономерностей?) стали богами европейских народов?

Не решаю повторить кощунственные слова Розанова, что Иисус был Денницей – пусть христиане продолжают рассуждать сами, что здесь правда, а что ложь, относительно своих кумиров, я же уже заканчиваю, он не мой кумир. (Так же не буду больше рассуждать о Сталине, которого обожала русская чернь). (Кстати, несколько лет назад встречался с одной писательницей, дочерью ее и подругой, и после каких-то слов моих дочь воскликнула обо мне: *Отныне вы мой кумир!* Но я совершил героический поступок, за несколько минут разрушив свой героический образ, пожертвовал тем, к чему как правило стремятся мужчины, стараясь казаться *сияющим идолом на пьедестале*, и она воскликнула с тем же пылом: да, теперь вы не мой кумир!!! Ну, вы видите, что я человек хороший? И дамы радостно вздохнули, что я не про-должил охмурять их невинное дитя, и с благодарностью на меня посмотрели).

Итак, мне даже с моими русскими богами хватает страданий... Вчера на Секции критики рассуждали о Толстом и Достоевском, и я заявил, что как

философы и богословы и тот и другой абсолютно бездарны – и это правда, хотя мы жесточно заспорили... Но кажется, и об этом я уже говорил..

И, наконец, в конце своего исследования и анализа я увидел, что всё в христианстве не то чтобы мертворожденное, но не обладающее содержанием жизни. От жизни в учении нет ничего. Святость достижима только на пути отречения от мира (вот у Розанова о мелком земском враче, которого он противопоставляет христианам горних высот... прочитайте – статья о Бранде).

Христианство – пусто. Как и марксизм. Но вот позавчера я был на музыкальном концерте в Концертном зале, играла прелестная Полина, звучала музыка Баха, Бетховена, Брамса. Человек, не слушающий симфоний, скажет: а какое отношение имеют они к жизни, ибо для жизни и они – **пусты!**

И действительно, и в Храме и в Концертном зале человек отделен и отделен от жизни – от той ее целостности, в которую входит и притяжение полов, и семья, и образование, и карьера, и хлеб насущный, и положение в обществе – по отношению к этой целостности как будто и Концертный зал так же необязателен, что и храм, и одни люди обходятся без музыки (и литературы), другие могут обходиться без храма... но что же содержится в **вере** в христианского бога – несмотря на всю ту правду, которую я вам представил?

Вам чужды любовь к Родине, чужды не только физика любви к женщине, Наташа Ростова, дети и детские болезни, пеленки, детский смех и умиление, но чужда и *метафизика любви*, чужды *«шопот, робкое дыхание, трели соловья»* ... но ведь чужда и *трансцендентность любви и культуры*, чужда и Полина, которая играет музыку Бетховена, которая является одновременно и великой пианисткой, и привлекательной и обаятельной женщиной, и чьей-то женой (и я не посягаю ни на что чужое в своем восхищении ею), и она даже является *читательницей философских книг* – о, эта удивительная женщина! – хуже ли этот мой кумир вашего?

А у меня еще есть теорема Евклида о бесконечности ряда простых чисел, рассуждения Канта, апории Зенона, глупости Толстого и его великие романы, Достоевский и Гоголь, Пушкин и Лермонтов... А что есть у вас? Монах? Конст. Леонтьев, ставший монахом из страха Божия? Монашенки? Ни прелестей природного царства, ни страстной любви, ни продолжения рода человеческого и материнства, ни жертвы собою ради ребенка, ни жертвенности Сонечки Мармеладовой, ни... ни... ни... Ни одного да-да-да, но только одни сплошные нет-нет-нет!

Религия мертвого царства и мертвого Бога (по словам В. В. Розанова).

Нет, не из-за меня невозможен диалог. Никто из «истинных христиан» к нему не способен, а люди *этого мира* – такие же не христиане как я.

«Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит, все позволено!» – говорит Достоевский в «Братьях Карамазовых» – вот эта позволенность при отсутствии Бога восхищает – это что же, Бог сам ограничивает человека? А разве до проповеди Иисуса и евреи и римляне, верующие в «неправильных богов», всё себе позволяли? Или Вольтер? Или русское общество 60х - 80х годов, которое я хорошо знал и которым восхищался, при том что оно было

преимущественно атеистическим, было хуже сегодняшнего русского православного мира, церковного и нецерковного? Нет, сегодня общество неизмеримо хуже, а в нем хуже всего его православная часть, они уже теперь агрессивно нетерпимы, и я вижу, что *когда есть Бог, тогда человек ответственность за свои поступки переносит на Бога и себе позволяет всё* – но еще важнее – у *современного православного человека (ответственного перед Богом) нет чувства ответственности перед Россией!* И на этом пора мне закончить Исповедь и продолжить Жизнь. *Вдруг что-то еще будет...*

11 февраля 18, 10-45. В четверг встречался с философами и критиками из Секции Критиков, вчера – из Кружка Любомудров, и страдаю из-за своих нападок на общественную мысль. Человек не только не совпадает со своей народно-национальной принадлежностью, например, принадлежит к племени Тевтонских завоевателей или Викингов-разбойников, а по характеру и мировоззрению – святой доктор, противостоящий пастору Бранду, о чем пишет Розанов; или он праправнук Гобсека, а создал антиатомную бомбу и всю свою коллекцию бомб завещал человечеству; или вдруг девочка из рода японских самураев, но чудная скрипачка, играющая Паганини *лучше всех!* – человек не совпадает ни с мифом, ни с теорией, ни с партией, ни с сектой! Мы жили среди советско-коммунистического мифа, сталкивались с учеными, студентами, надзирателями и генералами, имеющими и партийные книжки и комсомольские удостоверения, но ни марксизм ни сталинизм часто не задевал их чистые небесные души. А кто из тех, кого я любил и кто вдохнул и в меня свои чистые порывы, был из православных, католиков, староверов, буддистов и мусульман – я чаще всего даже никогда не знал. Каждый человек – это бесконечный мир, но мировоззрение, религиозная, партийная, национальная принадлежность – не более чем минутные сны в нашем трансцендентном сознании. Разве я не сидел в Тюрьме и Сумасшедшем доме, куда меня затащил советский социализм, НИ ЗА ЧТО, потому что даже мое сочинение **«Русь и духовное освобождение»** было только в рукописи, ни с заграницей я не общался, ни студентам не говорил крамолы – но разве не следователи, не психиатры, не надзиратели меня спасали, вопреки своей якобы принадлежности к коммунистической тоталитарной империи?! Они и слов таких не знали, они были людьми в высшем смысле этого слова!!! И христиане, с которыми меня сталкивала жизнь, чаще всего были людьми превосходными, не лучше и не хуже коммунистов, не вникали они в схоластику всемирных соборов, не читали постановлений папской Конгрегации (инквизиции), не таскали вязанки хвороста на сожжение Гуса (подобно мифической свято-простейшей старушки) – человек неизмеримо лучше кардинала, серого короля, основателя *учения об узком и широком пути*, человек чист и наивен – за что я его проклинаю?! И мне больно и стыдно... Но что я могу поделать? На мне истлели все эти ветхие одежды, от Моисея до Кальвина, от Павла до Маркса, я не могу их больше носить, простите меня, что предстал перед вами нагим... Но помните, впрочем, что у вас есть дети и внуки, а ведь цари, которых вы поддерживаете в их походах против народа, против *ваших детей и внуков*, начальники стражи, кнутобойцы, прокуроры синедриона и конклава – мучители ваших

детей. И на вас ответственность за миллион тамбовских крестьян, которых травил советская власть в 21-м году, за три миллиона солдат и офицеров Русской армии, которых перебила рабоче-крестьянская армия в Гражданской войне, за голод в Поволжье, разорение храмов, за Гумилева, Есенина, Ольгу Берггольц, блокаду Ленинграда, за Сервета, Жанну Д*Арк, сожжение библиотеки в Александрии, замученную Гипатию... вы подносите чашу с елеем и миром священнику, который ими обожествляет ВЛАСТЬ – не забудьте, что сидеть на Страшном суде вы будете на той же скамье, что они.

Товарищ мой негодует: А кто ты такой, чтобы нас судить?

И я отвечаю: *Поэты часто видят вещи сны, и все они уже сбывлись, сбудутся и те сны, которые вижу я.*

Единственное, что я вам обещаю – что хотя сейчас я вас обличаю, чтобы вы опомнились, но тогда буду просить о помиловании, мне вас бесконечно жаль, я не знаю и не понимаю, почему вы идете то за Гитлером, то за Чингизом, за Тамерланом, за Троцким, за Лениным, Сталиным ... за всеми большими и мелкими бесами, которые строят дворцы из ваших костей...

Мне стыдно, что я так назойливо не даю вам спать...Что я разрушаю иллюзии, что делаю вас несчастливymi, отнимаю дорогие сердцу портреты, реликвии, ладанки... Но я успокаиваю себя тем, что вы так и не прочтаете моих книг, и не узнаете, как сурово я вас обличал. А прочитают меня такие же *отморозки* как я (правда, если меня не расстреляют, а всего лишь посадят в тюрьму, то вы будете приносить мне передачи, подписывать письма о снисхождении, ждать на морозе, когда меня выпустят за ворота тюрьмы – как ждали и раньше. Даже по тюремному двору будете провожать меня к выходу, радуясь моему освобождению. Странно, конечно, что вы любите меня, хотя одновременно любите извергов человечества, разных там Кектцкеатлей... Но, возможно, если бы я разгадал все наши загадки, история бы и закончилась).

... Исповедь пора закончить тоже. Вчера мы читали и слушали стихи Пушкина, рассуждали о том, был ли Пушкин верующим в том же духе, что Игнатий Брянчанинов и митрополит Московский – НЕТ. А был вольтерьянцем и якобинцем как князь Вяземский? Отчасти да. Монархистом или декабристом? И тем и другим. Искренно писал о Попе и работнике его Балде или «Отцы пустынники и жены непорочны»? Я утверждал, что Пушкин был *деистом*, возможно, не отпадал от «веры отцов», как я, но и с хоругвями вместе со всеми никуда не ходил ... а, возможно, настолько же был далек от христианства, как и я. Он ведь и сегодня нам современен, когда мы в церковь уже не ходим, и вчера, когда мы ходили. Пушкин – мой национальный поэт, а я – русский народ (тот, который состоит из одного человека).

Но в то же время Пушкин – дворянин, а я – крепостной. И об этом я тоже не забываю, помнит и он. И не заклеил Пугачева, а Швабрина заклеил. И великосветскую чернь. Верил ли Пушкин, что общественное устройство, при котором горстка дворян во главе с царем пользуется всеми благами жизни, а большинство живет в рабстве – справедливо? Но без христианства оправдывать рабство было невозможно, и потому не в том проблема, что *«если нет Бога, то все позволено»* (как полагал Достоевский), но что **если нет Бога, то нечем оправдать рабство.**

...За завтраком жена моя защищала народ. Он перенес, говорила она, столько стрессов, что держится за свое беспамятство, чтоб уцелеть.

Я вдруг вспомнил – так, мелкий эпизод моей жизни, а она в том числе состояла и из гораздо худшего! – эта моя удивительная и прекрасная жизнь, прекрасная потому, что обо мне много заботились, хотя и я ведь заботился о встречаемых-поперечных тоже, и мы любили друг друга!

Итак, мне 12 лет, в нашем поселке заболел дифтеритом мальчик моложе меня, и умер (и я помню до сих пор, какое нежное и красивое лицо у него было). Потом заболел я. Помню, что к нашему дому подъехала машина, надо было залезть наверх, в кузов, а у меня не было сил даже застегнуть штаны, кое-как меня туда затащили, и поехали (и потом только я устыдился, что с расстегнутыми штанами стоял у колеса, и рядом стояли девчонки).

В Решетах в больнице мне сделали укол и отправили восвояси. Дело в том, что поселок наш находился в Иркутской области, а больница была в Краслаге (Управлении красноярских лагерей), и укол-то мне сделали из милости. И потом я шел два километра до тетки, шел два часа, обтирая снегом пылающее лицо. Но не умер, дошел, выпил киселю, лежал на диване, читал «Овода» и плакал – с этими слезами из меня и вышли оставшиеся микробы. И я пошел на трассу, сначала шел пешком, затем меня подобрал лесовоз, и еще пятнадцать километров провез меня до поселка.

Но хватит уже мучить читателя! И хватит народу мучить меня. Я ему говорю, что власть надо заменить, а он мне отвечает: **если не они, то кто?** (Лучших, мол, нет, а критики негодяи как я). Ничем я его переубедить не смог.

Я знаю, что **скоро мы полетим с обрыва**. Пока будем лететь, кое-кто успеет опомниться, и эти мгновения будут самыми важными, именно в них что-то в мироздании может сдвинуться, и надо заранее найти НЕЧТО, что позволит нам не разбиться. Правительство разобьется, как и при пролете в Екатеринбургскую шахту, но будет мгновение, когда разумные силы (а они и среди нашего народа есть тоже) могли бы сформировать Правительство национального спасения... или что-то в том роде... Иначе разобьется Россия – а с чем тогда останется маленький Паша, который и в первородном грехе не виновен, ведь он родился не по своей воле, как и каждый из нас? Жаль, что народу на своих детей наплевать (а я разговаривал с ними в бане, они мне все о себе рассказали), и что они поддерживают и большевиков, которые Россию сломали, и православие, ставят свечки за Николая Второго, но и Сталин у них святой, хотя они и Гумилева читают, и Есенина любят, и следователей ЧК...

Я с такой яростью обливаю народ вот почему: нас, русских, все меньше, вот-вот в России мы станем меньшинством, и будущее страны нам будет совсем не подвластно, – но *без русских России не станет!* А эти, якобы русские, атеисты и православные, сталинисты и монархисты – не жаждут ли они в глубине души унижения русского народа, его гибели? Вот почему я даже в еврейях ищу надежды на спасение России, они иногда более русские – *ибо не кровь делает человека частью России, а судьба и воля...*

Поэтом буду жить, издавать «Журнал с топором» и даже напишу роман. Может быть, докажу теорему... Вдруг будут и чудеса, кто скажет, что их больше не будет? Тогда мы и продолжим наш спор, а пока его хватит...

Миф о Поэте. После расстрела.

Как ныне мы собираем даже клочки бумаг, оставшихся после нашего поэта В. И., то я с радостью вял его, может быть, почти последним (из известных) строкам, найденным на берегу Байкала после расстрела (кстати, тело его так и не нашли, так что еще неизвестно, умер ли он). Но вот что он писал в добавлении к своей Исповеди, которая вышла в свет раньше.

Я, разумеется, отрицаю существенное значение за теми особенностями психо-физиологического развития человека в детстве, о которых пишет Фрейд. Никаких травм, кроме смерти отца, не было в основании моего про-израстания, почва, на которой я рос, была плодотворной, и отцом я гордился (как и все окружающие, не только родные, но и повсеместно, даже и в 17 лет, приехав в его родное село, я был остановлен прохожим, который вдруг со слезами воскликнул: *да ты не Ивана ли Ивановича сынок?!*)

И все же детство многое во мне сформировало. Мужчин было мало, всех поубивали, воспитывали меня мама, бабушка, тетки, чужие девушки и женщины, учительницы. Все они мяли и тискали меня, как тесто, немного портили, воспитывая чувствительность, но все же их влияние было благо-творно. Даже когда портили, я не в обиде. Вот, например, мне 14 лет, подруга самой младшей моей тетки, лет двадцати, вздумала меня учить целоваться. Может быть, и научила, но все лицо мне обслюнявила, еле отмылся.

И в лото учили играть, в соседнем поселке, где я учился в школе, бессовестно обыгрывая, и я потом три дня не мог хлеба купить (проигрался, как Достоевский), питался одной картошкой (да, "учительница французского" что-то заподозрила и накормила – я уже писал о сходстве некоторых моих житейских впечатлений с Распутинскими).

Маме было некогда мной заниматься, у нее родились и другие детки, так что маменькиным сыночком я не стал, но зато стал "сыночком *девушкиным*".

Везде в отрочестве я оказывался в компании старше себя (второгодники они все были, что-ли), поэтому все были взрослее меня и крепче, и мне защищаться от их агрессии было трудно, но однажды девчонки главному моему обидчику устроили темную и отколошматили изрядно, да еще пообещали вымазать дегтем и вывалить в перьях.

Что я пишу, воспоминания или исповедь? Или веду допрос, в котором отчитывается передо мною мир? Или зачитываю Приговор миру, вдохновляясь обличениями Ветхозаветных пророков? Или создаю новый Миф? Да, преимущественно мои Записки – это миф обо мне, но что в нем не так, я уже не пойму. Сказал я о том, что воспитан женщинами, но и девочки в моем классе меня воспитывали тоже, по детски, то есть нежно; *я был их подругой*. И хотя я, конечно, не женствен, но и мужское довольно грубое отношение к миру мне чуждо, например, я ничего не любил ломать (как ломают игрушки современные детки), был послушным, не капризным, плакал только тайно, ничего не выпрашивал (мне, впрочем, и так охотно давали что-нибудь в подарок, конфетку или какой-нибудь красивый камешек или кусочек хлеба или огурчик). Меня любили. Возможно, это было эстетическое чувство, я

был привлекателен в детстве (как и мой сын в таком же возрасте, и внучка, и вот теперь Паша, которому на днях исполняется 4 года.)

Итак, я не был изнежен. Многие мальчишки чувствовали, что я им чужой, и постоянно меня задевали, тем более, что были старше меня на год или на два, и это давало им значительное преимущество. Но я воспитывался на рыцарских романах и вызывал их на дуэль. Вот, например, мне 11 с половиной лет, я в Сибирской Швейцарии недалеко от Байкала (где я провел 8 месяцев – в раю! – съездить бы туда перед смертью?) – и там в долине ручья с моим обидчиком происходит дуэль. Так как я не мог ничего ломать, то я и обижать никого не мог, и ударить другого человека я тоже не мог. Поэтому нападал мой обидчик, а я защищался. Но случайно он наткнулся на мой кулак, из носа его полилась кровь, я предложил ему благородно ничью, и больше ко мне никто не приставал. В школе я ходил в секцию бокса, уже в зрелые годы занимался в секции карате, благодаря чему однажды вполне успешно сопротивлялся разбойникам. Но я был, конечно, человеком мирным, таким и остался. Впрочем, уже лет с пятнадцати и мальчишки полюбили со мною дружить, и потом во всю мою жизнь недостатка в друзьях у меня не было.

Но *девушки* были главной привязанностью моей жизни. И, разумеется, *книги* (их собирание, потом издание и сочинение). Однажды на первое место в быстротекущих днях вышли *карты* (но и тут девушка сидела рядом, бегала искать для меня денег, когда я проигрывался, подкармливала и утешала.)

Несчастливая любовь занимала большое место в моей жизни, большее, чем счастливая – при этом мне удавалось привлечь симпатии абсолютно любой, которая привлекала мое внимание. И самые красивые девушки привлекались ко мне сильнее всего. (Однако, мы потом оба становились несчастными). Ну, например, одна пролетала мимо меня вниз по лестнице, и чем-то меня поразила, я ей закричал: *Стой!* Она остановилась, мы стали смотреть друг на друга и я сказал ей: Представьте себе, я ни разу в жизни не распивал шампанское с девушкой в подворотне, тем более прямо из бутылки.

И мы пошли в подворотню с шампанским, и начали его по очереди пить, а затем я сказал ей: нам надо непременно поцеловаться. Потом, когда-нибудь, когда мы будем писать воспоминания, мы пожалеем о том, что не поцеловались. К тому же, я не буду настаивать на продолжении знакомства и на новых встречах, захотите еще раз меня увидеть, позвоните (я дал ей номер), у вас я номер не прошу, чтобы не ограничивать вашу свободу.

(Увы, Анна, с которой шампанское мы не пили, мне не звонит).

Читатель хочет меня еще о чем-то спросить?..

Я человек "развязный", заговариваю легко с самыми разнообразными людьми, могу поговорить даже с собакой. Но девушек я боюсь и стесняюсь. Однажды я встречался (время от времени) с одною красоткой, лет через пять она меня как-то спросила: "А вам никогда не хотелось меня поцеловать?" Конечно, хотелось! И вот даже теперь хочется. "Так в чем же дело?"

Мне стыдно, и я боюсь. Если только с закрытыми глазами и мы будем постепенно придвигаться друг к другу...

Так мы и поцеловались.

Но бывал ли я героем «романов», о которых обычно не говорят?

Что я влюблялся, даже страстно, несомненно. В последний раз я был влюблен в свою ученицу, мы встречались, однажды даже пили вино, и мне хотелось ее носить на руках. Но она сказала, что объятия и поцелуи – это грех, и я дал ей обещание, что не буду ее искушать. Однажды мы словно бы обнимались... но не целовались мы ни разу. Хотя она плакала и говорила, что не может без меня жить. Я ее еще помню, и мне тоже хочется плакать. Я ведь и не утверждаю, что жизнь безмятежна, безоблачна... В ней было много боли, слабостей, слез, моих и чужих, ошибок, кто-то страдал и из-за меня, о чем я жалею (мы были жертвами злой государственной воли) – но я не стремился никого обидеть и кому-либо сделать больно. Я не хочу сказать, что я *лучше всех* – как говорят о детях в телевизионном представлении, но я не такой плохой, чтобы *надрывно себя улучшить*. Стараюсь делать близким что-то хорошее и не делать плохого – *так и буду жить дальше, стараюсь быть и лучше, и мягче*. Кстати, мне иногда приходило в голову, что Блаженный Августин был человеком *развратным*, из-за этого и писал наставления о благопристойном поведении в постели... (Но не хватит ли писать об этой паранойе, которую апостол Павел положил в основание религиозной жизни?)

Я радуюсь и восторгаюсь идеальной любовью. Так я любил своих родителей, бабушку, внучку (пока она была маленькой, потом мы иногда сердились друг на друга, потом мы помирились окончательно), идеальная любовь притягивает меня и мою жену к маленькому Паше.

Ну а когда Анна Каренина влюбилась в Вронского, какая это любовь? – спрашивают меня. Разумеется, *идеальная!!!* И вдруг я думаю: *А разве возможна любовь не идеальная?*

Но все же я человек не совсем идеальный. Однако я не буду писать о себе плохого, потому что хорошего в моей жизни было гораздо больше. И вообще моя жизнь меня восхищает – можно ли было бы жить лучше?

Это, конечно, не Исповедь, а *Миф обо мне* – но он правдив. А исповедь, если бы я стремился говорить *правду, только правду, и ничего кроме правды*, оказалась бы лживой. Так девушка, *принарядившись* в театр, приносит в него правду о себе, а усталая и мокрая после стирки пеленок или тяжелой работы, она правдива не до конца.

Но *хватит петь* (как велел Паша) – о моих влюбленностях в девушек. И поэтому буду серьезнее. Есть ведь и еще избитые темы, не только любовь...

Пол и характер. Дух и плоть.

На человека надето многое, например, надета та или иная одежда, скажем, праздничная, когда он идет в гости, и всякая рвань, когда он таскает в огороде землю. Одежда – это не совсем человек, и все же отчасти она его продолжает.

На человека надета кожа, она словно мешковина, из которой мы сшиваем мешок, в который укладываем все то, что нам нужно в походе жизни.

«Пол и характер», о которых пишет Вейнингер, не сама сущность человека, но характер зависит от пола, и у женщины есть отличия от мужчины, определяемые **полом**, только полом; но то, что является ее *личным* достоянием, не связано только с полом, но зависит от происхождения, воспитания и положения в обществе. Вспомним Владимира Соловьева и его идеи о со-

единении в будущем в новом человеке и мужского и женского. Следовательно, в норме женщина не является женщиной до конца, что-то в ней есть и мужское, что-то общечеловеческое. Когда у женщины ее женские особенности в гармонии, мы ее называем **женственной**; когда в ней нет *ничего кроме женского*, называем **самкой**. Подобно этому мужчина бывает *мужественным* или *самцом*. Некоторые публичные фигуры производят сильное впечатление на наивных дев, и те принимают их за мужчин, в то время как они лишь *демонстрационные самцы*. К таким, мне кажется, принадлежал Муссолини.

Россия женственна в наибольшей степени, чувственные впечатления играют роль в ее жизни неизмеримо большую, чем логика, настолько, что часто она бывает *распутной* и не только забывает своих детей, как деревенская Лиля, но их бросает в пропасть зла, жестокости, жадности, глупости, похоти, трусости и всех других низменных качеств. И часто я даже мечтаю, чтобы в политической жизни России появился новый тиран, подобный Петру Великому, который эту Россию протащил бы мордой по грязи, как она тащит по грязи своих лучших детей. "*О, Иерусалим, избивающий пророков. И я не раз собирал детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья!*" – восклицал Христос – и его Иерусалим избил тоже. "*О, Россия, избивающая своих детей!*" – восклицаю и я. Но я не хочу, чтобы "*оставился дом твой пуст*" – ибо с чем же тогда останутся мои дети?

Люблю ли я Россию, столько уже ее проклинаяший? Несомненно, что так, как я, и умирают за нее, а не те, кто клянется ей в любви. Но не следует отождествлять с Россией тех или других, ее царей, ее генералов, чиновников, жандармов – есть и среди них достойные люди, но все же Россия – это не собрание и тех и других, это в известном смысле Категория бытия, а люди – элементы ее населения, и к ним мы относимся и должны относиться только сообразно их личным свойствам, но не в силу их принадлежности. То же и относительно евреев. Можно сказать и так, что я НИКАК не отношусь к немецкому народу в государственном смысле этого слова, к французскому, русскому, еврейскому, но иные мне симпатичны, а другие нет.

Что же касается *русских* немцев, то есть живущих в России, *русских* евреев, *русских* русских, я хочу их всех соединить воедино в титанических усилиях по возрождению нашей общей Родины: русских, евреев, немцев, татар и всех других жителей России – как *общерусский* народ. У себя в Сибири я сибиряк, в Питере петроградец, так и еврей хотя остается евреем в семье, но рядом со мною (как я не раз убеждался), он даже больше русский, чем многие русские.

Другое дело, что в этой книге я спорю с Марксом, с апостолами, с Христом, – следует ли мой спор воспринимать как выпады против *еврейских* авторов? Нет. Есть ведь и другие, есть и Ходасевич, и Мандельштам, и Шестов, и Антокольский – с ними я не спорю, следовательно, почти во всем согласен. Так что примите меня, друзья мои "*русские евреи*", такого как есть, то есть не сюсюкающего, не распинающегося в любви ни к неграм ни к детям Авраама – вы для меня – дети России, и не кровь кладете в основание народа, но дух, который у нас у всех один: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, Гоголь, Тургенев, Левитан и Пастернак, народные сказки, сказания, мифы... И многое еще входит в наш дух и из того, что я не назвал ...

Программа Спасения

Только начнешь говорить о спасении России, о выздоровлении ее и возрождении, как раздаются голоса интеллигентов, воистину подлинных книжников и фарисеев: *А какая у тебя Программа?*

А что, вам было мало? Вон сколько у вас уже было программ, каждые то четыре года, то пять лет принималась новая, а в начале девяностых так завалили вы нас программами – или вы делаете умный вид, что вы будто что-то понимаете в них? Я уже давно заметил, что чем больший жулик и прохиндей, вор и тать приходит к нам, тем больше вы к нему прижимаетесь. У народов есть ДУХ, он выражен в литературе, философии, искусстве, мифах, в великих личностях народа (скажем, в Минине и Пожарском и Сергии Радонежском), но математическое определение народного духа я не собираюсь давать, это будет профанация. Народ обладает **характером**, правда, характер этот довольно расплывчат, и ни Толстого ни Достоевского я приводить в пример тоже не буду, ни их Платон Каратаев, ни Рогожин, ни князь Мышкин символами национального русского характера не являются. Вадим Салов, мой университетский товарищ, самобытный «народный философ», говорил, что существует *народная психология* (возможно, он и понимал под нею *характер*) и *дух* – и это чуть ли не противоположные вещи. Психологический тип русского человека и его духовная сущность проявляются в истории и культуре, они и в поэзии, и в песнях, и в романсах, и в каждом значительном человеке... а иногда и в самом обыденном. Если мне удастся написать Роман, возможно в нем мы найдем ответы на те вопросы, которые мучают нас всех, в том числе *"Что делать?"* и *"Кто виноват?"*

Спасает народ (как и человека) **не программа**, а человек, **личность**, иногда врач, знахарь, маг, пророк... Иногда друг, родные, дети... Иногда вдруг тот, кто пролежал на печи тридцать три года, становится народным героем и спасает народ. Погубители же чаще приходят с программами, учениями, дружинами, армиями, партиями и союзами. Это не значит, что надо слушать только одиноких прохожих как я – нет, никакие правила не определяют многообразие жизни, ни Ветхий Завет с его Заповедями, ни Новый Завет с его повелением любить Бога, только Бога и никого кроме Бога, оставить и жену и друзей, и мать и дитя, и братьев и сестер, и даже не оглянуться на тех, кто умер или умирает, дескать пусть их хоронят мертвые...

Но хватит. Я не политик, не пророк, не спаситель. Наивная цыганская девчонка однажды подумала, что я Бог, она его увидела во сне, и он был на меня похож – но так как за пятьдесят лет моих разговоров никто меня всерьез не стал слушать, кроме девчонок, то я сомневаюсь, чтобы я был в чем-то божествен. Скорее всего, я слишком воплотился в человека, и моя божественная сущность, если она и была, чрезмерно в человеческом растворилась.

Итак, программы у меня нет. Но все же я *Писатель* (или *Редактор*, пишущий "Записки редактора" и "Исповедь редактора"), выросший на благодатной сибирской почве, я вдохновлен воздухом свободы, вдохновлен идеей тождества Личности целому миру, идеей, что *мир, пол, характер, народность, культура, истина, даже Бог – всё "внутри нас есть", даже*

царствие божие! – поэтому я надеюсь, что мы живем в преддверии Вождя и Пророка (он, возможно, будет вполне обыденным человеком, как и я, но более решительным, более сильным, более сведущим) – ему я помогу *завязать шнурки на обуви его* (этого я уже достоин!) и вместе с вами, теми, кто еще помнит, что он русский, мы вернем нам Россию. Недра будут принадлежать народу, политическая власть тоже, единоличная псевдомонаршая власть будет уничтожена. Народ получит экономические свободы – но еще более важное: он приобретет прежде *духовную свободу*, и также, что не менее важно, в России будут возрождены ШКОЛА и Медицина.

Я уверен, что в предыдущем абзаце содержится ВСЁ, что необходимо для того, чтобы соединиться в движении за возрождение России. Как говорят математики, это *необходимые и достаточные условия нашей общности*, при этом мы можем быть во многом различными, принадлежать к разным конфессиям или верить в мир или собственного Бога самостоятельно.

Мы – дети России. Но мы не заискиваем ни перед Россией, ни перед народом. Я уже говорил, что я сам представляю собою русский народ – это, конечно, преувеличение, но ниже я разъясню некоторые понятия, в которых запутан наш нравственный и духовный миры как муху запутывает в паутине паук.

Россия. Народ. Родина-мать. Государство.

Русские – своеобразны, особенно в сравнении с американцами. Ругаются те ну совсем не по-русски, посылают своих врагов черт его знает куда, даже противно намекать. То ли дело русские! Откуда появились, туда и стремимся мы отослать тех, кто нам досаждают.

Я, кстати сказать, никогда не ругаюсь, и даже когда по ходу речи необходимо сослаться на чужие слова, содержащие *янские* или *русские* метонимии, ссылаюсь на них обиняками.

Я, кстати сказать, живу довольно давно, и меня ни разу не били. Это разве ли не удивительно? Не то чтобы мне не попадало ни разу, еще как, но это всегда происходило в драке! И однажды на меня напали трое разбойников, и мы дрались, а потом они воззвали, мол, что ты, мужик, ну уж ограбить тебя нельзя, что ли, мы ведь не убивать тебя собирались! И я им все мирно отдал, 37 рублей денег и кусок заплесневелого сыра. Иное они мне даже вернули, как не представляющее коммерческой ценности. Иное я им не отдал (не отдал нательный крестик, махонький, серебряный, на веревочке, стоил он возможно копейки, я им так и сказал, но отдавать его было оскорбительно для моей **чести** – для моей собственной). Я, конечно, хвастун. Но жизнь меня унижала немало, и приставы приходили описывать имущество, и книги, которые я собирал сорок лет, сам отвёз в Москву арабскому шейху за те же почти копейки, которые бы стоил и крестик, поэтому хвастаюсь я, чтобы выжить, как мой Паша, маленький ангел, бормотал в полузабытьи: *Паша хороший! Паша хороший мальчик!* И вот и ваш Василий, для кого-то дедушка-Вася, а для кого-то свой брат-собутыльник *Васёк* (хотел написать «Васька», но так меня никто не называл, да я уже и пить бросил) любит иногда прихвастнуть, чтобы себя поддержать на протекающем и почти тонушем кораблике своей жизни...

Итак, я разбойникам пояснил, что придется нам продолжить битву – во-первых, победят ли они, неизвестно, сказал я им, во-вторых, добавил, иногда мне помогает Кто-то, кого я не вижу, вдруг и в этот раз он поможет мне тоже? Зачем же вам нарываться за-зря? Разбойники оказались умными...

Итак, крестик остался на шее, заплесневелый сыр они съели, но самое поразительное состояло в том, что их предводитель передо мною даже пытался оправдать их разбой.

Но попадало мне, конечно, тоже, так, вскользь, – но так как вскользь, то и значит, что ни разу не били. Ох, боюсь, накликаю я беду своим хвастовством, еще и побьют, а то и расстреляют... Но – если даже *судьба Онегина хранила*, то буду я верить и своим хранителям, кажется, они у меня есть.

Мне говорят, что я чрезмерно ругаю русский народ и Россию (а хвастаюсь, что не ругаюсь). Есть священный символ *Родина-мать*, даже воры в тюрьме выказывают словно бы уважение к матери (и Есенина демонстративно уважают за его «Письмо матери», достойного, как я думаю, немалых упреков...)

Россия – многообразное понятие, в ней соединены несколько понятий, и Пушкин, и Лермонтов, и Блок, и Есенин не только клялись ей в любви, но и обзывали, а Блок даже уточнил, что Россия ему (а, значит, и нам – вовсе не мать, а – жена. «*О, Русь моя, жена моя!*») – взывал он к ней – и тогда понятно негодование по отношению к России иных русских поэтов: с женами мы не только ругаемся, но даже деремся, Катю Г---он муж даже избил, и теперь всячески ее обличает по громкой связи. Уж до чего моя жена святая, и я почти святой в семейной жизни, но и то облачка между нами иногда проплывают (а ведь и вправду, сколь мы прилеплены друг к другу, как переживаем за всяческие неустройства, и сколько в нас благодарности друг к другу – а все таки даже и мы очень разные и непокорные).

Но одно несомненно: Россия – женщина, и ведет себя она не всегда наилучшим образом. Вот клеветы нашего недавнего диктатора (ЕБН) всё похвалялись, как он Россию поставил на колени, *завалил* (это я сам лично у прихвостней царя Бориса читал) в Беловежской пуще, по-мужски... тьфу! Но если я и Лильку жалею, то ... да, жалею я и беспутную Русь, несмотря на....

Но главное даже не в том, всегда ли Россия, уподобившись женщине, ведет себя достойно – главное в том, что мы Россию отождествляем с ее правителями, многие из которых недостойны. И народу расейскому внушили, что обличение власти – то же, что обличенье России, что Высшая власть *сакральна* и тождественна России. *Россия – это Родина-мать*, а правитель – *царь-батюшка*. И как недавно было «народ и партия едины», так теперь народ и государь, народ и истина, народ и Нет, правду надо искать у поэтов, и прежде всего у Пушкина, и он сказал почти всё почти обо всем, не заискивающий ни перед кем, ни перед царем, ни перед народом, ни перед Богом.

Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной

Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Усовершенствуя плоды любимых дум,
 Не требуя наград за подвиг благородный.
 Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
 Ты им доволен ли, взыскательный художник?
 Доволен? Так пускай толпа его бранит
 И *плюет* на алтарь, где твой огонь горит,
 И в детской резвости колеблет твой треножник.

Несомненно, что и Блок и Пушкин гениальны, несомненно, что их истина и истина народа не совпадают, ибо поэт живет на небе, а народ живет на земле. По крайней мере, когда поэт разговаривает с музами или с волхвами, или с *серафимами*, он слышит голоса, перебивающие голоса земли. Возможно, я чрезмерно вочеловечился, поэтому все человеческое мне *не до конца чуждо*, хотя и я поэт тоже, и временами слышу небесные голоса. То, что Поэт не выражает, не отображает и не изображает обыденную жизнь (которую даже и литература не изображает) – несомненно, и это не литературоведческая проблема, это так же несомненно, как и то, что математическая теорема устанавливает *отношения идеальных образов*, а не рисунков на песке или доске, и в физике притяжение пропорционально **квадрату расстояния** – абсолютному квадрату, а не отличается от него хотя бы на одну биллионную – но что делать мне, человеку, *бывшему духу*, который исходит из идеального мира, но пытается жить в мире реальном? Когда-то я предъявлял идеальные претензии любви (как, неужели справедливо, что *любить... на время не стоит труда, а вечно любить невозможно*? Если это так, то *не стоит труда и жить!*) Возможно, решимость умереть была у меня **не** до конца, я словно бы хотел притереть смерть, я ее хотел испытать в воображении, но в какое-то мгновение я потерял контроль над мыслью и чувством и потерял сознание. Очнулся я в палате, где был один, лежал я на белоснежном покрывале, палату заливал ясный июньский свет, надо мною склонялась очаровательна юная сестричка с томиком стихов Пушкина в руках.

"Ну, что, жив?" – радостно и нежно спросила она. "Как ты себя чувствуешь, нигде не болит?"

"Чувствую я себя прекрасно, как в раю. А ты не фея?"

"Можно сказать и так. Я принесла тебе стихи, хочешь, прочитаю? Мне сказали, что и ты пишешь стихи. Но ты мне должен дать честное слово, что больше не будешь делать такие глупости, пытаться с собой покончить из-за, возможно, случайной ссоры..."

"Хорошо, я тебе обещаю. Но только если ты меня поцелуешь..."

"Вот это несчастный влюбленный! Да ты обманщик! Но, возможно, ты еще немножко болен, у тебя еще нервная система не до конца успокоилась, поэтому я тебя поцелую, словно так назначено врачом, для успокоения, хорошо?"

И она меня поцеловала таким долгим и сладким поцелуем, что до сих пор он мне даже снится...

Вспомнил ее поцелуй и даже забыл, о чем мы перед этим рассуждали...

Наверное, напрасно я пишу *книгу рассуждений*, надо было бы написать *книгу воспоминаний*. Тогда мне было бы легче показать, что я словно бы пребываю в пламени трагедии. Я вижу, что горит и сгорает русская школа. Те люди, которые будут жить через двадцать лет, мне будут не интересны, они не прочитают ни Толстого ни Достоевского, ни Пушкина, ни Лермонтова и Блока. О чем мне с ними разговаривать?

Я вижу, что горит университет, сгорает наука и ученые. Недавно я редактировал «Историю геологических открытий», ее написал ныне живущий в Америке 90-летний геолог, один из открывателей сибирских алмазов, с некоторыми я встречался на вечерах у Михаила Андреевича Гневушева.

Книга соединила историю и философию цивилизации, она соединила тысячелетия в подлинную жизнь, мы видим, как происходит эволюция мира, как и почему каменный век заменяется бронзовым, затем железным, нефтяным, электрическим, электронным. Я по образованию математик, геологом никогда не был, редактировал я эту книгу полгода, ходил на консультации, писал письма автору и его другу, но они объявили себя "банкротами". Наконец они мне сказали: В.И., мы вам доверяем, исправляйте все что хотите, как вам кажется лучше.

Книга была напечатана, и в Германии наша бывшая соотечественница, ходившая с автором в экспедиции, увидела ее у сына Теодора Адамовича Шумовского и заплакала. Но я то! – оказывается, не зря я остался жить на этом свете, не зря меня поцеловала милая и романтическая сестричка, и не случайно она мне читала стихи Пушкина. Но за что гибнет Россия, культура, образование, почему народ перестал читать, влип в телевизор, а кто не влип, пьет и ворует, а кто не ворует, кончает жизнь самоубийством, и мы по их количеству на первом месте в мире?

И последнее.

Россия пилит лес, сегодня выпиливают леса на Байкале и увозят в Китай, десятки миллионов кубометров лучшей в мире древесины, а Байкал гибнет.

Я живу давно, из скромности не скажу, как долго. Когда-то давно я начал строить в своей квартире книжные полки и за ними пошел в странный магазин «Юный техник», где покупал древесно-стружечные плиты (из опилок, пропитанных клеем) В нашей лесной стране, где растет половина всего мирового леса, деревянную доску было невозможно купить, всё вывозилось на Запад для строительства социализма. За мебелью записывались в очередь, ждать приходилось по двадцать пять лет. И сегодня наш лес из страны мы также вывозим, а мебель ввозим из-за границы.

Спирт мы гоним из древесных опилок, из спирта гоним водку (о которой нам пел Высоцкий). Хлеб печем из опилок тоже. А от кандидатов в президенты я даже услышал, что и в сыр мы добавляем не только опилки, но дуст и мел.

Так, может быть, я напрасно не умер?

Но заканчиваю. Речи кандидатов слушать вредно, так же вредно читать газеты, вредно разговаривать с народом в бане, на улице и в трамвае... Вредно разговаривать и даже мыслить. Но ученые уже придумали роботов,

которые будут работать вместо людей, а французы заселяют Париж арабами и неграми. И в отдельных его районах французов уже только 15 процентов. И это безжалостная война против Франции, и *она меня кольшет*, потому что с французами я француз, с евреями еврей, и с татарами татарин. Я только с русскими русофоб, и мне часто хочется сжать их в железный кулак и встряхнуть, чтобы наконец заработали пьяные мозги!

Ж---кий сказал, что это позор, что к выборам допустили к тому же двух проституток и одну шлюху. Кого он имел в виду, я не знаю, но я их послушал. Слушал и других, в том числе Ж---ского. Не знаю, кого в конце концов изберет народ – конечно, он ИЗБИРАТЬ никого не будет, он опустит свой бюллетень за тех, за кого ему посоветует телевизор.

Но я все же выбирать умею, я никогда не жил по подсказке, даже в школе. И я избрал тех, кто на меня произвел наилучшее впечатление. Опускаю свой бюллетень за обеих проституток и за третью шлюху (впрочем, кто из них кто, я не знаю, знает господин Ж---ский). И это не ирония и не сарказм. Они хорошо говорят и хорошо выглядят. Они умницы, они талантливы и честны. Они единственные в нашей стране ничего не боятся (а даже я трушу). Они не продажны, я в этом уверен, *у них не за деньги*, как у других, и даже, может быть, совсем не для денег, *а по любви*.

А меня друзья ругают, что я ругаю народ. А эти лучше, чем русский народ! И за что я должен хвалить наших русских? *Разве мы были не достойны Сталина*, если большинство его до сих пор любит?

Напрасно, как видно, я не умер еще тогда, по идеальной причине. Можно было бы умереть и теперь, но мне жаль Пашу, он чудный мальчик, и он не виноват в том, что родился, *виноват во всем я – первый в цепи причин и случайностей*, начало которым положил тот паразитический поцелуй, из-за которого мне вновь захотелось жить. Но не следует ли из этого, что не надо отчаиваться? Не все определяется злом и мы еще это возможно увидим.

Царь. Бог. Право. Свобода и чудо.

1. Форма правления. В 19-м столетии Россией правили просвещенные монархи, и нам, подданным, не надо было плясать перед народом, борясь с соперниками за его симпатии. Царя не избирали, он сам рождался.

Благосклонности девушек, правда, приходилось добиваться, и у самых привлекательных было даже по несколько кавалеров, которые соревновались за их сердца. Но я был в этой механике исключением, я был слишком высокого мнения о себе, или так удачно "ложилась карта", но я не терпел соперничества и сразу уходил из компании, в которой начиналось соревнование. *Она*, как вы загадываетесь, *уходила вместе со мной*.

Вот теперь оглядываюсь на прошлое и думаю: Не был ли я тираном?

К счастью, с течением времени я стал лучше, просто так, без всяких усилий, я стал настолько великодушен, что, например, у меня есть подруга, и она время от времени выходит замуж (неудачно), при этом не только не спрашивает у меня разрешения, но даже рассказывает о замужестве – потом, когда оно проходит (как грипп). Возможно, она боится меня заразить.

Или вернуть в Россию монархию? Февральская революция 17-го года не оправдала надежд на лучшее, а в сочетании с приказом №1 Петроградского Совета, объявившим в разгар Мировой войны офицеров фактически вне закона, она оказалась ужасной, а уж большевистский переворот стал катастрофой, большевики к тому же разогнали Учредительное собрание, которое должно было избрать для России не временную форму государственности. Затем их семидесятилетнее правление окончательно надломило дерево Российского государства и закончилось такой же катастрофой, как и в 17-м году. Они начинали с грабежа богатств России, грабежом и закончили, разделив Россию как пирог и раздав ее в частные руки, даже и то, что никогда не раздают: землю и природные богатства, лес, уголь, нефть, газ и металлы.

Однако, и абсолютная монархия и президентская республика, в которой президенту принадлежит полнота власти, русскому народу, учитывая его *нелюбовь к свободе*, nepозволительны, выбирать надо между конституционной монархией, парламентской республикой, у которой глава правительства избирается парламентом, и президентско-парламентской республикой, в которой президент имеет только представительские функции.

Итак, с царем мы хотя еще не покончили, но **самодержца** нам больше не надо, в последние сто лет нам с ними паразитально не везет.

2. Церковь должна быть отделена от государства, существовать на частные пожертвования, не вмешиваясь в политику, в образование, в культуру и в хозяйственную жизнь. Бог нам не помогает, а от его управляющих мы устали. Так и дворяне не всегда были плохи (при крепостном праве), но деревня стонала от приказчика, выбивающего из крестьян оброк для барина и для себя.

3. Право должно определяться конституцией и обеспечиваться разделением и независимостью ветвей власти. Возобновляя Российскую историю (продолжая ее от царя или от правительств Колчака и Деникина), необходимо будет произвести тотальную чистку всего *государственного аппарата* – то есть уволить всех его служащих и сформировать его звенья заново. Все чиновники, злоупотребления которых будут доказаны, должны быть осуждены и искупить свои вины (например, на строительстве *Северной железной дороги*).

4. Свобода будет вытекать из права и гарантироваться Конституцией.

5. Чудо. Разумеется, мои пожелания – лишь беспочвенные фантазии, никаких предпосылок, чтобы *сказка стала былью*, нет. Но в истории народов и государств не все определяется волей (как и в частной жизни), случаются и **чудеса**. Они случались и в моей жизни, и когда уже мне казалось, что я на краю отчаяния, чудо меня спасало. Об этом я теперь расскажу.

В детстве я переболел всеми болезнями мира – но не умер. О сибирской Швейцарии, в которой восемь месяцев я провел как в раю, я писал.

В четырнадцать лет болезнь вспыхнула снова, но я о ней *не сознался*, и она от меня отстала. Двадцать лет назад я *претерпел*... Десять лет назад *претерпел* почти играючи... *Призвание литературы* писал, *претерпевая*. Но эту книгу дописываю, пребывая в унынии... Завтра я ее закончу и начну поправляться – нельзя подвести тех, кто в меня верит. А Паша в меня верит.

Повторение. Итак, в марте семидесятого года меня арестовали, полгода сидел в тюрьме, два с половиной года в тюремном сумасшедшем доме, на волю вышел через три года.

В 2001 году реабилитирован. Через год даже приняли в Союз писателей России. В 2002 году я месяц провел в тюремной психиатрической экспертизе, зато получил *Справку*, что я нормален – вероятно, единственный из бывших политических заключенных. (Вот почему я думаю, что живу в этой стране среди психов – ни у кого из них нет такой *справки*).

В 2004 году нам с сыном *впяли* по пять лет, но через пять месяцев освободили – единственных из десяти тысяч заключенных – разве это не чудо?

Итак, что же существенно в последние 25 лет? Знакомство с А. И. Солженицыным, И. Р. Шафаревичем, Добрыниным, Байбаковым, академиком Лихачевым (который участвовал в редактировании Радзивиловской летописи; кстати, он подарил моей пятилетней внучке свою книгу Воспоминаний, нарисовал на ее последней странице Соловецкую тюрьму и отметил, где он в ней сидел), дружба с академиком Шмидтом, сыном знаменитого Отто Шмидта (и я не раз бывал у него даже дома, приезжая в Москву. А как он обрадовался, встретив однажды на книжной ярмарке моего сына!) Знакомство с академиком Рыбаковым, с которым мы даже пили шампанское, с академиком И. Р. Шафаревичем. Знакомство и с другими великими людьми, например, с замечательным писателем и редактором Сергеем Залыгиным, победившим поворот рек (боюсь перегрузить свою исповедь и превратить ее в Именник великих людей). Дружба или знакомство с множеством людей, не входящих в Именник – известных и неизвестных, но от этого не менее значительных... Жаль ставить даже многоточие, но пора и честь знать.

17 февраля, полночь. В основе любви к Богу и любви к ближнему должен лежать *Страх Божий*, говорит Константин Леонтьев. Однако и у страха Божия есть основание – это **страх смерти**. Оба эти страха почти сливаются и в них основание религиозности – по крайней мере религиозности христианина, *запуганного жизнью*.

В молодости и я был религиозен, но еще не боялся смерти, мои чувства религиозности, мои ощущения присутствия в мире Бога и его непосредственной близости к человеку питали романтизм и мистицизм. Но сегодня утром я был снова религиозен, даже суеверен, потому что мне показалось, что я умираю... вот вдруг возьму и умру... Я не выспался, хотелось спать, но я боялся заснуть. Может быть, надо сначала поставить последнюю точку в рукописи и отослать текст в типографию, а потом уже положить голову на подушку, думал я. Читатель, боюсь, начнет надо мной смеяться, и будет прав... но, как видите, я не герой, в спасители России я не гожусь, возможно, правда, я все еще гожусь в *авторы Исповеди*. Однако ее необходимо закончить, и хотя бы на последней странице помириться с русским народом, который я обижаю... Утром моя бедная жена меряла мне давление, сначала оно понеслось в гору, потом начало резко падать, а сейчас я чувствую себя хорошо, с самим собою я уже успел помириться, и начал выздоравливать. Ну и слава Богу!

Итак, народ... Народ русский не виноват в том, что положение дел в стране ужасно, в этом виновато правительство, и хотя именно народ его избирает, но *не он виноват в них и "достойн" тех, кто им правит, а другие*. Крестьянин пашет землю, рабочий плавит сталь, учитель учит детей арифметике, они не только не обязаны знать философию, историю, политическую экономию, социологию, право – но и не в состоянии их знать. Правит страну правящее сословие, оно разделяется на группы, обобщенно можно считать, что противостоящих групп должно быть две. В условиях буржуазной демократии каждая группа охмуряет свою часть избирателей, но при этом обладает возможностью навязать им свое видение будущего и слабости конкурента. Избиратели сравнивают их программы и отдают симпатии тем, кто им кажется предпочтительней. Если же государственная машина устраняет обе группы и навязывает обществу только себя, то мы имеем дело с диктатурой и будущее не определяется на избирательных участках, но в действительности вступают французская гильотина или "товарищ маузер" (по словам Маяковского). Но как не весь французский народ ответствен за Французскую революцию и гильотину, так и русский народ не весь ответствен за Русскую революцию и за маузер. Есть ли сегодня в России противостоящие силы? Кажется, есть. Только народ никому не противостоит и ничего не решает, он не виноват в том, что отдаст свои симпатии той власти, которая ведет его к пропасти. Если я представляю истину в одиночку, то я сам виноват в своем одиночестве. Народ же не против меня и не за, он идет туда, куда его ведут правящие силы (духовенство, буржуазия, чиновники, интеллигенция, государственный аппарат).

Идеи *коммунизма, национализма, патриотизма* словно бы уже упали в цене, но все же в них сосредоточены великие ценности – но они разделились на тысячу осколков (с меня, что ли, пример берете, с **отщепенца**?) Нет, чтобы объединиться в **Обще-русскую народно-социалистическую партию**, она смогла бы привлечь часть коммунистов, социал-демократов, националистов и патриотов. И русских, и евреев, и немцев, и татар, и поляков... (я имею в виду только *наших*, живущих в России, это совсем *не те*, что в Польше, Германии, Израиле, Турции, наши все русские, ибо русский это тот, кто говорит по-русски, а кто *русского языка не понимает*, тот "немец").

Итак, начинаю Новую жизнь, болеть больше не буду. Буду издавать "журнал с топором", потом напишу роман. Ругать народ тоже не буду, хватит, это интеллигенция во всем виновата, слишком много умников, а умных мало. И почему бы не попробовать женщинам навести в России порядок, уж не хуже они мужчин?! К тому же, как мы выяснили, *Россия* нам и мать и жена, может быть, она еще *станет нам другом*? И пока хватит ... впереди очередной номер журнала... и еще немало забот и обещаний...

18 февраля 18, 9-50. *Сегодня прощенное воскресенье*, и я всех, кого мог обидеть в излишней запальчивости, прошу меня простить. Я был прав во всем, но и они тоже не виноваты. Увы, линии одновременно и параллельны и пересекаются. Увы, наши страсти, страдания, наше отчаянье не объясняется математикой и не преодолевается ею.

Простите меня, соседи, попутчики, собеседники!

Победа корней над цветами.

Изыде сеятель сеяти семена своя

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды; ...

А. С. Пушкин. 1823

Часто говорят, что Пушкин заменил нам христианство, он сам стал нашей религией, и нынешние заклинания православных, что якобы он отрекся сам от себя и «умер православным», не столько вредны, сколько глупы. То, что само стало религией, уже не зависит от своего сеятеля. Он посеял семена, которые взошли. Мир был сначала теоцентричным, потом стал антропоцентричным, потом, в России, стал литературо-центричным, именно русская литература заменила нам и Ветхий и Новый Заветы (напрасно я ругаю своих *нечитателей*, что они не читают этих заветов, так было надо, чтобы хотя бы в школе хоть немного они если не прочитали, то услышали бы отрывки из Пушкина и Толстого, из Лермонтова и Достоевского. Христианство бы их отвлекало от новой подлинной русской религии).

Меня ругают за вражду к народу – но разве не говорили мне в детстве, что я *родился для того, чтобы оправдать и утвердить справедливость и правду?*

Я этому поверил. И вочеловечился – почти до конца, – стал неотличим от всех, жил как все, хотя и продолжал верить в *миссию*. *И пытался сеять*. Но почти ничего не всходило. Да и сеять я не умел, и семена в руке не было.

В последние дни я болел, возможно, даже достиг дна провала, стукнулся о него, но остался жив, и вот хоть и медленно, но карабкаюсь назад. Закончится зима, потом меня будет обвевать апрельский воздух, и я начну пилить и колоть дрова в деревне, а потом возьму в руки лопату... *А потом и топор...*

В начале шестидесятых я учился на Матмехе и издавал Матмеховскую литературную газету, вызвавшую большой шум. Комитет комсомола сгоряча снял ее со стены, но была весна, оттепель, и партком матмеха, как это ни удивительно, оказался на моей стороне и стенгазету повесили на стену снова.

В 63-64 годах я работал учителем математики, потом преподавал в институте, но в литературе и философии я прозябал.

В декабре 65-го года я женился, потом родился сын, потом я получил должность ассистента, готовился к защите диссертации – но свободолобие, да еще страсть быть *сеятелем свободы* – меня погубили. (Или, напротив, спасли).

Или *меня спасли небесные силы*, не разрешая стать обывателем. Всесильная организация Госбезопасности скучала без работы, и по случайному сигналу соседей ее полусонное (уже) око обратилось на меня. Самому Андропову захотелось пошуметь в преддверии столетия Ильича. И вот, благодаря усилиям чекистской повивальной бабки, гора все же родила мышь, посредственный поэт и в меру талантливый математик (в нулевые годы я создал Учебник высшей математики и доказал несколько стоящих теорем) был объявлен важным государственным преступником, посажен сначала в тюрьму Большого дома (где сидели когда-то и Гумилев, и Шумовский, и Ольга Берггольц), затем в Специальный тюремный сумасшедший дом.

Но все это не более, чем ободранные коленки, если мы обратимся к большевистской эпохе, когда пустоши около крупных городов были завалены телами безвинных, а в результате бездарно веденной войны, были даже «*пяти соседних странах Зарыты наши трупы*». (Борис Слуцкий. 1952)

Но все же невинная моя жена осталась с маленьким сыном одна, была выселена из города (правда, не столь далеко), уволена с работы (правда, тайно по договору ее приняли снова) – но я смотрю на ее *трагическую* фотографию того времени... – оправдана ли была моя романтическая жажда свободы?

Я говорю, что ни о чем не жалею, но все же мы ютимся в тесной квартире в городе, ездим в деревню за 300 километров, живем там в старом и ветхом доме, копаем огород, который сползает после дождей в канаву, едим хлеб пополам с опилками, сметану пополам с мелом, сыр из пальмового масла (и это я слышу от председателя комитета ГД по сельскому хозяйству, а не придумываю сам в неумной ненависти к Российской власти, которую *предвзято* считаю людоедской) – но если бы, по завету Тютчева, *хранил про себя и мысли и мечты свои* – то была бы у меня дача в пригороде, кафедра в университете, счастливая жена (не другая, а именно эта была бы счастлива) и счастливые шумные дети – а ведь университетские профессора считали меня самым талантливым своим питомцем. Самым талантливым в нашей мат-меховской среде считали меня и друзья.

Говорю сегодня об этом жене за завтраком (порадовав ее сначала тем, что все же мне кажется, *весь я в ближайшее время не умру*) и она мне отвечает: "*А я и так счастлива, а если бы ты стал обывателем, я выгнала бы тебя из дома и вышла замуж за другого!*" Я часто думал, что я человек выдающийся, о жене своей я заботился мало – а по настоящему великой является моя жена, писавшая мне в Сумасшедший Дом письма КАЖДЫЙ день!!! (Написал я эти строки и слезы выступили на глазах...)

Продолжаю исповедоваться. Если бы я жил в царствование «*Александра благословенного*» (который одновременно был "*плешиный щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славою*"), начавшееся с удущения подушкой Павла Первого, его батюшки, продолжавшееся отступлением до Москвы и ее сожжением (восточный сатрап, правда, превзошел Александра, умудрившись после разгрома Гитлера под Москвой продолжить отступление даже до Волги, хотя, впрочем, Москву не сжег) и закончившееся бродяжничеством по Сибири в "*тоге*" старца Феодора; или в царствование «*Николая Палкина*», начавшееся с виселицы, продолжившееся поражением под Севастополем, и закончившееся душевным разладом), то я был бы мелко-поместным помещиком, пахал бы пашню *аки Толстой*, но, в отличие от него, помещий не проигрывал... или жил бы в крепостном состоянии в небольшой деревушке в Самарской или в Симбирской губернии при благодушном помещике, у меня было бы десять человек детей, книги я не писал, политикой не занимался, даже если и читал, то те книги, которые издавали бы мои беспутные сыновья (как моя матушка читала изданные мной книги), по докторам не ходил – да их и не было бы в нашем крае – в положенное время лёг бы на лавку под божицей в Красном углу и велел бы жене звать детей и внуков для прощания...

Разве это была бы плохая жизнь?

12-34. Историю делают немногие, большинство из них самозванцы, злодеи (вроде большевистских вождей), воры и обманщики (один из них, Сашка Меньшиков, любимец царя, уже стал народным героем, а наворовал и *вывез за границу богатства, равные годовому бюджету страны*), а то и святые и подвижники (как протопоп Аввакум и боярыня Морозова) – но и их святость выливалась в народные бедствия – и иные возвышенные герои, как адмирал Колчак и древнеиудейский Баркохба – но если бы они победили?! А поражение привело к тому, что народ их обрек на забвение или на Суд, сделав исключение для Стеньки Разина, почему-то возвеличив его за то, что невинную персидскую царевну (а может быть и рабыню из гарема), которую тот в Персии похитил, он утопил в Волге из-за ропота своих братьев-разбойников.

Народ Историю не делает. И не он виноват в назначениях царей и цариц, те сами себя назначают, или их возносит на трон рождение, подушка, удушение в Гатчине, иногда народный *бессмысленный бунт*, как в 17-м году (хотя, впрочем, и этот бунт был обычным переворотом, подготовленным преступно шайкой приближенных к власти злодеев... или святых...).

Не виноват народ и в том, что голосовал за советскую власть (можно его так же обвинить в том, что он *покорно шел на войну*), не виноват в том, что голосовал за Ельцина, за олигархов и их вождей – от народа ничего не зависело, а если он голосовал за тех, за кого не велели, его голоса *исправлялись*.

И все же не все я народу прощаю – или, может быть, и прощу, но сначала его обругаю.

Народ и Россия. Любит ли народ свою родину, готов ли он жертвовать во имя нее благополучием? НЕТ. У народа нет национального самосознания, нет чувства привязанности к отечеству, языку, культуре. Если нас оккупируют, партизанские отряды создаваться не будут. Царь или князь, может быть, их и создаст, и даже наберет добровольцев – но многие ли к ним примыкают, об этом надо расспросить у Стрелкова, который создал в Донбассе *народное ополчение*. Но что за люди шли в революционеры в начале двадцатого столетия, я не знаю. Вот ведь и в монастырь идут непостижимые люди, знакомы ли вы с ними? Об одном из них кто-то написал воспоминания? Нет.

Только в интернете я видел националистов, а среди миллионов людей, обтекающих меня под именем народа, я не встретил ни одного, в ком бы теплилось национальное чувство. Правда *«в моем сердце стучит пепел Клааса»* – но это сердце *отщепенца*, единственного в России.

Народ же безразличен к себе как к народу и Родине; он чувствует себя только как множество элементов, аморфное облако. Все это прискорбно, но я уже оставил обличительный тон и описываю народ почти математически, как судебный пристав опишет груды книг в моем городском жилище.

Но русское общество не цельно, ни в социальном, ни в политическом, ни в этническом отношении. И среди евреев и среди русских немцев нахожу я людей, переживающих за состояние образования, русского языка и культуры, и поэтому я надеюсь, что *просвещенный русский национализм* соединит и русскую, и немецкую, и славянскую и еврейскую аристократию духа.

Читатель уже дочитывает мою ужасную книгу. О русских, боюсь, я не сказал ничего хорошего, о евреях, как будто, плохого, погода была так и сяк...

Некоторые наблюдения за нынешней предвыборной кампанией.

Каковы пожелания электората?

Скудость народного мышления ярко видна из его ожиданий, их набор примитивен: *стабильность* (при этом на победоносную войну где-нибудь на Украине народ тоже согласен); *повышение зарплаты*; *повышение пенсии*.

Состояние воздуха, воды, пашни, рек и озер, лесов и лугов, качество сельскохозяйственных продуктов как будто народу безразличны. Но если народу не важно, ест ли он хлеб из опилок, сыр и сметану с мелом и пальмовым маслом – то есть безразлично состояние экологии (а сегодня Красноярск занимает первое место в мире по загрязнению воздуха), то **достойн ли этот народ имени народа?**

Он таков, каков он есть! – говорят мне мои товарищи.

Сто лет тому назад восставший народ уничтожил в России почти все сословие образованных людей, заводы и фабрики пришлось строить с помощью иностранных фирм, оплачивалась их "помощь" кровью так называемых кулаков – бывших красноармейцев, победивших Колчака и Деникина; немцев мы победили, истратив сорок миллионов этого самого народа, который я уже не ругаю, подчиняясь увещаниям своих друзей. Но, может быть, невинность народа – это миф? **И он все же виновен?** Иначе в его оправдание мы бросим последнее, что еще в России осталось – русский язык, культуру, науку, образование, потерям до конца и душу народа, которая иногда пробуждается хотя бы в отдельных частных душах последних русских.

Я бы лишил этот народ и последней пенсии, зарплату уменьшил вдвое, а работали бы другие, более ответственные, приезжающие к нам из голодных окраин. Народ разве не поддерживает политику правительства, которое именно это и делает? Народ своим бездействием и безчувствием *сдает страну*, не им созданную, не им построенную, всякой иноземной швали, Россия русскому народу давно не нужна. Не заблуждайтесь. Не народ создал Россию, – *не этот народ*, который в ней ныне живет, проматывая наследство отцов.

Но Китай ли вырубает Россию? А не русское ли правительство?

Только русскому народу на это наплевать. Наплевать и русскому Богу, который если и наказывает, то всех подряд, а чаще невинных вместо виновных. Почему это так, я не знаю, но даже во время блокады прежде других умирали невинные дети, умирали женщины, отдающие своим мужьям последнюю крошку. Умирали ученые.

Представим себе (в горячечном сне), что я вдруг на мгновение стал судьей вместо бога. И пролетая на крыльях над сибирской тайгой, в которой я родился (или *воплотился*), и которая уничтожится не для народного благосостояния – качество хлеба и сыра не изменилось оттого, что мы продаем на Запад и на Восток русские богатства – я сначала спрашиваю себя, еще не начиная судебную тяжбу: Кого судить? Царя или народ? Царя ли, обогащающего за счет плоти и крови России своих клеветов, или русский народ, который мне и моим внукам навязал эту власть, горло дерет за нее, горло мне за нее перережет, и своих детей и моих пустит по миру вместе с Россией, но власть в обиду не даст. *Коленопреклоненность и верноподданность русского народа главное зло, хуже всякого предательства.*

Впрочем... Я злюсь из-за того, что слышу то оправдание Сталина, то восхваление советского режима – но разве это все я слышу от народа?

Я ведь хотел написать сначала вместо «Исповеди» другую книгу «Встречи на дорогах». Я голосовал на обочине, сердобольный водитель меня подвозил, мы разговаривали, и пока ехали, я выслушивал тысячи историй о жизни и мире – но разве что-то плохое я слышал? Нет. То мне жаловался молодой парень, что бандиты арматурой переломали ему ребра, потому что он с товарищами подряжался ремонтировать деревенские избы, притом в рассрочку и со скидками пенсионерам. Рвачи решили оттеснить конкурентов простым способом – убивая их, калеча и избивая. Но кто эти рвачи? Как правило, это городские бандиты, которые даже не сами занимались ремонтом, а набирали работников, и жили за счет их труда. Иногда эти городские бандиты были местными районными милиционерами.

И народ ли – главный защитник государственной власти? Быть может, преимущественно городская люмпен-интеллигенция? И чаще всего это именно так.

Последняя страница: на пепелище ...

Грустно заканчивать исповедь в разочаровании и отчаянии. Но даже на пожарище находятся иногда обгоревшие листки, на которых повествуется о достойных и светлых людях.

В советском прошлом было много плохого, и лес вывозился так же на Запад, а нам оставались древесно-стружечные плиты, и комсомольцы из энтузиастов вырождались в рвачей, и картошка гнила на овощебазах, куда научных работников "ссылали" на ее переборку, и капусту и свеклу на замерзающих полях убирали те же научные работники, и болота распахивались, чтобы увеличить площадь пашни под экстенсивное производство – а ныне заросла эта пашня ольхой, березняком и чертополохом (и я единственный в те годы ругался на эту омерзительную затею правительства, да еще Зальгин боролся с **поворотом рек** – ну что за несчастная роль у умных людей в России?! Не может быть, чтобы никто больше кроме меня не видел, что нелепо распахивать под пашню болота, нелепо расширять посевы в северных областях, когда и южнее земля используется не рационально – но почему **никто** больше **кроме меня** НЕ РУГАЛСЯ, хотя бы не сотрясал воздух за бутылкой водки в компании на троих? Но ведь будет **Страшный суд**, и там

скажут, что ничего не смог сделать ВИ, чтобы негодяев хоть где-нибудь прополоть! – но хотя бы был возмущен!!! А остальные молчали. Значит, СОУЧАСТВОВАЛИ в вакханалии зла...

Или не будет Страшного суда? И Бога нет? Как нет воскресения, что для меня уже очевидно...

Но о чем я? Опять забыл... ах, да: и тогда было много плохого... Но в этом городе, где сегодня так любят современную власть, до иступления! – в этом городе тогда у нас были литературные и музыкальные вечера, иногда посиделки старых друзей... мы не говорили о сельском хозяйстве, я тогда в деревне не жил, и так еще не болел за нее – об остальном мы говорили единодушно. Мы все не любили нашу власть (потому что и тогда вырубались леса, в Байкал сливали ядовитые реки отходов, в Череповце было нечем дышать, в Афганистане мы воевали). Но никого из близких я не мог упрекнуть в потакании злу, все были безупречны, открыватели алмазов, собиратели граммофонных записей, астрономы и физики, поэты и полиглоты, их жены, их дети. Я, пожалуй, был самым никчемным из них.

Никого не хотел бы я обидеть и из современного мира, есть много умных, много способных, дружелюбных – но несомненно одно: *сегодня почти ВСЕ равнодушны к бедам Родины.*

Но надо припомнить что-нибудь светлое и продолжить жизнь по другому, надеясь на **чудо**. Если чуда не будет, то и я еще доживу до того, что Россию раздерут и обгложут рыбы-пираньи, и незачем станет жить дальше.

Итак, что же было хорошего в прошлом?

Десять лет назад в соседнем селе я шел с пятилитровым бидоном молока, навстречу попалась пятилетняя девочка. Она остановилась, поздоровалась и воскликнула: *Дяденька, вам не тяжело? Может быть, вам помочь?*

Разве она не мой народ? Неужели нечистая сила сильнее нас?

Тысяча первое "китайское" окончательное Послесловие

19 февраля, туманное утро. Мои Записки переполнены рассуждениями, возражениями, обличениями, ирониями, призывами, доказательствами и отчаянием... И это все делает их скучными, избыточными повторами и риторикой. Я их перечитал, кое что исправил, сколько мог сокращал, но при этом дописывал. Ну, что получилось, то получилось, переписывать больше нет сил, устал. Вытирая слезы и пот с лица, говорю себе: Пусть они будут моим отчетом за волнения протекающей жизни, и не столько даже прошлой, сколько еще текущей и вытекающей.

Но в них есть и еще одна беда: они переполнены цитатами, ссылками, реминисценциями (отсылками, напоминаниями), аллюзиями (параллелями), метафорами, эпитетами, метонимиями и прочим литературным мусором. Так писали в 19-м столетии и начале 20-го, я их ученик.

Писал я в спешке – это третья беда, в спешке и редактировал, потому что мне надо доделывать Сайт писательской группы, издавать журнал и четыре книги товарищей... и далее везде... Болезнь, врачи... Да когда же мне жить? Мне даже некогда завести роман хоть с одной из тех, которые меня с любопытством слушали...

Оглядывая свою жизнь, я сожалею о многом. Жить по другому я бы не смог – но я сожалею, что все как то пошло сикось-накось.

Во-первых, не надо было заниматься литературой, собирать книги, писать их, издавать, даже читать, прикасаться к политике и истории страны, *в которой нас черт догадал родиться* (по словам Пушкина). Если бы я не отвлекался от математики, то был бы хоть школьным учителем, преподавал бы и до сих пор, и ездил на пригородную дачу на стареньких Жигулях, в окружении детей и внуков, а не за триста километров в покосившийся деревенский дом. А что преподавателем я был хорошим, можно заключить, например, и из следующего: ходит в большом городском дворе дама и спрашивает у местных ребятишек, не знают ли они некоего Василия Ивановича. Дети, конечно же, его знают и радостно бегут показывать дом, в котором он живет. (Дама, на свою беду, решила меня найти, чтобы я учил математике и воспитывал ее дочек). Она могла бы спрашивать про меня у ребятишек села, куда я хожу в магазин, и они так же радостно повели бы ее в соседнюю деревушку, куда они бегают пить со мной чай.

Но злосчастная жизнь принудила меня к ужасной обязанности: ЗНАТЬ ПРАВДУ. Зачем? Ни во что полезное *конвертировать* ее я не смог. Через пятьдесят лет уцелевшие жертвы еще *прошлой правды* поведали о ней любопытным, **но народ её знать не хочет и свидетельств их не читает!**

Ну а потом? Около Челябинска что-то атомное взрывалось? – советскому народу это неинтересно, тем более что все там уже поумирилось. Недавно умер там от рака первый мой школьный товарищ, с которым я учился в первом классе и поглядывали (он мне рассказывал) на одну и ту же девчонку.

Расстрел в Новочеркасске? Да там был не только расстрел, там еще демонстрантов (в 62-м году) давили танками, голодавших *рабочих*, недавно умер мой старый товарищ, который был народным заседателем, когда судили и приговаривали к срокам недодавленных. Но мне рабочих не жалко, это же была *их пролетарская диктатура*, которая раздавила крестьянство в России.

Про последствия Чернобыля я знаю от родственников, живших в деревне под Мозырем, на великой реке Припять, в 60-ти километрах от Чернобыля, я туда поехал, чтобы их обнять и утешить, видел плесень на дорогах, яблоки мы мыли и ели, но груши и сливы то есть было нельзя. Они удивились, что я вдруг приехал, но были тронуты и даже заплакали. (Там, на Припяти, по обе стороны, живут потомки *полицуков*, славянское племя, такое как *русичи, кривичи, вятичи, поляне, древляне...*) Они уже все поумирили, а я только немного четыре года назад поболел, – но у меня *миссия...* (*или юдоль?*)

В 52-м году около деревни Корневище я видел чудо: привели конвоиры на околицу деревни колонну, те расстелили на земле громадное полотнище, потом поставили жерди, и вдруг взметнулась в небо палатка. И там я увидел двадцатилетнего Костю, сына Иркутской прокурорши, ставшего вором (а позже святым – как я полагаю). Но сначала он отбил у соперника мою младшую тетку (отбивал ее оглоблей), родил пятерых прелестных дочек (с дочкой одной из них я целовался). А перед тем в трех километрах от деревни эки построили лагерный поселок, осенью мы, дети, бегали через колючую проволоку смотреть кино: эки по одну сторону, мы по другую.

В Решетах с детьми начальников лагерей и с некоторыми выдающимися детьми выдающихся эзков я учился.

Наш советский народ о репрессиях против своего же народа: крестьян, потомков дворян, ученых, поэтов – ничего, конечно, не знал, не знает и до сих пор, хотя в школах изучают погибших: Есенина, Клюева, Мандельштама, Павла Васильева, Бориса Корнилова, философа и математика Флоренского, философа Карсавина... знают величайшего ученого двадцатого столетия Николая Вавилова, расстрелянного в тюрьме в 42-м году. В каждой семье кто-нибудь расстрелян, но дети знать о них не хотят (им не до этого).

С сыном гениального поэта Гумилева (естественно, расстрелянного), Львом Николаевичем, я был знаком, с его товарищем по университету, Теодором Адамовичем Шумовским, тоже гением (оба просидели по двадцать лет), – я дружил. На Левашовскую пустошь (где расстреляны еще 150 тысяч) я ездил на могилу отца той женщины, которая опрометчиво искала меня во дворе моего дома, теперь одна из ее дочек не любит власть, но другая любит. На этой же пустоши расстрелян отец Лени Измайловского, последнюю повесть его ("*Двадцать писем к отцу*") я напечатал в журнале. С внучкой Махно я учился в одном классе и дружил; да можно сказать, что дружил и с ее бабушкой – со мной почему-то любили дружить даже старшие.

Но хватает о грустном.

Зима с 55-го на 56-й год (включая ноябрь и март) была в моей жизни памятной. В ноябре я впервые поцеловался – с самой красивой девочкой – это она меня поцеловала, я не решился. В декабре меня исключили из школы (за "фашистский" дневник), я просидел дома две недели, уткнувшись в угол и ни с кем не разговаривая, потом *сбежал* в Южную Америку (до Красноярска), там были разные приключения, вернулся, жил на частной квартире, играл в карты с двумя юными девушками (и что эти девушки уделяли мне столько внимания? Что во мне было особенного? Но что-то, кажется, было)... В марте случился 20-й съезд Партии, *он пояснил мне вкус правды!*

...Ах, жизнь моя прекрасна и удивительна! Через 20-лет ко мне в Ленинград приехал тот бывший мальчик, который отнес в школу мой Дневник (из-за которого я попал в фашисты). Мы с ним обнялись и выпили. "Я страдал две недели, ты страдал из-за меня 20 лет. *Прости меня, дружище!*" – сказал я ему. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу, что у меня были какие-то странные романтические отношения с родными, учителями, друзьями и знакомыми, следователями, следовательницами, прокурорами и охранниками – и эти отношения наполнили мою жизнь *странным светом!* Я пытался заботиться о людях, с которыми меня сталкивала жизнь, потому что заботы обо мне встречал я неизмеримо больше. Царапины я получал почти случайно, а меня носили на руках и дули на мои царапины. Девочка одна меня отвергла. Через 50 лет попросила прощения... *Простите и меня, друзья мои, я должен был помочь миру, а ничем ему не помог, только ругаюсь...*

Ну, еще про любовь. Зимой с 58 на 59 год я учился в десятом классе. Воображал себя взрослым. Меня печатали в местных газетах. В Тайшет я ездил на встречи «рабселькоров». Дружил с Галей. Мы с ней НЕ целовались: мы все в нашей тогдашней Сибири были ангелами, и девочки и мальчики,

ангелами были и наши учителя (хотя у начальства и была мания исключать меня из школы – но это как суровый отец шлепает своего неупутевого сына и ставит в угол, а мать тайком, обливаясь слезами, несет ему пряник).

В апреле в нашу школу прислали трех красоток-практиканток, они поселились в нашем общежитии, я в них сразу же влюбился, меня выбрала самая красивая (я ей рассказывал про Достоевского).

Это было наводнение поцелуев! Мы сидели ночью во дворе на детской площадке, обернувшись одеялом, и **тонули в морях сладострастия!**

В мае меня в последний раз исключили из школы (за эту любовь), но экзамены сдать разрешили. Из общежития исключили тоже, и я жил у учителя черчения, мы с ним пили водку и ходили в кино на последний сеанс. За что-то он на меня в конце концов обиделся, и я прошу у него прощения!

На выпускном вечере я целовался в последний раз – с самой юной учителькой, это была моя лебединая песнь. Недавно вышла книга о нашей школе (которую я вспоминаю с любовью), в ней мне посвящены несколько страниц (хотя про мои поцелуи там ничего нет). К тому же и *среди "девушек свободного поведения" я был непорочным!* И ничего «такого» у нас с ними не было, а один только «детский сад». [*Блаженный Августин*, говорят, имел бурную, *то есть развратную, молодость*, потом раскаялся и написал наставление, как при "этом" себя вести... я думаю, они немного *подвинутые*, даже и Розанов, это из-за него я увлекся своими обличениями христианских святош.]

Русский характер.

Как-то в бане я разговаривал с жителем Кавказа, кажется, черкесом, спросил его об отношениях с чеченцами. Разбойники, говорит, наших женщин и наших баранов воруют. Итак, даже горцы не все разбойники, не все как чеченцы, многие живут мирно и страдают. Так же страдали армяне и грузины от горцев и турок, и не зря грузины попросились под защиту России. Второе воспоминание, которое я хочу положить в основание своей философии, состоит в том, что однажды в сибирском поселке на танцах случилась драка из-за девушки, чеченец к ней привязался и требовал, чтобы она после танцев пошла с ним, вдвоем с товарищем они избili ее русского кавалера, потом избili еще двух русских. Там были и еще русские, но никто не вступился за тех, кого избивали, и можно сказать так, что чеченцы победили русский народ. (Я там не был, но вступился ли бы и я?!)

А вчера Ж---ский зачитывал из Интернета какое-то письмо чеченца, обращенное к русским, в котором он нас обзывает стадом баранов, которых они, чеченцы, пугают на шашлык, а наших жен и дочерей пугают себе на забаву, и все это высказано в самой омерзительной форме. Ж---ский, еврей, был оскорблен за русских.

И, наконец, более важное. В южных областях России у русских отнимают участки земли, превращая их в наемных рабочих, приезжие из Армении, Азербайджана, Чечни и других областей Кавказа. Русских вытесняют из тех районов России, которые представляют экономический интерес для инородцев. И русские не умеют защищать свои права, потому что инородцы объеди-

няются в преступные криминальные сообщества и подкупают сотрудников правоохранительных органов, от полицейских до прокуроров и судей.

И теперь мы иначе взглянем на Призвание варягов, подобная же ситуация была сюжетом фильма «Великолепная семерка», когда крестьяне наняли вооруженный отряд для защиты от бандитов: жители Новгородского княжества наняли варяжскую дружину, которая, впрочем, стала править сама.

Ну, что ж, русские не умеют объединяться, не осмеливаются защищать себя от притеснений, поэтому ищут доброго царя и надеются на его защиту.

Но когда я заговариваю о необходимости изменения власти, не защищающей русский народ от притеснений и вырождения, которое сегодня приняло катастрофические размеры, мне яростно возражают, дескать, в девяностые годы было еще хуже, а нынешняя власть платит нам пенсии и зарплату, надо ее поддерживать и на нее молиться.

Меня это приводит в ярость и в отчаяние, но с этим нежеланием народа хотя бы с помощью выборов изменить положение в стране, вероятно, не справиться с помощью пропаганды, государство гораздо сильнее, и обладает более действенными средствами *охмуренья* народа, чем разрозненные группы умных и сознательных «отщепенцев».

Надеяться надо на чудо, продолжать размышлять о мире, обществе, народе, писать книги, но в конце концов умереть в ярости и в отчаянии.

России был дан шанс выбрать правый путь сто лет назад, но Белое движение потерпело поражение. Если в результате нового потрясения разразится Новая гражданская война, будет ли кому защищать Россию?

А пока необходимо хотя бы мыслить. По крайней мере надо более ясно понять, что такое народ и каковы отношения между народом и личностью.

Самые простые отношения между множеством и элементом множества можно представить в следующем примере: пусть элементом является нечетное число, и множество состоит из таких элементов: 1, 3, 5, 7, 9, ...

Характер у такого множества существует и он определяется характером стандартного элемента – ибо все элементы множества одинаковы и все стандартны. Если же представить себе множество предметов, находящихся в моей комнате, к которым принадлежат и книги, и мебель, и письменные принадлежности и одежда... и множество и других предметов, то нет отличительной черты у элементов множества, нет такой черты и у множества, и бессодержателен разговор о сходстве или отличии множества предметов комнаты от множества предметов в прихожей. Так не бессодержательно ли сравнение русского народа, немецкого, еврейского? В то же время можно сравнивать А и Б, двух человек, в России или в Германии, или А из России с Б в Германии. И тем не менее, с национальной точки зрения сравнить два типа, русского и немца, почти невозможно, в каждом конкретном человеке содержится еще и пол, происхождение, характер, образование, социальное происхождение... Невозможно говорить о честности или верности народа, скажем, даже нельзя утверждать, что французы легкомысленны... отдельный француз, например, Жан Вальжан или Гюго – честны и благородны, Дантес – негодяй, Жанна Д*Арк – святая...

К чему это я говорю? К тому, что нельзя ни определить народ, ни сравнивать два народа, и нельзя делать заключение о человеке по принадлежности к множеству. Напр., человек – женщина... Ну и что? Красива ли? Трудолюбива? Замужем? Гулящая? Дура? Вот точно так же, еврей – хуже он русского или лучше? При этом, принадлежность человека к социальной группе, к чиновникам, к ментам, олигархам заставляет нас сторониться от него или по крайней мере относиться с опаской...

Итак, эти поверхностные рассуждения пока приводят к тому, что народ – это множество или собрание весьма разнородных элементов, отличающихся между собою или связанных большим набором характеристических черт; так что собрание жителей России, говорящих по-русски, это еще не русский народ, это аморфное неопределенное множество разнородных элементов вроде набора предметов, находящихся в моей комнате. Если отдельного человека я хочу (как литературного героя) слепить в некую целостность, которую я называю личностью, то в такую же целостность необходимо слепить и народ. Начинаю я с того, что собрание русскоговорящих я называю населением, толпой, признаки народности находятся в чем-то другом, определяют что-то другое. При этом из опыта, из литературы и истории мы знаем, что многие малые народы обладают особенностями, в силу которых и *собрание элементов* и "народ как личность" оказываются близкими, таковы, например, *чеченцы*, цыгане, чукчи, якуты, киргизы, западные украинцы... Сие характерно для народов, которые неотличимы от рода, племени, в особенности на Кавказе – собрание родов, тейпов, *народ как семья*... Евреи в древности состояли из нескольких племен или родов, которые они называли коленами, всего таких колен было 12, при этом сами они 6 из них называли чистыми и 6 – нечистыми. К какому колену относился Троицкий, к тому же ли, что Пастернак?

Национальное самосознание.

Малые народы обладают ярко выраженным национальным самосознанием, они считают себя самыми лучшими, русские очень часто считают себя худшими – что в известной степени справедливо. Но как один человек может быть в каком-то отношении выдающимся, а в другом почти идиотом, так и русские: они и ленивы и трудолюбивы; и придурки и иногда выказывают ум и сметливость; и обладают рабской психологией и подчас в них пробуждается честь и гордость. Но национального самосознания, ощущения национальной принадлежности и патриотизма у русских почти нет. В царской России обыватель (в силу государственного воспитания) считал себя православным или неправославным, русскость отдельно от православия государством не поддерживалась (и это естественно, и христианство и коммунизм – религии космополитические, одна проповедует, что *неть ни еллина ни иудея*, но христиан противопоставляет *нехристям*, другая проповедует интернационализм и братство всех пролетариев, но возбуждает вражду по классовому признаку. Ксенофобия, ненависть к чужим по крови – конфессиональной или классовой – свойственна и тем и другим).

Но что же такое народ как национальная личность?

У малых народов, особенно живущих обособленной жизнью, как чеченцы на Кавказе, племя и национальная личность совпадают. У больших народов национальная личность – нечто неопределимое, как душа у человека. Население является телом народа, личность является душой (язык, культура, традиции, общая история, память).

А что же такое душа? Ведь мы еще говорим и о национальном духе и о национальной психологии – так не является ли душа их эклектичным соединением? При этом дух народа сильнее проявлен в его культуре, а психология в быте? Так что русская психология выражается в обывателях даже сильнее, чем в исключительных личностях, и она соединяет в себе верноподданность, раболепие, упрямство, себялюбие, бестолковость, ...

Стремятся ли евреи к мировому господству и опасны ли они?

А стремятся ли к мировому господству немцы? Когда Германия воевала с Россией, то именно немцы ее завоевывали и воля множества (национального целого) и отдельных его элементов совпадали. При этом в нацистской программе проповедовалась идея расовой неполноценности славян и русских, и те и другие подлежали частичному уничтожению и частичному обращению в рабство, и немцы были с этим согласны. Но в России они легко ассимилировались и становились немецкими русскими (или русскими немцами), иногда даже более русскими, чем русские (как например, барон Эдуард Николаевич Фальц-Фейн, собиравший утерянную русскую живопись для возвращения ее России – его воспоминания печатал я в журнале МЪра.).

Но все же стремятся ли евреи к мировому господству? К нему стремятся и русские, в эпоху возрастания империи русское правительство, которое возглавлялось царями, являющимися по происхождению немцами, как раз и создавало всемирную империю. Сегодня мы много слышим о *мировом правительстве* (которое, конечно, преимущественно еврейское) и о засилии еврейского финансового капитала, о засилии всемирного торгового рынка, находящегося под управлением евреев, и о транснациональных компаниях, находящихся в еврейском владении, и возникает ощущение, что уже почти все деньги, почти все рычаги власти находятся в руках евреев – не еврейское ли это мировое господство? Но так же, как я ищу национальную личность среди немцев, французов, русских, и вижу, что личность и население не совпадают, то и еврейская масса, живущая в России, это не то же самое, что еврейские олигархи, еврейские публицисты, писатели и шоу-мены. Некоторые из этих презирают русских или относятся к русским с отвращением или ненавистью, то есть являются *русофобами* (о которых писал Шафаревич), но среди русских, возможно, русофобов еще больше. Впрочем, среди русских есть и антисемиты, есть и юдофилы, как Горький, презиравший русских крестьян, или Ленин, ненавидевший всех русских. Но к евреям русские относятся не хуже, ем к себе, да и евреи относятся к русским вполне терпимо. Я постоянно повторяю, что евреи в истории играют роль **закваски**, они возбуждают какие-то процессы изменений, разрушений, иногда обновлений – и это неплохо, ибо иначе мы закинем в неподвижном болоте. В последнее время я начинаю задумываться, так ли плохи даже евреи-русофобы

типа Дмитрия Быкова? И так ли хороши русские вороватые государственные чиновники и русские воры-олигархи, пьющие из России кровь с еще большим остервенением, чем инородцы, продающие Россию за рубеж? Русские лишены национального чувства, немногие только называют себя патриотами или националистами и чувствуют себя таковыми. Следовательно, нужно соединить всех националистов от экстремистов до умеренных, и присоединить к ним и евреев-руссофобов, они своеобразные националисты тоже (а разве я не руссофоб?) Русская национальная партия должна провозгласить, что она опирается на всех, кто по-русски говорит хорошо и стремится сохранить русский язык, кому дорого существование России как независимого национального государства, не ущемляющего права всех, считающих себя его частью.

Протянем друг другу руки, антисемиты и руссофобы, националисты и патриоты, даже коммунисты и православные. Только не будем ущемлять *духовную свободу*, а я подтверждаю, что буду бороться с неправдой и злом, а с христианами и коммунистами бороться не буду, о них я сказал все, что мог. Мне они чужды, но все же мне ближе коммунистический романтизм, очищенный от марксистского духа, то есть строительство справедливого общества, в котором нет войны между сословиями (только не причисляйте к сословиям воров, чиновников и олигархов).

Так что же мы имеем в "сухом остатке"? Пока немного. Основой государственной идеологии должен быть *русский национализм*, опирающийся на *общерусскую народно-социалистическую партию*, соединяющую в себе русских националистов и Российских левых, и *защита общерусского народа*, всех тех, кто принимает Россию, русский язык, русскую культуру.

Гражданские права жителей России должны быть гарантированы Конституцией, национальные права тех, кто не относит себя к русскому народу, должны быть гарантированы в форме *культурно-национальной автономии. Государства в государстве по национальному признаку* должны быть упразднены. Современный критик и историк Г. Г. Муриков пишет: «Никогда в России не было ксенофобии, потому что не было "государственных" национальных образований, источника разложения и коррупции.»

Основание: мы не можем создать национальных государств для цыган, евреев, поляков, украинцев, белорусов, немцев, сибиряков – почему же должны быть сделаны исключения для татар, башкир, якутов (учитывая, что в таких псевдонациональных государствах неотвратимо ущемляются гражданские и национальные права других граждан, не относящихся к титульной нации). **Мы, русские, это государство создали**, все его клочки полили своей кровью – вместе с теми, кто русский не по крови, а по духу и культуре – и провозглашаем братство всех граждан России в *общенародном государстве*. Так же обстоит дело и в Европе, Англия не разделена на несколько государств, а является Англией, хотя в ней проживают и валлийцы, и шотландцы, и ирландцы.

Аморфное множество, состоящее из разнородных элементов, не является народом, и не обладает общими признаками, – поэтому у "населения" национального сознания нет. Это показал и Лев Толстой в романе "Война и

мир" – но в результате нашествия Наполеона национальное чувство у аристократии и дворянства, даже у простонародья начало пробуждаться. Солженицын иногда говорит о «толще народа», дескать, вот то-то и то-то (положительное) есть зато в «толще народа» – нет, ни национального чувства, ни чего либо еще нет ни на поверхности народа, ни в его «толще» – но это не ошибка великого писателя, а последняя надежда отчаявшегося человека. Но если **нация** – это идея, синтез идей, синтетический образ, существующий в исторической памяти, в культуре, в стихах Лермонтова и Пушкина, существующий частично среди духовной аристократии (крестьяне ли то или дворяне, ученые или поэты), или в отдельных героических личностях, таких как генерал Карбышев, молодые Краснодонцы, мой отец – то несправедливо обличать русский народ – никакой народ не обладает ни постоянным религиозным энтузиазмом, ни национальным подъёмом, ни волей к освобождению – а *они появляются неожиданно в переломные или в трагические моменты истории*, как пламя из угольков, тлеющих под слоем золы – но, значит, они существуют и тогда, когда невидимы! – или они появляются под мистическим воздействием пророков и героев, таких как Жанна Д*Арк или Лютер, протопоп Аввакум или Гарибальди, Спартак или Пугачев. Если час гибели русского народа еще не пробил, то явится и Освободитель – но его явление неотделимо от чуда, пророки и герои обладают не только земным существованием, но и небесным, не только естественным, но и сверхъестественным, сакральным (священным).

Так начинаются национально-освободительные войны – у русских, у запорожских казаков, у балканских славян, в Испании, Голландии, Италии...

И где прорывается национальное чувство, об этом можно судить по художественным романам, историческим хроникам, и хотя в классовом обществе, феодальном или буржуазном, организации молодых карбонариев и революционеров создаются среди дворян и буржуа, а не среди рабочих и крестьян, но герои, подобные Пересвету и Осялье, Кузьме Минину и Ивану Сусанину показывают, что и в «толще народа» они появляются тоже.

Сегодня русский народ и Россия на краю гибели, русский народ вымирает, через десять лет нас станет на тридцать миллионов меньше, то, что при этом станет больше инородцев, означает, что в собственной стране мы станем национальным меньшинством – чему радоваться? Нормально ли проповедовать любовь к чужим детям (при том, что не надо их и ненавидеть), – когда дети в собственной семье умирают?

Национальная глухота и слепота, национальное безразличие и равнодушие – это не недостаток, а **преступление!** Как относились во время войны к тем, кто бежал с поля боя? Как к предателям! Не так же ли мы презираем власовцев, пошедших на службу к немцам во время войны? – а что сегодня русский народ? Разве это не власовский сброд на службе у олигархов?

Но что я сам сделал для русского освобождения? В моей родной Сибири кедровые леса выпилили повсеместно, выпиливают тайгу и лес в Забайкалье, на фотографиях мы видим пустыни и бесконечные штабеля леса, сложенные для отправки в Китай, тысячи километров земли проданы Китаю – на наших глазах

Родину расхищают – что мы делаем, что делаю я? Да ничего я не делаю, как и все мы, и ничего не могу сделать – но это не оправдывает равнодушных. Почему я ничего не могу сделать? Потому что я не встречаю откликов на мои проклятия и заклинания! Никто, кроме меня, не говорит, что русский народ вымирает, и «*Русь как поле зарастает с окраин*» – это цитата из моей статьи, написанной пятьдесят лет назад, за которую меня посадили – услышал я от моих собеседников хоть раз за всю мою жизнь что-то подобное? Не евреи – русофобы, а самые злейшие русофобы русские, их русофобия в их равнодушии к судьбе народа, к судьбе и их собственных детей и внуков.

Но **«есть, есть Божий суд, наперсники разврата!»**

Не знаю, в чем он будет выражаться... но "*секира уже при корнях лежит*", как говорил Христос о своих грешниках, и я повторяю его слова о русских.

Я устал, я болен, ни пророком ни героем мне не стать, это не происходит ни само собой, ни по собственной воле. Даже стихотворение не рождается потому, что я беру в руки перо. И поэтому я жду чуда, я надеюсь на чудо, оно необходимо, даже рождение ребенка – это чудо, а мы чаем ***Спасения и Преображения России!***

21 февраля, 22-24. Быть может, я еще смогу принести кому-нибудь пользу, если не этой книгой – она имеет значение только для меня самого, я прощался в ней со своими иллюзиями и пытался что-то понять в этом мире, окутанном мглой лжи и невежества – но пользу, быть может, я принесу позже, когда преодолею темный кризис в душе (в нем и заключено мое уныние).

Я попытаюсь написать Роман – ибо настоящие люди в России еще есть, их я нашел и среди поэтов, писателей, политиков, революционеров. Не все рабы, не все в обозе дьявольской власти.

Великая русская литература – это подлинная философия жизни и мира.

В повести Валентина Распутина «*Живи и помни*» показана судьба человека», отказавшегося пойти на войну и схоронившегося в пристройке за печкой, его не расстреляли (как я в отчаянии призываю расстреливать русских предателей, равнодушных к судьбе Родины и уклоняющихся от борьбы за ее освобождение), но он сам себя наказал тлением заживо, хуже чем расстрелом.

Не национализм – болезнь, а отдавание Родины ее врагам, подобное отдаванию на поругание своей матери, жены, сестры или дочери.

Устал уже сам от себя, и поэтому еще два отрывка, и я лягу на диван (хотя телевизора у меня нет), книгу эту дописывать не буду, а займусь подготовкой очередного номера журнала (*с топором*). Бывают странности и в истории, и символические топоры могут стать вещественно острыми и действенными.

Но пока, чтоб утешиться, еще несколько слов о прекрасных девушках.

Как читатель догадался, я довольно часто в очаровашек и вертихвосток влюблялся. В основном это случалось в школе и в университете, а когда началась взрослая жизнь, стало не до того, приходилось работать и зарабатывать на жизнь и на путешествия по России (и со товарищи, и с женою, а потом и с нашим сыном мы объездили и обошли всю Россию от Байкала до

Мурманских сопок, от Красноярских столбов до античных развалин на Черном море, от Ладоги и Онеги до Львова и Карпат – велика и необъятна Русь!»); да приходилось еще сидеть в тюрьме и в сумасшедшем доме (*умом Россию не понять, аршином общим не измерить* – но и там вертихвостки иногда вертели хвостом); а сколько еще работы и в доме, и пеленки стирать и пол мыть, и даже суп варить, а в деревне и огород копать и грядки полоть – а я все же был и пока остался, как мне кажется, идеальным мужем, *несмотря на...*

В университете времени было больше, учење мне давалось легко, поэтому удавалось даже назначить свидание, и тут вдруг я вспомнил, что утром экзамен, а я еще не открывал лекции и учебник. Конечно, моя ответственная подруга усадила меня за стол, открыла тетрадку (а все девушки *ответственные*, в отличие от нас, обормотов) и так как Алгебру она не знала, а только Гармонию, то потребовала ей все объяснять, мол, когда она поймет то или иное, то можно двигаться дальше. Время от времени она выливали мне за шиворот горсть воды, чтобы я не засыпал, и потом привезла на трамвае на экзамен. Отвечая на вопрос экзаменатора, я повторил слово в слово то, что было записано в лекции, и то, что "*нуль, умноженный на число, есть нуль, а кто не знает, запишите*". После этого я заснул прямо за столом. Экзаменатор открыл мою тетрадь и увидел, что там все так и написано, и вкатил мне размашистую пятерку.

Во взрослой жизни я тоже иногда влюблялся, но так как работа, очередь в магазин, строительство стеллажей для книг и литературные вечера отнимали все свободное время, то влюблялся я только в тех девушек, которые на эти вечера приходили. Они в меня, естественно, тоже влюблялись, но после моих объяснений в любви восклицали: *В.И.! У тебя святая жена, неужели я поспею с нею соперничать?!* (О многом я в своей Исповеди умолчал, но ни одного слова в ней не придумал!)

И тем не менее жизнь моя состояла из приключений, походов, чудес! Когда я стану старше, я напишу еще одну Исповедь, и в ней чудес будет больше, ныне я в отчаянии, поэтому исповедь моя столь мрачна и отчаянна.

Падшие. *Падших мужчин* я встречал немало, и ни одного хорошего слова о них я сказать не могу, обычно они *падали* на обочину или в канаву, чаще зимой, и мне приходилось их тащить к ним домой, там я выслушивал проклятия в свой адрес, а когда пытался пролететь, что я его нашел по дороге, меня уже выталкивали за дверь.

Встречались и *падшие девушки*, зимних я ласково называл *подснежницы*, таких было две, расскажу об одной.

Однажды, уже принарядив елку, я собрался уже проводить старый год хотя бы глоточком вина, как мой подрастающий сын сказал: Папа, ты наверное сегодня вечером будешь рассказывать о всяких чудесах из твоей жизни – но почему я их сам никогда возле тебя не видел?

– Так, еще осталось два часа, успеем вернуться, одевайся!

И мы пошли по направлению к *Муринскому ручью*. Шел снег и крутилась легкая поемка, но было тепло. Проходя вдоль очередного сугроба (уже и до таинственного ручья, в котором водились русалки, было недалеко) мы вдруг заметили две девичьи ножки, еще не совсем занесенные снегом.

– Рой, – приказал я сыну. – это *она!* Вскоре мы отрыли молодую девицу в шубке и шапке и поставили ее на ноги. Она упала, но было видно, что еще живая, только спящая. Вспомнив литературные советы, я начал нежно шлепать ее по щечкам. Подошла дворничиха, оглядела, нас отодвинула, мощной рукою взяла падшую за шиворот (почти как Стенька, обвинивший своей рукою стан персиянки) и два раза нежно врезала ей по щекам. Девушка встрепенулась и вскочила на ноги, захлопав глазами.

– Ну а теперь забирайте свое сокровище!

Мы пришли домой, позвонили в дверь, моя святая жена нам открыла и *падшая* пролепетала: *Здравствуйте! Я Эля! Из-за несчастной любви...*

Оказалось, что она приезжала к кавалеру именно на Встречу Нового года, а к нему уже приехала другая, было бурное объяснение, после чего она решила замерзнуть на пушистом сугробе. В три часа ночи я посадил ее на такси, заплатил за поездку (*подснежница* поклялась, что деньги вернет, но так и не позвонила). А жаль, она была не дурна собою (дурнушки в сугробах почему-то закончить жизнь не пытаются).

Много в моей жизни было чудес, ни денег, ни власти, ни славы они не принесли, я даже с их помощью не сумел узнать, *что есть истина*, но что *жизнь прожить – не поле перейти с сохой*, это я хорошо понял. Встречался я с племянницей греческой королевы (она "сидела" в Решетах, где я учился), с министром испанского двора, учился с внучкой Махно, встречался с духовниками и другими близкими русских царей и патриархов, дружил с незаконно-рожденным сыном великого Кормчего, встречался с подругами Гумилевых, отца и сына (с Ирочкой Одоевцевой, которая в меня влюбилась, и с Птицей, очень милой дамой, из-за писем к ней Льва Николаевича, которые я опубликовал, меня ругали), дружил с подругами Анны Ахматовой, генерал Лебедь подарил мне Книгу воспоминаний; встречался с премьер-министрами, губернаторами, лидерами политических партий, поэтами, писателями, учеными, ... туг «*фишка*» в том, что я был человек **безвестный**, школьник, студент, бродяга... **человек из массовки**... и все мои встречи только тем интересны, что я (*блаженный, но не нищий духом*), распивал с широко-известными – *я хотел узнать и понять мир как целое*, по выражению Страхова – *но почему они меня привечали* – сие все же странно!

Множество незримых нитей привязывали меня (чаще окольными путями) к людям-символам русской истории, академик Ухтómский представлен его Альбомом, в котором фотографии икон ДО и ПОСЛЕ реставрации (и я увидел, как иногда трагически поновленная икона теряла глубину чудесного). Из уст очевидца я слышал историю о том, как академик стоял уже под расстрелом, а его ученик в последнее мгновение примчался с запиской от Ленина. (И случайно ли в журнале я публикую статью о епископе Андрее, князе Ухтómском, брате академика?) А что можно понимать в русской философии, не читая философские сочинения великого ученого (в изложении его слушателей и почитателей) и подобные же сочинения академика Вернадского? Что можно понимать в философии, питаясь только европейской схоластикой? *И что можно понимать в жизни, не читая шумерских глиняных табличек?*

Воспоминания Варвары Георгиевны о певице Липковской; альбом художницы Серебряковой, встречи с игуменом Авраамием, с которым я *тил* и слушал его исповедь, с известной актрисой, с которой после спектакля мы вместе проливали слезы (так состоялось наше знакомство) – мне кажется, что я не совсем никчемный, хотя никого не удавалось мне убедить в своей правоте (но почему, черт побери, меня сегодня никто не слушает?)

Этот калейдоскоп лиц и событий привожу я не для того, чтобы изобразить себя в сияющих красках, я иногда хвастаюсь, как мой внук Паша, мучительно болея, в полузабытьи бормотал: *Паша хороший, Паша хороший мальчик!* – чтобы преодолеть отчаяние, чтобы выжить...

Да, множество встреч...

Значительные лица русской исторической сцены часто лица случайные, иногда Хлестаковы, иногда Скалозубы, иногда "губернаторы с органчиком в голове" (как Ельцин), но многие случайны, даже Керенский, Ленин, Сталин! Вот безвестный Пугачев произвел сам себя в императоры и сотряс империю! а Колчак, и Корнилов, Ленин и Сталин... «незаконнорожденные цари», сколь бы они ни были весильны – марионетки на службе у случая. Бог ведь потешался, когда производил в императоры Византии евнухов, а папами Римскими назначал то *пирата*, то беременную *монашенку*.

История, увы, НЕ сакральна. И мы, безвестные, неудачливые маги и ученики магов – ждем **Чуда – Георгия со Змием**. Если Бог захочет передо нами оправдаться, то оно произойдет.

Отличительные признаки личности и народа.

У *цыган нет единого языка, нет государственности*, достаточно развитой культуры (в таком широком смысле этого слова, как она есть у немцев и французов, даже у англичан). И все же не назвать цыган народом, хотя бы потому, что они не растворились за несколько тысячелетий, это значит их обидеть. У них есть ярко выраженные черты телосложения и внешнего облика, даже характерная упругая мужская походка, есть у большинства и достаточно общий тип поведения, общий тип общественных отношений и подчиненное положение женщины, характерное для родового строя.

Мужчины-цыгане продают лошадей, занимаются конокрадством, женщины – гаданием. Но есть цыганские хоры, ансамбли, театры, есть оседлые цыгане, которые занимаются не только продажей спирта и наркотиков...

Курды проживают не вместе, и все же это тоже единый народ...

Но русские, возможно, народ самый разобщенный, это последствия семидесятилетней коммунистической диктатуры, образования СССР, который был сшит как лоскутное одеяло из земель бывшей Российской империи, и удивительного создания из русского народа трех самостоятельных народов.

И эти русские с грустью и сожалением вспоминают свое комсомольское прошлое, в котором народ втапывался в грязь... Немцы тоже любили фюрера... Я не могу понять следующее: **20-й съезд** Коммунистической партии осудил *сталинизм*, очистил от него и партию, приспешники Сталина были либо расстреляны, либо посажены в тюрьму, либо уволены с постов, десять

лет мы прожили «против» Сталина, даже после Брежневского переворота в 64-м году жили без него, и народ его уже позабыл!!! И вдруг после того, как КПСС потеряла власть в стране, воссозданная партия коммунистов (КПРФ) восстанавливает на своем знамени Сталина! Не является ли эта партия кремлевским проектом или даже зарубежным (как и вся система пост-советской власти, которую мы первоначально считали демократической), с тем чтобы никакие другие оппозиционные силы не могли с этой партией соединиться (как, очевидно, и другие партии – такие же искусственно созданные и насаждаемые Кремлем)?

Но возвратимся к народу.

Отдельную личность создают по большей части врожденные свойства, прежде всего **Пол** и **Характер** (как пишет Вейнингер), при этом если **пол** рождается, то характер в значительной степени *становится* (по Шпенглеру).

Национальность, при этом, двойка, то есть и *природна* и *культурна*, и в значительной степени связана с воспитанием и национально-культурной средой.

Но так как **народ**, этнос, племя, род, то есть множество, *организованное* по одному или нескольким признакам, не совпадает с *аморфным множеством*, которым является **население**, т.е. совокупность жителей, проживающих на территории государства (как, например, Словарь русского языка не совпадает с романом Война и мир) – то каким образом в словаре появляется роман, а в населении проявляется или появляется народ, мы не всегда понимаем. Так, например, население бывшей империи, которое создавало себя *русским народом*, вдруг стало народом *советским*, произвело из себя на свет еще и *украинский народ*, а потом перестало быть советским народом, хотя неохотно вновь становится русским... Средний житель столичных городов с тоскою вспоминает эпоху Сталина, когда и цены снижали, и врагов народа сажали: *русских крестьян, дворян, инженеров*.

Так что мы никак не можем ответить на вопрос, что делает население народом и как народ погасает в нем или воскресает, и если русский народ в ближайшее время не преодолет волю к апатии, тлению и смерти, то и никогда не узнаем.

Но все же, по воспоминаниям о том выдающемся времени, когда народы еще существовали, когда они представляли из себя исторические личности, попробуем представить, какими свойствами они обладали.

Обладает ли народ признаками пола, может ли он быть мужского пола или женского? Ну, очевидно, что, состоя из мужчин и женщин, народ соединяет в себе черты и того и другого пола – однако, как ни странно, если говорят, что у *России женская душа*, то и русский народ преимущественно *женствен*, как немецкий – *мужествен* (если вспомнить эпоху раннего средневековья, то у германских племен даже женщины были мужественны).

(А что можно сказать о евреях? Еврейские женщины себя в еврейском народе почти не проявляют, поскольку все характерное для него связано с мужчинами – *торговля, финансы, политика, бизнес, ростовщичество, ювелирное производство*... следовательно, еврейский народ – мужского пола, хотя национальность его представителей определяется по матери...)

О человеке можно сказать немало, рассматривая его личные качества – но какие личные качества можно рассмотреть у народа? Решителен он или нерешителен? Жесток или милосерд? – один и тот же народ (как, впрочем, и человек) ведет себя часто противоположным образом в одну и ту же эпоху. *Трудолюбие* у немцев отмечают многие как характерную их черту – но обо всех остальных народах нельзя сказать "трудолюбивы" они или "ленивы". Итак, *народ – личность, но у него нет ни пола ни характера*. Можно было бы сказать, что народы не сравнимы друг с другом почти ни в каком отношении, кроме как по культуре – но культура не является всеобщим свойством народа, и русская дворянская культура 19-го столетия почти была неизвестна крестьянам, составлявшим девять из десяти его частей. Однако, нельзя сказать, что крестьянская культура не являлась общенародной: один и тот же язык принадлежал и помещикам и крестьянам и продолжал развиваться и теми и другими (церковно-славянский язык и быт духовенства – это еще один приток полноводной русской культуры, но для простоты рассматриваю два ее центральных притока: культура правящего дворянского слоя и культура крестьянства). Итак, язык: дворянство входило в язык литературой, а крестьянство вносило в язык *отделку*: загадки, пословицы, поговорки, сказки, басни, притчи, присловья... В-третьих, деревенский быт входил в общую культуру: украшение жилищ, снаружи и изнутри, влияло и на городскую дворянскую архитектуру и на усадебную деревенскую и на церковную (надо иметь в виду еще и разнообразие форм церковной архитектуры, это ведь не только храмы, но и часовни, и кресты, в частности памятные, придорожные, и монастырские строения, скиты, подворья, церковные лавки, убранство, одежда, предметы обихода... (В юности я мечтал собирать подсвечники – какое разнообразие предназначений и форм! Подсвечники в церкви, в избе среди иконостаса, на столе для освещения комнаты, на стене, подсвечник переносной, вроде фонарика, дешевый латунный у прислуги и крестьян, большой серебряный у барина, односвечный, трехсвечный, в виде фигуры, изображающей девицу со свечою в руке, или более сложной композиции.)

Дворянская музыка, особенно романс, испытала громадное влияние народной песни, наконец, включила песню в свой состав, что сделало русскую музыку равноправной великим музыкальным культурам Запада.

Но все же существует ли народ как нечто исторически определенное, протекающее и *входящее в мироздание как мировая константа*?

Но *существует ли и человек*? Сопоставим младенца, ребенка, подростка, юношу, взрослого человека, пожилого, старика, согбенного старца. Один ли и тот же ли это человек?

Товарищ мне рассказывал, что его отец участвовал в Походе Красной армии на Варшаву в 1920 году, затем они стремительно бежали в Россию, и его отец бежал с товарищем в пределы Псковской области. Прогремела коллективизация, раскулачивание, голод, Вторая мировая война и снова голод. Наступила наконец относительно спокойная жизнь, и они с отцом поехали в соседнюю волость искать лес для постройки дома. Проездили день и на вечер попросились переночевать в крайнюю избу села, хозяйка

пригласила к ужину, они сели за стол, негромко переговариваясь. Вдруг с печи свесилась кудлатая сивая голова: «Санёк, это никак ты?!» То был товарищ его отца по бегству из Польши.

Как видим, часто и человек претерпевает столько изменений, что уместно спросить, один ли он и тот же, или это разные люди, вот например, смиренный сельский ребенок, грозный атаман разбойников, смиренный раскаявшийся монах – кто из них есть Он сам, тот человек, личность которого мы ищем?

А уж тем более, если речь идет о народе. Русский народ 19-го столетия, семнадцатого года, коллективизации, сгоняющей с дедовских земель миллионы своих соотечественников, народ, бежавший от западных границ до Волги в 41-м году, и народ, медленно, но неотвратимо текущий во враждебную Европу до Рейхстага...

Народ, в жажде свободы разрушивший национальную империю, и взамен одевший на себя ханское ярмо, потом вдруг бульдозерами скovyрнувший с русской земли все памятники кровавому нерусскому тирану, сыну грузинского сапожника или пригульному сыну прачки, "выблядку" (я не хотел бы унижить всех пригульных детей, часто это плоды незаконной любви, а проклятая жизнь почти всё, что связано с любовью, стремится изгнать и опорочить и объявляет незаконным, – но тирана я хочу оскорбить хотя бы посмертно, поэтому отношу к нему злые слова русского сибирского языка) – итак, народ, скovyрнувший бульдозером с русской земли памятники вождю растлившегося русского народа (бывшего *народа-богоносца*, как его называл Достоевский, поверхностный психолог и крайне неглубокий мыслитель, хотя и гениальный писатель!) – неожиданно снова водрузил лик тирана на своих знаменах и начал прославлять недавнюю мрачную тиранию!

Но почему я с таким остервенением толкú и толкú в ступе своей *философии истории* этот проклятый и несчастный двадцатый век?

Прежде всего потому, что я, крестьянский сын, одновременно и дитя культуры, народные песни я слушал в своей крестьянской деревне и они меня созидали, дворянские книги я читал в темной избе, освещенной лучиной, или в школе, и они меня созидали тоже – однако и народные песни существовали только пока просвещенное дворянство возглавляло Россию, когда же к власти пришли матросы, солдаты, мужики, инородцы, *евреи из-за черты оседлости* (они существенно отличались от тех, которые были встроены в разночинное общество девятнадцатого столетия) – то образованное сословие было частично уничтожено, частично изгнано за границу, и только малой частью вошло в советский народ, и корабль русской истории накренился и дал течь, и неотвратимо *исчезли и деревня и русская песня*. Все эти «новые русские князья» – умели махать шашкой, митинговать, призывать, **расстреливать** – но не умели управлять страной и хозяйством. Террор начался и существовал не из-за сопротивления народа, а только потому, что **надо было народ запугать и списать на "врагов" собственное неумение и бездарность**.

Военные операции, которые возглавлял Сталин, заканчивались погромом, военные операции, которые возглавлял Жуков, приводили к морям крови, к поражению или обороне, успешно воевали другие, которых освободили из-под расстрела и тюрьмы: Рокоссовский, Мерецков, ...

Но вот "ирония истории" – сегодня Россия на краю пропасти, завтра она может погибнуть, поэтому не надо ли националистам объединиться со всеми, кто противостоит анти-русской власти – в том числе с теми, кто «ближний до отвращения»? *Ибо* немцы уже на другой стороне Волги, Сталинград пал, Москва пала еще раньше – надо ли спорить с "Рязанским князем Олегом"?.. И не соединить ли всех в одну последнюю боеспособную армию!!! *Ибо какие у нас евреи, какие полукровки, какие инородцы?!* Читаю про эвенка, который в конце 90-х годов видит по телевизору, как чеченцы отрезают головы пленным русским солдатам, берет в руки дедовскую винтовку Мосина 1895 года и едет к командующему русской армией на Кавказе защищать русских, и становится одним из самых успешных снайперов в истории!)

Но вернемся к народу, мы еще не прояснили до конца, *существует ли он* и что он такое.

Природная система. В природе существуют устойчивые биосистемы, которые образованы в результате синтеза природных климатических условий, ландшафта, и совокупности растительного мира. Таков пример Сибирской Швейцарии в северном Забайкалье в пойме реки Оки.

Но после вселенского пожара, которые время от времени случаются в тайге, биологическая система исчезает, на ее месте остается пожарище, которое постепенно зарастает кустарником, ольхой и березой. Однако, проходит столетие, и удивительное природное явление возрождается – возможно, существует и не уничтожается **телеология** (целеполагание), которая является волей и душой биосистемы и восстанавливает ее. Так и в человеке существует душа (которую мы не в состоянии ни выделить из тела, ни разместить в нем, которую я объясняю как нематериальную метафизику, существующую вместе с телом, как водород и кислород существуют в воде. И если человек есть единство души и тела, то и народ есть нечто иное чем *тело* (т.е. совокупность людей в государстве, население), он есть единство населения и заключенной в нем *метафизики, телеологии, интелехии, предназначения.*

В повседневности народ как будто не отвечает нашему идеальному представлению о нем, но и в повседневности заключена некая мистическая сущность, созидающая то, что отвечает вызову времени, судьбе, *назначению.* И естественно, что население нынешней России далеко от себя как народа. Но не так ли и с поэтом, как пишет Пушкин?

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;

– и не соответствует своему высокому предназначению.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Не так ли и с народом? Он ничтожен, не достоин своего призвания, – пока не раздастся звон колокола, призывающий его пробудиться и восстать! *Ибо народ не является народом в повседневности – но является народом в призвании.*

Даже в преддверии испытаний и бедствий он не слышит вешего голоса, не слушает предостережений пророков и духовидцев – и опомнивается, когда оказывается на краю пропасти. За мгновение до смерти он напрягает последние силы, ему удается зацепиться за Урал, за Сибирь, – и спастись. Народ терпит лишения и невзгоды, теряет своих сыновей и дочерей – но хотя бы спасает внуков. Но надо ли восхититься народному подвигу, надо ли благодарить народ за спасение, надо ли его восславить? Ибо я задаю тяжкий вопрос: **какова цена исторического упадка, позднего ума народа и чудесного спасения?**

И я слышу в ответ ужасные слова: **мы за ценой не постоим!** которые говорят не те, кто своею кровью оплатил чужую бездарность, а кто не страдал, кто бездействовал, или дети их, во всяком случае не те, кто погиб! Только я не оправдаю виновных в гибели моего дяди, Василия, и моего отца, Ивана.

Что такое народ, я не определяю математически, подобно треугольнику или окружности. Народ – это органическое, родовое и духовное целое, являющееся Личностью – в энтелехии, и населением – в повседневности, – простонародьем, толпою, *черню* (по Пушкину), «народной *массой*» (по Ленину), и пушечным мясом (по маршалу Жукову).

Этой "черни" и этому "электорату" я, как видите, не отказываю в праве быть или стать народом – но я хочу правды вместо славословия и елея. Я размышляю сам и к тому же призываю других. Но размышление – не набор лозунгов и заклинаний, и если мы даже и «великий народ» – от этого мы не станем ни свободнее, ни богаче, пока кучка негодяев владеет всеми богатствами России, и пока властители страны богаче всех прежних русских царей.

Но стали ли мы в результате их правления промышленно развитой страной, здоровая ли у нас пища, возрастает ли численность? Нет. Напротив, через десять лет мы станем национальным меньшинством в собственной стране, она уже не будет Россией. Этот «народ» живет хуже всех в мире, образование пало ниже точки замерзания, медицина платная или никакой, даже воду опасно пить – но зато у них лучший царь в мире. И не один или несколько человек бесстыдно врут мне в глаза, а 77 процентов народа готовы за свою власть поубивать всех несогласных. Что же из себя представляет народ, лишающий собственных детей будущего? Вас кто-то поднял с колен? Не обольщайтесь! Это у ваших правителей виллы за рубежом, у вас их нет и никогда не будет, и Западу вы не нужны, и дети ваши тоже. Когда вы продадите на Запад весь сибирский лес, все сибирские цветные металлы, весь сибирский газ и всю сибирскую нефть, вам больше нечего будет туда продавать и царь вас кормить не станет. А куда вы денете своих детей и внуков?

Может быть, вы подобны тем детям, которые не понимают, что нельзя пускать в дом разбойников? И когда ваш дом опустеет, вы вдруг очнетесь от наваждения? Что я тогда смогу вам сказать? Вы и тогда не сумеете понять, что вели себя недостойно, не хотели знать правду, знание обменяли на веру. Вы не хотели думать, не хотели слушать тех, кто думал – и России больше нет – если только мы не найдем способ остановить вакханалию безответственности, равнодушия к родине, наркотической сладости сна у голубого экрана...

Но хватит уже говорить с "народом", хватит взывать к его чести, пытаться пробудить в нем стыд хотя бы с помощью оскорблений. «К чему стадам дары свободы?» – горестно спросил наш великий поэт.

Дары свободы народу (то есть *черни*) не нужны, отвечаю ему я.

Если Россия – *женищина*, то ее судьба и ее повседневность почти всецело определяются тем, за кого она вышла замуж. На заре истории она вышла замуж за варяжских князей, и жила в строгости, но достойно. Когда же князья обрусели, она пошла по рукам и даже досталась татарам. Но выросли собственные князья, Россия изменила татарам и возродилась, – на время – потом вновь загуляла, до Петра и немецких царей. Эти цари ее мощной рукою выдернули из бездны, создали из славянско-чухонских племен имперский народ, пока блядская кровь в ней снова не заиграла и не пошла она по рукам, а дети ее по трущобам. И все же и теперь хитрый мужичонка пригрел ее и "поднял с колен", пока бродяги не заманили цветными монистами, за которые она промотала уже всё: и дом, и пашню, и лес, и речку, а детей отдала в услужение богатеям. Но скорби ее не закончились, и в доме ее разбойники устроили воровскую малину. Пьют и гуляют ее новые властители, бьют стекла соседям, боится их и чужая шпана – очнется дурочка после пьянки, и увидит, что даже последнее платье, чтобы прикрыть свое срамное тело, она уже прогуляла.

Любовь к тирании.

Синдром посттравматического стресса давно изучен, он состоит в том, что у заложников вдруг возникает странная любовь к террористам, их захватившим, к бандитам, которые могут их уничтожить.

Именно такова сегодняшняя любовь к давно умершему тирану, подобная параноией, возникающей после шока. Народ наш тяжело болен, его не в тюрьму и не в карцер надо сажать, не казнить и не бить за эту отвратительную любовь, а *лечить!* Лечением же является преобразование школы, культуры, хозяйственной и социальной жизни, преобразование общества, природы, *всего мироустройства и бытия!* Теперь болезнь проявляется уже в третьем поколении, так глубоко она проникла в организм нации. Любят тирана не только те, кто хотя бы успел при нем побыть в пионерах, но и их дети и их внуки, следовательно, болезнь, которою болен русский народ, передается по наследству. Недавно безумие приняло новые формы, появились группы маньяков, возлюбивших Ивана Грозного. Возможно, скоро появятся приверженцы Батья и Мамаю, и даже Тохтамыш, сжегшего Москву.

Но что могло измениться существенно в худшую сторону за прошедшие годы? Вероятно, за правду жизни мы принимаем ту клоунаду, которую наблюдаем на сцене, открытой нашим смутным взорам – но мы видим неправду! И мы не таковы, как нам показывают **в их зеркалах**, и не таков народ города и деревни. Не радуется он тому, что происходит вокруг, не приветствует разграбление страны, не поощряет то, что сто человек присвоили себе все богатства страны и вывозят их за рубеж! Неужели в здравом уме и в ясной памяти кто-то способен защищать право миллиардеров, захвативших над нами власть, нами владеть? *Это только морок, и он скоро развеется.*

Иначе бессмысленно жить. Я прихожу в детский сад за Пашей и вижу других детей. Они все хорошие дети, не только Паша. И я радуюсь тому, что у наших детей есть родители, есть сад или школа. Но я не забываю, что в России **в ста километрах от крупного города уже нет школы, нет больницы, нет детского сада, нет дороги, женщине негде родить, мужчине негде работать** – неужели у них ничего нет только потому, что еще что-то есть у нас? Неужели жители двух столиц **так ненавидят наш народ**, чтобы отчаянно бороться за то, чтобы стало еще хуже, чтобы вскоре и **для всех** не стало школ и больниц? Да у них просто туман в голове, и он скоро пройдет.

25 февраля, воскресенье, полночь. Два дня проездили с женой по Карелии, были на горах и в гротах, были на карьере, где добывали мрамор для Петербурга, смотрели на чистый снег и ходили по снежным тропинкам в лесу, обнимались с сосной, под которой была дописана Калевала. Очень много в нашей стране хороших людей, напрасно я так впадаю в отчаянье. Времена не застывают, как вода при морозе, они изменчивы, и хотя в одиночку я ничего не смогу изменить к лучшему – но ведь что-то пытаются сделать и другие? Значит, надо продолжать жить, помогать тем, кому возможно помочь, и написать другую книгу, которую будут читать. Это должна быть книга надежды, а не книга отчаяния.

И у меня еще так много работы, что, казалось бы, когда же отчаиваться? Обычно отчаяние наступает ночью – но приходит утро и жизнь продолжается. Продолжается и Житейский Роман, я до сих пор жив и почти здоров, через два дня Паше исполнится четыре года – нет причин для уныния! *Надо дальше жить и помогать близким.* И перестать ругать тех несчастных, которые *плохо видят* – это я виноват в том, что не сумел им помочь и так поспешно мой собственный темный, забитый, больный и придавленный тиранией народ отвергаю как неспособный исправиться.

Еще я узнаю немало нового, будут и волхвы приходиться по утрам, и музы будут нашептывать строки стихов, и красивые девушки еще будут читать мои книги! Будут меня читать даже дурнушки, разве я не влюблялся в таких, совсем неэффектных, которые меня поражали рассудительностью или достоинством? Да разве я не влюбился однажды в ученицу, которая только бледнела у доски и шмыгала носом, а я увидел ее дома, в бедной семье без отца, мне ее стало жаль – и вдруг она расцвела и стала прекрасна!?

Поэтому... поэтому *надо жить во всю силу!* Надо жить даже и через силу, и написать новую книгу, которая поможет хотя бы немногим. Надо вскопать огород, отремонтировать баню, нищему дать денег на хлеб или выпивку, печалующему улыбнуться... Если бы я не жил, то уже ничего не смог бы сделать, а я ведь живу и даже иногда радуюсь...

Я и теперь могу возразить почти всякому, проблема не в том, что нас обольщают *непостижимым*, неправде которого возразить невозможно – проблема в том, что ложные идеи принимают столь много обличий, что не хватает жизни, чтобы их опровергнуть. Надо научить человека здраво смотреть на вещи, чтобы он сам отличал хорошее от плохого – но для этого надо исправить русскую школу, а для этого заменить зловредную власть.

Бессмысленность частных опровержений лжи я покажу на одном примере (который не сделает наш народ просвещенным, ибо ложь предьявит новую армию тезисов, и, как сказано, жизни не хватит на их опровержение). Итак, частный пример. Человеку, критикующему власть, обычно возражают так: Но *если не этот, то КТО?* И *есть ли гарантия, что новая власть не будет хуже этой*, как после революций сначала 17 года, а затем 1989-го?

Беды России и беды нашего народа проистекают из режима личной власти, и из сознания, привязанного к такому режиму, поэтому необходимо власть передать правительству, ответственному перед народом, то есть перед парламентом, избираемым народом или, в случае серьезного кризиса, избираемому через референдум. Такая же форма власти должна быть и в местном (в том числе областном) самоуправлении. Всегда будет известно, **КТО** (претендует возглавить *новое правительство*, в частности и коалиционное) – если не этот. Охмурители будут возражать еще две тысячи лет, столько я не проживу, чтобы всем возразить. Правда, если народ в отчаянной междуусобной войне навяжет нам свое право быть подданными монарху – ну, что же, наследственная монархия несколько лучше пожизненного президента. Но лучше у народа не спрашивать, кто будет им управлять, как в эпоху татаро-монгольского ига. Или пусть решает подушка или гвардейцы (при выборах Александра и Екатерины), но не народ (который ничего не решает).

Что такое **русскость**? Разве она только в хорошем происхождении? Нет, много и таких русских, которые (как пишет Пушкин о Фаддее Булгарине, тоже русском, хотя и *бывшем поляке*) «родились в кудлашкиной конурё». Кудеяр-атаман, о котором поется, что *«много разбойники прошли крови честных христиан»* – русский разбойник. Оттого, что он русский, он не лучше других, немцев и евреев, а оттого, что разбойник – хуже. Большевизм – такое же исчадие ада, как и гитлеризм, и осудить надо *красную революцию* и всю деятельность большевиков, как и сталинизм – его следствие. И Ленин тоже разбойник, и это грамотному человеку, умеющему читать, ясно даже без чтения стихов Ашшурбанипала на глиняных шумерских табличках. Прочтите 55 ленинских красных томов, в конце каждого тома напечатаны пояснения к его статьям и запискам, например, там написано, что надо расстрелять царскую семью, но сделать это над так, чтобы подозрение не падало на правительство. Зря обыватели думали, что только с падением советской власти мы обо всём все узнаем – нет, обо всём уже было известно, и что мы живем плохо, боимся дышать, что картошка на овощной базе гниет, что за сметаной надо долго стоять, что выборов нет и не будет (**а не стало и тех, которые были**)... Любось к Сталину – это болезнь, не все сталинисты – сталинисты, как и большинство православных не христиане, а черт его знает кто. Но мало русских среди православных, мало русских среди коммунистов, присоединять ли к русским и тех и других? И соединять ли с нами евреев и эскимосов, полукровок и инородцев, несогласных с антинародной властью? Несомненно! **Если мы не одной крови, то мы зато не одного духа!**

Но объединяться ли русским националистам с партией, защищающей Сталина, если создание такой партии входило в планы основателей новой ложной России? Я уже во всем сомневаюсь.

Но история еще не закончилась, и история России, и левых движений, и чаяния справедливости (для торжества которой надо создавать *Русскую партию*).

Да разве и моя жизнь закончилась? Мне кажется, что я становлюсь лучше. Мне уже почти не важно, читают меня или нет, если мне дадут вести несколько уроков в сельской школе, я буду счастлив, о большем я не мечтаю. Может быть, напишу Азбуку элементарной математики. Или *Учебник математики для фей*, о чем я мечтал еще в детстве.

Пусть существует и церковь, только бы не заставляла она отвергать жизнь, семью, труд и творчество. Пусть она просто призывает народ вести себя благопристойно. Или очистить природу. Или призывает стать честными...

Открыл свой Сборник стихов. Есть и неплохие стихи.

Ни денег, ни счастья, ни славы – хотя бы посмертной...

Лежу на пригорке, не сыро, и то слава Богу!

Опугав цепями, сковали молчаньем, обетом – *омертой!*

Бумагу и ручку тайком захватил я в дорогу.

Ни денег, ни славы, ни счастья, – хотя б на мгновенье!

Но, правда, не дует, и место довольно укромно.

Лежу я спокойно, но плохо, что слабое зреньё,

И дышится трудно, и крышка, увы, неподъемна.

Ни счастья, ни славы, и денег, увы, маловато...

Хотя здесь и тратить-то не на что, все же – а вдруг пригодятся?

Вверху не напишут: «Последний приговор солдата!»

Внизу не узнают, иллюзии жизни продлятся ль...

И вот я лежу и не знаю – лежать ли мне дале?

Иль с новой страницы – в сомненьи, в тоске и в печали... (2011)

Пора бы умереть стоя, Пока еще носят ноги,

Пока хоть немного стою, Хотя и не ценят боги.

Может быть, любят девы, Наверное, любят дети,

И даже, уверен, слева Нашептывающие... ну, эти...

Надо бы попроситься со всеми, Кто меня хоть немного любит,

Пока еще не вытекло время, Которое меня губит.

...Крошки на полях писем, Почерк неуклюж и тесен.

Последняя *игра в бисер*, Последняя из моих песен... *Зима 2015г.*

1 марта 18 г., 11-09. Спал хорошо и ни о чем плохом не думал. Да и внуку моему вчера исполнилось 4 года – он на одной из страниц этой книги.

Кроме семьи и родных, кроме друзей и моего *окружения* (то есть *озера*, в котором я плаваю, как карась, но где водятся и зубастые щуки), существует и разнообразный народ, преимущественно мирных рыбных пород, усердных тружеников и красивых девушек, и книги я пишу не только для себя, не только для родных и для литературы (включая наш литературный кружок), но и для Русского народа и России в целом.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Во-первых, я думаю, что существенно я ни в чем не виновен – правда, если власть в России окончательно окаменеет вокруг щучьего стада, то *именно поэтому* меня и расстреляют. Но **весь я**, как и Пушкин, уже **не умру**.

2. Во-вторых, уже мне ясно, что **я – человек**, а *божественные угольки* во мне если и были, то либо погасли, либо присыпаны пеплом. Вероятно, дело в том, что я чрезмерно порывист, во всем перехлестываю через край, вот и в воплощении: положено мне было вочеловечиться, но я перестарался, стал человеком настолько, что уже *почти как все*, **ничто человеческое мне не чуждо**, и вино, и девушки, и тщеславие, и страсть, и гордость, и честь и достоинство – с христианством несомненно надо было порвать, но ведь и с марксизмом, и с большинством мифов, и *с верой в правоту большинства*. Ибо **большинство редко право, чаще правы одиночки (как я)**.

3. В том, что я слишком вочеловечился, виновата моя *горячность*, и я подтверждаю, что я, по слову апостола, еврей... тыфу... *русский из русских!* Хотя с этими русскими мои отношения складываются труднее, чем даже с евреями, труднее, чем с инородцами. Русские ли для меня те русские, которые не страдают от того, что мы вымираем, которые живут для себя и не хотят помогать России? Нет, "эти русские" – враги России и русского народа.

4. Но все таки даже "этих русских" не будем взвешивать на весах, сколько в них русскости и белые они или красные, и не будем пока выяснять, кто из них самый правый: если готов служить России, то будь хоть красным; влюбись хоть в полячку, как Ондрич; будь хоть *анархист*, как Бакунин...

5. **Поэт или царь?** Нельзя отождествлять Родину с государством, властью и идеологией. Россия – это не **самодержавие** и не **православие**, власть, вера и идеология, как доказала история, преходящи, только народ и связанная с ним культура исторически наименее изменчивая основа того целого (и что не тождественно даже государству), частью которого является человек. Россия – это *Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой*, отчасти и я – для равновесия, ибо хотя я и ругаю «простой народ» за его глупость и невежество, но все же я единственный крестьянин в этом «барском» роду.

6. **Культура или церковь?** Я пытался их примирить, но церковь и ее клеветы впали в такое воинствующее мракобесие, что я махнул на православных рукой. *Я сочувствую человеку, а они сочувствуют Богу*. Ну и пусть. Они могут отделиться и от культуры, и от России, и пусть существуют сами по себе и сами для себя. Но только за собственный счет.

7. **Есть ли Бог?** Или рассуждения о нем только *слова, слова, слова...* как говорил Гамлет и повторил Пушкин? Но существует ли *музыка*? Она не существует для тех, кто не слышит звуков; правда, кто их и слышит, не все ее воспринимают. Так и письмо беззвучно для тех, кто не умеет читать.

Бог возникает в музыке, и *Богом является слово поэта*. И так как я все же остался жив, то теперь буду искать силу, которая соединится со словом, и поможет призвать к ответу всех, кто грабил Россию, всех их защитников, всех беглецов, чиновников, ментов и неправедных судей, которые миловали воров и казнили праведников, и даже тех, кто сочувствовал неправедной власти, пусть по неведению – ибо **незнание правды не освобождает от осуждения**.

О себе я почти все рассказал, существенных грехов у меня нет. В девяностые годы государство меня ограбило и разорило, в нулевые еще посадило. Оно должно будет ответить за преследование невинных, но мне для меня ничего не надо. Так что хватит проклятий и жалоб – это я говорю о себе. Далекое прошлое я простил, тогда было много честных, ими мы все оправданы. Но за наше время виновные пусть держат ответ.

Исповедь моя окончена, я оправдался. *Оправдание мира еще впереди.*

Я ни о чем не сожалел, мне даны зрение и интуиция, способность видеть и слышать так, как мартовской ночью вдруг кожа чувствует таяние, которое не наступило. Во всем остальном я равен каждому, поэтому никогда не поставлю себя выше других. С детьми я ребенок, с крестьянином крестьянин, и лишь благодаря литературе я поэт и благодаря музыке я музыкант.

А благодаря женщине я появился на свет, учился у нее быть милосердным и научился прощать. Вы удивитесь, но у меня нет врагов, только друзья. Или просто прохожие. Но есть нечто, что есть не у всех. Когда мимо меня проходит дитя, оно останавливается и призывает меня к *взаимности*. Значит, я еще только ребенок (или уже впал в детство). Но ведь и народ, как мы выяснили, ДИТЯ. Значит, *когда-нибудь мы сумеем вступить в разговор, понять друг друга, простить и пойти вместе к Правде и Справедливости.*

Или это невозможно?

В нашей деревне, где я родился и возгордился, *все жители были крестьяне, и сам председатель крестьянин*. Более того, даже учитель, который нас чему-то учил, был тоже крестьянин. Мне было семь лет, и я еще читать не умел, но ко мне явился Ангел, поведал о предстоящей мне *миссии спасения русского народа* и велел *научиться читать*. Я взял Букварь, открыл его, там было нарицательно окно, и "мама мыла раму", и мне все стало ясно. Перелистав букварь, я взялся за Родную речь, в ней мне понравился Пришвин. На все обучение хватило двух-трех часов. Что случилось дальше, я уже писал – *но детство безгранично, поэтому о нем, быть может, я еще напишу ...*

Почему я не уверен, что мне удалось рассказать в этой книге о том важном, что во мне выкипало – потому что взялся я за нее почти случайно. Волхвы уже ко мне перестали приходить, ангел не приходил тоже, и даже музы обо мне начали забывать. Ничто не поручалось мне свыше, никто не свидетельствовал в мою пользу, я был *наедине с собой*. Ночью мне иногда казалось, что я вот-вот умру, и я боялся, что на этом и прервется мой Путь литературного поучения, и я не узнаю, куда иду, сколько еще осталось идти, далеко ли я от небесных врат или мне предстоит свалиться в канаву, и черновики мои выбросят, – вот почему я решил объясниться, хотя о том меня никто не просил. И возможно, я еще не готов к своей миссии. В математике житейский опыт мало значит при доказательстве теорем, глубокие результаты достигаются часто в молодости, независимо от опыта. То же и в поэзии, многие поэты становятся известными, только начиная свой поэтический путь, пока еще на их ветвях цветы или плоды только завязываются, вот так Лермонтов написал Бородино в 16 лет, и для Истории сказанное им оказалось истиной в последней инстанции. Но что характерно для Исповеди, я не знаю.

И что я ищу, с чем спорю (хотя кажется, что я спорю со всем на свете)? Что я противопоставляю обыденному, вульгарному, пошлому, не только неверному? Только ли **верное**? Во всяком случае, я не хочу воспарить над житейским, но, видимо, я ищу то житейское, то действительное, которое Достоевский называл «реализмом в высшем смысле». И по отношению к этому реализму самые обычные люди, обладая здравым смыслом и жизненным опытом, бывают более правы, чем кабинетные ученые. **Правы бывают дети и матери семейств. Жизнь парадоксальна, поэтому меньшинство обычно более право, чем большинство. Парадоксальна и логика, и поэтому всякая истина истинна не до конца, притом милосердие более истинно. Не тождественно тождество. В любви большие правды, чем в ненависти.**

Если читатель задумчив, то он мог заметить, что я почти ни на какие вопросы ответить не смог. Я не понял, *почему произошла Русская революция* (не яacobинский Октябрьский переворот, а сердцевинная его часть, то есть свержение самодержавия). Я ненавижу большевистскую революцию и восхваляю Белое движение, но я все же не смог отрицать **правду бунта бедных против богатых**. Почему? На многие вопросы я не смог ответить, потому что я недостаточно образован и умен, недостаточно талантлив... на иные же ответил, потому что я умнее подавляющего большинства, даже я умен почти как Сократ. *Но истина все же не в Сократе.*

Справедливость. Есть очевидные вещи, их не высказывают, потому что люди или недостаточно умны или недостаточно простодушны. Плохо, что недостает ума и мы не всё можем понять. Но часто бывает и так, что то, что говорят простодушные, более верно, чем те глупости, которые вещают под именем истин умники.

Каково должно быть общественное устройство? Справедливо ли всех сделать одинаково бедными, основные богатства сосредоточить в руках государства, то есть в руках чиновников? А чтобы они не воровали, за ними надзирать. Отрубать головы. Они будут одевать на себя бриллианты в тайном кругу. По ночам. В темноте. Но ведь кроме бедных есть нищие и несчастные, больные, дети и старики, и им нужно помогать. Необходимо, чтобы им помогало справедливое государство, и я к этому буду стремиться, и все мы. Но в частной жизни государственная справедливость часто не поспевает за необходимым милосердием, успеть может «добрый самаритянин», однако, если все «добрые самаритяне» будут бедны, то не успеет никто. Я посылаю Ане 500 рублей. Ей нужно тысячу, чтобы прокормить ребенка. У меня нет тысячи, нет даже и пятисот, но я **бросил пить**, ем *пальмовое масло*, дешевый сыр, колбасу не покупаю (не советую и вам).

И все же очевидно, что если не будет некоторой части общества более состоятельной, чем основная масса бедных, то не будет театров, концертных залов, картины художников никто покупать не будет, книги поэтов никто покупать не будет тоже, даже девушкам дарить цветы (не говоря уж об украшениях) будет некому. Разве сегодня не «идеальное общество» абсолютного «государства бедных»? Богатство в руках кучки олигархов (или *банды*, как их называют многие). *Общество имеет право лишь на тление.* Эти богатые и

составляют собой государство, нам они помогать не будут. Они не подадут умирающему с голоду, потому что пронесутся мимо него в бронированных автомобилях. Это государство олигархов тождественно большевистской ленинско-сталинской *диктатуре пролетариата*. Правда, эти неизмеримо хуже. Излишки они переводят в казино, в офшоры, в бордели, не строят даже танки, чтобы противостоять внешнему врагу. Они уже ему тождественны. И сегодня государство неизмеримо хуже дворянского общества девятнадцатого века, которое и было в основании культуры, которое и было тем средним классом, о необходимости которого многие говорят.

Средний класс, способный производить общественное благосостояние, поэтов, музыкантов, философов, ученых, рыцарей и карбонариев, Пушкина и Достоевского, Чайковского, Скрябина, Полину и Настасью Филипповну – в современной России либо не произрастает, либо менты заводят на них «двести тысяч уголовных дел, "отжимают" их имущество» (по признанию самого нашего *"главного в государстве, идущего по капиталистическому пути"*), а самих выбрасывают на помойку.

Итак, очевидно, что и в коммунистическом режиме, где все равны в бедности, и в режиме вопиющего неравенства не может быть ничего хорошего, они растлевают правящих, и большевиков и олигархов. Но народ их поддерживает. Почему? Так же как и среди заложников, которые долго томятся под охраной террористов, вдруг появляются те, которые своих террористов начинают защищать (развивается паранойя) – так многие защищают власть воров и казнокрадов, говоря, что они **"уже"** наворовали, а новые будут хуже. Но для вора **"уже"** наступить не может.

Феодальное общество не может быть *справедливым*, крестьяне работают, помещики и монастыри процветают. Однако и помещики различаются по богатству и власти, и в повести Пушкина «Дубровский» мы читаем о феодальной несправедливости, когда Троекуров отнимает крестьян у Дубровского. Но я – сын крестьянина, и я сочувствую не Дубровскому, а тем крестьянам, которые с молодым Дубровским пошли в разбойники. Я негодную вместе с Лермонтовым на *«жадную толпой стоящих у трона, свободы, гения и правды палачей»*, но я еще и сын крестьянина, и я помню, что Пушкин проигрывал деньги, которые его приказчик выжимал из крестьян села Михайловского, а Достоевский проигрывал юбку жены (хотя и я сам играл в карты и проигрывал половину стипендии, и потом мы вместе с моим верным другом Казимиром кололи дрова для столовой, а нас за это кормили. С тех пор я возненавидел *овощное рагу*, которым нас там кормили). Но я и в феодальном обществе нахожу хорошее, оно есть и в крестьянах, и в среднем сословии, и в помещиках, даже в аристократах, в отдельных чиновниках, в отдельных епископах, иногда в Екатерине, в Потемкине, Суворове, Пугачеве – и наш великий Пушкин все это чувствовал и понимал, и я как-то не вижу, чтобы мы чувствовали и понимали жизнь существенно лучше, чем он, несмотря на коммунистические идеалы Платона и Маркса, которые нас питали... хотя, все же, я сын крестьянина, и *моя правда выше*. Но, правда, *его гений выше*, чем мой. И как мне странно смотреть на современное мне

общество, вдруг вставшее на колени перед новым духовенством, перед обновленную христианскую церковь (призванно защищать власть монархии и феодалов), перед псевдомонархом! Чьи же они дети? Явно не крестьянские дети, а дети пролетариев и большевиков...

На днях я путешествовал по Карелии, был в Кексгольме в Пугачевской башне, на первом этаже ее тридцать лет прожила семья Пугачева, трое его детей и две жены, второй жене, красавице, с косою до пят, было семнадцать лет, она десять дней побыла женой Пугачева, десять дней побыла царевой. Великая Екатерина посадила ее в крепостную башню. Узнав о ее красоте, приезжала посмотреть на узницу и сказала *«нет, не настолько она красива, как о ней говорят!»* Ну не зверь-баба?! И вы после этого хотите, чтобы я был христианином с его «кесарю кесарево», «рабы, возлюбите господ своих!»? Но, впрочем, справедливости ради надо сказать, что Екатерина не казнила вместе с Пугачевым его родных и **знакомых**, не казнила и тысячи участников Пугачевского бунта, хотя сослала на каторгу, даже Хлопуше рвали ноздри и ставили клеймо на лоб, но не казнили. А Ленин писал: *«расстреляние, расстреляние, расстреляние!»* – и семь миллионов погибло в Гражданскую войну, которую он намеренно развязал, он и начал террор против образованных сословий с целью ее развязать, а Троцкий ненавидел русский народ (хотя не все латыши и не все инородцы нас ненавидели, почему и не надо ненависть к Троцкому переносить на еврейский народ), и Сталин вместе с сподвижниками относился к народу как к мусору, с которым можно делать все что угодно, и хотя говорил, что *сын за отца не отвечает*, но целыми семьями и родами отправлял в большевистскую печь, а Россию покрыл колючею проволокой лагерей. Большевики выпилили руками эзков Сибирь и всю ее отравили на Запад, "многострадальный русский народ" неизмеримые богатства России промотал за советскую власть, выжал пот и кровь из своих братьев и сыновей, и на эти пот и кровь построил заводы и танки, но маршалов поставил во главе армий бездарных, и нашим отцам пришлось своею кровью полить **всё** Безымянные высоты России и Европы, чтобы чужие дети сегодня с яростью защищали от меня власть своих родных олигархов и своего родного их предводителя. (Жаль, что я *слишком вочеловечился*, и ни чудес, ни силы, ни власти, ни убедительности, а безумные их вожди для них убедительны). Мне было десять лет, когда я прочитал все десять томов Сталина. Мне понравилось, как просто и примитивно он пишет. Мне было 12 лет, когда я прочитал Ленина «Развитие капитализма в России», средней руки статью по экономике. Но я все же вырос, прочитал с тех пор и другие книги, да и жизнь меня кое чему учила. Я теперь понимаю, что народы, русский народ в особенности, *по уму несовершеннолетни* (как писал еще апостол Павел), он неразумное еще дитя. В нем не все плохо, но ума еще недостаточно... И что мне делать с таким народом, я не знаю... Впрочем, капитализм мне неприятен. Впрочем, любое общество может предоставить условия для произрастания народа, надо только создавать условия для того, чтобы кроме всеобщих бедных и слишком богатых существовал и сберегался **СРЕДНИЙ** класс, основа всякого произрастания. Из этого среднего класса

произрастуг и Саввы Мамонтовы и Шаляпины, и Гай и Тиберий Гракхи (хотя и аристократы, но по духу принадлежащие к среднему классу), и Тютчев, и Мусоргский, и Римский-Корсаков, и Бородин, и Менделеев, и Блок...

Я пришел в мир, чтобы защищать *человека*, и выдающегося, и народного, и даже *нищего духом*. Что со мною случилось, почему зрение и слух во мне не повреждены, и я чувствую ясно красоту стихов и романов, красоту и гармонию музыки, справедливость математического теорем, но не обладаю силой убедительности, и **народу я не нужен**, – я пока понять не могу. Я пришел защитить *человека*, не только русского, но и язычника и еврея – если они заслуживают защиты, и если заслуживают сочувствия – но страдающие у меня всегда заслуживают сочувствия, даже неправые. Пол и народность ничего не говорят о человеке, есть русские воры и узурпаторы, есть немецкие и еврейские святые. Но из этого не следует *толенравственный* вывод, что всем народам надо перемешаться, хотя и еврей может стать русским, и русский быть евреем, вот Ворошилов был русским, но от этого он не стал лучше. В юности мы с женой дружили с семейством, в котором бабушка была двоюродной сестрой Ворошилова, ее детство проходило с ним рядом. Родные этого Ворошилова не любили, никто не обращался к нему за помощью и поддержкой, когда он стал вторым лицом в государстве. В народах есть физика (кровь) и метафизика – культура, есть и нечто *трансцендентное*, что я определить не могу (это трансцендентное есть и в отдельном человеке). Так вот, *трансцендентное*, которое я смутно чувствую в русском народе, *наполняет меня последней надеждой*. *Трансцендентное*, которое есть в немецком народе, одухотворяет и их культуру и их философию, и во многом мне близко. К *трансцендентному*, содержащемуся в еврейском народе (увлекавшему меня особенно в юности – марксизм, фрейдизм и христианство, я охладел. В этом и проявляется сверхординарное различие рас и народов. Это, в конечном счете, почти то самое, что содержится в учении Данилевского о *культурно-исторических типах*, высказанном в его книге «Россия и Европа» – случайно ли, что именно я ее подготовил к изданию и издал, после ста лет забвения, и пропагандировал, даже подарил руководителю компартии – надеясь, что она на него повлияет в лучшую сторону.

Немец или еврей не хуже русского, и со многими из них я близок, но русский народ мне роднее в том смысле, как родные у человека братья и сестры, родители и дети, но не ученики и друзья (хотя бывает и так, что друзья человеку ближе). Эту особенность связей человека с миром не понимал и не хотел принять Христос, и хотя и сегодня есть верующие и монахи, есть у них и *братья во Христе*, но основой, скрепляющей людей, по-прежнему являются семейные и народные связи. Они же в основании государства, культуры, быта.

Вот, кажется, все главное, что я хотел сказать в окончании Исповеди.

Ах, да, добавлю еще и о христианстве.

Истина, красота, добро и зло и Заповеди праведной жизни. В человека вмещены способности различения истинного и неистинного, красоты и безобразного, нравственного и безнравственного, но **источник** их находится

вне человека (Бог или Создатель мира). Пророк и проповедник не может присваивать себе Истину, отделяя ее от мира и человека, посему слова Христа: *Азь есмь Истина*, что надо было понимать так, что *только в нем истина* – не верны. Он не есть и *податель свободы*, ибо что же тогда мы получили от Создателя мира? Правда, Христос не был уверен, что он сын божий, иудеи же в конце концов приняли его за обманщика.

В ветхих и новых заповедях множество наставлений, благодаря которым достойным человеком не вырастешь. Например, говорится о *похоти плоти* и *похоти очей*. *Похотью плоти* называется врожденный половой инстинкт, созидающий семью и народ, но и благодаря которому мы есть то, что есть, ибо этой похоти обязано все в нас самое совершенное, и материнская любовь, и любовь детей к родителям, и любовь между братьями и сестрами и мужем и женою. Чем же плох и *половой инстинкт*, если взаимное наслаждение в постели не менее связывает двух человек, нежели труд и творчество и Концертный зал (но в христианств нет ничего восхвалительного и о труде, а творчество и музыка прямо отвергаются, как и культура в целом). А что же такое *похоть зрения*? Это способность чувствовать красоту в мире и любить ее, не только женскую, но и красоту природы и в произведениях рук человеческих, в словах и поступках. Презрение к красоте, проповедуемое в Новом Завете, просто чудовищно.

И, наконец, если романы с чужими женами и следует порицать (хотя, вы согласитесь, не все так очевидно и в этом, не родились ли и вы сами, читатель, от второго брака ваших родителей, и разве Христос родился от *законного брака*? Да и имел ли право ветхий Бог-отец совращать Марию (как Змий в Эдеме совращал Еву)? Римское право ограничивало право рабовладельца на частную жизнь раба, как и античная мифология не поощряла божественный произвол в отношении рабов божьих.)

Итак, ничему хорошему Заповеди нас не учат. Они не назидают трудиться, писать книги и заниматься наукой, они не призывают *любить* – по человечески, возвышенно и плотски вместе, любить своих жен и возлюбленных; не назидают нас в дружбе и милосердии, не назидают любить Родину и защищать ее – *какая родина у христианина* кроме Бога?

Вина евреев. Русские иногда говорят о *еврейской вине* и призывают евреев покаяться, потому что и в самом деле и члены большевистских правительств, и члены ЧК и расстрельных троек, и начальники лагерей и подразделений ГУЛАГа в большинстве были евреями (хотя были и инородцы и русские тоже). Возникает впечатление, что евреи для русских оказались *молотом божьим*, творившим возмездие за прошлые вины – но все же, в чьих руках был этот молот? Наполеон для французов тоже был инородцем, он уроженец Корсики, но стал вождем французского народа, так и Чингис-хан был татарин, принадлежал к одному из монгольских племен, но придя к власти в Монголии, истребил сначала всех мальчиков других племен, бывших выше тележного колеса, и подчинил затем множество народов Средней Азии, среди которых монголы были только закваской. Возможно, и евреи оказались закваской последнего столетия русской истории, как тысячу лет назад ео

оказались варяги, а в 18 и 19 веках немцы и европейцы. Но то, что Русская революция именно русская, следует из сегодняшних предпочтений: именно русские вспоминают советское с особенною любовью, именно русские помешались на любви к Сталину, которая вдруг возникла через пятьдесят лет после его смерти и затмила не только всех прежних вождей, но и героев и великих поэтов и ученых. Это прошлое, которое русские вдруг так полюбили, известно сегодня немногим, из предшествующего мне поколения почти никого не осталось, да они, еле выжившие на фронтах и в блокаду, не любят Сталина, а мое поколение, еле-еле Сталина захватившее, чья юность пришла на 20-й съезд, не имеют оснований для любви к развенчанному тирану ... но неисповедима народная душа, еще более неисповедима, чем душа молодой женщины.

А евреи, составившие, как кажется, тот молот, которым русские большевики истребляли русский народ, Сталина ненавидят, они и современную власть не любят, которую в большинстве поддерживает русский народ – за что? Зачем? За то, что Россия обглодана и продана, вывезена на Запад – и русская нефть, и русский газ, и лес, и цветные металлы, и даже миллионы красивых девушек, заполонившие бордели мира.

Достоин ли похвалы этот русский, предавший свою страну во имя клеветов Запада? Так ведь и Павел, *еврей из евреев*, восклицал о бывших своих, став христианином: *Нет праведного ни одного, все до одного негодны, все согрешили, все растлились!*

Конечно, я не один составляю племя достойных, есть патриоты и националисты, да и народ – это не население, а некий **сверх-дух**, живущий в избранных! ... Но только я написал эти строки, позвонил русский, защитник Сталина, сказал, что я *русского Христа* продал евреям. Я глотнул из стакана, позвонил своему еврейскому товарищу, спрашиваю: *Ты знаешь, что я антисемит?* Догадываюсь, отвечает. *И как ты ко мне относишься?* Ну, ты же знаешь, что я тебя люблю! *Но почему?* Я знаю, что если на меня будет облава, ты меня спрячешь, но если они же устроят облаву на тебя, то я спрячу тебя, как и раньше.

Русские разные. Я не потому ругаю русских, что среди них есть придурки – придурки есть и среди евреев. Но русские менты избивают пьяных, обчищают их карманы, русские менты уже четверть века притесняют народ, русская гвардия, если им отдадут приказ, передавит танками хоть миллион хоть на какой площади, Красной, Болотной, Луговой, им все равно. Русские судьи сажают невинных и даже не отводят глаза в смущении, русское правительство отдает Китаю территории, равные Франции, но хоть бы один русский идиот послушал бы умных и образованных русских, они среди моего народа есть!

Те, кто мне возражает, защищая русский народ, живут в теплице, русских людоедских речей они не слышат, они придумали себе какой-то особый русский народ, который они ставят вместо фикуса на подоконник.

Но я вижу, что из себя представляют русские! ... хотя, все же, я пытаюсь их образумить, или, как великий Петр, поотрубаю заводилам головы, остальные повалятся на колени и запоют: **Боже, царя храни!** Я – сын

крестьянина. Но и потомок сибирских ермаковских казаков. И прадед мой воевал в Белой армии, а отец погиб на Безымянной высоте. Я не понимаю, почему в голове у русских такая каша, почему они не любят еврейских богатых, но своему правительству велют отдавать Россию врагам и жрут ядовитое пальмовое масло и всякую гадость, травят ею своих детей и голосуют за Ельцина, как перед ним за Политбюро, ненавидят интеллигентов, доказывают мне, что Исаак Ньютон еврей, потому что он Исаак, Пушкин еврей, Даниил Андреев еврей... Я пытаюсь понять, почему они так ненавидят книги и книжников – ради Христа? Но как же они решились пойти сто лет назад против царя, и сбросили его в шахту, и на сто лет замерли в оцепенелой любви к новым правителям?! *Топор, топор, только топор* – на обложке Русского журнала!

Пишу, и закипаю... *Но хватит кипеть!!*

Национализм – верность своему языку. Своей истории. Своим преданиям и обычновениям. Верность сорока поколениям предков, которые построили эту великую страну. Верность отцам и матерям, которые жили для своих детей. Для чего мы живем, переставшие рожать? Не поющие русских песен? Не желающие знать о том, что за двадцать лет нас стало на двадцать миллионов меньше?

Промокание. Многие будущие свойства ребенка предопределены, генетически запрограммированы, и пол, и характер, склонности, привычки; запрограммированы и одежда и внешность,. Но человек не цельное существо, он не только плоть и дух, но и природное и культурное, не только то, что притягивает и прилепляет его к **роду**, но его формирует и социальное происхождение, и среда, в которой он возрастает, и нечто третье, что не определяется родом (**кровью**).

Важное, если не важнейшее значение имеет **язык** – но по-русски говорят не только в русских семьях, но большинство тех, кто просто родился в России. Религиозная принадлежность, традиции, память, воспитание, влияние общества, общественных судеб – это тот дождь, который промокает в значительной степени человека и делает его русским, татариним, евреем или цыганом. Можно сослаться на хрестоматийные примеры, и я уверен, что они достаточны: поэты Фет, Ходасевич, Пастернак, культурные и общественные деятели Багратион, Владимир Даль, Илья Репин, русские цари и царицы, полководцы, архитекторы и художники (Растрелли, Карл Брюллов, Лансере, ...) Но не обязательно надо стать русским, чтобы им быть, ибо *прилепится жена к мужу и станут единая плоть*. Множество иноземцев и инородцев являются русскими, принадлежат к русскому народу, оставаясь по крови другими, и неотличимы от русских поляки и немцы в России, во множестве и евреи, часто и татары, а в Сибири вообще трудно проводить границы между русскими и нерусскими, сибиряк – это русский уже потому, что родился в Сибири. Эвенк, приехавший воевать в Чечню, чтобы защитить русских солдат, еще более русский, чем, быть может, большинство русских, у которых национальное самосознание спит.

Говоря о том, что за основу нашего единения я принимаю **русскую народность** (в том смысле, в котором я бы сказал о *женственности* женщины), я делаю основанием русского национализма не кровь, а нашу общую **родину** Россию. Я русский, потому что я защищаю *русский язык*, хочу, чтобы государство перестало уничтожать русскую школу – а оно воюет со школой, и так как бандит не станет другом человека, то и антирусское государство не будет нас защищать.

Многие евреи, по крайней мере те, которых я знаю, считают себя русскими – и я считаю их русскими тоже, поэтому и не требую, чтобы они переставали быть евреями. Как не собираюсь чинить препятствия татарину в его культуре и в его языке... И я настаиваю на том, чтобы никто не чинил им в этом препятствий. Но сегодня богатства России вывозятся из России, мы превращены в колонию Запада, наш народ, и русские и евреи, живет в нищете, нас обворовывает и унижает преступный режим, *национализм – это идеология, объявляющая ограбление России государственным преступлением* и призывающая к тому, чтобы воры, предатели Родины, *наемники Запада* были свергнуты и посажены в тюрьму. Разве не так поступают правительства Китая, США, Англии?

Врагами России являются те, кто грабит мой народ – но несколько десятилетий я слышу одно и то же – даже от собственных друзей и приятелей, от людей, с которыми я работаю, разговариваю, выпиваю: да, *они воры*, но это *наши русские воры*, нельзя их изгонять из правительства, потому что вместо них придут инородцы или евреи; да, *они воры*, но *другие еще хуже*; да, *они воры*, но *других нет*... И даже слышу и такое: страна погибает, но это от того, что *молимся мало*; или работаем плохо; или потому что правительству за всем не углядеть, и мы сами во всем виноваты. Но ничего не надо менять, а только самому (мне) становиться лучше.

И я готов придти в бешенство. Меня эти люди лишают всякой надежды на лучшее будущее. Я знаю, что буду есть поддельное масло и сыр, кормовое зерно, которое не всякий скот даже ест, буду дышать отравленным воздухом, как жители Волоколамска, Красноярска, Череповца, Томска, Барнаула и сотен других городов... Ладно, я скоро умру. Но эти люди лишают надежды на достойную жизнь моих детей. Они обрекают на жизнь в нищей растрепанной и рабской стране моих внуков. От того, что меня заставят воскликнуть, что русские лучше всех, ничто не изменится к лучшему. Эти люди, требующие от меня, чтобы я не ругал правительство, тем не менее восхваляют Революцию 17 года. Они же требуют от меня, чтобы я любил Сталина (при котором капиталисты были уничтожены) и чтобы я одновременно любил правительство, при котором власть в стране принадлежит аллигархам. Или этот народ уже просто сошел с ума и не ведает, что говорит?

Но, может быть, я зря ругаю *простой народ*, а эти речи о святой и достойной власти, которая пытается Россию спасти, и не удастся спасенье только по нашей вине – может быть это всё речи совсем *не простого народа*? А тех самых городских интеллигентов, о которых даже Ленин еще говорил, что *страшно далеки они от народа*? (говорил он и хуже).

Поэтому еще несколько слов... *Каша в голове, почти у каждого.*

1. *«Христианство, пропитанное любовью»*. В «Новом Завете» говорится, что самая главная Заповедь – *возлюбить Бога*, всем сердцем и всем помышлением, всей волей и всей страстью души. Но при чем тут любовь? **Разве любовь к Богу – это любовь?**

2. И так же в «Моральном Кодексе строителя коммунизма» говорится, что «человек – это звучит гордо»... – а как же классовая борьба и ненависть? Помните фильм «Сорок первый»? Хорошенькая деваха застрелила сорок одного русского парня... и на этом воспитывался советский народ! А вовсе не на том, что «человек – это звучит гордо».

3. Ну а сегодня? Тоже нами правит любовь? В Красноярске полгода тьма висит над городом, без противогаса нельзя выйти на улицу, и здоровые менты дубинками разгоняют мирную демонстрацию задыхающихся от смога и смрада матерей и сестер...

Но я менее негодую на неправедных судей, которые за деньги выносят лживые приговоры, осуждая невинных, не столько негодую на ментов, разгоняющих даже робких жалующихся сограждан, на администрацию тюрем, позволяющую даже сквозь тюремные стены проникать наркотикам, или на горстку олигархов, у которых в собственности девять десятых русских богатств, и наши дети болеют и умирают, потому что медицина плоха, наши дети сквернословят, потому что школа плоха, и мы сами не доживаем до пенсии, – сколько я негодую на русский народ, который кричит мне гневно в лицо: *Не смей об этом писать! Не смей оскорблять наше государство и власть. Ты служишь Америке (не они? а я!).*

Но я не буду оправдываться. Когда-то я ругал советскую власть, и за то, что я негодовал на нее, я честно *своё* отсидел, и власть **не** предавал. *Они же ту власть любили, потому-то и предали* (о, как это мне напоминает Балладу Редингской тюрьмы Оскара Уайльда: *«любимых все предают...»*) *Они же предали и царя. Они предадут и эту власть.* Когда-нибудь кто-то ее свергнет, а эти защитники ее предадут.

Когда я буду умирать, и Ангел меня спросит, где я хочу быть после смерти, я попрошу, чтобы меня посадили у дерева на вершине холма, *надо мной чтоб вечно зелenea...* – (о, как мы похожи, поэты! Мы разочарованные умираем ... а те либо жадною толпою стоят у трона... либо коленопреклоненною толпою рабов стоят поодаль) – и чтобы рядом не было никого. Не хочу ни рая ни ада, там толпы, а я уже устал разговаривать! Да и писать бесполезно...

Почему я думаю, что ко мне пришлют Ангела? Потому что я никому ничего плохого не делал, и даже никому не желал зла. Мне плохо, и я скорблю. Мне плохо, и я вдруг окончательно понял, что прожил жизнь зря. Мне ни одного человека не удалось убедить в своей правоте.

И книги мои не нужны, и сам я не нужен, даже Учебник математики, который многие выдающиеся называли лучшим в России, оказался не нужен. Даже теорема о полноте вещественных чисел, фундаментальная для математических представлений, выброшена на помойку.

Но надо еще повторить коротко и ясно все то, что размазано по плоской тарелке моего философского романа (плоской, как сама жизнь).

Выборная демократия, когда поэт вынужден продавать свои стихи не умеющим читать, когда толпа определяет, кто будет властвовать над нами (кто ей больше понравится), отталкивая от трона не только жадных, но и скромных, притом толпа определит и истину, то есть наилучших в поэзии, в науке, в философии – эта "выборная демократия" отвратительна и порочна. И Пушкин и Моцарт, и Вагнер и Бетховен, и Толстой и Достоевский и даже Коперник, Фихте и Кант, – не будут властвовать. Их придется навязывать сначала учителям, потом школьникам. И полководцев нельзя назначать с помощью выборов, и поэтов, и правителей, и инженеров. Но **диктатура** еще хуже. Сядет чудовище на муравейник своим вонючим задом и будет давить муравьев, пока не издохнет.

Я с детских лет верил и чувствовал, что лучше **чудо** и **магия**. Но мне не удавалось их сделать частью собственной жизни. Было лишь однажды мгновение, когда Анна воскликнула, приведя меня для знакомства к отцу: *Да вокруг него одни чудеса!* И семилетняя девочка однажды увидела нимб над моей головой, и через пятьдесят лет она приехала, чтобы на меня посмотреть и снова его увидеть. Но все же, если поиски чуда и магии и были целью моей жизни, то я их не нашел. Ну, не совсем так. Меня окружали люди глубокие, светлые, чистые, *не все же вокруг нас толпа* (хотя толпа верховодит). Меня окружали те, кого я любил, с кем я дружил, в кого я верил, и кем восхищался! Родные, друзья, часто просто знакомые. Учителя. И даже ученики. И все же вокруг нас толпа (и эта толпа верховодит).

Три года назад я увидел Анну с ее детьми. Не знаю, в кого я в самом деле влюбился, сначала я увидел их, потом поднял глаза на нее.

Однажды я пытался понравиться и народу. Выступая по «ящику», я сказал: не буду себя хвалить, возможно, я не так уж хорош, зато у меня чудесная семья, посмотрите на мою внучку, она вам скажет, что готова посвятить себя народному благу. Внучка моя сказала: *Нет, я хочу стать мамой и родить много детей*. Народ мне писал потом возмущенные письма! А Жирик народу понравился. Так что же, вы хотите, чтобы *этот народ возлюбил?*

Я люблю и любил в своей жизни очень многих людей, и не только девушек, многие со мною дружили, любили ученики, сослуживцы, да и просто попутчики, я легко мог сойтись почти с каждым. Но я не могу сказать, что я когда-то любил народ. Нет, *народ я не любил*. И в «толще его», в которой что-то прозревал Солженицын, я не прозревал ничего. У меня часто возникало чувство, что многие наши великие врут, когда распинаются в любви к народу, врал Достоевский, Толстой, Солженицын... – а уж славянофилы всех переплюнули по части вранья! ...Правда, христианские проповедники врали еще больше, от словесной размазни Игнатия Брянчанинова мне становилось дурно. Но я единственный из русских писателей иногда жалел даже самых негодных в моем народе. Наверное, так: *я свой народ не люблю, часто презираю, иногда ненавижу. И если жалею, то не абстрактный народ, а отдельных людей, особенно когда им становится плохо*. Запомните, это первая Аксима мужественной правды по отношению к народу.

Мне жаль семью Пугачева, которую Екатерина заточила в холодную и сырую башню почти на полвека. Жаль Анну Каренину (Толстой ее тоже тайно

жалел, только не сознавался). Мне жаль и Аполлинарию Сулову, измучившую Достоевского и Розанова (а вот *их* мне совсем не жалко). Мне жаль однажды было ту Лилию, о которой я писал в начале романа, жаль ее деток.

Иногда я жалею свою жену, потому что она опрометчиво вышла замуж, за самонадеянного романтика, обещавшего дворцы, славу и поклонение толпы. Особенно трудно ей было, когда советская власть, *которой мы* якобы *обязаны всем в нашей жизни*, даже тем, что *после зимы приходит лето*, упекла меня в сумасшедший дом, а ее выселила за сто километров от города с двухлетним ребенком и лишила работы. Впрочем, *антисоветская* власть не посрамила себя, и меня с сыном упекла в тюрьму на пять лет! – а моя кроткая жена осталась с *престарелой мамой, больной невесткой и маленькой внучкой*, и ей пришлось еще носить в тюрьму передачи... – правда, случилось чудо, и через полгода нас отпустили. «Ты все таки была хоть изредка счастлива?» – спрашиваю я ее за завтраком. «Да я все время счастлива, мой дорогой!» – отвечает она, намазывая на хлеб *пальмовое масло*. (*Разве я уже не оправдан?!*)

Жалуюсь я на народ, который и жалею и ненавижу вместе. Ненавижу я его потому, что этот народ измучил мою Россию (и их ли это страна, я уже не пойму), что он у меня в Сибири выпилил сибирские кедры, кроме тех, что растут на скалах на берегу Бирюсы, и увез их в Америку, которую наше правительство якобы ненавидит (?), а на деньги за эти кедры наши чиновники и олигархи, наши правители и казначеи... то есть, оговорился, **казнокрады**, построили дворцы в Куршавели и плавают там в шампанских озерах с телками, дети у наших сибиряков болеют, но ближайший врач живет только в ста километрах, там же ближайший учитель... Однако **народ воров этих любит**, а **меня ненавидит** за то, что я об этом пишу. *Ты*, говорит народ, *позоришь нашу страну*.

Но все же я несчастных жалею. А в Новом Завете слово **жалость** встречается только раз, там все больше про *любовь к Богу* (которого, – не знаю, чей это Бог, но точно не моего народа, – я не люблю). Там есть, правда, и *любовь к ближнему*. О *любви между родителями и детьми, мужьями и женами, о любви между влюбленными* там или не говорится, или так, что лучше так не любить. Игнатий взялся объяснять, что такое *любовь к ближнему*, взяв в пример любовь к разбойнику, осужденному к горению в адской смоле... Он его оттуда не вызволил, *но возлюбил*.

Иисус из Назарета часто говорил о наказании за грехи, о скрежете зубовном, которое ждет грешников (для спасения которых он и вочеловечился). Я не прошу Бога, чтобы Он мой народ наказал. Я даже боюсь, что и помимо моей воли он еще будет плакать горячими слезами, как плакал уже не раз, как плакали те десятки тысяч обмороженных в преступной войне сорокового года с Финляндией, как плакала невинная Зоя, как плакала Любка Шевцова, как плакала наша снайперша, убивавшая фрицев, которая сказала американцам: *И долго вы будете прятаться за мою спиной (простреленной дважды)?!* Иногда мне кажется, что и наш народ прячется за спиной наших баб – это последнее святое, что еще осталось у нас.

Защитники прошлой власти, уютно устроившись за спиной убитых, красноречиво доказывают, что без тирании было бы хуже; а защитники

нынешней власти, уютно устроившись за спиною умерших от отчаяния в беспросветной стране – **а Россия уже беспросветна!** – красноречиво доказывают, что без нынешней власти было бы еще хуже! – так разве не этот народ, уютно устроившийся перед телевизором в городской квартире, прежде других виноват в том, что **население тридцати русских областей вымерло уже на три четверти? А русские богатства, которые могли бы их спасти, вывезены за границу?!**

И все же, и те и эти уже всё и всем доказали. Все рукоплещут своим народным кумирам. Мою правоту, правда, тоже легко доказать. Через десять лет русский народ сократится наполовину. Россия будет разделена на двадцать частей и оккупирована. *И будет плач и скрежет зубовой.* Или оставшиеся и тогда ничего не заметят, сидя перед телевизором?!

Я против христианского ада. Но все же, не согласиться ли и мне с тем, чтобы виновные хотя бы вскользь побывали в христианском аду?!

Христос был распят, и бедных евреев вот уже две тысячи лет христиане обвиняют в его распятии. А русские не распяли Николая Вавилова? Андрея Ухтомского? Варлама Шаламова? Николая Гумилева? Есенина? Клюева? Не распяли семьи раскулаченных? А при их переселении и потом на безлюдных местах поселения не умирали прежде всего невинные дети? *Не били они кулачками в свои иссохшие грудки (как о том писал Достоевский?)*

Но и Христос был распят, и позже распята была невинная – более того, спасительница Франции! – Жанна Д*Арк. Она не воскресла. И я не верю и в воскресенье Христа. Может быть, он не совсем умер после распятия, ведь и расстрелянные иногда оставались живы, пани Регина, с которой я был хорошо знаком, в шестнадцать лет была расстреляна немцами среди участников Варшавского восстания, и выползла на белый свет изо рва ночью. Но мы хорошо знаем по Евангелиям, что Христос горестно восклицал, обращаясь к Богу: *Ужели Ты меня оставил?!* Вот так же и я – *бил в ступе воду целую жизнь, но масло в воде не сбилось, и вода не превратилась в вино.* Христос, по-видимому, сыном Божиим не был. Но он надеялся, что Бог его усыновит. «Не срослось», как говорят на зоне. Я не надеялся стать Божиим и к сему не стремился, но Ангел приходил ко мне в детстве ночью, и я верил, что он свое обещание выполнит, и я помогу моему народу, который я уже и не люблю, и уже вопсылы жалею – но мне от него не отлепиться, как не отлепиться мне от младшего брата, утопившего таланты свои в вине, не отлепиться от среднего брата, утонувшего в той же пагубе, не отлепиться от всех и родных и близких, и от тех, которыми я горжусь, и от тех, которые меня огорчают.

Образ и метафора, частная судьба и столкновение судеб в романе сгущают подчас текст до **символа**, а рассуждения водянисты, много слов приходится собирать, чтобы пояснить даже то, что просто. Поэтому затея моя с Исповедью бесплодна. Но роман я писать не умею, а небесные силы не прислали ни Ангела, ни волхвов мне на помощь, и музы ко мне приходили не часто.

Надо заканчивать. Был вчера в книжном магазине. Там почти три тысячи книг рассказывают о христианстве, о церкви, о святых и подвижниках, о праведной жизни. Их дело идет успешно. Но дело не в книгах. В семнадцатом

году к власти пришли безбородые проповедники, ничуть не умнее Павла, тоже потом нагромоздили Вавилоны книг, но победили не из-за книг, **народ** тогда еще **жаждал**. Мужчины жаждали мира и земли, жаждали женщин и семейной жизни, труда и детского смеха. Женщины хотели рожать детей, эта жажда была сильнее ласк и счастья. И магическим оказалось заклинание: **Земля крестьянам, мир народам, фабрики рабочим**. В это троперстие вместились все, **и любовь, и труд, и воскресение через род**.

Сегодня этого Символа нет, потому что растлился человек. Лето я провожу в деревне, городской работы нет более чем для половины народа, но ведь и землю никто не пашет, она стоит не засеянная. Бабы не могут найти хоть одного путного и не пьяного. Что мне им (мужикам) обещать, если им уже ничего не надо? Я сидел в камере с наркоманами, даже Христос их не смог бы воскресить, и я тоже не нашел для них душеполезных слов. Так же и для русского народа в целом. И все же... Все важное в мире троично, трое-сущностно. В человеке соединение плоти (тела) и души. Но есть в человеке и нечто третье, трансцендентное, которое не во всех и не всегда пробуждается, но существует, хотя бы скрыто. Возможно, народ *трое-сущностен* тоже? Есть население, тело народа. Есть сознание (душа), вмещающая культуру, язык, память. Но есть и еще нечто, как и в человеке. Поэтому не так просто и легко пропадают народы, гибнут и растворяются. Является неведомо откуда Дева. Или Князь. Схимник. Купец, призывающий толпу отдать последнюю денежку, чтобы пойти и освободить Москву. Сегодня ведь тоже Москва захвачена, такой же Тушинский вор в ней сидит, как и в 1612 году, такие ж поляки. Или такие ж французы, как в 1812-м.

О народе добавлю еще. Конечно, это не только кровь, не только родство. И не только литература, былины и песни, не только характер и поведение. Нечто еще и *транс... сверх... над... вне...*

И поэтому народ не смесь чего угодно. Я приводил образ, объясняющий народную целостность. Когда вращается волчок и скорость движения велика, внешние механические возмущения, удары по волчку только на мгновение нарушают вращение, центральная сила возвращает вращению цельность. Поэтому-то и Даль и Багратион и Фет не чужеродны, они входят органически в национальную идею, только ее обогащая, как и *иноземные слова обогащают язык, пока они не чрезмерны*.

Мы боремся за чистоту языка, но и я произношу слова *интеграл, микроскоп, революция...* но внешнее, входя внутрь, становится частью целого, *соединяясь с ним*, а не перемешиваясь.

А когда-то меня любили учителя и преподаватели. Даже девушки любили меня – и вот представьте себе, мне ничего не удалось.

Но все же, что находится в основании меня самого, моей литературы, моих надежд и стремлений? Не одна ведь национальная Идея? И не только поиски магии, не только ожидание шестикрылого серафима? Разумеется. Но перечислить общие для всех *термины* (от лат. *terminus* – *граница*, предел) – это не значит меня *огородить* (по римскому праву), так что хотя я их перечислю, но главное, быть может, просочится за их частокол, и кто я такой, мы так и не

сумею узнать. Почти безгрешный; почти как все; не слишком знающий; не слишком талантливый, не слишком культурный; не крайность, но и не середина... Если только Исповедь моя кому-то покажется интересной и читатель ее прочитает, от него я (возможно) узнаю, кто я такой. Надеюсь, что-то узнает и он, что оправдает затраченное им время на чтение...

Читаю в интернете письмо (народ-то разный, пока одни сидят у телевизора, в двух благополучных городах, *пьющих кровь из загородной России*, другие доходят уже до ручки и погибают: «...я на ногах переболел воспалением лёгких, ...видать не переболел! Короче, какие то осложнения, хотят положить в больницу, ...но как я оставлю семью? Таня моя уже и не знает как жить-то. Пекарню закрыли, оборудование хотели продать, да оно нафиг никому не нужно... у меня с работой плохо и не известно, смогу ли я теперь что-нибудь наладить с машиной, да и за машину эту нужно рассчитываться (спасибо Людям, хоть половину отдал)... А даже печь затопить жене будет трудно. ... Общался с нашим батюшкой, он говорит: Господь даёт тебе эти испытания для того, чтобы ты закалился и утвердил свою веру... Да сколько можно меня испытывать, я настолько уже "закалён", что мной можно рельсу перешибить!»

Вот почему я и обличаю **тупое большинство**, которое любит власть и, значит, **ненавидит всех тех, которых эта власть пожирает**.

И в оккупации были сторонники оккупантов – но ведь не три четверти?! И я не требую, чтобы все шли в партизаны – но хотя бы сознавали, что это не я враг народа, (из-за того что эту их – народную? – власть не люблю!) Но не оскорбляли бы вдов и сирот, что те якобы "*жить не умеют*", пока эти умеют – это вам перепали по счастливому случаю *крошки с господских столов!*

Читатель ждет от меня и *исповеди*, все еще ждет, а не только *проповеди*. Да ведь и в самом деле – мир необъятен, надо остановиться в обличенных народа, не вмещу я в исповедь и свои и чужие грехи, слабости, глупости. Нужно было бы написать Роман, потому что, в отличие от рассуждений, роман всеобъемлющ, в нем есть **лучший человек**, который как гвоздь вбит в *стену мира*, и на этот гвоздь можно повесить всю бесконечность всего, что нас раздражает... И нам тогда кажется, что жить еще можно. А иначе можно повеситься, и так мы и не узнаем, зачем живут другие, зачем надо жить...

Что-то я делал хорошо, а в чем-то все же неправ, и хотя бы теперь не надо ли мне покаяться? Взять Заповеди Моисеевы (подтвержденные и в Новом Завете) и сравнить с ними свою жизнь: где я поступал в согласии с ними, а где отступал? Но нет ничего более противоположного, чем образ праведного человека, данный в обоих еврейских Заветах, Ветхом и Новом (не менее ветхом) – и моя собственная личность, русского человека, родившегося в Сибири в крестьянской семье (а по отцу я потомок ермаковского казака).

Заповедь «не убий!» я не нарушал, но отец мой был воином, и дед воевал, и пращур, и благодаря им существует Россия, даже и евреи в большей степени существуют потому, что у них кроме Моисея и Христа был еще и не менее легендарный Баркохба, бросивший вызов великому Риму в том же первом веке, когда Христос призывал к *кротости, покорности и смирению*. Но так как жизнь моя не закончилась, а враг у ворот, то кто

знает, какие испытания нас всех еще ждут, и не придется ли браться и за оружие? По крайней мере в деле защиты отечества Моисей и Христос мне не указ (как и для Баркохбы).

Но я противоположен христианам более всего в отношении к Богу и человеку. Бог не нуждается в моем к нему сострадании, а человек нуждается, и хотя так называемую «*любовь к ближнему*» я отвергаю как некий оксюморон и "тьень на плетень", но к *человеку* в различных житейских обстоятельствах я отношусь наилучшим образом: *просящему о помощи пытаюсь помочь, страдающему сочувствую, жестоких обличаю, с родными кроток, с друзьями внимателен, с возлюбленными нежен.* Ничего в этом сверхобыденного нет, нормальный человек ведет себя так же, и таковы же литературные *положительные герои*. Но эти нормальные люди, по-видимому, не читают ненормальных книг великих писателей, например, рассуждений Конст. Леонтьева о том, что *добро, которое не для Бога делается, это зло*, и у Федора Достоевского не читают (а затем у Розанова и у всех, кого я после собрал за своим собственным философским столом как призраков) обличений Великого Инквизитора в том, что он якобы отбирал у людей свободу, которую им якобы дал Христос... Но к людям я отношусь превосходно, даже когда их ругаю, то есть отношусь к ним как хирург и учитель. Любовь моя к человеку проявляется в любви к соотечественникам, к женщине, к семье, детям, друзьям, даже я жалею (то есть люблю) и чужих, как, например, Гипатию Александрийскую или Жанну Д*Арк или Джульетту... более того, я сострадателен к природе, о которой в Новом Завете нет ни слова.

Но более всего я противоположен Ветхим Заповедям (они же Новые) в отношении к красоте, я с наслаждением и радостью смотрю и на закат и на утреннюю зарю, и на красивых девушек, наслаждаюсь музыкой, игрой и пением, не оскорбляя их всячески как *похоть плоти* и *похоть очей* (жаль, там не говорится еще и о *похоти слуха*, а она в моей жизни имеет не меньшее значение). Читатель, конечно, хотел бы знать не о закате и заре, а о влюбленностях и «романах» (ибо все остальные грехи ничтожны: от зависти с ума не схожу, к рабовладельцам отношусь хуже некуда, родителей люблю и почитаю, детей и внуков люблю, *любовь к Богу* состоит в художественном вкусе, в способности различения верного и неверного, *любить же Бога отдельно от мира, как некий кумир и фетиш я считаю фетишизмом*. Можно еще и так сказать, что любовь к миру (вместо которой у христиан ненависть), любовь к человеку и к Богу проявляется в наибольшей степени в труде и в творчестве, в любви к природе и в заботе о мире.

Бог, вынутый из человека и мира – это лжебог.

Но вы ведь ждете, чтобы я исповедовался в *любовных грехах*...

Девочки меня всегда волновали. В четырнадцать лет целовался с *тринадцатилетней*, как и Джульетта – но она первая меня поцеловала, так я и скажу на суде! Позже влюбился в 16-летнюю, она поступила на первый курс, я в нее влюбился с первого взгляда... но до поцелуев дело у нас не дошло, мы поспорились и расстались... А я ее все еще вспоминаю...

Однажды на вечеринке я танцевал с юной девочкой, и потом мы вышли во двор прогуляться, и начали целоваться – но и в этом случае она ко мне

приставала первая. Потом уже девчонкам я стал неинтересен (да я к тому же был робок, от знакомства до поцелуя у меня проходила целая жизнь...). Но преступная история со мною все же была, мне написала школьница, письма были восторженными, наконец мы встретились, она начала меня упрекать в том, что я смотрю на нее восхищенно – но мы не обнимались, да я к этому и не стремился (возможно, это ее и злило). (Это она потом восклицала: *клянусь, я больше никогда, никогда, никогда не встречаюсь с этим человеком! А жаль!*) Дружил я и с совсем юными созданиями, такую дружбу я называл *влюбленной* (о ней рассказывается в воспоминаниях дочерей графа Толстого, одна дружила в 12 лет с Бенедиктовым, а вторая с Шевченко, тоже в 12 лет, и в письмах Цезаря), и я и этих трех, включая и себя самого, отношу к идеальным друзьям и влюбленным, подобным еще одному сумасшедшему – Дон-Кихоту.

Некоторые меня считают человеком развращенным, но общество, которое осуждает таких, как я, по меньшей мере *растленно!* Преступных деяний, кроме *похоти плоти и похоти очей*, у меня не было, я был слишком робок и возносился в звездные дали, но *помыслы* (то есть замышления бессознательные?)... – ах, конечно, были! Инквизитор или чекист сумел бы «накопать» в моем прошлом достаточно, чтобы замуровать меня в стены тюрьмы.

ПРОГРАММА. Я еще хотел написать текст Конституции, но уже мне моя Исповедь надоела. Это же не завещание, в конце концов! Я еще собираюсь жить, пока не умру, и многое сделать, и даже думаю, что только теперь начнется моя настоящая и продуктивная жизнь. Но в каком обществе я хочу жить? Разумеется, не во всяком, и не в аду, хотя и не стремлюсь к раю.

1. Это общество будет **народно-социалистическим**. В нем будет личная собственность, **частная**, кооперативная, собственность акционерных обществ, товариществ и союзов (например, собственность церкви). государственная, собственность иностранная и пр. **Земля и полезные ископаемые будут возвращены народу**. Будет введен прогрессивный налог на прибыль. Приоритетными будут охрана природы и среды обитания (то есть экология), возрождение народа и защита материнства, развитие сельского хозяйства и **возрождение деревни**, развитие науки, культуры, интенсивное промышленное развитие, опирающееся на науку и новую технологию.

2. Основой государственных отношений будет **народничество** (т.е. **национализм**). Государство будет **унитарным**, называться Россией, этнический принцип разделения на части будет упразднен. *Общегосударственным языком будет русский, но все народы России будут иметь права культурно-национальных автономий* (то есть будут существовать национальные школы и театры, но областная и муниципальная власть будут *веселословны и всенародны*, не формируясь по национальному принципу).

3. **Судебная власть** будет отделена от власти политической. Свобода информации, исследования, печати и слова будут охраняться законом, а возможные противоречия между гражданами будут решаться в суде. Власть не будет единоличной, Россия будет парламентской республикой. Впрочем, все важные для народа вопросы будут решаться в ходе референдумов.

Призвание литературы.

Автор садится писать о том, "*как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*" – какая воля им движет? Какая внутренняя сила, назначение, нечто жизненное, в силу самой этой вещи как таковой, присутствует в ней?

Кажется, что никакой такой воли, сверх того, с чем сел за писательский стол Николай Васильевич Гоголь, в его повести нет... – но, как заметит и увидит вдумчивый читатель, это и так и не так. Мой друг Володя, поджегший весной сухую траву у себя на огороде, не намеревался сжечь свой сарай вместе с хитрым скарбом и инструментом, и все чужие сараи рядом – однако пожар стал разгораться, дунул ветер, он бросился тушить – не тут то было! Или вы скажете, что воли не было у огня, а только у поджигателя воля? Он что же, тушил огонь для отвода глаз, а сам надеялся все вокруг сжечь?

Бывают такие и ссоры, двое начинают спорить, задираться, горячиться, кто-то кому-то двинул в скулу, а тут дружкú – и в какой-то момент наблюдателю, стоящему рядом, становится ясно, что у случайной мелкой драки уже пробудилась собственная воля и независимо от намерений действующих лиц вырастет из нее побоище. Самым поучительным примером является Первая Мировая война: она началась с незначительного события – *выстрела в Сараево* – никто не хотел вовлекать в эту мелкую перепалку на границе Австрийской империи цивилизованный мир – но вдруг Европа запылала. *Пожар* был замышлен *инфернальными* силами, и увлек в свой оборот всех, кто был рядом, и хотя *иные хотели не вмешиваться, другие были бессильны*, но скоро всем стало поздно – и наша история пошла иначе, изменилась судьба Европы и России, и сегодня мы на волоске от гибели по большей части вследствие именно той давней войны – а вы говорите, что нет никакого всемирно-исторического *призвания литературы*, а «кому что нравится и кто что хочет писать, тот то и пишет», и просто Николай Васильевич решил изобразить одну сцену из жизни старосветских помещиков.

Однако есть ведь и путешествия, приключения, авантюры, детективы и сказки, о каком всемирно-историческом их назначении и призвании можно говорить? Ну, вот, например, течет лесной ручей, радуется собою усталого путника или лесную живность – есть ли всемирная воля в его течении? Или хотя бы есть какая-то у него особенная *собственная воля*? Которая есть, возможно, в великой сибирской реке Лене, стремящейся впасть в океан? Так и у камешка, который мы лениво бросаем в воду, – промелькнет, бултыхнется, разбросает брызги, а мы затем пойдём дальше своим путем... И я, конечно, не хочу сказать, что всякое литературное произведение, рассказ или повесть, разрешает непременно вечные проблемы бытия, отвечает на вопрос о призвании литературы, как и каждое событие нашей жизни в какой-то хотя бы степени отвечает на вопрос, зачем надо жить – но ведь наша жизнь не совсем отделена от всех ее частных, она все же из них состоит? И вот, *частности порознь ни за что не отвечают, а вместе, хотя бы к концу жизни, что-то о ней говорят*: значит, **стремилась жизнь познать самую себя**, жаждала ответить на вопрос о предназначении, обладала волей и энтелехией?! И так же мировая река течет в океан, сливаясь из ручьев и притоков, из малых и

больших рек. Даже камень, брошенный властной рукой, имеет призвание, независимое от воли бросающего, он пронизан всемирной силою тяготения, которая велит ему в конце концов *пасть*. Жизнь так же *стремится* себя познать, даже если ее частности ни к чему не стремятся,

Река течет в океан, Камни падают. Жизнь и литература имеют призвание!

И я наконец его узнал: главное призвание – *положительный герой, оправдывающий жизнь*, тот крючок на стене между двумя мирами, на который мы можем повесить наши ценности бытия, наши оправдания мира и жизни. И так как этот герой есть, то и Иисус Христос и апостол Павел *не правы* – дело даже не в том, будет ли воскресение после смерти и грядущее прозябание наше в бестелесном облике в мире, в котором ни женятся, ни выходят замуж, – а в том, что *отрицание земной жизни и любви к женщине*, которое и является завкаской и фабулой «*романа о пришествии Христа*» – *неверно и несправедливо*. *Положительный герой* существует как отдельный или как собрание людей – и это наши родители, друзья, родные и близкие, в том числе и те, *кто останавливается на дороге, чтобы меня подвезти*.

Второе призвание литературы в том, чтобы найти *Ключ от двери между мирами*, и он находится только через Любовь. Я подходил к этой двери – или к этому окну, – потому и знаю, что они существуют. И я не раз промокал от дождя, который идет в Инобытии (так мы все *промокаем* в сильный дождь, стоя лишь на крыльце, – нас достают *косые струи, брызги, капли...*)

Литература и жизнь. Нашел в Интернете горестные слова: «Наша земля нуждается в помощи и защите. Сибирь, Урал, многие города России уже находятся в зоне экологического бедствия. Мы не щадим себя и губим будущие поколения. Что мы оставляем им в наследство? Разграбленную территорию, заражённую на тысячелетия радиоактивными отходами землю, отравленный воздух и воду, уничтоженные леса? Россия задыхается от вони свалок и заводских выбросов: Красноярск, Челябинск, Москва и Подмосковье, Трясут мусорные волнения Троицк, Клин, Коломну, Серпухов, Тверскую, Тульскую, Калужскую области. В газете и в телевизоре Крым и Сирия, но нет ни слова о тех, кто вышел на улицу за право на здоровую жизнь. Но разве не *все мы сегодня в одной подводной лодке, которая тонет?*»

Я опускаю упреки в том, что вы безответственны, не думаете о страданиях, которые выпадут на долю всех нас из-за вашей веры в *благую власть*, которую вас усыпили, наших *близких*, – но столь далеких от нужд своих детей и России "олухов царя небесного", – но вам будет еще горше, чем мне, я не стремился ни к *стабильности*, ни к сытому благополучию, а каково будет вам, когда вы будете смотреть в глаза вашим детям? Ведь и их вам придется записать в агентов Запада, не нужны им ни прошлые, ни нынешние ваши вожди, которые «*делают ракеты и покоряют Ближний Восток!*» Вы внушили себе, что все, несогласные с режимом – из Пятой колонны, "агенты влияния", враги народа – это ведь то же самое, что в Европе сожжение ведьм или лютование по русским селам опричников с мётлами, которые сметали всё, превосходящее середину: талант, красоту, силу, смелость, *независимый взгляд* – этого было достаточно, чтобы подвергнуться казни и в Византии, и в советской «империи зла», как ее назвал "американский актер.

Бывают ли виноваты народы? Но ведь немецкий народ пошел же за Гитлером на завоевание России, чтобы превратить нас в рабов, и не достойны ли были бы немцы волочиться по азийским степям, привязанными веревками к кобылицам... *а вы что же, лучшие немцев? Нет, вы такие же* – и бедствия не замедлят придти, вы уже раздели и разоружили страну, счастливые от безумной мысли, что *ваши ракеты, привязанные к розаткам, долетят до Америки*. А кто для вас сделает эти ракеты, если вы повыгоняли из России ученых? А кто научит ученых делать ракеты, если вы изгнали из университетов и школ знающих преподавателей? Или вам хватит вашего знания арифметики – которую, впрочем, вы уже забыли?

...Но хватит распалиться, **все заплатят за всё**. *Ленивый заплатит за голод, трус за поражение, глухой к красоте и культуре заплатит за невежество и оскудение чувств...* И хотя только я сочувствую низшим, и не я ли единственный, сотканный из нитей крестьянских судеб, кто бы мог вас возвысить, научить, оправдать, *но вы и меня отвергли...* Я был вашим поэтом, учителем, пророком, и не я принесу вам зло, но оно неотвратимо придет, потому что *вы предали тех, кем надо было гордиться, и покорились сильным*. Что вы будете делать, когда вас некому будет учить? Некому будет лечить? Когда некому будет поднести к воспаленным губам чашу с водой? *Зло придет в ваш мир, и хотя збре будет тем, через кого оно придет, но и вам будет горе тоже*.

Закончилась бумага, нет чернил, не капает кровь, не удастся писать кровью, и лишь горькие строки завершают эту книгу. Я хотел стать героем, на белом коне, пред поверженными знаменами наших врагов... а вместо этого меня поведут на распятие... *может быть, вас утешит хоть это?* А то, говорите вы, все ругается, надоело, спать не даёт...

8 апреля, воскресенье. Воистину, и "а ≠ а", и жизнь сверхъестественна, и у книг своя собственная судьба. Итак, книгу я дописал, напечатал, и поехал в деревню, чтобы раздать ее тем, кому доверяю: лесорубам, спилившим березы под моим окном, грозившим рухнуть пред яростной бурей, и тем водителям, которые останавливаются на дороге, чтобы меня подвезти; и чтобы пропариться в деревенской бане *по-черному*, которую я построил сам.

Но книга моя, увы, требует, чтобы я ее еще раз переписал, и я позвонил лесорубам, пообещав привезти через три недели новый вариант, и пошел на дорогу, чтобы уехать в Питер, поднял руку, и уже проносивший мимо автомобиль резко затормозил. Молодой бабушке подарил я еще сырую (и даже еще недописанную, хотя напечатанную – разве это не мистика?!) книгу, к тому же это был день ее именин. В Акуловке уткнулся я в компьютер, один из двух предполагаемых мною читателей тронул меня за плечо – ему я радостно отдал второй незаконченный экземпляр. Мы коротко поговорили, я извинялся за то, что упреки переполняют мой текст, и он воскликнул: *Но кто, кроме безумных, не ругается сегодня, хвалит наши дороги, медицину, нашу власть и потокающий ей народ?! И я уже учу немецкий язык, чтобы съездить в Германию посмотреть, как люди живут (хотя еще совсем недавно они не были люди)...*

ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ. **Философия всемирной истории.**

В воскресенье, **9 апреля**, я проснулся в три часа ночи, сильно билось сердце. Сделал зарядку, затопил печку, дождался, пока все прогорит, в пять часов утра закрыл вьюшку и снова лег спать. Символично или нет, не знаю, но в этот день была христианская Пасха, в три часа ночи как раз Мария Магдалина пришла в пещеру, где был гроб Иисуса, и увидела его сидящим, а крышка гроба была открыта и гроб был пуст, но она Иисуса не узнала.

Писать более о христианском учении не стоит, ничего существенного к моей критике (точнее, к моему отрицанию) этого учения я не прибавлю.

Важнее напомнить, *о чем я спросил в этой книге и что смог ответить?*

Во-первых, что такое русский человек и русский народ?

Увы, *тип подлинно русского человека* выделить я не смог. Одни верно-подданны, другие легковверны, третьи порочны. Народ, состоящий из тех и других, трудно назвать личностью – но ведь должна же быть *народная личность*? Или, по крайней мере, ее ИДЕЯ? Вл. Соловьев писал: *"Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности"*. Красиво сказано, и не приложить ли сие и к отдельному человеку? Есть ли *истина человека*, один ли и тот же он в повседневности и в исключительности? Но это все равно, что спрашивать, холодно ли в Сибири? Зимой холодно, летом жарко, осенью прохладно, весной переменчиво. И посему я не решаюсь соединить множество в целое, человек *изменчив*, каждый из них *феноменален* и ноуменален, – может ли текучее быть типом? Житейские впечатления не дали мне матерьяла для кристаллизации типа, его дают литература и история. Ну, например, военнопленным предлагают вступить в армию победителя, отказывающихся обрекают на смерть. Не вмещена ли вся истина человека в эти мгновения выбора?

Мао Цзе Дун стал вождем Империи (после долгой партизанской войны), но кое что и писал, в том числе стихи. [И вчера, разбирая библиотеку покойного Саши М--а, я приговорил тома Мао на свалку, хотя и дрожала рука.] Все властители что-то писали, я читал сочинения Ленина, Сталина, Майн Кампф Гитлера, речи и статьи Мао и Кастро, написанное ими по большей части банально. Но Мао изрек некую истину, которая является ключом к философии истории: ***Винтовка рождает власть. Власть рождает Истину.***

Римский император Нерон писал драмы, ставил их в театре, играл в них главные роли, и был увенчан венком с надписью: *величайший поэт и актер всех времен и народов* (а по отзывам современников, он был бездарен). *Усатый* в день семидесятипятилетия был объявлен *"корифеем всех наук"* И отсюда следует, что хотя не только винтовка рождает власть, но что «власть рождает истину» – несомненно.

В 1940 году три будущих диктатора жили в Париже и учились в Сорбонне: Дэн Сяо Пин, Хо Ши Мин и Пол Пот, все они были участниками коммунистического движения Индокитая, дружили с некой французской девицей, и однажды заспорили о роли личности в истории. Пол Пот увлекся и заявил, что народы ничтожны, они *словно пыль при дороге*, и он это может доказать: когда он придет к власти в Камбодже, то заставит древний семимиллионный народ кхмеров довести свою численность до *миллиона избранных*.

Девушка опрометчиво над ним посмеялась (незадолго до смерти она написала «Воспоминания» и попросила прощения у кхмеров за свое легкомыслие). Пол вернулся в Камбоджу, долго воевал в партизанском движении, наконец, победил. Заняв города, в разоренной крестьянской стране он назвал виновниками бедствий народа горожан, его солдаты перебили их мотыгами. Население страны сократилось вдвое. Дядюшка Хо, который к этому времени, не жалея подданных, победил Южный Вьетнам, опомнился и ввел в Камбоджу войска, на помощь ему пришел и Дэн, который после долгих унижений под пятой Мао дождался наконец его смерти и стал просвещенным правителем Китая (будущее китайское мировое господство будет обязано именно ему, творцу "китайской особенной демократии" и экономического чуда). [Ким Ир Сен не входил в эту троицу, он учился в СССР, и *Аркаша*, с дочкой которого я дружил и с которым пил водку, научил и Кима ее пить, так что Северная Корея была воспитана нами.] Убили ли Пол Пота в джунглях Камбоджи, или он умер сам, я не знаю. Но вспоминая слова Пушкина о «мирных народах», я думаю, что Мао прав, и *власть рождает истину*, и сколько бы я не написал книг, и как бы не стал образован, никого я не вразумлю. (Я, может быть, уже давно бы окончательно разочаровался в жизни, но все таки девушки бывали от меня без ума – и это меня отчасти примиряло и с жизнью и с истиной).

*Надо вернуться к поэзии. Рано
Солнце встает уже, спать неохота.
В теле блуждает сердечная рана...
Рифм, правда, мало – исчерпана ль квота?
Надо вернуться хоть в третью – но младость.
Соль я рассыпал во сне беспричинно.
Ссоры и слезы пророчатся. Сладость
Будет с горчинкой, и небо с овчину.
Нет, я вернусь даже в детство златое!
Утро такое румяное! Небо
Блещет и в лужах, внизу, под пятою.
Соль я собрал на завалинку хлеба.*

Исповедь пора закончить. Можно еще столько же написать, но я не изменю главного: не объясню поведение человека и народа. Многие за прошедшие века становились властителями и все они были ниже великих поэтов, но именно они приравнивались народами к богам, и *рождали истину*. Значит, я избрал не тот *путь жизни*. Красавиц мне обольстить удавалось, дурнушек – нет, значит, народы *посредственны*, и только посредственные могут их обольщать.

Но есть еще **Чудо, Тайна и Авторитет**. А я ведь так и не понял (как и Достоевский), их смысл. *Может быть, в них мой последний Путь?*

В чем же дело? Почему ненависть народа – если она вдруг прорывается – направлена на *волхвов*, на бояр, но слишком редко на царя? Или это древняя память о бедствиях, которая велит что «если ... *сгрудятся малые... вокруг царя или бога... то все будет хорошо. Половину народа потеряем, полстраны или всю страну, как евреи – но или царствие божие все же наступит, или коммунизм когда-то построим... что бы ни наступило, но сгрудиться надо – вокруг царя или бога, впрочем, это одно и то же: царь и есть бог!*»

Звонил читатель «Журнала с топором», ругался, что смысл истории, смысл жизни, сущность народа и личности я не раскрыл, и нет ясной программы: что делать, как жить, кто принадлежит к пятой колонне (он, кстати, верит в царя, чего ему еще надо, чего он мои мозги треплет?)

Но надо, все же, дать своего рода **ПРОГРАММУ БЫТИЯ**, что ли?

1. Прегние истины отвергаем: православно-феодалную монархию – триста лет **ига**, причина, отставание от Европы, неспособность правящего сословия к эффективному управлению. (Хотя **18** и **19** века, под властью немецких царей, превратили Россию в Империю и достойную страну Европы, но народ был разделен: с одной стороны правящие сословия, богатые, образованные, относительно свободные, с другой – податные сословия, не свободные и не образованные. Однако, *деятельные начала жизни находили свое приложение во всех слоях общества.*), и **большевицкий социал-коммунизм**. (Непомерная цена развития, подавление всех духовных сил произрастания и *деятельных начал жизни. Террор, подавление народности, тление и зниение.*)

2. Современный дикий капитализм и режим личной власти – режим, уничтожающий **деятельные начала жизни** – отвергаем безусловно тоже.

Взамен всех этих отживших форм должна быть установлена парламентская республика, основание которой в просвещенном русском народничестве (национализме). Уничтожение авторитаризма, сменяемость власти, ответственность власти перед народом, прогрессивное налогообложение. Относительное равенство и относительное неравенство. *Референдум и институт народных трибунов как высшая форма народной власти.* Восстановление целостности русского народа (с учетом всех оговорок относительно *русскости*).

Кто будет править? В романе Достоевского «Идиот» князь Мышкин говорит о **лучших людях** (*духовной аристократии*). Эти *лучшие люди* есть и сегодня, я не буду их называть. Да и невозможно регламентировать будущую жизнь как Таблицу умножения, тем более в Романае, который пытается представить жизнь сложного человека в ее относительной полноте.

Что делать? Необходимо возрождение народа (его физического здоровья, превышения рождаемости над смертностью), возрождение культуры и образования, природы, очистка рек и источников вод, воздуха, почвы, лесов и среды обитания. Необходим *Кодекс законов, охраняющих человека и природу* и утверждающих ценность личности.

Смысл жизни состоит в том, чтобы стать образованным и культурным человеком, заботящимся о благе близких, общества, государства, духовно свободным, ответственным перед историей, памятью народа, культурой и будущим; необходимо стремиться к нравственному, интеллектуальному, художественному развитию, физическому совершенствованию.

Историю Европы формировала *одномерная истина* – вера в *царствие божие на небе* (власть христианской церкви) или вера в *царствие божие на земле* (власть коммунистического учения), человек был подчинен либо Верховному божеству, либо так называемым Объективным законам развития общества (прежде всего экономическим). Эта одномерная истина как общественно-властная категория должна быть упразднена.

Ну и хватит. Надо ли за мне за Пашу решать, как ему жить? Слава Богу, я не мессия. Я жил при двух режимах: *режиме коммунистического подавления* (грабившем страну, ее ресурсы, и бездарно их расплывшем) – хотя то малое общество, которое собиралось у меня дома раз в месяц, за двумя столами, человек около двадцати, было изумительно хорошо, какая-то *сила божественной благодати* возносила нас ввысь, и мы были счастливы; а ныне я живу при власти олигархов, и нет уже того оазиса свободных людей, не зависимых от христианства и марксизма (я не хочу сказать, что сегодня меня окружают только негодные люди – но в силу вещей, занимаясь *общественной пользой*, я растворился в обществе более обширном, и ныне мы – отдельные атомы, водорода и кислорода, не соединенные в воду, тем более в вино).

Я в пространстве, где трепет и боль.
 Где отчаянье тихо,
 Где прогоркло вино и рассыпалась соль,
 И в углу притаилось безглазое Лихо.
 Как устал я! Всё против меня.
 Всё томительно, зло и немило.
 Ни луны и ни звезд, ни печного огня,
 Словно временем жизнь мою смыло.
 Что болит во мне? Дух? Утомленная плоть?
 Или рёбра вполне уподобились клетки?
 Кто там сверху? Злой князь? Милосердный Господь?
 Указующий перст, удлинённый до плети?
 Как устал я сносить поученья и брань!
 Я – дитя всех миров. Кто меня пожалеет?
 То ли поздняя ночь, то ль безумная рань...
 И последний в золе – *чудо!* – *уголь алеет...*

Наконец-то Исповедь завершается. В конце жизни мой дед пытался построить дом в Решетах и переехать туда жить, не осилил его до конца, сруб дома пришлось продать. Я отремонтировал старый деревенский дом (не взялся за строительство нового дома), построил баню "*по черному*", работы там осталось еще немало, на этот год хватит. Издаю «Журнал с топором» и пытаюсь создать Литературный сайт. Я старый больной философ-поэт. Скоро, возможно, начнут нас всех сажать и расстреливать, и *народ сгрудится вокруг власти...* потом, если страна не распадется и не будет разделена между сильными, что-нибудь случится: но я не знаю, что Бог думает о русском народе, имеет ли он на него какие-то виды, – да и есть ли он, я уже тоже не знаю (хотя *Дух, пронизающий мир*, я ощущаю). Но мессией мне уже не хочется быть, без чуда я ни на что не способен. У Иисуса было больше способностей – но он вбил себе в голову, что должен окропить своей кровью (*Нового Завета*) мир Иудеи. Ничего хорошего из этого, как мы видим, не вышло, те же проблемы в мире и остались: *несправедливость, алчные богатые, духовное и общественное подавление*. Мою жизнь скрасило творчество, культура, любовь – но он даже любовь отверг, несчастный человек.

Восхождение на вершины. Сегодня ранним утром около дивана, на котором я спал, собралась целая толпа волхвов и муз. Вставать я не стал, а сквозь легкую дремоту переговаривался с ними. Запомнил мало – а иначе пришлось бы эту книгу выбросить и начать совсем другую – но надо передохнуть, я болен, дожить бы хоть до 29 числа, когда поеду в деревню, туда надо взять 4 экземпляра уже окончательно готовой книги.

Переписывать ее я уже не буду, и выбрасывать из нее написанное тоже не буду, мне теперь в последней части, которую я дочитываю, надо высвободить одну страницу, на ней я вешу примиряющие нас строки ...

Неустойчивое состояние. Болезнь, кризис. Смертельная болезнь.

То, что теперь с Россией, это и то и другое и третье. Что случится в конце концов, не известно, и никакая книга уже не поможет, нужен пророк, мессия, спаситель, или даже их несколько. На роль пророка я никогда не годился, мое развитие пошло по другому пути, вероятно, тоже необходимому, но не для цели спасения России. Я должен был вмести в себя *простой народ* и частично его *оправдать*. Этот народ я в себя вмещаю, даже оправдываю, тем, что я с ним разговариваю и спорю и его обличаю, но ведь половина его развратилась, спилась, растрепалась, понизилась до придорожной пыли, превратилась в люмпен-пролетариат (в городе и деревне), в **чернь**. И на этих я истратил еще больше энергии, пытаюсь их вразумить – но "*потерял я только время, благие мысли и труды*". Жаль, что из-за моих обличений многие почувствуют себя оскорбленными. Не негодуйте. Вы не видите, что из моих глаз каплют слезы? Прислушайтесь, вы услышите, как они стучат, сбегая со щек, по камню. Конечно, на камне, где я пытался сеять, ничего не растет. Я в последние месяцы много выслушал и других пророков (предсказателей, учителей, обличителей). Они говорят почти то же, что я, но есть важное различие: большинство из них в восторге и счастливы, что *Россия сучка*, и что их предсказания сбываются. Но на самом деле *Россия только дура*, или дурочка... от этого, правда, не легче, но я в восторг не прихожу...

Современная история резко отличается от истории 18-19 столетий, тогда карандаш, которым она пишется, *лежал* на столе у Бога, теперь он на этом столе стоит, причем на острие. Опрокинется, упадет, завалится под стол, никто его искать не будет, ни Бог, ни ангелы его. И я не найду... да и буду ли еще жив? И *думает ли Бог* о русском народе и о моей ничтожной личности, или не совсем ничтожной, неведомо. "*Идея нации есть то, что Бог думает о ней в вечности*" – сказал Вл. Соловьев – но это только красивые слова, ничего Бог не думает, да и есть ли он, не известно. Он, конечно, есть, но, боюсь, только как кислород в воде, то есть вода без него бы не родилась, но он думать отдельно от воды не может, *ни о народе, ни обо мне*.

Во мне вмещены и **дитя** (и я помню ощущения моего детства, я его переживаю так же, как и в семь лет) и "**юноша бледный со взором горящим**" – и я переживаю и сегодня мир так же, как позавчера. Но во мне нет энергии юности, поэтому я не смогу уже что-то сделать для спасенья России.

Есть **лучшие люди**, но если они не найдут **снадобье** или **закливание**, то Россия упадет и погибнет, никакие рациональные действия не помогут, ни партии, ни уговоры, ни переговоры, ни **голосования**, ни майданы.

Кто погубил Россию? Неумный Горбачев или пьяный Ельцин ничтожны для погубителя, возможно, это была святоша, глупая и пресная как сыть. Спасти Россию, следовательно, должна будет яркая *шлюха* или наложница. В спасителях и учителях преобладали отшельники, *старцы*, столпники ("святые, высохшие лики"), и хотя Иисус был молод, но ведь книги о нем писали уже дряхлые, что они могли хорошего написать, кроме обличенья девиц, обличенья страсти и самой жизни? Ничего кроме гроба их уже не прельщало. И хотя я не отказываюсь стать спасителем, но все же без **тайны** и **чуда** и я ничего не буду значить. Но они не в моей воле...

Так что же такое Россия, русский народ, что такое народ? *Смесь, раствор, химическое соединение?* Я ищу термин, огораживающий разнородное – ибо пока не появится цельность, народ не станет народом. Вода, соединяющая кислород и водород, слишком пресна, к тому же она отменила в себе все свои источники, народ – это **вино**, в котором spiritus, дух (*лучшие люди* Достоевского, духовная аристократия), и **вода**: крестьяне, рабочие, воры, чиновники... и так далее... Опьяняет только spiritus, дух, поэтому, если избрание власти подобно опьянению, то опьяняться водою безрассудно, посему *надо сузить множество тех, кого можно допустить к избранию власти*. Однако, надо оставить и воду, без нее нет и вина – если только не ограничиться употреблением чистого спирта – а как же тогда *аромат, букет, легкость опьянения, ухаживания, предвкушения?* Даже **любовь – это вино**, но вовсе не spiritus. Так и народ – смесь или раствор, как и всё, с чем имеет дело жизнь, это смеси, созидающие новую цельность). Но *Россия*, увы, *прогоркла*. (Много волхвы мне наговорили, но уже высохло все, что я успел излить на бумагу.)

25 апреля 18. Высвободить страничку для подведения совсем окончательных итогов мне не удалось, впереди еще несколько страниц о любви, а здесь, не на самом заборе, огораживающем книгу, а перед забором, где растут дикие цветы и даже крапива, я напишу то, что взбредет в голову. Еще раз перечитывать свою книгу я не буду, но что-то в ней все же важное есть. С народом я не помирился, но я выкипел, на кипение больше не осталось воды и я ругаться больше не буду. Если *мир прост*, лишь взаимодействии сил, как в механике, то и от меня ничего не зависит, и от наших лучших людей, разных там Шульгиных и Милоуковых, дааже Разумников, Розановых, и даже Гучкова и Вернадского (а с ними еще и Корнилова). А у нас тем более какие силы? Но если мир *не прост* (а я уже в этом не уверен, тем более что в трагические минуты не ангелы божии поворачивали историю, а князь Курбский, князь Пожарский, фельдмаршал Кутузов, чуть-чуть не повернули Корнилов и Колчак – когда и где нашим отцам кто-то помог с неба?) – но если все же мир не прост, то мы еще найдем Исход и Выход, лучшие люди нынешнего подлого времени. Может быть, найдем и новые слова, задевающие сердца, не унижаясь до заманивания народа (какой бы народ не был сегодня дурной, но все же он не проститутка, чтобы его заманить деньгами). *Найдем слова. Они будут и обличающие и поднимающие.*

Странно думать, что еще, может быть, и я кого-то сумею оболстить... но кого же мне еще пытаться оболщать, кроме моего безумного и непостижимого народа с женской душой?

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

СЦЕНЫ НЕПРАВЕДНОЙ ЖИЗНИ

*Взгляните – декабрь не сошел ли с ума?
То ветер, то дождь вперемежку со снегом.
Привычная к стуже земная зима
Целуется с талым пьянеющим небом.
Продлите ж, прошу вас, последний глоток!
Горячие губы – края у бокала!
Один поцелуй – и октаэдр строк –
Как много для счастья! Как, Господи, мало!*

Взаимно-однозначное соответствие

Семнадцатого января 196.. года я летел из Ленинграда в Ростов. В аэропорту меня проводил товарищ и, помахав взлетевшему самолету, отправил телеграмму встречающим, что я уже в небе.

Уже подлетали к Ростову, но аэропорт нас не принял, и мы полетели к Нальчику, потом покружили еще над двумя аэродромами и отправились назад. Но Ленинград радировал, что и он нас не примет, мы сели во Внукове в Москве. Поголковавшись немного в зале ожидания, я понял, что здесь ничего нам не светит, сдал билет и уехал в Москву на Курский вокзал. Двери вокзала были открыты, но попасть в вокзал было сложно, к тому же я был человеком не крупной комплекции, хотя и не слабый. Не унывая, я решил вернуться во Внуково на последней электричке, была не то пятница, не то суббота, все уже разъехались по домам, в вагоне народу было немного и я спокойно переглядывался с зеленоглазой шатенкой, такой милой, нежной, уютной и домашней, что даже ее красота растворялась в этой домашности – хотя она была изумительно красива, обволакивающей красотой, в которой хотелось раствориться и перестать существовать самостоятельно. Я на нее смотрел и все время улыбался.

Наконец я набрался смелости и сел около нее, мне надо было узнать, доеду ли я до Внукова и когда. Оказалось, нам через 15 минут выходить, она тоже ехала до Внукова, но она жила около станции, а мне надо было идти по зимней дороге еще пять километров. Оказалось, что она учится на 3-м курсе Мехмата в университете, я окончил Матмех и уже преподаю математику первокурсникам. Общая профессия нас мгновенно расположила друг к другу. Когда мы вышли, было около полуночи, небо сияло от звездного пожара, было морозно, но мы оба были молоды и горячи, по крайней мере снег скрипел радостно, и лица не приходилось закрывать варежками.

Ирина предложила зайти к ней и выпить горячего чая, прежде чем мне отправиться в аэропорт, тем более что жила она в собственной комнате в коммунальной квартире, правда, с вредными соседями.

На крыльце она предложила задержаться и обсудить условия вторжения, как она сказала, в ее крепость. Мы разговаривали почему-то шопотом, но ее переполнял восторг, который звенел даже в шопоте.

– У меня такое чувство, – сказала она, – что это мое первое настоящее любовное свидание. И даже если мы больше никогда не встретимся – а мне представилось, что ты будто уезжаешь утром на войну, – все равно эта ночь продлится столько же, сколько целая жизнь. Ты помнишь примеры *взаимно-однозначного соответствия*? Если точки числовой оси от нуля до бесконечности поставить в соответствие точкам конечного отрезка $(0, 1)$, символически изображающим ночь, так что нуль будет соответствовать полуночи, вот она как раз прошла, а единица будет соответствовать утру, по формуле $G = 1 / (1 - x)$, где x будет произвольная точка ночи, от 0 до 1, то есть от полуночи до утра, а G – точка жизни, то по мере приближения к утру мы будем приближаться к бесконечности. Так как бесконечность никогда не наступает, то и утро никогда не начнется, следовательно, ночь никогда не закончится. Так что даже если у нас с тобой будет всего одна ночь, то это то же самое, что целая жизнь. Ты все понял?

– Я все понял, – так же звенящим шопотом ответил я.

В коридоре мы не включали света, чтобы не разбудить соседей, и мне даже пришлось снять ботинки и идти за Ириной наощупь, время от времени натываясь на ее спину. Так как пальто она оставила на вешалке, то я, прикасаясь к ней, обжигал пальцы.

В комнате свет мы уже включили, включили электрический чайник и она достала стаканы и бутылку вина. Затем я торжественно ей поклонился, что отдаю ей себя на эту ночь в рабство, потому что мы, мужчины, всегда стремимся властвовать над бедными женщинами, а им удается нами властвовать редко. – *Ты ведь хочешь, чтобы я чувствовала себя на седьмом небе?*

Конечно, я этого хотел, к тому же я всегда подчинялся женщинам и никогда не стремился их себе подчинять.

...Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Эта моя книга, которую я назвал **Исповедью** (вместо **проповеди**), оказалась слишком сердитой, подчас даже злой, я негодовал на народ, хотя и справедливо, но как то безжалостно. С моими товарищами, прочитавшими книгу в черновике, я осуждал мою мизантропию, и поэтому решил на последних страницах написать про любовь, про тот легкий теплый ветер, который вдруг в последние два дня в середине апреля начал поднимать меня от земли к небу и наполнять потихоньку легким восторгом, против всех обстоятельств нашей русской жизни, и общественной и даже моей личной, из-за болезни несколько приунывшей.

Вот поэтому я решил, что закончу злую книгу словами, которые рождает очарование любви, и не буду пока никого проклинать и ни для кого не буду требовать *ни вара ни смолы*...

...Но вернемся в жаркую комнату морозной февральской ночью. Кровать была только одна, и только два стула, да и нечего было постелить на пол, поэтому я перестал спорить и мы легли вместе в душистую девичью постель и провалились в шквал поцелуев, в котором почему-то и плакали и смеялись.

Утром я дошел до аэропорта очень кстати, наш самолет вдруг отправили в рейс. И хотя я свой билет уже сдал, но стюардессы меня успели запомнить и впустили без билета (ах, и что же это было за время!), да нас осталось всего несколько человек, куда-то остальные пропали. Природа бушевала. В Харькове мы пытались упасть, но все же сели, и всей компанией целую ночь пропьянствовали в ресторане, оттуда потом до Ростова я ехал целые сутки поездом. Меня уже там чуть было не похоронили...

... Первый бокал вина с Ириной я пил за то, что исполнил ее два желания, ни одно из них я не исполнил. Через месяц после нашей *ночи, равной жизни*, я позвонил ей, как обещал, оказалось... начал писать, но заплакал ... Жизнь моя удивительна, и она продолжается. Но я хочу вместить в нее и тех, кого нет.

Увы, сумбурную книгу я написал (*вместо музыки*), но изменить ее не смогу. Может быть, потом напишу другую, но пока лучше поставить в ней точку. Странное чувство, что жил я среди прекрасных людей, и мы друг друга любили, но жил я в чужой стране, которую словно волоком пытался куда-то вытащить – и ничего мне не удалось. Чужим мне был коммунистический мир, коммунистически-православный, и уж тем более либерально-масонский. А сам-то я не чужой ли этому миру *новых русских*? О нем ли мечтал? И кто из нас русский, они или я? **15.04.18, полночь.**

21 апреля 18. По-видимому, в основании всех моих недоразумений, связанных с этой книгой, лежит одна важная ошибка, проистекающая из того, что я вочеловечился слишком, и стал не только народен, но и простонароден, стал и ребенком – поэтому дети любят со мной разговаривать, отчасти женщиной – и с девушками до сих пор удается завязывать разговор – вот и вчера, в поликлинике, заговорил с соседкой, и даже сознался, что отчасти к ней «пристаю», но тут еще одна взрослая начала горячо защищать разбойничью власть, мол в девяностые годы мы чуть совсем не пропали... В этом и заключена трагическая причина всей нашей несправедности в отношении к миру, возразил я ей. ЗЛО не потому добро, что бывает зло еще худшее, так мы и лукавого *правителя* произведем в святые, противопоставляя ему тирана – но в оценке зла надо исходить из его сравнения с добром. Нынешнее государство является **злом**, потому что народ вымирает, образование и культура деградируют, Россия разорвется, хотя при Гитлере было несомненно хуже. При Гитлере мы бы погибли, потому и надо было ему сопротивляться, но и при нынешней власти мы погибнем тоже, и даже пусть не погибнем, пусть мы будем живы, боля – но всякий, доказывающий мне, что надо благодарить за возможность жизни медленно умирая в грязном холодном каземате – мой враг. Надо сопротивляться смерти, но надо сопротивляться и болезни. Смерть – зло. Но и болезнь – зло. *И не всегда болезнь зло меньшее, чем смерть, бывает она часто и бóльшим злом.*

Но вот в чем моя ошибка. Я с детьми умею разговаривать, но не рассказываю им теорем о полноте ряда вещественных чисел или о решении уравнений, с ними обращаюсь я к математикам, и о Достоевском говорю с теми, кто его читал хотя бы отчасти – зачем же с критикой Капитала и Нового Завета обращаюсь я к обывателям, людям часто превосходным, но даже не знающим понаслышке, о чем там в Капитале написано? С ними ведь тоже есть о чем говорить, о рыбалке, погоде, природе – но Исповедь я должен обратить лишь к философам, историкам и богословам, преподавателям в крайнем случае школы, они хоть умеют учить школьников, разбираются почти во всем, пусть понемногу. В чем разбирается архитектор? Конечно, он больше меня знает об архитектурных стилях, о грунте, фундаменте, мраморе и отделке зданий, об их осадке... а я к нему с Аристотелем, о котором он даже не слышал!

Многое в суждениях обывателя связано с упадком школьного образования: он нечистен, у него были невежественные учителя, затхлые учебники, плохая школьная библиотека, пьяница-отец. Детям крестьян их родители внушали, что надо учиться, а пролетарии к образованию относились плохо, как и к «книжникам», которых они в свое время всех истребили. «Россию и Европу» в 19-м столетии Страхов издал тиражом в 1400 экземпляров, а я ее переиздал в 14 тысяч, конечно, столько читателей у нее найтись не могло. И моя книга должна быть обращена к немногим, не то чтобы эти лучше тех, но ведь и я Дарвина, которого читает моя жена, читал только раз.

Так и с любовью к Сталину одно недоразумение. Какие-то оголтелые всё стараются подогреть к нему интерес, а нормальный человек смутно помнит из истории что-то за последние 25 лет, а со смерти Сталина прошло уже более полувека, он слышал, от деда, что они ходили в атаку «... за Сталина» и победили, потом он создал атомную бомбу, и мы жили в империи, владели полумиром... Теперь стоим на коленях, якобы *этот* пытается нас с них поднять. Не для такого обывателя я пишу, и что я к нему пристаю с обличениями? Мировоззрение можно лишь *навязать*, загнать всех в Днепр, как Владимир, обстричь всем, как Петр, бороды, расстрелять каждого второго, как Троцкий. А чтобы *привить* убеждения, надо всех заново посадить за парту и *учить 50 лет!* Тогда и появится некоторый смысл в нашем споре. А до этого – найдется у меня семь читателей – и то слава Богу!

ВОССТАНИЕ

Не так ли ты над самой **бездной**,
На высоте **уздой железной**.
Россию вздернул на дыбы?

Болезнь и усталость с одной стороны, окружающее общество (из превосходящих людей, но тоже уставших, присевших на пригорке передохнуть, прежде чем продолжить трудный путь) заставили меня остановиться и оглядеться, многое увидеть иными, более спокойными глазами, для общей пользы и пользы моего романа, а во многом сдаться, уступить, присесть на телегу медленного обоза житейской рутины. Хватит злиться, хватит обличать народ, и сам не во всем хорош, и люди не так плохи, как ты их представил, примиришься больше с жизнью, рассмотри, так ли виноваты люди в том, что **не всё хорошо**?! И я огляделся, и сдался: правительство дурно, но не народ его выбирает; рожать бабы перестали, но в деревне детей кормить нечем, потому что работы нет, а в городе или квартиры нет, или детского сада, да и не растет даже трава в заасфальтированном городе, не то что цветы, коими считаются дети!

Пиши про любовь! – сказал мне внутренний голос. Я и написал.

Пойми, из-за чего этот миф о Сталине в дурном народе – он сам чувствует, что во всем дурен, но у него сил нет взяться за ум, и он мечтает о властной руке, которая бы его самого заставила образумиться, стать лучше, и ты сам понимаешь, что без *справедливой и умной деспотической руки* (конечно, не руки конопатоного бандита) ничего хорошего в стране не будет, окончательно истлеет и загниет, народ это понимает стихийно тоже, но еще услужливые негодяи ему этого большевистского негодяя плещут и плещут – чего ты еще от народа хочешь? Возьми власть в свои руки, в конце концов, или найди умных, *умеющих Россию вздернуть на дыбы*, властной рукой и народ направьте к истине и справедливости, вплоть до того, как Петр стрельцов и Тарас Бульба своего непутёвого сына Ондрия – время уговоров кончилось, да, идет война, исподволь, против ума и характера, идет зараза, тиф или холера, или чума, и эта чума во всех мозгах... Народ не сядет за парту, не впряжется по доброй воле в плуг, не побежит в атаку на пулемет – а все это необходимо, чтобы спасти страну. Поэтому книгу пиши для тех, кто ее в состоянии прочитать, не раздражаясь на тех, кто читать разучился, а этих – да, этих потом посадишь за парту, этим розги, горох, крапива, даже, может быть, снова крепостное право! А разве "не крепостное право" царствовало, когда будущего Вагнера отец усаживал властной рукою за пианино, да и тебя самого, читатель, учительница ставила в угол за невыученные стихи, а отец снимал ремень, чтобы выпороть? России нужна сегодня сильная, но разумная власть – но, самое главное, власть эта должна быть абсолютно справедливой, *беспощадной к ворам и казнокрадам*, опирающейся на людей, поставивших себя на службу Родине! Никого из тех, кто был хотя бы знаком с властителями предыдущего столетия, кто хотя бы одним воздухом с ними дышал, кто имел знакомых среди коммунистов, либералов, космополитов, чекистов, агентов Запада или среди воровской российской банды чиновников и аллигархов! Своего рода **новое монашество** вкупе с **новым русским народничеством**! И русский Бог!

«Народ историю не делает. И не он виноват в назначениях царей и цариц» – перелистывая страницы, я у себя прочитал. Но тогда я вправе спросить: «Если нельзя говорить об ответственности народа за русскую историю, если от него ничего не зависит, то какого черта он претендует на место в истории, бросает какие-то листочки в какие-то урны, рвет глотку то за царя Бориса, то за нового Владимира Мономаха, не помнит и не знает ничего из русской истории, все перевирает, ничего в России не любит, русских песен не поет, но спорит с поэтами и философами, защищает почему-то самых бездарных правителей, и оправдывает всякое зло, вырастающее на пепелище, оправдывая и возвеличивая его за то, что предыдущее зло было хуже?»

Я ему говорю, что русский народ вымирает, а он умиленно мне в ответ: *но зато теперь мы едим каждый день, а при царе Борисе не ели!*

Вот в чем трагедия моей книги и моей жизни: я ведь и сам родился среди чертополоха, среди не умеющих читать – правда, *какие песни и как они пели!* – *их песни оправдывали всё!* – и я единственный среди писателей, который пытается разговаривать с народом; я его обличаю, потому что ищу ему оправдание. Разговаривал ли Пушкин с *чернью*, которой велел *судить не свыше сапога?* Нет, даже Мережковский и Иванов-Разумник не разговаривали с *мещанством*, которое обличали. Никто не вочеловечился, как я, все были отгорожены от простонародья, я с ним единственный в одной загородке, в общей камере размером три на четыре, в которой нас было 16 человек, три четверти квадратного метра на человека, или полтора куба. Но продолжаю обличать. Ныне даже среди простонародья появились новые верующие, зыскующие царствия небесного – и все они говорят о любви к Богу и о любви к ближнему, о зарплате и пенсии (как при усатом «было время, и цены снижали»), и они любили за это усатого, а тогда даже в такой камере, в какой я сидел, стоямя размещалось по сорок человек! И мой последний упрек моему «простому народу» – он хам и безобразник, сволочь и хам, потому что не только никогда не подумал он о тех, кто заполняет наши тюрьмы – а через них проходит треть народа, – но даже в ответ на мои упреки, что важнее пенсий и зарплат экология человека, состояние российской природы, лесов и рек, и воздуха, которым мы дышим, а еще прежде, положение страдальцев, которые сидят в наших тюрьмах, их человеческие права, что **надо бороться прежде за их права, а потом уже за свои**, и грош цена вашему православию, и вашей народности, и вашему самодержавию, пока вы относитесь к несчастным, лишенным свободы, как к презренному скоту! Так же, как вы относитесь к ним, имею право и я относиться к вам – но мне жалко и тех и этих. И не думайте, что вы, *сидящие на свободе* (или стоящие на коленях), намного лучше тех, кто в тюрьме. Часто вы хуже. Вы не свободные потомки русичей, вы не вольные потомки вчерашних мещан, вы – *вольняшки*, как припечатал вас Солженицын (и за правду о вас вы его и не любите). И я перестаю разговаривать с вами, это бессмысленно, у меня собственные собеседники, из разных слоев населения, из учителей и рабочих, из мелких предпринимателей, из бывших пуган и нынешних поэтов... *Может быть, мы еще отвоюем свою родину у тех, кому вы ее продали за чечевичную похлебку сытой жизни, отвоюем без вас, вопреки вам, с помощью магии и собственного Бога.*

Над временем жизни. Общество заволновалось скандальной перепиской Страхова с Толстым по поводу Достоевского. Я Страхова люблю, и какой черт дернул его увлечься обличениями Достоевского, не знаю, возможно, причина в его православности, что-то в православных есть под-спудно плохое, что иногда проявляется чем-то неприятным и зловредным. Страхов ездил на Афон, прославлял монаха, поселившегося для достижения святости в мокрой пещере (вместо того, чтобы, как Николай Федоров, увлекшийся воскрешением людей, питаться калачиком и чаем, а плату за службу в библиотеке отдавать бедным студентам) – да и вообще христиан-ские святые достигают святости самыми бессмысленными деяниями, не приносящими никакой пользы людям, то посыпают голову пеплом, то бичуют тело бичом, то сидят на столпе, то перестают есть, то перестают говорить, то *спят во гробе*, то перестают прикасаться к ближним другого пола, то отрубают себе руку за то, что прикоснулись... (И Лев Толстой одного такого прославил в "Крейцеровой сонате"). А в то же время люди, совершающие ратные подвиги, бросающиеся на пулемет, закрывая его своим телом; или совершающие подвиги материнства, например, берущие брошенных детей на воспитание (в нашей деревне я знаю четырех таких женщин); или совершающие важные научные открытия, например, создающие *Теорию о доминанте*, как академик Ухтомский, или совершающие подвиги в работе и строительстве, как строитель мостов академик Крылов, как прекрасные архитекторы, построившие Петербург, христиан с токи зрения святости не интересуют. Вот и Страхова, возможно, дернул черт христианства обличать Достоевского. Но подлинники переписки, о которой все так шумят, я не видел, не уверен, что все это именно так и было, как говорят; я надеюсь, что и Достоевский ни в чем не виноват, и Страхов, и тем более Толстой, который в обличениях не участвовал. Слава О. сказал по этому поводу так: писателя часто его художественное воображение, особенно когда он погружен в важную работу, увлекает иногда так, что он примеряет образы своих литературных героев на себя самого и почти не в состоянии отделить воображение от действительности. Так, скорее всего, случилось и с Достоевским, и он мог говорить, например, о Свидригайлове или Ставрогине так, словно о себе. Во всяком случае, моя жена считает, что нам не следует уделять инвективам Страхова (если они были), много внимания, а к ним обоим относиться так, как всегда, то есть *читать их и почитать*.

Но сие скандальное происшествие подвигнуло меня на то, чтобы написать еще одно воспоминание о своих увлечениях прекрасными девами, и расставить там все точки, где надо, чтобы уже потомкам нечего было обо мне обсуждать (боюсь, правда, что и без этого они ничего, касающегося меня, обсуждать бы не стали, а тут уж совсем разочаруются, уж слишком я без червоточин).

Правда, меня считают человеком чуть ли не развратным, но в крайнем случае, до неприличия легкомысленным. Жаль мне совлекать с себя покрывало таинственности, лишать мою фигуру хотя бы той тайны, о которой нам нравится думать больше, чем о тайне трех карт в «Пиковой даме», тем более что я страшно люблю смотреть на красивых девушек, даже и неприлично юных, но, увы, возможно, я *блаженный*, но отнюдь не свечусь адским пламенем.

Увлечений у меня было множество, к тому же я нравился девушкам, да и увлекаться начал еще в десять лет – в общем, я не образец для подражания. Но при этом образ Дон-Жуана я все же никогда на себя не примеривал, коллекционирование предметов любовной страсти мне казалось всегда чем-то крайне отвратительным, *я и жил как дышал, и влюблялся так же*.

Как ни странно, я считаю себя человеком не только не порочным, но совершенно идеальным. Как то в августе мы с подругой две недели спали в одной постели, потому что было холодно... вот с другом мне бы это показалось чем-то неловким, а с девушкой было вполне прилично, и нашим друзьям даже в голову не приходило усмотреть в наших таких ночных "похождениях" что-то близкое к родовому (или половому) инстинкту. Завет Павла не прикасаться к женщине я исполнял неуклонно, потому что у этой особы были холодные ноги и от случайного прикосновения я вздрагивал как от ожога.

Но не ко всем я был холоден. Я ведь уже говорил, что почти совершенно вочеловечился, поэтому многие девушки меня *волновали*, как и положено. С некоторыми из них я целовался. Но... в христианском завете отчуждения полов что-то действительно есть трансцендентное, непостижимое, роковое, некая тайна, некий даже *смертный ужас*. Я знал, от чего рождаются дети, но мне казалось и страшно и стыдно даже думать об этом. Смотреть и целоваться – это было почти то же, что вместе слушать прекрасную фортепьянную сонату, но за поцелуями лежала некая граница, к которой не только прикоснуться было нельзя, но о которой было нельзя знать. Я даже взглядом боялся намекнуть на то, что я способен о чем-то таком подумать сам или что я допускаю, что *она* о существовании *этого* знает.

Переход через границу был связан с *совлечением одежд* ... здесь была какая-то таинственная метафизика, определяющая мою личность. Дело в том, что я боюсь высоты. Представим себе, что мне надо было бы подойти к обрыву и взглянуть вниз – все равно, что взглянуть в лицо смерти. Я бы не упал. Я бы умер, чтобы не допустить того, что я могу переживать падение.

Прикоснуться к одежде девушки для ее *совлечения* я не мог, как не мог заглянуть в пропасть. В моей жизни было три происшествия, которые можно было бы считать причиной вот этой своего рода *непереносимости*, но думаю, эти происшествия сами являются ее следствиями. Непереносимость – встроена в метафизику человеческого бытия (что отличает человека от животного царства), не все эту метафизику ощущают, но она существует, иначе невозможно объяснить истоки христианства. Если бы запреты его не имели оснований в человеке, они бы не нашли в нем отзвука.

Итак, происшествие первое (о двух других рассказывать не буду, достаточно одного).

Представьте себе лето в деревне, мне 15 лет, я подружился с двумя девочками чуть-чуть старше себя, мы вместе гуляли по вечерам, ходили за годами, однажды они мне сказали, что хотят предложить мне романтическое приключение, у них есть шалаш в укромном месте, где нас никто не увидит, и туда они меня повлекли. По дороге они продолжали меня будоражить откровенными намеками на райское блаженство, которое меня ожидает...

Наконец, мы туда пришли, там было не только уютно, но таинственно, и все пропитано очарованием женственности. Они мне велели закрыть глаза и начали раздеваться. ...Я совершенно уверен, что ничего особенного бы не произошло, даже и раздеться бы они не сумели, к тому же было светло – и они были дети, и я был дитя, и мы бы детьми так и остались. Но мой ангел-хранитель перепугался и прибежал к крайним мерам, и я *потерял сознание*, причем так основательно, что им пришлось меня чуть ли не нести к дому.

Следующей зимой я влюбился, никакие искушения нам не грозили, мне больше не надо было терять сознания, к тому же, ни о каких поцелуях мы тоже не думали. Познакомились мы, столкнувшись в коридоре, я бежал, а она внезапно выскочила из-за угла, мы столкнулись и чуть не расшиблись. Я ее раньше видел и уже волновался при взгляде на нее, а тут мы даже прикоснулись друг к другу и влюбились. Я учился в девятом классе, она в десятом, я даже случайно познакомился с ее подругой, все девочки в ее классе знали, что мы потеряли голову – но я боялся к ней подойти, а она при случайной встрече вспыхивала и спешила пройти мимо. Девчонки решили нам помочь, их классная руководительница была не намного их старше и примкнула к заговору, и однажды девочки устроили собрание (без мальчишек), на котором спросили ее, *да или нет?* Она опустила голову и прошептала: *да!*

Наступила весна. Я провожал ее домой, ее родные знали о том, что мы дружим, и я стал своим в их доме, к тому же предстояли выпускные экзамены, и она стала моей первой ученицей, с которой мне пришлось заниматься больше всего математикой, но отчасти и физикой. О, какие это были блаженные минуты, когда мы сидели за столом, чертили, считали, рассуждали, и она слушала мои длинные речи, в которых я отвлекался от математики и до пределов Млечного пути! Однажды погас свет. Мы подошли к печи, спустились на корточки и начали подкладывать в печь мелкие поленья, чтобы огонь разгорелся и немного осветил комнату. Когда наши пальцы соприкасались, мы на несколько мгновений замирали. Ученые нам говорят (особенно Шопенгауэр), что это инстинкт, благодаря которому происходит возобновление рода человеческого. Какие они все же бывают глупые! Инстинкт, который я называю *всемирным притяжением*, существует, и те замирания, которые происходили у нас при соприкосновениях, происходили тоже – но я уверен, что они противостояли друг другу. *Замирания* не были следствием инстинкта, потому что мы так могли замирать еще вечность, нам больше ничего не было нужно, мы даже ни разу не поцеловались. Чтобы предпологать в том, что мы переживали, *«люхоть плоти»*, надо было быть уже развращенным, и я однажды, размышляя о христианстве, понял, что это *религия развращенных людей*, не знающих, как с своей развращенностью справиться, и объявившей войну всему, что им казалось причиной тяготения полов: войну культуре, в частности, музыке, поэзии, живописи, ...

Удивительная учительница моей подруги, с которой я тоже подружился, однажды сказала мне: я только боюсь того, что ты в нее влюбишься. Ваша дружба прекрасна, но ты превосходишь наш мир, существуя *над временем жизни*, и вы никогда не станете равными, как это должно быть в любви. ...

Многое мне еще хочется рассказать, но оставим для следующей книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Поиски формы	
Предисловие	4
Поругание народа	15
Начинаю писать новую книгу	18
Часть вторая. Встречи и судьбы	
Негодная яблонька (повесть)	28
<i>Достойные</i>	46
Недостойные	59
Любовь	69
Часть третья. Исповедь и проповедь	
АНАЛИЗ И СИНТЕЗ ХРИСТИАНСТВА	
Введение	74
Гл. 1. Общий взгляд на моих современников	77
Гл. 2. Сотворение мира	82
Гл. 3. Евангелие от Розанова	88
Гл. 4. Бог или дьявол?	101
Гл. 5. Что в центре христианства?	114
Гл. 6. Что же в центре бытия?	120
Отрывки из дневника за 2017 год	133
Христианство как неотвратимое явление мировой истории	157
Часть четвертая. Оглядываясь на прошлое	
Осень в деревне	192
Зима в городе	202
Христианство как миф	211
Еще в полях белеет снег	216
Послесловие	221
Стрела времени	230
Часть пятая. Типичная русская жизнь	
Глава первая. ИСТОКИ	242
Глава вторая. Неизвестные праведники	257
Глава третья. Объяснительная Записка	266
Глава четвертая. Письма друзей.	270
Глава пятая. Оправдание	277
Часть шестая. Простые числа	
Зачем нужна математика?	281
Глава 1. Множество простых чисел	286
Глава 2. Миром правят числа	290
Глава 3. Решето просеивания	292
Глава 4. Теория вещественных чисел. Континуум	294
Математика как философия познания и жизни.	297
Часть седьмая. Призывание чуда	
Кант и Зенон	304
Миф о поэте. И другие статьи	332
Окончательные выводы	372
Призвание литературы	389
Часть восьмая. Сцены несправедливой жизни	
Взаимно-однозначное соответствие. Восстание. Над временем жизни	399

Василий Иванович Чернышев

КРУГ СЕДЬМОЙ

ИСПОВЕДЬ ПАСЫНКА ВЕКА

книга первая

ВСТРЕЧИ НА ДОРОГАХ)

(роман о неудавшемся романисте)

Подписана в печать **14 июля 2018**
Формат 60х90 1/16 **28** п. л., **408**стр.

17 x **24** = 408

Печать по требованию

«Товарищество писателей в Петербурге»

САЙТ: spb-pisатели.ru

Санкт-Петербург

2018